

ИСТОРИЯ ЛАТВИИ

XX век

ИСТОРИЯ
ЛАТВИИ
XX ВЕК

ИСТОРИЯ ЛАТВИИ

XX век

Дайна Блейере, Илгварс Бутулис,
Антонийс Зунда, Айварс Странга,
Инесис Фелдманис

JUMAVA

УДК 94 (474.3)

И 907

Издание подготовлено при финансовой поддержке Комиссии по демократии Посольства США в Латвии, Министерства иностранных дел Латвии, Посольства Латвии в Российской Федерации, Управления по делам гражданства и миграции и Государственного Фонда капитала культуры

Благодарим за содействие Институт истории Латвии, Комиссию историков Латвии и бывшего посла Латвийской Республики в Российской Федерации *Нормана Пенке*

Руководитель проекта первый секретарь Посольства Латвийской Республики в Российской Федерации *Элита Гавеле*

В книге использованы материалы Латвийского Государственного архива кинофотофонодокументов

Перевод *Жанна Эзит*

Художник *Арнис Рожжалнс*

Ответственный редактор *Илзе Фрейберга*

Научный редактор *Инесис Фелдманис*

Литературный редактор *Виктория Коллегова*

Технический редактор *Ирена Сойде*

Корректор *Ирида Миска*

Макет *Рута Вилите*

ISBN 9984 – 05 – 866 – 2

© ООО «J.L.V.», издание на русском языке, 2005

© Дайна Блейере, Илгварс Бутулис, Антониис Зунда, Айварс Странга, Инесис Фелдманис, текст, 2005

© Жанна Эзит, перевод, 2005

© Арнис Рожжалнс, художественное оформление, 2005

Двадцатое столетие в истории Латвии было периодом больших достижений, но и чрезвычайно драматических событий. За сто лет Латвия пережила несколько войн и революций, стала независимым государством, утратила свою независимость и возродилась снова. Эти события оставили глубокий след в истории народа и страны. Годы независимости в рассматриваемом периоде, были гораздо короче, чем годы господства неоднократно воцарявшихся здесь тоталитарных режимов. Оккупационные власти всеми доступными им способами пытались доказать легитимность своего присутствия в Латвии. Все это наглядно прослеживается в исторической литературе, изданной в те времена.

И как наследие минувших времен, в нашем обществе все еще бытует широко распространенное явление — отличное, а то и диаметрально противоположное понимание и оценка самых значимых для истории государства событий прошлого. Таковы последствия долгих лет советской оккупации. Советские историки, трактуя историю Латвии, всячески подчеркивали роль и значение коммунистической партии, ее заслуги, перечеркивая в то же время все положительное, достигнутое в период существования суверенной Латвии. Именно в годы коммунистического режима был сотворен миф о том, что в 1940 году в Латвии произошла социалистическая революция и она добровольно вошла в состав Советского Союза. В книгах советского периода мы не найдем ни слова об оккупации и аннексии Латвии. Совершенно иначе расценивают это в свободном мире. После восстановления независимости существующая ситуация выдвинула перед историками Латвии актуальнейшую задачу — воссоздать объективную, свободную от мифов и искажений историю страны.

В этом году исполняется пятнадцать лет со дня восстановления Латвией независимости, и это достаточно долгий срок для того, чтобы, опираясь на новейшие доступные источники и литературу, историки сумели непредвзято оценить события прошлого и взяться за выполнение стоящей перед ними задачи — честно и взвешенно написать объективную историю Латвии новейших времен. Известные профессора Латвийского университета и ученые справились с этой задачей. Перед нами современная книга о развитии государства в XX веке. Прделана важная работа, и теперь широкая общественность, академическая среда, студенты, школьники, все, кого

интересует история, смогут получить реальное представление о событиях недавнего прошлого. Предлагаемая книга даст многогранную картину минувшего. Читатель найдет в ней информацию о внутриполитических и внешнеполитических процессах, о политическом и экономическом развитии, о событиях культурной жизни.

Бесспорно, это прежде всего книга о народе Латвии и Латвийском государстве, о его судьбе на протяжении столетия. Но она отражает отнюдь не узкий взгляд руководствующихся локальными принципами латышских историков на минувшие события и процессы. Это попытка подняться над интересами одной нации, одной группы общества и объективно понять происходившее. Похвально стремление авторов дать анализ и оценку истории Латвии в тесной связи с событиями, которые происходили в это же время в Европе и в мире.

Авторы предлагаемого труда подняли и проанализировали многие замалчивавшиеся ранее непростые вопросы исторического прошлого Латвии: две оккупации — советского и нацистского режимов и их последствия, Холокост, массовые депортации, проводимые коммунистической властью, коллаборационизм, сопротивление оккупационным режимам и т. д. Заслуживает признания широкое использование исследований, проведенных Комиссией историков. В книге дана также оценка деятельности многих видных политиков и общественных деятелей рассматриваемого периода. В определенной степени работа отражает и уровень развития исторической науки Латвии новейших времен, высвечивает проблемы, которые нуждаются в дальнейшем, более углубленном и тщательном исследовании. Книга еще раз доказывает, что история и ее изучение — непрерывный процесс осознания того, что с нами произошло и почему.

Надеюсь, что труд авторского коллектива пополнит наши представления и знания об относительно недавнем прошлом страны. Думаю, книга будет интересна для читателей и в Латвии, и за ее пределами. Предлагаемый труд поможет развеять мифы и ошибочные стереотипы, приблизит нас к объективному пониманию происходившего в XX столетии.

Наша история — это не только наше прошлое, но и часть нашего будущего. Объективно оценивая минувшее, мы создадим гарантии того, что допущенные когда-то ошибки и пережитые трагедии никогда не повторятся. Именно в этом смысл истории.

Вайра Вике-Фрейберга
Президент Латвии

Чтобы подчеркнуть правильность и значение своих решений политики, как правило, называют их «историческими». Есть «исторические» вызовы, ответственность и задачи. Последний раз определение «историчности» у нас в политических речах широко применялось, когда в 2004 году Латвия стала страной-членом Европейского Союза и НАТО. Поднятие флага Латвии в Брюсселе у многих — у меня в том числе — создавало ощущение, что Латвия, наконец, смогла преодолеть наследие XX века. Укрепилась уверенность, что Латвийские «исторические» вопросы» решены.

Многим в современной Латвии становится все более скучно. Чем стабильнее государство, тем меньшими становятся ежедневные политические проблемы — например, в британском парламенте часами делятся дебаты о статистике опозданий рейсов поездов. И Латвия стабилизируется как открытая демократия западного образца. Если смотреть глобально, мы уже не являемся мировым «проблемным регионом» — поэтому решаемые в латвийской политике вопросы уже не наделены таким стратегическим значением как обеспечение государственной независимости. Достижение больших целей заставляет нашу внешнюю политику и дипломатическую службу работать в другом режиме, намного больше делая акцент на защите национальных интересов в очень конкретных решениях — в Совете Европы, Европейской Комиссии и Парламенте, НАТО, ОБСЕ, ОЭКР и в других организациях.

В связи с этим в Латвии историческая ситуация изменилась. Мы уже не пловец или даже тонущий за бортом, а один из капитанов на мостике. Мы «внутри», а не «вне». Мы получили опыт, успешно преодолев путь от советской централизованной экономики к рыночной экономике, от закрытого общества к открытому обществу и из оккупационного гнета к национальной государственности. Эти фундаментальные изменения в нашем государстве произошли при полном уважении прав человека и политических свобод, несмотря на то, что оставленное оккупацией наследие в обществе очень тяжелое. Мы можем служить, как говорят англичане, успешным *case study*, чтобы помочь осуществлению демократических реформ тем государствам в мире, которым по тем или иным причинам это до сих пор не удавалось или не была дана такая возможность. В свою

очередь нам в Латвии, несмотря на представление о разрешении «исторических проблем», нельзя забывать, что рабочие задачи этим не заканчиваются. Латвия должна стать экономически процветающей и состоятельной, пусть и географически небольшой, но политически влиятельной в мире страной. В конце концов — как бы теоретики ни пытались внушить противоположное, — «исторический конец» не близок.

Артис Пабрикс

Министр иностранных дел Латвии

СОДЕРЖАНИЕ

Президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга	5
Министр иностранных дел Латвии Артис Пабрикс	7
Введение	11
1. ИСТОРИЯ ЛАТВИИ ДО XX СТОЛЕТИЯ	17
2. ЛАТВИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1900–1918)	35
2.1. Социально-экономическое развитие	35
2.2. Внутриполитическое развитие	52
2.3. Латвия в годы Первой мировой войны	70
2.4. Образование и культура	89
3. ЛАТВИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА (1918–1940)	108
3.1. Провозглашение независимости	108
3.2. Освободительная война и международное признание Латвии	120
3.3. Конституционное становление	135
3.4. Внутриполитическое развитие в период парламентарной демократии. 1920–1934	149
3.5. Политическая система и идеология «Латвии 15 мая»	161
3.6. Основные проблемы внешней политики	172
3.7. Экономическое и социальное развитие	185
3.8. Национальная политика и национальные меньшинства	200
3.9. Образование и культура	212
4. ОККУПАЦИЯ ЛАТВИИ И ВКЛЮЧЕНИЕ ЕЕ В СОСТАВ СССР (1940–1941)	231
4.1. Гибель государства	231
4.2. Аннексия	234
4.3. Режим оккупации	236

5. ЛАТВИЯ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1945)	249
5.1. Оккупационный режим Германии и его планы в Латвии	249
5.2. Репрессивная система. Холокост	260
5.3. Военная политика. Латышский добровольный легион СС	269
5.4. Сопrotивление нацистской оккупации	278
5.5. Экономическая политика	287
5.6. Культурная политика	295
6. ЛАТВИЯ В СОСТАВЕ СССР (1945–1990)	306
6.1. Повторная оккупация и советизация Латвии	306
6.2. Репрессии	326
6.3. Сопrotивление советскому режиму	339
6.4. Развитие народного хозяйства	348
6.5. Национал-коммунизм в Латвии	369
6.6. Культура, образование, наука, религия	379
6.7. Миграция: демографические и этнические изменения	390
6.8. Восстановление государственной независимости	395
7. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И УКРЕПЛЕНИЕ ЕЕ НЕЗАВИСИМОСТИ (1991–2004)	411
7.1. Восстановление государственной независимости Латвии и международное признание. Формирование конституционной системы	411
7.2. Внутрtpолитическое развитие	425
7.3. Внешняя политика и политика безопасности	435
7.4. Экономическое и социальное развитие	450
7.5. Образование, культура, спорт	455
Заключение	461
Указатель имен	465

ВВЕДЕНИЕ

На многих этапах история Латвии определялась географическим положением страны в регионе, где в течение столетий непрерывно сталкивались интересы стран-агрессоров. В результате геополитическое положение Латвии долгое время не благоприятствовало национальному развитию местного населения. В XIII столетии народы, населявшие территорию Латвии, утратили возможность продолжать формирование своей государственности, так как потерпели поражение в борьбе с немецкими крестоносцами. Территория Латвии (и Эстонии) была включена в созданную завоевателями конфедерацию малых ливонских государств, существовавшую до 60-х годов XVI столетия. После распада Ливонии и многочисленных войн между могущественными государствами за влияние и господство в Балтии населенные латышами земли оказывались под влиянием различных немецких государств (Дании, Польши-Литвы, Швеции). И, наконец, в XVIII столетии вся территория Латвии постепенно, в четыре этапа была присоединена к Российской империи.

После того, как население Латвии оказалось под властью чужеземцев, оно подверглось влиянию ряда противоречивых процессов: на Ливонском этапе в Латвии господствовали немецкие помещики, и латышские крестьяне попали в крепостную зависимость, однако население Латвии, с другой стороны, оказалось в сфере влияния европейской культуры и шел процесс приближения к европейскому уровню в экономике. В последней фазе существования Ливонии начался и процесс формирования единого латышского народа, который завершился в последующие два столетия. В сложной исторической ситуации латышам как народу удалось сохранить, а позднее и укрепить свою национальную идентичность. С середины XIX столетия существенную роль в формировании национального самосознания латышского народа играла национальная интеллигенция. Однако только в начале следующего столетия возникли первые замыслы создания независимого Латвийского государства и появилась возможность претворить их в жизнь.

История Латвии XX столетия необычно переменчива, пронизана отрицающими и прерывающими предыдущее развитие словами хода

развития, многими достижениями и трагическими испытаниями. Латвия была независимой, затем утратила и вновь восстановила независимость, пережила несколько революций и оккупаций, две разрушительные мировые войны, в результате чего значительно сократилась численность ее населения. Для латышского народа XX столетие прежде всего ознаменовано борьбой за выживание в чисто дарвиновском понимании (за последние сто лет численность латышей почти не возросла) наряду с попытками сохранить латышскую нацию как общность и уберечь свою культуру. В политическом аспекте это столетие безусловно характеризуется стремлением латышей укрепить обретенную государственную независимость и освободиться от чужеземного господства. Три важнейших переломных пункта в истории Латвии XX столетия — 1918, 1940 и 1991 годы — напрямую связаны прежде всего с возникновением независимого государства, его гибелью и, наконец, возрождением. В минувшем столетии Латвия в течение 31 года была независимым государством, а 69 лет была подвластной территорией, в том числе 18 лет в начале столетия находилась в составе царской империи.

XX столетие в истории Европы и всего мира документировалось как столетие столкновения политического либерализма и тоталитаризма, завершившегося поражением тоталитаризма и окончательной победой либерализма. Латвия в контексте европейских глобальных процессов, идей и политических течений не была исключением. С 1918 года, когда Латвия обрела независимость, четверть века она была (является и сейчас) демократическим государством, а в течение целых 57 лет в Латвии господствовали диктатуры различного типа. Шесть лет существовала сравнительно щадящая национальная диктатура (авторитарный режим К. Улманиса), а более полувека — репрессивные диктатуры государств, оккупировавших Латвию (СССР и нацистской Германии), что сопровождалось огромными человеческими жертвами. Жертвами Холокоста стали почти все проживавшие в Латвии евреи, а советский режим подверг репрессиям, вплоть до геноцида, отдельные политические и социальные группы населения Латвии. Во время первой и второй советской оккупации, которые продолжались в течение 47 лет, в Латвии были размещены значительные воинские соединения и происходил целенаправленный приток сотен тысяч человек (иммигрантов) из других республик СССР. В судьбе жителей Латвии произошел трагический и чрезвычайно опасный виток. Они были оторваны от европейской цивилизации, стали объектом социалистического эксперимента, подверглись русификации, их столкнули на путь отсталости и недостойного человека существования.

И поскольку в XX веке политически Латвия была подчинена Востоку —

России, экономическая структура страны в огромной степени складывалась под ее влиянием, сказывались и социальная отсталость, и сложная ситуация в сфере национальных отношений. На протяжении всего столетия перед Латвией возникали многочисленные приоритетные варианты развития: мост — транзит, экспорт продукции сельского хозяйства или промышленности, советская экономическая система. Первая модель казалась чрезвычайно заманчивой в годы освободительной борьбы в начале 20-х годов и после восстановления независимости в 90-е годы. Латвия надеялась стать мостом между Россией и Западом и получить легкую и быструю прибыль. Но ни тогда, ни сейчас этот вариант не стал наиболее оптимальным и приемлемым. С 1923 года, когда Россия своей политикой обособления развеяла всяческие иллюзии относительно прибыльных транзитных сделок, Латвия главный акцент сделала на сельском хозяйстве, которое на протяжении всего межвоенного периода оставалось ведущей отраслью экономики. В настоящее время роль сельского хозяйства в экономике страны не очень велика. Долгосрочная экономическая стратегия Латвии направлена на формирование благоприятной предпринимательской среды, стимулирование роста высокой добавленной стоимости товаров и услуг и постепенный переход к инновационной экономике, основанной на интенсивном использовании высоких технологий.

Успешное экономическое развитие должно стать основой для решения чрезвычайно обострившихся социальных проблем, которые в большой степени являются наследием советской эпохи. С точки зрения уровня жизни населения Латвия в 1997 году занимала 92-е место в мире, а в 2002 году — уже 53-е. За пять лет был достигнут значительный прогресс. Однако распределение доходов среди населения происходит неравномерно, по-прежнему сильна поляризация в сфере материального благополучия. В Латвии сравнительно невелик слой людей богатых и среднего достатка и относительно велико количество бедных. Согласно статистике, более половины населения живет за чертой официального прожиточного минимума. Усложняет ситуацию также несовершенная и не до конца продуманная система социальной помощи. В настоящее время латвийское государство серьезное внимание уделяет созданию системы социальной помощи, отвечающей современным требованиям, что должно способствовать эффективной интеграции населения в экономическую и социальную жизнь, а также гарантировать ему социальную защиту. Большое внимание уделяется вопросу снижения безработицы, индексации пенсий, совершенствованию системы здравоохранения и улучшению демографической ситуации.

Войдя в XXI столетие, Латвия фактически за несколько лет достигла

основной внешнеполитической цели, выдвинутой в ходе восстановления независимости, предполагавшей интеграцию страны в политические и экономические структуры западного мира, в структуры его безопасности. Весной 2004 года Латвия вступила в Европейский Союз (ЕС), стала членом Организации Североатлантического договора (НАТО), укрепив таким образом свою независимость и получив одновременно гарантии ее необратимости. Латвия заинтересована в сильной, эффективной и единой Европе, базирующейся на принципах солидарности, в Европе как союзе равноправных государств, каждое из которых сохраняет свой исторический и культурный опыт. Латвия выступает за равноправие всех стран — членов ЕС, за укрепление методов консолидации сообщества, за сохранение представительного равновесия и активного включения национальных парламентов в процессы принятия решений на уровне ЕС. Сотрудничество с государствами-членами ЕС является предпосылкой воплощения в жизнь национальных интересов Латвии и обеспечения ее экономического расцвета и резкого повышения благосостояния населения.

После вступления Латвии в НАТО и ЕС возросло значение региональных и двусторонних отношений. Латвия активно сотрудничает с государствами региона Балтийского моря, способствуя развитию региона и повышению его конкурентоспособности. Для Латвии чрезвычайно важно поддерживать дружественные отношения с Россией, политика которой по отношению к странам Балтии по-прежнему остается не особенно благоприятной и создает заметные трудности и ненужные проблемы. Латвия выступает за конструктивный диалог с Россией и на двустороннем, и на многостороннем уровне. Правовые отношения между Латвией и Россией основаны на 20 межправительственных договорах. К подписанию готовы и другие межправительственные двусторонние соглашения, в том числе договор о межгосударственной границе. Подписание его позволило бы существенно улучшить отношения между государствами и вывести уже имеющееся сотрудничество на качественно новый уровень.

* * *

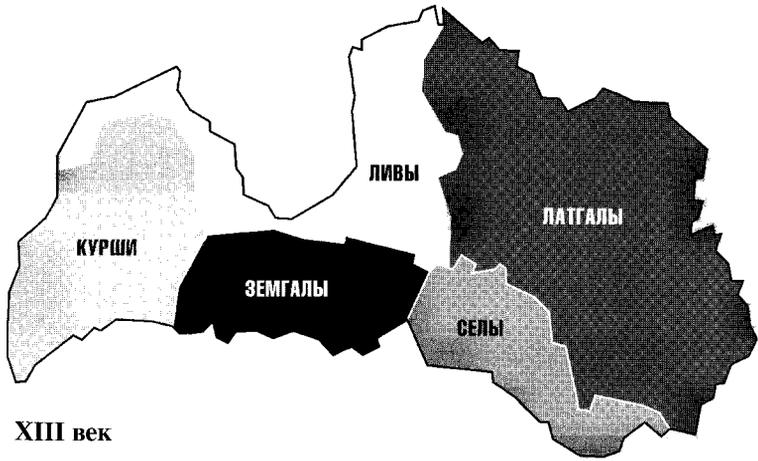
В предлагаемой книге «История Латвии: XX век», основанной на многочисленных источниках и специальной литературе, сделана попытка объективно реконструировать историческую панораму Латвии в минувшем столетии. Большое внимание уделено развенчиванию созданных нацистской и советской пропагандой мифов, им противопоставляется ясное концептуальное толкование сложных исторических коллизий и не менее сложных отдельных проблем, что должно способствовать непредвзятому пониманию истории Латвии, свободному от предрассудков и стереотипов.

Все наиболее значительные исторические факты, события, явления и процессы рассматриваются в книге в контексте европейской истории и оцениваются с точки зрения государства и народа Латвии. В то же время все важнейшие исторические события, происходившие в течение столетия, аналитически освещаются через призму национальных, демократических и либеральных ценностей.

Книга состоит из семи глав, структурированных по хронологическому принципу. Она представляет собой итог сотрудничества пяти авторов. Инесис Фелдманис (научный руководитель проекта) является автором введения, заключения, первого, второго, пятого, шестого и восьмого (за исключением раздела о евреях) параграфов третьей главы, Айварс Странга — автором четвертой главы, третьего, четвертого, седьмого параграфа, раздела о евреях восьмого параграфа и девятого параграфа третьей главы. Первая и вторая главы написаны Илгваром Бутулисом, пятая — Антониюм Зундой, автор шестой и седьмой главы — Дайна Блейере. В конце каждой главы приводится список рекомендуемой литературы.

ТЕРРИТОРИЯ ЛАТВИИ В ПЕРИОД С XIII ДО XVI ВЕКА

XIII век

До Ливонской войны

После Ливонской войны, конец XVI века

ТЕРРИТОРИЯ ЛАТВИИ В ПЕРИОД С XVII
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

1. ИСТОРИЯ ЛАТВИИ ДО XX СТОЛЕТИЯ

Территория Латвии до XIII столетия. Около 14 000 лет до нашей эры с территории нынешней Латвии начали отступать ледники, но здесь еще долгое время сохранялись условия тундровой климатической зоны. И только когда в IX тысячелетии до н. э. началось потепление, с юга в эти места пришли первые люди, сведениями об этнической принадлежности которых наука не располагает. Пришельцы занимались охотой, рыболовством, царил матриархат, собственность была общей, все распределялось поровну.

С изменением климата появились смешанные и лиственные леса, и вблизи рек и озер стали возникать людские поселения. Процесс этот в VII–IV тыс. до н. э. постоянно активизировался, поселения быстро разрастались. С IV по II тыс. до н. э. в этом регионе утвердилось эпоха неолита, или позднего каменного века. В III и II тыс. до н. э. с севера и северо-востока сюда пришли финно-угорские племена — прибалтийские финны и предки ливов. Финно-угорские племена занимались охотой, рыболовством, собирали дикорастущие растения, в обиходе была глиняная посуда. Примерно в то же время на восточном побережье Балтийского моря появились и индо-европейские племена, пришедшие с юга и юго-запада, — предки нынешних балтов. Они разводили скот, занимались земледелием, пользовались бронзовыми орудиями производства. Они знали подсечное земледелие, имели домашний скот; возникают укрепленные поселения, на смену матриархату приходит патриархат. Территория, на которой расположена нынешняя Латвия, становится контактной зоной между индоевропейскими и финно-угорскими племенами.

Постепенно здесь стали формироваться группы балтских племен — курши на западных, приморских землях, селы на левом берегу Даугавы, латгалы — на правом ее берегу, земгалы в бассейне Лиелупе. Финно-угорские-ливские племена селились на побережье Балтийского моря, на берегах Даугавы и Гауи.

Племена, населявшие побережье Балтийского моря и территорию

нынешней Латвии в IV–VIII вв., не были известны на юге Европы, письменных свидетельств о них не сохранилось, все крупнейшие события той эпохи, происходившие в Европе, их не коснулись.

Ситуация начала меняться в IX–XI веках, в так называемую «эпоху викингов». Даугава как международный торговый путь была уже известна в V веке, а теперь стала частью великого торгового пути «из варяг в греки». Это способствовало активизации торговых связей со скандинавами, набегам которых особенно подвергались курши, ливы и земгалы. Во время походов викингов военные акции и грабежи перемежались с оживленной торговлей, однако ни следов длительного подчинения, ни признаков колонизации в результате этих событий не было.

Совершали набеги главным образом готы (жители острова Готланд), шведы и датчане, в древних свидетельствах упоминается даже легендарный исландский викинг Эгилл Скаллагримсон. В свою очередь и жители Балтии, главным образом эстонцы и курши, известные в те времена как отличные мореплаватели и морские разбойники, часто совершали набеги на побережье Скандинавии и отнюдь не были пассивным объектом в отношениях со скандинавами.

Древняя Русь XI столетия также оставила свой политический и культурный след в Балтии — особенно подверглись ее влиянию латгалы, платившие дань русским княжествам. Некоторые представители латгальских старейшин под влиянием Руси приняли православие, что, в отличие от насильственно насаждавшегося в эпоху Крестовых войн католичества, носило добровольный характер. На военные походы древнерусских князей балтийские народы отвечали ответными набегами на приграничные территории Руси.

В IX–XII вв. на территории современной Латвии произошли существенные социальные и экономические перемены. В земледелии внедряется трехпольная система, появляется новая культура — рожь, из орудий труда — соха с железным сошником, серп с изогнутым лезвием.

Вокруг деревянных замков вырастают города, крестьянские и ремесленные поселения. Возникает разделение ремесел — кузнечное, ювелирное, горшечное, используется гончарный круг. С развитием торговли со Скандинавией и Киевской Русью хождение получают серебряные монеты и слитки, украшения, оружие, сабли, копья; в обмен балты предлагали янтарь, звериные шкурки, воск.

Складывается новая социальная структура. Верхнюю иерархическую ступень занимают роды вождей, военачальников, власть которых распространялась на целые области, они стояли во главе войска. Жили они в укрепленных замках и назывались *старейшинами*. Наиболее влиятельные

члены дружины, старшие в роду назывались *лабами*. Основную массу населения составляли вольные крестьяне — *люди*. К самому низшему слою населения принадлежали слуги и полурабы.

Постепенно формируется административное деление территории Латвии. Поселения объединяются в волости — административную единицу, с которой взималась дань. Волости объединялись в замковый округ, административным центром которого был замок. Несколько замковых округов объединялись в земли, центром которых был большой замок с древним городским поселением (городищем). С тех пор и сохранились до наших дней названия современных административных округов — Видземе, Курземе, Земгале, Латгале (Латгалия).

Все это свидетельствовало о том, что на этих землях возникли зачатки государственности. Хроники упоминают целый ряд небольших государственных образований в Курземе, Земгале, Латгале, называют их правителей — Ламекина и Висвалдиса, Виестурса и Намейса. И все же сегодня нет ясности в том, каков был уровень общественных и государственных отношений в землях древней Латвии. Некоторые историки полагают, что с уверенностью можно говорить о древнелатышских государствах, точно таких же, какие существовали в Европе в раннем средневековье. Другие считают, что правильнее называть их государственными образованиями, с чем согласен и автор этого раздела.

Конец XII столетия на территории нынешней Балтии ознаменовался Крестовыми походами немецкого рыцарства и немецких купцов при поддержке католической церкви, предпринятыми с целью завоевания и подчинения населения Восточной Балтии. На рубеже XII и XIII веков отдельные походы крестоносцев сменились масштабным нашествием. Основной военной силой в начале крестовых походов на территории Балтии был созданный в 1202 году Орден меченосцев. В том же году земли современных Латвии и Эстонии (Ливонии) были объявлены землями Святой девы Марии и приравнены таким образом к землям Сына Небесного в Палестине. Едва ли не главная роль в подчинении племен, живших на территории восточного побережья Балтийского моря, принадлежит епископу Альберту, талантливому политику и организатору. В 1201 году в устье Даугавы на месте существовавших поселений возник город Рига — резиденция епископа и центр, из которого велось завоевание всей Балтии.

На полное подчинение этой территории ушел весь XIII век. Сначала были покорены земли ливов, затем земли латгалов. Однако не раз крестоносцы терпели и серьезные поражения. Так, в 1236 году в битве под Сауле (очевидно, современный Шяуляй) земгалы вместе с литовцами наголову разбили отряды крестоносцев, после чего орден перестал существовать.

Позже остатки его влились в Тевтонский (Немецкий) орден в Пруссии, и на территории Балтии возникло его ответвление, получившее название Ливонского ордена.

В 1260 году при Дурбе произошло одно из крупнейших в Восточной Европе XIII века сражений. В нем отряды жемайтов (балтское племя) в союзе с отрядами куршей и эстонцев разгромили войска Ливонского ордена. Таким образом было предотвращено объединение территории Пруссии и Ливонского ордена.

В результате этой битвы литовские племена, в отличие от латышских племен, сохранили независимость. В последующие десятилетия ордену сдались, приняв христианство, курши и земгалы. В 1290 году, когда в Литву ушли десятки тысяч земгалов, уничтожив в огне последние замки, завершилась борьба латышских племен за свободу. Победу завоевателям обеспечили современное оружие, поддержка Европы и продуманный план завоевания, междоусобицы среди латышских и других балтийских племен.

Латвия в составе Ливонии. Период господства Ливонского ордена продолжался в Латвии с XIII по вторую половину XVI века. Словом «Ливония» (от названия племени ливов, по-немецки Livland) была обозначена завоеванная территория Латвии и Эстонии. В Ливонии сложилась типичная для средневековья конфедерация из пяти небольших государств, три из которых находились на территории Латвии — архиепископства Рижское и Курса и владения собственно Ливонского ордена. Номинально эти государственные образования признавали верховную власть Римского папы и императора Германии, фактически же были почти независимыми.

На территории Латвии в этот период действовали три политические силы. Прежде всего это было наиболее сильное и в военном, и в политическом отношении государство Ливонского ордена во главе с магистром, которое до XV века подчинялось магистру Тевтонского ордена.

Государство ордена конкурировало с Рижским архиепископом, чьи военные силы были намного слабее, и чисто географически раскололо архиепископат на две части.

Третьей силой был город Рига — главный политический центр Ливонии. Здесь находились резиденции архиепископа и периодически Ливонского ордена. Сама Рига в XIII столетии вошла в Ганзейский союз — объединение торговых городов Германии и переняла права города Гамбурга. Власть в Риге принадлежала городскому совету — рату. К Ганзейскому союзу, получив все права Риги, присоединились и остальные семь важнейших городов Латвии.

Главным содержанием внутренней политики Ливонии была борьба между орденом и Рижским архиепископом за влияние в Ливонии и Риге, а

также борьба городов против ордена. После разгрома Тевтонского ордена в Грюнвальдской битве в 1410 году влияние его в Риге стало формальным, и ему пришлось делить его с Рижским архиепископом — по Саласпилсскому договору 1452 года.

Политическую гегемонию ордена стала оспаривать вся Ливония, и уже с 1419 года созывался сословный представительный орган — ландтаг Ливонии. Он состоял из четырех курий, в которых представлялись верховные правители церкви и ордена, рыцарства и горожане. Ландтаг обеспечил равновесие власти между орденом и архиепископом, однако объединения Ливонии так и не произошло. В политическую борьбу были вовлечены не только папа, Германский император и магистр Тевтонского ордена, но и Дания, Литва и города Северной Германии.

На территории Латвии в ливонский период главными видами занятий были сельское хозяйство и торговля. Основой сельского хозяйства были земледельческие хозяйства. Выращивали в основном зерно, часть урожая отдавали владельцам земли — ордену, епископу или их вассалам. В XV–XVI веках в Европе стремительно вырос спрос на сельскохозяйственные продукты, росли и цены на них, поэтому зерно, лен, конопля стали выгодными экспортными товарами. Однако существовавший способ хозяйствования сдерживал экспорт так называемых «тяжелых товаров». Основными производителями сельскохозяйственной продукции становились помещичьи хозяйства, которые расширяли свои владения за счет принадлежавших крестьянам земель и активного внедрения барщины.

Рига, где купцы объединились в Большую Гильдию, самую большую прибыль получала от посредничества в торговле между Россией и Литвой, с одной стороны, и Западом — с другой. В Рижском порту регулярно загружались и разгружались суда из Ганзейских городов, Голландии и Англии. Кроме уже упомянутых товаров, на экспорт шли лес, зола, поташ, деготь. Ввозили соль, сельдь, ткани, оружие, украшения, вино, пряности. С упадком Ганзы выросла активность голландских торговцев, которые пытались проникнуть на местные рынки Ливонии.

Ремесленники Риги объединились в Малую Гильдию. И все же в Риге, как и в остальных городах ремесленничество имело лишь прикладное значение — обслуживало торговлю, производило для местных нужд продукты, одежду, ткани, орудия производства.

В XVI веке на территории Латвии жило около 400 000 человек, в Риге — примерно 12 тысяч. В городе существовали как бы два различных мира, две общины — немецкая и латышская. Священники, помещики, купцы и ремесленники составляли 5% населения города — это были немцы из Северной и Средней Германии, говорившие на средненижнемецком

наречии. Хозяйство, право, культура, самоуправление городов были идентичны северогерманским. И чисто визуально латвийские города — с их общественными зданиями, церквями, — окруженные крепостными стенами, стали напоминать немецкие города, как и поместья и приходские церкви. Серьезные социальные изменения в XV и XVI веках коснулись вассалов ордена и епископа — рыцарство, изначальной функцией которого было ведение войны. Рыцари превращаются в помещиков и становятся наиболее активной частью общества.

Латышей и немцев в Ливонии разделяли как социальный, так и политический барьеры. Большинство населения составляли крестьяне. В городах латыши принадлежали к низшим слоям населения, в торговле они могли заниматься только подсобными работами — становились весовщиками, носильщиками, грузчиками; латышей не принимали в гильдии, они не имели права создавать ремесленные цехи и приобретать недвижимость. До XV столетия крестьяне оставались относительно свободными и нередко нанимались на службу в орденские военные структуры. А часть элиты донемецкого периода — леймани и кенини — онемечились и стали вассалами.

Постепенно происходило закрепление крестьян за именьями, и уже в конце XVI века все крестьяне превратились в крепостных. Усилилась внутренняя миграция, исчезли границы между землями и началось слияние племен в единый народ — в латышей.

С началом Реформации в Германии, направленной против засилья католической церкви, идеи Мартина Лютера проникли и в Ливонию, и прежде всего в Ригу. В 20-е годы XVI столетия Рига стала центром реформатского движения. Начались церковные и монастырские раздоры и распри, изгонялось католическое духовенство. Реформация для самых ярких сторонников — рижан и вассалов ордена — была политической революцией, в результате которой они могли избавиться от власти сеньоров — Рижского архиепископа и Ливонского ордена — и стать владельцами их земель. Территория Латвии была первой землей за пределами Германии, где закрепилось лютеранство. В 1555 году Реформация победила окончательно, и ландтаг Ливонии провозгласил свободу вероисповедания. К латышским же крестьянам — в религиозном смысле — применим принцип: «Чья власть, того и религия».

В то же время Реформация послужила импульсом для развития образования и культуры. Появились первые духовные тексты на латышском языке, первые латышские лютеранские общины и первые латышские школы; в Риге была основана библиотека.

XVI век — век заката Ливонии. По соседству возникли государства с

централизованной властью, что привело к нарушению геополитического равновесия в регионе. Прямые угрозы раздавались со стороны Московской Руси, которая стремилась получить выход к Балтийскому морю. Тевтонский орден был повержен, папа и германский император уже не задавали тон в международной политике. Хозяйственный расцвет поместий и городов закрепил политическую независимость помещиков и горожан. К тому же Реформация серьезно пошатнула позиции католичества — власть теократических правителей пала.

Однако все это не только не сплотило, но еще больше раздробило Ливонию, ее политические силы. Распад ливонских земель попытался предотвратить магистр ордена Вальтер фон Плеттенберг — одна из ярчайших политических фигур того времени. Проводимая им умелая дипломатическая политика, его энергия и военные победы на полстолетия отодвинули окончательный закат Ливонии, но предотвратить его все же не сумели. Ландтаг не дал согласия на очевидно необходимую централизацию власти, как и на то, чтобы призвать магистра в правители. После смерти Плеттенберга в 1535 году политический хаос продолжал набирать силу.

В 1558 году на территорию Ливонии, намереваясь пробиться к Балтийскому морю, вторглось войско русского царя Ивана Грозного — началась Ливонская война. Местные правители обратились за помощью к Польско-Литовскому государству, чьи войска остановили российскую интервенцию. В 1559 завершился первый этап Ливонской войны, что в 1561 году привело к окончательному распаду Ливонской конфедерации, и магистр ордена, как и Рижский архиепископ и рыцарство поклялись в верности польскому королю. Большая часть территории Латвии оказалась под прямой или вассальной зависимостью Польско-Литовского государства.

В итоге в вассальную зависимость от Польско-Литовского государства попали возникшие на землях к западу от Даугавы Курземско-Земгальское (далее в тексте Курляндское) герцогство, сохранившее, однако, независимость во внутренних делах, и Пардаугавское герцогство, образованное на территории севернее Даугавы, включая южную Эстонию. Рига, в течение 20 лет имевшая статус вольного города, утратила его и в 1581 году вошла в состав Польско-Литовского государства. Небольшая территория бывшего Курземского епископства перешла к Дании.

Современная наука признает, что Ливонский период в истории Латвии следует считать как положительным, так и отрицательным фактором. Коренное население Латвии утратило свою независимость, превратилось в крепостных, однако появившиеся в это время новые технологии, письменность, проникновение традиций западноевропейской цивилизации и

искусства приблизили территорию Латвии к восприятию западной культуры.

Латвия в XVII–XVIII веках. Курляндское герцогство существовало 233 года. Население его колебалось в пределах 200 000 человек — 80% составляли латыши и ливы, 4% — немцы, остальные — поляки, евреи, русские, цыгане. Города были небольшими — в них жило всего 6% населения. Столицами герцогств были Кулдига и Елгава. Роль Елгавы особенно возросла в XVIII столетии, когда через нее проходил главный путь из новой столицы России — Санкт-Петербурга — в Западную Европу.

Герцогство было светским государством — существовала свобода вероисповедания. Конечно, Польша прилагала усилия для укрепления позиций католицизма, но доминировало здесь лютеранство. Герцог не обладал сильной властью и все, скорее, зависело от его личного авторитета. Он назначал чиновников, определял ленные владения, раздавал привилегии, однако реальной властью пользовался, в сущности, только в своем и в государственных имениях. Высшим государственным органом управления был герцогский совет, обладавший и судебными функциями. Начиная с XVII века герцог обязан был соблюдать и решения Курляндского ландтага.

Курляндское дворянство пользовалось большими привилегиями. Помещики были полными хозяевами в собственных владениях. Решения ландтага имели силу закона, которые герцог формально только утверждал. Управляли всем немцы. Здесь, как и прежде в Ливонии, существовали две общины — немецкая и латышская. Латышских крестьян устав Курземе (Курляндии) 1617 года по сути приравнял к рабам. Особенно тяжело приходилось им в частных имениях, в имениях же самого герцога обязанности крепостных были строго регламентированы.

Годами расцвета герцогства считаются годы правления герцога Якоба (Екаба) (1642–1682). Стабилизировалось внутривосточное положение, наблюдался экономический подъем. Герцог Якоб проводил политику активного меркантилизма и, используя благоприятную хозяйственную и политическую конъюнктуру в Западной Европе, активно развивал традиционные отрасли экспорта, торгуя хлебом, лесоматериалами, янтарем, воском, дегтем. Ускоренными темпами возводились мануфактуры, выпускающие железо, ткани, канаты, военные и торговые суда. Герцогство владело по тем временам большим торговым флотом. Следуя стандартам эпохи, были приобретены заморские колонии — остров Тобаго в Южной Америке и часть Гамбии в Западной Африке.

Среди историков нет единодушного мнения относительно значения периода правления герцога Якоба в истории Латвии. Некоторые его

чересчур романтизируют, другие указывают на преходящий характер его политических и экономических успехов. В XVII веке за влияние в Курляндии (Курземе) боролись в основном Польша–Литва и Швеция, но в XVIII веке ситуация радикально изменилась. Россия, завоевав в ходе Северной войны Видземе и заключив удачный династический брак — выдав племянницу Петра I Анну Иоанновну за Курляндского герцога, приобрела здесь решающее влияние. Овдовев, Анна Иоанновна в 1730 году взошла на российский престол и герцогом Курляндии в 1737 году стал ее фаворит курляндский дворянин Эрнест Бирон, недолго бывший здесь российским наместником.

XVII и XVIII века в Курляндском герцогстве отмечены большими культурными достижениями. В XVII веке немецкие пасторы, среди которых выделялись Георг Манцель и Кристофер Фюрекер, переводили религиозную литературу, сочиняли религиозные тексты и песни, совершенствовали латышское правописание, ими же была опубликована первая латышская грамматика и книга об истории латышей. Пастор XVIII века Г. Ф. Стендер вошел в историю как основоположник светской литературы на латышском языке. Тогда же стали открываться школы для латышских детей, была основана академическая гимназия в Елгаве — *Academia Petrina*, имевшая статус неполного высшего учебного заведения.

Герцоги приглашали в Елгаву художников, архитекторов, музыкантов из европейских культурных центров. При дворе герцога существовала итальянская опера, жили художники из Дрездена, Венеции и Петербурга. Рундальский замок в стиле барокко был построен выдающимся придворным архитектором Бартоломео Растрелли. Среди гостей были и известные в Европе авантюристы Джакомо Казанова и Александр Калиостро.

В 1795 году в результате последнего раздела Польши Курляндско е герцогство было присоединено к России и стало Курляндской губернией. Местное дворянство сохранило все прежние привилегии, собственность, была подтверждена полная крепостная зависимость латышских крестьян.

В Пардаугавском герцогстве польское владычество началось с подтверждения всех привилегий немецких помещиков (привилегия Сигизмунда II Августа). Позже польский король Стефан Баторий пытался ограничить их привилегии, восстановить позиции католицизма — началась контрреформация. Активно действовали иезуиты, недовольство лютеран выразилось в Календарных бунтах в Риге в 1584 году, формальным поводом для которых послужило введение нового — Григорианского календаря. Но надо отметить, что в то же время иезуиты немало сделали для просвещения латышей. В Риге в годы контрреформации была открыта

латинская школа; в 1588 году открылась первая типография на территории Латвии; начали распространяться идеи гуманизма, создавалась гуманистическая литература.

Став могучей державой, Швеция также активно включилась в борьбу за господство на восточном побережье Балтийского моря. В первые десятилетия XVIII века Швеция вела войну с Польшей. В 1621 году шведские войска под командованием Густава Адольфа заняли Ригу, а после Альтмаркского перемирия в 1629 году вся Видземе отошла к Швеции.

Видземе стала житницей Швеции, и власти были заинтересованы в том, чтобы здесь нормально развивалось сельское хозяйство и как торговый порт процветала Рига. Видземе не была включена в состав Швеции, а стала ее заморской провинцией — генерал-губернаторством. Поскольку Швеция была лютеранской страной, официальной религией в Видземе стало лютеранство. С одной стороны, шведы в принципе сохранили существующий порядок, не отменили крепостное право, хотя в самой Швеции крестьяне были свободны. С другой стороны, целый ряд хозяйственных, политических и административных мер привели к конфликтам между немецким дворянством и шведской администрацией. Дело в том, что шведские сановники и вельможи стали владельцами огромных земельных латифундий, а это затрагивало интересы немецких помещиков. Была проведена редукция имений и ревизия плугов. В ленных имениях, — а их было большинство, — местные помещики больше не считались владельцами, а только арендаторами. Так в распоряжении шведской короны оказалось три четверти сельскохозяйственных угодий. Крестьянские оброки и барщина строго фиксировались. Крестьяне имели право жаловаться администрации на самоуправство помещиков, хозяева — оставаться в собственных домах и наследовать их.

Эти меры, вкупе с заботой шведов об образовании латышских крестьян (были открыты школы для крестьянских детей) породили живучую легенду о «добрых шведских временах». В это же время немецкий пастор Эрнест Глюк перевел на латышский язык Библию.*

Первые два десятилетия XVIII века территория Видземе стала полем сражений Великой Северной войны между Россией и Швецией. Шведский король Карл XII в 1700 году разбил в бою под Ригой союзников России поляков и саксов, а в 1710 году русские войска под предводительством графа Шереметева заняли Ригу. В результате Ништадского мира 1721 года Видземе вошла в состав России и стала Видземской губернией (Лифлянд-

---

* Воспитанница Э. Глюка Марта Скавронская позднее стала женой русского царя Петра I, затем русской императрицей Екатериной I.

ская губерния). Во время Северной войны в Видземе бушевала последняя в Европе вспышка чумы, которая унесла около 60% сельского населения Видземе.

Царское правительство также признало все права немецкого дворянства, статус немецкого языка и законность решений ландтага. Вначале Россия признала, что латышские крепостные крестьяне являются абсолютной собственностью помещиков, и на протяжении почти всего XVIII столетия немецкое дворянство в Видземе пыталось доказать, что власть помещиков над крестьянами существует с времен «завоевания Ливонии». Только в 1765 году генерал-губернатор Браун рекомендовал ландтагу разработать новое аграрное законодательство.

Целый ряд представителей немецкой интеллигенции и духовенства в Видземе проповедовали идеи просвещения, выступая за естественные права латышского народа, за отмену крепостного права. Среди них следует назвать ректора Рижской Домской школы величайшего немецкого просветителя Иоганна Готфрида Гердера и Гарлиба Меркеля. В 30–40-е годы XVIII века среди латышского крестьянства распространилось движение гернгутерства, или «общин братства», проповедовавших принципы пие-тизма. Гернгутеры считали, что между человеком и Богом не должна стоять церковь, что моральные принципы заложены в самом человеке, что перед Богом все равны и человеку надо предоставить возможность свободного развития. Широкая просветительская работа гернгутеров способствовала тому, что Видземе, как и Эстония, стала самой образованной российской губернией.

Территория Латгале (Латгалии) с 1629 года стала называться Инфлянтией, или «Польской Видземе», получив статус польского воеводства. Законодательным органом Инфлянтии был сеймик, избранный из польской шляхты и представленный в Польско-Литовском Сейме шестью делегатами.

Единственным городом и административным центром воеводства был Даугавпилс. В экономике Латгале решающую роль играли имения, принадлежавшие помещикам, церквям, монастырям. Осью, на которой держалось хозяйство Латгале, была Даугава. Со временем влиятельных польских и литовских помещиков потеснили немецкие землевладельцы, которые в отличие от своих собратьев в Курземе к XVIII веку полностью ополячились.

Большинство населения были крестьяне, которые делились на барщинных и оброчных. Последние платили ренту в основном деньгами и натурой. Уровень развития сельского хозяйства в Латгале был ниже, чем в Курземе и Видземе. Чрезвычайно активно — на ниве полонизации, пропаганды

католицизма и польско-католического образования — действовали иезуиты. И хотя латгальские крестьяне с трудом поддались полонизации, тем не менее в языке и быту появились особенности, отличавшие их впоследствии от жителей Курземе и Видземе.

После первого раздела Польши в 1772 году Латгале оказалась под властью России и была присоединена к Псковской, а позднее к Витебской губернии.

Латвия в XIX столетии. На политическую историю Латвии в огромной мере оказало влияние то обстоятельство, что в начале XIX века здесь сложилась система управления, просуществовавшая почти целое столетие — так называемый «особый порядок» в Балтийских губерниях, означавший автономию и самоуправление балтийских немцев в Видземе и Курземе. В Латгале же соприкоснулись два культурно-исторических ареала Европы — католический и православный: сложным и причудливым образом здесь переплелись религиозные, национальные, политические и экономические факторы. И после того, как Латгале вошла в состав Витебской губернии, своеобразие ее по отношению к остальным латышским землям продолжало нарастать.

Дворянство Видземе и Курземе сохранило свои права и привилегии. Именитое дворянство по-прежнему могло называться «рыцарским сословием». Сохранились ландтаги и их права решающего голоса во многих вопросах.

Высшими представителями царской администрации в Балтийских губерниях был генерал-губернатор с резиденцией в Риге; в сфере хозяйственной и политической — губернаторы.

Крестьянские волнения 1802 года в Видземе и рекомендации Александра I стимулировали принятие крестьянского закона 1804 года. Новые законы регулировали барщинные работы с учетом размеров крестьянского хозяйства и его доходов; помещикам было запрещено покупать и продавать крестьян; были созданы крестьянские суды, в работе которых участвовали и сами представители крестьянства. Это был серьезный шаг на пути отмены крепостничества.

Наполеоновские войны 1812 года коснулись и Латвии. Корпус маршала Макдональда занял Курземе и стал угрожать Риге. Во время войны среди крестьян широкое распространение получили слухи о возможной отмене крепостного права, что и произошло в Курземе в 1817 году, в Видземе — в 1819 году. Законы предоставили крестьянам личную свободу и расширили их юридические права. В результате реформы усилилось свободное передвижение крестьян, были созданы органы крестьянского самоуправления — волостные управы и суды; изменился социальный

статус крестьянства — они получили фамилии и право покупать землю. Однако барщина сохранилась — вся земля по-прежнему оставалась в собственности помещиков, которые контролировали проведение реформы.

Законы, предоставившие крестьянству свободу, в 40-е годы стали причиной усиления крестьянских волнений в Видземе, многие в знак протеста переходили в православие. Это испугало и правительство, и помещиков, и была начата работа над новым законом, автором которого стал Гамилькар фон Фелькерзам. Закон предусматривал переход от барщины к денежной аренде, заключение между помещиками и крестьянами долгосрочных договоров и возможность выкупа крестьянских хозяйств.

В 1861 году отмена крепостного права коснулась и Латгале. В течение двух лет необходимо было выработать местные основные принципы взаимоотношений между помещиками и крестьянами. Латгальские крестьяне также получили право формировать собственное самоуправление. Однако в Латгале болезненно отозвалось восстание 1863 года в Польше, в результате чего усилился контроль чиновников над органами самоуправления, школами и католической церковью, был наложен запрет на использование латиницы. В Латгале раньше, чем в остальной Латвии, началась русификация.

В 60–70-е годы XIX века балто-немецкое дворянство по-прежнему сохраняло свои привилегии и стабильное положение в империи. Правда, после реформ 60–70-х годов помещики утратили полицейскую власть над крестьянством и право применять телесные наказания. К тому же реформы усовершенствовали крестьянское самоуправление, новые законы о городах ликвидировали цеховые привилегии немцев. С 1867 года судопроизводство в Курземской и Видземской губерниях велось на русском языке, вытеснив немецкий.

Развернутая русификация Балтии началась ревизией сенатора Николая Манасеина в Курземе и Видземе. Целью реформы было ограничение и ликвидация привилегий балтийских немцев. Латышские общественные деятели, надеявшиеся, что будут соблюдены национальные интересы латышей, глубоко разочаровались: реформы были откровенно русификаторскими, игнорировали национальные движения и национальную культуру. В учебных заведениях Курземе и Видземе в качестве языка обучения был введен русский язык, были заменены чиновники, критерием стали лояльность и знание русского языка.

В XIX веке существенно изменилась и социально-экономическая ситуация. В начале века в Латвии проживало 720 000 человек, в конце — почти два миллиона. Изменился и национальный состав населения: в начале столетия удельный вес латышской составлял около 90%, к концу века

он снизился до 68%. Однако абсолютное количество латышей возросло, города стали более латышскими. Значительно увеличился удельный вес других национальных групп, особенно русских и евреев — соответственно на 12% и 7%. Удельный вес горожан с 7% в начале столетия возрос до 40% в конце его. По-прежнему сохранялись слои крестьянства и помещиков. Изменился и подвергся дифференциации социальный статус крестьянства, права помещиков к концу века были урезаны. Появились новые элементы социальной структуры: крестьяне — усадьбовладельцы, сельскохозяйственные рабочие — безземельные и новая социальная группа горожан — рабочие, или пролетариат.

Стремительные изменения произошли и в сельском хозяйстве. Положительно на его развитии сказались географическое положение Латвии, продажа земли крестьянам, тесные контакты со странами Западной Европы. На протяжении столетия происходило постепенное освобождение крестьянства от крепостной зависимости, переход на денежную оплату труда, внедрение севооборота и новых сельскохозяйственных культур. Выращивание картофеля спасало деревню в годы неурожая, прибыльным стало выращивание льна. Возросла и продуктивность сельского хозяйства, развивалось животноводство.

Сельское хозяйство по-прежнему держалось на двух группах хозяйств — помещичьих и крестьянских. В 1897 году продукцией села кормилось 56 % населения, и Латвия, несмотря на бурный рост промышленности, оставалась аграрным краем.

В течение столетия огромные изменения произошли в промышленности. В 30-е годы начался настоящий промышленный бум — отмена крепостного права высвободила рабочую силу. Возникли мануфактуры, появился паровой двигатель; стремительнее других росла текстильная промышленность. В конце XIX века в городах Курземе и Видземе интенсивно развивалась тяжелая промышленность, а Рига превратилась в крупнейший промышленный центр России и всей Балтии. В Риге, Лиенае, Елгаве одно за другим возникали металлообрабатывающие и машиностроительные предприятия, происходила концентрация производства — широкое распространение получили акционерные общества с участием иностранного капитала. Роль латвийских портов — Риги, Лиенаи, Вентспилса — стала возрастать начиная с 60-х годов, когда в Латвии началось активное строительство железных дорог. Через порты шла большая часть российских товаров на экспорт — хлеб, масло, лен, лесоматериалы, ввозились машины, металл, уголь, сельдь.

В середине XIX столетия подъем наблюдался и в общественно-политической жизни Латвии — появилась молодая образованная латышская

интеллигенция, которая на студенческих вечерах, но главным образом в газете «Pēterburgas Avīzes» («Петербургская газета»), выражала свои взгляды. Развернулось широкое национальное движение, получившее название младолатышского. Этот период в истории Латвии получил название «эпохи народного пробуждения». Критикуя существующий общественно-экономический строй, признавая латышей самостоятельной национальной единицей, младолатыши пробуждали национальное самосознание, способствовали организационно-политическому становлению народа. Выдающимися младолатышами были Кришьянис Баронс, Юрис Алуанс, Кришьянис Валдемарс, Атис Кронвалдс. Последователи известных западноевропейских идейных течений, младолатыши исповедовали национализм и либерализм, что объективно вело развитие истории Латвии в демократическом направлении. И все же в условиях Балтии младолатыши не выступали последовательно за демократические преобразования, ориентируясь на эволюционный путь развития, сдержанный процесс либерализации.

В национальном отношении младолатыши отстаивали существование единого латышского народа на своей земле, в управлении которой он имеет право участвовать. Отстаивая идею латышской нации как этнической единицы, они отрицали альтернативу, предлагаемую балтийскими немцами, — формирование нации на историко-политической основе, путем слияния латышского, немецкого и эстонского элементов. Однако их требования касались только латышей Курземе и Видземе, и даже в мечтах им не грезилось самостоятельное государство.

Младолатыши выступали против насилия, за реформы и чрезвычайно важной считали просветительскую деятельность и образование. Их характеризует глубокий интерес к культуре народа, истории, языку. Возникшая в 1868 году первая латышская национальная организация — Рижское Латышское общество — всю свою деятельность основывала именно на этих идеях. 60–70-е годы в Латвии ознаменовались ростом числа газет, школ и культурных обществ.

В 70–80-е годы развивалась национальная идеология и ее атрибуты. Под влиянием национального движения в Германии, а также компенсируя отсутствие политических и социальных перемен в Видземе и Курземе, местная интеллигенция большое внимание стала уделять национальной символике и ритуалам. Массовые мероприятия, праздники песни, флаги и шествия, публичные выступления и совместные обеды, факельные шествия и парады мифологических персонажей, пантеон национальных богов и национальный эпос — все это выражало идею народа как высшую ценность и свидетельствовало об ориентации на европейскую культуру.

На практике Рижское Латышское общество выступало за передел политической власти. Главное требование заключалось в реформе самоуправления, участии латышей в городском самоуправлении, получении начального образования на латышском языке, расширении сферы применения латышского языка наряду с немецким и русским. Тактика младолатышей в их борьбе за ограничение власти балтийских немцев, ликвидации особой формы правления в Балтии и продвижения в рамках империи по пути реформ, заключалась в сотрудничестве с антинемецки настроенными кругами России. В 70-е годы перед ними стояла дилемма — либо выступить за реформирование существующего в Балтии «особого порядка», сотрудничая с либеральным крылом балтийских немцев, либо бороться за его ликвидацию и внедрение русских порядков. Руководители национального движения по разным причинам предпочли второй вариант и всеми силами поддерживали ревизию Манасейна, считая опасность русификации надуманной.

Возникла в некотором смысле парадоксальная ситуация: общественно-экономическое устройство в Латвии было гораздо ближе к западноевропейской модели, и сами младолатыши образцом государственности считали Англию и Францию, однако предпочли черно-белую модель мира славянофилов — с Россией как положительным образцом в центре. Это свидетельствовало об отрыве младолатышей от развития европейской политической мысли.

В 80-е годы движение изжило себя. Социальная дифференциация общества привела к возникновению новых социальных групп населения. В основном это были рабочие, но руководители младолатышского движения адекватно на это не реагировали. Недостаток новых идей, новых, свежих сил в руководстве привели к тому, что движение утратило свои объединительные функции и привлекательность, а национальная идея и культурно-просветительская деятельность уже не были тем стержнем, вокруг которого мог объединиться весь народ.

Историческое значение младолатышского движения трудно переоценить, поскольку оно так или иначе представляло альтернативу существующему строю, многое сделало для модернизации общества и сформировало духовные, идеологические предпосылки для возникновения латвийского государства в XX столетии.

В конце 80-х годов возникло и в 90-х активизировало свою деятельность наиболее серьезное идейно-политическое движение в Латвии XIX столетия — «Новое течение». Оно объединило молодую, демократически ориентированную латышскую интеллигенцию, в руководство которого выдвинулись Янис Плиекшанс (Райнис), Петерис Стучка, Яннис

Янсонс-Браунс, Микелис Валтерс. Новотеченцы группировались главным образом вокруг газеты «Dienas Lapa» («Ежедневный листок») (1886–1897) и легальных обществ. Своей первоочередной задачей они считали пропаганду современных социально-политических идей, которые отвечали реальной социально-экономической ситуации в Латвии. Характерно, что новотеченцы как бы вернулись в европейскую интеллектуальную среду и черпали свои идеи из богатой духовной сокровищницы Европы. Они сплотились в своего рода культурную оппозицию старым ценностям и традициям, пытались искать связи с внешним миром и европеизировать духовную жизнь. «Новое течение» было нацелено на самообразование и развитие самосознания, пропаганду положительных идей и знаний, носило ярко выраженный просветительский характер.

Пропагандируя гражданские права и парламентарное устройство, информируя о зарубежном демократическом опыте, новотеченцы фактически заложили основы демократических традиций, способствовали борьбе за демократию и демократическое государственное устройство. Выдвинув лозунг «Да здравствует рабочий!», пропагандируя газету и формируя в латышских рабочих сознание своей классовой принадлежности, «Новое течение» поддерживало рабочее движение в Латвии. В своей пропаганде новотеченцы делали акцент на социальной природе вещей, социальной справедливости и видели решение социальных проблем общества в претворении в жизнь идей социализма. Движение вело легальную, мощную пропаганду идей марксизма, опираясь на опыт немецкой социал-демократии. Фактически «Новое течение» идейно подготовило последующий успех латышской социал-демократии.

Следует сказать, что «Новое течение» было первым общественным движением в Латвии, в котором активно участвовали женщины, сторонницы идеи женской эмансипации.

С одной стороны, «Новое течение» было достаточно неорганизованным движением ищущей молодежи, со свежим, однако же, взглядом на жизнь, горением и социалистической романтикой, не склонной к политической и революционной деятельности. Возможность будущей революции они предполагали через пятьдесят лет, и национально-политический характер движению постарались придать чиновники жандармерии задним числом — уже после его разгрома.

«Новое течение» не решало и национальный вопрос, не формулировало идею о национальной автономии. И все же нельзя отрицать определенное политическое значение движения, так как оно развивало политическую культуру, оказало огромное модернизирующее влияние на все сферы духовной жизни латышей.

XIX столетие завершилось Рижским бунтом 1899 года и созданием первой социал-демократической организации — это стало провозвестником приближающейся революции, мощного рабочего движения и огромного влияния социал-демократов.

И все же Латвию, как и Балтийские губернии в целом, высшая российская администрация считала лояльной, далекой от мировых волнений и катаклизмов частью империи. Это настроение поэтически очень точно передал Райнис:

*«...Вдали, за сотни сотен миль,
За топью, за лугом, за лесом,
Лежат поля родной земли,
Укрытые синью небесной,
Пологом солнечно-ясным,
От гроз и от ветров ненастных...»**

---

* Перевод Г. Горского

Рекомендуемая литература

1. Dunsdorfs E. Latvijas vēsture, 1600–1710. — Stokholma: Daugava, 1962. — 588 lpp., 8 lp. il.: il. — Bibliogr.: 513.–530. lpp.
2. Dunsdorfs E. Latvijas vēsture, 1710–1800. — Stokholma: Daugava, 1973. — 667, [1] lpp., 14 lp. il.: il. — Bibliogr.: 601.–619. lpp.
3. Dunsdorfs E., Spekke A. Latvijas vēsture, 1500–1600. — Stokholma: Daugava, 1964. — 812 lpp., 17 lp. il.: il. — Bibliogr.: 731.–760. lpp.
4. Latvija 19. gadsimtā: vēstures apceres / LU Latvijas Vēstures inst.; G. Apals, J. Bērziņš, I. Butulis ... [u. c.]; atb. red. J. Bērziņš. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2000. — 575 lpp.: il.
5. Spekke A. Latvijas vēsture: latvju tautas likteņcīņas Eiropas krustceļos. — Rīga: Jumava, 2003. — 381, [1] lpp., 18 lp. il.: il., kartes. — Bibliogr.: 357.–[360.] lpp.
6. Šterns I. Latvijas vēsture, 1180–1290: krustakari. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2002. — 734, [1] lpp.: il., kartes + piel. 2 lp. kartes. — Bibliogr.: 650–666. lpp. — Kopsav. angļu val.: Foreword; Ancient Latvia on the eve of the crusades.
7. Šterns I. Latvijas vēsture, 1290–1500. — Rīga: Daugava, 1997. — 740, [1] lpp.: il., kartes, + piel. 1 lp. karte. — (Latvijas vēsture; 11). — Bibliogr.: 642.–657. lpp. — Kopsav. angļu val.: History of Latvia, 1290–1500.
8. Švābe A. Latvijas vēsture, 1800–1914. — Stokholma: Daugava, 1958. — 752 lpp. il.
9. Vasks A., Vaska B., Grāvere R. Latvijas aizvēsture: 8500. g. pr. Kr.–1200. g. pēc Kr.: eksperimentāls metodisks līdzeklis. — Rīga: Zvaigzne ABC, 1997. — 223, [1] lpp.: il. — Bibliogr.: 212.–216. lpp. — Kopsav. angļu val.: The prehistory of Latvia, 8500 BC–1200 AD.

2. ЛАТВИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1900–1918)

2. 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

На рубеже XIX–XX столетий население Латвии достигло 1,93 миллиона, из них латыши составляли 1,31 миллиона, или 68%. Остальные значительные национальные группы составляли русские (8%), немцы (7%) и евреи (6%). К началу Первой мировой войны население Латвии выросло почти до 2,5 миллиона. Отсутствуют данные об изменении национального состава в первые четырнадцать лет XX столетия. Миграции населения способствовали экономическое развитие и политический кризис, который перерос в революцию 1905 года. Продолжалось движение латышских колонистов в российские губернии, активные участники революции были уничтожены, сосланы или эмигрировали. В период между революцией и началом Первой мировой войны в Латвию переселились немецкие и русские колонисты, в поисках работы в Латвию прибывали большие людские массы из соседних и более отдаленных губерний.

Село и сельское хозяйство Латвии. В начале XX столетия удельный вес сельского населения в Латвии уменьшился. В конце XIX века он достиг 71%, а в 1914 году снизился до 60%. В сельском хозяйстве было занято 49% населения Латвии. По национальному составу Курземе и Видземе практически не отличались, преобладало латышское крестьянство. Иная ситуация сложилась в Латгале, где удельный вес латышских крестьян достигал 60%, русских — 28%. В Латвии насчитывалось огромное количество безземельных крестьян — почти 600 000, или 55% всего крестьянского сословия. Землевладельцам принадлежало 39% используемой в сельском хозяйстве земли, средний размер хозяйства составлял приблизительно 27 га (в европейской части России в среднем 12 га).

Латгале по способу ведения хозяйства и образу жизни имела свои отличия. Здесь, как и в России, крестьяне жили в селах и вели хозяйство

общинной. Хуторское хозяйство развивалось медленно, что сдерживало внедрение прогрессивных способов в сельское хозяйство.

Земля в Латвии принадлежала также церкви (0,9%), государству (11%) и частным владельцам, главным образом помещикам (48%). Помещиков в Латвии насчитывалось около 19–20 тысяч — балтийские немцы, поляки, русские, ополяченные балтийские немцы. В Курземе и Видземе абсолютное большинство помещиков были балтийские немцы, в Латгале же — представители трех последних групп. 1114 помещикам, или рыцарскому сословию, принадлежала большая часть находившихся в частном владении земель. Некоторые помещичьи роды владели огромными земельными площадями. Общая площадь земли 86 имений курземских баронов, — 290 000 га — превышала весь Лиенайский уезд. Каждому из 35 самых крупных помещичьих родов принадлежало до 10 000 га земли.

Имения были главными центрами хозяйственной и культурной жизни на селе, хотя роль их в XX столетии уменьшилась. В Видземе и Курземе удельный вес имений в сельскохозяйственном производстве составлял 33%. По сравнению с внутренней Россией, он был выше почти в пять раз. В Латвии насчитывалось 1254 частных имений, 225 государственных имений и 171 пасторат — всего 1650 имений. В среднем площадь сельскохозяйственной земли в имении колебалась в пределах 350–400 га. Пасторские имения были гораздо меньших размеров, имения в Латгале также были меньше.

Кроме основного хозяйства почти при каждом имении были подсобные хозяйства и производства — скотные дворы, известковые и кирпичные заводы, пивоварни и винокурни, мельницы, лесохозяйства. Основной рабочей силой в имениях были батраки.

Основным источником доходов помещиков были платежи за выкупленные и арендованные крестьянами хутора; 9/10 налогов, которые шли на содержание волостных правлений, школ, дорог, платили крестьяне. Только помещики имели право пользоваться лесом, открывать производства, за ними сохранялось право на охоту и рыболовство на крестьянских землях, право назначать приходского священника. Царская администрация защищала и существующим законопорядком юридически подтверждала неравенство прав и привилегии помещиков. Это была одна из причин социальной напряженности между крестьянством и помещиками.

Конкуренция между крестьянскими хозяйствами и поместьями в сельскохозяйственном производстве, в результате которой наметилось преимущество первых, была одной из характерных черт сельскохозяйственного производства в обозреваемый период. Поместья владели огромными площадями, но крестьяне, у которых земли было меньше, интенсивнее

ее использовали, так как удельный вес пахотной земли в крестьянских хозяйствах был несравненно выше, чем в поместьях. Поместная земля была занята лесами и залежами. В сельском хозяйстве Латвии начала формироваться современная система севооборота, увеличивались площади под клевером, развивалось травосеяние. Развитие животноводства благотворно сказывалось и на плодородии земель, практически во всех имениях и крестьянских хозяйствах применялись минеральные удобрения.

Стремительно возросло снабжение сельского хозяйства техникой. Импорт техники и выпуск сельскохозяйственных машин 34 местными фабриками давали возможность приобретать более дорогие и сложные машины — сеялки, косилки, молотилки. Только в Курземе и Видземе было сконцентрировано примерно 10% всех локомотивов, имевшихся в империи. Крестьянские хозяйства были обеспечены техникой слабее, чем поместья, однако использовалась она намного интенсивнее. Латгальская деревня с точки зрения использования техники намного отставала от прочих двух краев Латвии.

Главной тягловой силой в сельском хозяйстве была лошадь; 70% лошадей принадлежало крестьянским хозяйствам, 23% — помещикам. В среднем в поместье использовалось 50–60 лошадей. Безлошадные крестьянские хозяйства составляли всего 9%.

Урожайность в крестьянских хозяйствах была гораздо ниже, чем в поместьях, тем не менее, поскольку в крестьянских хозяйствах пахотной земли было больше, они производили более двух третей от общего урожая. В целом урожайность на полях Латвии была ниже, чем в Европе, однако намного превышала урожай, получаемые в нечерноземной полосе России, приближаясь к уровню черноземной полосы.

Как и в имениях, в крестьянских хозяйствах главной производственной отраслью в начале XX века становится рационально организованное животноводство. Усиливается специализация животноводства, развивается молочное хозяйство. Поместьям принадлежали большие стада высокопроизводительных пород молочного скота, которые давали высокие надои. Чрезвычайно строго осуществлялся надзор за животноводством, этим занимались специальные сельскохозяйственные общества. Породы латвийского скота пользовались спросом во всей России.

Надоев в крестьянских хозяйствах были ниже и не столь четко велась работа по племенному животноводству, однако общее количество скота значительно превышало имевшееся в имениях, и темпы развития племенного животноводства были необычайно стремительными. Свиноводство — в то время побочная отрасль молочного хозяйства — также развивалось в основном в крестьянских хозяйствах.

Чрезвычайно широкое распространение в начале столетия получило кооперативное движение. В 1914 году насчитывалось 860 различных сельскохозяйственных обществ и организаций: молочные заводы, общества надзора за разведением племенного скота, потребительские общества и общества сельскохозяйственного образования. И несмотря на сопротивление царской администрации и дворянства, удалось создать три центра сельскохозяйственных обществ, которые координировали и возглавляли кооперативное движение. Основанное в 1906 году Рижское центральное сельскохозяйственное общество стало первым союзом сельскохозяйственных обществ в Российской империи. В Латвию за опытом приезжали из многих губерний России.

Сельскохозяйственные общества резко повысили конкурентоспособность латышского крестьянства по сравнению с хозяйствами поместий. Обучая, активизируя, укрепляя чувство ответственности, общества вели не только хозяйственную и образовательную деятельность. Они способствовали также росту самосознания крестьянства, пониманию им своей социальной роли.

Накануне Первой мировой войны в сельскохозяйственном производстве Латвии в целом преобладали крестьянские хозяйства; выкуп хуторов завершился. Решающим фактором в этом процессе были любовь и уважение крестьян к земле, их упорство, тяжкий труд крестьян и членов их семей. Несмотря на сохраняющиеся остатки феодализма, нехватку рабочей силы и другие проблемы сельское хозяйство Латвии было в этот период прогрессивной, динамичной отраслью.

Промышленность, транспорт, торговля и кредитные учреждения.

В начале XX века на развитие промышленности Латвии оказывали влияние несколько факторов: географическое положение, традиционные связи с Западной Европой, преобладание элиты балтийских немцев, перспективный внутренний рынок России. Кроме того — исторически сложившиеся факторы, такие, как более высокий уровень организации производства, более квалифицированная рабочая сила, чем в Российской империи в целом.

Уже в 1900 году Латвия, население которой составляло всего 1,5% населения Российской империи, произвела 5,5% валового промышленного продукта страны. Особенно высок был удельный вес Латвии в химической, деревообрабатывающей и металлообрабатывающей промышленности. По насыщенности рабочей силой промышленность Латвии в 1,4 раза опережала ближайших соседей — Литву и Эстонию вместе взятых.

В начале XX столетия промышленность Латвии была распределена по территории Латвии неравномерно, как по регионам, так и по городам. В

1913 году из произведенной в Латвии промышленной продукции на долю Видземе приходилось 83% , на долю Латгале — 2,5%. В четырех городах — Риге, Лиенае, Елгаве и Даугавпилсе — было сосредоточено 72% промышленных предприятий и 85% рабочих, занятых на них. В одной только Риге насчитывалось 59% предприятий и 79% рабочих. Не могло быть и речи о сбалансированности и соблюдении местных экономических интересов.

Концентрацию промышленности по городам сопровождала высокая концентрация на самих предприятиях, которая в 1913 году достигла внушительного уровня. Удельный вес предприятий, насчитывающих более 100 рабочих, составил 35%, а предприятий с более 500 рабочих — 46%.

Наиболее характерными для промышленности Латвии отраслями были металлообработка и машиностроение, химическая, текстильная промышленность, деревообработка, производство стройматериалов, пищевая, бумажная и полиграфическая промышленность. Безусловно доминировали металлообработка, машиностроение и химическая промышленность. В этих отраслях было занято 46% рабочих и объем произведенной продукции достигал 48% от общего объема продукции латвийской промышленности.

Спектр изделий, выпускаемых ведущими отраслями промышленности, стремительно ширился. Гиганты вагоностроительной промышленности «Феникс» и «Русско-Балтийский вагонный завод» выпускали не только железнодорожные и трамвайные вагоны высокого класса, но и высококачественное железо, сельскохозяйственные машины, двигатели внутреннего сгорания. «Русско-Балтийский вагонный завод» был пионером в автомобиле- и самолетостроении в России. Производство самолетов и автомобилей, а также моторов на очень высоком для своего времени уровне начали и другие рижские предприятия.

В Латвии выпускались также электромоторы, электрооборудование, дизели, паровые машины и турбины, инструменты. Ряд предприятий во главе с заводом «Ланге и сын» строили суда — пароходы, ледоколы, буксиры, паромы, выпускали судовое оборудование. Предприятия химической промышленности производили лаки, краски, минеральные масла, минеральные удобрения, особое место занимало производство резиновых изделий. Крупнейший в России резиновый завод «Проводник» по объему производства занимал четвертое место в мире, а по производству шин — второе место. Завод «Проводник», на котором было занято 16 000 человек, был и крупнейшим предприятием в Латвии. Активизация экономической жизни способствовала также развитию бумажной, пищевой, деревообрабатывающей промышленности и производства стройматериалов; отстаивание наблюдалось только в текстильной промышленности.

Происходил активный процесс монополизации промышленности, предприятия объединялись в международные, российские и местные монополии. В международный синдикат заводов дизелестроения вступил машиностроительный завод «Фельзер и Ко», фабрика «Унион» попала под контроль немецкого электротехнического концерна «АЕГ», нефтеперерабатывающий завод «А. Эрлих и Ко» вступил в международный вазелиновый картель. Заводы «Русско-Балтийский вагонный завод» и «Феникс» стали частью российского синдиката «Продвагон», латвийские гвоздильно-проволочные заводы вошли в российский синдикат «Гвоздь». Промышленники бумажной, пищевой, деревообрабатывающей отраслей и производства стройматериалов объединялись в синдикаты местного масштаба.

Концентрация капитала в промышленности Латвии происходила и через создание акционерных обществ. В 1913 году насчитывалось 72 акционерных общества, и их ежегодный прирост превышал прирост акционерных обществ по всей России. На деле же многие акционерные общества были филиалами иностранных фирм с английским, французским и главным образом с немецким капиталом. Сотрудничество и связи с фирмами Западной Европы способствовали развитию и модернизации предприятий Латвии.

Безусловно, источники сырья и рынки сбыта находились за пределами Латвии. Примерно 8% сырья и полуфабрикатов, необходимых для промышленности, получали на местах, 27% ввозилось из других регионов Российской империи, 65% — из-за границы. В свою очередь, 63% произведенной в Латвии продукции реализовывалось на внутреннем российском рынке, 26% оставалось для местных нужд, 11% вывозилось за рубеж. Таким образом, более 9/10 сырья ввозилось и 3/4 произведенной продукции предназначалось для внешнего потребления.

В десятилетие накануне Первой мировой войны началась стремительная модернизация производства. Устанавливались новые паровые котлы, паровые двигатели заменялись двигателями внутреннего сгорания и электромоторами, внедрялись новые станки, электричество и обогрев рабочих помещений. Темпы развития промышленности в Латвии достигли 6,4% в год и были самыми высокими не только в Российской империи, но и во всем мире, превышая их в 1,6 раза.

Мощный подъем латвийской промышленности достиг кульминации в 1913 году. Число промышленных предприятий увеличилось в 1,6 раза и достигло 790. На них было занято 110 000 рабочих, что превышало показатели предыдущего десятилетия в 1,8 раза, стоимость продукции составила 313 миллионов рублей и возросла в 2,2 раза. Во многих отраслях эти

показатели было еще выше. Наибольшего процветания достигла промышленность, занимающаяся переработкой продукции животного происхождения. Количество занятых в ней рабочих возросло в 5 раз, а стоимость продукции возросла в 18 раз.

Предприятия, получавшие чрезвычайно много заказов от военных ведомств Латвии, включились в предвоенную гонку вооружений. Накануне войны более половины производимой рижскими предприятиями продукции шло на военные нужды. Это были военные корабли, электромоторы, судовые двигатели — дизельные и внутреннего сгорания, товарные и пассажирские вагоны, автомобили, бронемшины, самолеты, армейские полевые кухни, артиллерийское снаряжение, военная оптика, оборудование по производству пороха, колючая проволока, шины и понтоны.

В начале XX века в Латвии вне конкуренции по перевозке грузов и пассажиров был железнодорожный транспорт. К действовавшим до Первой мировой войны девяти ширококолейным и одной узкоколейной линии добавились еще две ширококолейные и три узкоколейные ветки, общая протяженность которых достигала к этому времени 1651 км (протяженность узкоколеек составляла 18% от общей). Железная дорога связывала более трети городов Латвии, соединяла их с экономическими районами империи, способствовала развитию крупнейших портовых и промышленных центров — Риги, Лиепаи, Вентспилса, Даугавпилса.

Строительство железных дорог было и стимулом для экономического развития небольших городов, зачастую достаточно было строительства узкоколеек. Особое значение среди построенных с начала XX века железнодорожных линий имела линия Вентспилс–Москва–Рыбинск, благодаря которой Вентспилс превратился в большой порт, и сеть узкоколейных линий в Видземе, оживившая целый регион.

В это же время многие старые торговые пути и центры пришли в запустение. Свою роль утратила Елгава, без железнодорожного сообщения остались многие некогда процветавшие города и местечки Курземе (Курляндской губернии). Не были реализованы планы строительства сети узкоколеек в Курземе, железной дороги на электрической тяге из Риги в Юрмалу, железнодорожной ветки из Лиепаи в Клайпеду, что дало бы возможность подключиться к железнодорожной сети Германии.

Железнодорожный транспорт снизил значение традиционного для Латвии гужевого транспорта, хотя по-прежнему широко использовались конные почтовые станции, в городах — извозчики, кое-где существовали даже омнибусы и дилижансы. Снизилась роль и внутренних водных путей. Только две реки Латвии — Даугава и Лиелупе в нижнем их течении — были судоходны, по ним осуществлялось пассажирское (между Ригой и

Елгавой) и буксирное сообщение. По Гауе и Даугаве сплавлялся также лес. Роль внутренних водных путей Латвии заметно повысилась бы со строительством канала Вента–Неман, который должен был соединить Вентспилс с бассейном Вислы, а также водный путь Рига–Херсон, который соединил бы Балтийское и Черное моря. Однако проекты эти так и не были осуществлены.

Наряду с железнодорожным сообщением в Латвии получили распространение и другие современные виды транспорта. На рубеже XIX–XX веков в Риге и Лиенае началось строительство трамвайных линий. Развивался и автомобильный транспорт. В 1910 году в Латвии насчитывалось 123 автомобиля и 40 мотоциклов. В Риге появились первые такси, первые междугородные автобусные линии. Автомобили стали использоваться и как грузовой транспорт.

Живым свидетельством экономического развития Латвии, ее международных связей, ее символами были порты и суда Латвии. Рижский, Лиенапайский и Вентспилсский порты были модернизированы, значительно расширены. Определенную роль в каботажном плавании играли и малые порты Рижского морского залива и Курземского морского побережья — Айнажи, Колка, Роя, Мерсраге, Павилоста, которые с Ригой связывало пароходное сообщение.

Стремительно возрастало и количество заходящих в порты Латвии судов и их тоннаж. В 1913 году Ригу, Лиенапу и Вентспилс посетило огромное число судов — 5289 общим тоннажем 3,6 миллиона тонн. В основном это были суда Германии и Великобритании и лишь 15% судов — под Российским флагом. Накануне войны в портах Латвии было зарегистрировано 56 пароходов, принадлежавших в основном немецким судовладельцам, и 105 парусников, принадлежавших главным образом латышам. Зарегистрированные в Латвии суда составляли 64% Российского торгового флота на Балтийском море и 42% парусного флота.

И хотя после 1910 года в Латвии уже практически не строили парусный флот, моря всего земного шара по-прежнему бороздили около 700 латвийских парусников. Плавали на них и на пароходах примерно 5000 моряков. В прибрежных водах Балтийского моря занимались рыболовством примерно 10 000 рыбаков, которым принадлежало более 3500 рыбацких лодок.

Регулярное пароходное сообщение связывало порты Латвии с другими портами Российской империи, Англии, Бельгии, Голландии. Поскольку латвийские порты находились на транзитных путях между Россией и Западной Европой, Лиенапа и Вентспилс практически не замерзали и имели удобное железнодорожное сообщение с внутренними районами

империи, возрастала роль Латвии во внешней торговле России. С конца XIX века до 1913 года удельный вес портов Латвии во внешней торговле России возрос с 14% до 24%, а удельный вес Рижского порта — с 8% до 17%. Рига из третьего по значению порта империи превратилась в первый. Особенно бурно увеличился экспорт: из Риги — в три раза, из Вентспилса — в 56 раз. Всего через латвийские порты шло 28% российского экспорта.

Из Риги, Лиепая и Вентспилса вывозили лесоматериалы, лен, коноплю, зерно, масло, яйца, мясо, кожи и меха. Незадолго до войны Рига стала вторым крупнейшим портом в мире по экспорту лесоматериалов. Экспортные товары из России шли в основном в Германию, Англию, а также в Бельгию, Данию, Голландию, Францию и США.

Через латвийские порты поступало и 24% российского импорта. Среди импортных товаров по-прежнему главными были каучук, хлопок, каменный уголь, инструменты, машины, оборудование. С ростом спроса на колониальные товары возросли объемы импорта через порты Латвии сельди, чая, кофе, какао, пряностей, фруктов. Основными поставщиками этих товаров были Великобритания, Германия, США, Швеция.

Немалая часть импортных и экспортных товаров оседала в Латвии, шла на нужды промышленности, поступала в торговую сеть.

В торговле доминирующие позиции в начале XX века занимали евреи и балтийские немцы, которым принадлежали крупные торговые фирмы, предприятия высших категорий. Латыши, участие которых в торговле возрастало с каждым годом, владели в основном предприятиями более низкой категории. Появлялись все новые торговые предприятия, увеличивалось и количество занятых в этой отрасли служащих и рабочих. На рубеже XIX–XX веков в четырех крупнейших городах Латвии — Риге, Лиепая, Даугавпилсе и Елгаве в торговле и на транспорте были заняты 32 500 человек, или 14% работающего населения.

Латышская часть Балтии (Курляндская губерния и Видземе*) в масштабе Российской империи выделялась оборотом торговли и размером прибыли на одного жителя (соответственно 312 и 20 рублей) — в четыре раза выше, чем по империи в целом.

Активная торговля, развитие городского хозяйства, промышленности и сельского хозяйства не могло обойтись без поддержки стабильных кредитных учреждений, которых в 1914 году на территории Латвии насчитывалось более 300. Местная финансовая сфера находилась под контролем балтийских немцев. Особенно это касалось банков: из 11

---

* 4 уезда Видземе и 5 эстонских уездов входили в состав Лифляндской губернии царской России.

частных банков в 9 работал немецкий капитал и у руководства стояли балтийские немцы. Исключением был латышский Елгавский коммерческий банк и контролируемый русскими Даугавпилсский банк. Среди самых крупных банков следует назвать самый современный банк Балтии — Рижский биржевой банк и совершавший самые крупные сделки Рижский коммерческий банк — второй крупнейший банк в российской провинции. Наряду с успешными финансовыми операциями банки занимались благотворительной деятельностью — внушительными были их отчисления в культуру, образование, развитие коммунального хозяйства.

В Латвии работали и отделения Государственного банка России и целый ряд филиалов крупнейших российских банков. Крупнейшие имперские банки контролировали несколько крупных предприятий Латвии — «Русско-Балтийский вагонный завод», «Феникс» и другие, однако вытеснить балтийских немцев с лидерских позиций в финансовой сфере этим банкам не удалось — под контролем балтийских немцев по-прежнему оставались промышленные предприятия и представительные торговые дома.

В Латвии были чрезвычайно распространены кредитные учреждения, которые выдавали кредиты средним и мелким промышленникам, торговцам, домохозяйствам, сельским хозяйствам, ремесленникам. Незадолго до войны на территории Латвии насчитывалось 41 общество взаимного кредита и 236 ссудо-сберегательных касс. Кредитные общества выдавали кредиты в размере до 25 000 рублей, кредиты ссудо-сберегательных касс обычно не превышали 1000 рублей. В ссудо-сберегательных кассах состояло 112 000 членов, около 70% из них были сельские хозяйства. Ссудные кассы в Латвии были уникальным явлением в масштабе всей Российской империи. В России в кредитных обществах состояло всего 5% рабочих, в Латвии — 63%, и в 1905 году накопления ссудо-сберегательных касс в Видземе и Курземе составили 43% всех вкладов кредитных касс России.

И общества взаимного кредита, и тем более ссудо-сберегательные кассы обслуживали латышей, что способствовало появлению значительного слоя промышленников, торговцев, домовладельцев из их числа, а также позволяло привлечь капиталы в развитие сельского хозяйства. Часть прибыли ссудо-сберегательные кассы и кредитные общества жертвовали на школы, стипендии, курсы, на различные культурно-образовательные мероприятия в городах и в сельской местности.

Урбанизация в Латвии в начале XX столетия. Рига — многонациональный город. Развитие промышленности и торговли способствовало активному процессу урбанизации Латвии, бурному росту населения. В течение 17 лет — с 1897-го по 1914 год — численность населения

в городах возросла в 1,8 раза, превысив миллион, а удельный вес городского населения в Латвии вырос с 29% до 40%. Население трех городов — Риги, Лиепая и Вентспилса — составляло 70% всех горожан. Статусу крупного города (более 100 000 жителей) в то время соответствовали Рига и Даугавпилс. В крупных городах жило 25% населения Латвии, и в Европе по этому показателю Латвия уступала только Великобритании.

Рост городов происходил стихийно и неравномерно. Объяснялось это географическим положением, развитием транспорта, состоянием промышленности и другими факторами. С 1897-го до 1914 года население в Резекне и Валке удвоилось, в Вентспилсе — утроилось. Численный рост населения городов происходил за счет расширения территории, естественного прироста, однако больше всего за счет миграции. В городах Видземе и Курземе более половины населения были людьми пришлыми. Большую часть их составляли безземельные крестьяне, сельскохозяйственные рабочие, младшие сыновья и дочери сельских хозяев. Примерно каждый пятый был выходцем из другой губернии. Несколько иная картина складывалась в Латгалии. В провинциальных городках, населенных в основном евреями, рынок труда был невелик, и сельские жители отправлялись на заработки в российские губернии и в Ригу.

В городской среде существовало противоречие между сословным делением населения и существовавшим в современном обществе размежеванием по отношению к собственности и положению по службе. Сельские жители, попав в город, продолжали оставаться крестьянами, горожанами считались домовладельцы, почетные граждане, торговцы, мещане, ремесленники. В пестром спектре жителей городов нашлось место и для дворян, священников, чиновников и военных.

В отличие от села национальный состав городов Латвии был неоднородным. В начале XX столетия ситуация, правда, изменилась, в пользу основной нации. Во многих городах Видземе и Курземе латыши преобладали, а в семи городах были в абсолютном большинстве, составляя более половины населения. Среди балтийских немцев возможности механического прироста населения были минимальными, и в больших городах — в Риге, Лиепаяе, Елгаве — они уже были отодвинуты на второй план.

Политика русификации, проводимая царским правительством, путем переселения в Балтийские губернии русских, значительно увеличила число горожан русской национальности, особенно в Риге и Лиепаяе, в которых они соответственно были второй и четвертой по величине этническими группами. В Риге и Лиепаяе резко возросло число поляков и литовцев.

Совершенно иная ситуация сложилась в Латгалии, где во всех городах

преобладало еврейское население. Значительную часть населения составляли русские, белорусы, поляки. Удельный вес латышей в городах Латвии по-прежнему был небольшим, например, в Лудзе — 4,6%, в Резекне — 12,8%. Удельный вес евреев был значительным в Риге и Лиенае, где они представляли соответственно четвертую и третью по величине этническую группу (7% и 15% населения).

С точки зрения конфессиональной, население городов Латвии также представляло пеструю картину. Доминировал протестантизм, поскольку две трети латышей и балтийские немцы были лютеранами. Треть латышей, большинство белорусов, поляков и литовцев были католиками. Русские, часть белорусов, небольшая часть литовцев были православными. В некоторых местах компактно проживали староверы — русские и белорусы. Большинство евреев были последователями Торы.

На рубеже столетий горожане в основном были заняты в промышленности — 36%; наемным домашним трудом занимались 17%; 13% и 7% соответственно работали в торговле и на транспорте; занятые на государственной службе, в общественных учреждениях и люди свободных профессий составляли 6% горожан.

Особую роль в процессе урбанизации играла Рига. В начале XX века население Риги резко увеличилось — с 1897-го по 1913 год оно выросло на 88% и достигло 482 000 человек. Рига была крупнейшим городом Балтии, культурным, торговым, промышленным и культурным ее центром. Уроженцев Риги насчитывалось чуть более трети от общего числа жителей. Остальные были выходцами из Курземе и Видземе, из российских губерний.

Рижане по роду своих занятий, принадлежности к религиозной конфессии, по образовательному и национальному статусу представляли собой пеструю картину. Рига в начале XX века превратилась в многонациональный город. В 1913 году в Риге проживали латыши, русские, немцы, а также поляки, евреи, литовцы и представители других народов. 42% рижан не занимались оплачиваемым трудом, 39% составляли рабочие и 16% зажиточные горожане (собственники, чиновники, люди свободных профессий). Большинство рижан исповедовало протестантизм (в основном немцы и латыши). Часть латышей, большинство белорусов и почти все рижские поляки были католиками. Русские и часть латышей принадлежали к православной конфессии, почти все евреи исповедовали иудаизм. В 1913 году 86% населения Риги умели читать и писать. Больше всего безграмотных было среди приехавших людей из России и Литвы.

Удельный вес латышей в Риге был наиболее высоким, однако с наплывом населения из российских губерний он несколько снизился по сравнению

с рубежом столетий. Большинство латышей было занято в промышленном производстве и торговле. Половину домашней прислуги составляли латыши, домовладельцами в основном тоже были латыши.

Однако среди зажиточной буржуазии позиции латышей были довольно слабыми. Среди высшего чиновничества и людей свободных профессий латышей было чуть больше одной пятой. Латышам принадлежали ремесленные мастерские и небольшие промышленные предприятия. Важнейшие отрасли промышленности и все наиболее значительные предприятия принадлежали владельцам других национальностей, которые охотно брали на работу именно латышских рабочих, как наиболее грамотных и квалифицированных среди рижских рабочих. По сравнению с рубежом столетий, в три раза возросло число латышей в Рижской думе, хотя серьезно пошатнуть позиции балтийских немцев в управлении латыши не сумели. Многие рижские латыши владели немецким и русским языками, и хотя на официальном уровне за латышским языком не признавались те же права, что за русским и немецким, неофициально он считался третьим местным языком.

Резко — более чем в два раза — возросло число рижан, говоривших на русском языке (в основном русских). Большинство военных, каждый пятый чиновник и представитель свободной профессии, каждый четвертый рижский рабочий, каждый пятый из домашней прислуги принадлежал к этой группе населения.

Позиции зажиточных русских в Риге было достаточно скромными. Правда, некоторые русские стали домовладельцами, однако их удельный вес среди домовладельцев был ниже, чем немцев и латышей. Русским принадлежали торговые предприятия, небольшие и средние промышленные предприятия. Единственным крупным предприятием, принадлежавшим русским, был фарфоровый завод Сергея Кузнецова. Экономические позиции русских в Риге были слабыми и ни в чем не могли сравниться с позицией немцев и евреев. Русский язык имел статус официального государственного языка, это был язык образования и делопроизводства, при помощи которого царская администрация стремилась осуществлять русификацию.

Хотя количество говорящих по-русски возросло, обрусение рижанам нерусской национальности не угрожало, поскольку говорившие на русском языке не представляли однородной группы — ни по своему мировоззрению, ни образованию или социальному положению. Они плохо владели другими языками, не знали чужой культуры, образовательный уровень их был достаточно низок. Обособленную группу представляли собой рижские староверы, которых от прочих русских отличала религия.

По сравнению с XIX столетием резко упал удельный вес немцев среди населения городов. Это были в основном представители интеллигенции — высшие чиновники в промышленности, торговле, на транспорте и люди свободных профессий. Сравнительно много среди немцев было рантье, пенсионеров, школьников. Среди промышленных рабочих удельный вес немцев был невелик, однако все они обладали высокой квалификацией.

Немцы по-прежнему сохраняли сильные позиции в экономической, социальной и духовной жизни города, в городском самоуправлении. Среди рижских домовладельцев почти треть были немцы. Представительство немцев в Рижской думе уменьшилось, однако они все еще сохраняли лидерские позиции, поскольку более половины депутатов были избраны от немецкой общины. Местные немцы, поддерживаемые немцами из Германии, играли решающую роль в крупной промышленности, банковском деле, крупной торговле. Большинство крупных фабрик в Риге принадлежало немцам, а также суда, ремесленные мастерские, гостиницы, рестораны.

Рижские балтийские немцы были очень сплоченной группой населения с большим экономическим и политическим опытом, развитой общественной жизнью, высоким уровнем образования и культуры, они поддерживали тесные контакты с Западной Европой. Немецкий язык параллельно с русским был официально признан и использовался в Риге. Влияние его было чрезвычайно глубоким. Многие представители других национальных групп, в основном латыши и евреи, также получали немецкое образование, в семье говорили по-немецки и были воспитаны в немецких культурных традициях. В самом облике Риги, в традициях, в поведении жителей и взаимоотношениях сохранилось много немецких элементов, поэтому Ригу еще в начале XX столетия называли «немецким городом».

Наблюдается и прирост еврейского населения. Наряду с немцами, евреи владели крупными промышленными и торговыми предприятиями, жилыми домами. Рижские евреи были образованными людьми, хорошо владели местными языками, в том числе латышским, имели тесные связи с зарубежьем. Много евреев было среди интеллигенции. Так что у них не возникало таких проблем с интеграцией, как у русских. Резко увеличилось в Риге и число поляков и литовцев.

В начале столетия в Риге сформировалась уникальная многонациональная среда. Здесь царил удивительное разнообразие языков, культур, традиций. Тем не менее рижане в целом терпимо относились друг к другу, если не принимать во внимание традиционные «трения» между латышами и немцами. Латыши — наиболее крупная национальная группа населения Риги — демонстрировали высокую степень толерантности по отношению к представителям других национальностей.

Рига была перекрестком транспортных путей, западными воротами Российской империи. В городе пересекались западные и восточные, южные и северные традиции и культуры. Рига стала современным и своеобразным городом европейского значения.

Сельское хозяйство и население Латвии в годы Первой мировой войны. Во время войны отрицательное влияние на экономическую и социальную жизнь Латвии оказали несколько факторов. В течение всей войны территория Латвии становилась то прифронтовой полосой, то непосредственно полем сражений. Курземе в 1915 году, Рига и часть Видземе — в 1917-м, а вся территория Латвии в 1918 году были оккупированы германской армией. Северная Видземе и Латгале (Латгалия) пострадали от социально-экономических экспериментов большевиков на рубеже 1917–1918 годов.

На сельском хозяйстве сказались мобилизация работоспособных мужчин в армию, частые реквизиции хлеба, лошадей, скота. Имена, пользуясь связями, старались уклониться от реквизиций и налогов, так что вся их тяжесть легла на плечи крестьян. Это еще больше обострило социальные противоречия между крестьянством и дворянством. Закон 1916 года об отмене некоторых привилегий помещиков ничего в этих отношениях не изменил. Экономическая конкуренция между крестьянином и помещиком обострилась, и имена все больше утрачивали свой экономический потенциал. Они перестали быть многоотраслевыми хозяйствами. Конфискация имений и превращение их в совхозы, безусловно, принесли большевикам популярность у сельского населения, но в экономическом отношении положительных результатов не дали. В 1917 и 1918 годах в Латвии наступил тяжелый продовольственный кризис.

Военные действия велись на территории более чем половины волостей Латвии, изборожденной окопами. Была утрачена четвертая часть довоенных пахотных площадей, уменьшилось поголовье домашнего скота, рухнула система производительного животноводства. Во время войны было разрушено 10% зданий, частично пострадало 14%.

Война сказалась и на состоянии транспорта, торговли, промышленности, финансовой системы. Транспорт, в основном железная дорога, был подчинен нуждам армии, однако строительство железнодорожных веток продолжалось и в годы войны. В Видземе, в оккупированной Курземе прокладывались железнодорожные линии (в основном узкоколейные), которые обеспечивали нужды фронта, и благодаря этому протяженность железнодорожных путей в Латвии увеличилась на треть. К концу войны многие железнодорожные линии, дороги и мосты оказались разрушенными.

В начале войны немецкий флот блокировал Балтийское море, и торговля Латвии со странами Запада практически сошла на нет. Промышленность уже не получала необходимого сырья и топлива. Большие потери понес торговый флот: к концу войны от него остались фактически жалкие остатки. некогда оживленные латвийские порты замерли. Курс рубля упал, многие потеряли свои банковские вклады. Финансовые системы оккупационных властей, новой демократической России и республики Исколат были нестабильными, и после окончания войны о существовавшей когда-то в Латвии кредитной системе остались одни воспоминания.

Когда началась война, некоторые заводы Латвии лихорадочно и в большом объеме стали производить военную технику (первый в мире прототип танка в мире, бронеавтомобиль, мобильную зенитную артиллерию). Однако в целом в промышленности начался тяжелый кризис. Хроническая нехватка сырья и топлива вынудила предприятия свертывать производство. Небольшие фабрики разорились. В 1915 году в Лиепае работали всего три крупных предприятия. Значительно ухудшилось снабжение городов продовольствием. Началась безработица в городах, люди уходили на село или в большие российские города в поисках работы.

Но особенно тяжелый урон промышленности Латвии нанесла эвакуация в 1915 году заводов и фабрик, которая затронула в основном Ригу. Во внутренние губернии России были отправлены тридцать тысяч вагонов со станками и оборудованием, сырьем и транспортными средствами, церковными колоколами и медными крышами общей стоимостью 186 миллионов рублей. В двух тысячах вагонов вывезли оборудование 75 промышленных предприятий из крупнейшего промышленного центра Латгалии — Даугавпилса. Всего в 1915 году во внутренние районы России были эвакуированы 523 предприятия со всем оборудованием, 80% из них составляли предприятия Риги.

Эвакуация превратилась в настоящее расхищение Латвии; больше всего пострадали Рига и Видземе. В Россию выехало четверть миллиона рижан — рабочие и члены их семей. Были эвакуированы государственные учреждения и школы. В середине 1916 года в Риге осталось 31 небольшое предприятие с 1500 рабочих. В заводских корпусах или размещались военные части, или они пустовали. Из цветущей и шумной промышленной и культурной метрополии Рига превратилась в тихий, провинциальный город. К концу войны промышленности в Латвии в довоенном представлении больше не было.

В 1915 году бегство жителей из Курземе стало началом исхода изгнанного войной населения из Латвии. Затем к ним присоединились беженцы из Видземе. По приказу царского правительства латвийские беженцы

покинули прифронтовую полосу и направились в Северную и Восточную Латвию, в Эстонию, Петербург, Москву, в ближайшие российские губернии, на Украину, в Сибирь, на Урал. Этот стихийный процесс продолжался вплоть до 1917 года. Число беженцев возрастало, однако царское правительство не в состоянии было решить все проблемы, с которыми сталкивались беженцы. Латышские беженцы стали символом военной разрухи. Положение их было незавидным. Нищета, болезни, безнадежность и ряды могил — этими вехами был отмечен их путь. В 1916 году на обширной территории России насчитывалось 800 000 беженцев. Половина латышского населения, или треть всего населения Латвии, покинули родные края. Нигде более этот показатель во время Первой мировой войны не был столь высок, к тому же в ситуации, когда постепенно вся территория захватывалась немецкой армией. Огромный по своей масштабности поток беженцев фактически поставил вопрос — быть или не быть Латвии и латышскому народу?

Война радикально изменила национальный и социальный состав Латвии. Балтийских немцев коснулись вспыхнувшие антинемецкие настроения, немцев, симпатизировавших Германии, сослали в Сибирь. Сообщество балтийских немцев в 1915–1916 годах раскололось. В Курземе, на оккупированной немецкой армией территории, немецкие помещики приветствовали Германию, надеясь на поддержку в борьбе за восстановление своих привилегий и возврат власти. В Видземе по-прежнему действовал дворянский ландтаг и многие местные немцы сохранили верность России. Тысячи балтийских немцев и в принудительном порядке, и добровольно оказались в России, влились в российское общество и уже не вернулись. В 1917 году, после захвата Риги и Октябрьского переворота в России, балтийские немцы, выходцы из Латвии, выбрали сторону Германии.

Посчитав, что евреи симпатизируют Германии, высшее военное командование России в 1915 году отдало приказ о вывозе из Курземе 40 000 евреев. Во время войны из Латвии во внутренние районы России принудительно или добровольно переселились 75% латвийских евреев — более 130 000 человек.

Во время войны Латвию покинули и многие чиновники административного аппарата России. Русские промышленники и торговцы также выехали в Россию. За несколько лет число русских в Латвии уменьшилось почти в восемь раз. Покинули Латвию и многие литовцы и поляки.

Латвия была одной из наиболее пострадавших во время Первой мировой войны территорий Европы; по ущербу, нанесенному военными действиями, она уступала только Бельгии, по потерям населения — Сербии.

2. 2. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В начале XX столетия населенные латышами области — Видземе, Курземе и Латгале по-прежнему не являлись единой административной единицей, а были поделены между тремя Российскими губерниями. Курляндская (Курземе) губерния состояла из десяти населенных латышами уездов, Лифляндская губерния — из четырех латышских (Видземе) и пяти эстонских уездов. Три латышских уезда входили в Витебскую губернию. В населенных латышами уездах насчитывалось 20 городов, 61 местечко и 490 волостей. Вместе с эстонскими уездами Видземе и Курземе назывались Балтийскими провинциями империи, или Балтийскими губерниями. Витебская губерния была одной из северо-западных губерний России, так что Латгалия продолжала жить в отрыве от остальных краев Латвии. Учреждения России не признавали понятия «Латвия» и запрещали употреблять его для обозначения населенной латышами территории.

Местное управление в Латвии было организовано по образцу империи. Высшую государственную власть представляли губернаторы, возглавлявшие полицейско-бюрократический аппарат. В начале XX века была прервана практика предыдущего столетия, когда губернаторы назначались из балтийских немцев. Теперь губернаторскую должность занимали подчинявшиеся царю и министру внутренних дел русские чиновники. Рига и Елгава были центрами Видземе и Курземе с резиденциями губернаторов.

Губернаторы через губернские учреждения контролировали самоуправление. Управления городских дел занимались делами городского самоуправления, управления крестьянских дел ведали волостными самоуправлениями. Соблюдением фабричного законодательства, изучением условий жизни и настроений рабочих занимались фабричные инспекции. Уездную и высшую полицейскую власть на местах представляли начальники уездов. Вся губернская полиция находилась в подчинении губернатора. Среди полицейских было много латышей, но в основном это были низшие полицейские чины. Политическую полицию империи в Латвии представляли жандармские управления, жандармские отделения Рижской и Даугавпилсской железных дорог и охранные отделения — охранка (Рижский район). На территории Латвии дислоцировались армейские подразделения в составе 40 000 человек.

В начале XX столетия в России по-прежнему существовал архаичный государственный строй, в котором не было места ни конституции, ни парламенту; самодержавие отказывалось решать социальные проблемы и привлекать народ к управлению государством. Россия была полицейским

государством в полном смысле этого слова. Уровень жизни, бытовые условия, культурные особенности основного населения Балтийских губерний сближали их скорее с Западной Европой. Поэтому латыши столь остро воспринимали недемократический, полицейский режим царского самодержавия.

Местный административный аппарат воплощал в жизнь ограничение автономии Балтийских губерний и укреплял центральную власть. Ликвидация традиционных местных особенностей Видземе и Курземе сближала их с русскими губерниями. Насаждалась шовинистическая национальная политика — предоставление особых преимуществ русским, масштабная русификация, перевод системы образования и делопроизводства в государственных учреждениях на русский язык, предоставление ведущей роли православной церкви. Для Балтии по-прежнему оставался актуальным конфликт между балтийско-немецким дворянством и центральной властью империи. Добавился также конфликт между латышами и эстонцами, с одной стороны, и официальной русской центральной властью, с другой.

Большинство публицистов из балтийских немцев (Карл Ширрен, Астаф Транзее-Розенек) резко осуждали русификацию, видя в ней угрозу немецкой культурной доминанте в Балтии и оценивая ее как главную причину социально-политической напряженности. После вступления на трон Николая II давление на балтийских немцев стало ослабевать, они вновь получили возможность оказывать влияние на губернаторов, на центральную администрацию. Лидеры дворянства поддерживали регулярную связь с властными учреждениями Петербурга, искали контакты на государственном уровне, устанавливали контакты с влиятельными людьми на личном уровне. Они успешно использовали широкие родственные связи в высших кругах российской бюрократии, сильные позиции при царском дворе, особенно в кругах, близких к царице. Именно таким путем элита балтийских немцев добилась отставки неугодного им губернатора Видземе М. Пашкова.

Русские губернаторы и элита балтийских немцев обычно легко находили общий язык. Чиновники, не знакомые с местными условиями жизни и традициями, не могли обойтись без помощи балтийских немцев. Свою роль играли и общие социальные интересы, и выработанное за столетия умение немцев уживаться с любой официальной властью. Балтийские немцы проникли во многие административные учреждения и полицию Видземе и Курземе и занимали там довольно высокие посты. Так, например, из десяти комиссаров по делам крестьян Курземской губернии девять были немецкие помещики, многие балтийские немцы занимали должности начальников уездов, их помощников, полицеймейстеров и т. д.

В начале XX века в сельской местности Латвии по-прежнему действовали созданные балто-немецким дворянством самоуправления высшего уровня — ландтаги. В их компетенции было рассмотрение всех дворянских дел, также дел о земле, крестьянских дел. Ландтаги участвовали в решении многих важных для региона вопросов и разрабатывали почти все законы, касающиеся крестьянства. Ландтаг имел право законодательной инициативы. В вопросах, касающихся дворянства и финансов, ландтаги были абсолютно суверенны, государство не имело права контролировать дворянские кассы. Особые привилегии сохранило курземское дворянство: все местные дела ландтаг решал совершенно самостоятельно. Интересы видземского дворянства ландтаг отстаивал через своих выборных — коллегии ландмаршалов и ландратов Коллегия ландратов руководила и осуществляла контроль над всей жизнью видземского села. Доверенное лицо Видземского ландтага, так наз. резидент-ландрат, постоянно находилось в Риге. В его задачу входило оказывать влияние на представителей и учреждения государственной власти и информирование дворянства о работе этих учреждений. Реальная власть резидента-ландрата делала его в Видземе вторым по влиянию лицом после губернатора.

Ландтаги, будучи представительными органами дворянства выражали интересы очень узкого слоя населения. Назрела необходимость их радикально модернизировать: отменить привилегии дворянства, демократизировать ландтаг, предоставить возможность участия в выборах широким слоям населения. Возможны были и более радикальные изменения в самоуправлениях Видземе и Курземе — ликвидация старых и создание новых институтов власти. Однако для балтийского дворянства подобные альтернативы были неприемлемыми. Поэтому административно-бюрократическое давление усилилось, но влияние ландтага на селе сохранилось.

Влияние латгальских помещиков не было столь внушительным, как влияние видземского и курземского дворянства. Оно носило более ограниченный характер и имело те же привилегии, что и русское дворянство девяти западных губерний Российской империи.

Интересы крестьян в Видземской и Курземской губерниях представляли волостные самоуправления, действовавшие в соответствии с законом 1866 года. Самоуправление избиралось волостным сходом, на котором хозяин усадьбы имел один голос и 10 безземельных имели один голос (с 1904 года уже каждый безземельный имел один голос). Волостной сход избирал делегатов в правление помощников старшин и волостной суд. Помощники, в свою очередь, избирали старшин — высшее должностное лицо волости. Старшина волости и его помощники считались волостным правлением.

Волостное самоуправление решало все хозяйственные, финансовые, общественные вопросы. Судебная власть в волостях была отделена от административной волостной власти. Волостной суд рассматривал мелкие гражданские и уголовные дела. Волостные самоуправления практически находились в ведении латышей, хотя губернские учреждения их тщательно контролировали. Начальником губернского управления крестьянских дел был сам губернатор. Большие права имели назначаемые министром внутренних дел комиссары по крестьянским делам. Комиссары надзирали за всей жизнью волости, за исключением волостного суда, имели право отменить любое решение волостного правления и уволить должностных лиц волости. И возможности, и компетенция комиссаров были достаточно широки, однако они почти ничего не делали для крестьянства. И немецкие помещики, и русские чиновники на должности комиссара представляли интересы дворянства и в конфликтах между помещьем и волостью чаще всего становились на сторону помещиков. Однако, хотя деятельность волостных самоуправлений носила ограниченный характер, тем не менее для латышского крестьянства они были определенной политической школой.

В Латгалии структура самоуправлений существенно отличалась от местного самоуправления Видземе и Курземе. Поскольку латгальские волости намного превышали по размерам волости Курземе и Видземе, здесь существовала двухступенчатая система управления. Нижнюю ступень представляла сельская община, в которую входили крестьяне одного имения, которые на общем сходе избирали сельского старосту и его помощников. На втором уровне волостью управляли волостной сход, волостной старшина и волостное правление (старшина и его помощники и старосты).

Волостные самоуправления в Латгале находились под контролем земских начальников, функции которых почти не отличались от функций комиссаров по крестьянским делам в Видземе и Курземе. В Латгалии было 16 земских начальников. В каждом уезде Латгале существовало также уездное собрание, которое осуществляло и судебно-административные функции и было правомочно отменить решение волостного суда.

В первые годы столетия широкий резонанс получили выборы в самоуправления и развернувшаяся вокруг них политическая борьба. Положение 1892 года о городах России, которое касалось также городов Латвии, оставляло в их ведении только хозяйственные дела, и, установив высокий имущественный ценз, в три раза сократило число избирателей в самоуправления. В Латвии правом голоса обладали всего 1,2% городского населения. Губернаторы и управления дел губернских городов заменили бюрократическую опеку и контроль.

В первые годы нового столетия в среде городского населения наметился резкий поворот по отношению к выборам в самоуправление. Резко возросла активность избирателей, росло число кандидатов. Причиной этого был экономический расцвет городского хозяйства. Участие в самоуправлении для зажиточных горожан было чуть ли не единственной возможностью самоутверждения и участия в общественно-политической жизни. Должность в думе давала также возможность занять хорошо оплачиваемое место в учреждениях городского самоуправления, получить выгодный заказ, создать условия, благоприятные для хозяйственной деятельности.

Рост удельного веса латышского населения в городах, улучшение их экономического положения способствовали тому, что кандидаты от латышей становились реальными конкурентами балтийских немцев в городских самоуправлениях Видземе и Курземе. Обострилась политическая борьба: успех на выборах в городскую думу стал и вопросом национального престижа. Балтийские немцы на чашу весов клали хозяйственную мощь, огромный опыт общественной жизни, искусство компромисса. Латыши могли ответить увеличением числа избирателей, растущими общественно-экономическими противоречиями и энергией, однако роль всех перечисленных факторов снижало отсутствие политического опыта, внутренние разногласия и недостаток изворотливости. Латышские избиратели настаивали на принципе уравнивания в правах, пропорционального представительства национального населения в думе. Балтийские немцы, делая упор на своем экономическом могуществе, призывали избирателей «взвешивать» голоса, а не «считать».

Выборы в городские самоуправления продемонстрировали и различные принципы формирования группировок среди латышей и немцев. Выраженное разделение по национальному принципу постепенно уступало место делению по экономическим интересам. И латышская, и немецкая буржуазия разделилась на либералов и консерваторов, к ним присоединялась и интеллигенция. Правда, корпоративный инстинкт балтийских немцев, их консерватизм спланивали их сильнее, чем латышскую буржуазию. Во время первых в XX столетии выборов в городские думы число избранных латышей возросло, а в таких городах, как Валмиера, Тукумс, Слока, Яунелгава они в городских думах преобладали. Однако в крупных городах — в Риге, Лиелае, Елгаве лидирующее положение сохранили за собой балтийские немцы. Балтийские немцы успешно заключали соглашения с русской, еврейской буржуазией, с оппозиционными группами латышей, создав таким образом угрозу единого фронта.

Выборы в Рижскую думу в 1901 году и политическая борьба вокруг

них ускорили раскол в влиятельных кругах латышской буржуазии. Наиболее видными представителями консервативного крыла были Фрицис Вейнбергс, Арвед Бергс, среди либералов наиболее яркими личностями были Вилис Олавс и Петерис Бисениекс. Узурпаторские устремления Ф.Вейнбергса раскололи латышские состоятельные круги, но его ореол организатора латышского общества и противника балтийских немцев обеспечил ему широкие симпатии среди латышей.

На рубеже столетия активизировались латышские социал-демократы. Центры латышской социал-демократии находились в США, Великобритании и Швейцарии. Здесь возникли первые социал-демократические организации — Союз латышских социал-демократов в Бостоне и Западно-европейский союз латышских социал-демократов в Лондоне, увидели свет первые социал-демократические издания. Активную организаторскую и публицистическую деятельность развернули Фрицис Розиньш, Эрнест Ролавс и Микелис Валтерс. Большую роль в развитии идеи государственности Латвии сыграл Союз латышских социал-демократов (СЛСД), созданный в 1903 году Э. Роловсом и М. Валтерсом в Швейцарии.

Идеи социализма стремительно распространялись и в Латвии. Плодородной почвой для многих нелегальных марксистских кружков стали не только города с их фабриками, но и сельская местность. В начале столетия все явственнее проявлялась тенденция к объединению социал-демократических кружков. В Курземе в 1901 году социал-демократы Паул и Клара Калныньши, сыгравшие впоследствии большую роль в политической жизни независимой Латвии, создали так называемую Курземскую группу социал-демократов. Год спустя в Риге возникла Балтийская латышская социал-демократическая рабочая организация (БЛСДРО). Возглавили ее видные социал-демократы того времени Янис Озолс, братья Ансис и Жанис Бушевицы, и она претендовала на руководство социал-демократическим движением в Латвии. Первые социал-демократические организации не только руководили демонстрациями, стачками, но и занимались самообразованием и пропагандой социалистических идей.

В 1904 году в Риге была создана Латышская социал-демократическая рабочая партия (ЛСДРП), в руководство которой, кроме Я.Озолса, вошли и впоследствии столь популярные Янис Янсон-Браун и Петерис Стучка. Для Латвии того периода это была численно крупная (2500 человек), хорошо организованная и структурированная, образованная нелегальная партия. Свою деятельность она развернула и в городах, и на селе и была создана по национальному принципу.

Партийная программа-максимум предполагала создание социалистического общества, программа-минимум призывала «свергнуть царское

правительство и заменить его республикой на основе демократической конституции». Парадокс программы заключался в том, что авторы, догматически следуя образцу программы немецких социал-демократов, не выдвинули аграрных требований. Сильная сторона программы: добиваться гражданских свобод, отменить сословные ограничения, предоставить народам России право на самоопределение — выражала интересы и настроения широчайших слоев латышского населения. В этом обстоятельстве в немалой степени и крылась сила партии и ее популярность в латышской среде.

В Латвии формировались социал-демократические организации и других национальностей — русская, немецкая, литовская. Особенно сильной была среди них еврейская социал-демократическая организация — Бунд. Амбиции, разница во взглядах по многим вопросам стали причиной того, что все попытки объединения оказались неудачными. Правда, в 1904 году удалось сформировать Федеративный комитет, который координировал главным образом деятельность ЛСДРП и Бунда.

В начале столетия в латышском обществе состоялся масштабный идеологический диспут по национальным проблемам в Латвии. Точку зрения либеральной буржуазии выражал публицист В. Олавс, а также пастор и писатель Андриевс Ниедра, в основном на страницах газеты «Pēterburgas Avīzes» («Петербургская газета») и журнала «Austrums» («Восход»).

Неонационалисты призывали модернизировать латышский национализм применительно к эпохе «пара и электричества», призывали латышей проявлять национальную активность, верить в свои силы. Приоритет латышской нации в экономике, процветающее крестьянство, латышские лютеранские священники и «народная церковь» вместо немецко-лютеранской церкви, развитие национальной культуры — такой видели Латвию в будущем неонационалисты. Они не сумели прийти к единой точке зрения в отношении балтийских немцев, колебались между примирением и конфронтацией, и в целом представления неонационалистов остались чуждым латышским рабочим и батракам. Их национализм не разрушал границ Российской империи, они постоянно подчеркивали свою лояльность по отношению к «двуглавому орлу» и самое большее, к чему они призывали, — это культурная автономия для латышей. Вклад неонационалистов заключался в активизации национального мышления.

Большинство латышских социал-демократов разделяло космополитические, основанные на марксистских догмах взгляды на национальный вопрос. В их схеме видения мира доминировали братство трудящихся всего мира, классовая борьба и социальные проблемы. «У рабочих нет

отечества», — излюбленный лозунг Ф. Розиньша и Я. Янсона-Брауна. Сложные национальные проблемы казались им неудобными, мешающими, они раскалывали рабочих и сдерживали распространение марксистских идей в массах. Автономия Латвии, национальные цели, идентичность могли иметь, в лучшем случае, преходящий характер. С точки зрения мировой революции национальный вопрос в Латвии расценивался как неперспективный. Такова была позиция ЛСДРП.

В противовес ей серьезное место национальному вопросу уделял Союз латышских социал-демократов. Его национальная программа содержала требования предоставить латышам не только культурную, но и государственную автономию, Россия должна была стать федерацией национальных государств. В программе явно просматривалось влияние австрийских социал-демократов и конституции Швейцарии. Современный, европейски образованный и ориентированный лидер СЛСД М.Валтерс в газете «Пролетарий» в 1903 году писал: «Самодержавие — долой! Россию — долой! Вырваться из России!».

СЛСД и его лидеры были первыми, кто придал национальным требованиям латышей ярко выраженный политический характер и выдвинул идею государственности Латвии. В этом их несомненная историческая заслуга, хотя в то время их идея не получила поддержки и не стала популярной.

Революция 1905 года. По масштабности, насыщенности событиями и противоречивости, революционному подъему, хаосу и жестокости 1905 год в памяти латышского народа запечатлелся как «безумный год». Он потряс и политические силы, и отдельных индивидов. У революции было много причин, которые, совпав, образовали критическую массу.

Как и по всей Российской империи, в Латвии нарастало недовольство политическим бесправием, все громче звучали призывы принять конституцию; за свои экономические права в политических и экономических стачках выступали рабочие. В Видземе и Курземе с 1900 по 1904 год бастовали 6000 рабочих. Русско-японская война и военные неудачи царизма стали причиной протестов студентов и рабочих и антивоенных акций. Латвию тоже затронул экономический кризис, хотя по сравнению с империей в целом жизненный уровень населения здесь оставался гораздо выше.

Специфика местных условий определила характер требований латышей: создание латышских самоуправлений, предоставление прав родному языку и национальной культуре, отмена экономических, социальных и политических привилегий для балтийских немцев. Латышские крестьяне и рабочие выражали недовольство засильем немецких помещиков.

Административный гнет царского режима, русификация и привилегии, которым обладали балтийские немцы, двойной национальный гнет — вот главные местные причины революции 1905 года, которые повлияли на ее ход и характер.

В знак протеста против расстрела демонстрации в Петербурге 9 января 1905 года в Риге началась широкомасштабная генеральная стачка с митингами и демонстрациями. 13 января, когда тысячи демонстрантов собрались в центре города, войска открыли по ним огонь. Было убито 73 человека, 200 ранено, большинство погибших были молодые рабочие и студенты. Расстрел демонстрации не приостановил стачки и вызвал всеобщее возмущение, стачка охватила и другие крупнейшие города Латвии. Поэт Янис Акуратерс в эти дни написал стихотворение «С боевым кличем на устах». Посвященное памяти павших, оно стало революционным гимном и звало к борьбе:

*«Кто жив остался — в бой кровавый!
И рухнут замки, трон падет!»*

В Латвии началась революция.

Революция 1905 года в Латвии носила и социальный, и гражданский, и демократический характер. Главной целью ее было свержение самодержавия и установление демократического правопорядка. Революция не призывала к уничтожению частной собственности, кардинальному изменению аграрного уклада или установлению диктатуры. Это была революция масс, в которой примерно 30 000 активных революционеров были поддержаны рабочими, крестьянами, безземельными, большинством интеллигенции. Революцию не поддержала меньшая часть латышского общества, умеренная буржуазия.

У латышской буржуазии не было сильных политических организаций, которые сумели бы взять на себя руководство революцией. С 13 января революцию возглавили латышские социал-демократы. В рядах ЛРСДП в 1905 году насчитывалось 6000, а осенью уже 18 000 человек. Всего же вместе с тысячей членов СЛСД и несколькими тысячами социал-демократов других национальностей — евреев, русских, немцев — общее число социал-демократов превышало 20 000 человек. В крупных городах социал-демократы разных национальностей пытались координировать свои действия. В Риге эта задача была возложена на Федеративный комитет, который в конце 1905 года — в период кульминации революции — принял на себя едва ли не функции временного революционного правительства.

Латышская социал-демократическая рабочая партия, самая большая по численности, выделялась отличной организацией и дисциплиной. Десятки оплачиваемых пропагандистов вели разъяснительную работу среди населения. Во главе революции стояли выдающиеся латышские социал-демократы — Янис Озолс, Ансис Бушевицс, Яннис Янсон-Браун, Янис Асарс. В печати и прокламациях ЛСДРП разъясняла вопросы революции, она была практическим организатором митингов, забастовок и демонстраций, выдвигала лозунги, определяла тактику борьбы и организовала вооруженную борьбу.

Разброс мнений в самой ЛРСДП, несогласие по многим вопросам с другими группами социал-демократов, отсутствие опыта и догматические стереотипы и иллюзии неблагоприятно сказывались на способности контролировать революционный процесс. Кроме того, в революционных событиях в Латвии было много стихийного. Тем не менее именно деятельность латышских социал-демократов, возглавивших революцию, придавала событиям в Латвии более организованный и масштабный характер, чем в Российской империи в целом.

Широкие дискуссии в свое время вызвал вопрос, в какой мере революция 1905 года в Латвии носила характер национально-освободительного движения. В самих революционных лозунгах на первый взгляд не было ничего национального: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует свобода!» Однако в условиях Латвии любое требование — о национальных школах, образовании на родном языке, введении демократического самоуправления, — любое выступление крестьян против немецких помещиков обретало национальный характер. Тем более национальную окраску революции придавал огромный удельный вес латышей среди активных участников революции (более 96%) и революционная активность крестьянских масс.

В программных документах политических партий во время революции преобладали требования разной степени автономии. СЛСД требовал широкой автономии Латвии, объединения Видземе, Курземе и Латгале в единую административную единицу — Латвию с широкими правами на самоопределение во всех сферах жизни. Менее четкий и более формальный характер носило требование ЛРСДП о «предоставлении широких политических и экономических полномочий в самоуправлении (автономии) провинциям и такое же экономическое и административное самоуправление городам, уездам, общинам и волостям».

Национальная программа даже самого радикального крыла латышской буржуазии, которое в 1905 году объединилось в Латышскую

демократическую партию, не выходила за рамки требований культурного и экономического самоуправления. Более того, она не выдвигала даже тех требований, на которых настаивала ЛСДРП. С точки зрения лидера радикальной буржуазии А. Бергса, граждане маленького государства никогда не смогут достичь тех политических и экономических благ, которыми пользуются граждане больших государств.

В целом латыши, участвуя в революции, боролись и за национальную эмансипацию, и революция несомненно носила черты национально-освободительного движения.

Весной 1905 года главной ареной революционных событий были города Латвии. Именно здесь развернулось стачечное движение — как экономическое, так и политическое. В стачках и забастовках участвовали не только рабочие, но и ремесленники, школьники, чиновники. Начали формироваться боевые дружины. Общественная жизнь стремительно политизировалась, возрастала роль не только социал-демократов, которые выступали за открытый конфликт с властью, но и активность в тех кругах населения, которые верили в действенность умеренных реформ. Общественные организации и группы интеллигенции активно участвовали в подаче петиций со своими предложениями о реформах. Рижское Латышское общество призывало расширить права латышского языка, а более 200 представителей латышской интеллигенции потребовали в своей петиции ограничения цензуры, свободы собраний, отмены неравноправия сословий, созыва Учредительного собрания. Результаты выборов в Рижскую думу в марте 1905 года не угрожали позиции в ней балтийских немцев и существенных сдвигов в пользу латышей не принесли. В Рижской думе латыши из 80 мест получили всего 12 — не набрав и половины того, на что надеялись.

Летом центр революционных событий переместился из города в деревню. Проходили многотысячные митинги и демонстрации, на которых выдвигались политические требования, проводились собрания и шествия с красными флагами. Революционные требования переплелись с протестами против мобилизации и экономическими стачками сельскохозяйственных рабочих, которые особый размах приобрели в волостях Курземе. Социал-демократы, которые претендовали на руководящую роль в революции, и на селе ориентировали крестьян и сельских рабочих на борьбу за улучшение социального положения, на отказ от уплаты налогов, невыполнение обязательств перед государством и создание новых органов самоуправления.

Пассивные формы сопротивления крестьянства (неуплата налогов, невыполнение обязательств) перемежались с активными акциями —

уничтожением волостной документации, разгромом государственных водочных «монополек», уничтожением государственных символов. Подвергались нападениям помещичьи имения — начались поджоги лесов и хозяйственных зданий, разграбление имущества (в том числе и оружия).

Особенностью революции в Видземе и Курземе были так называемые церковные демонстрации в сельских лютеранских церквях, которые носили отнюдь не религиозный, а политический характер. Социал-демократы избрали церкви местом массовых собраний, поскольку для сельских жителей это было самое главное место сборов. Богослужения превращались в политические демонстрации с пением революционных песен. Иногда они сопровождались насилием и хулиганскими действиями, направленными против немецких пасторов. Хотя религиозные темы во время церковных демонстраций обычно не затрагивались, онемеченная лютеранская церковь и ее привилегированные священнослужители для латышских крестьян были символом ненавистного помещичьего гнета.

Осень 1905 года — после провозглашения царского манифеста 17 октября — была в Латвии периодом наивысшего подъема революции. Манифест запоздал, революция в своих требованиях ушла намного дальше, и власти ситуацию практически уже не контролировали. В городах начались грандиозные стачки, проходили многотысячные собрания и митинги.

Одним из проявлений политической активности было создание профсоюзов. В них объединялись не только рабочие, но и ремесленники (портные, сапожники) и представители интеллигенции (учителя, техники, музыканты). И здесь большую роль сыграли социал-демократы. Работодатели, в свою очередь, объединились в Рижское общество фабрикантов.

Начали возникать немецкие, русские, латышские буржуазные партии. Консервативная Латышская конституционно-демократическая партия во главе с Фридрихом Гросвалдсом требовала самоуправления, отмены привилегий помещиков, но категорически возражала против всеобщих и равных выборов в Латвии. За эти права, а также за раздел и продажу крестьянам помещичьих земель, за более широкое самоуправление выступала созданная наиболее радикально настроенной латышской буржуазией Латышская демократическая партия.

В ноябре в Риге прошли два представительных форума революционеров — съезд народных учителей и съезд волостных делегатов. На учительском съезде присутствовало более 1000 народных учителей и других представителей интеллигенции, которые выступали за демократизацию системы образования, создание школ с шестилетним образованием, права родного языка и контроль над школами со стороны самоуправлений.

Съезд волостных делегатов, на котором присутствовало около 1000

человек, имел огромное политическое значение. Он констатировал, что ждать от правительства политических свобод не приходится, что латышские крестьяне сами должны создать собственное самоуправление. Оба форума потребовали созыва Учредительного собрания, демократического правительства в России. Съезд волостных делегатов избрал Центральное бюро для координации работы самоуправлений, но не обсуждал вопрос о демократизации самоуправлений высшего уровня.

Необычно организованно прошли выборы в органы нового волостного самоуправления — распорядительные комитеты, действовавшие в 470 волостях Латвии, или в 94% от их общего числа. Основным органом народной власти на селе были народные собрания, на которых избирались распорядительные комитеты. Новая народная власть вела работу в двух направлениях: организуя хозяйственную, социальную и административную жизнь в волостях, а также народную милицию и участие ее в вооруженных акциях. Земельный вопрос съезд волостных делегатов решил рассмотреть после созыва Учредительного собрания, однако отношение самоуправлений к дальнейшей судьбе помещичьей земли не отличалось единодушием.

Вооруженный характер революции 1905 года в большой мере объясняется тем, что и балто-немецкое дворянство, и центральная власть России видели в революционных беспорядках только анархию и вандализм. Балтийские немцы, призывая превратить Балтию в оплот контрреволюции, еще летом разместили в имениях войска и организовали отряды самообороны. И царь усматривал причины событий, происходивших в Балтии, лишь в недостаточном количестве войск. Идея вооруженной борьбы была чрезвычайно популярна среди революционеров, особенно среди молодежи, ее принципиально отстаивало и пропагандировало руководство латышской социал-демократии. Боевое настроение подпитывалось мифами и иллюзиями — о грузах вооружений из-за границы, о переходе царской армии на сторону народа и т.п., а также военными победами и акциями местного значения.

В городах еще в начале 1905 года стали формироваться группы боевиков, которые насчитывали сотни человек. Был организован сбор денег на закупку оружия, на фабриках делали холодное оружие и бомбы. Боевики организовали несколько смелых операций, в том числе нападение на Рижскую Центральную тюрьму и на здание тайной полиции в октябре 1905 года и в январе 1906 года, которые получили резонанс и за границей. Однако, учитывая громадный перевес сил, отказ руководства социал-демократов от всеобщего вооруженного восстания в декабре в крупнейших городах Латвии — Риге, Лиепае, Даугавпилсе — был разумным решением.

Невиданно широкий размах приобрели революционные события на селе (в Видземе и Курземе). Уже осенью 1905 года они носили характер гражданской войны между балто-немецким дворянством и латышским крестьянством. В сельской местности создавались отряды народной милиции, которые осуществляли координированные вооруженные акции в отдельных или сразу во многих соседних волостях. Крестьяне занимали или осаждали многие города Курземе. В боях в Талсы участвовали тысяча, в Тукумсе — три тысячи, а в осаде Айзпите 10 тысяч крестьян и батраков. В Северной Видземе действовал отряд «крестьянского генерала» Кришьяниса Бочса, контролировавший железную дорогу Руена–Пернов (Пярну) и совместно с эстонскими революционерами готовивший нападение на город.

В Рижском уезде, в Лиелварде, в конце ноября 1905 года революционеры взяли в плен 36 немецких баронов и членов их семей. Видземский ландтаг начал переговоры с Федеративным комитетом, который представляли Я. Янсон-Браун и А. Бушевицс. Была достигнута договоренность — помещики обещали не вводить в поместья войска, ЛСДРП освободила заложников и пообещала не нападать на замки. Наметились возможности всеобщего перемирия, которыми, тем не менее, не удалось воспользоваться.

Однако хроническая нехватка оружия, недостаток военного и организаторского опыта неминуемо должны были привести к поражению революционных отрядов в серьезных вооруженных столкновениях с регулярной армией. Всего на территории Латвии за 1905 год было зарегистрировано 1000 вооруженных столкновений.

В сельской местности революционеры отступали с боями. В 1906 году еще действовало более 5000 партизан, или «лесных братьев», которые нападали на небольшие военные соединения, арестовывали конвой, отдельных должностных лиц, расправлялись с предателями революции. Когда спал революционный энтузиазм и развеялись надежды на новый всплеск революции, движение лесных братьев иссякло.

Чтобы добыть средства на закупку оружия, латышские революционеры в 1905 и в начале 1906 года осуществили несколько нападений на почтовые конторы и банки. Самые значительные акции прошли в Риге, Лиенае, Хельсинки и Лондоне. Фактически нападения на банки и экспроприация денег являлись уголовными преступлениями, которые нельзя оправдать идеей революции. Действия «лесных братьев» тоже зачастую граничили с уголовными преступлениями.

После окончания войны с Японией царское правительство могло все свои силы обратить на подавление революции. Военное положение в

Курземе существовало с августа, в конце ноября оно было объявлено и в Видземской губернии (Лифляндии). В это же время был создан пост генерал-губернатора Балтии, который занял В. Сологуб. Были сформированы специальные карательные экспедиции из гвардии и казаков; в середине декабря 1905 года они приступили к усмирению бунтовщиков. Экспедиции, имевшие широкие полномочия, без суда и следствия расстреляли или повесили 1700 человек, сожгли 300 домов и даже целые населенные пункты (Гостыни), широко практиковали порку. В 1906 году на смену экспедициям пришли военно-полевые суды; расправы с революционерами продолжались под их прикрытием. Балтийские бароны, мстя за сожженные замки, принимали активное участие в карательных экспедициях и отличались особой жестокостью.

Говоря о приобретениях и потерях революции, многие задавались вопросом «Стоило ли?». Революция потребовала громадных жертв, принесла разруху. Около 3000 революционеров на территории Латвии были убиты, 10 000 заключены в тюрьмы или сосланы в Сибирь, 5000 человек были вынуждены эмигрировать за границу, откуда многие так никогда и не вернулись. То есть во время революции Латвия потеряла 18 000 человек. Тогда еще никто не знал, какие испытания ждут Латвию в XX столетии, но гибель современников оставила в сердцах тяжелый след. Латвийский поэт А. Саулиетис писал: «Молчите... Пусть ликуют другие, / Нам достался желтый песок на талом снегу».

Революция 1905 года стала настоящей трагедией в отношениях между балтийскими немцами и латышами. Безусловно, на стороне крестьян была историческая правда, однако это не оправдывает жестокость и уничтожение культурных ценностей. Балтийские немцы тоже называли Латвию родиной, их корни простирались вплоть до средневековья. После революции между ними и латышами пролегла бездна.

Однако революция дала и положительные результаты. Население Латвии смогло отстаивать свои интересы в Государственной думе России. События 1905 года в Латвии получили широкий резонанс и за границей и заложили традиции освободительной борьбы латышского народа. Во время революции латышский народ из объекта истории стал ее субъектом. Из среды революционеров-эмигрантов вышли впоследствии выдающиеся латышские политические деятели, в том числе Микелис Валтерс и Карлис Улманис. События 1905 года стали первым наброском тех идей, которые позже воплотило в жизнь Латвийское государство — государственность, демократические самоуправления, аграрная реформа.

Внутриполитическая ситуация после революции. После революции в Латвии на полную мощь заработал царский репрессивный аппарат.

Начались нескончаемые судебные процессы и расправы над участниками революции. До 1908 года в Видземе и Курземе сохранялось военное положение, до 1912 года — осадное положение. Только в 1909 году истек срок полномочий генерал-губернатора Балтии, а в 1912 году еще продолжали действовать военные суды. В 1913 году была объявлена амнистия и целый ряд латышских политических беженцев (в том числе К. Улманис и М. Вальтерс) вернулись в Латвию.

Полицейские акции и контроль шли рука об руку с усилением тенденции русификации. Чиновники из латышей и балтийских немцев были заменены русскими чиновниками. В самоуправлениях и проектируемых земствах Балтии самодержавие пыталось ввести принцип национальных курий с предоставлением широких привилегий русской курии. Шовинистическая шумиха под лозунгом «Россия — русским», которую в немалой степени поддерживало царское самодержавие, перечеркивала любую форму автономии окраин Российской империи.

В целях расширения шовинистической базы в Латвии правительство приняло серьезные меры по усилению колонизации русскими территории Латвии. Началась подготовка реализации тайного плана переселения видземских и курземских крестьян в Вологодскую губернию. В Курземе и Латгале переселялись тысячи русских крестьян. Только в Курземе предполагалось переселить 300 000 русских крестьян.

В свою очередь, балтийские немцы старались сформировать в Латвии поддерживающую их группу немецкого населения. Из российских губерний в Видземе и Курземе прибыло до 20 000 немецких колонистов, которые стали работать в имениях вместо батраков-латышей. Большинство русских и немецких колонистов не прижилось в Латвии, так что в целом попытки колонизации не достигли своих целей, однако для латышской фактор, угрожавший существованию латышского народа, приобрел реальные очертания.

После революции самодержавие вынуждено было пойти на ограниченные реформы и выдать обществу известные политические концессии. В Латвии продолжалось формирование легальных партий. Местное русское и немецкое общество создавало разного рода монархические и конституционно-монархические организации. Действовала партия октябристов, в Латгале — отделения черносотенного Союза русского народа. Влиятельной была Балтийская конституционная партия, насчитывавшая 8000 членов. В Риге активно действовала Еврейская конституционно-демократическая партия (кадеты).

Легальные политические партии в Латвии были нестабильными —

скорее, это были предвыборные объединения и группы по интересам, а не партии. Обычно наиболее активные деятели той или иной политической партии группировались вокруг латышских газет. Консервативная, возглавляемая Фр. Вейнбергсом Латышская народная партия группировалась вокруг газеты «Rīgas Avīze» («Рижская газета»), Латышская конституционно-демократическая партия — вокруг газеты «Латвия». Более либеральные латышские круги предпочитали «Mājas Viesis» («Гость дома») и «Dzimtenes Vēstnesis» («Вестник Родины»), а истинно демократические круги, группировавшиеся вокруг одного из лидеров, известного адвоката Густава Земгалса, — газету «Jaunā Dienas Lapa» («Новый Ежедневный листок»). Заметно ослабили позиции крайне левых, революционных партий, выдохся Бунд. Союз латышских социал-демократов, имевший собственную программу и переименовавший себя в 1913 году в Латышскую партию социалистов-революционеров (эсеры), серьезной поддержкой населения не пользовался. Латышские социал-демократы, после объединения с РСДРП ставшие Социал-демократией Латышского края (СДЛК), численно поредели. В 1912 году партия насчитывала всего 2500 членов. Радикальная позиция ее лидеров (П. Стучка и др.), ориентированная на российских большевиков, снизила авторитет партии среди широких масс населения. Однако СДЛК сумела сохранить партийное ядро, успешно переориентировалась на работу в легальных обществах и на общем фоне Российской социал-демократии выглядела хорошо.

И хотя официальные власти чинили всяческие препятствия, общественная жизнь в Латвии перетекла в различные общества, количество которых в 1913 году в Риге достигло 245. Сравнительно успешно развивались профсоюзы, включившиеся в борьбу за улучшение условий труда и жизни рабочих, страхование рабочих и т. п.

Балто-немецкая элита в городских самоуправлениях постепенно утрачивала свои главенствующие позиции, однако в больших городах они пока оставались прочными. На выборах в Рижскую думу в 1913 году анти-немецкая оппозиция набрала 42% голосов: это был успех. Выборы в самоуправления по-прежнему оставались важнейшей сферой политической деятельности латышской, балто-немецкой, русской, еврейской буржуазии и буржуазных партий. Однако сам процесс выборов все больше превращался в открытое состязание за хорошо оплачиваемые должности. Другой важной ареной действий политических сил Латвии была Государственная дума России. В Государственную думу всех четырех созывов от Латвии были избраны 30 депутатов — 16 латышей, 8 балтийских немцев, 4 еврея, 1 русский, 1 эстонец. В двух первых думах преобладали латыши — 6 депутатов из 7, в основном прогрессивные общественные деятели. Они

активно включились в политические процессы, работали в думских фракциях кадетов, трудовиков, социал-демократов, в блоке автономистов, успешно блокируясь с еврейскими депутатами. Наиболее видными представителями были Янис Чаксте, Янис Крейцбергс, Францис Трасунс, социал-демократ Янис Озолс. С трибуны думы они выступали с резкой критикой послереволюционного террора 1905 года, говорили о национальном угнетении, о положении латышского крестьянства, твердо отстаивали соблюдение законов и конституции.

В 1907 году реакционный закон о выборах в думу значительно сузил представительство в ней окраин. В III и IV думе Латвию представляли в основном балтийские немцы (в каждой думе четыре депутата). Число латышских депутатов уменьшилось втрое: было избрано всего по два латышских депутата. В III Государственной думе благодаря своей конструктивной деятельности большой популярностью пользовался депутат Андрей Приедкалнс. В IV думе весьма умеренные представители латышской буржуазии Янис Залитис и Янис Голдманис активностью не отличались.

И хотя ни одно предложение, выдвинутое прогрессивными латышскими депутатами, не было принято, деятельность их имела большое политическое значение. Впервые латыши выступили в качестве высших государственных деятелей России, которые во всеуслышание высказали правду о положении своего народа и своей земли, приобрели опыт парламентской деятельности. В ходе выборов в думу политический опыт обрели самые разные слои латвийского общества.

После революции латышская буржуазия для решения национального вопроса, по существу, не предложила ничего нового. Призывы отдельных авторов к сближению местных национальностей, преодолению космополитизма, сплочению различных социальных и политических группировок латышского общества ничего не изменили. Латышская буржуазия национальные проблемы по-прежнему рассматривала через призму вражды между латышами и балтийскими немцами, не сумев оценить опасность русификации и ее масштабы, проявив беспечность и готовность на сговор с царским режимом. Буржуазия пассивно и подобострастно ориентировалась на официальную Россию. Большинство латышских социал-демократов ориентировалось на революционную Россию и пролетарский интернационализм, демонстрируя нигилизм в отношении национального вопроса.

Накануне Первой мировой войны социал-демократ меньшевик Маргер Скуениекс и социалист-революционер Микелис Валтерс написали серьезные

работы по национальному вопросу. Авторы резко критиковали национальную покорность буржуазии, национальное равнодушие догматиков социал-демократов и выдвинули главные задачи в национальном вопросе: объединение Видземе, Курземе и Латгале в одну административную единицу — Латвию; ограниченное самоуправление и широкая культурно-национальная автономия; сплочение национальных сил; борьба с русификацией. М. Скуениекса фактически можно считать родоначальником национал-коммунизма в Латвии, а работы М. Валтерса отразили переход антинемецких настроений в антиимперские. Тем не менее прав историк У. Германис, который указал, что накануне Первой мировой войны «латыши, за исключением левых подпольщиков, можно сказать, не были политически организованы, а широкие народные массы еще не были готовы воспринять «высокие политические цели»».

2. 3. ЛАТВИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Военно-политическая ситуация: 1914–1916. Латышский историк Арнолд Спекке, характеризуя ситуацию в Латвии в начале войны, писал: «Территория латышей и вообще Восточная Европа, находясь между немцами и русскими, становится в моменты расчета между двумя большими народами не только обязательной проходной территорией, но и перворазрядной сценой военных действий, ибо этот обширный край является одной из нервных точек континента, в которой перекрещивается масса жизненных интересов, будь то наступление или оборона, точно так же, как равнины Северной Италии, равнины по берегам Вислы или в среднем течении Дуная, центральная Бельгия и т. д. На деле и там народам нелегко, но все же они выдерживают».

Война в Латвии, как и в других странах воюющей Европы, началась массовыми восторгами и стихийными демонстрациями. Непредвиденной и неожиданной, буквально сюрпризом для царского самодержавия, стала демонстрировавшаяся латышами поддержка официального урапатриотизма и антинемецкого духа. Война разбудила латышей от национально-политического оцепенения. Участие России и других европейских держав в войне с Германией словно вселило в латышский народ удивительное и невероятное чувство, дав понять, что его давний враг — враг и многих европейских народов.

Войну против Германии латыши восприняли и как войну против бал-

тийских немцев, от господства которых появилась, наконец, возможность освободиться. Забыты были общность культуры и вероисповедания, вновь вспыхнула веками копившаяся ненависть к немцам, острее стал страх, что в случае победы Германии балтийские немцы отомстят за революцию 1905 года и уничтожат латышский народ.

Война давала латышам призрачные надежды на грядущее и стихийное ощущение, что военные события следует использовать в интересах будущего своего народа. Однако как это сделать — ясности не было, как не было и организации, планов, опыта, связей. Здравый смысл подсказывал, что надо выждать и оказать активную поддержку той из сторон, которая пообещает Латвии серьезные концессии, здравый смысл подсказывал, что не надо обострять отношения с балтийскими немцами, лучше соблюдать известный нейтралитет.

Однако чтобы соблюсти нейтралитет, латвийским политикам не хватило ни дальновидности, ни ясного, рационального мышления. Ориентация на Россию была привычной, представлялась удобной и реальной. Быстрая победа Антанты над Германией казалась само собой разумеющейся. Латыши *a priori* демонстрировали свою лояльность и поддержку Российскому государству, надеясь, что это будет оценено по достоинству. Такая позиция станет понятной, если помнить о клевете и измышлениях элиты балтийских немцев по адресу латышей при царском дворе, а также о представлении приближенных к царю бюрократических кругов о латышах, как о «народе-бунтовщике».

Латышское общество было готово к трудностям войны, мало кто задумывался над ее продолжительностью, ее разрушительным действием, как и о том, сколько она потребует жертв. Пресса первых же дней войны была переполнена бравурными воззваниями, призывавшими латышей «из народа пастухов стать народом воинов», «открыть дорогу героической русской армии на Берлин», восхищением «бравыми казаками, которые, сражаясь с немцами, спасают европейскую цивилизацию». Настроение общества, стиль поведения латышских политиков отразились в знаменитой в свое время экзальтированной речи депутата Государственной думы Я. Голдманиса, в которой он подчеркнул: «Среди латышей и эстонцев нет ни одного человека, который не сознавал бы, что все, чего они достигли, они достигли только под сенью российского орла, и что все, что будет достигнуто, станет возможным, если Балтия и в дальнейшем останется составной частью великой России. (..) Не только наши сыновья, братья и отцы будут героически сражаться в рядах армии, но враг встретит в наших домах, в каждой хижине — от самой маленькой до самой большой —

врага, которого можно лишить жизни, но который и умирая будет производить только одно: да здравствует Россия!»

Такие антинемецкие и официально-патриотические настроения царили в начале войны среди большей части латышского общества: среди буржуазии, крестьян, мещан. Сдержаннее были рабочие, большинство которых находилось под влиянием СДЛК. Латышская социал-демократия — большевики и меньшевики-интернационалисты выступали против войны. По существу, большевикам война и вызванная ею разруха нужны были для достижения своей главной цели — захвата власти.

Спектр антинемецких выступлений в Латвии был довольно широк. С должностей были уволены симпатизировавшие балтийским немцам губернаторы Курземе и Видземе, немецкие названия населенных мест, городов, улиц, гостиниц, кинотеатров и пр. заменили на русские, ввели ограничения на использование немецкого языка. Началась кампания по поиску и поимке «немецких шпионов», граждан Германии и лояльных к ней высылали в отдаленные российские губернии. Весной 1915 года был прерван выпуск немецкой прессы в Латвии.

Призывы отдельных политиков, например, М. Валтерса, — уважать своих соотечественников-немцев, не возымели действия: антинемецкая истерия продолжалась, однако до физической расправы с немцами дело не дошло.

Власти Российской империи, наперекор надеждам латышей, тем не менее, не спешили сменить гегемонистское отношение к Балтии и ее населению. Правда, петербургская и московская пресса не скупилась на похвалы в адрес латышских солдат за их храбрость и умелое ведение боя, прославляясь и патриотизм латышей — подчеркивалось, что «из всех народов нашего отечества наивысший патриотизм проявляет сейчас латышский народ». Но ни Николай II, ни его окружение не собирались менять своего отношения к латышам: ни о каких реформах или уступках национальным устремлениям латышского народа не было и речи. Напротив, еще более усилился великорусский шовинизм, что выражалось в действиях военного руководства и официальной администрации. Латышские названия хуторов были заменены русскими названиями, были и попытки запретить переписку на латышском языке с фронтовиками.

Самым масштабным мероприятием в начале войны стала в Латвии мобилизация. Добровольцам не было конца, мобилизационные планы повсюду перевыполнялись. Под влиянием пропаганды складывалось, особенно у молодежи, представление о войне как о героическом походе, где будет царить дружба. Всего за время войны в царскую армию было мобилизовано 120–140 тысяч жителей Латвии. Мобилизации подверглись

и находившиеся в запасе в армии и флоте, годные к службе в земессардзе (народном ополчении). Из ополченцев формировались специальные отряды, размещавшиеся обычно вблизи их места жительства. Так, в Даугавгривской крепости были расквартированы 13 рот ополчения, состоявшие почти только из латышей. Большая часть территории Латвии вошла в Вильнюсский военный округ, и сформированная там 1-й армия состояла в основном из латышей.

В Восточной Пруссии в составе 1-й армии воевал 20-й корпус, также состоявший в основном из латышей — солдат и офицеров. В начале февраля 1915 года корпус героически сражался в арьергардных боях на Августовских болотах, обеспечив 10-й русской армии возможность отступления. Корпус был уничтожен — погибли, были ранены, взяты в плен около 20 тысяч латышских бойцов. Ни одна другая военная операция Первой мировой войны не потребовала от латышей таких жертв. Немецкое командование сравнило латышских бойцов с наполеоновской гвардией, «которая умирает, но не сдается».

Неудачные контратаки русской армии, безынициативность верховного командования, плохая связь и несогласованность действий отдельных частей продолжались всю весну и лето 1915 года. В апреле военные операции переместились на территорию Латвии — в Курземе (Курляндскую губернию) и непосредственной угрозе подверглись Елгава и Рига. Оборона Елгавы в начале мая стала триумфом двух Даугавгривских батальонов ополчения: плохо обученные и слабо вооруженные, они сумели отбить атаки немецких войск и удержать город. Однако 1 августа 1915 года Елгава — центр Курземе — пала. Немецкая армия получила контроль над всей территорией Курземе, оккупация которой продолжалась четыре года.

Потеря Курземе не только радикально изменила военно-политическую ситуацию в Латвии. Это была реальная угроза существованию латышского народа. Кроме проблемы курземских беженцев, серьезной угрозой для Латвии стала линия фронта, разделившая ее территорию на две части. Курземе утратила связь с остальной территорией Латвии, с беженцами, оказавшимися в России, она поддерживалась только через Красный Крест Дании.

Литва, часть Белоруссии и Курземе вошли в состав вновь образованной «области управления верховного главнокомандующего Восточным фронтом» (по-немецки Ober-Ost). В Курземе разместилось немецкое военное управление, возглавляемое депутатом рейхстага майором запаса немецкой армии Альфредом фон Гослером. В руководстве управления были в основном офицеры запаса немецкой армии и местные помещики немцы. Местная общественная жизнь, деятельность различных обществ,

издание прессы почти полностью прекратились. Стремительными темпами шло онемечивание — в учреждениях, на предприятиях, в школах был введен немецкий язык. Военно-полицейский надзор за каждым шагом жителя Курземе был отличительной чертой этого оккупационного режима. Была установлена строжайшая цензура, введено ограничение на свободное передвижение, введен строжайший контроль на дорогах, созданы концентрационные лагеря для провинившихся, жандармерии были предоставлены широкие полномочия в каждом уезде Курземе. С интересами местных жителей, за исключением интересов курземского дворянства, немецкие военные власти не считались.

В высших кругах Германии вопрос о дальнейшей судьбе Курземе обсуждался в широком контексте — в связи с дальнейшей судьбой Балтии и восточных границах Германии после войны. Популярными были идеи онемечивания, колонизации и аннексии. Германское правительство сформировало специальную комиссию по разработке плана колонизации Курземе; в Берлине активно действовал Балтийский совет доверия, созданный балтийскими немцами, который в 1915 году распространял в Германии так называемый Серый меморандум о необходимости аннексии Балтии. В издаваемых в Германии книгах и брошюрах, в многочисленных газетах прославлялась «прекрасная немецкая земля на берегах Балтийского моря — Курземе», раздавались неограниченные обещания тем немцам, которые хотели бы переселиться «на старые немецкие земли».

В планы колонизации входила передача трети курземских земель немецким колонистам — в расчете на то, что беженцы не вернуться, а оставшиеся латыши будут онемечены или переселены в другие районы России. Курземский барон Сильвио фон Бредрих рассчитывал, что в течение жизни одного поколения с помощью немецких колонистов Курземе можно будет превратить в настоящие немецкие земли. В планах шовинистически настроенных влиятельных немецких политических, военных и предпринимательских кругов в послевоенной Европе латышам места не было. Генерал Хельмут фон Зект считал латышей, равно как и евреев, поляков, литовцев и эстонцев, отребьем Европы, изгнание которых с их территорий стало бы величайшей победой Германии в войне. Влиятельный немецкий промышленник Альфред Гугенбергер заявлял, что латышам и литовцам суждено погибнуть — как древним пруссам.

Беженцы из Курземе, существование латышского народа и будущее Латвии — вот круг тяжелейших проблем, которые поставила война перед латышами. Но война же мобилизовала духовные силы народа, вынуждала искать и находить неординарные ответы на вызов, брошенный историей.

Российские имперские учреждения, неспособные справиться с огром-

ным объемом работы и назревшими проблемами, были вынуждены часть из них передоверить общественным организациям. Так зарождались новые общественные связи. В Латвии это были прежде всего различные комитеты помощи воинам и их семьям, которые формировались по национальному принципу. Такие организации брали на себя и заботу о раненых. Но в самом бедственном положении находились все же беженцы, количество которых было непомерным. Официальные циркуляры предписывали беженцам «двигаться на восток», но обеспечить их ведомства были не в состоянии. В 1915 году возникли многочисленные организации помощи беженцам, однако координации между ними не было, препятствовали этому непонимание и зависть, подоплекой которых была борьба за государственные пособия для беженцев.

30 августа 1915 года в Петрограде состоялся съезд латышских беженцев, в котором приняли участие 128 делегатов из 83 организаций, осуществлявших опеку над беженцами. Съезд призвал латышей «не покидать родные дома» даже под угрозой немецкой оккупации и решил отправлять беженцев в Видземе, Латгале и в крупнейшие центры России — в Петербург и Москву, но ни в коем случае не в Поволжье, на Урал или в Сибирские губернии.

Съезд избрал Центральный комитет помощи беженцам, который действовал вплоть до января 1918 года. Членами его были депутаты Государственной думы Я. Залитис и Я. Голдманис, а также другие видные латышские общественные деятели — В. Олавс, А. Бергс, Я. Чаксте, представитель Латгале католический священник Никодем Ранцанс и др. Председателем комитета был избран истинный патриот Латвии В. Олавс, который благодаря своей фантастической энергии и организаторскому таланту сумел поставить обеспечение беженцев на солидную основу.

Центральный комитет помощи беженцам делал почти невозможное: в условиях хозяйственной разрухи он сумел выявить, снабдить необходимым и объединить сотни тысяч беженцев, разбросанных по всей территории Российской империи. Комитет создал 260 местных отделений помощи беженцам — везде, где скапливалось большое число латышей; комитет сумел также добиться материальной поддержки от государства, собирал пожертвования от частных лиц и благотворительных организаций — в 1917 году объем средств Комитета достиг почти 15 миллионов рублей.

Центральный комитет осуществлял перепись беженцев, снабжал их информацией и — в пределах возможного — работой, продовольствием, одеждой, обувью. Была разработана детальная программа по «удовлетворению культурных и духовных потребностей» беженцев. Комитет открыл

сотни школ для них, оплачивал работу учителей, организовал внешкольные курсы, чтение лекций, библиотеки, театры. Регулярно проводились богослужения. Вся культурно-просветительская работа велась на латышском языке и носила выражено национальный характер. Связь латышских беженцев, живших в российских губерниях, с родиной поддерживалась через издававшиеся для них газеты, выходившие почти во всех центрах, где обосновались беженцы, — от Петрограда и Москвы до Владивостока.

Центральный Комитет помощи беженцам собирал вокруг себя латышей, укреплял в них национальное самосознание, чувство национальной ответственности. Деятельность Комитета имела огромное значение для исторических судеб Латвии. Комитет помощи беженцам стал хорошей школой для политических деятелей Латвии — здесь они учились сплачивать народ, понимать его интересы, вести его к общей цели. Многие сотрудники Комитета впоследствии оказались среди тех, кто создавал Латвийское государство и руководил им. В некотором смысле этот комитет можно сравнить с будущим парламентом Латвии, в котором были представлены все уезды, все социальные группы населения и многие политические группировки.

В первые годы войны (до 1917 года) активизировалась и латышская национальная мысль, хотя разные политические группировки, общественные деятели и творческая интеллигенция будущее Латвии видели по-разному. Официальной имперско-патриотической позиции придерживалась верхушка латышской буржуазии, которая была представлена в Государственной думе (Я. Залитис и Я. Голдманис) и которая во время войны возглавляла Центральный комитет помощи беженцам (А. Бергс, В. Олавс, Я. Чаксте). Их позицию выражала издаваемая в Петрограде газета «Балтия» (ред. А. Бергс). О политической автономии эти политические и общественные деятели говорить избегали и по-прежнему отстаивали лишь создание земств в Балтийских губерниях, уравненных в правах с внутренними губерниями России. В их статьях и речах жизнь латышского народа после победы Российской империи в войне рисовалась в фантастических красках.

Конечно, не надо сбрасывать со счетов, что эти люди осуществляли огромную практическую работу ради спасения латышского народа и опасались утратить моральную и материальную поддержку в высших кругах Российского правительства, каковая возможна была лишь при конформистском отношении к имперским властям. В то же время описываемые ими буквально фантазмагорические картины будущего Латвии

под властью царской короны не ориентировали латышское общество на реальные национальные цели.

Намного смелее и реалистичнее высказывалась о будущем Латвии обосновавшаяся в Москве творческая интеллигенция, рупором которой была газета «Dzimtenes Atbalss» («Эхо Родины»). Талантливые журналисты Янис Банкавс, Эрнест Бланкс, блестящие писатели Карлис Скалбе, Линард Лайценс, Янис Акуратерс, Виктор Эглитис главное внимание уделяли именно национальному вопросу и будущему Латвии. Эта группа объединяла людей разных политических взглядов и убеждений. Я. Акуратерс писал: «Мы не хотим быть ни красными, ни черными — нас объединяет мысль о национальной культуре, экономическом и общественном устройстве». Национальная политическая группа, созданная в Москве латышской интеллигенцией, призывала бороться за единую неделимую Латвию как особую национальную территорию России, уделяя главное внимание в развитии латышской нации социальному, культурному и образовательному аспекту.

Активно действовали также группы латышских политических эмигрантов за рубежом, особенно в Швейцарии. Осенью 1915 года национально настроенные латышские социал-демократы — Райнис, Феликс Циеленс, Анна Кениня создали в Швейцарии Латышский национальный комитет, который широко пропагандировал идею самоопределения латышского народа в Западной Европе, искал сторонников ее среди общественных и культурных деятелей Европы, выступал с энергичными протестами против аннексионистских планов Германии и стремился придать вопросу Латвии международный резонанс. Тогда же широкую поддержку у латышских политических эмигрантов вызвал предложенный в 1915 году Ф. Циеленсом проект умеренной политической автономии Латвии в составе России. Райниса во время войны ненадолго увлекла идея единого латышско-литовского государства.

В конце 1916 года латышскую буржуазию и интеллигенцию все больше увлекает идея автономии Латвии. Происходит сближение взглядов Петроградской и Московской латышских национальных политических группировок. Объединенная Латвия (включая Латгале), возвращение в Латвию беженцев, новый латышский порядок самоуправления — эти положения поддерживали представители обеих группировок.

В 1915 году были сформированы батальоны латышских стрелков, оказавшие огромное влияние на дальнейшую судьбу не только Латвии, но и России. Первый год войны в корне изменил отношение российского генералитета к созданию отдельных национальных формирований. Российским военным кругам импонировали военная выправка, дисциплина и

боеспособность латышских солдат и офицеров, они надеялись, что своим боевым духом латыши увлекут за собой и другие части российской армии.

Латышские социал-демократы — большевики и элита балтийских немцев к идее организации латышских стрелковых подразделений относились отрицательно. Не поддерживали формирование национальных частей ни сам Николай II, ни царица и их окружение. Однако мнение общества, и военных кругов в частности, в этот момент оказалось решающим. Весной 1915 года идея формирования национальных военных частей захватила широкие круги латышской общественности и становилась все более популярной — считалось, что именно латышские части сумеют освободить Курземе и отстоять Ригу. Инициативная группа во главе с членом Государственной думы Я. Голдманисом направила послание верховному главнокомандующему Великому князю Николаю Николаевичу, который перепоручил решение вопроса командующему Северо-Западным фронтом. Приказом командующего фронтом за № 322 от 1 августа 1915 года и было положено начало формирования латышских стрелковых батальонов.

Латышские политические и общественные деятели создали организационный комитет, в который вошли Я. Голдманис, Я. Залитис, А. Бергс, а также видные впоследствии латышские политики Зигфрид Мейеровицс, Валдемар Замуэлс и др. Воззвание, подписанное членами Государственной думы, гласило: «Собирайтесь под латышские знамена!.. Братья, час пробил! Кто верит, тот победит. Вперед под знаменем Латвии, за будущее Латвии!» Началась широкая запись добровольцев, многие из других армейских частей переходили в латышские батальоны. Все это сопровождалось всеобщим национальным подъемом, проводы в учебные отряды в Риге превращались в народный праздник.

Вначале было создано восемь стрелковых батальонов, которым были присвоены исторические названия областей и городов Латвии. В каждом насчитывалось около полутора тысяч солдат и офицеров. В сентябре 1916 года стрелковые батальоны были преобразованы в восемь полков, каждый полк состоял из двух батальонов. Был сформирован и латышский стрелковый запасный полк, который базировался в Валмиере. Во время боевых операций полки были объединены в 1-ю и 2-ю бригады. Высшее командование запретило превышать численность полков, чтобы не создавать стрелковую дивизию, ибо в таком случае латышских стрелков пришлось бы снабдить не только стрелковым оружием, но и артиллерией и увеличить технические службы. Армейское руководство считало это опасным и нежелательным. Первоначальным положением не предусматривалось использование латышских стрелков в качестве регулярных пехотных час-

тей. На них возлагалась разведка, диверсии, они должны были поддерживать связь, были переводчиками, поскольку хорошо знали местность и местные условия.

Только в мае 1916 года была издана инструкция, согласно которой латышские стрелки стали принимать участие в регулярных боевых операциях. В 1916 году латышские стрелковые полки насчитывали около 40 000 человек — 25 000 в действующей армии и 15 000 в резервном полку.

Благодаря выправке, порядку, царившему в частях, обычаям и традициям части латышских стрелков были уникальным явлением в российской армии. Наряду с русским языком, который использовался в официальном общении (команды, документация), широкое хождение имел и латышский язык. Более девяти десятых боевого состава полков были латыши, остальные — проживавшие на территории Латвии эстонцы, русские, литовцы, поляки. Здесь были представители всех областей и всех социальных слоев Латвии — рабочие и предприниматели, батраки, чиновники, хозяева, школьники и студенты. Высок был образовательный ценз служивших в полках — лишь 3,5% безграмотных. Большинство младших и низших офицерских чинов были представителями латышской интеллигенции, бывшие народные учителя. Высшие командные должности занимали опытные офицеры. Командиры полков и бригад впоследствии стали генералами Латвийской армии — это Рудольф Бангерскис, Янис Калныньш, Густав Францис, Карлис Гопперс, Андрей Аузанс, Аугуст Мисиньш, будущий первый главнокомандующий Вооруженных Сил Советской России полковник Иоаким (Юкум) Вацietис и др. Между солдатами и офицерами царили деловые, часто дружеские отношения — без унижения рядовых и взаимной неприязни.

Стрелки имели право носить нагрудный знак с национальной символикой, флаг, кроме национальной символики, имел надписи на латышском языке, разрешалось петь латышские песни, оркестры играли национальные марши. В стрелковых полках действовали литературные и театральные кружки, распространялись газеты, книги, журналы — это была часть образованной Латвии. Высокое чувство самоуважения, любовь к порядку отражались и во внешнем виде стрелков, ухоженной территории. Для царской армии необычными казались перешитая по росту форма, лихо заломленные фуражки, цветочные клумбы и чистые дорожки возле казарм, цветы в землянках и в блиндажах.

Полки были вооружены легким стрелковым оружием — японскими винтовками Арисака, американскими пулеметами Максима и Кольта и ручными гранатами. Их боевые успехи объяснялись другим — сплоченностью, сознанием долга, привычкой любое дело исполнять точно и до

конца, серьезным подходом и командиров, и рядовых к военным учениям и боевым действиям, как к тяжелой работе. Не последнюю роль играли, конечно, и юношеский энтузиазм, молодецкая лихость. И все же главным было то, что стрелки сражались на своей земле и за свою землю, ощущали подлинную связь со своим народом, более того, они пользовались его любовью, потому что были такой армией, какую хотела иметь Латвия. Словом, у стрелков было все, но их было слишком мало, и даже в героических боях они не сумели освободить Курземе.

Полки латышских стрелков входили в состав 12-й Российской армии Северного фронта. В 1915 и 1916 годах они сражались на Рижском фронте, на самых важных и опасных его участках. Особенно кровавые бои развернулись в 1916 году, когда российское командование, чтобы облегчить положение французской армии на Сомме и под Верденом, приказало начать наступление на Северном фронте. Отношение командования Северного фронта и 12-й армии к латышским стрелковым полкам было неоднозначным. Русский генералитет отмечал высокую боеспособность полков, генерал Николай Рузский в рапорте Главному штабу в сентябре 1916 года назвал латышских стрелков «надежнейшей опорой на Рижском фронте», и в целом отзывы о латышах были положительные. Но в то же время победы, одерживаемые стрелками, задевали честь русского генералитета, вызывали чувство зависти, порой и ненависти, поэтому стрелков, зачастую без подкрепления, отправляли на самые опасные участки фронта, стараясь за их счет выделиться.

По-разному относились сами участники и высшее российское командование к военным операциям, в которых предстояло участвовать полкам латышских стрелков. Стрелки и их командиры видели логический смысл каждого боя в изгнании германской армии из Курземе. Командование же фронта и 12-й армии, в свою очередь, стремилось к демонстрации военной активности, чтобы не нарушить кажущегося равновесия сил на фронте и излишне «не раздражать» немцев. К планированию и проведению военных операций командование армии и фронта зачастую подходило формально, обнаруживая некомпетентность, непонимание ситуации. Так что все успехи стрелков на поле боя, за которые были отданы тысячи жизней, оказались напрасными — ни одним из них командование не пыталось или не сумело воспользоваться.

Особенно это проявилось в так называемых Рождественских боях — с 23 декабря 1916 года по 18 января 1917 года, когда в результате неkoordinированных, непродуманных военных действий в направлении Елгавы попытки атаковать противника оказались безрезультатными. В латышских полках вышли из строя 9000 человек, или более 37% боевого состава, из

них погибли в боях 2000 бойцов. Это были самые крупные потери стрелков на фронтах Первой мировой войны.

В настроениях стрелков произошел радикальный перелом. Они утратили веру в русского царя, высшее политическое и военное руководство, не верили и латышской буржуазии, которая ничего не сделала, чтобы предотвратить гибель стрелков на Рижском фронте. Офицеров и солдат все больше стали занимать мысли о смысле войны и роли латышского народа в ней. В их рядах резко возросли антивоенные настроения, активизировалась агитация большевиков в стрелковых полках.

Латышские стрелки крепили национальное самосознание народа, заставили заговорить о себе не только в России, но и в Западной Европе. О стрелках говорили в Англии и Франции, в Германии и Италии. Известный бельгийский поэт Эмиль Верхарн писал о латышских стрелках:

*«И мы под Верденом, возле Изера,
Слушали, затаив дыхание,
Как перекликаются дубы Латвии —
Они не умеют гнуться, они ломаются».*

Военно-политическая ситуация в 1917–1918 годах. Февральская революция в России значительно ускорила ход событий и поляризацию политических сил в Латвии. В политику были вовлечены сотни тысяч солдат в армейских частях, расквартированных на территории Латвии, что дестабилизировало общественную ситуацию. В администрациях значительно уменьшилось влияние русских и немцев — они стали более латышскими, и латыши стали решающим политическим фактором. Местная власть обрела независимость. Контроль со стороны Временного правительства России был скорее формальным. Возросла роль выборных органов и обострилась борьба за влияние в них. В чрезвычайно пестром политическом спектре не первый план выдвинулось национально-либеральное и лево-революционное направление, в котором очень скоро главенствующую роль стали играть латышские большевики.

Латышскому обществу, не имевшему никакого опыта демократии, пришлось сделать выбор между двумя главными идеологиями и политическими альтернативами: национальные либералы предлагали традиционную парламентскую демократию — с законами, компромиссами, имущественным неравенством и эволюционным развитием; большевики призывали к диктатуре пролетариата, всеобщему миру, всеобщему равенству и к государству трудящихся. Сиюминутные, радикальные и кажущиеся справедливыми решения в мировом масштабе придавали коммунистическим

идеям религиозный характер, что жадно воспринимало измученное войной население.

В 1917 году, сразу после Февральской революции, на неоккупированной части Латвии возникли или возобновили свою работу многие политические партии — и лево-радикальные, и буржуазные, и латгальские, и партии национальных меньшинств. В основном это были небольшие организации с ограниченным политическим влиянием. Среди латышских буржуазных партий следует упомянуть Национал-демократическую партию, которая объединила в своих рядах латышскую интеллигенцию, группировавшуюся вокруг газеты «Dzimtenes Atbalss». Партия имела радикальную национальную программу, видела Латвию демократической республикой в составе Российской федеративной республики.

Самой влиятельной и многочисленной латышской буржуазной партией был Латышский Крестьянский союз Латвии, у которого были два блестящих лидера — К. Улманис и недавно вступивший в союз бывший лидер социалистов-революционеров М. Валтерс. В рядах союза активно сотрудничали З. Мейеровицс и Отто Нонацс. И хотя по составу партия была неоднородной, она единственная хоть в какой-то степени могла серьезно оппонировать Социал-демократической партии Латвии.

Латышские социал-демократы, среди которых в середине 1917 года большевики еще не имели столь серьезного влияния, стала самой популярной партией в Латвии. Этому в огромной мере способствовало то, что, в отличие от России, она не делилась на фракции меньшевиков и большевиков, и массы поддерживали всю партию в целом.

Широкая демократизация жизни сказалась и на формировании новых органов самоуправления, сменивших старую администрацию. В городах возникли советы общественных организаций, которые должны были консолидировать различные политические силы.

В марте в Риге был сформирован Видземский Временный земский совет. Комиссаром Российского Временного правительства, вместо царского губернатора, стал рижский городской голова Андрей Красткалнс, которого сменил социал-демократ А. Приедкалнс. Обязанности заместителя комиссара исполнял лидер Крестьянского союза К. Улманис. В конце апреля в Тарту представители курземских беженцев создали Курземский временный земский совет, избрав комиссаром Я. Чаксте. Почти одновременно в Резекне был избран Латгальский временный земский совет во главе с известным латгальским общественным деятелем Францисом Траунсом. Латгальский земский совет заявил о желании латгальцев отделиться от Витебской губернии и объединиться с остальной Латвией.

Создание областных земских советов в Латвии, высказанное ими

стремление к объединению объективно ускорили и сам ход событий. Практически же Временное правительство не дало согласия на объединение областей Латвии в автономную единицу, и разрешенные административные реформы могли начаться только в Видземе. В это же время на неоккупированной территории Латвии стали создаваться советы солдат, рабочих и безземельных, которые должны были «накрыть» «волной большевизма» Ригу и Видземе. Вскоре реальная власть в Риге перешла в руки Рижского Совета рабочих депутатов. В апреле 1917 года, чтобы парализовать деятельность Видземского Временного земского совета, большевики созвали в Валмиере I съезд безземельных Видземе, который избрал Видземский совет безземельных. Его деятельность стала подтверждением умелой тактики большевиков — будучи секцией Рижского совета рабочих депутатов, Совет безземельных добился формирования нового Видземского земского совета, в котором занял доминирующие позиции.

Свою роль сыграл и процесс большевизации латышских стрелков: большевикам постепенно удалось добиться принятия Исполнительным комитетом латышских стрелковых полков — Исколастрелом — все более радикальных решений. В мае 1917 года съезды латышских стрелков осудили продолжение войны, политику Временного правительства и требовали передать всю власть советам. Съезды приняли решение поддерживать большевистскую партию; руководство Исколастрела полностью перешло в руки левых радикалов, отличным прикрытием для которых стал талантливый военный, но в политике — авантюрист капитан Волдемар Озолс. Вскоре после этого из стрелковых полков вышли национально настроенные офицеры. В августе 1917 года был создан Национальный союз латышских воинов. Это, однако, был запоздалый шаг: союз не сумел коренным образом изменить настроения большинства стрелков и показал, насколько политически недалеким ввели себя латышские буржуазные и мелкобуржуазные круги.

Первый этап на пути латышских большевиков к власти увенчался созданием социал-демократами Латвии (СДЛ) в июле 1917 года Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии — Исколата.

Второй этап ознаменовался убедительной победой большевиков на выборах в самоуправления различных уровней и в Учредительное собрание России во второй половине 1917 года. На выборах в Рижскую думу в августе большевики получили 49 из 120 думских мест, или 41% голосов, оставив далеко позади остальные партии. На состоявшихся в сентябре выборах Видземского земского совета у большевиков было уже 63% голосов, у их ближайших конкурентов — Крестьянского Союза — более 36%.

И на выборах в Учредительное собрание России в ноябре перевес большевиков над Крестьянским Союзом был внушительным — 72% голосов против 23%. Успехи латышских большевиков на выборах в Учредительное собрание были самым внушительными — в целом в России за большевиков отдали голоса 25% избирателей. Особенно впечатляли успехи большевиков в Видземе, менее — в Латгале, где социальная ситуация была другой и активность СДЛ традиционно была не столь высока.

Уникальные успехи большевиков в 1917 году объясняются своеобразной и сложной исторической ситуацией. В Латвии, в отличие от России, не было других влиятельных левых партий, которые могли бы конкурировать с большевиками. Латышские меньшевики сформировали свою партию только в 1918 году, у эсеров не было базы среди населения. По сравнению с вновь образованными буржуазными партиями большевики имели большой политический опыт, в их арсенале были наработанные приемы политической пропаганды и демагогия, финансовая поддержка немецких военных кругов и не тускнеющий ореол революционного прошлого еще с 1905 года. Поэтому призывы отомстить немецким баронам и русским черносотенцам за все унижения, причиненные латышам, электризовали широкие круги латышской общественности.

Решая такие важные для латышей вопросы, как вопрос о земле, о мире, национальный вопрос, буржуазные партии предпочитали идти на компромисс с Временным правительством, с другими российскими властными структурами, предлагая традиционный подход к социально-экономическим проблемам. Латышские большевики, напротив, предлагали по каждому вопросу кардинальные и моментальные решения. Огромному количеству безземельных крестьян Видземе национализация и конфискация представлялись единственно правильным решением. Росту популярности латышской буржуазии не способствовала также поддержка ею лозунга Временного правительства «война до победного конца». Большинству населения Латвии, которое в течение нескольких лет испытывало на себе все ужасы войны, лозунг большевиков о мире без аннексий и контрибуций казался гораздо более реальным и привлекательным.

Решение столь актуального для Латвии национального вопроса сдерживала оккупация Курземе и отрицательное отношение Временного правительства России к идее автономии Латвии. Оно отказалось узаконить присоединение Латгале к Видземе и считать Латвию особой административной единицей в составе России. Лидеры латышской буржуазии Я. Голдманис, Я. Залитис и Я. Чаксте в вопросе национальных требований вели себя очень осторожно, даже пассивно. Большинство латышских общественных и политических деятелей были еще не готовы к принятию радикальных

проектов национал-демократов о независимом Латвийском государстве в составе Российской Федерации. Для латышских же большевиков наиболее приемлемым был популярный в 1917 году лозунг «Свободная Латвия в свободной России», лозунг об автономии казался им излишним и несущественным. Однако растущая популярность идеи автономии и тактика В. Ленина по национальному вопросу заставила латышских большевиков прибегнуть к ловким маневрам. 30 июля на конференции латышских общественных организаций и политических партий они поддержали требование об автономии Латвии в составе Российской демократической республики. В целом же пропагандистские обещания решить этот вопрос революционным путем были более действенными, чем неудачные попытки буржуазных партий выпрашивать автономию у Временного правительства.

На военно-политическую ситуацию на территории Латвии существенное влияние оказали военные действия на Рижском фронте, которые возобновились 19 августа (1 сентября). Неудачное наступление российской армии в июле 1917 года, подталкиваемый большевиками ее развал, братание на фронтах — все это создавало выгодную для замыслов германского командования ситуацию — заняв Ригу, окружить и разгромить 12-ю армию, открыть дорогу на Петроград и радикально изменить военную ситуацию на русско-германском фронте в свою пользу.

2-я латышская стрелковая бригада во время боев на реке Малая Югла 26 часов сдерживала наступление немцев под Ригой, дав таким образом возможность 12-й армии, насчитывающей более 300 000 человек, избежать окружения. Латышские стрелки в боях под Ригой потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 6437 человек. Особенно пострадал 5-й Земгальский полк, лишившийся двух третей своего состава. О героизме стрелков свидетельствовал небывалый в истории русской армии прецедент — в одном только 5-м Земгальском полку 664 солдата и офицера были награждены боевой наградой — Георгиевским крестом. Это был последний бой латышских стрелков с германскими войсками в Первой мировой войне, имевший и моральное, и военное значение.

Немецкая армия заняла Ригу и Рижский уезд. После того как фронт стабилизировался, немцам пришлось отказаться от мысли быстро оккупировать Видземе и продвинуться на Петроград. И тем не менее взятие Риги расширило зону оккупации немецкими войсками территории Латвии, укрепило позиции немцев и позволило форсированно приступить к осуществлению планов аннексии и онемечивания. Латышские стрелки еще раз продемонстрировали свой патриотизм и боевые способности — на короткий срок в них вспыхнула иллюзия о рядовых и оставшихся в живых офицерах как о единой семье.

Период с октября 1917 по февраль 1918 года можно назвать третьей «волной большевизма» — на неоккупированной части Латвии к власти пришел Исколат и приступил к осуществлению коммунистического эксперимента. Большевики доминировали в Видземском земском совете, контролировали деятельность советов всех трех дислоцированных в этом регионе армий; сразу после Октябрьского переворота в Петрограде латышские стрелки ликвидировали все учреждения прежней власти на территории Видземе. 8 ноября 1917 года Исколат приступил к реализации идеи пролетарской диктатуры, которая обрела право закона на съезде Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии, проходившем с 16 по 18 декабря; период этот на территории Видземе часто называют «Республикой Исколат». Председателем вновь избранного Исколата — правительства большевиков — стал ветеран латышского марксистского движения, теоретик-догматик Фрицис Розиньш.

На съезде было также провозглашено и практически осуществлено присоединение Латгале к Латвии, правда, не как к независимому государственному образованию, а как к автономной области России.

Новая власть конфисковала имения, приступила к уничтожению частной собственности как таковой, запретила торговлю, ввела строгое государственное распределение и контроль, во многих случаях возвратившись к натуральному хозяйству. Эти меры проводились параллельно с ликвидацией собственников как класса, ликвидацией свободы личности, сопровождалась элементами красного террора. Были запрещены антибольшевистские партии, закрыты оппозиционные газеты. «Чтобы беспощадно и успешно бороться с контрреволюцией и поддерживать революционный мир и порядок», были организованы отряды Красной гвардии, учреждены революционные трибуналы, практиковалось взятие заложников. В феврале 1918 года, когда началось наступление германских войск, Исколат, захватив примерно 300 заложников, перенес свою деятельность в Москву. Месяцы его власти совершенно отчетливо показали экономические и политические идеалы латышских большевиков и обрисовали контуры политического строя, который ожидал Латвию в случае одержанной большевиками победы.

Осенью 1917 года и на рубеже 1917/1918 годов заметно активизировались национально-либеральные круги латышского общества. Дальнейшее продвижение германской армии по территории Латвии, приход к власти в России и на неоккупированной части Латвии большевиков способствовали возникновению новых, достаточно сильных, национально ориентированных политических организаций. Они уже не считали создание Латвийской государственности проблемой России, но — проблемой международной.

Уже в 1917 году заметно возросла и политическая активность латышей, находившихся вне Латвии — в России. Помимо национально-либеральных организаций возникли организации социал-демократов, в основном большевиков. Особую активность они проявляли в Петрограде и Москве. Так, в Петрограде латышский район «Прометей» большевистской городской организации в конце 1917 года насчитывал 2500 членов. В дни Октябрьского переворота ряд латышских большевиков (Петерис Стучка, Мартынь Судрабс-Лацис) занимали ответственные должности в Петроградском совете и Военно-революционном комитете.

Из латышских беженцев (особенно из рабочей среды) вышло много участников отрядов Красной гвардии, в которые вступило около 8–9 тысяч проживавших в России латышей. В ряды красногвардейцев влились и бывшие красногвардейцы «Республики Исколат», оказавшиеся после февраля 1918 года в России. Латышские красногвардейцы участвовали в Октябрьском перевороте, в подавлении беспорядков, направленных против советской власти; из их числа пополнялись ряды Латышской советской стрелковой дивизии.

В работе Второго Всероссийского съезда советов 25 октября 1917 года, который якобы легитимизировал большевистский переворот и провозгласил Советскую власть, большую роль сыграли и 100 латышских делегатов. Резкое выступление на съезде делегата от латышских стрелков большевика Карлиса Петерсона, обращенное к другим левым партиям, закончилось словами: «Больше ни одной резолюции! Довольно слов! Нужны дела. Мы должны взять власть с свои руки. Пусть эти фальшивые делегаты уйдут! Армия не с ними». Это выступление в немалой степени повлияло на настроение участников съезда и способствовало победе большевиков.

С момента Октябрьского переворота и позднее, в годы Гражданской войны, огромное влияние на политические и военные события в России оказали латышские стрелки, сражавшиеся на стороне большевиков — так называемые «красные латышские стрелки». Во время Октябрьского переворота они нейтрализовали возможное вмешательство 12-й армии в петроградские события. Два первых отряда латышских стрелков, насчитывавшие 2000 человек прибыли в Петроград в конце ноября 1917 года. На них были возложены функции охраны, поддержания порядка, они были вовлечены в антидемократические акции проводимые в отношении противников советской власти.

До весны 1918 года все стрелковые полки (правда, в ослабленном составе — примерно 12–15 тысяч человек) прибыли в Россию, где в апреле были объединены в Латышскую советскую стрелковую дивизию.

Командовал ею полковник Иоаким (Юкум) Вацетис, и это была первая регулярная дивизия Красной армии. Осенью того же года численный состав дивизии достиг 23–24 тысяч человек — в ней были пехотные, артиллерийские, кавалерийские и даже авиационные части. Сплоченность латышских стрелков, высокая боеспособность, дисциплина — вот те качества, которые сделали дивизию незаменимой в любой военной операции. В ситуации, когда Латвия полностью находилась под немецкими оккупационными войсками, большинство стрелков было убеждено, что только победа большевиков принесет свободу Латвии. Именно поэтому они стали важной опорой советской власти.

Хотя латышские стрелки были объединены в дивизию, части ее действовали самостоятельно, на разных фронтах, в разных краях России. В 1918 году они сражались под Москвой и Ярославлем, на Урале и на Волге, в Белоруссии, на Дону и Кубани, в других местах. Из латышских стрелков вышли многие командиры и комиссары Красной армии, политические деятели высокого ранга, хозяйственные работники, чекисты.

Роль латышских стрелков в истории Советской России как возвышалась, так и подвергалась критике. Те, кто делает из них героев, говорят о роли красных латышских стрелков в разгроме белогвардейской армии, что и обеспечило возможность возникновения независимой Латвии, в их трактовке красные стрелки — борцы за национальные интересы. Критики же подчеркивают, что это была борьба за чужие интересы, борьба бессмысленная и даже преступная. Одно несомненно — латышским стрелкам принадлежит выдающаяся роль в Октябрьском перевороте и в Гражданской войне в России, это был своего рода исторический феномен. Однако нет основания абсолютизировать эти точки зрения, забывать исторические реалии, забывать, что стрелки сражались не только в рядах Красной армии — тысячи в свое время сражались и в рядах царской армии, и Красной армии, в армии независимой Латвии; значительное число офицеров сражалось на стороне противников советской власти. По некоторым данным, большинство латышских офицеров во время Гражданской войны действовало в различных антисоветских военных формированиях и количество их исчислялось тысячами. В «Союзе спасения Родины и Свободы» Бориса Савинкова участвовали десятки бывших офицеров латышских полков во главе с К. Гоппером и Ф. Бриедисом, которые летом 1918 года организовали антибольшевистское восстание.

2. 4. ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА

На рубеже XIX и XX столетий в Латвии был относительно высокий уровень грамотности. Наряду с Эстонией и Финляндией Латвия была одним из самых грамотных регионов Российской империи. В Видземе умели читать 95%, в Курземе — 88% жителей и даже Латгале, где число грамотных достигало 50%, выделялась среди прочих уездов Витебской губернии.

Тем не менее развитие образования в Латвии вынуждено было преодолевать серьезные препятствия. С 80-х годов XVIII столетия активно велась бюрократизация и русификация образования. Школьные автономии были заменены мелочным бюрократическим контролем, который на территории Латвии осуществляли кураторы и инспекторы Рижского учебного округа (в Латгалии — инспекторы Вильнюсского учебного округа и Витебской дирекции народных школ).

Русификация школы выражалась в запрете изучать предметы на латышском языке, за исключением уроков Закона Божьего. Ученики народных школ, которые плохо владели русским языком и не пользовались им в общении между собой, подвергались штрафам. В Латвию стали присылать русских учителей, семинары, проводимые государством для учителей, велись на русском языке. В уездах Латгалии, где политика русификации внедрялась едва ли не драконовскими методами, стремились искоренить, например, домашнее обучение и вплоть до 1904 года запрещали пользоваться латиницей.

В системе образования шла настоящая «война языков». Наиболее либеральные законопроекты, предлагавшие обучение в первых классах народных школ вести на родном языке, застревали в Государственной думе. В 1913 году, согласно распоряжению куратора Рижского учебного округа, все предметы, за исключением Закона Божьего, в народных школах Балтийских губерний вновь надо было преподавать на русском языке.

Требование общественности демократизировать систему образования выразил и сформулировал Съезд латышских народных учителей в 1905 году. Съезд потребовал: вести обучение учащихся на родном языке; основное образование должно быть обязательным; оказывать помощь детям из неимущих семей; изменить существующие школьные программы; освободить школу от бюрократического контроля, передав систему образования в ведение самоуправлений; улучшить процесс подготовки учителей, их материальное и правовое положение.

Реализация этих требований была возможна лишь при демократизации российского общества.

В начале XX столетия в Латвии насчитывалось 2038 учебных заведений, где обучалось 170 000 школьников (1913 год). Основное образование можно было получить в школах нескольких типов: на селе — в волостных, общинных, приходских, начальных, подготовительных школах, в городах — в городских элементарных и министерских школах. По данным некоторых авторов, в начале века по сравнению с концом XIX значительно уменьшилось как число основных школ, так и количество учащихся в них.

Наибольшее распространение получили волостные школы — 70% от общего количества. Они находились на обеспечении самоуправления и обучение в них было бесплатным. В Видземе и Латгалии более широкую программу обучения практиковали в церковно-приходских школах, где обучение было платным. В Латгалии существовали только школы православных приходов, исключением были одна лютеранская и одна католическая. Зато здесь были распространены неофициальные, инспирированные католической церковью домашние школы, руководили которыми предприимчивые латгальские женщины, и поселковые школы, где преподавали церковнослужители. Количество основных школ в Латгалии за первое десятилетие века увеличилось почти в пять раз, достигнув внушительной цифры — 352.

Однако на селе многие дети школу не посещали — из бедных семей, из-за отдаленности школы или ее русификации. Привычными были неприспособленные для занятий школьные помещения, переполненные классы и непомерная нагрузка учителей.

Городские элементарные школы, дававшие начальное образование, были платными, так что и здесь многие дети не посещали школу. Кроме того, участие государства и городских самоуправлений в содержании городских школ было невелико. Так, в 1911 году в Риге 57% средств для содержания школ составляли школьные взносы и пожертвования. Не спасло положения и строительство 14 новых школьных зданий — 20% детей, в основном из бедных русских и латышских семей не могли посещать городские элементарные школы. Проблема в какой-то степени решалась открытием новых частных школ.

С одобрения Министерства просвещения в городах и местечках было открыто 87 министерских школ — учебные заведения высшего типа, где можно было освоить и ремесло. Эти школы создавались как бастионы русификации.

С ростом числа школ и учащихся в начале XX века в Латвии стремительно развивалось среднее образование. В 1910 году в уже работало 98 средних учебных заведений различного профиля, или одна школа на 26 000 жителей, в то время как в Германии этот показатель составлял

42 600, во Франции — 43 000, в Италии — 59 000, в России — 84 000. Стремительный рост числа средних школ объяснялся и повышением материального благосостояния населения. Открылось много частных учебных заведений, средние школы дифференцировались и модернизировались.

В частных школах преподавали также латышский язык и литературу, и нередко учителями в них работали известные деятели латышской культуры. Процесс женской эмансипации, охвативший латышское общество, способствовал резкому увеличению числа женских гимназий, так что сложилась даже невиданная для своего времени пропорция — в 1913 году в Латвии насчитывалось 40 женских гимназий и всего 17 мужских, причем число воспитанниц в женских гимназиях (11 520) в 2,5 раза превышало число учащихся в мужских гимназиях. Женские гимназии находились на попечении общественных организаций или частных лиц и не давали право поступления в высшие учебные заведения.

В этот период все большую роль начинали играть реальные, коммерческие, торговые училища. В 1913 году в Латвии насчитывалось 45 подобного типа заведений, где обучалось 10 199 воспитанников. Увеличилось количество школ, в которых можно было получить профессиональное образование: в 13 ремесленных школах приобрести любую существовавшую в то время специальность — от кузнеца и столяра до ювелира и фотографа могли получить 2757 человек.

Своего рода уникальным явлением были латвийские мореходные школы. В маленькой Латвии было открыто 10 субсидируемых государством морских школ (5 высших и 5 низших). Они готовили капитанов и штурманов дальнего плавания, и славились они не только в России, но и во многих странах и портах мира. Профессия моряка была очень популярна среди латышей. В 1914 году из 570 воспитанников морских школ 72% составляли латыши.

Картина образования начала XX века была бы неполной, если бы мы не сказали о 8 сельскохозяйственных школах, 3 православных семинариях и 3 учительских семинарах. Народных учителей готовили также в специальных классах или курсах при школах, присылали из других губерний России. И все-таки учителей не хватало и уровень их подготовки в среднем отставал от требований времени. Только небольшая часть учителей имела высшее академическое образование; закончившие специальные курсы или классы по существу имели слегка модифицированное основное образование.

Тем не менее учителя пользовались огромным авторитетом в обществе, особенно на селе. Сложился даже некий тип латышского народного

учителя, который не только обучал в рамках программы, но и руководил местными хорами, театральными коллективами, обществами, сотрудничал в газетах, воспитывал чувство патриотизма. Вокруг учителей обычно была сосредоточена вся духовная жизнь в волости. В основном это были представители демократических взглядов, часто с левым уклоном, которые активно участвовали в политической жизни, особенно в революции 1905 года.

В конце XIX века в Латвии насчитывалось 5334 человека с высшим образованием, среди которых латыши составляли всего 13% (693 человека). В начале XX столетия их число выросло до 1240 человек. В большинстве это были врачи, учителя, провизоры, юристы и священники — 47%. Латышская техническая интеллигенция с высшим образованием — инженеры, железнодорожники, специалисты сельского и лесного хозяйства — составляли меньшинство, всего 10%. Академически образованным латышам в Латвии приходилось выдерживать серьезную конкуренцию с балто-немецкой интеллигенцией, которая занимала во всех областях первые позиции. В начале XX столетия в Риге работало всего 177 латышей, закончивших российские высшие учебные заведения. Столько же образованных латышей насчитывалось в Петербурге, Москве и за границей.

Вообще число студентов-латышей в высших учебных заведениях России за полтора десятка лет выросло более чем в три раза, и в 1913 году их насчитывалось уже 1850 человек. Из российских университетов самым популярным по-прежнему оставался Тартуский (Юрьевский) университет, однако русификация университета и ликвидация его автономии снизила его роль для Латвии, хотя и в начале XX века он все еще оставался одним из центров интеллектуальной жизни латышей. Почти треть профессуры в созданном позже Латвийском университете были выходцами из Тартуского университета.

Немало латышей училось и в Тартуском ветеринарно-медицинском институте.

Многие латыши уезжали учиться в высшие учебные заведения Москвы и Петербурга, особенно в университеты. Предпочтение отдавалось Военно-медицинской академии, Горному институту и Университету им. Шанявского. Наиболее предприимчивые офицеры латышской национальности, служившие в Российской армии, получили образование в военных академиях России. Впоследствии в рядах Латвийской армии служили около 40 офицеров, получивших военное академическое образование в России.

Сравнительно меньше латышей обучалось за границей, в основном, в учебных заведениях Германии и Швейцарии. В начале XX века латышские

студентки были еще редкостью. Примерно двадцать латышек получили высшее образование в России и в Европе — изучали они, главным образом, медицину и музыку.

Единственным высшим учебным заведением в Латвии в начале XX века был Рижский политехнический институт, который до 1918 года закончили 4749 студентов. Большинство из них были выходцами из Балтийских губерний (54%) и Польши (25%). Все популярнее он становился и среди латышей, удельный вес которых среди его студентов возрос с 5% до 17%.

Высокая репутация института объяснялась несколькими обстоятельствами. Он и в годы расцвета царской бюрократии и русификации сумел сохранить академическую автономию, традиции и был центром обмена технической мыслью между Россией и Западом. РПИ отличался высоким уровнем подготовки студентов, серьезными научными достижениями и для своего времени на редкость тесной связью с практической деятельностью.

В институте выросло первое поколение латышской технической интеллигенции — инженеры, архитекторы, специалисты сельского хозяйства, химики, которые впоследствии стали профессорами Латвийского университета. Специалисты РПИ совместно с профессурой института способствовали тому, что Рига стала метрополией современной промышленности и торговли. Они строили и модернизировали порты и заводы, внедряли современные технологии, строили здания, прокладывали водопровод и трамвайные линии. Целая когорта польских ученых, инженеров и специалистов сельского хозяйства во главе с выдающимся химиком, впоследствии президентом Польши Игнацием Мосьцицким закончили РПИ и в межвоенный период активно строили новую Польшу.

Среди профессоров и ученых института преобладали немцы, много было и поляков. В научной деятельности института особое место занимала химия, основы которой в свое время заложил лауреат Нобелевской премии Вильгельм Оствальд и его последователи Паул Валденс, Мечислав Центнершвер, Валдемар Фишерс. На десятки лет опередили свое время математик и специалист по небесной механике Пюрс Болс, пионер авиации и ракетостроения Фридрих Цандер. В институте работали выдающиеся ученые-инженеры. Заинителем машиностроения в Риге был Энгельберт Арнольд, самолето- и моторостроения в России — Теодор Калеп, по проектам выдающегося судостроителя Чарльза Кларка было построено около 100 судов.

В начале XX столетия латышским ученым выдвинуться было нелегко.

Попасть, к примеру, в высшие академические круги РПИ, не утратив своей национальной идентичности, было почти невозможно. Поэтому ряд выдающихся языковедов, физиков, химиков, астрономов, медиков преподавали в российских университетах и институтах или, как выдающийся экономист Карлис Балодис, — за границей (в Германии).

Балто-немецкая научная среда была представлена различными обществами — изучения природы и старины, врачей, техников и литераторов. Их работа была связана с изучением Балтийского региона, сбором фактического материала, популяризацией науки. Балто-немецкие историки проделали огромную работу по публикации первоисточников, не утративших ценность еще и сегодня.

Латышская наука занималась в основном изучением языка, фольклора, этнографии. В какой-то степени она носила любительский характер, поскольку в осознании наследия народа принимали участие также народные учителя, журналисты, чиновники, литераторы. Центром «науки о латышах» стала Научная комиссия Рижского Латышского общества, которая, благодаря широкой вовлеченности в ее работу любителей, сыграла большую роль в развитии науки. Научная комиссия противостояла монополии балто-немецких научных обществ, способствовала разработке латышской научной терминологии, сбору и изданию фольклорного материала. Виднейшие латышские языковеды той эпохи Карлис Мюленбахс, Янис Эндзелинс и Петерис Шмитс разработали новое латышское письмо на основе латинского алфавита. К. Мюленбахс и Я. Эндзелинс составили и издали уникальный словарь латышского языка, многие фольклористы, особенно П. Шмитс, занимались сбором фольклора — латышских сказок и преданий, Кришьянис Баронс продолжал работу по собиранию и изданию латышских народных песен — дайн. Библиофил и библиограф Янис Мисиньш собрал все изданные в Латвии книги и заложил основу исчерпывающей библиотеки изданий на латышском языке.

И все же в большой степени это были лишь достижения отдельных ученых и энтузиастов-любителей. По различным причинам работа Научной комиссии как координатора научной деятельности так и осталась на зачаточном уровне.

Печать и книгоиздательское дело. Кроме местных официозных губернских изданий в 1900 году в Курземе и Видземе выходило 26 газет, 9 журналов и 7 специальных рекламных изданий, в основном на немецком языке.

Издание прессы на латышском языке было сопряжено с большими трудностями. Существовала предварительная цензура и запрет на печатание и распространение в Латгалии изданий, пользующихся латиницей. С

90-х годов XIX столетия в Балтийских губерниях не выдавались лицензии на новые латышские периодические издания (за некоторыми исключениями).

В начале столетия, вплоть до революции 1905 года, в Курземе и Видземе издавалось 9 латышских газет (пять еженедельных и четыре ежедневных) и шесть журналов. Крупнейшие газеты выпускались солидным тиражом, который колебался от 7000 до 18 000 экземпляров, почти каждая газета имела литературное или деловое приложение.

Пресса выражала интересы различных групп населения, издания постепенно концентрировались в руках крупных частных фирм. Так, акционерное общество «Дирикис и товарищи» издавало крупнейшую для своего времени и наиболее влиятельную латышскую газету — умеренно-консервативный «Latvijas Vēstnesis» («Балтийский вестник»). Либеральную газету «Mājas Viesis» («Гость дома») и приложение к нему (журнал «Ежемесячник Гостя дома») издавала фирма Э. Платеса — он популяризировал новейшую латышскую литературу, публиковал общественно-политические и философские статьи. Научно-литературный журнал «Austrums» («Восход») заложил основы латышского ежемесячного журнала, который в основе своей сохранился и по сей день. Центром издательской деятельности была Рига, хотя развивались и провинциальные издания — в Елгаве, Лиепае, Валмиере, Цесисе.

Видную роль в общественной и культурной жизни Латвии играла выходившая в Петербурге газета «Pēterburgas Avīzes» («Петербургская газета»), которая издавалась без предварительной цензуры и в которой сотрудничали видные латышские писатели и журналисты. Газета печатала статьи на актуальные экономические и общественно-политические темы, которые прочие латышские издания не могли затрагивать; газета выделялась и своей остро сатирической направленностью.

Латышские газеты и журналы выходили в это время и в Европе и США. Издававшиеся в Лондоне и Бостоне печатные издания революционных эмигрантов заложили основы социал-демократической латышской печати.

Революция 1905 года тяжело отразилась на латышской прессе. Прекратили существование от 6 до 10 газет и все самые значительные журналы. В то же время революционные события вызвали к жизни другие издания. Так, после отмены в 1904 году запрета на латгальскую прессу, в Петербурге стали издаваться первые газеты на латгальском письменном языке. Отмена в 1905 году системы лицензий на издания и предварительной цензуры послужили новым стимулом для издания журналов нового типа.

Появился целый ряд юмористических и сатирических журналов, среди которых самым заметным и художественно значимым был журнал «Svari»

(«Весь»). Новые литературно-художественные журналы провозглашали принципы творческой свободы и уделяли большое внимание художественному оформлению. Вехой в развитии латышской культуры стали журнал фотоискусства «Stari» («Лучи») и литературно-художественный журнал «Zalktis» («Уж»).

После революции латышская пресса постепенно обрела определенную стабильность. Стали выходить новые газеты, в несколько раз возросли их тиражи, количество крупных газет вскоре опять возросло до десяти. Ведущей газетой стала «Dzimtenes Vēstnesis» («Вестник Родины»), тираж которой достигал 75 000 экземпляров. Газета предлагала обширную информацию, была тематически разнообразной, много внимания уделяла литературе и литературной жизни.

Совершенно новым явлением для послереволюционной Латвии стали беспартийные массовые издания, ярким образцом которых была основанная в 1911 году газета «Jaunākās Ziņas» («Последние новости»). Низкая цена, простое содержание, богатая социальная и криминальная информация, увлекательные романы с продолжениями, избыток объявлений и невиданный тираж — 97 000 экземпляров — превратили газету в прибыльное предприятие.

Перечень новых журналов говорил о продолжающейся специализации латышской прессы. Стали выходить литературно-общественные журналы, предназначенные для интеллектуалов, журналы о театре, женские, развлекательные журналы. Большой популярностью пользовался журнал «Jaunības Takas» («Тропы Юности»), издаваемый и редактируемый Андреем Есенсом, который заложил в Латвии традиции изданий прессы для детей и юношества.

Серьезные перемены коснулись латышской прессы в годы Первой мировой войны. Почти половина крупнейших газет и все журналы прекратили существование в 1914–1915 годах. В Риге продолжали выходить лишь несколько газет, в том числе «Jaunākās Ziņas» и журнал «Varavīksne» («Радуга»), который был первым иллюстрированным еженедельником в истории латышской печати.

На время центрами латышской издательской деятельности стали Петроград, Москва, Псков. Здесь продолжали выходить несколько крупных газет, среди них и «Dzimtenes Vēstnesis», появились новые, так называемые «беженские» издания. Наиболее заметной среди них была выходящая в Москве газета «Dzimtenes Atbalss» («Эхо Родины»), которая в условиях тех лет наиболее последовательно пропагандировала идею независимости Латвии.

Большинство же латышских изданий прекратило существование в

1917–1918 годах, некоторые в 1919–1920 годах, и только «Jaunākās Ziņas» продолжала выходить и в независимой Латвии.

В начале XX столетия большие перемены произошли и в книгоиздательстве. В середине 90-х годов XIX века на латышском языке было издано 420 книг, в 1902 году — 731 книга, а в 1913 году — 1000 книг. Модернизация коснулась полиграфической промышленности, в которую вкладывались большие капиталы. В 1910 году в Латвии насчитывалось 79 полиграфических предприятий; большинство их находилось в руках немецкого и еврейского капитала.

Продолжалось отделение книготорговли от издательского процесса. В 1903 году число магазинов, торговавших латышскими книгами, приближалось к 200. Было создано Латышское общество книготорговцев и издателей, что способствовало улучшению организации издательского дела и торговли.

Выпуском латышских книг занимались в основном 10 крупнейших издательств. Процесс дифференциации читательского спроса вызвал их специализацию. Почти все издательства включили в свои планы выпуск латышской и переводной литературы, спрос на которую неуклонно возрастал. Поэтические сборники популярных латышских поэтов выходили тиражом 3–5 тысяч экземпляров.

Новым направлением в латышском книгоиздательстве стал выпуск литературных серий и собраний сочинений латышских писателей. Издательство А. Есенса стало популярным благодаря «Библиотеке для юношества», издательство А. Гулбиса — томам Универсальной библиотеки. Ансис Гулбис в своем издательстве первым стал выпускать собрания сочинений латышских писателей.

Популярностью пользовались издания энциклопедического характера. В издательстве «Derīgu grāmatu nodala» («Отдел полезных книг») вышел энциклопедический словарь, а издательство «Валтерс и Рапа» выпустило целую серию двуязычных толковых словарей.

В эти годы высокого уровня достигло и искусство книжной графики, основным принципом оформления стал метод композиционной сочетаемости иллюстративных элементов. Особенно высокого уровня книжное оформительское искусство достигло в издательстве «Zalktis» (оно издавало и упоминавшийся уже журнал под таким же названием).

Всего за период с 1900 по 1918 год было издано около 8 тысяч книг на латышском языке.

Литература. В начале XX столетия латышская литература стала намного разнообразнее, более открытой для современных европейских течений. В ней преобладали два главных направления — неоромантизм и

реализм. Для неоромантиков главным предметом изображения были внутренние переживания индивида, мечты, самоанализ; в их произведениях ощущалось влияние символизма и романтизма. Реалисты же изображали действительность, делая акцент на моральных и социальных проблемах.

Близки к неоромантикам были декаденты, декларировавшие искусство для искусства и индивидуализм, отвергавшие идеологизацию литературы и проповедуемую марксистами абсолютизацию реализма. Для декадентов были характерны субъективизм, мистика, чрезмерное увлечение литературной формой. Однако декадентство в латышской литературе существенной роли не сыграло. Большинство авторов, которые в 1906 году даже подписали манифест латышских декадентов «Мотивы нашего искусства», опубликованный в том же году в журнале «Dzeme» («Пучина»), или были с ним солидарны, остались на позициях неоромантизма.

Во многих случаях латышских литераторов начала XX столетия трудно причислить к какому-то определенному литературному направлению, потому что даже в творчестве одного писателя эти направления можно было проследить во взаимодействии.

В латышской поэзии начала XX века творила целая плеяда выдающихся поэтов. Аспазия (Элза Розенберга) сильными поэтическими мазками писала свою лирическую биографию, отстаивая независимость личности. Один из зачинателей неоромантизма Янис Порукс в своей эмоционально насыщенной лирике воспевал грусть, этический максимализм и трагические противоречия между идеальным и реальным. Вилис Плудонис, выдающийся талант, виртуозный мастер формы, поднявший жанр поэмы и баллады в латышской литературе до европейского уровня, чрезвычайно экспрессивно, в романтических таинственных символах, воплощал исторические, бытовые, патриотические мотивы, мотивы природы. Неповторим в латышский лирике «тихий волшебник» Карлис Скалбе — поэт природы и подлинного патриотизма. Его образная, эмоционально насыщенная поэзия наполнена внутренней энергией и притягательной силой. Фрицис Барда в своей глубоко прочувствованной лирике — мыслитель, воспевающий связь человека с Космосом, проблемы жизни и смерти, невозможность длительного счастья. Его поэзия воспринимается легко, наполнена поэтическими картинами природы и оригинальными образами.

Вершиной латышской поэзии стала гениальная философская лирика Райниса, опирающаяся на мировую классику, латышский фольклор и современные социальные идеи, затрагивающая судьбы индивида, народа и человечества. Сила философской мысли, идеи непрерывной изменчивости и совершенствования выражены в поэзии Райниса с афористичной ясностью и в то же время поразительно эмоционально.

Поэзия всех видных лириков начала XX столетия написана богатым, ясным и выразительным языком, она удивительно музыкальна, многие ее страницы посвящены детям.

Новеллы и рассказы Рудольфа Блауманиса, который мастерски решал проблемы этического выбора человека, вывели латышскую прозу на европейский уровень. К этим же проблемам, подчеркивая трагическую незащищенность личности, противоречие между мечтой и действительностью, в своей романтической прозе талантливо показал Янис Порукс, воспевавший «чистых душою» людей.

Латышский «король сказки» и «солнечный волшебник» Карлис Скалбе в своих тонких лирических произведениях, опираясь на этику фольклора, воспевал труд человека, духовную силу, решал вопросы нравственности и свободы, акцентируя житнотворное значение мечты.

Талантливо заявил о себе суровый реалист, вскрывавший негативные стороны жизни и социальные противоречия, ярко и многогранно изображавший жизнь латышского крестьянства романист Андрей Упитс.

В рассказах и романах Яниса Яунсудрабиньша плавное течение деревенской жизни передано через удивительное своеобразное переплетение реализма и романтизма. Его произведения, проникнутые неподдельной искренностью, психологической точностью, стремлением к гармонии, тонким пониманием детской психологии, сделали его одним из самых любимых латышских писателей.

Начало века отмечено блестящими достижениями в латышской драматургии. Рудольф Блауманис в реалистических, мастерски написанных драмах и комедиях убедительно и на редкость театрально изображает мир латышского крестьянства. Благородное, трагическое и комическое в его чрезвычайно популярных пьесах получает общечеловеческое звучание.

Мотивы фольклора, любовь к родине, прославление труда и этических идеалов народа — всем этим проникнуты поэтические пьесы-сказки Анны Бригадере, в которых блестящим поэтическим языком передан прекрасный и искренний мир латышской сказки.

Глубокие идеи, яркие идеалы, богатая образность — главные черты монументальных драматургических произведений Райниса, пронизанных традициями мировой драматургии и латышского фольклора. Герои его пьес — люди с огромным диапазоном чувств, носители мощных идей, личности, наделенные этической силой и духовностью, выраженной в прекрасных поэтических афористичных строках. Ни тогда, ни потом в латышской драматургии не было создано пьес такого масштаба и духовной силы.

Театр. На редкость богатой и разнообразной была театральная жизнь

Латвии, особенно в Риге. Тремя самыми значительными сценами в городе были немецкий, русский и латышский театры.

Богатый традициями, основанный еще в XVIII столетии Немецкий театр работал на высоком профессиональном уровне, знакомил зрителей с классикой мировой драматургии и современными пьесами немецких авторов. В Риге регулярно гастролировали труппы из Германии и Австрии, побывали здесь и такая знаменитость, как Макс Рейнгардт со своим Берлинским Немецким театром.

Талантливые антрепренеры, режиссеры (среди них К. Марджанов и А. Таиров) и актеры способствовали росту популярности Рижского Русского театра, на его сцене ставились в основном пьесы русских авторов психологического реалистического плана. В Риге часто гастролировали выдающиеся петербургские и московские актеры и коллективы; побывали здесь и легендарная Вера Комиссаржевская, и Московский Малый театр.

В отличие от русского и немецкого театров, которым принадлежали специально построенные для них красивые городские здания, у Рижского Латышского театра своего помещения не было, хотя в первые годы XX века это по-прежнему был единственный профессиональный латышский театр, актеры которого имели специальное образование, формировавший традиции латышского театра.

Популярность театрального искусства, его роль в жизни общества нарастала до 1914 года, рождались и новые латышские театры. В Риге своим профессионализмом выделялся Новый Латышский театр и Новый Рижский театр; появились новые театральные труппы актеров профессионалов и любителей при различных обществах. Активизировалась театральная жизнь и в других городах — в Елгаве, Вентспилсе, Валмиере, в Лиенае был создан первый профессиональный латышский театр за пределами Риги. Количество театральных спектаклей на латышском языке возросло с 523 в 1901 году до 2283 в 1912 году.

С расцветом латышской драматургии большое место в репертуаре латышских театров занимают пьесы Р. Блауманиса, Аспазии, А. Бригадере, Райниса. Появляются замечательные актеры — Даце Акментыня, Тия Банга, Лилия Эрика, Екаб Дубурс, Теодор Лацис, Рейнхолд Вейцс и другие. Театральное искусство обретает новые формы. Актеры отказываются от устаревшей манеры игры, максимально вживаются в образ. Наряду с господствовавшим тогда в театральных постановках реализмом и натурализмом, появился — под влиянием революционных настроений и национальных устремлений — символизм, спектакли приобретали значение символа.

Огромным успехом пользовались получившие широчайший общественный резонанс постановки Нового Рижского театра (1908–1915), осо-

бенно символические драмы Райниса. Спектакли представляли собой сплав мощной драматургии и монументальной сценографии замечательных латышских художников Яниса Куги и Артура Циммерманиса, их необычно яркие, выдержанные в латышском стиле декорации. Впечатляла и прекрасная игра актеров, и умелая режиссура Алексиса Миерлаукса.

Вершиной латышского театрального искусства стала поставленная в 1911 году пьеса Райниса «Огонь и ночь». Спектакль имел ошеломляющий успех и пережил более 100 представлений. Восторгу публики не было предела, и когда звучали заключительные слова пьесы «Вставай, мой заколдованный народ, вставай!», зрители в древних героях видели себя, свою борьбу за свободу, против тьмы и невежества.

Спектакли, окрашенные духом национализма, перекликались с югенд-стилем — с его требованиями создания синтетического театра, красочных, эмоциональных постановок. Впервые латышский театр по силе художественной выразительности и философской глубине приблизился к современному европейскому театру. Как считают театроведы, именно в постановках пьес Райниса проявилось направление национального романтизма и монументальной сценографии, что впоследствии в новом качестве воплотилось в постановках Национального и Художественного театров.

Во время войны возникли латышские театры в Петербурге и Москве, в латышских стрелковых полках, сохранившие национальные театральные традиции, что было проявлением неиссякаемой любви к театру народа.

Архитектура. Расцвет в начале XX столетия переживала и архитектура, которая развивалась в основном в рамках двух направлений — эклектизма и югендстиля. За пределами Риги в этот период наиболее значительные здания были построены в Лиепаве, где успешно работал немецкий архитектор М. Берчи.

В латышской деревне продолжалось строительство и восстановление разрушенных замков. Их возводили в стиле эклектизма, особенно популярным было подражание готике. Нередко наблюдалось смешение исторических стилей, зачастую отличавшееся оригинальностью. Кроме местных архитекторов немецкого происхождения, в Латвии работали зарубежные архитекторы, преимущественно из Германии. Замки в имениях впечатляли не только своей архитектурой, но и великолепными интерьерами, коллекциями предметов изобразительного и декоративного искусства. Парки и хозяйственные постройки, окружавшие замки, формировали и неповторимый культурно-исторический ландшафт.

Поистине период расцвета архитектуры переживала Рига. С 1900 по 1914 год в городе активно работали 70 архитекторов, по чьим проектам за эти годы было возведено около 400 зданий. Преобладали местные

архитекторы (балтийские немцы, латыши, евреи), главным образом выпускники Рижского Политехнического института. Строительные правила, которым по строгости не было равных в России, давали возможность застраивать город планомерно и дисциплинированно. Профессиональная организация архитекторов и строителей, объединявшая общества архитекторов, ремесленные артели, строительные фирмы, витражные мастерские, достигла высокого уровня.

До 1904 года в архитектуре Риги еще господствовал эклектизм — подражание историческим стилям. В этом стиле возведены жилые дома и общественные здания — музеи, театры, школы, больницы, культовые постройки и фабричные корпуса. Великолепными образцами эклектизма являются построенные по проектам архитекторов немецкого происхождения здание Художественного музея в стиле барокко (Вильгельм Нейман), театральные здания Августа Рейнберга, здание Коммерческого училища, построенное в стиле неоготики по проекту Вильгельма Бокслафа, школы, больницы, рынки, возведенные по проектам Рейнгольда Шмелинга. В годы заката эклектизма возводился Рижский бульварный ансамбль, где профессионализм и одаренность проявили представители так называемой Рижской архитектурной школы.

Городская архитектура в период югендстиля (в России распространение получило название «стиль модерн») развивалась чрезвычайно динамично. Вначале некоторые архитекторы строили здания в красочной, декоративной манере, и здесь блистал талант Генриха Шееля, Фридриха Шеффеля, Рудольфа Цирквица. Но для Риги уникальным был «пламенный югендстиль» Михаила Эйзенштейна — с неудержимой фантазией и увлеченностью была им выполнена застройка улицы Альберта.

Однако большинству местных архитекторов ближе был более сдержанный «рациональный югендстиль», в котором проявилось удивительное разнообразие. В Риге построено много зданий в романтизированном югендстиле. Под руководством главного ландшафтного архитектора Георга Куфальдта, который задумал реализовать идею города-сада, был создан зеленый спутник Риги — Межапарк. В красивом пригородном лесу архитекторы построили более 100 индивидуальных жилых домов — великолепный ансамбль в романтическом югендстиле.

Период югендстиля был отмечен большими творческими удачами выдающихся латышских архитекторов. Десять латышских архитекторов составляли всего 14% от общего числа рижских архитекторов, но по их проектам построено около 40% зданий в центре Риги. Рациональным направлением отличаются известные мастера югендстиля Константин Пекшенс и Янис Алкснис, молодые Эйжен Лаубе и Александер Ванагс.

Используя опыт Финляндии, латышские архитекторы создали свой стиль так называемого национального романтизма, доминантой которого стали национальные приемы деревянного зодчества, латышские этнографические мотивы и местные отделочные материалы. Элегантная монументальность, ненавязчиво овеянная легендами, отличная отделка и планировка делают эти здания гордостью архитектурной Риги.

Около 1910 года — как реакция на излишества югендстиля — стали строиться монументальные здания, ознаменовавшие последнее направление рижского модерна — неоклассицизм. Особенно это проявилось в архитектуре общественных зданий, главным образом, банков. Самым большим мастером неоклассицизма был латышский архитектор Эрнест Поле, спроектированные им здания банков и совместно с Эйженом Лаубе здание Рижского Латышского общества служат прекрасными образцами этого направления.

В начале столетия возникла Рижская архитектурная школа, в которой большую роль играли латышские архитекторы, шедшие в ногу с европейской архитектурой. Историк архитектуры Янис Крастиньш в связи с этим пишет: «Появились прекрасные образцы синтеза архитектуры и декоративного искусства в прекрасном исполнении. Высокохудожественные культурно-исторические здания появились повсюду в Латвии, а центр Риги в этом отношении стал подлинным архитектурным ансамблем в стиле *ар нуво*, который не имеет аналога во всем мире». (Следует заметить, что 40% территории центра Риги застроено зданиями в югендстиле.)

Изобразительное искусство. Главным центром изобразительного искусства в Латвии на рубеже столетий была Рига, где организация художественной жизни до 1905 года находилась преимущественно в руках балтийских немцев. В первые полтора десятка лет в изобразительном искусстве активно действовали около пятидесяти латышских художников, удельный вес и влияние которых на художественную жизнь постепенно возрастали. Они организовывали выставки, создавали общества художников, открывали студии, становились педагогами и руководителями художественных городских школ. Профессиональное образование латышские художники получали и в школе рисования В. Блумса, и в городской художественной школе, и в высших школах живописи в Петербурге, в художественных центрах Германии и Франции. На латышское изобразительное искусство оказали влияние три стилистических направления — импрессионизм, югендстиль и символизм. В национальной художественной среде они носили более разнородный характер, но проявлялись гораздо сдержаннее, чем в западных образцах. Европейские стилистические направления сочетались с романтическим миром латышского фольклора, положившего начало направлению национального романтизма.

Изменилась и тематика латышского изобразительного искусства: исторические и бытовые сюжеты уступили место двум главным темам — природе и человеку. Изображая современников, фольклорных и мифологических героев, художники создавали национальный типаж. В изображении природы доминировал пейзаж Латвии — по-северному сдержанные цвета, лирическое настроение, часто пронизанные печалью и тайной.

Три художника европейского уровня составили ядро латышской классической живописи. Универсальным рисовальщиком, который одинаково хорошо писал портреты, жанровые картины, владел мифологическими и фольклорными сюжетами, сочетая в своем творчестве реализм с тягой к таинственному, мистическому, был Янис Розенталс. Удивительный знаток природы, владеющий высокой культурой живописи, мастер колорита — таков выдающийся латышский пейзажист Вилхелмс Пурвитис, много сделавший также как организатор художественной жизни и педагог. Вибрирующие, импрессионистские настроения природы Латвии и галерею национальных типов отобразил в своих полотнах Янис Валтерс.

Совершенно обособленно в латышском искусстве этого периода работают два символиста. Фантастический, архаично-мистический мир Рудолфа Перле близок по духу творчеству замечательного литовского художника К. Чюрлениса. Волдемар Матвейс, творчество которого представляет сплав символизма и примитивного народного искусства, стал признанным в мире теоретиком искусства.

Активно работали латышские художники-декораторы. Среди них особенно выделялись Янис Куга и Артур Циммерманис, в творчестве которых сильны были этнографические мотивы.

Высокого профессионализма и выразительности достигла графика — в годы революции она выдвинулась в авангард латышского изобразительного искусства как мастерством, так и острым политическим содержанием и карикатурой. Одной из вершин графического искусства стал цикл Рихарда Зариньша «О чем шумят леса Латвии», в котором мотивы фольклора сочетаются с академически чистой и ясной формой.

Уникальной личностью, работавшей в разных отраслях искусства, был Юлий Мадерникс. Собранные им и интерпретированные в стиле ар нуво этнографические орнаменты в течение всего XX столетия служили неиссякаемым источником латышского прикладного искусства и народного творчества.

В годы Первой мировой войны ведущей становится живопись, которая претерпевает заметные изменения как по содержанию, так и по форме, заявляют о себе и молодые одаренные художники. В центре их внимания — война, главным образом, судьба народа, ставшего стрелками и беженцами.

Удивительно проникновенные полотна, посвященные этой тематике, создали Язеп Гросвалдс и Екаб Казакс. В то же время они обогатили латышскую живопись поисками новых художественных форм в направлении постимпрессионизма и экспрессионизма.

Первые профессиональные латышские ваятели оттачивали свое мастерство у всемирно известного французского скульптора Огюста Родена, и в созданных ими портретах и фигурах чувствовалось влияние импрессионизма. Густав Шкилтерс успешно работал в бронзе — и в реалистической, и в символистской манере. Теодор Залькалнс создавал монументальные и лирически одухотворенные образы в камне, одним из первых в Европе продемонстрировав большие возможности гранита.

В первые два десятилетия XX века латышское изобразительное искусство находилось еще в самом начале самостоятельного пути. Но в этот период было творчески освоено все лучшее в мировом искусстве, заложены национальные традиции и создано немало своеобразных непреходящих произведений искусства.

Музыка. Неотъемлемой составной частью музыкальной культуры Латвии в начале XX столетия было хоровое пение, традиции которого поддерживали и развивали многочисленные хоровые общества в городах и на селе. Это активизировало не только культуру, но и общественную жизнь. Общества устраивали концерты, популярностью пользовались выступления объединенных хоров, в которых звучали сотни голосов. Часто проводились праздники песни, в которых участвовали тысячи хористов.

Главным жанром латышской профессиональной музыки тоже стала песня — хоровая и сольная. Это были самые демократические музыкальные жанры, полнее всего выражавшие образы новой латышской поэзии. Свой след в латышской песенной культуре оставили и 1905 год, и мировая война — революционные песни и песни стрелков долго жили в народе.

Плеяду латышских композиторов представляли яркие личности, получившие музыкальное образование в Петербургской консерватории. Их творчество, насыщенное богатым содержанием, тесные связи с жизнью своего народа и с мировой культурой, отличали зрелый профессионализм и способность выразить интонации эпохи своеобразным языком музыки.

Вершиной хоровой и симфонической музыки стало творчество Язеп Витолса, эпическое и символистское одновременно.

Великолепным симфонистом и знатоком хоровой песни, звездой первой величины в сольном песенном жанре был Алфред Калныньш. Эмоциональная шкала его образной, глубоко национальной музыки простиралась от лирической идиллии до экспрессивной трагики.

Особое место в латышской музыкальной культуре занимает Эмилис

Мелнгайлис — выдающийся фольклорист, создатель яркого и современного стиля обработки народных песен.

Всего 36 хоровых и сольных песен и один симфонический вальс оставил безвременно ушедший в 1910 году Эмиль Дарзиньш. Его простые по выразительности, основанные на городском фольклоре и интонациях разговорного языка песни чрезвычайно мелодичны, одухотворены и глубоко эмоциональны. В этих популярных в народе песнях, вероятно, острее всего раскрылось печально-трагическое ощущение эпохи.

В латышской музыке все больше места стали занимать также инструментальные произведения. Наряду с инструменталистами мирового класса, приезжавшими в Ригу, активно концертировали и первые латышские профессиональные органисты, пианисты, скрипачи, виолончелисты. Однако возможности исполнения латышской, особенно симфонической музыки формировались медленнее. Симфоническую музыку исполняли в Риге и оркестр Немецкого театра, и симфонические оркестры из Германии, Финляндии, Польши. Большую роль в ее популяризации играли дирижеры мировой величины. Наряду с немецким и польским мастерами Бруно Вальтером и Гжегожем Фительбергом выдающаяся роль в концертной жизни города принадлежала финскому дирижеру Георгу Шнефогту: он дирижировал летними симфоническими концертами на Рижском взморье и в 1910 году создал постоянный Рижский симфонический оркестр.

Зарубежные дирижеры часто включали в свои программы произведения латышских композиторов, самостоятельные оркестры под руководством молодых латышских дирижеров давали концерты латышской симфонической музыки. Однако подлинную дорогу для ее исполнения открыло создание в 1913 году первого профессионального латышского симфонического коллектива — оркестра Латышской оперы.

И хотя в Риге не было постоянного оперного театра, основным центром оперного искусства был Немецкий театр, в котором ставились также оперетты. Здесь играл хороший оркестр, работали постоянные солисты, регулярно гастролировали певцы из Германии, Франции, Италии. В помещении Русского театра регулярно выступали труппы из России. В Риге выступали всемирно известные певцы — Матиа Батистини, Герман Ядловкер, Федор Шаляпин, Леонид Собинов.

В 1913 году был создан первый латышский оперный театр — Латышская опера — со своим оркестром, хором, солистами, среди которых были замечательные оперные певцы того времени Ада Бенефелде и Паул Сакс, Малвине Вигнере-Гринберга и Адолф Кактыньш. Оперный театр до 1915 года осуществил 12 постановок. Во время Первой мировой войны Алфред Калныньш и молодой композитор Янис Медыньш создали первые

национальные оперы, премьеры которых состоялись уже в независимой Латвии.

Богатая концертная жизнь способствовала тому, что Рига не отставала от мирового уровня — почти все музыкальные новинки через несколько лет становились известными и в Латвии. Формировалась латышская музыкальная симфоническая и оперная жизнь, являющиеся главным критерием музыкальной культуры каждого народа.

Рекомендуемая литература

1. Andersons E. Latvijas vēsture, 1914–1920. — Stokholma: Daugava, 1967. — 754, [1] lpp., 19 lp. il.: il., kartes. — Bibliogr.: 635.–700. lpp.
2. Deutsche Geschichte im Osten Europas: Baltische Länder / hrsg. von G. von Pistohlkors. — S.-Ausg., durchges. neue Aufl. — Berlin: Siedler, 2002. — 607 S.: Ill., K. — (Deutsche Geschichte im Osten Europas). — Bibliogr.: S. 567–592.
3. 20. gadsimta Latvijas vēsture / LU Latvijas Vēstures inst.; L. Balevica, A. Beika, J. Bērziņš ... [u. c.]; atb. red. V. Bērziņš. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2000. — I: Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai, 1900–1918. — 869 lpp.: il. — Bibliogr.: [694.]–753. lpp. — Kopsav. angļu val.: The 20th century history of Latvia: Latvia from the beginning of the century to the proclamation of independence, 1900–1918.
4. Dribins L. Nacionālais jautājums Latvijā, 1850–1940: historiogrāfisks apskats. Latviešu autori / Filozofijas un socioloģijas inst., Etnisko pētījumu centrs. — Rīga: Mācību apg., 1997. — 207 lpp. — Bibliogr. nod. beigās.
5. Ezergailis A. Esejas par 1917. gadu. — Rīga: Zinātne, 1991. — 251, [2] lpp.
6. Plakans A. The Latvians: a short history. — Stanford: Hoover Institution, 1995. — XX, 257 p.: ill. — (Studies of Nationalities). — Bibliogr.: p. [229]–247.
7. Skujenieks M. Latvija: zeme un iedzīvotāji / ar J. Bokaldera nod. par lauksaimniecību. — 3. pārstr. un papild. izd. — Rīga: A. Gulbis, 1927. — XII, 752 lpp.: il., kartes, tab., diagr. — Hronol. pārskats: 745.–746. lpp. — Alf. satūra rād.: 747.–752. lpp.
8. Šilde Ā. Latvijas vēsture, 1914–1940: valsts tapšana un suverēnā valsts. — Stokholma: Daugava, 1976. — 781, [1] lpp., 26 lp. il. — Bibliogr.: 718.–742. lpp. Faksimilizd.: Rīga: Zinātne, 1992.
9. Švābe A. Latvijas vēsture, 1800–1914. — Stokholma: Daugava, 1958. — 752 lpp.: il.

3. ЛАТВИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА (1918–1940)

3. 1. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Предпосылки возникновения Латвийского государства. Первая мировая война как своего рода исторический феномен XX столетия оказала глубокое воздействие на судьбы многих народов и определила основные тенденции развития общества. Победа Антанты до неузнаваемости преобразила старую привычную Европу — она стала пацифистской, демократической, националистической и революционной. Распались Австро-Венгерская и Оттоманская империи, были сильно ослаблены Германия и Россия, исчезли старые, господствовавшие столетиями династии. Самые глубокие перемены коснулись Восточной и Центральной Европы, где возникли зоны «вакуума власти» и как следствие многочисленные новые национальные государства — Финляндия, Эстония, Литва, Польша, Чехословакия и Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославия). Возникновение национальных государств стало самой отличительной чертой Восточной и Центральной Европы, а значит, и всего континента.

Наряду с политическими и военными итогами войны, чрезвычайно важной предпосылкой возникновения новых государств была своеобразная идейная атмосфера, созданная ею. Еще в годы войны в центр внимания западных стран выдвинулся вопрос о праве народов на самоопределение, который со временем из политического стал принципом международного права. Страны Антанты, а также США, которые вступили в войну в апреле 1917 года, формально одной из целей войны провозгласили именно защиту интересов малых европейских народов на основе принципа самоопределения. И хотя имелись в виду прежде всего народы Австро-Венгрии и Балкан и поляки, не исключалась также возможность, что падение Российской империи повлечет за собой применение принципа самоопределения и к другим народам. Идея самоопределения имела столь притягательный характер, что стала новым политическим евангелием и покорила Европу. Латвия не была исключением. В кратчайшие сроки был преодолен

застой в развитии латышского политического национализма, что привело к возникновению необходимых предпосылок для создания Латвийского государства.

Долгое время латышский политический национализм носил довольно умеренный и вялый характер. Зародившаяся еще в начале XX века идея о создании Латвийского государства к этому времени переросла в требование политической автономии в рамках Российской империи. Сильнейшим импульсом развития национальных и политических устремлений латышского народа стала Февральская революция 1917 года в России, в результате которой возникли многочисленные латышские политические партии. Наиболее последовательно национальные интересы отстаивала Латышская национально-демократическая партия, которую создали осевшие в Москве представители латышской интеллигенции (Янис Акуратерс, Виктор Эглитис, Линард Лайценс, Янис Банкавс, Карлис Упитис, Янис Бланк и др.), группировавшиеся вокруг газеты «Dzimtenes Atbalss» («Эхо Родины»). Вначале партия не требовала полного отделения Латвии от России, ограничиваясь лишь требованием широкой политической автономии. Она выступала за объединение всех областей Латвии (Курземе, Видземе, Латгале) в автономное Латвийское государство в составе Российской Федеративной республики. Предполагалось, что в Латвии демократическим путем будет избран Сейм, который и определит сущность и форму управления страной, учредит национальный банк, создаст правовую систему и национальные вооруженные силы.

Проблема политической автономии Латвии весной 1917 года обсуждалась всеми латышскими печатными изданиями и чуть ли не на всех собраниях латышских организаций. Везде звучал лозунг «Свободная Латвия в свободной России», ибо на тот момент это было реальное политическое требование, поскольку казалось, что Россия изберет демократический путь развития. И хотя конкретное содержание и этого лозунга, и понятия автономии Латвии интерпретировались по-разному, не было партии, которая не отстаивала бы право народа на самоопределение и не выступала бы за объединенную автономную Латвию с избранными демократическим путем органами самоуправления. Необходимость автономии признавали и латышские социал-демократы — большевики (например, Петерис Стучка), вкладывая, однако, в это понятие лишь территориально-административное содержание и отвергая принцип государственной независимости.

Требование автономии Латвии в разных его вариантах выдвигалось и отстаивалось и в резолюциях, которые после Февральской революции были приняты на собраниях Видземского и Курземского земельных

советов и Латгальским съездом. Перед латышскими общественными и политическими силами стояла задача согласования проектов автономии. 30 июля (12 августа) 1917 года на конференцию в Ригу съехались представители десяти различных общественных организаций и политических партий, которые приняли решение, необоснованно называемое некоторыми латышскими авторами «декларацией о независимости Латвии». В документе речь шла в основном об автономии Латвии. Она включала в себя шесть пунктов:

1. Народ Латвии, как и все другие народы, имеет право на полное самоопределение;

2. Латвия должна быть единой и неделимой, объединить Курземе, Видземе и Латгале (Латгалию);

3. Латгале как особая составная часть Латвии, должна иметь собственные органы самоуправления, быть самостоятельной в области языка, образования и религии;

4. Латвия должна иметь статус политически автономной единицы в составе Российской республики, основанной на демократических принципах;

5. Законодательная, исполнительная, судебная и местная власти самостоятельной Латвии должны принадлежать народу Латвии и его Сейму, избранному путем всеобщих, прямых, тайных и пропорциональных выборов;

6. Собрание выступает против аннексий и против любой попытки определять государственно-правовой статус отдельных территорий Латвии без участия ее народа.

Рижская конференция была первой, где формально и фактически был представлен весь латышский народ. Однако решения конференции следует считать в определенной степени запоздалыми, поскольку уже весной 1917 года была озвучена мысль о независимости Латвии. Особенно стремительно латышское национальное движение радикализировалось летом, когда стало абсолютно ясно, что Временное правительство России открыто игнорирует умеренные требования латышей, направленные на укрепление политической автономии. Наметившийся кризис доверия спровоцировал в июле и августе еще более активную и открытую пропаганду идей независимости Латвии, получил также поддержку лозунг литовского либерального политика Ионаса Шлюпаса о создании объединенного латышско-литовского федеративного государства. Наиболее активно поддерживали эти идеи представители Латышской национально-демократической партии — издаваемая ею газета «Dzimtenes Atbalss» была заполнена статьями на тему о независимости. В выступлениях отдельных авторов (К. Упитис и др.) вопрос Латвии рассматривался уже не в российском контексте, а как

международная проблема, которая может быть решена лишь при поддержке демократического Запада.

После сентября 1917 года, когда Рига была занята немецкими войсками, латышский политический национализм качественно изменился. Военные неудачи России укрепили среди латышей убеждение, что ее ждет не процесс обновления, а распад. Многих латышских политиков беспокоила возможность раздела Латвии между Россией и Германией. Единственный реальный выход в сложившейся ситуации они видели в политической ориентации на демократический Запад, что особенно четко проявилось после Октябрьского переворота в России. В латышских буржуазных кругах постепенно крепла вера, что лишь победа союзников и осуществление провозглашенного права на самоопределение спасет Латвию и латышский народ от исчезновения. Поэт и политик Карлис Скалбе выразил эту мысль в словах: «Я полагаю, мы должны обеими ногами стоять в Европе». С другой стороны, и страны Антанты, поддерживавшие ранее своего союзника — Временное правительство России, были теперь готовы оказать помощь антибольшевистским силам, в том числе национальным движениям и организациям народов России.

Демократический блок и Латвийский Временный национальный совет. Для претворения в жизнь идеи независимости Латвии необходимо было провести предварительную работу, чтобы использовать новые возможности для решения проблемы государственности Латвии и создания органа, правомочного выступать от имени всего латышского народа. Главную роль в формировании независимости Латвии сыграли созданные осенью 1917 года две организации: Латвийский Временный национальный совет (ЛВНС) и Демократический блок, которые независимо друг от друга выступили за «политическую независимость Латвии и отделение от России». В Демократический блок, возникший во второй половине сентября в оккупированной немцами Риге, вошли социал-демократы (Паул Калныньш, Фрицис Мендерс, Маргерс Скуениекс и др.), представители Крестьянского союза (Карлис Улманис, Микелис Валтерс) и других партий. В блок не вошли большевики, придерживавшиеся «прорусской ориентации», а также крайне правая, в то время пронемецки настроенная «Народная партия» Фридриха Вейнбергса и Андрея Красткалнса, в принципе поддерживавшая идею создания Балтийского государства под протекторатом Германии. В конце 1917 года было даже созвано собрание населения оккупированных областей Латвии, на котором присутствовали главным образом представители этой партии; собрание приняло резолюцию, провозгласившую, что создание латышского государства вписывается в идею Балтийского государства.

Деятельность Демократического блока с момента его основания была нацелена на то, чтобы в условиях немецкой оккупации сохранить и развивать идею самоопределения Латвии. Его представители использовали любую возможность пропаганды этой идеи в латышском обществе. Активно пропагандировалась она и в повседневной жизни — среди родственников, коллег по службе, во время публичных лекций. Широкие связи социал-демократов с Германией способствовали передаче регулярной информации о ситуации в Латвии, о планах аннексии Курземе, вынашивавшихся немецкими милитаристскими кругами, о требованиях Демократического блока в вопросе независимости независимым социал-демократам Германии — депутатам рейхстага. В итоге Балтийский вопрос зачастую обсуждался на заседаниях германского парламента и имел широкий международный резонанс. Делались также попытки добиться взаимопонимания с немецкими оккупационными учреждениями. Представители Демократического блока не стеснялись выдвигать перед высшими военными и гражданскими государственными чиновниками Германии требования национального характера. Например, 18 декабря 1917 года было подано заявление на имя главнокомандующего Восточным фронтом баварского принца Леопольда с просьбой разрешить созвать собрание представителей латышского народа для обсуждения будущего Латвии. Однако из-за встречных требований пришлось отказаться от участия в этом собрании.

Более широкие возможности, чем у Демократического блока, были у Латышского Временного национального совета, созданного в ноябре 1917 года. Он объединял почти все наиболее влиятельные латышские общественные организации и политические партии. На учредительном собрании присутствовали представители Курземского, Видземского и Латгальского земельных советов, Центрального комитета латышских беженцев, Комитета вспомоществования беженцам Балтии, Латгальского комитета помощи жертвам войны, Рижского сельскохозяйственного общества, Национального объединения латышских воинов, Латышского Крестьянского союза, Национально-демократической партии, Радикально-демократической партии и Демократической партии. От сотрудничества отказались и в работе ЛВНС не участвовали семь приглашенных организаций, в том числе и социал-демократы. Формированию Совета пытался помешать и Видземский земельный совет, большинство которого в то время составляли социал-демократы-большевики.

Начало деятельности ЛВНС совпало с установлением диктатуры большевиков в результате Октябрьского переворота и созданием на неоккупированной территории Латвии (в основном в Видземе, за исключением Риги) «Республики Исколат». Эту «республику», которая существовала с

ноября 1917 до февраля 1918 года, когда немецкие войска заняли всю территорию Латвии, некоторые историки считают первым латвийским государственным образованием, подчеркивая, что самостоятельность Исколата в принятии решений была чрезвычайно высокой. И хотя в период Исколата в статусе Латвии произошли действительно значительные изменения, связанные с децентрализацией власти в России и концентрацией ее в руках местных учреждений, образованных по классово-политическому признаку, все же следует заметить, что речь идет не о независимом государственном образовании, ибо суверенная власть не была передана в руки латышского народа и сами социал-демократы — большевики в конце 1917 года не говорили об отделении от Советской России и создании независимого Латвийского государства. Они выступали только за автономию, ограниченную конституционными правовыми нормами Советской России. 24 декабря 1917 года (6 января 1918 года) Исколат принял Декларацию о самоопределении Латвии, которая провозглашала, что «латышский пролетариат... никогда и нигде не высказывал желаний и не проявлял тенденции к отделению от России и созданию суверенного Латвийского государства».

В отличие от Исколата, Латышский Временный национальный совет провозгласил своей целью независимость Латвии и создание самостоятельного государства. На первой же своей сессии в конце ноября — начале декабря 1917 года в Валке он назвал себя «высшим учреждением власти будущей Латвии», а также декларировал, что «Латвия, т. е. Курземе, Видземе и Латгале, является автономной и неделимой государственной единицей, внутреннее устройство и внешнюю политику которой будет определять ее Учредительное собрание, выражающее волю народа». И хотя это сдержанное заявление еще сложно интерпретировать как факт провозглашения независимости, некоторые латышские авторы (Адольф Кливе, Эдгар Дунсдорфс) все же убеждены в последнем. Они считают, что именно 19 ноября (2 декабря) 1917 года была провозглашена независимая Латвия. Обосновывая свою точку зрения, А. Кливе указывает, что в декларации «Ко всем латышам», которую Совет принял в упомянутый день, недвусмысленно провозглашена свободная и независимая Латвия. Особое внимание он уделяет анализу заключительной части декларации, в которой подчеркивается: «Латыши! Великое слово свободы прозвучало: самоопределение народам! Не ждите другой свободы! Берите сами, что дает вам история, и будьте готовы очистить свой порог от чужеземных угнетателей».

Наряду с созданием ЛВНС была создана институция, которая в конкретных исторических условиях была правомочна выступать от имени

латышского народа. Председателем Национального совета был избран Валдемар Замуэлс, его заместителями — Карлис Пауллокс, Янис Рубулис и Янис Палцманис. Было образовано восемь отделов ЛВНС, наибольшую активность проявляли Иностраннный отдел и Отдел финансов. Иностранными делегатами были избраны Янис Крейцбергс, Зигфрид Мейеровиц и Янис Чаксте. Создание и деятельность Национального совета сильно напугало социал-демократов — большевиков. 19 декабря 1917 года (1 января 1918 года) Исколат принял решение запретить деятельность Совета.

Решение Исколата затруднило, даже свело на нет деятельность Национального совета в Валке и он перебазировался в Петроград. 5 (18) января 1918 года по поручению ЛВНС председатель Иностранного отдела Янис Голдманис выступил на заседании Учредительного собрания России с сообщением о том, что «Латвийский вопрос приобрел международное звучание и его нельзя больше решать в Таврическом дворце», а 17 (30) января Национальный совет собирается на свою вторую сессию, которая принимает решение, которое заложило основы Латвийского государства. Требование независимости было ясным и неопровержимым: «Опираясь на провозглашенное во всем мире праве народов на самоопределение, Латвийский Временный Национальный Совет: 1) считает, что Латвия должна быть независимой демократической республикой, объединяющей Курземе, Видземе и Латгале; 2) протестует против любой попытки деления Латвии*, особо подчеркивая, что первейшим требованием латышского народа является территориальное и этнографическое единство Латвии; 3) протестует против любой попытки заключения мирного договора, который нарушает принцип народов на самоопределение и, наконец, 4) осуждает извращение воли народа под давлением оккупации и условий войны».

Руководствуясь изменившейся ситуацией, ЛВНС, в отличие от Демократического блока, не исключавшего в своей политике германский фактор, однозначно ориентировался на страны Антанты и активизировал деятельность по признанию Латвии. В этом плане очень важны были контакты, которые Иностраннный отдел установил с зарубежными представительствами в Петрограде. Сложнее оказалась задача отправки делегатов за границу, которые, находясь при правительствах стран Антанты, могли бы информировать их о политических целях Латвии, а также подготовить общественное мнение этих стран к международному признанию Латвии. И хотя соответствующее решение было принято еще на сессии в Валке,

---

* В это время в Брест-Литовске шли переговоры между Россией и Германией о подписании мирного договора, предусматривавшего разделение территории Латвии.

только в июле 1918 года в качестве первого полномочного представителя ЛВНС в Лондон направился З. Мейеровицс. В выданных ему полномочиях говорилось, что предьявитель их «повсюду будет излагать необходимость суверенной и неделимой Латвии». Перед прибытием в Великобританию З. Мейеровицс основал в Стокгольме Информационное бюро, которое развернуло широкую и серьезную работу, регулярно готовя материалы и предоставляя информацию для иностранной печати о Латвии и стремлении латышей к независимости.

Активизация деятельности ЛВНС была своевременной, поскольку Германия, под властью которой с февраля 1918 года находилась вся Прибалтика, подписала с Россией договоры, создавшие новую международную правовую ситуацию: изменился статус отдельных территорий Латвии и Эстонии. Заключенный 3 марта 1918 года Брестский договор фиксировал согласие России, при условии сохранения в ее юрисдикции Латгалии, передать Германии Курземе, Ригу и остров Сааремаа, вопрос же о дальнейшей принадлежности Видземе и Эстонии остался открытым. В свою очередь в соответствии с Берлинским договором (дополнение к Брестскому мирному договору), который был подписан через полгода — 27 августа, Россия отказалась от «верховой власти» и в Видземе и Эстонии. Это означало, что фактически не оставалось никаких юридических препятствий для сдерживания планов германских военных кругов и многих проживающих в Латвии балтийско-немецких политиков по присоединению в той или иной форме упомянутых территорий к Германии. Однако несмотря на то, что правительство Германии проявило внешнюю активность, в течение всего лета 1918 года оно сознательно не спешило решать Балтийский вопрос и почти утратило интерес к этому региону. Берлин, действия которого все больше начинали зависеть от безнадежной ситуации на Западном фронте, просто не знал, что делать с Балтией. В результате она просто-напросто была брошена на волю судьбы. 22 сентября кайзер Германии Вильгельм II даже провозгласил Балтию «свободной и самостоятельной областью». Эта официальная политика Германии фактически была выгодна латышам, поскольку объективно способствовала формированию Латвийского государства.

Ситуация, складывавшаяся в Латвии и вокруг нее, способствовала успеху дипломатической акции З.Мейеровицса в Лондоне. И хотя ориентированные на Россию политические эмигранты оказывали активное сопротивление, ему удалось убедить англичан в необходимости создания Латвийского государства. Решающим оказалось глубокое неприятие британцами и Германии, и большевизма. 23 октября 1918 года министр иностранных дел Великобритании Артур Джеймс Бальфур сообщил

3. Мейеровицу, что английское правительство решило предварительно признать «Латвийский Национальный совет правительством Латвии» до тех пор, пока Мирная конференция окончательно не определит статус страны. Таким образом, ЛВНС впервые с точки зрения международного права был признан правительством Латвии, что подтвердило правильность избранной Национальным советом тактики и политической ориентации на пути создания независимого, признанного международным сообществом государства.

Сообщение А. Бальфура латвийские политики восприняли как признание Латвии *de facto**. 30 октября 1918 года З. Мейеровиц отправил А. Бальфуру письмо, в котором просил подтвердить декларацией признание независимости Латвии. Выполняя просьбу, А. Бальфур в официальном письме, датированном 11 ноября, сообщил З. Мейеровицу, что правительство Великобритании «с удовольствием вновь подтверждает свою готовность временно признать Латвийский Национальный совет *de facto* независимым учреждением» и принять его самого «как неофициального дипломатического представителя временного правительства Латвии». Из текста письма вытекает, что Великобритания временным правительством Латвии вновь признает Национальный совет. В восприятии британцев эта структура была высшим легитимным представительством Латвии.

Осенью 1918 года национальные политические силы Латвии пытались добиться поддержки независимости Латвии и со стороны Германии. 19 октября, когда у власти в Германии находилось первое парламентское правительство во главе с принцем Баденским Максимилианом, которое начало проводить восточную политику, ориентированную на признание права на самоопределение народов, представители Демократического блока Микелис Валтерс и Эдуард Траубергс передали немецкому канцлеру заявление, в котором подчеркивалось, что латышский народ твердо намерен добиться на территории Латвии признанной мировым сообществом государственной независимости. В документе недвусмысленно говорилось, чего латыши ждут от новой Германии, что «она не будет чинить препятствий народу Латвии на пути незамедлительного строительства независимого государства».

Национальный совет тоже не мог игнорировать германский фактор,

---

* Следует отличать признание *de facto* и *de iure*. Признание *de facto* означает условное, неполное, предварительное признание, то есть, правительство или государство признаются как юридический факт и обычно открывают консулаты или торговые представительства, а не налаживают полные дипломатические отношения. Признание *de facto* можно аннулировать.

ибо в Латвии находилась немецкая оккупационная армия. В письме канцлеру Германии (25 октября) правление Национального совета выразило протест против решений поддерживаемого германскими военными властями объединенного земельного совета Видземе, Эстонии и острова Сааремаа о создании Балтийского государства под протекторатом Германии. Не признавая за этим советом (а также за советом Курземе) право представлять Латвию, Национальный совет сообщил, что до создания Временного правительства он сам претендует на управление Латвией и формирование национальных вооруженных сил. Принц Максимилиан также был проинформирован о том, что Временное правительство будет образовано на сессии Национального совета в самое ближайшее время. Временному правительству предстоит разработать проект конституции Латвии, а также созвать Учредительное собрание.

Из-за стремительного развития событий принц Максимилиан не успел ответить на эти заявления — 3 ноября в Германии вспыхнула революция, а 9 ноября монархия была провозглашена республикой. Максимилиан был вынужден передать свои полномочия канцлера лидеру большинства социал-демократу Фридриху Эберту. Еще через два дня Германия подписала Компьенское соглашение о перемирии, статья 12 которого подтвердила согласие Берлина вывести войска с оккупированных территорий довоенной России (и из Латвии — *Авт.*) только тогда, когда признают это необходимым державы Антанты. Немецкие войска должны были предотвратить захват Балтии большевиками. Антанта планировала использовать Балтию в качестве плацдарма в борьбе с Советской Россией.

И революция в Германии, и Компьенское перемирие создали благоприятные обстоятельства для продолжения формирования независимого Латвийского государства. С точки зрения многих историков, именно заключение перемирия явилось решающим фактором в процессе возникновения национальных Балтийских государств. Исследователи указывают, что перемирие по существу означало полный отказ немцев от всех аннексионистских планов в отношении Балтии, ибо после разгрома и демократизации Германии об этом не могло быть и речи. Германскую политику стали определять новые силы. Милитаристские круги стремительно утрачивали свое былое влияние.

Новые реалии берлинской восточной политики в Латвии выразились в утрате интереса официальной Германии к запланированному балтийскими немцами Балтийскому государству, которое должно было включать в себя Курземе, Видземе и Эстонию. Формально такое государство было даже создано 7–8 ноября 1918 года Объединенный земельный совет Видземе, Эстонии, острова Сааремаа и Риги в качестве Временного правительства

избрал так называемый регентский совет во главе с бароном Адольфом Пиларом фон Пильхау. Кроме того, 11 ноября командование находившейся на территории Латвии 8-й германской армии дало разрешение на формирование Балтийского ландесвера в качестве ополчения упомянутого Балтийского государства, основной контингент которого составляли балтийские немцы. Однако Балтийское государство осталось на бумаге, поскольку было мертворожденным, не отвечало реальным политическим требованиям. Берлин не оказывал или не мог оказать ему помощи, игнорировал его просьбы и его точку зрения.

Новое временное правительство Германии — Совет народных уполномоченных, сформулированный 10 ноября 1918 года из большинства и независимых социал-демократов, на своем заседании 15 ноября в связи с заявлением представителей Демократического блока приняло решение назначить нынешнего комиссара Германии в Балтийских провинциях Августа Виннига генеральным уполномоченным германского правительства в Балтийских землях. Ему было поручено «вести переговоры с латышами и эстонцами», учитывая их требование о создании независимых государств. Таким образом, правительство Ф. Эберта продолжило политику принца Максимилиана в отношении Балтии, признав фактически за латышами (и эстонцами) право на самоопределение.

Народный совет и акт от 18 ноября. Разгром Германии в войне и смена ее политического курса в Балтии дали импульс для дальнейшего развития политической жизни в Латвии, что в конечном счете повлекло за собой громадные перемены и завершилось торжественным провозглашением государственной независимости. И хотя Национальный совет был признан международным сообществом и сыграл выдающуюся роль в формировании Латвийского государства, многие влиятельные латвийские политики считали эту институцию недостаточно демократичной, ибо она не представляла все слои латвийского общества. Попытки добиться равного участия всех политических сил в Национальном совете потерпели неудачу. Среди приверженцев Демократического блока созрела идея (которую позже поддержали и многие политики Национального совета) — сформировать на более широкой основе новый предпарламент — Народный совет Латвии, куда вошли бы и социал-демократы, и представители национальных меньшинств, и др. К тому же ни социал-демократов, ни большинство политиков Латышского Крестьянского союза и его лидера К. Улманиса не удовлетворял структурный принцип Национального совета, в котором наряду с политическими партиями были представлены и неполитические организации. По мнению оппонентов, Народный совет должны формировать только политические партии, причем каждой партии на основе

договоренностей предоставляется определенное число мест. Правда, в отдельных областях Латвии (Курземе, Латгале) политические партии еще не существовали.

Народный совет Латвии был образован 17 ноября 1918 года. Вначале в его состав вошло 40 делегатов (кроме того, Курземе должна была направить еще 21, а Латгале — 18 делегатов), которые представляли восемь партий. Наибольшее количество делегатов было выдвинуто от Крестьянского союза — 13, от Латвийской социал-демократической рабочей партии — 10, от Демократической партии — 5, от Радикал-демократической — 5, от партии эсеров — 3, от Национал-демократической партии — 2, от Республиканской партии — 1 и от Партии независимости — 1. На первом заседании были приняты две резолюции (резолюция Крестьянского союза подтверждала, что Народный совет продолжит работу, начатую Национальным советом и Демократическим блоком) и Политическая платформа, которая провозгласила, что до созыва Учредительного собрания суверенная власть в Латвии принадлежит Народному совету. Состоялись также выборы руководства. Председателем Совета был избран Янис Чаксте, его заместителями (первым и вторым товарищем) Маргерс Скуениекс и Густав Земгалс. По предложению Крестьянского союза первым премьер-министром Латвии был избран К. Улманис, которому было доверено составить временное правительство. Трудно себе представить на его месте другого политика. Никто другой не обладал его удивительной энергией и упорством. Никто и не сомневался в его праве быть первым руководителем Латвийского государства. В то время К. Улманис был буквально одержим идеей независимого государства, что для истории оказалось решающим.

Латвийское государство было торжественно провозглашено 18 ноября 1918 года. В своей первой речи президент министров подчеркнул, что неотложной задачей Временного правительства станет «построение Латвийского государства и укрепление его как извне, так и изнутри». Он провозгласил равенство всех граждан Латвии и их право участвовать в жизни страны независимо от этнического происхождения, что перекликалось с декларированными ранее Народным советом правом национальных меньшинств посылать своих представителей в Народный совет и органы управления. Свою речь К. Улманис завершил словами о том, что Латвия «будет страной демократии и справедливости, в которой не должно быть места притеснениям и обидам». Таким образом, еще в 1918 году были четко сформулированы основные принципы национальной политики Латвийского государства.

Историки по-разному оценивают правовые условия возникновения

Латвийского государства. Некоторые квалифицируют 18 ноября как недемократический акт, называя его государственным переворотом. Упрекают прежде всего в узурпировании власти, сомневаются в легитимности принятого 18 ноября исторического решения. Высказываются также предположения о том, что идея независимости не была достаточно популярной среди латышей, что широкие народные массы с безразличием отнеслись к провозглашению государственности.

Упреки и возражения по поводу 18 ноября в основном не имеют под собой основания и не выдерживают серьезной критики. Обычно сам факт возникновения нового государства является актом и легитимным и революционным. Формирование Народного совета Латвии было самым тесным образом связано с правом латышского народа на самоопределение. Совет провозгласил независимость и взял на себя функции высшей власти в государстве, так как народ Латвии — единственный суверен власти в государстве — не мог в конкретных исторических условиях свободно выражать свою волю. Присутствие оккупационных войск и предстоящее наступление большевиков не предоставляли никакой возможности организовать демократические выборы Учредительного собрания на территории Латвии. Ждать означало рисковать потерей государственности.

Ход истории наглядно доказал, что принятые в ноябре 1918 года решения были верными и в целом отвечали интересам населения Латвии. Наряду с конституированием Народного совета был создан политический орган, объединивший народы Латвии, и заложены демократические основы будущего Латвийского государства. Постепенно было достигнуто и необходимое единство латышского народа, которое позволило одержать победу в освободительной борьбе. Историческое значение 18 ноября безусловно и его трудно переоценить. В жизни народа Латвии начался совершенно новый этап.

3. 2. ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ ЛАТВИИ

Регулирование отношений с Германией и начало освободительной войны

18 ноября 1918 года было не случайностью, а проявлением высокой отваги национальных сил Латвии. Построение Латвийского государства надо было начинать почти с нуля. После войны Латвия была разорена, разграблена русскими и немецкими войсками. Временное правительство

создавалось спонтанно, без хорошо продуманного плана. В условиях, когда существовала внешняя угроза нападения, а защита государства была одним из основных приоритетов, место министра обороны пустовало в течение двух с половиной недель. И постепенно против нового государства ополчились все тайные и явные его враги. От идеи созидания, от новых инициатив пришлось надолго отказаться. Начался смутный период в истории Латвии.

С первых же дней своей деятельности Временное правительство особое внимание уделяло урегулированию отношений с Германией, которой в Латвии по-прежнему принадлежала фактическая власть. Новое правительство делало все возможное, чтобы Германия как можно быстрее признала его, и немецкие оккупационные учреждения передали бы ему все властные функции в государстве. Уже 19 ноября К. Улманис и Г. Земгалс прибыли к генеральному уполномоченному Германии в Балтийских землях А. Виннигу, чтобы проинформировать его о создании Латвийского государства. О том, что при этом был нарушен дипломатический протокол (обычно послы прибывают к руководителям правительства), в то время никто не думал. В сообщении, отправленном А. Виннигом в Берлин, об этом факте он даже не упомянул.

Временное правительство Германии, проигнорировав протест со стороны регентского совета, немедленно решило наладить отношения с Временным правительством Латвии. На заседании правительства, которое состоялось через несколько дней после провозглашения Латвийского государства, было принято решение признать правительство Улманиса в качестве временной высшей власти на «этнографической территории латышей» и Народный совет в качестве «контролирующей инстанции».

25 ноября К. Улманис получил от А. Виннига следующее послание: «Имею честь сообщить господину президенту, что немецкое правительство согласно предварительно признать Народный совет Латвии независимой властью и Временное правительство его исполнительной комиссией до тех пор, пока Мирная конференция не решит будущее Латвии в соответствии с правом народов на самоопределение».

26 ноября А. Винниг отправил Временному правительству Латвии новое сообщение, которое латвийская сторона восприняла тоже как акт признания. Этот документ содержал два важных пункта. Прежде всего А. Винниг указал, что Временное правительство представляет высшую власть на этнографической территории латышей. Далее, он сообщил, что немецкое гражданское управление передает управление землями Временному правительству Латвии в соответствии с предстоящим соглашением.

Не убеждает приводимое в латышской исторической литературе

утверждение, что признание Германии имело тайный умысел — вовлечь Латвию в сферу своего влияния. Скорее этот шаг Германии следует расценивать как логическую последовательность в проводимой ею новой восточной политике. Другое дело, что признание со стороны Германии было ограниченным и касалось только правительства. Частично это было связано с необходимостью найти приемлемую для всех, придерживающихся различных точек зрения, формулу признания. Даже те две политические силы, которые сформировали правительство Германии, в этом вопросе имели принципиальные разногласия. Например, в противовес социал-демократам большинства, немецкие независимые социал-демократы считали, что после того как Компьенское соглашение о перемирии отменило Брестский мирный договор и его дополнительные условия, Советская Россия вновь обрела право на свои бывшие Балтийские провинции.

В конце 1918 года для упорядочения отношений между Германией и Латвией необходимо было решить немало связанных с военной ситуацией вопросов. Немецкие оккупационные силы (8-я армия), дислоцировавшиеся в Латвии, не соблюдали дисциплину, среди солдат нарастали революционные настроения. К тому же больше всего им хотелось вернуться на родину (близилось Рождество), и они вынудили командование начать процесс возвращения. Страны Антанты не в состоянии были обеспечить соблюдение статьи 12 Компьенского договора о перемирии, согласно которой им следовало остановить продвижение большевиков, начавшееся во второй половине ноября, после того как Советская Россия аннулировала Брестский договор, понимая под этим и восстановление юридической власти над Балтией. В этой связи следует указать, что с точки зрения контрагентов Компьенского мирного соглашения (позже — и заключенного 28 июня 1919 года Версальского мирного договора), отмена Брестского мирного договора не означала, что договор этот не был в силе с момента его подписания. До его отмены он был законным, и, по его условиям, правовое положение Балтии или ее отдельных частей должны определить жители самих отделившихся территорий.

Латвии войска большевиков достигли в первых числах декабря 1918 года. Началась освободительная война, которую обычно делят на три этапа. Первый продолжался до февраля 1919 года, второй охватывал период от марта до июня, третий завершился в феврале 1920 года. Одновременно с вторжением большевиков в Латвию активизировалось добровольческое движение. Еще в ноябре было начато формирование Балтийского ландесвера, в основном из балтийских немцев, тогда же был создан отряд из солдат немецкой армии — так называемая «железная бригада» (позже Железная дивизия). Формировались и отдельные латышские роты.

Однако особых успехов в этом отношении достичь не удалось. 7 декабря 1918 года министр обороны Я. Залитис подписал договор с А. Виннигом о создании ландесвера на добровольной основе из 18 латышских, 7 немецких и 1 русской роты, а также из 3 латышских и 2 немецких батарей. Договор признавал Германию (ее войска в Латвии) оккупационной властью, которая брала на себя обязательства на кредитных условиях поставить необходимое вооружение и снабдить денежным средствами. Таким образом, немецкая сторона, исходя из принятых в 1907 году Гаагских конвенций, одна из которых определяла права и обязанности страны-оккупанта, имела право вмешиваться во внутренние дела Латвии, что впоследствии широко практиковала, пытаясь, например, использовать ограниченное право вето в отношении постановлений Временного правительства Латвии, чтобы приостановить всеобщую мобилизацию. Неудачным было и использование старого названия «Балтийский ландесвер», поскольку под таким названием уже действовали добровольные формирования балтийских немцев.

Непрерывное ухудшение стратегической ситуации и необходимость активизировать добровольческое движение (многие латыши, не разобравшись в политической ситуации, осуждали сотрудничество Временного правительства с немцами и симпатизировали большевикам) вынудили кабинет Улманиса подготовить и 29 декабря подписать новый договор с А. Виннигом, согласно которому латвийское гражданство предоставлялось немецким добровольцам, участвовавшим по меньшей мере четыре недели в боевых действиях против большевиков. Прежде чем подписать этот договор, направленный, безусловно, на укрепление позиций немцев в Балтии, Улманис посоветовался с представителем Великобритании Вивьеном Босенкетом. Безусловно, это был дальновидный дипломатический ход, позволивший впоследствии избежать внешнеполитических осложнений. Однако заключение договора обострило внутривнутриполитическую ситуацию. «Грешный альянс» (так нередко в исторической литературе обозначают сотрудничество Временного правительства с немецкими оккупационными властями), который опирался на совпадение интересов обеих сторон, заметно снизил популярность кабинета Улманиса среди населения Латвии.

На рубеже 1918–1919 годов Временное правительство оказалось в безнадежной ситуации. 30 декабря социал-демократы отказались от сотрудничества и вышли из Народного совета, а 3 января в Ригу вошли большевики и, продолжая наступление, за короткий срок заняли почти всю территорию Латвии. Под контролем Временного правительства остались только Лиепайский, Гробиньский и Айзпутский уезды. Власть захватило правительство П. Стучки, которое формально представляло независимую

Латвийскую Социалистическую Советскую Республику. Это государство, провозглашенное в декабре 1918 года, было задумано как ответный тактический маневр Советской России по отношению к латышскому национально-освободительному движению, увенчавшемуся созданием независимого государства. Однако Советская Латвия не сумела исполнить предназначенные ей функции. Политика правительства П. Стучки, опиравшаяся на марксистские догмы и террор, оказалась столь неприемлемой для населения Латвии, что постепенно оно вообще утратило всякий интерес к идеям большевизма.

Временному правительству, обосновавшемуся в Лиепае, в борьбе с большевиками серьезную, но и чреватую последствиями помощь оказывала Германия, которую беспокоила активность Красной армии вблизи границ Восточной Пруссии. Из Берлина в Курземе была передислоцирована 1-я гвардейская дивизия. Командование Балтийским ландесвером, в составе которого сражался Латышский отдельный батальон Оскара Калпакса и Железная дивизия, переняли опытные, но враждебно настроенные к латышам немецкие офицеры. Главнокомандующим всеми немецкими вооруженными силами в Курземе и Северной Литве, а также губернатором Лиепайи в начале февраля был назначен «политический генерал Рюдигер фон дер Гольц», который до этого оказал помощь независимой Финляндии в борьбе с большевиками. Ему удалось быстро стабилизировать ситуацию и начать успешное наступление в Курземе.

Р. фон дер Гольц вынашивал далеко идущие планы, в том числе направленные против независимости Латвии, демонстрировал большие военные и политические амбиции. «Под знаменем борьбы с большевизмом» он собирался продолжать восточную политику кайзеровской Германии, чтобы «от бесчестного окончания войны спасти то, что еще можно спасти», ибо, как он считал, Германия войну на восточном фронте выиграла. Согласно замыслам фон дер Гольца, именно в Балтии Германия должна была взять реванш. К своим противникам он со временем причислил не только большевиков и Антанту, но и Временное правительство Латвии, которое считал полубольшевистским и враждебным немцам.

После прибытия фон дер Гольца в Лиепаяю резко ухудшились и постепенно сошли на нет отношения между правительством Улманиса и Германией, чему способствовали несколько факторов: различный подход сторон к важнейшим для Латвии вопросам (ориентация на Антанту и др.), разнужданное поведение балтийских немцев и немецких солдат, планы фон дер Гольца и его попытки помешать становлению вооруженных сил Временного правительства и, наконец, государственный переворот 16 апреля, свержение правительства Улманиса, совершенное ударными частями

ландесвера, и создание пронемецкого правительства Андриевса Ниедры. Определенную негативную роль сыграли и сомнения, царившие в правящих кругах Германии относительно того, желательны ли вообще существование Латвии и других Балтийских государств, полностью ориентирующихся на Антанту, — в перспективе это могло помешать Германии установить экономические и политические отношения с Россией (Балтийские страны как «барьер союзников» между Берлином и Москвой). Исходя из предпосылки, что Германия и Россия должны сотрудничать и освободиться от ига Антанты, полномочный представитель Германии в Латвии Вильгельм Бургхардт (заместитель А. Виннига) весной 1919 года даже внес на рассмотрение своего правительства проект о возможном разделе Балтии по сферам интересов. Второй вариант этого проекта предполагал передачу Риги, Южной Видземе и Латгале России, объединение Эстонии с Финляндией, а Курземе с Литвой (здесь доминировало бы влияние Германии).

Вопрос о международном признании Латвии на Парижской мирной конференции. Хотя Великобритания еще в начале 1919 года готова была признать страны Балтии *de iure*, если союзники поступят так же, тем не менее постепенно и другие страны Антанты стали придерживаться столь же противоречивой и неопределенной политики по отношению к Латвии, как и Германия. Особенно наглядно это проявилось во время Парижской мирной конференции, которая проходила с января 1919 по январь 1920 года. Союзники, которые считали советскую власть в России явлением временным, не собирались игнорировать факт бывшей принадлежности Латвии к Российской империи. Государственные деятели и Франции, и Англии, которые все явственнее начали отстаивать идею единой России, предпочитали вынести вопрос о независимости Латвии и других Балтийских государств на рассмотрение Всероссийского Учредительного собрания. Они часто отказывались от ими же самими декларированного принципа о праве народов на самоопределение, зачастую отрицательно реагировали на требования Латвии и других Балтийских государств, выдвигаемые прибывшими на конференцию в Париж делегациями этих стран.

Делегаты от Латвии Янис Чаксте, Зигфрид Мейеровицс, Янис Сескис и др., прибывшие в Париж 23 января к первому заседанию, считали своей важнейшей задачей добиться «признания самостоятельности Латвии», а также обеспечить Латвию продовольствием, займами и военной поддержкой в борьбе с большевиками. Учитывая, что непосредственно участвовать в Мирной конференции они не могли, главной формой их деятельности стали заявления комиссиям конференции и личные контакты с ее руководителями и представителями стран-участниц. За время своей деятельности (23 января–15 декабря 1919 года) делегация Латвии внесла на

рассмотрение правительств стран Антанты и в комиссии Мирной конференции 34 глубоко обоснованных заявления. Однако фактически никакого ответа на них не было получено.

В 1919 году делегаты Латвии, использовавшие в Париже любую возможность, чтобы вновь и вновь затронуть вопрос о признании независимости Латвии, вначале были настроены очень оптимистично, возлагая главную надежду на данное 16 марта премьером Франции Ж. Клемансо обещание лично поддержать независимость новых государств на Мирной конференции. Как свидетельствуют отчеты о деятельности делегации, еще 9 апреля делегаты были твердо убеждены в том, что признание Балтийских государств «в ближайшем будущем состоится». Прошло время, и оптимизм их значительно угас. Руководитель специально созданной в рамках Мирной конференции Балтийской комиссии Эсме Говард в беседе с З. Мейеровицсем в конце мая дал понять, что правительству Латвии придется удовольствоваться временным признанием правительства Великобритании, поскольку русские антибольшевистские силы, в частности, правительство адмирала Александра Колчака, «категорически против независимости Латвии». Э. Говард, правда, не исключил возможности, что в будущем ситуация может измениться и Латвия может быть признана *de iure*.

10 июня 1919 года состоялось заседание Балтийской комиссии, на котором с очередным меморандумом выступил З. Мейеровицс. В документе указывалось, что представители многих держав выразили моральную поддержку Латвии в ее борьбе за государственную независимость и признали ее Временное правительство *de facto*. В завершение была высказана просьба признать Латвию как суверенное и независимое государство. Однако отношение членов комиссии к меморандуму было однозначно отрицательным. Комиссия подчеркнула невозможность признать Латвию *de iure*, ибо статус Латвии не может быть решен без участия России, и отвергла возражения латышских делегатов, которые указали, что вопрос Латвии — это международная проблема.

Хотя на Парижской мирной конференции делегации Латвии не удалось добиться выполнения своего главного требования, определенные результаты были достигнуты. Подписанный 28 июня 1919 года Версальский договор с Германией содержал благоприятные для стран Балтии условия и косвенные гарантии их независимости. Так, статья 116 гласила, что Германия обязуется соблюдать независимость тех территорий, которые до 1 августа 1914 года принадлежали России. Статья 292 фиксировала отказ Берлина от всех ранее заключенных с Россией или ее территориями договоров, а в соответствии со статьей 433 Германия, войска которой оставались в Балтии, обязалась не вмешиваться в деятельность временных

правительств Эстонии, Литвы и Латвии в сфере защиты государства, а также по требованию Антанты вывести свои войска. С точки зрения латвийских дипломатов все страны, подписавшие Версальский мирный договор, признали Балтийские государства независимыми государствами *de facto*. Это обстоятельство имело особое значение, поскольку Версальский договор подписали 32 государства, а официальные послания о признании правительства Латвии *de facto* на этот момент прислали лишь Великобритания, Германия, Япония и Гаити. Две последние сделали это в январе 1919 года: 10 и 30 числа соответственно.

Второй и третий этапы освободительной войны. Достичь более серьезных успехов в вопросе признания независимости Латвии объективно мешала и очень сложная внутривнутриполитическая ситуация — весной 1919 года в Латвии существовали три правительства: «Союзническое» правительство Улманиса (после переворота 16 апреля его резиденцией стало судно «Саратов» в Лиепайском порту), поддерживаемое прежде всего Великобританией, правительство А. Ниедры, поддерживаемое фон дер Гольцем и балтийскими немцами (официальная Германия симпатизировала этому правительству, так как считала, что оно защищает интересы немцев, но формально признать этого не осмеливалась), и правительство П. Стучки, опиравшееся на поддержку Советской России. За каждым из этих правительств стояли определенные военные формирования. К. Улманису остались верны латышские военные формирования, правительство А. Ниедры защищали войска балтийских немцев и регулярные немецкие части, а правительство П. Стучки — Красная армия. До занятия Риги немецкими войсками 22 мая 1919 года против большевиков вместе сражались верные К. Улманису и А. Ниедре войска. Главная роль в военных действиях этого времени принадлежала регулярным немецким частям. Однако после освобождения Риги ситуация изменилась. Из Эстонии и Северной Латвии, которую под угрозой окружения были вынуждены покинуть войска правительства П. Стучки, двигался сформированный в Эстонии отряд из латышей и эстонцев, который симпатизировал К. Улманису, но не признавал правительство А. Ниедры. Немцы (фон дер Гольц), стремившиеся усилить свое влияние в Латвии, были заинтересованы в том, чтобы не допустить занятия этим военным соединением сколько-нибудь значительной части территории Латвии, поскольку это бы укрепило позиции К. Улманиса и его сторонников. Поэтому верные правительству А. Ниедры части (в основном ландесвер балтийских немцев, в который постепенно влилась и Железная дивизия), двигались в направлении Цесиса, чтобы захватить Видземе. Решающее вооруженное столкновение под Цесисом 19–23 июня (Цесисские бои) закончилось разгромом ландесвера и Железной

дивизии. Правительство А. Ниедры вынуждено было сойти с политической арены. 27 июня Временное правительство Улманиса возобновило свою деятельность в Лиепае и через полторы недели вернулось в Ригу. Державы Антанты, которые не утратили надежды вовлечь немцев в борьбу с Красной армией, не были заинтересованы в их окончательном поражении и 3 июля вынудили эстонцев и латышей заключить с немцами перемирие. В соответствии с условиями Страздмуйжского перемирия отряды ландесвера и регулярные немецкие части до вечера 5 июля должны были оставить Ригу. Перед регулярными немецкими войсками было поставлено условие «в самое ближайшее время покинуть территорию Латвии». В договоре было указано также, что немецкие войска прекращают в Латвии все наступательные операции, за исключением военных действий, направленных против сил Советской России.

И хотя страны Антанты после заключения Страздмуйжского перемирия время от времени повторяли требование немецким частям покинуть Латвию, немецкая сторона, несмотря на неоднократные обещания, не спешила их выполнять. Наоборот: фон дер Гольц систематически получал из Германии подкрепления. В Курземе были направлены и русские военные части, сформированные в немецких лагерях для военнопленных. Союзники намеревались использовать их в операциях против Советской России. Поскольку русские воинские части находились на обеспечении Германии, они и политически зависели от нее. Отношение немецких солдат к Латвии не отличалось благожелательностью. 25 августа 1919 года выдвинутые от них делегаты приняли заявление, в котором потребовали от правительства Улманиса выполнения договора от 29 декабря 1918 года о предоставлении им латвийского подданства с правом надела земли. Требование было необоснованным, поскольку договор не содержал обещания земельного надела немецким добровольцам. К тому же договор утратил юридическую силу в соответствии со статьей 292 Версальского мирного договора. Так ситуация была воспринята и правительством Германии. Министр иностранных дел Герман Мюллер утверждал даже, что кабинет министров никогда особенно не признавал заключенное с Латвией в декабре 1918 года соглашение.

В августе и сентябре 1919 года немецкие солдаты, чтобы не покидать Курземе, влились в русские военные отряды под началом Павла Бермондта, в так называемую Западную русскую добровольческую армию. Вначале страны Антанты не высказывали особых возражений по этому поводу, поскольку Бермондт утверждал, что его части вступят в борьбу с большевиками в России. 14 августа он заявил, что его части двигаются в направлении Даугавпилс–Великие Луки–Вышний Волочок, чтобы прервать

сообщение между Москвой и Петроградом. Осуществление этого замысла Бермондта означало бы оккупацию его частями всей территории Латвии. Такая перспектива показалась правительству Улманиса чрезвычайно опасной, и оно решило этого не допустить.

Находившийся под влиянием фон дер Гольца, который не отказался от утопической идеи разрыва «Версальских пут», П. Бермондт свои ближайшие планы связывал с завоеванием Балтии. На совещании русских офицеров-добровольцев Западной армии в Елгаве 1 октября было решено захватить Ригу, свергнуть правительства Латвии и Эстонии, превратить обе страны в российские провинции с ограниченной автономией, без права на собственные вооруженные силы, а также полностью восстановить все привилегии балтийско-немецкого дворянства. Два дня спустя, когда П. Бермондт взял на себя командование всеми дислоцированными в Курземе воинскими частями, был подписан тайный договор: в соответствии с ним немецким солдатам было обещано Российское подданство с наделом земли.

Сотрудничество немцев и русских представляло большую опасность для независимости Латвии. 8 октября бермондтовцы начали наступление на Ригу, которое было остановлено на левом берегу Даугавы. Решающие события произошли в ноябре. Латвийская армия, стремительно пополнявшаяся, одержала победу над отрядами П. Бермондта. В начале декабря остатки бермондтовских частей, отступая, пересекли границу с Германией.

Авантюра П. Бермондта и ее последствия стали причиной серьезных изменений в международном положении Латвии и в ее отношениях с Германией. 18 ноября 1919 года главнокомандующий Латвийской армией Янис Балодис получил радиотелеграмму от немецкого генерал-лейтенанта Матиаса Эберхардта, в которой указывалось, что армия Бермондта находится в подчинении немецкого главнокомандования. На запрос министра иностранных дел З. Мейеровицса, подтверждает ли правительство Германии заявление М. Эберхардта, министр иностранных дел Германии ответил утвердительно. Получив этот ответ, Латвийское правительство сделало вывод, что Германия напала на Латвию и страны находятся в состоянии войны. 25 ноября З. Мейеровицс направил Министерству иностранных дел Германии ноту, в которой говорилось, что Латвия прерывает дипломатические отношения с Германией, «отзывает своих представителей при правительстве Германии» и передает право представлять интересы граждан Латвии в Германии правительству Эстонии.

Объявив войну Германии, правительство Улманиса продемонстрировало явно антинемецкую позицию, что заметно повысило его авторитет среди латышского народа. Однако с точки зрения внешнеполитической

объявление войны Германии было шагом поспешным и ненужным, повлекшим за собой тяжелые осложнения. Но в нем отразилось развитие взаимоотношений между двумя странами и их характер в 1919 году. В феврале наметившиеся разногласия еще больше усилились — возникли новые конфликты. В упомянутой ноте З. Мейеровица перечислены девять характерных случаев, когда немецкое правительство, уже после заключения перемирия 3 июля, «вело себя враждебно по отношению к Латвии и ее правительству». Первый случай — безответственное отношение правительства Германии к вопросу вывода войск, последний — нападение армии П. Бермондта на Ригу, причем подчеркивалось, что его части состояли в основном из немецких воинских формирований.

Провал «Балтийской операции» П. Бермондта стал началом последнего этапа освободительной войны. При поддержке Польши в начале 1920 года части Красной армии были изгнаны из Латгале. Прекратило свое существование и правительство Советской Латвии. Еще во время последних боев начались мирные переговоры между Советской Россией и Латвией, которые завершились 30 января подписанием мирного договора. 1 февраля договор вступил в силу. Освободительная война завершилась. Одержав победу над всеми врагами с оружием в руках и установив свою власть во всех областях страны, Латвийское государство стало реальностью. Победила государственность, которую вначале представляли ЛВНС и Демократический блок, а позднее — Народный совет. Но главной предпосылкой победы был огромный демократический потенциал и соблюдение интересов латышского народа. Латвийская Республика предпочла демократическую модель развития, которая получила народную поддержку во время выборов в Учредительное собрание в апреле 1920 года. Немцы же собирались строить Балтийское государство на основе сословного и имущественного ценза. Балтийское государство и Советская Латвия потерпели поражение еще и потому, что носители этих альтернатив зависели от интересов Германии и России.

Во время освободительной войны во всей полноте раскрылась личность президента министров К. Улманиса. Созданное им национальное Латвийское государство стало важнейшим и исторически непреходящим вкладом в историю латышского народа. Никакой другой политик не вложил столько духовной энергии и сил в создание государства, отстаивание его независимости и обеспечение демократического пути его развития.

Борьба за международное правовое признание Латвии в 1920 году. Завершающий этап освободительной войны и ее окончание стали толчком для продвижения процесса признания независимости Латвии. 21 июля 1919 года Латвия и Эстония заключили договор о порядке займов, опреде-

лении границ и по другим вопросам, что означало также взаимное признание *de facto*. Осенью 1919 и в первой половине 1920 года многие государства признали Латвию *de facto*, прислав формальные письменные подтверждения. Речь в данном случае идет о Финляндии, Польше, Литве, Бельгии и Франции. Особенно большое значение имел факт признания со стороны Франции, которая ранее демонстрировала достаточно прохладное отношение к Балтийскому вопросу, поскольку до войны ссудила России 13 миллиардов золотых рублей и не в ее интересах был крах России.

В первой половине 1920 года вопрос о признании Латвии и других Балтийских государств субъектами международного права по-прежнему был в центре внимания крупнейших держав. 10 июня министр иностранных дел Великобритании Джордж Керзон решил обсудить этот вопрос с остальными странами Антанты. Италия и Япония высказались за признание Балтийских стран *de iure*, Франция заняла выжидательную позицию, а США категорически возражали. Америка сомневалась, сумеют ли Латвия, Литва и Эстония длительно существовать как независимые государства, а также не хотела создавать прецедент, который бы открыл перед Японией возможность «дробления» Российской империи на Дальнем Востоке: усиление Японии противоречило интересам США.

Необоснованными оказались надежды добиться признания *de iure* со стороны Польши и Финляндии, которые якобы были готовы заключить с Латвией военные договоры. Эти страны не хотели опережать страны Антанты. Позиция Польши зависела и от решения латгальского вопроса, поскольку признание Латвии *de iure* решало вопрос в пользу Латвии. Однако поляки считали, что судьба и позиция Латвии не совсем ясны — если Латвия «качнется в сторону России», Польша не «отдаст» ей Латгалию и Даугавпилс.

В это время перед латвийскими дипломатами стояла чрезвычайно важная и неотложная задача — заключение мирного договора с Россией и возобновление дипломатических отношений с Германией. Переговоры с обеими державами начались еще весной 1920 года и длились несколько месяцев, поскольку приходилось решать чрезвычайно сложные вопросы. Но все трудности были постепенно преодолены.

На переговорах с Берлином позиции Латвии казались достаточно стабильными. В ее распоряжение попали документы, свидетельствующие об оказании со стороны официальной Германии непосредственной помощи армии П. Бермондта. Неопровержимые доказательства вынудили Германию вести себя на переговорах более уступчиво. Немцы в первом же раунде согласились признать Латвию *de iure* после того, как это сделают страны Антанты. Они дали неопределенное обещание возместить Латвии

потери (в соответствии с заключением особой комиссией), которые она понесла в связи с действиями на ее территории немецких военных формирований. Немцы предложили назвать предполагаемый договор не мирным договором (*Friedensvertrag*), а просто договором (*Vertrag*).

Временный договор о возобновлении отношений между Латвией и Германией был подписан 15 июля 1920 года. Договор формально прекратил состояние войны между обеими странами и провозгласил упомянутую формулу по вопросу о признании Латвии *de iure*. Важным для Латвии было и обязательство, о котором шла речь в 3-й статье договора, отражавшей намерения обеих сторон «не поддерживать и не допускать на своих границах никаких попыток, направленных против законного правительства другой стороны». Тем не менее серьезным минусом следует считать зафиксированный в договоре отказ Германии взять на себя ответственность за авантюру П. Бермондта. В связи с этим фактически утратило смысл объявление войны Латвией.

11 августа 1920 года Латвия подписала и мирный договор с Россией, в статье 2 которого идет речь о том, что последняя «признает безоговорочно независимость, самостоятельность и суверенность Латвийского Государства и отказывается добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к латвийскому народу и земле». Существенной была и последняя часть статьи, гласившая, что «из прежней принадлежности к России для латвийского народа и земли не возникает никаких обязательств по отношению к России». Это означало, что Россия больше не будет предъявлять претензий на восстановление своей суверенной власти на территории Латвии. Договор определял границы государств, а также решал хозяйственные и другие вопросы.

Мирные договоры Латвии и других Балтийских государств с Россией имели огромное значение. В них не только признавались новые государства *de iure*, они решили одну из самых сложных проблем Балтийского региона. Россия сама отказалась от претензий на территорию Латвии, Эстонии и Литвы, устранив таким образом серьезные препятствия, мешавшие им успешно осуществлять дипломатическую деятельность, касающуюся вопроса международного юридического признания своей государственности.

Латвия, которую, кроме России, *de iure* признали Эстония и Литва, рассчитывала достичь этой цели, вступив в Лигу Наций — организацию государств, которая была учреждена на Парижской мирной конференции. Вопрос о приеме Латвии и Эстонии прежде всего был рассмотрен комиссией, образованной Ассамблеей Лиги Наций, которая в ноябре 1920 года выдвинула ряд возражений против возможного участия этих стран в Лиге

Наций. Вот главные из них: 1) Латвия и Эстония граничат и отделились от государства (России), где царит анархия, повлиять на которую Лига Наций не в состоянии; 2) Балтийские государства не получили признания *de iure* и против их юридического признания возражают США и Франция. В связи с последним возражением необходимо отметить, что юристы Лиги Наций не сумели выработать единую точку зрения в вопросе, означает ли принятие какой-либо страны в Лигу Наций автоматическое признание ее *de iure*. Вопрос остался открытым.

Возможность принятия стран Балтии (и Грузии) Ассамблея Лиги Наций обсуждала 16 декабря 1920 года. Прозвучавшие во время дебатов возражения и повторялись, и оспаривались (Колумбия, Португалия). Однако ни одна из стран-претенденток не стала полноправным членом этой международной организации. За принятие Латвии проголосовало 5 стран, 24 — против при 13 воздержавшихся или не участвовавших в голосовании. Тем не менее странам Балтии и Грузии предоставили возможность сотрудничать в негосударственных организациях, связанных с Лигой Наций, среди них Красный Крест, Почтовая уния, а также отдельные комиссии Лиги Наций. Дипломаты в Женеве (здесь находилась штаб-квартира Лиги Наций) считали, что названные государства после принятия такого решения находятся на полпути между признанием *de facto* и *de iure*.

Признание Латвии *de iure*. 1920 год не принес Латвии ожидаемого юридического признания; это вызвало и у политиков, и в прессе глубокое разочарование. Однако в конце года наметился перелом в политике Франции, изменилась и ее позиция в отношении России. После разгрома армии Петра Врангеля в Крыму исчезли последние надежды на возрождение старой России. Оставалась одна Россия — Россия большевиков.

В ситуации, возникшей в конце 1920 года, проявленная дипломатами Латвии активность оказалась чрезвычайно своевременной и целенаправленной. Министр иностранных дел З. Мейеровиц решил посетить Италию, Францию и Великобританию, чтобы вновь обосновать необходимость признания Латвии *de iure*. В Италии все ведущие политики уверили его, что поддерживают юридическое признание стран Балтии и согласны проявить в этом вопросе инициативу. Столь благожелательная позиция Италии объяснялась несколькими обстоятельствами: 1) ее не связывали широкие экономические интересы с Россией, которые служили бы стимулом борьбы за восстановление единой России; 2) Италия была недовольна Версальским и другими мирными договорами и потому во многих международных вопросах занимала отличную от Великобритании и Франции позицию; 3) Италия была заинтересована в ослаблении России, поскольку боялась возрастания ее роли на Балканах.

Когда З. Мейеровицс в конце декабря приехал в Париж, среди французских политических деятелей уже была популярна идея, что военные действия не в состоянии ни возродить старую, ни создать новую Россию. Такая атмосфера облегчила латвийскому министру выполнение задачи. И хотя во французском парламенте по-прежнему была сильна оппозиция по отношению к странам Балтии, З. Мейеровицсу удалось добиться от президента Франции Александра Мильерана обещания поддержать международное признание Латвийского государства. 29 декабря правительство Франции направило ноты другим крупным державам с предложением поддержать Балтийские страны *de iure*. Наконец французская политическая элита пришла к выводу, что Балтийский вопрос можно решить, обойдя Российский вопрос. Во французской политике произошли кардинальные изменения.

В Лондоне З. Мейеровицсу не удалось заручиться столь же твердым уверением английских политиков в том, что они поддержат признание Латвийского государства *de iure*. Он встретился с министром иностранных дел Великобритании Дж. Керзоном, который выразил свое несогласие. К тому же премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж занял неопределенную позицию. Это не исключало, что в вопросе стран Балтии он может согласиться с Дж. Керзоном. Однако в решающий момент Ллойд Джордж с истинно дипломатической хитростью «обыграл» своего министра иностранных дел и способствовал положительному решению вопроса.

26 января 1921 года Высший совет Антанты (Великобритания, Франция, Бельгия, Япония и Италия) единогласно постановили признать без каких-либо оговорок Латвию (и Эстонию) *de iure*. Это решение, в немалой степени вызванное желанием держав Антанты создать у границ России «полосу препятствий» из независимых государств для сдерживания любой попытки экспансии со стороны Советской России, положило начало всеобщему признанию Латвии *de iure*. Прежде всего задним числом поспешили сделать это Польша — потенциальный союзник Латвии (31 декабря 1920 года) и Финляндия (26 января 1921 года), примеру которых в феврале последовали Германия, Норвегия, Швеция, Дания, Персия, Австрия, Португалия и Румыния. Последней державой, подтвердившей юридическое признание Латвии, были США — 28 июля 1922 года. Всего в межвоенный период Латвию *de iure* признали 42 государства.

Без осложнений прошло принятие Латвии и в Лигу Наций в сентябре 1921 года. За это проголосовало 38 стран, против — ни одного голоса, воздержались или не присутствовали — 10. Казалось, безопасность Латвии возросла, так как статут Лиги Наций (в основном статьи 10-я и 16-я) предусматривал общие гарантии политической независимости и террито-

риальной неприкосновенности каждой стране-участнице. Само по себе создание такой организации означало попытку заменить индивидуальный принцип «самообороны» безусловно более выгодной для малых стран системой «коллективной безопасности».

3. 3. КОНСТИТУЦИОННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

Народный совет: 1918–1920

«Наступит мирный рассвет, и народы возвратятся в отеческие дома и возведут в своих этнографических пределах государства на основе единства и самоопределения. Это значит, что знамя свободы Латвия получит не из рук власти, а из рук богини справедливости» (Атис Кениньш, 18 ноября 1918 года)

18 ноября, в день провозглашения независимости Латвии, звучало немало возвышенных и идеалистических речей, и выступление представителя национал-демократической партии писателя и педагога Атиса Кениньша было лишь одним из самых поэтичных. Все верили и были готовы действовать во имя того, чтобы свободная Латвия стала государством справедливости для каждого ее гражданина; никто не сомневался, что справедливость может наступить только при самой полной демократии — таковая считалась чуть ли не чудодейственным средством при решении копившихся веками проблем, однако то, как быстро произойдут в Латвии правовое и конституционное становление, зависело от многих и очень непростых факторов. Главными из них были: 1) насколько быстро свободная Латвия станет настоящей реальностью — в ноябре 1918 года власть по-прежнему находилась в руках немцев, а с востока уже грозили коммунисты (22 ноября Красная армия начала наступление на соседнюю Эстонию). Ход освободительной борьбы был решающим фактором; 2) каким окажется внутривластное равновесие сил (главное, каковым будет соотношение между левыми и консервативными партиями — и в политическом, и в интеллектуальном плане); 3) каково будет внешнее влияние в сфере конституционных прав (пример конституций западных государств).

Народный совет — предпарламент Латвии — был создан в результате активных консультаций восьми демократических политических партий 17 ноября 1918 года в Риге, в помещении так называемой кассы Земгалса, в представительном доме Лагатышского заемного общества ремесленников, по улице Суворова, 3, который был известен рижанам как дом Земгалса —

по имени основателя общества адвоката Густава Земгалса. Важнейшее значение имели консультации между представителями латышских социал-демократов (ЛСДРП) и Латышского Крестьянского союза (ЛКС), возглавляемого К. Улманисом. Конечно, созданный в результате политических консультаций предпарламент не имел народного мандата в подлинном значении этого слова — его могли дать только демократические выборы. Однако в столь драматичной ситуации конца 1918 года провести выборы было невозможно, но даже если бы они и состоялись, большинство в тот момент скорее всего получили бы латышские большевики, которые предлагали быстрое, волевое и чудодейственное решение всех проблем разоренного войной государства. Что они ничего не сумеют решить, что принесут только террор и неопишное насилие, этого в Латвии многие еще не понимали.

Народный совет как предпарламент Латвии действовал до 1 мая 1920 года, когда на первое заседание собрался подлинный парламент — Учредительное собрание, имевшее неоспоримый мандат от народа: оно было избрано в результате свободных демократических равных и пропорциональных выборов за две недели до этого, в апреле. Но до этого предстояло пройти сложный, полный испытаний путь.

В созданном 17 ноября 1918 года Народном совете были представлены:

1) политические партии (это была прогрессивная форма политического представительства), за исключением крайне радикальных — слева: латышских социал-демократов — большевиков (будущих коммунистов), отрицавших независимость и демократию Латвии; справа: крайне реакционной, пронемецкой и антинациональной Народной партией Фридриха Вейнберга. Все более непримиримым противником Народного совета становился Андриев Ниедра, известный писатель, талантливый проповедник, но жалкий, а позже и преступный политик, который предпочитал видеть Латвию антидемократической, тесно связанной с монархической Россией, недружественной по отношению к латышскому безземельному и бедному крестьянству, городскому пролетариату и мещанству, т. е. Латвию, которая бы не признавала равных избирательных прав за всеми, но проявляла бы самые дружеские чувства к немецким баронам и буржуазии, оставив им прежние привилегии, в том числе и в языковой сфере;

2) регионы Латвии: учитывая, что в Латгале (Латгалии) политические партии только-только начинали зарождаться, ей предоставили возможность представительства как краю; позже от Латгале в Народный совет вошли 17 представителей от возникающих партий. Курземе, больше всего пострадавшая из-за оттока населения в годы Первой мировой войны, тоже получила представительство как край;

3) национальные меньшинства, которым было гарантировано представительство, даже если у них еще не было своих партий.

Таким образом, принципы представительства были достаточно широкими. 17 ноября самые большие делегации в Народном совете были у двух главных политических партий — ЛКС (13 мест) и ЛСДРП (10 мест). Всего на момент провозглашения Латвии Народный совет насчитывал 39 членов, а к концу его работы число их возросло до 183 (в том числе 7 евреев и 5 лояльных балтийских немцев), и таким образом была проявлена воля большинства населения Латвии. Председателем Народного совета в течение всей его деятельности был выдающийся общественный и политический деятель адвокат Янис Чаксте (ЛКС).

И хотя Народный совет уже в момент своего создания назвал своей главной целью подготовку государства к подлинно свободным выборам Учредительного собрания, практическая его деятельность до июля 1919 года была парализована интервенцией со стороны Советской России, открытой враждебностью со стороны балтийских немцев, наиболее ярким примером которой был путч баронов 16 апреля 1919 года и борьба отрядов немецких наемников (Железная дивизия) против независимости Латвии.

18 ноября 1918 года Народный совет принял Политическую платформу — первые наброски Конституции Латвии, которая определила основные конституционные принципы построения независимого государства: демократическая республика, где высшая власть принадлежит народу; этнически толерантное государство, гражданами которого являются все его жители независимо от национальности, защищающее права меньшинств (уже на первых заседаниях Народного совета разгорелись дискуссии в отношении объема прав, предоставляемых меньшинствам, — об автономии меньшинств, но в то время этот был вопрос преждевременным): Латвия — государство народа Латвии. Все жители Латвии, независимо от национальности, выразившие готовность признать демократическую и независимую Латвию, были приглашены участвовать в формировании демократической Латвии на равных правах и с равной долей ответственности. Таким образом был сформулирован современный принцип латышской политической нации — особенно смелый именно потому, что меньшинства, проживавшие в Латвии, в лучшем случае относились достаточно сдержанно к идее ее независимости. Процесс воплощения этой идеи в жизнь был нелегким для всех новых или возрождающихся стран Восточной Европы. В Политической платформе подчеркивался еще один очень важный принцип — неприкосновенность частной собственности: либеральная демократия может существовать лишь в том случае, если опирается на стабильное, развитое капиталистическое хозяйство. Как мы

увидим в дальнейшем, латвийскому парламенту — Учредительному собранию — придется принять неизбежное решение по отчуждению одной из форм частной собственности — помещичьей собственности на землю — во имя высших интересов государства и общества.

После того как в июне 1919 года была предотвращена, — к сожалению, только частично, — попытка ландесвера и Железной дивизии уничтожить молодое Латвийское государство и когда пало пронемецкое и прорусское марионеточное правительство А. Ниедры, Народный совет приступил к энергичной работе, чтобы выполнить свою историческую миссию — организовать выборы Учредительного собрания. Но прежде надо было принять главный закон — Закон о выборах Учредительного собрания, который был провозглашен 19 августа 1919 года. Он опирался на радикальные, даже чрезмерно демократические идеи, но по-другому и быть не могло после стольких лет жизни под властью царизма. Главная чрезмерность заключалась в том, что выборы должны были быть не только пропорциональными, что совершенно естественно, но не ограниченными процентным барьером, т. е. дорога в парламент была открыта любым мелким партиям и группам. На практике это выглядело следующим образом: было решено, что в Латвийский парламент — Учредительное собрание — будет избрано 150 депутатов и каждая партия или группа, которая получит одну стопятидесятую часть от общего корпуса избирателей (число избирателей, деленное на 150), войдет в парламент (можно было предположить, что в особой ситуации своих представителей в парламент могли бы направить десятки группировок — от каждой по одному-два депутата). Это был рискованный принцип в условиях, когда впервые вкусившая свободу Латвия, как и другие молодые государства, была одержима желанием, — по всей видимости, неизбежным, — насладиться свободой сполна и создавать партии и группировки на каждом шагу. Это была заявка на чрезвычайно разношерстный парламент, но в тот момент доминировало — исторически объяснимое — нежелание хоть каким-то образом ограничивать право на прямое представительство даже небольших групп избирателей (народа). Именно поэтому не был введен никакой процентный барьер.

Абсолютно современным и демократичным был принцип, наделивший женщин всеми избирательными правами: в то время это не практиковалось даже в большинстве демократий старой Европы, в том числе в республиканской Франции и Швейцарии (женщины Латвии с лихвой оправдали доверие и активно участвовали во всех демократических выборах в Латвии, вплоть до последних в 1931 году). В выборах могли принимать участие только граждане государства, достигшие 21 года. Это соот-

ветствовало тогдашним представлениям о возрасте политической зрелости. В свою очередь, для того, чтобы определить, кто является гражданином страны, Народный совет 23 августа 1919 года принял другой важный закон, дух и буква которого были чрезвычайно либеральны: закон о латвийском подданстве (гражданстве). Гражданами Латвии могли стать: 1) все бывшие подданные России, в 1919 году проживавшие на территории Латвии; 2) все, кто родился в Латвии; 3) все, кто проживал здесь на 1 августа 1914 года (не имеет смысла сравнивать — как это пытаются все еще делать — законы о гражданстве 1919 года и 1994 года. Сами ситуации несравнимы: в результате оккупации Латвии в 1940–1991 гг. в Латвию нелегально въезжали сотни тысяч мигрантов, что, в соответствии с сформулированным ООН в 1948 году принципом геноцида, можно было приравнять к геноциду — насильственной смене состава населения оккупированной страны). Закон, без сомнения, имел в виду прежде всего около полумиллиона беженцев из Латвии, рассеявшихся по всей России, — до войны эти люди жили в Латвии и должны были вернуться домой как граждане нового государства. Очень важным для процесса конституционного становления государства, но как будто явно не связанным с выборами Учредительного собрания, был и Закон о школах национальных меньшинств, принятый также в 1919 году. Накануне выборов в Учредительное собрание закон давал чувство уверенности национальным меньшинствам в том, что их основные культурные интересы в демократической Латвии будут соблюдены и что демократия — избранная демократическим путем власть большинства — не монополизировать решение вопроса меньшинств. Страна была поделена на пять избирательных округов — четыре традиционных и пятый — Рига. Тогда же — лишь однажды в истории латвийской демократии — в отдельный избирательный округ была выделена армия: это было продиктовано обстоятельствами, когда в воинских частях к началу 1920 года находилось более 70 000 потенциальных избирателей.

Однако правовая подготовка была не единственной деятельностью, необходимой для проведения успешных выборов. Сроки выборов диктовал ход освободительной борьбы: выборы могли пройти только когда вся Латвия будет свободна от чужеземных оккупантов; и это произошло в конце января 1920 года, когда остатки армии советской России были изгнаны из Латгале. Путь для предвыборной борьбы был открыт, а ожидалась она острой — по-другому в стране без демократических традиций, со столь трагичной историей последних лет и так резко размежевавшимся народом — политически, социально и национально, — не могло и быть.

Ход предвыборной борьбы был омрачен — в Цесисе пьяные солдаты убили одного из самых радикальных агитаторов ЛСДРП Карлиса Курзем-

ниекса. Он, не зная меры, нападал на буржуазные партии, называл Карлиса Улманиса «латвийским Колчаком». И солдаты приняли его за коммуниста, каковым он, конечно же, не был. Хотя преступление, которое осудили все политические силы, усложнило отношения между буржуазными партиями и социал-демократами, которые допускали даже возможность перейти на нелегальное положение, оно все-таки не перечеркнуло доверие социал-демократов к буржуазной демократии и оказалось для них в какой-то мере даже выгодным, поскольку позволило привлечь крайне левых избирателей. Не удалась и попытка покушения на Карлиса Улманиса нелегальных коммунистов-бандитов, которые в то время буквально наводнили Латвию и появлялись здесь со своих террористических баз в России (особенно из Псковского района, где находился главный рассадник латышских коммунистов).

Выборы состоялись 17–18 апреля 1920 года, и так же, как проходившие за год до этого выборы в Эстонский парламент, продемонстрировали очень высокую активность избирателей. В них участвовало 80% имевших право голоса (надо отметить, что столь высокая активность, — что явилось также подтверждением доверия к парламентской демократии, — сохранится на весь период демократических выборов вплоть до выборов в IV Сейм в 1931 году; недовольство тем или другим правительством или решением парламента, что неизбежно в условиях демократии, не означало, что абсолютное большинство населения Латвии когда-нибудь откажется от демократического парламентаризма). Это были первые подлинные и честные выборы в истории Латвии. Неодолимое стремление граждан формировать избирательные объединения, партии и группировки — как бы комично это порой ни выглядело — «родило» 25 партий и группировок (в сумме 50 избирательных списков), а депутаты от 16 партий или группировок — в соответствии с радикально демократическим избирательным законом — были избраны в Учредительное собрание. Само себе это еще не было проигрышем, однако означало, что столь разношерстному парламенту понадобятся большая ловкость и политическое искусство — особенно искусство компромисса, — чтобы сформировать правительственную коалицию и обеспечить ее жизнеспособность. Излишне говорить, что нужными качествами обладал далеко не каждый политик новой Латвии.

Наибольшего успеха, — но не абсолютного, как надеялись, — добилась ЛСДРП, получив 38,7% голосов, из которых 76,8% отдали за нее сельские жители. Этот успех социал-демократов будет иметь двойственные и далеко идущие последствия: во-первых, решающим образом скажется на позиции парламента в главном для Латвии вопросе — об аграрной реформе,

во-вторых, повлияет на тип Конституции (Сатверсме), которая будет принята в Латвии.

Первые же выборы продемонстрировали черту, которая станет характерной для Латвии в течение всего короткого периода демократии.

Во-первых, несмотря на то, что этнические меньшинства поддержали выборы, в целом их активность была ниже, чем латышей; меньшинства составляли 25% населения страны, но сумели получить всего 10% голосов, что свидетельствовало о меньшей их активности. Самыми инициативными, как всегда, были балтийские немцы — сказались высокий культурный и материальный уровень, давние политические традиции, но главное, они понимали, что только солидарно участвуя в работе парламента, они сумеют защитить свои интересы, которые, по их мнению, в независимой, национальной Латвии могут оказаться под угрозой. Очень активно, хотя политически разобщенно — тоже как всегда — действовали евреи, которые в 20-е годы достигли в Латвии того, что было просто немыслимо в других молодых государствах со значительным количеством евреев: их представительство в парламенте численно почти равнялось их количеству — 5% — по отношению ко всему населению Латвии. Организованно и достаточно деятельно вели себя местные поляки. А самыми пассивными оказались русские, особенно во время выборов в I Сейм в 1922 году, когда они не сумели получить ни одного мандата в Риге, где проживало их около 40 000. И хотя политическая энергия русских постепенно нарастала, даже в 1931 году, во время последних выборов в Сейм, за их партии проголосовало всего 2/3 русских избирателей. Противоречия среди меньшинств никогда не позволяли им сформировать единый блок, хотя об этом много говорилось. Только одно национальное меньшинство — немцы — сумело преодолеть внутренние разногласия и выйти на защиту своих интересов единым списком.

Во-вторых, выборы в Учредительное собрание продемонстрировали, что успеха проще добиться крупным, хорошо организованным партиям, имеющим свою прессу, сеть местных организаций, партийную бюрократию. Такими на всем этапе демократии были ЛСДРП и ЛКС — единственные подлинно национальные партии в масштабе всей страны.

С момента провозглашения независимости Латвии прошло всего полтора года, но перемены были разительными: из оккупированной Германией провинции она превратилась в подлинно независимое государство, свободное от оккупантов и захватчиков, с законно избранным парламентом. Это была историческая заслуга народа — главным образом, конечно, латышского. Народный совет свою миссию выполнил.

Учредительное собрание: 1920–1922

Вновь избранный парламент собрался на свое первое торжественное заседание 1 мая 1922 года; впоследствии этот день будет объявлен праздничным. Президентом собрания — он же исполнял и функции Президента страны — был избран Янис Чаксте (1859–1927), который до этого успешно справлялся с обязанностями руководителя предпарламента. Чаксте как нельзя лучше соответствовал этой высокой должности: у него был большой опыт политической и общественной деятельности; он был человеком покладистым, ориентированным на компромиссы, но не трусливым, а решительным политиком. Очень скоро возник конфликт между ним и Улманисом, который не любил самостоятельных, независимых людей.

Чаксте был готов к лояльному сотрудничеству со всеми представленными в парламенте силами, включая влиятельных социал-демократов и представителей меньшинств. По своему характеру и привычкам он как нельзя лучше соответствовал буржуазной демократии: образованный, обеспеченный юрист, благополучный в семье, не стремившийся к власти, что уже заметно проявлялось в характере Улманиса. В истории Латвии Чаксте останется человеком, не изменившим своим демократическим идеалам вплоть до своей преждевременной смерти в 1927 году. Он продемонстрировал, что руководитель парламента — а позже и президент государства — даже не облеченный всей полнотой власти, как президент министров, — может стать серьезным, авторитетным и пользующимся любовью народа политиком. Чаксте окажется столь приемлемым для всех руководителей Учредительного собрания, что будет способствовать, — безусловно, в контексте и других факторов, — нежеланию левых сил парламента вводить в Латвии институт президентства. Избрание Чаксте оказалось большим разочарованием для поэта Яниса Райниса, который готов был занять любую политическую должность, вплоть до самой высокой, хотя не имел для этого никаких предпосылок; он совершенно безосновательно начал подозревать своих товарищей по партии — ЛСДРП — в якобы чинимых ими препятствиях своему избранию; подозрения, как это часто бывает, были совершенно беспочвенными.

Руководство партии старалось, как могло, но обеспечить кандидату от социал-демократов должность руководителя парламента, особенно в борьбе с уважаемым Чаксте, было не в силах.

Уже 5 мая 1920 года Учредительное собрание без промедления сформировало комиссию из 26 депутатов по выработке Конституции Латвии — Сатверсме. Это была одна из двух самых больших комиссий (после аграрной), представлявших два приоритетных направления развития Латвий-

ского государства. Профессионально и концептуально в Комиссии преобладали социал-демократы. Возглавлял их Маргер Скуениекс, один из основоположников латышского политического национализма, автор первых академических исследований по национальному вопросу, личность историческая. Первой подкомиссией, которая должна была разработать основы государственного строя Латвии, руководил другой социал-демократ Феликс Циеленс, разработавший в ссылке в Швейцарии в 1915 году наиболее радикальный проект автономии Латвии. Серьезный вклад в работу комиссии внес и социал-демократ Фрицис Мендерс, значительная личность среди латышей — активный участник революции 1905 года, он был вынужден провести 10 лет в изгнании в Вене и Швейцарии, где получил две степени доктора наук — экономики и юриспруденции, и в 1917 году, не достигнув еще и 32 лет, готовился начать карьеру приват-доцента в Берне, специализируясь в новаторской тогда науке — социологии. Мало кто из латышей — из рабочей семьи Гризинькалса в Риге — достиг столь высокого академического уровня в Западной Европе. Но его научную карьеру перечеркнула Февральская революция 1917 года в России, когда Мендерс вернулся в Латвию и стал одним из виднейших политиков. Именно его выдающееся образование и знание опыта западных демократий, почерпнутое в изгнании, обеспечили социал-демократам интеллектуальное преимущество в комиссии. Однако было бы неверным утверждать, что и буржуазные партии не выдвинули ни одного яркого знатока конституционного права. К таковым смело можно причислить Арведа Бергса, признанного лидера консервативной и достаточно националистически настроенной городской буржуазии, особенно рижской, высокообразованного юриста и публициста, владевшего несколькими языками и в совершенстве изучившего западные конституции. Он представлял в парламенте так называемое Национальное объединение. И хотя в главной буржуазной партии — ЛКС — хватало знающих юристов, стоит упомянуть хотя бы и следующего президента государства Алберта Квиесиса, и вице-председателя Сейма Карлиса Паулюкса; правда, они не были специалистами в области государственного права, да и в целом роль ЛКС в разработке Сатверсме была невелика.

По крайней мере шесть образцов конституций могли послужить примером для написания Конституции страны; три — более или менее старые: США, Швейцарии и Франции и три, принятые совсем недавно: Веймарская конституция в Германии (1919 год), конституция Эстонии (15 июня 1920 года) и временная конституция Литвы (10 июня 1920 года).

В Конституции Швейцарии наиболее привлекательным было прямое участие народа в политике через референдум — народное голосование.

Конституция США не нашла в Латвии особых последователей — мало кто жил в США до 1918 года и немногие считали основной закон этой страны пригодным для нового европейского государства, однако время от времени к ней возвращался Карлис Улманис, проживший в США почти шесть лет. Но его не столько интересовала конституционная система Штатов в целом — с уравновешенными отношениями между президентом, конгрессом (парламентом) и высшей судебной властью, сколько безграничная власть президента, что и он, и другие политики ЛКС хотели бы видеть и в Конституции Латвии, отраженной в праве президента распускать парламент. Именно это и отпугивало социал-демократов.

Краткая конституция республиканской Франции 1875 года импонировала в Латвии многим; приоритетной в ней была парламентская власть с относительно слабым, избираемым парламентом президентом. Однако во Франции существовали как минимум три фактора, которые стабилизировали общественную жизнь в моменты частых правительственных и парламентских кризисов. Прежде всего — это наличие верного республике и демократии среднего класса, в том числе крестьянства; сильное государственное управление и прореспубликански настроенный корпус чиновников, который обеспечивал преемственность власти во время частых кризисов, а также высокий уровень благосостояния, всегда способствующий действительности буржуазной демократии. В Латвии всего этого было несравнимо меньше, чем во Франции.

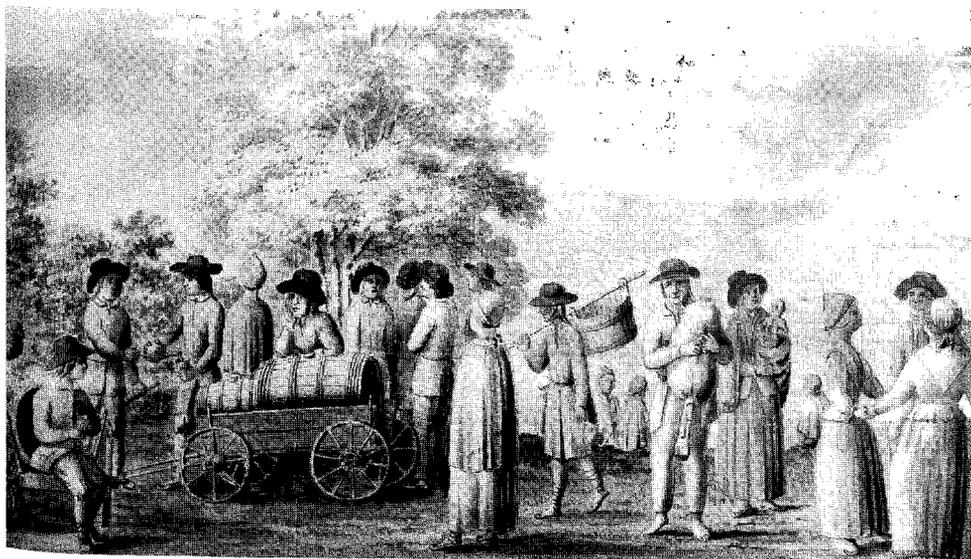
Конституция Германии — Веймарская конституция — сформировала независимый и достаточно сильный институт президента. Он избирался всем народом и даже имел право, конечно, с ограничениями, распустить парламент и управлять страной, издавая декреты. Самым последовательным приверженцем Веймарской конституции в Латвии был Арвед Бергс; много последователей было у нее и среди депутатов ЛКС и консервативно настроенных депутатов меньшинств.

Соседняя Литва только что приняла временную конституцию, в которую после долгих и ожесточенных споров внесла пункт об избрании парламентом очень слабого президента (парламент мог низложить его большинством в две трети голосов) — против введения института президента протестовали левоориентированные депутаты, главным образом социал-демократы. В целом же временная конституция Литвы опиралась на парламент как на ядро политической власти.

Эстония также приняла Конституцию, но, в отличие от Литвы, постоянную. Социал-демократы Латвии склонялись больше к эстонскому образцу, поскольку здесь не был предусмотрен независимый институт президентства как таковой. Президент министров одновременно выполнял и функции

Екаб, герцог Курземский и
Земгальский из рода
Кеттлеров

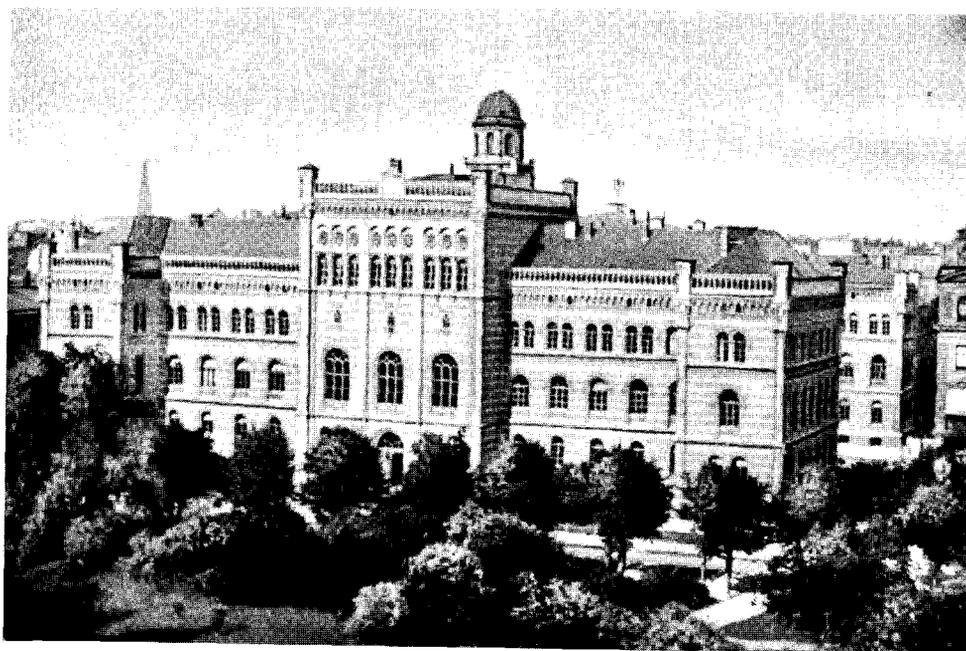

Латвийские крестьяне в начале XIX века (старинный рисунок)

Райнис и Аспазия, выдающиеся латышские поэты на отдыхе в Юрмале, Меллужи (1904)

Парад милиционеров Руйены и Мазсалацы 12 ноября 1905 года на Рыночной площади Руйены: на коне — Кришьянис Вочс, пропагандист ЛСДРП

Здание Рижского Политехнического института (1910-1914)

Одна из рижских пристаней (1910)

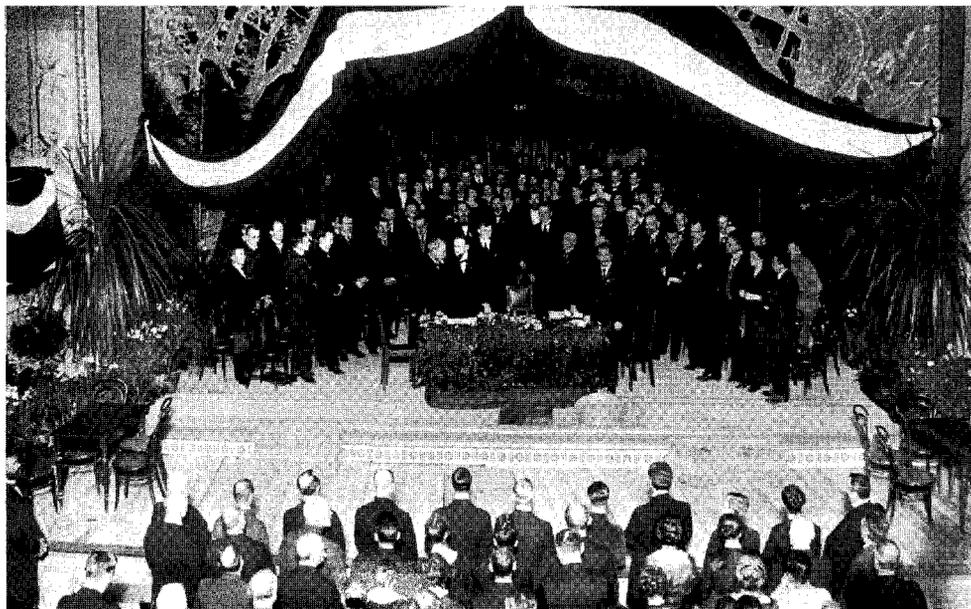
Дом латышского крестьянина (1910)

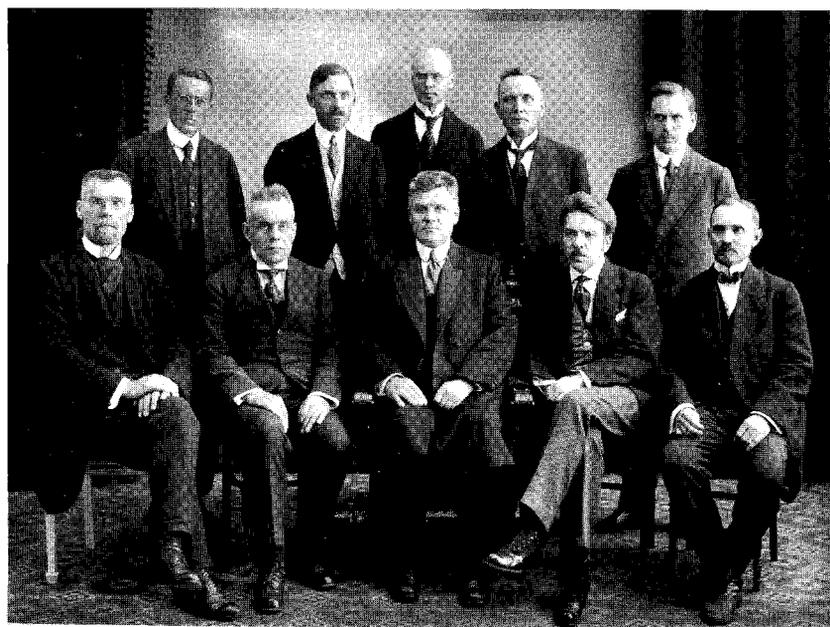
Стрелок разведотдела 4-го Видземского стрелкового полка Ф. Вейдеманис (1916-1917)

Памятник немецкому солдату в Риге (1918)

Провозглашение независимости Латвийской Республики 18 ноября 1918 года
в нынешнем Национальном театре

Члены Кабинета министров Временного правительства Латвии: в первом ряду слева: министр торговли и промышленности Сприцис Паэгле, министр иностранных дел Микеллис Валтерс, премьер-министр Карлис Улманис, министр просвещения Карлис Каспарсонс; во втором ряду слева: министр снабжения Янис Блумбергс, министр юстиции Эдуардс Страутниекс, директор Государственной канцелярии Давидс Рудзитс, военный министр Янис Залитис, министр финансов Карлис Пуриньш, Лиелая (1919)

Высшие офицеры Латвии: четвертый слева полковник Янис Апинис, шестой — полковник Янис Балодис (1919)

Зигфрид Анна Мейеровицс, первый министр иностранных дел Латвийской Республики

Андрей Приедкалнс — выдающийся врач, член Государственной думы (1920-е годы)

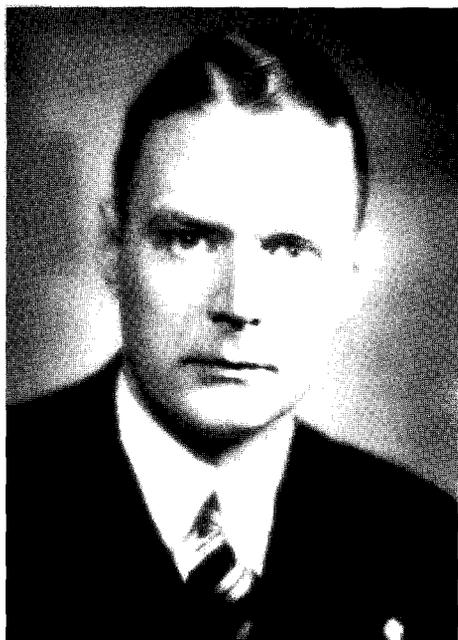
Янис Чаксте, первый президент Латвии (1922-1927)

Густав Земгалс, президент Латвии (1927-1930)

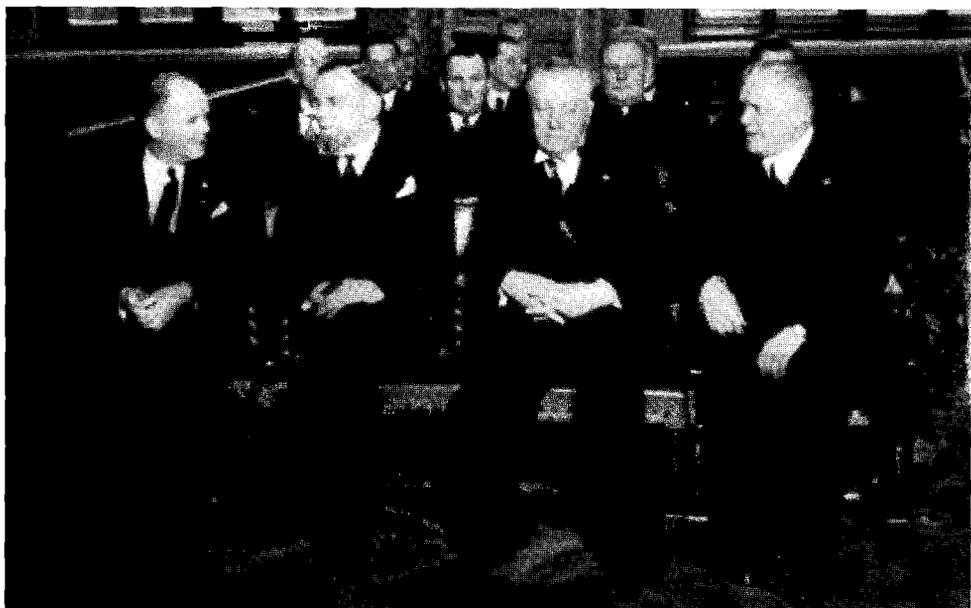
Алберт Квиесис, президент Латвии (1930-1936)

Вилхелмс Мунтерс, министр иностранных дел (1936-1940)

Карлис Улманис, лидер Латвийского Крестьянского союза, впоследствии президент Латвии (1936-1940)

Открытие сессии Государственного хозяйственного совета в Большой гильдии 11 января 1938 года, в первом ряду слева: министр финансов Лудвиг Экис, товарищ премьер-министра Маргер Скуениекс, военный министр Янис Балодис, президент Латвии и президент министров Карлис Улманис; во втором ряду слева министр сообщения Бернхард Эйбергс

главы государства — конституция Эстонии была однозначно парламентской — правительство полностью зависело от парламента. А поскольку средний срок работы правительства в Эстонии, как окажется, составит всего 8 месяцев 20 дней, многие политики сумели по четыре-пять раз возглавить правительство и одновременно побывать главой государства.

Именно вопрос о президенте страны и был в центре острейших споров в Латвии. Представленный Феликсом Циеленсом проект не предусматривал института президентства как такового, а объединял функции председателя парламента и президента — как это и было на практике с 1 июня 1920 года. Именно великолепное совмещение Чаксте этих двух должностей и послужило для социал-демократов дополнительным аргументом, хотя оппозиционируя институту президентства, они выдвигали немало и других аргументов. Как и большая часть народа Латвии, они боялись сильной власти — страх этот подпитывался опытом недавнего, навсегда оставшегося в памяти прошлого под властью русского царизма, сильны были и личные мотивы — растущее недоверие к Карлису Улманису. Точно так же как левоцентристские силы парламента Польши, разрабатывая конституцию возрождающегося государства, не забывали о неуправляемой личности маршала Ю. Пилсудского, возглавившего освободительную борьбу, и написали ее таким образом, чтобы лишить именно его возможности стать президентом, наделенным сильной властью (мартовская 1921 года Конституция Польши предполагала слабого, избираемого парламентом президента), так и латышские социал-демократы писали латвийскую конституцию, не забывая об Улманисе. Наиболее видный представитель буржуазных партий Бергс предлагал учредить должность избираемого народом президента, наделенного постоянными политическими функциями и серьезной политической властью. В результате чрезвычайно острой борьбы появился компромиссный вариант, более близкий предложенному социал-демократами и идентичный литовскому: институт президента страны был учрежден, но это не была должность, которую бы одновременно исполнял председатель парламента, тем не менее избирал его не народ, а парламента на три года; парламента мог и отозвать президента, так что функции его были сильно ограничены, хотя и не были совсем декоративными.

Другим вопросом, представлявшим угрозу принятию Конституции и вызвавшим столь же острые, напряженные дискуссии, стал вопрос о второй части Сатверсме; к ее обсуждению приступили 17 января 1922 года и в ней должна была идти речь об основных правах граждан, причем довольно подробно.

Правда, такого специального раздела не было даже в Конституции

Франции (хотя был в Веймарской конституции), но латышские социал-демократы настаивали на закреплении демократических прав человека в высшем законе государства, что само по себе заслуживало только одобрения. Однако настроение буржуазного крыла Учредительного собрания начало меняться; время демократических иллюзий прошло. В 1921 году Латвия была не только признана *de iure*, но и принята в Лигу Наций. В процессе приема внимание уделялось и состоянию демократии в стране, что также снизило заинтересованность во второй части Сатверсме. Некоторые свободы, которые предполагалось включить в нее, например, право на экономические и политические стачки, уже вызывали бурный протест: если будет дано разрешение бастовать, неизбежны и баррикады, и бомбы, предрекал один из буржуазных депутатов. Пугало большевизма шло в ход при обсуждении и фиксации гражданских свобод в Сатверсме. Во время работы Учредительного собрания произошел и правительственный кризис, имевший довольно далеко идущие последствия. В июне 1921 года в результате демагогической деятельности латгальских депутатов пало правительство Карлиса Улманиса — первое правительство, имевшее мандат Учредительного собрания — законно избранного парламента, — и четвертое правительство Улманиса, с учетом трех предыдущих временных правительств. Расставаться с политической властью Улманису, вся жизнь которого заключалась в политике, было тяжело и неожиданно: он хотел править всегда. На пять лет он сошел с политической авансцены, и бразды правления взял в свои руки З. А. Мейеровицс (вызвавший ревность Улманиса, как и его растущую неприязнь к Я. Чаксте и популярному политику ЛКС Х. Целминьшу). Правительство Мейеровицса стало первым, в котором не были представлены меньшинства и лозунгом его, провозглашенным самим премьером, стал лозунг «Латвия — для латышей» безусловно, не в шовинистическом или расистском смысле, как позднее будет трактовать его экстремистский «Перконкрустс». И хотя не было предпринято никаких негативных шагов в отношении меньшинств и права их никто не урезал, тем не менее это стало известным поворотом в жизни новой демократии. Тогда же произошел раскол в ЛРСДРП, которую покинули 17 возглавляемых Скуениексом депутатов — социал-демократов (меньшевиков), отстаивавших правоориентированную и более националистическую политику, близкую к политике буржуазных партий; они вошли в правительство Мейеровицса. Однако судьба меньшевиков оказалась незавидной: в 1928 году партия перестала существовать, подтвердив, что в Латвии не было ниши для еще одной социал-демократической партии — правее ЛСДРП и левее, чем буржуазные партии.

Сатверсме (Конституция) Латвии: 1922

Феликс Циеленс, один из создателей Сатверсме Латвии, был талантливой личностью, однако сдержанность характера и крепкие нервы не были его отличительной чертой. Видя, как большинство собрания отвергает вторую часть конституции — гражданские свободы, он был так возмущен и взволнован, что сумел увлечь за собой всю партию: если не будет второй части, пусть не будет и первой, и Сатверсме вообще! Возникла драматическая ситуация — весь двухлетний труд мог пойти насмарку. Три депутата от социал-демократов — Фрицис Мендерс, Ансис Бушевиц и Ансис Рудевиц — решили нарушить партийную дисциплину и проголосовать за принятие Сатверсме даже и без второй части. 28 сентября 1921 года во время первого чтения первой части их три голоса дали небольшое преимущество Сатверсме (67 голосов). 22 февраля 1922 года это позволило принять Сатверсме в последнем чтении.

Зато сегодня, — особенно учитывая дальнейшие события, — вторую, отвергнутую часть можно читать, как увлекательную новеллу. В ней шла речь об отмене орденов, за исключением присуждаемых за боевые заслуги, о запрете гражданам Латвии принимать награды других государств. В дальнейшем в Латвии были учреждены два ордена за гражданские заслуги — Орден Трех Звезд и Крест Виестура; незадолго до оккупации Улманис лично разработал эскизы нового ордена, который был бы комичен — его девизом должны были стать слова «Работающие работают, не ленятся». Предполагалось также отменить смертную казнь, но и без того эта крайняя мера применялась в Латвии чрезвычайно редко и только к тем, кто ее заслужил безусловно, например в 1927 году в отношении ставшего легендой бандита и убийцы Каупенса; в 1935 году к смертной казни приговорили трех граждан Латвии за шпионаж в пользу СССР, но диктатор Улманис, которого коммунисты обвиняли в чудовищных злодеяниях, их помиловал, в том числе и осужденного Соломона Мурина, «отблагодарившего» его за это в 1940 году тем, что стал чекистом. Предполагалось внести в Сатверсме очень важную статью, объявлявшую частную собственность неприкосновенной, но и без нее частная собственность была надежно защищена: в соответствии с законом Кабинета министров от 1921 года, она могла быть отчуждена только по суду. Такое положение сохранялось до 15 мая, после которого частную собственность можно было уже отчуждать по постановлению Кабинета министров. В правовом отношении это был серьезный шаг назад, однако и он не внес в жизнь самоуправства, хотя национализация частной собственности, — но не конфискация, — в годы режима Улманиса будет не столь уж редким явлением.

Намечалось также придать латышскому языку статус государственного, что действительно было бы очень ценно; на практике латышский язык получил этот статус, особенно после 15 мая. В период парламентской демократии депутаты парламента (Учредительного собрания и Сейма) могли говорить и на русском и на немецком языках (учитывая что до 1918 года большинство национальных меньшинств латышским языком не владели). Это был, конечно, нонсенс, и такое положение сохранялось вплоть до 1934 года, хотя Латвия считалась национальным государством; обстоятельство это зачастую называли европейским политическим чудом. Не была принята статья 116, закреплявшая права этнических меньшинств на экстерриториальную культурную автономию, а также предполагавшая принятие закона, который бы определял, какие национальности в Латвии относятся к меньшинствам и могут претендовать на автономию (действительно ценная статья — она позволила бы не смешивать каждую этническую группу с национальным меньшинством). Но и без статьи Сатверсме и соответствующего закона пять меньшинств — русские, белорусы, евреи, немцы и поляки — пользовались правом культурной автономии, правда, не столь широкой, как в Эстонии. Весь период парламентской демократии — пусть и недолгий — Латвия оставалась либерально-демократическим государством, граждане которого пользовались всеми правами и свободами.

Сатверсме Латвии относилась к так называемым жестким конституциям — изменить ее можно было только по воле двух третей депутатов парламента, что было совершенно обоснованно, так как позволяло нейтрализовать последствия меняющихся обстоятельств: конституция должна была давать чувство стабильности. Сатверсме провозгласила Латвию свободной, независимой демократической республикой, в которой власть принадлежит народу Латвии, и изменить ее государственный строй и международный статус, то есть присоединиться к другому государству, отказаться от суверенитета и т.п., мог только сам народ Латвии через референдум. Эта статья была грубо нарушена после оккупации 1940 года, когда так называемый Народный сейм принял антиконституционное решение о провозглашении советской власти в Латвии и о вхождении ее в состав СССР. Сатверсме опиралась на парламентскую власть, но и у Кабинета министров были большие права, даже (в соответствии со статьей 81) право издавать законодательные акты во время каникул между сессиями парламента. Президент страны мог распустить Сейм, однако его решение немедленно должно было быть передано на всенародное обсуждение: в случае поддержки этого решения парламента будет считаться распущенным, при отрицательном результате свои полномочия должен будет сло-

жить президент. Ни один законно избранный президент Латвии — ни Чаксте, ни Земгалс, ни Квиесис — не распускали парламент, даже Квиесис в начале 1930 года, когда его партия ЛКС предприняла демагогические нападки на «недееспособный» Сейм, так как он прекрасно понимал, что народ не отвернулся от своего парламента.

Спустя некоторое время после принятия Сатверсме, 9 июня 1922 года, был принят и новый Закон о выборах, который открыл дорогу для выборов в новый парламент — Сейм. Он отныне избирался на три года всеми гражданами республики путем прямого, пропорционального и тайного голосования. Но и новый закон не обозначил никакого процентного барьера для представительства в Сейме: мелкие партии продолжали возникать и размножаться. Приняв Сатверсме и новый Закон о выборах, Учредительное собрание исполнило свою историческую задачу, однако чрезмерно демократичная Сатверсме и такой же избирательный закон вынуждали политиков прибегать к искусству компромисса, а к этому не все были готовы.

3. 4. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ПЕРИОД ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ. 1920–1934

Век демократической Латвии был недолгим: она перестала существовать в результате переворота 15 мая 1934 года. А потому ей неизбежно приписывается — раз уж она просуществовала так мало — больше недостатков, чем их было на деле. О Веймарской Германии, когда ее уничтожил Гитлер, привычно говорили, что это была демократия без демократов, республика без республиканцев, единственным достижением которой — правда, блестящим — было искусство, в остальном — провал. Разве и в Латвии демократия была без демократов? Разве структурные, правовые (конституционные) и психологические факторы не благоприятствовали более долгой жизни либеральной демократии? Конечно, социальная структура общества была достаточно отсталой. Более 60% населения жило в сельской местности — это не лучшая основа для либеральной демократии, которая рассчитана на наиболее современное и дифференцированное общество. Будущее докажет, что аграрные сообщества в Восточной и Центральной Европе окажутся к ней не готовы: демократия выживет только в одной стране — в Чехословакии, в единственной, в которой крестьян было менее 50%. Уровень жизни в аграрных сообществах тоже был довольно

низким, а либеральная демократия намного лучше функционирует в зажиточном обществе с развитым средним классом, там, где она и возникла, — в Западной Европе. Независимая Латвия впервые объединила все этнические области латышей, которые в царской России никогда не были едиными в административном отношении (Латгалия не принадлежала к Балтийским губерниям). Однако преодолеть длившуюся столетиями разобщенность и ее последствия оказалось не просто: единая нация находилась в процессе становления, и региональные различия были еще слишком разительны. Не было традиций демократической политической культуры, демократия не укоренилась в мышлении, поведении масс, в психологии; привычка надеяться только на себя, которая является существенной предпосылкой успехов либеральной демократии, была развита еще очень слабо. Многие хотели бы видеть в Сатверсме (Конституции) решение всех проблем, словно бы основной закон государства сам по себе может удовлетворить каждого и предотвратить любое несчастье; когда же этого, что вполне понятно, не произошло, начало циркулировать популярное высказывание Арведа Бергса: «Сатверсме не годится!»

Подобные радужные надежды были характерны не только для Латвии. И все же молодая демократия достигла в Латвии огромных успехов, и не видеть их может только слепой.

Хорошие годы: 1922–1930

Сверхдемократичный закон о выборах открыл дорогу в парламент не только самым разным и среди них довольно одиозным мелким партиям; более того, возникла еще одна проблема — списки избирателей. Каждые 100 избирателей могли зарегистрировать свой список и выдвинуть кандидатов — казалось, в Латвии все только и делали, что ждали этой возможности: на первых выборах в Сейм стартовало 88 списков, на вторых, в 1925 году — уже 141. К счастью, далеко не каждый попадал в парламент. В 1928 году политики наконец-то поняли, что следует предпринять: списки можно было зарегистрировать лишь в случае внесения залога в 1000 латов; если список не получал ни одного места в парламенте, деньги не возвращались. Но и это охладило немногих — в выборах в третий Сейм участвовало 120 списков (во время последних, в 1931 году, — 103). И как бы ни были одиозны некоторые списки, все же это не стало «смертельной болезнью». Несмотря на раздробленность парламента, правительство было сформировано и работало успешно. С 1 мая 1920 года, когда было созвано Учредительное собрание и настал период настоящего парламентаризма, до вечера 15 мая 1934 года, когда в 19.52 закрылось очередное

заседание Сейма, — как оказалось, последнее, — в Латвии успело поработать 14 правительств, безусловно, немало, но и не больше, чем за это время в некоторых странах Западной Европы (в Латвии никогда не было правительства, которое бы работало всего пару недель, как это было во Франции). Правительства менялись бы реже, если бы не политические особенности двух крупнейших партий — ЛКС и ЛСДРП.

Латышский Крестьянский союз — консервативная, прагматичная и национальная партия — руководил или участвовал в работе большинства правительств. Именно ее представитель Хуго Целминьш в 1928 году сформировал правительство, проработавшее почти три года и подтвердившее, что и при раздробленном парламенте может быть сильная и действенная исполнительная власть (Целминьш эффективно использовал статью 81 Сатверсме в перерывах между сессиями парламента). Однако это правительство пало в результате интриг Улманиса: последний не мог смириться с успехами Целминьша, которые затмевали его самого. Именно непомерная жажда власти Улманиса и станет причиной падения демократии в Латвии и развалом самого Крестьянского союза как парламентской партии. ЛКС больше всего противостоял и изменению закона о выборах: именно мелкие партии и так называемые одиночки (один депутат в парламенте) позволяли ему манипулировать ими в моменты правительственного кризиса, «прикупая» (иногда в буквальном смысле) голоса мелких партий. ЛКС не хотел менять закон и потому, что боялся усиления ЛСДРП за счет мелких партий — партийный эгоизм был выше интересов стабильной демократии.

Не без вины была и ЛСДРП. Самый большой ее минус заключался не в том, что партия не сумела бы составить правительство; беда была в том, что партия и не хотела править. Придерживавшаяся марксистских догм, она считала, что Латвия еще не созрела для «демократического социализма» и потому социал-демократы должны находиться в оппозиции, критиковать буржуазию и ждать, пока созреют предпосылки социализма. С каждыми выборами партия получала все меньше голосов, однако по-прежнему оставалась крупнейшей парламентской партией; получая все меньше голосов, ее лидеры говорили себе: могло быть еще хуже — мы могли победить. То есть, тогда пришлось бы составлять кабинет и руководить в соответствии с реальностями, а не с догмами, а этого они не желали. Только дважды — в 1923 году, очень недолго, и с декабря 1926-го — по январь 1928-го — один год и один месяц — партия находилась у власти, ничего радикального не совершила, проводила в жизнь умеренную буржуазную политику и опасалась, что если подобное будет продолжаться и дальше, от нее отвернутся левые массы. Внутри партии зрела еще более

левая оппозиция, очень дружественная внешней политике Москвы (так называемые «москвичи» — Мендерс, Бушевицс, Лоренцс), которая в начале 30-х годов овладела руководством в партии и превратила ее в одержимую левой демагогией организацию, совершенно неприемлемую для буржуазии страны.

И все же достижения латвийской демократии можно назвать выдающимися. Редко чья территория так пострадала во время Первой мировой войны и коммунистической интервенции, — начиная с 1915 года, — как территория Латвии (военные действия шли долгих шесть лет!), однако экономика страны возродилась стремительными темпами. Многие европейские государства страдали от растущей инфляции, а Латвия уже в 1923 году ввела стабильную валюту — лат, который в скором времени стал весомой валютой не только внутри страны. Огромная по масштабу и социальным последствиям аграрная реформа была осуществлена столь быстро и действенно, что на ней почти не сказались противоречия между партиями. Неослабное внимание уделялось развитию культуры. Возрождалась вся страна. В Латвии воцарился мир — 20-е годы не были отмечены ни одним политическим потрясением, в отличие от Западной Европы (например, генеральная стачка в Англии в 1926 году); уровень преступности непрерывно снижался в отличие от соседней Литвы, где он, особенно в 30-е годы, вырос. Политической стабильности способствовало и падение авторитета коммунистической партии. После страшного террора режима П. Стучки она утратила поддержку абсолютного большинства населения; многие коммунисты бежали вместе со Стучкой в Советскую Россию, где, прислуживая кровавому ЧК и другим советским учреждениям, почти все более или менее видные деятели погибли во время сталинского террора 1937–1939 годов. В Латвии Коммунистическая партия была запрещена, ибо она не только категорически отрицала буржуазную демократию, но и государственную независимость и боролась за присоединение Латвии к Советской России. Это была крайне антинациональная организация, марионетка Коминтерна и посольства Советской России в Риге, возможности которой спровоцировать в Латвии серьезные беспорядки, не говоря уже о «революции», практически равнялись нулю.

У латышской демократии были свои выдающиеся личности. Они не являлись популистами или харизматическими лидерами, путь которых, чаще всего, ведет к диктатуре. Это были серьезные, уравновешенные, осторожные и склонные к компромиссам политики — какими и должны быть политики при буржуазной демократии, а демократия в Латвии была буржуазной. И первым из них был, безусловно, Зигфрид Анна Мейеро-вицс (1887–1925) — второй выдающийся после Карлиса Улманиса латыш-

ский политик, который представлял ЛКС. Он — почти без перерыва — был не только министром иностранных дел Латвии с ноября с 1918 по август 1925 года, но и дважды возглавлял Кабинет министров. Он не отталкивал от себя способных людей, не был властолюбив. Его преждевременная трагическая гибель в автокатастрофе в августе 1925 года была огромной потерей для молодой латвийской демократии — она оставила историкам каверзный вопрос: как развивалась бы судьба демократической Латвии, если бы он жил в начале 30-х годов? Сумел ли бы он предотвратить 15 мая? Единственное, чего бы он явно не сумел, даже если бы остался в живых — в 1939 году ему было бы всего 52 года, — это предотвратить пакт Молотова-Риббентропа и уничтожение Латвии.

Спустя неполных два года, в марте 1927 года, Латвия понесла еще одну тяжелую потерю: преждевременно скончался любимец народа президент страны Янис Чаксте (1859–1927), человек, ставший наиболее ярким олицетворением латвийской демократии, политик, который неустанно воспитывал в народе доверие к демократии и свободе как к двум неразрывно связанным ценностям. В стране даже воцарилась растерянность — кто сумеет заполнить пустоту, кто достойно продолжит начатое президентом? После изматывающих девяти раундов голосования, которые длились почти две недели, Сейм в десятом раунде наконец остановился на компромиссной фигуре от довольно небольшой Партии демократического центра — Густаве Земгалсе (1871–1939), который возглавлял историческое заседание Народного совета 18 ноября 1918 года. Выбор оказался удачным. Видный общественный деятель, выдающийся адвокат и зажиточный буржуа, Земгалс как нельзя лучше соответствовал требованиям парламентской буржуазной демократии: покладистый, готовый идти на компромисс человек, нестигаемый демократ, толерантный к принципу «Латвия — государство народов Латвии», который он особо подчеркнул во время юбилейных торжеств в 1928 году в связи с десятилетием существования независимой Латвии. Будучи человеком очень скромным, нередко даже стеснительным, он ни за что не соглашался выставить свою кандидатуру вторично (в 1930 году).

Одним из видных политиков периода демократии был председатель Сейма в 1925–1934 годах социал-демократ д-р Паул Калныныц (1872–1945). Как и Земгалс, он представлял старшее поколение латышской интеллигенции — новотеченцев и участников революции 1905 года, как и Земгалс, своей деятельностью заслужил уважение в обществе: он был хорошим врачом, успешная практика позволила ему еще накануне Первой мировой войны построить дом в Майори, где еще совсем недавно латышей почти не было. В своей партии он представлял умеренное, более правое крыло,

не соглашался с так называемым промосковским направлением, отстаивал большую интеграцию социал-демократов в государственную политику. Его разумная деятельность способствовала росту уважения к парламенту.

Ростки недовольства

Довольно быстро у либерально-демократической Латвии появились не только критики и противники, но и враги. Главной причиной недовольства было их представление о том, что в Латвии слишком много демократии в политике и капитализма в экономике и слишком мало латышского национализма. Первой организацией, выступившей с радикальными требованиями, стал Латышский Национальный клуб, который возник в 1922 году и объединил всякого рода авантюристов, «неудачников» и шовинистов, которые требовали заменить Сатверсме «более латышской» конституцией — она позволила бы драматично уменьшить власть парламента и столь же драматично наделить большими властными полномочиями президента. Это были радикальные антисемиты, даже расисты — антисемитизм был главной характерной чертой деятельности этого Клуба, их лозунг «Латвия для латышей» коренным образом отличался от того, который произнес Мейеровиц в 1921 году, и от того, как толковал его впоследствии К. Улманис. Категорически отвергая социал-демократию, они пытались навязать Латвии «уличную» политику — стычки с социал-демократами. Те же в ответ сформировали собственную охранную организацию — Рабочий спорт и страж (SSS), у которой, как и у неизмеримо более крупной и сильной организации социал-демократов Веймарской Германии — Reichsbanner Schwarz-Rot-Gold — других целей, кроме защиты демократии не было (и которая, как и германская социал-демократия, не сумеет этого достичь). К счастью, в Латвии «уличные бои» не прижились — в противовес Германии, Австрии и в меньшей степени, в первой половине 30-х годов, во Франции. 1 мая 1923 года хулиганы спровоцировали серьезные столкновения с социал-демократами в Риге, на Эспланаде; в 1925 году они убили рабочего еврейского происхождения Александра Масака. Этим все и ограничилось — клуб был закрыт, и в дальнейшем, к 1932 году, расистские организации сошли на нет; их социальная база была мелкой — в основном это были студенты, городское мещанство, несколько офицеров, деклассированные элементы и т. п. (самое неприятное заключалось в том, что Национальному клубу открыто симпатизировал генерал армии П. Радзиньш, известный своими крайне правыми взглядами и аморальным поведением; в 1928 году он лишился своей должности, и в дальнейшем шовинисты в армии уже не играли существенной роли).

Еще одной причиной того, что «уличная политика» не привилась в Латвии, был тот факт, что в конце 1919 года вместе с остатками банды Бермондта Латвию покинула самая преступная часть общества — немецкие и русские белогвардейцы, наемники, черносотенцы, бандиты, даже несколько тысяч балтийцев, враждебных независимой Латвии. Воевавшие в Балтии в 1918–1919 годах, в Веймарской Германии они стали самыми непримиримыми врагами демократии, многие присоединились впоследствии к гитлеровским нацистам. Они, безусловно, пополнили бы в Латвии ряды радикальных, воинственно настроенных врагов демократии, но, к счастью, этого не случилось.

В 1925 году с критикой в адрес демократии выступил сам Карлис Улманис — гораздо более серьезная личность, чем хулиганствующие молодчики из Клуба. В этом году он баллотировался на должность президента с лозунгом «Латвия — для латышей». И снова следует подчеркнуть, что это не был расизм Национального клуба, смысл фразы заключался в предоставлении государственных привилегий — оказании экономической, социальной, политической поддержки — именно латышам, но и это уже было отступлением от провозглашенного им же 18 ноября — все народы, без исключения, будут пользоваться в Латвии одинаковыми правами. Выборы он проиграл Чаксте, но идеологический прецедент имел место.

Недовольство либеральной демократией стало явно проявляться в Европе — первой пала демократия в Италии в 1922 году. Однако фашизм привлекал хулиганов из Национального клуба, но не серьезные политические силы в Латвии. И все же в 1926 году, за неполные полгода, демократия была разгромлена в двух соседних с Латвией государствах: в мае — в Польше, в декабре — в Литве. Конечно, влияние этих факторов на Латвию не надо преувеличивать — обе страны считались нищими, отсталыми, а в глазах латышей еще более отсталыми, чем были на самом деле, но нельзя их и игнорировать. В 1927 году не только Улманис, но и академическая секция ЛКС — «мозг» партии — предложила серьезно реформировать Сатверсме, чересчур демократичную и не очень «латышскую и крестьянскую». Три новых и влиятельных критика появились в 1928–1930 годах; это были: Адолф Кливе, Арвед Бергс и Эдварт Вирза. А.Кливе возглавлял парламентскую фракцию ЛКС и был ярким представителем тех, для кого «Сатверсме не годилась», когда от них отвернулась политическая удача: в 1928 году он проиграл на выборах, не вошел в Сейм и превратился в критика демократии. Он стал требовать ограничения прав меньшинств — особенно в экономике — и призывал организовать против них латышский «хозяйственный фронт». Это стало очередным доказательством роста антидемократических тенденций в ЛКС и было уже серьезно, но еще не

драматично. Кливе не принадлежал к популярнейшим латышским политикам. Идеологически опасней стал отход от демократии Бергса: он был одним из самых выдающихся латышских публицистов — до 1934 года им было написано около 1000 (!) статей, которые читали не только его сторонники по партии. Вирза же был не только одним из крупнейших латышских писателей, но и активным членом Крестьянского союза. Его желчные нападки на демократию не объяснялись корыстными политическими или материальными интересами, как у Бергса или Кливе; это был чистой воды идеализм — он ненавидел демократию, ибо считал ее плебейской, и оставался яростным сторонником монархии, монархического единовластия. Он был эпигоном столь любимой им реакционной Франции, и именно он начал изображать латышскую демократию как омерзительного, эстетически отвратительного «стоглавого дракона» (по числу депутатов Сейма. — Авт.). Однако несмотря на критику демократия в Латвии продолжала процветать вплоть до начала мирового экономического кризиса.

Последний акт демократии

Мировой экономический кризис пришел в Европу в 1930 году. Он больно задел и Латвию — не только экономически, но и политически, придав второе дыхание врагам демократии. Те, кто в предыдущие годы выступал за ограничение демократии и смену либеральной Сатверсме, побуждаемые личными шовинистическими взглядами, возродились в рядах энергичного наследника Латышского Национального клуба — расистской организации «Угункрустс» («Перконкрустс»); она была создана в январе 1932 года, возглавил ее бывший активист клуба Густав Целминьш, филистер студенческой корпорации «Селония». «Угункрустс» намеревался преодолеть социальную узость Клуба и объединить под шовинистическими и даже откровенно расистскими лозунгами не только студентов и мелкое мещанство, но и рабочих и даже крестьян. Он требовал сменить парламентскую демократию президентской властью, фактически диктатурой президента, но основной его платформой был явно выраженный антисемитизм: «Поднимем мечи и уничтожим проклятие этой страны — жидов», — призывал поэт перконкрустовцев Леонид Брейкшс; эти требования для некоторых перконкрустовцев уже означали — пока на уровне идей — желание изгнать евреев из Латвии. И хотя организация была закрыта, она возрождалась под другими названиями и находила определенную поддержку в измученном кризисом обществе.

Шовинизм нарастал и в довольно солидных буржуазных партиях; так, Демократический центр — партия Г. Земгалса (правда, никогда он сам) в

марте 1934 года потребовала заменить принцип «Латвия — государство народа Латвии» принципом «Латвия — для латышей», а партии, которые не были готовы к изменению Сатверсме, подверглись жесткой критике за «переход в услужение к жидам и немцам». Многие заметные, в том числе исторические личности, стоявшие у колыбели демократической Латвии, поддались влиянию антидемократических настроений и даже способствовали их росту: прекрасный писатель Карлис Скалбе и Микелис Валтерс оказались в их числе.

Самые опасные тенденции нарастали в крупнейшей партии Латвии — в Латышском Крестьянском союзе, среди членов которого экономические трудности породили требование «крестьянского правительства», отстаивающего интересы только крестьянства: если демократия не может удовлетворить их интересы и убеждения, пусть ее не будет вообще. Большинство членов партии, особенно айзсарги, все радикальнее выступали за окончательную ликвидацию демократии. Организация айзсаргов, созданная в марте 1919 года и в то время выполнявшая чрезвычайно важные функции по охране внутренней безопасности, утратила свое государственное значение. В Латвии было спокойно, и полиция сама прекрасно справлялась со своими задачами, так что никаких оснований для существования организации, насчитывающей около 60 000 членов, не было, поскольку она не ставила своей целью внешнюю защиту государства. Айзсарги, не вписавшиеся в либеральную демократию, все активнее требовали от Улманиса организации «марша на Ригу», подобного походу Муссолини на Рим в 1922 году, однако осторожный Улманис все еще выжидал.

И хотя нападки на демократию нарастали, в Латвии по-прежнему было намного спокойнее, чем в странах старой демократии, даже в годы экономического кризиса. В Германии демократия не только пала, там к власти пришел ее самый страшный враг — нацизм. В Австрии демократия погибла в результате кровавой гражданской войны. Близка к этому была и Франция, во всяком случае Париж, где 6 февраля 1934 года в уличных боях погибло 15 и было ранено 1000 человек. В Латвии никогда ничего подобного не происходило. Самым тяжелым годом экономических невзгод оказался 1932-й, но и тогда в стране не возникало политических беспорядков, не было даже сколько-нибудь заметных забастовок. Ни коммунисты, ни перконкрустовцы не были способны вызвать серьезных волнений, не говоря уже о других группировках. Правительства функционировали нормально, срок их пребывания у власти был даже намного больше, чем в начале 20-х годов. В конце 1933 года наметился выход из кризиса — медленный, болезненный, и все же — выздоровление. Но, как известно, первые предрассветные часы самые темные. В это время Карлис Улманис

уже принял решение уничтожить демократию. О перевороте, похоже, в Латвии мечтал еще кое-кто; осуществить замысел оказалось под силу только хладнокровному и ловкому Улманису. Демократия в Латвии была уничтожена не в силу экономических конфликтов или безвыходной ситуации, причина ее падения — предательство самого крупного политика 18 ноября и готовность многих политиков следовать за ним или неготовность других — из трусости, незнания или глупости — предотвратить этот шаг.

Выборы в Сейм в 1931 году доказали, что звезда Улманиса клонится к закату; он, конечно, был избран в Сейм, но ни в одном округе — в качестве первого кандидата, хотя во всех партийных списках он, как председатель партии, шел под первым номером. Выборы 1934 года обещали быть еще более трудными. Что у него останется в жизни, если не будет политики? Ничего! В 1933 году медлить уже было нельзя. Выход из экономического кризиса близился, а значит, исчезала возможность демагогически упрекать Сейм и «партийный режим» в том, что они довели государство «до гибели». Надо было действовать, и, самое позднее в августе, он решил начать подготовку к перевороту. Чтобы прикрыть заговорщицкую деятельность и отвлечь внимание партии, он сделал чрезвычайно ловкий ход: не проявлял интереса к реформе Сатверсме даже тогда, когда этого требовали уже Бергс, «Угункрустс» и многие в его собственной партии. И вот, решившись на переворот, он внезапно поручил своему ближайшему соратнику по партии молодому и амбициозному Алфреду Берзиньшу в конце августа 1933 года потребовать на чрезвычайном заседании Сейма немедленно приступить к реформированию Сатверсме. Это было начало спектакля, суть и циничный подтекст которого не поняло даже абсолютное большинство лидеров ЛКС, не говоря уже о других партиях. Спешно был скомпилирован проект реформы Сатверсме, буквально списанный с самого вызывающего проекта перконкрустовцев и проекта окружения Арведа Бергса, к которым до этого Улманис не проявлял никакого интереса — он даже не присутствовал на самом многочисленном съезде сторонников Бергса и перконкрустовцев в 1932 году в Доме Латышского общества, где обсуждались эти одиозные документы. А теперь они пригодились в качестве основы проекта, поданного ЛКС в Сейм 3 ноября 1933 года.

Речь шла не о разумном реформировании Сатверсме, но о сознательно экстремистском проекте с одной целью: Сейм должен был его отвергнуть или утвердить лишь частично, чтобы затем использовать этот факт для оправдания переворота. С самого начала было ясно, что Сейм никогда не примет проект в том виде, в котором он был подан. Проект предполагал изменить 19 статей Сатверсме и вместо парламентской республики создать

даже не президентскую республику, а установить президентскую диктатуру. Но какой парламент подпишет сам себе смертный приговор? Планировалось и уменьшение численного состава парламента — вместо 100 депутатов 50, радикально ограничив его власть. Впредь вся власть должна была сосредоточиться в руках президента, избираемого народом на пять лет (правда, в выборах могли участвовать только лица, достигшие 25 лет — еще одно ограничение демократии); президент имел право распустить Сейм по своему усмотрению и не нести за этой никакой ответственности, назначать и увольнять не только отдельных министров, но и весь кабинет. Сейм, получивший этот заведомо провокационный проект, обязан был его рассмотреть — иного пути не существовало, и началась большая возня вокруг так называемой реформы Сатверсме или, как образно назвал происходившее наш выдающийся историк Эдгар Дунсдорфс, — тщательно срежиссированный Улманисом спектакль, под шумовым прикрытием которого с удивительным хладнокровием готовился переворот и полное уничтожение демократии.

Чтобы обеспечить успешную подготовку и осуществление переворота, Улманису предстояло свергнуть правительство Адолфа Блэдниека, находившееся у власти с марта 1933 года, и стать президентом министров — осуществить переворот было бы гораздо проще, будь в его руках все бразды правления. В свержении правительства Блэдниека и вступлении Улманиса в должность президента министров жалкую роль — хотя не решающую — сыграла крупнейшая парламентская партия ЛСДРП. Запутавшись в левых догмах, находившаяся в руках «москвичей» Мендерса и Бушевицса, она сама себе рыла могилу, не осознавая, что роет в то же время могилу и латвийской демократии. Когда Улманис в начале марта 1934 года решил на свержение правительства Блэдниека, социал-демократы поддержали его с удивительной близорукостью — Блэдниекс был для них воплощением реакции, хотя фактически он возглавлял умеренное, верное демократии и довольно толковое буржуазное правительство. При старательной поддержке социал-демократов кабинет Блэдниека пал в начале марта. Для ЛСДРП настало время доказать на деле то, о чем она твердила не переставая, — уберечь демократию от «фашизма». Надо было встать у руля власти или, по крайней мере, попытаться это сделать, как самой крупной фракции в парламенте. Президент страны А. Квиесис предложил социал-демократам сформировать правительство, но они так испугались ответственности, необходимости что-то делать, а не просто шуметь, что выдвинули перед своими предполагаемыми партнерами по коалиции столь радикально левые, даже абсурдные требования, которые невозможно было осуществить ни в одной стране, даже в гораздо

более развитой Скандинавии, где социал-демократы делили власть и правили, что от ЛСДРП отвернулись все. А это было только на руку левым демагогам в партийном руководстве. Они сохранили «идеологическую чистоту», отказавшись сотрудничать с «буржуазией», а бразды правления 16 марта оказались в руках Улманиса — он к этому стремился, и социал-демократы даже не попытались ему помешать, после чего подготовка к перевороту пошла легче. Были уволены лояльные демократии руководители важнейших учреждений — Рижского гарнизона (армии) и Политической полиции, которым Улманис не доверял и которые не входили в число заговорщиков. Генерала Гоппера в Рижском гарнизоне заменил заговорщик генерал К. Беркис; вместо В. Озолиньша Политическую полицию возглавил другой заговорщик — Янис Фридрихсонс. А в Сейме в это время шли пустопорожние дебаты о реформе Сатверсме, и парламент приступил к ее реформированию. 4 и 8 мая 1934 года Сатверсме действительно была реформирована: в первом и втором чтении было принято решение ввести институт президента, избираемого всем народом на пять лет, — конечно, без права по своему усмотрению распускать Сейм, — и существенно усилить власть президента министров. Третье, окончательное чтение и принятие поправок к Сатверсме было намечено на 18 мая, однако заседание так и не состоялось. Социал-демократы, словно лунатики, не только активно участвовали в реформе, но даже проводили частные и тайные консультации с Улманисом, обещая ему полную поддержку в вопросе, касающемся поправок избирательного закона, и готовность ограничить количество небольших партий, подняв даже проходную планку в Сейм выше 5 процентов. Это говорило о том, что Сатверсме и избирательный закон действительно можно было реформировать во имя усиления демократии, однако Улманису не это было нужно. Он распускал слухи о якобы готовящемся перевороте перконкрустовцев, или так называемых легионеров, который возглавит полковник в отставке шовинист Вилис Озолс, находившийся в то время в ссылке в Эстонии. Однако все это были только слухи, но даже если бы что-то действительно и происходило, Улманис все мог предотвратить своей властью премьер-министра. Слухи эти еще больше отвлекали внимание от подготовки истинного переворота.

Поздним вечером 15 мая, в 23.00, началось решающее действие — айзсарги и армейские части заняли центральные государственные учреждения, начались аресты. Когда через несколько часов тайная полиция явилась в дом к председателю парламента д-ру Паулу Калныньшу в Межапарке, его сын депутат Бруно Калныньш дописывал очередной проект избирательного закона! Он выстрелил в воздух из имевшегося у него законно приобретенного револьвера — единственный выстрел в момент

гибели латышской демократии — и сдался полиции. Через пару часов все было кончено — заговорщики с удивительной легкостью захватили власть, и в два часа утра 16 мая Улманис потревожил президента А. Квиесиса во дворце, где шла карточная игра, в которой принимал участие и бывший президент Земгалс. Улманис сообщил Президенту страны о случившемся; в соответствии с Сатверсме, Квиесис обязан был защищать демократию из последних сил. Однако, не выразив ни малейшего протеста, он, хотя и без энтузиазма, одобрил переворот и предал демократию. Оправдать переворот невозможно — ведь в тот период латвийской демократии явно ничто не угрожало. То есть, не внутривластный или экономический кризис стали причиной переворота; наоборот — подтолкнул переворот близкий выход из экономического кризиса, что лишило бы Улманиса возможности обвинить демократию в беспомощности. И с точки зрения внешней угрозы ничто не изменилось по сравнению с минувшим годом, как и не могло упрочиться после 15 мая — это подтвердит пакт Молотова-Риббентропа 1939 года. Судьбу Латвии решали Берлин и Москва, и уничтожение демократии на решение тиранов не повлияло.

3. 5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ИДЕОЛОГИЯ «ЛАТВИИ 15 МАЯ»

Предпосылки, подготовка и осуществление государственного переворота

Характерная для межвоенного периода тенденция — от демократии к диктатуре — затронула многие государства Европы. В борьбе с диктатурами демократические правовые государства одно за другим терпели поражение. В конце 30-х годов из двадцати девяти стран Европы только двенадцать сумели сохранить демократический строй. Ход событий в Латвии органически влился в контекст политического развития Европы. Латвия — последней из Балтийских стран — на путь тоталитаризма встала весной 1934 года. В ночь с 15 на 16 мая президент министров К. Улманис со своими сторонниками осуществил государственный переворот, который, безусловно, явился выражением слабости парламентарно-демократического строя. Демократию в Латвии уничтожил политик, роль которого в создании и формировании государства была решающей.

С учетом конкретной общественной ситуации, установившаяся в Латвии демократия была чересчур широкой. Население Латвии не было

подготовлено к управлению страной в условиях парламентаризма — люди не знали демократических традиций и не воспринимали демократию как ценность саму по себе. Либеральный избирательный закон открыл дорогу в Сейм многочисленным мелким партиям, роль которых в парламенте была явно деструктивной. Недостаточно интегрированными в политическую систему Латвии оказались и социал-демократы, которые во всех сеймах были представлены одной из самых больших фракций. Приоритетными для них очень часто были не государственные, а партийные интересы. Они редко вступали в коалиции, что значительно снижало возможность формирования стабильных, дееспособных правительств. Социал-демократы и буржуазные партии испытывали взаимное недоверие. Многие представители последних считали, что для социал-демократов верность марксизму значит гораздо больше, чем их лояльность Латвии. Сами социал-демократы страдали от своего же левого радикализма, который был объективной основой для их возможного сотрудничества с коммунистами.

В Латвии отсутствовала необходимая для демократического устройства социальная структура — средний слой был слабым, а крестьянство демократию активно не поддерживало. Нормальное функционирование парламентской демократии сдерживала и длительная экономическая нестабильность. Особенно большую роль приобрел этот фактор в начале 30-х годов, когда разразился мировой экономический кризис, усиливший в латышском обществе негативное отношение к демократии в пользу диктаторского режима. Оказавшиеся в экономических тисках разные слои общества надеялись, что «сильная власть» обеспечит им постоянную и все возрастающую поддержку государства. В стране активизировались также политические экстремисты различных направлений. Источники свидетельствуют, что К. Улманиса и его соратников особенно волновали усилившиеся в Латвии антисемитские настроения и — преимущественно среди балтийских немцев — пропаганда идей национал-социализма после прихода к власти в Германии Адольфа Гитлера.

Неудачи парламентской демократии в Латвии были тесно связаны и с отсутствием соответствующей политической культуры. Многие латышские политики сформировались еще во времена Российской империи, где демократические традиции были ничтожны — демократия существовала всего несколько месяцев в 1905 и 1917 годах. Деформация политического сознания, вызванная царившим в России политическим беспорядком, не была окончательно преодолена и в Латвии в годы демократического парламентаризма: латвийские политики по-прежнему мыслили в авторитарных или леворадикальных категориях.

Одной из серьезных причин слабости демократии и, как следствие, переворота 15 мая была неготовность латвийской политической элиты к демократии и чрезмерные личные амбиции ведущих политиков. Решающая роль принадлежала К. Улманису, сказывались черты его характера — убежденность в том, что он знает, как исправить ситуацию в стране, его склонность к авторитарной власти. Он не представлял себя вне политики и власти. Однако выборы 1931 года в Сейм подтвердили, что звезда его начинает гаснуть. Число его сторонников заметно поредело. Улманис также опасался, что на следующих выборах, назначенных на октябрь 1934 года, он может потерпеть полный разгром.

Весной 1934 года в Латвии сложилась своеобразная ситуация. Возможности организации путча обсуждали многие политические силы. Незаконным путем государственную власть мечтали захватить и крайне правое Общество кавалеров ордена Лачплесиса и борцов за свободу «Легион». Мысль о перевороте была популярной и среди членов радикально-национального объединения «Перконкрустс», однако руководство организации эту идею все же не поддержало и не ориентировало своих членов на вооруженную борьбу. Ни у «легионеров», боевые группы которых были малочисленными, ни у перконкрустовцев, даже если бы они этого захотели, не было никаких шансов успешно подготовить и совершить переворот. Политическая полиция полностью контролировала их действия. В сложившейся исторической ситуации Латвия отнюдь не стояла перед альтернативой: демократия или экстремистский переворот. Таким образом, переворот 15 мая никоим образом не был превентивным актом — это был противоправный акт, нацеленный против латвийской демократии.

Умело воспользовавшись присущей ему харизмой и организаторским талантом, К. Улманис сумел профессионально подготовить задуманный переворот. Подготовка к нему началась в конце лета 1933 года. Главными помощниками Улманиса на раннем этапе подготовки были ставшие впоследствии министрами Вилхелмс Мунтерс, Алфред Берзиньш и Бернхард Эйнбергс. Первой задачей заговорщиков было свержение правительства Блэдниека и назначение на пост президента министров К. Улманиса, которая была выполнена в марте 1934 года. Не менее важной для заговорщиков была поддержка армии. Из видных военачальников Латвии к подготовке переворота постепенно были привлечены Хуго Розенштейнс (ему принадлежит военно-оперативный план переворота), Кришьянис Беркис, который 12 апреля был назначен начальником Рижского гарнизона и командиром Видземской дивизии, а также Мартыньш Хартманис и Янис Балодис. Накануне переворота к заговорщикам присоединился министр

внутренних дел Вилис Гулбис, а лояльный Янис Фридрихсонс стал начальником Политической полиции.

Подготовка к перевороту сопровождалась шумной компанией о необходимости реформы Сатверсме. По предложению К. Улманиса Латвийский крестьянский союз в ноябре 1933 года внес в Сейм проект поправок к Сатверсме, предусматривавший переход от парламентской к президентской республике. 8 мая 1934 года Сейм принял проект во втором чтении, не поддержав лишь некоторые нормы, касавшиеся, например, права избранного всем народом президента распускать парламент до окончания его полномочий без предварительного народного голосования. То есть, не был поддержан замысел радикалов перестроить механизм власти, так что Сейм по-прежнему оставался высшей структурой государственной власти. Это дало президенту министров К. Улманису, которого реформа Сатверсме вообще всерьез не интересовала, совершить государственный переворот. К. Улманис опасался также, что Сейм в ближайшее время может потребовать его демиссии.

К осуществлению переворота 15 мая были привлечены небольшие отряды армии, айзсаргов и полиции, которые заняли в Риге важнейшие государственные учреждения и помещения социал-демократов. Задним числом, утром 16 мая, было объявлено военное (чрезвычайное) положение. Это была неловкая попытка придать незаконной акции правовую форму. Во время путча не произошло ни одного серьезного столкновения. Давая оценку ситуации, немецкий посол в Латвии Георг Мартиус отметил, что «прозвучало несколько выстрелов, но не было раненых». Общество не выступило с акциями протеста — оно вело себя или безразлично, или поддерживало произошедшие перемены. Политические противники К. Улманиса не оказали никакого сопротивления. Лидеры социал-демократов, а также лица, которых опасался будущий режим, были арестованы. После переворота в Латвии было арестовано всего 2000 человек. Большинство были вскоре освобождены. Самый длительный срок задержания не превышал одного года.

Переворот прервал процесс развития и укрепления демократических традиций в латвийском обществе. Деятельность Сатверсме была парализована, а обещания разработать новый основной закон государства остались невыполненными. Общество лишилось Сейма и политически ответственного правительства, а также политических партий, лишилось возможности хотя бы косвенно участвовать в решении судеб страны. Ответственность за все сферы жизни Латвийского государства взял на себя К. Улманис. Это был в то же время и чрезвычайно смелый шаг — ведь в случае неудачи его ожидали бы годы тюрьмы, — и громадная политическая и историческая

ошибка. В политической биографии Улманиса наступил период, который, с точки зрения многих современников и историков, уменьшил его престиж как политика. И хотя он не был таким властолюбивым и безжалостным руководителем государства, как Иосиф Сталин, Адольф Гитлер или Бенито Муссолини, все-таки, когда пишут о нем, часто употребляют негативное определение «диктатор».

Система власти

Манипулируя объявленным им чрезвычайным положением, К. Улманис установил режим, который нередко называют «Латвией 15 мая», а в исторической литературе обозначают емким, но академически не точным термином «авторитарный», что в работах на немецком языке время от времени заменяют понятием «Ein-Mann-Herrschaft». Учитывая, на какие социальные и политические силы опирался этот режим, можно называть его и национально-консервативной диктатурой. Однако, если иметь в виду, какие преобразования были совершены в «Латвии 15 мая» (например, создание хозяйственных камер) и каково было направление их деятельности, можно говорить также о корпоративно-авторитарном режиме или даже о режиме авторитарной модернизации. Правда, развитие идей авторитаризма в Латвии было насильственно прервано в 1940 году. Поэтому трудно дать оценку достижениям режима К. Улманиса в процессе модернизации общества.

Как и в других странах Восточной Европы, установленный в Латвии авторитарный режим был попыткой отделения «государственной политики» от «партийной политики» и формирования «надпартийного» президентского правления, что позволяло полностью контролировать экономику, политику и культуру. Большое внимание уделялось также обеспечению национальной интеграции, упрочению государственного авторитета и государственной исполнительной власти. Происходило это за счет законодательной власти, а также путем ограничений, фактически ликвидировавших политический плюрализм. «Во времена Улманиса» для Латвии был характерен ярко выраженный антидемократический характер управления страной. Режим 15 мая был наиболее авторитарным в странах Балтии, а возможно, и во всей Восточной Европе. К тому же формально это был чуть ли не единственный диктаторский режим в Европе, который не сохранил никакого представительства народа. Сейм был разогнан, и его функции перешли к правительству. Во многих авторитарных и даже тоталитарных государствах были сохранены определенные формы парламентаризма или, по крайней мере, таковые существовали хотя бы в качестве

вывески. Даже в Германии, когда к власти пришли нацисты, рейхстаг продолжал существовать. Конечно, функции его были сильно урезаны — фактически он утратил законодательную власть и значительную часть своих прежних прав; этот рейхстаг, как с юмором говорили в Германии, «превратился в самый высокооплачиваемый мужской хор в Европе».

В основе установившейся в «Латвии 15 мая» политической системы был принцип вождизма. Улманис называл себя «полномочным представителем власти народа и государства» или просто вождем. Он мог опираться на армию, айзсаргов, крестьянство и ту часть латвийской интеллигенции, которая была тесно связана с деревней. В существовании и укреплении авторитарного режима были заинтересованы и занятые в государственном секторе чиновники, число которых в 30-е годы стремительно увеличилось. Для них диктатура Улманиса была источником личного благополучия, они активно участвовали в реализации всех форм управления государством.

Существовавшие в государстве высшие инстанции всерьез не ограничивали единоличную власть К. Улманиса. Все важнейшие государственные дела решал назначенный им Кабинет министров, получивший новый «статус»: в его руках после перенятия правительством функций Сейма сосредоточилась высшая как законодательная, так и исполнительная власть. Объявленное военное (чрезвычайное) положение обеспечило правительству возможность принять поправки к Сатверсме. В «технической работе» (подготовке правительственных распоряжений и законов) «большому кабинету» помогал так называемый «малый кабинет». И хотя в первый состав обоих кабинетов входили известные политики, пользовавшиеся доверием влиятельных групп общества и представлявшие их интересы, их мнение в принятии решений значило не много. После сообщений министров или разъяснения их точки зрения все решения в «большом кабинете» принимал К. Улманис. Латвийский историк Эдгар Дунсдорфс не считает возглавляемый Улманисом кабинет министров коллегиальным учреждением и сравнивает его с хором, «который пел, причем одним голосом, то, что велел петь дирижер — Президент министров».

Кабинет министров был фактически институциональной завесой для воплощения воли диктатора. Монополии К. Улманиса на власть не угрожал и президент страны Алберт Квиесис, который занимал эту должность вплоть до весны 1936 года. Институт президентства в Латвии не был особенно силен даже в годы парламентаризма, не укрепился он и в первые годы авторитаризма. В результате государственного переворота президент страны не приобрел никаких новых полномочий. Позиции его, скорее, ослабли, поскольку в нем, как в стабилизирующем факторе во время правительственных кризисов, не было необходимости, что прежде было

важнейшим рычагом в его политической деятельности. Одновременно с роспуском парламента президент лишился и необходимости и в таком праве.

Однако отдельные законы, которые были приняты в годы авторитарного режима, предоставляли президенту право активно участвовать в общественной жизни. В качестве примера можно привести опубликованный 7 июня 1934 года закон, определявший главный порядок провозглашения законов. Закон предполагал, что Президент государства объявляет только те законы, которые касаются государственного устройства, структуры Кабинета министров и суда и т. п. Кроме того, президенту было делегировано право вето. В течение семи дней он мог потребовать от Кабинета министров повторного рассмотрения внесенного закон. Если же министры вторично принимали его без поправок, президент должен был провозгласить его обязательно.

А. Квиесис своим правом не пользовался и «не мешал» правительству принимать законы. Безусловно, формально он слегка затенял К. Улманиса, поскольку официально по-прежнему считался первым лицом государства.

К тому же между обоими президентами (страны и министров) нарастали напряженные отношения, которые особенно усилились к 11 апреля 1936 года, когда завершился второй срок президентства Квиесиса. Он хотел остаться в должности и после окончания полномочий, однако Улманис и сам официально хотел быть «первым гражданином» страны, а у Квиесиса не было никаких возможностей продлить срок своих полномочий. Не позволял этого и расклад сил. Кроме того, определенную роль играло также то обстоятельство, что А. Квиесис не был таким выдающимся политическим стратегом, каким был К. Улманис.

27 февраля 1936 года на тайном заседании Кабинета министров, на котором сам К. Улманис не присутствовал, было принято единогласное решение доверить президенту министров — до обещанной во время переворота реформы Сатверсме — исполнять должность Президента страны и «поручить министру юстиции разработать и представить Кабинету министров соответствующий законопроект». Упомянутый закон был утвержден через две недели — на заседании Кабинета министров 12 марта, а официально должность Президента страны К. Улманис занял (фактически узурпировал) 11 апреля. С точки зрения своего заместителя Маргера Скуениекса, он теперь обладал всей полнотой власти, «такой властью, какой у отдельного человека в государстве обычно не бывает». Этот день, который ознаменовал начало новой фазы эпохи вождизма, К. Улманис в своей личной жизни отмечал как праздник. Он считал, что исполнил мечту вождей древних земгалов Виестура и Намейса и потому придавал случившемуся

историческое значение. Концентрация власти в руках Улманиса продолжалась и в последующие годы. Идеи вождизма прогрессировали, и весной 1940 года он, будучи Президентом страны и президентом министров, возглавил оборону государства. Сосредоточение в его руках абсолютной власти фактически поставило вождя над законом.

К. Улманису принадлежало решающее слово и в делах самоуправления при назначении главных должностных лиц. После переворота 15 мая произошло огосударствление самоуправлений, поскольку у авторитарной власти могли возникнуть неувязки с исполнением ее распоряжений на местах, если бы сохранились избранные еще при демократическом порядке местные органы власти.

Изданный 25 мая 1934 года закон предусматривал ликвидацию в 60 городах Латвии избранной городской думы, а избранных главу города и депутатов сменили лица, назначаемые министром внутренних дел. Реорганизация затронула и сельские самоуправления. В соответствии с законом от 17 июля назначенные уездные старосты переняли и функции уездных правлений. Были значительно урезаны функции волостного совета, председателя волостного правления сменил волостной староста с возложенной на него более высокой личной ответственностью.

Авторитарному режиму К. Улманиса были присущи кажущиеся противоречия, выразившиеся в несоответствии между явно антидемократической формой управления страной и сравнительно ограниченным применением полицейской власти. Диктатура, установившаяся в Латвии, была щадящей, для режима не были характерны массовые репрессии, она не была антигуманной. При авторитарном правительстве не применялась смертная казнь. К. Улманис сторонился политического экстремизма и стремился нейтрализовать радикалов всех направлений: и ультралевых, и перконкрустовцев, и балтийско-немецких национал-социалистов. Он выступал и против антисемитизма. Преследуемые в нацистской Германии и оккупированных ею территориях евреи могли обрести в Латвии убежище, в то время как многие демократические страны по разным причинам отказывались принимать преследуемых нацистами еврейских беженцев.

К. Улманис пользовался большой поддержкой у латышского народа, чему способствовали успехи режима в различных сферах государственной жизни. Авторитарное правительство большое внимание уделяло строительству, а образование и культура были его главными приоритетами. Популярность К. Улманиса умножали и успешная экономическая и социальная политика, заинтересованность в росте благополучия как можно более широких слоев населения. К выдающимся его достижениям следует отнести и рост национального самосознания латышского народа. После

15 мая 1934 года латыши впервые почувствовали себя настоящими хозяевами страны. Недаром в исторической памяти латышского народа К. Улманис остался ярким выразителем национальных устремлений латышского народа и символом латышской Латвии. Еще и сегодня почти каждый житель Латвии знает, кто такой К. Улманис. В народе продолжает жить миф о нем. Его имя и деятельность оставили печать на всем периоде авторитарного режима, который еще и сейчас называют «временами Улманиса». Пока что ни один другой латышский политик не удостоился такой чести.

Все шесть лет своего существования авторитарный режим был стабилен и полностью контролировал ситуацию в стране. Оппозиция была слабой и раздробленной. Недовольство Улманисом и его авторитарным режимом выражали многие буржуазные политики (например, бывший руководитель Национального объединения Арвед Бергс и его соратники), руководимые Густавом Целминьшем перконкрустовцы, «Борцы за свободу латышей», коммунисты, нелегальные социалисты и многие организации национальных меньшинств. У каждой группы были свои интересы, и причины неприятия ими Улманиса и авторитарного режима были разными. Так что любое серьезное сотрудничество между ними было почти исключено. Даже левая оппозиция не могла выработать единую тактику действий.

В последние годы деятельности авторитарного правительства ухудшились отношения между К. Улманисом и его заместителем и военным министром Я. Балодисом, которого он считал более или менее равноценным политиком и возможным конкурентом. Конфликт между ними еще более обострили явно прорусские высказывания Балодиса и промедление со стороны Улманиса в выработке новой Сатверсме. В марте 1940 года К. Улманис сообщил Я. Балодису, что освобождает его от должности военного министра. В ответном письме, датированном 3 апреля 1940 года, Я. Балодис указал, что и он, и К. Улманис должны остаться на своих местах до тех пор, пока не будет исполнено обещание дать народу новую Сатверсме. Через несколько дней вместо Я. Балодиса военным министром был назначен Кришьянис Беркис.

Камеры, их функции

Как и во многих других европейских странах, для авторитаризма в Латвии был характерен корпоративизм. Позаимствовав идею, но не пытаясь повторить модель конкретного государства, К. Улманис в качестве главного нововведения распорядился создать систему профессиональных

камер. Это была своеобразная попытка организовать и представить жителей Латвии как производителей и представителей определенных профессий. Было создано шесть камер: Торгово-промышленная (1934), Сельскохозяйственная (1935), Камера ремесел (1935), Трудовая камера (1936), Камера литературы и искусств (1938) и Камера профессий (1938). Надзор за ними и координацию их деятельности осуществляли Государственный хозяйственный совет и Государственный совет по культуре. С 1939 года оба совета проводили совместные заседания.

Система камер и государственные советы были новыми государственными структурами, внешне напоминавшими некий парламент профессий. Существует предположение, что создание именно таких структур долго вынашивалось К. Улманисом. Таким образом он хотел выполнить обещание, данное во время переворота, — реформировать Сатверсме. Однако общественность не восприняла создание камер как начало обещанной реформы, поскольку камеры не представляли интересов большинства и не выражали его волю. Камеры и оба совета не могли существенно влиять на государственную политику. Они не обладали законодательной инициативой, а всего лишь скромным правом советчика. Поправки, вносимые в законы камерами и советами, правительство в большинстве случаев не принимало во внимание.

Фактически камеры превратились в контролируемые Кабинетом министров консультативные органы, которые непосредственно подчинялись соответствующим министерствам, — отраслевые министры на три года назначали членов камеры (90–120). Камеры обязаны были досконально знать все, что делается в отрасли, руководить ею, представлять интересы соответствующей группы общества, а также устранять по мере возможности возникающие конфликты интересов. Камеры разрабатывали также рекомендации для решения актуальных для конкретной отрасли проблем, способствовали ее развитию. Роль камер была невелика — из-за авторитарного стиля руководства. Решающим в любом вопросе было мнение ее председателя: решение принималось только с его согласия. Даже самые важные вопросы не решались путем голосования. Руководители камер обычно не рисковали высказывать противоречащее официальной точке зрения мнение.

Каждая камера ведала определенной сетью обществ. Так, в ведении Торгово-промышленной камеры находились общества торговцев, промышленников и домохозяев, в ведении Сельскохозяйственной — общества хуторян. Ранее существовавшие общества по указанию камеры были реорганизованы или ликвидированы с перенятием их имущества, что нередко вызывало недовольство и резкие протесты. Вновь создаваемые

общества должны были иметь разрешение камеры. Вне камеры ни одно профессиональное общество осуществлять свою деятельность уже не имело права. Таким образом авторитарное государство стремилось ограничить многообразие интересов общества и формы их выражения.

Авторитарная идеология

Важнейшей опорой авторитарного режима К.Улманиса была идеология, которая формировалась постепенно, исходя в большей степени из воззрений и постулатов вождя. Успешному развитию ее способствовали и представления многих латышских националистов, идеологов крестьянства и теоретиков авторитаризма (Эрнест Бланкс, Артур Кродерс, Янис Лапиньш, Эдварт Вирза и др.). Определенное влияние оказывали, конечно, и царившие в Европе настроения и идеи, в том числе итальянский фашизм и немецкий национал-социализм. Суть новой идеологии заключалась в трех основных постулатах — вождизм, единство народа и национализм, которые всячески пропагандировались. С 1937 года этим ведало возглавляемое Алфредом Берзиньшем Министерство общественных дел. Оно контролировало печать, отслеживало происходящее в литературе и искусстве. Функции надзора и контроля осуществляли также Государственный совет по культуре и Камера по литературе и искусствам. основополагающие идеи обретали форму закона.

Важнейшей составной частью идеологии авторитаризма, ее ядром была идея национального государства и национализм, который особенно ярко выразился в требовании «восстановления национальной справедливости» и создании «латышской Латвии», т. е. государства с четкой доминантой латышскости. Цели эти должны были быть достигнуты путем предоставления латышам ведущей роли в экономике, политике и культуре страны, воспитанием народа в чисто национальном духе, укреплением национальной гордости и самосознания народа. Выдвигаемые национально-радикальные лозунги таили в себе опасность обострения национальных противоречий, ибо четверть населения Латвии составляли национальные меньшинства. Идеологи авторитаризма сознавали это и пытались снивелировать противоречия, утверждая, что национальная политика режима опирается на две взаимно увязанные идеи: «В Латвии солнце всех освещает» и «латышская Латвия». И хотя правительство не культивировало национальную вражду и антисемитизм, на практике все же преобладали преувеличенный латышский национализм, попытки элиминировать влияние меньшинств. Многие мероприятия, проводимые режимом, задевали интересы местных немцев, евреев и русских. Во «времена Улманиса»

произошло «огосударствление» хозяйства и в некоторой степени была урезана культурная автономия национальных меньшинств.

Важное место в авторитарной идеологии занимала идея единения народа. Особенно назойливо культивировалось представление о сплоченности латышского народа в достижении общих идей, без различий между буржуазией и рабочими, городом и деревней, старым и молодым поколением. Единство народа воспринималось как необходимое условие для достижения успехов в различных областях и как единственная гарантия свободы, благополучия и светлого будущего. Провозглашение принципа единства и сплоченности не мешало, однако, идеологам авторитаризма особенно выделять и прославлять именно крестьянство. По их мнению, латышский крестьянин был главной фигурой политической и хозяйственной жизни, образец для других слоев общества. Роль крестьянства в обществе преувеличивалась, сам крестьянин подвергался идеализации и мифологизации. Он был и главной опорой авторитарного государства, и гарантом национализма и «вечной Латвии».

Идея единения народа была тесно связана с идеей вождизма — антиподом парламентарной демократии, — которую К. Улманис воплощал в своих решениях почти как неограниченный диктатор. Официальная пропаганда пыталась представить его вождем, которого латышам послал сам Бог. В этой связи подчеркивались его крестьянское происхождение, талант и мудрость, воспевались такие качества его характера, как смелость, ответственность и готовность к самопожертвованию. Очень скоро восхваление переросло всякие рамки приличия и приобрело юмористический оттенок — вождя называли уже «величайшим государственным деятелем Европы», он же был «великим сеятелем» и «дважды гением». Поклонение Улманису сочеталось с некритичной и необъективной оценкой деятельности авторитарного правительства. Унифицированная пресса Латвии малейший успех обычно характеризовала следующим образом: «Мы стоя движемся вверх».

3. 6. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Проблема внешней безопасности в период парламентаризма

Международное признание пришло к Латвии в период (начало 20-х годов), когда в Европе «пробил час демократии», который и стал ориен-

тиром ее внешней политики. На международную арену Латвия вышла как государство, отстаивающее новое мирное урегулирование, зафиксированное в Парижских мирных договорах, как сторонник коллективной безопасности и принципа международного сотрудничества. Совместно с другими государствами Латвия укрепляла демократический потенциал в Европе, который был лучшей гарантией сохранения мира. Латвия не принадлежала к странам, которые бы сознательно вносили в международные отношения деструктивные элементы. Ее внешняя политика, обусловленная географическим положением, ее национальные и экономические интересы никогда не были направлены против интересов другой страны.

Перед Латвией, которая стала полноправным международным субъектом, открылись широкие возможности участия во всеобщем процессе сохранения мира, поддержки Лиги Наций и принципа судебного разбирательства в случае возникновения международных споров. Для внешнеполитической деятельности Латвии были характерны отмежевание от любых взаимных конфликтов других стран и сдержанность в установлении тесных контактов с державами, чьи интересы сталкивались в Балтийском регионе. Самостоятельная внешнеполитическая ориентация, проводимая министром иностранных дел З. А. Мейеровицем, предполагала всестороннее сотрудничество между странами Балтии с целью объединения сил для защиты своей независимости в случае возможных притязаний России, чтобы таким образом свести на нет ее желание проявить агрессивность. Первый руководитель внешней политики Латвии выступал за налаживание хороших отношений с Великобританией, Францией, Россией и Германией.

В зависимости от общей ситуации, в которой находилась Латвия, приоритетным становилось то или другое направление внешнеполитической деятельности. Если в первой половине 20-х годов во внешней политике Латвии доминировала «вертикальная линия», выражавшаяся в стремлении создать Балтийский союз, то после 1925 года ей на смену пришла «горизонтальная линия» — попытки найти *modus vivendi** с Германией и СССР, что должно было способствовать повышению безопасности Балтийских государств и улучшению международной ситуации во всей Восточной Европе.

В течение всего периода парламентаризма для Латвии важнейшей

---

* *Modus vivendi* (лат. — образ жизни) — состояние, которое дает возможность двум сторонам хотя бы на время установить нормальные мирные отношения, если невозможно долгосрочное соглашение.

была и оставалась проблема внешней безопасности. Объяснялось это геополитическим положением страны в регионе, где сталкивались интересы многих мировых держав, а также ограниченными возможностями государства в создании национальных вооруженных сил. В такой ситуации латвийским дипломатам приходилось действовать настойчиво, постоянно изыскивать дополнительные гарантии сохранения независимости государства. Поиски велись в разных направлениях и на разных уровнях с учетом геополитической ситуации, новых возможностей, возникших после Первой мировой войны, когда главным принципом международных отношений стал принцип коллективной безопасности и контролируемой власти. Вариантов в данной сфере было великое множество, так что перечисление только основных создает достаточно пеструю картину: стремление Латвии как можно прочнее занять место в системе суверенных государств, возникших после войны; обеспечение гарантий всеобщей безопасности; курс на создание «большого» и «малого» Балтийского союза; политика нейтралитета; зондирование возможностей нейтрализации стран Балтии; ориентация на внешнюю политику Великобритании и Франции как стран-сторонниц *status quo*; заключение с мировыми державами договоров о ненападении; поиски гарантий со стороны больших государств и отстаивание необходимости заключения регионального пакта безопасности.

Первые шаги Латвии в поисках гарантии безопасности были связаны с планами создания Балтийского союза. Однако усилия в этом направлении не принесли успеха. Подписанный 1 ноября 1923 года договор о создании оборонного союза между Латвией и Эстонией остался в 20-е годы фактически единственным реальным успехом в процессе создания чаемого Балтийского союза. На межгосударственные отношения в Восточной Европе оказывали влияние факторы, исключавшие возможность тесной кооперации на пространстве Балтии и создание «большого» (Латвия, Эстония, Польша, Финляндия, в начальных вариантах и Литва) или «малого» (Латвия, Литва, Эстония) Балтийского союза.

Главным препятствием на пути намеченного сотрудничества стал конфликт между Литвой и Польшей, который разразился в октябре 1920 года, когда поляки оккупировали Вильнюс. Противясь укреплению второй стороны, Польша не соглашалась на «малый», Литва — на «большой» Балтийский союз. Кроме того, оба государства не считали Балтийский союз гарантом всеобщей безопасности. С точки зрения Литвы и Польши, союз должен был стать средством укрепления именно их статуса в отношении Вильнюса. Конфликт между Литвой и Польшей парализовал создание общей системы безопасности Балтийских государств.

Сотрудничеству Балтийских стран в вопросе создания союза пыта-

лись помешать СССР и Германия, которые, как потенциальные претенденты на территории упомянутых государств, не были заинтересованы в установлении *status quo* в Восточной Европе. Однако возможности этих стран были не совсем равными. В 20-е — начале 30-х годов только СССР мог реально угрожать и завоевать Балтию. Германия в это время не являлась серьезным военным фактором — Версальский мирный договор почти полностью разоружил ее. В военном отношении она была третьесортной державой, которая не могла конкурировать даже с Польшей. И Берлину приходилось с этим считаться, проводя свою политику.

Неприятие Германией планов создания Балтийского союза было обусловлено избранной ею внешнеполитической тактикой и стратегией. Берлин был заинтересован, чтобы в будущем, когда Германия восстановит силы, сохранились все предпосылки для переустройства балтийского пространства. Руководители германской внешней политики прекрасно сознавали, что создание блока окраинных государств (так Германия именовала новые государства, возникшие в результате Первой мировой войны после отделения их от Российской империи) во главе с Польшей, находящегося под влиянием Англии и Франции, создаст серьезные препятствия для проведения ревизионистской политики в Восточной Европе. Чтобы этого не допустить, Берлин готов был идти на всесторонние контакты с СССР и даже не исключал возможности разработки общей стратегии.

Явно деструктивной была и политика СССР. Москва стремилась сдерживать образование Балтийского союза во главе с Варшавой, подогревала польско-литовский конфликт по вопросу о Вильнюсе, всячески старалась ослабить контакты малых стран Восточной Европы с западными державами и Лигой Наций, укрепить свое влияние, подписав с каждой отдельный договор. Не будет преувеличением сказать, что ощутимую поддержку в достижении этой цели СССР получал от Литвы, которая считала Польшу своим главным врагом, а СССР и Германию — союзниками. С точки зрения безопасности, основной принцип внешней политики Каунаса «Враги наших врагов — наши друзья» представлял угрозу для стран Балтии.

Многие разработанные в странах Восточной Европы проекты, предполагавшие укрепление безопасности в регионе за счет применения и к Восточной и Северной Европе выдвинутых и санкционированных Локкарнской конференцией (октябрь 1925 года) принципов неприкосновенности границ между Францией и Германией и Германией и Бельгией (гарантами выступали Великобритания и Италия), так и не были обнародованы. Среди этих проектов можно назвать сделанное в ноябре 1925 года генеральным секретарем Министерства иностранных дел Латвии Херманисом

Албатсом предложение о создании Восточного Локкарно с тем, чтобы Германия и СССР выступили общим гарантом безопасности Балтийских стран. Более широкий резонанс, чем проект Х. Албатса, получил план Балтийского Локкарно, представленный известным латышским социал-демократом Ф. Циеленсом (министр иностранных дел Латвии с декабря 1926-го по январь 1928 года), возможности выполнения которого, между прочим, автор плана в сентябре 1927 года широко обсуждал с министрами иностранных дел Германии, Франции и Великобритании — Густавом Штреземаном, Аристидом Брианом и Остином Чемберленом. Ф. Циеленс ратовал за заключение между Великобританией, Францией, Германией и СССР соглашения, которое должно было гарантировать Латвии, Эстонии, Финляндии и Литве нейтралитет и самостоятельность.

Что касается гарантий общей безопасности, которые получили Латвия и другие государства после вступления в Лигу Наций, то в 20-е годы делалось немало попыток дополнить и усовершенствовать их. Например, 2 октября 1924 года Ассамблея Лиги Наций приняла так называемый Женевский протокол («Большая Хартия мира»), в котором рассматривались проблема решения международных конфликтов мирным путем. Однако протокол не получил всеобщей поддержки и фактически остался «на бумаге». Тем не менее 26 сентября 1928 году вступил в силу Генеральный акт о мирном урегулировании конфликтов, обязывавший подвергать рассмотрению третейского суда все спорные вопросы, которые не могли быть улажены дипломатическим путем. К нему, к сожалению, присоединились лишь 23 государства.

Латвия принимала участие в проводимой Лигой Наций Конференции по разоружению, которая начала работу в 1932 году, в других ее организациях. Однако уже в 20-е годы стало ясно, что из-за недостатка универсальности Лиги Наций (США отказались в нее войти, долгое время вне ее находились Германия и СССР) она не в состоянии исполнить предназначенную ей роль в урегулировании международных отношений, что явилось одним из симптомов слабости Версальской системы. Лига Наций не оправдала возложенные на нее надежды — ни как высшая арбитражная инстанция, ни как гарант мира. Ей не удалось ощутимо снизить роль силового фактора в международных отношениях. На уровне идей остался замысел создателя Лиги Наций Вудро Вильсона относительно перехода от традиционной для стран политики силы на качественно новую ступень — сотрудничество всех стран по укреплению мира. Международную безопасность в Европе в 20-е годы некоторое время гарантировала кажущаяся гегемония Франции, слабость Германии и неучастие СССР в европейской политике. Но все эти факторы были изменчивы, непостоянны.

Латвия была и в числе тех 63 стран, которые 27 августа 1928 года присоединились к Парижскому пакту об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, в разработке которого Лига Наций непосредственно не участвовала. В Статье 1 Пакта страны-участницы осудили войну как средство решения международных конфликтов и отказались от войны как от средства национальной политики. Статья 2 Пакта говорила о том, что все конфликты надо решать мирным путем. Однако роль пакта в международных отношениях была не очень значимой, ибо он не содержал дефиниции агрессора и не называл организацию, контролирующую исполнение предусмотренных пактом обязательств. Позднейшие события доказали, что Лига Наций оказалась не в состоянии заставить «непослушную» страну-участницу соблюдать принятые обязательства.

Парижский пакт вступил в силу 24 июля 1929 года. Однако по предложению советской стороны СССР, Латвия, Эстония, Польша и Румыния еще в феврале подписали так называемый Московский протокол, предполагавший, что в отношениях между этими государствами Парижский пакт начинает действовать досрочно. Несомненно, этот протокол, а также заключенные в 1932 году договоры о ненападении между СССР и Польшей, Латвией, Эстонией и Финляндией на некоторое время как бы стабилизировали ситуацию в Восточной Европе. Следует только отметить, что в 1939 и 1940 годах СССР нарушил все договоренности и содержащиеся в них принципы о неприменении силы во взаимоотношениях между государствами.

Дополнением к Парижскому пакту стала заключенная по инициативе СССР 3 июля 1933 года Лондонская конвенция «Об определении агрессии», которую подписали Латвия, Эстония, Польша, СССР, Румыния, Турция, Персия (Иран) и Афганистан. В 1934 году к конвенции присоединилась Финляндия. Агрессором было названо любое государство, которое первым объявит войну другому государству, или совершит вооруженное нападение на чужую территорию с объявлением или без объявления войны, или осуществляет морскую блокаду, или окажет поддержку образованным на его территории вооруженным бандам, вторгшимся на территорию другого государства. Конвенция также определила, что никакие политические, экономические или другого характера обоснования не могут служить оправданием для агрессии.

Независимость Латвии и остальных европейских государств могла быть полностью обеспечена международными договорами начала 30-х годов, если бы существовала уверенность в том, что они будут соблюдаться. Однако уверенности не было, и хотя были достигнуты общие гарантии, Латвия постоянно чувствовала себя под угрозой, поскольку ее международная

безопасность не была «перестрахована». В 20-е — начале 30-х годов Латвии не удалось добиться ни создания многостороннего союза, ни подписать договоры, предусматривающие гарантии со стороны крупных держав. Как и прочие страны Восточной Европы, она не смогла разрешить наиболее актуальную для региона проблему безопасности и заполнить образовавшийся в результате геополитического разгрома двух империй — Германской и Российской — «вакуум власти». Молодые государства не сумели воспользоваться благоприятной ситуацией, дававшей им преимущество перед странами, от которых исходила главная потенциальная угроза, — сильно ослабленными после Первой мировой войны СССР и Германией.

В ситуации, когда безопасность Латвии не была достаточно «обеспечена», гарантией в первую очередь служило условное равновесие сил между большими странами (Россией, Германией и Польшей). Свою роль, безусловно, играли Великобритания и Франция, как страны, стоящие на позициях *status quo*, хотя их заинтересованность в укреплении независимости Латвии и других стран Восточной Европы была отнюдь не столь большой, как нередко считали латвийские руководители внешней политики. Стабильность Балтийских государств (в особенности в отношениях с Россией) находилась также в зависимости от экономических интересов Веймарской Республики и противоречий между Германией и Польшей.

Основные направления внешнеполитической деятельности в первые годы авторитаризма

В первой половине 30-х годов на общую ситуацию в Латвии начали влиять новые факторы (приход к власти в Германии нацистов, «соглашение» Польши с Германией, активность СССР), что ускорило формирование союза трех Балтийских государств. 12 сентября 1934 года в Женеве был подписан договор между Латвией, Литвой и Эстонией, который предполагал внешнеполитическое сотрудничество и дипломатическую поддержку в международных вопросах (не реже двух раз в год должна была созываться конференция министров иностранных дел этих стран). В статье 5 договора была зафиксирована необходимость установления более тесных дипломатических контактов между консульствами и дипломатическими представительствами Латвии, Литвы и Эстонии за границей. Специально было оговорено, что «специфические проблемы» Литвы являются исключением и к ним не относятся предполагаемые сотрудничество и дипломатическая поддержка. Конфиденциальный протокол, подписанный одновременно с договором, конкретизировавшим позиции всех трех сторон, «специфические проблемы» ограничил проблемой Вильнюса.

Созданная в первый год авторитарного режима Балтийская Антанта (Договор о взаимопонимании и сотрудничестве между Латвией, Литвой и Эстонией) была важным событием во внешней политике Латвии — произошла институционализация внешнеполитического сотрудничества на балтийском пространстве. Потенциально Балтийская Антанта могла иметь большее значение, если бы удалось преодолеть ее «внутреннюю слабость», вызванную «специфическими проблемами» Литвы. Идеальным вариантом в данной ситуации могло стать достижение примирения между Польшей и Литвой до или сразу же после подписания договора о взаимопонимании и сотрудничестве Балтийских государств. В этом случае значительно возросли бы возможности усовершенствования Балтийской Антанты: она могла быть расширена или перерасти в военный союз. Однако на практике Балтийская Антанта не стала подлинным фактором стабильности и безопасности в Балтийском регионе, поскольку не сформировалась в серьезную силу, с которой вынуждены были бы считаться крупнейшие государства. И потому она не имела серьезного значения в укреплении безопасности Балтийских стран.

Латвийское внешнеполитическое руководство, наряду с созданием Балтийской Антанты как возможного средства укрепления безопасности в условиях обострившихся отношений между СССР и Германией, не исключало и выдвинутый в июле 1934 года Францией и СССР проект Восточного пакта, состоявший из трех частей: договора о региональной взаимопомощи, договора о взаимопомощи между Францией и СССР, а также всеобщего акта. В договоре о региональной взаимопомощи должны были участвовать СССР, Германия, Польша, Чехословакия, Финляндия и Балтийские страны, которые взаимно гарантировали бы неприкосновенность границ и оказывали помощь тем участникам соглашения, которые становились жертвой неспровоцированной агрессии. Согласно условиям российско-французского договора, Франция должна была стать гарантом Восточного пакта, а СССР — Локкарнского договора. Всеобщий акт предполагал вступление СССР в Лигу наций, а также оговаривал другие обязанности и права заключивших договор сторон по отношению к этой организации.

Восточный пакт отвечал прежде всего интересам Франции и России, но в целом он был приемлем и для Латвии, ибо содержал идею гарантии *status quo* в Балтийском регионе. 16 июля 1934 года Министерство иностранных дел направило инструкцию своим послам, из которой следовало, что Латвия в пакте заинтересована, при условии, что его подпишут все названные в нем государства. Посол Латвии в СССР Алфред Билманис был уполномочен предложить министру иностранных дел Эстонии

Ю. Сельмаа (Сильямаа), который в это время находился в Москве, дать общий положительный ответ на предложение советской стороны о заключении Восточного пакта. Ю.Сельмаа согласился, и 29 июля оба дипломата заявили народному комиссару иностранных дел СССР М. Литвинову, что Латвия и Эстония доброжелательно относятся к идее пакта «Восточно-европейской региональной взаимопомощи».

Параллельно с Восточным пактом, который из-за негативного отношения к нему со стороны Германии и Польши постепенно был предан забвению, в качестве другого возможного противовеса, который мог бы уменьшить опасность враждебных независимости Латвии тенденций со стороны крупных держав (немецкий и русский экспансионизм), в дипломатических кругах рассматривалась возможность перманентной нейтрализации Балтийских стран. Но все это осталось на уровне идей, не было предпринято никаких внешнеполитических акций, чтобы попытаться осуществить данный вариант. Латвия в общих вопросах продолжала занимать традиционно нейтральную позицию в отношении Германии и СССР, которая нередко именовалась политикой качелей или воспринималась как колебательное движение между Востоком и Западом. Следует сказать, правда, что эта относительно нейтральная политика не всегда была сбалансированной в отношении обеих сторон. Летом 1935 года в рамках нейтральной политики наметился условный поворот в сторону Москвы, который продолжался примерно до весны 1938 года, когда на политической сцене возникла Великая Германия. Осенью того же года под влиянием итогов Мюнхенской конференции (Германия получает Судеты и укрепляет свои позиции в Центральной Европе) политика Латвии становится скорее пронемецкой, чем просоветской.

В середине и во второй половине 30-х годов новое качество приобрело и участие Латвии в Лиге Наций. В октябре 1936 года представитель Латвии (министр иностранных дел Вилхелмс Мунтерс) на три года был избран непостоянным членом Совета Лиги Наций. Безусловно, его избранию способствовал и возросший авторитет Балтийских стран на мировой арене после создания совместного внешнеполитического альянса. Несомненно, свою роль сыграли и латвийские дипломаты — их энергичные действия и верно избранная тактика. К. Улманис избрание Латвии в Совет Лиги Наций на заседании Кабинета министров 13 октября 1936 года оценил следующим образом: «Это событие — прежде всего демонстрация доверия нашей внешнеполитической линии и признание нашей тактики. Хочу отметить, что все более серьезное место в этой политике и тактике отводится Антанте Балтийских стран».

К началу деятельности В. Мунтерса в Совете Лиги Наций организация эта переживала глубокий кризис, близился ее закат. Латвия и многие другие малые страны Европы уже утратили веру во всемогущество Лиги Наций и эффективность ее деятельности. Авторитет организации подорвал также провал идеи разоружения, неспособность ее предотвратить акты агрессии и войны, отмена санкций против Италии и другие решения. Все более явным становилось бессилие Лиги Наций в борьбе за мир, ее слабое противостояние тенденциям нарастающей угрозы стабильности, которые вытекали из сложившейся политической ситуации во второй половине 30-х годов.

Резкий поворот Латвии в ее отношении к Лиге Наций наметился в сентябре 1938 года, когда она отказалась принять предложенные этой организацией принципы коллективной безопасности (В. Мунтерс заявил, что для Латвии больше не является обязательным изложенное в статье 16) и таким образом провозгласила смену курса с относительного на абсолютный нейтралитет. Это было неадекватное, ошибочное решение, которое не повысило шансы Латвии на сохранение государственной независимости в условиях стремительно меняющейся международной ситуации. Латвия сама девальвировала один из своих главных элементов внешней политики — сотрудничество с Лигой Наций. Статья 16 была единственной гарантией, на которую можно было сослаться в случае агрессии со стороны иностранной державы. Переход же на абсолютный нейтралитет оказался для Латвии лишь фикцией безопасности. Нейтралитет не имел под собой оснований, так как Латвия не могла добиться того, чтобы и другие страны уважали и соблюдали ее нейтралитет.

Роковые годы: 1939 и 1940

Весной 1939 года в политике великих держав наметились тенденции, представлявшие явную опасность для Балтийских государств и продемонстрировавшие ненадежность их геополитического положения. Установка Германии на решение «польской проблемы» военными средствами, проявленное в этом вопросе равнодушие со стороны России, неспособность Великобритании оказать эффективную поддержку Польше и Балтийским странам — все это способствовало возникновению ситуации, при которой могли реально воплотиться агрессивные цели СССР и Германии в отношении стран Балтии. Какую бы политику ни избрали Латвия, Литва и Эстония, надеяться на сохранение суверенитета в полном объеме им было трудно.

Латвия, которая выступала за продолжение нейтральной политики, 7 июня 1939 года подписала с Германией договор о ненападении. И

хотя внешнеполитическое руководство Латвии с 1934 года придавало особое значение заключению такого договора, ибо считало его важнейшим элементом сохранения безопасности в Восточной Европе, в данном случае речь шла скорее об инициативе Берлина и способности германской дипломатии использовать стремления Латвии в своих интересах. Германия хотела добиться, чтобы Латвия отказалась от гарантий англичан, французов и русских и сконцентрировала бы все внимание на организации обороны от возможной агрессии со стороны СССР.

Вопрос о гарантиях безопасности Балтийских государств обсуждался на переговорах между СССР, Великобританией и Францией, которые начались весной 1939 года. Латвия отвергла возможные гарантии трех держав в выдвинутом Москвой варианте, который предполагал оказание помощи пострадавшей от агрессии стране без ее согласия и включал даже формулу так называемой непрямой агрессии, которая давала бы возможность СССР в любое время вмешаться во внутренние дела государства, пользующегося гарантией. Внешнеполитическое руководство Латвии вполне обоснованно посчитало подобные гарантии предложением для запланированной СССР оккупации стран Балтии. Министр иностранных дел В. Мунтерс был убежден, что Латвия может принять от СССР, Великобритании, Франции и Германии только гарантии нейтралитета. Однако добиться таких гарантий было нереально.

Судьба Латвии была решена во время переговоров СССР и Германии, которые завершились 23 августа 1939 года подписанием Договора о ненападении и секретного дополнительного протокола (пакт Молотова-Риббентропа). Первая статья секретного протокола гласила, что Латвия, как и Эстония и Финляндия, «передаются» СССР: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР». Вторая статья протокола фиксировала разделение Польши в границах сфер интересов Германии и СССР, а также возможной утраты ею государственности: «Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития».

Договор от 23 августа явился противоправной и циничной сделкой, соглашением за счет третьих стран. Принятием этого пакта, санкционировавшего агрессию, завоевательную войну против третьей страны, СССР и Германия нарушили подписанный в 1928 году Парижский пакт об отказе от войны, а также многие подписанные ими двусторонние договоры. Дого-

вор о ненападении между Германией и СССР стал прелюдией начала Второй мировой войны. Это был пакт войны, дележа и уничтожения.

В условиях, когда 1 сентября 1939 года Германия начала войну в Европе и совместно с СССР ликвидировала Польшу как независимое государство, изменилось и место Латвии в системе международных отношений Восточной Европы — возникли трудности в проведении ориентированной на нейтралитет внешнеполитической линии. Уменьшились и возможности дипломатического маневра. Фактически Латвия оказалась в безвыходном положении, потеря независимости была уже только вопросом времени.

В исключительно сложной международной ситуации внешнеполитическое руководство страны пыталось, правда, безуспешно, решать возникшие проблемы. В его распоряжении оказалась информация о содержании секретного протокола к Германско-советскому договору о ненападении от 23 августа, и в целом оно осознавало всю серьезность возникшей ситуации, хотя по-прежнему не освободилось от иллюзий и недостаточно интенсивно искало возможности сохранения независимости страны. Во внешнеполитическом курсе Латвии стала появляться уступчивость давлению со стороны СССР. Выбор в пользу такой политики был сделан в начале октября 1939 года, когда СССР сосредоточил войска у границ стран Балтии, и Латвии угрожало незамедлительное вторжение советских войск.

Разгром Польши создал необходимые предпосылки для постепенного осуществления агрессивных замыслов СССР в отношении Балтийских государств и оккупации региона. Первым шагом Москвы в этом направлении было навязывание договоров о взаимопомощи Эстонии, Латвии и Литве (Литва была включена в сферу интересов СССР 28 сентября 1939 года), которые предполагали размещение советских военных баз на территории этих стран. Во время переговоров с министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом в конце сентября 1939 года в связи подписанием Договора о дружбе и границах между СССР и Германией, И. Сталин сказал, что Эстония уже согласилась подписать Пакт о взаимопомощи, а если Латвия будет сопротивляться, «Красная Армия расправится с ней в самое кратчайшее время». Немецкая сторона настаивала на постепенном решении «балтийского вопроса», без сиюминутной оккупации. Сталин обещал Риббентропу, что внедрение в Балтию будет происходить постепенно, Латвии, Литве и Эстонии временно будет оставлена независимость, что не исключало возможности «вхождения» в будущем этих стран в состав СССР.

Свою агрессивную позицию, намерение не соблюдать нормы международного права и применить силу московская сторона подтвердила пред-

ставителям Латвии и на Московских переговорах о заключении договора о взаимопомощи. 3 октября 1939 года В. Мунтерс сообщал правительству: Сталин сказал, что «из-за немцев мы можем вас оккупировать», а также с угрозой указал на возможность забрать у Латвии «территорию с русским меньшинством». Правительство Латвии решило капитулировать и согласиться с требованиями СССР, впуслав его войска на свою территорию. Уступка Советскому Союзу была воспринята, как «насильственный акт». Решение о вооруженном сопротивлении не было принято в интересах сохранения живого потенциала народа. Правительство Латвии планировало смириться с ограничением суверенитета лишь до конца войны.

28 сентября 1939 года Эстония, а 5 и 10 октября Латвия и Литва подписали навязанные им пакты о взаимопомощи, которые должны были помочь Москве уничтожить Балтийские страны. В соответствии с этими договорами СССР вводил на территорию Балтийских стран определенный контингент войск, создавал сухопутные, воздушные и военно-морские базы. Эти договоры были началом утраты независимости и прелюдией июньских событий 1940 года. Советский Союз, ассистируя Германии, ампутировал суверенитет Балтийских государств не только *de iure*, но и *de facto*. До полной оккупации они по существу стали протекторатами СССР. В этом смысле ничего не изменило и подчеркнутое в договорах «признание государственной независимости» или «невмешательство в дела противной стороны», а также ссылка на мирные договоры 1920 года или договоры о ненападении.

В ситуации, когда Балтийские государства фактически оказались под властью СССР, Берлин торопился спасти балтийских немцев. 28 сентября 1939 года с Москвой был подписан специальный протокол о переселении, который обеспечил беспрепятственный отъезд немцев из Эстонии и Латвии. Последние подготовительные работы перед этой акцией на межгосударственном уровне завершились 30 октября, когда Германия заключила соответствующий договор и с Латвией. Это послужило юридической основой отъезда балтийских немцев, который должен был завершиться в середине декабря. Латвию покинула «группа населения», которая проделала здесь огромную культурную работу. Политика правительства К. Улманиса, способствовавшая скоропалительному переселению немцев, не может быть оправдана. После совершенного в мае 1940 года нападения Германии на Францию, Голландию и Бельгию, СССР, воспользовавшись благоприятной для себя ситуацией, активизировало подготовку к окончательной оккупации Балтийских стран.

На сей раз первой жертвой пала Литва. Москва, чтобы создать повод для своего агрессивного плана, выдвинула Литовскому правительству

надуманное обвинение: якобы в плен были взяты советские солдаты (один даже был убит), чтобы выведать у них военную тайну. Нагнетая искусственный конфликт с Литвой, СССР в ночь на 15 июня 1940 года выдвинул Литве ультиматум, в котором потребовал сформировать новое правительство, способное «честно выполнять» подписанный 10 октября 1939 года пакт о взаимопомощи и позволило бы ввести дополнительные советские военные части. Литовское правительство было вынуждено принять ультиматум без возражений, не оказав сопротивления. Определенной формой протеста, правда, можно считать решение литовского президента Антанаса Сметоны, принятое 15 июня, отправиться в ссылку и своим присутствием в Литве не облегчать оккупантам их действия.

15 июня 1940 года советские военные отряды напали на латвийских пограничников в деревне Масленки, что задумано было то ли как провокация, чтобы иметь повод для дальнейшей оккупации, то ли как предупреждение Латвийскому правительству в сталинском духе — не вздумайте сопротивляться. 16 июня народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Молотов зачитал латвийскому посланнику Фрицису Коциньшу одиозный и лживый ультиматум своего руководства, в котором звучало требование отставки правительства и обеспечения свободного пропуска на территорию Латвии советских воинских частей. Вечером 16 июня правительство К. Улманиса, под угрозой силового давления, ультиматум приняло и подало в отставку. Кабинет отверг военное сопротивление, поскольку считал, что это только вызовет кровопролитие, но Латвийское государство не спасет. Правительство К. Улманиса не рискнуло даже на символическое военное сопротивление, не рискнуло выразить Москве даже дипломатический протест, что, безусловно, явилось трудно объяснимой политической близорукостью. К тому же посол Латвии в Лондоне Карлис Зариныш не получил никаких конкретных инструкций о приведении в действие врученных ему 17 мая 1940 года чрезвычайных полномочий, что позволило бы ему политически и дипломатически эффективно продолжать борьбу за Латвию.

3. 7. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

С 1915 года — с катастрофического для царской России года Первой мировой войны — на территории Латвии непрерывно, вплоть до конца января 1920 года, шла война: сначала отступала царская армия и наступала немецкая; конец 1918 года и 1919 год — наоборот, отступала немецкая армия и наступала армия Советской России, потом, летом и осенью 1919 года,

принесшие самые страшные разрушения, — банды Бермондта. Затем начались военные действия в Латгалии. Когда 1 февраля 1920 года затихли бои в Латгалии, Латвия была окончательно разорена, ничто уже не напоминало последний мирный год — 1914, когда она была третьим, вслед за Петербургом и Москвой, наиболее развитым экономическим районом России и особо выделялась качеством производимой продукции, изобретениями и оборотом капитала в пределах одного предприятия. Весь или почти весь блеск минувшего исчез. Первоклассная индустрия претерпела не только физические потери во время варварской эвакуации*, она лишилась и трех главных предпосылок былой славы: промышленность утратила явно выраженный всероссийский характер, что в свое время обеспечивало ей широкий рынок сбыта на территории империи; экономика Латвии перестала быть частью мировой экономики с широкими международными связями, конкуренцией, что способствовало выпуску высококачественной продукции; доминирующим на территории Латвии было фабрично-заводское производство и совсем небольшую роль играли мелкие производители.

И вот теперь для независимой Латвии российский рынок был практически закрыт — там царил коммунизм и нарастала автаркия. В мировой рынок приходилось интегрироваться с огромными трудностями и совершенно с другим видом продукции — с аграрной продукцией. Крупные предприятия были вывезены в Россию и уничтожены в хаосе революции и войны; только 50 небольших предприятий из более чем 500 вывезенных были возвращены в Латвию. В Европе многие государства столкнулись со сложными проблемами перехода от аграрного общества к индустриальному. Латвии же пришлось решать проблемы противоположного характера: как обеспечить успешное функционирование народного хозяйства — особенно в первые годы независимости — при полностью разрушенном индустриальном секторе. Неблагоприятные изменения произошли в социальной структуре страны — до 1914 года Латвия стремительно двигалась по пути модернизации — от аграрного общества к индустриальному: в промышленности, в торговле, в других неаграрных секторах экономики было занято 31,3% населения (по России в целом только 17%), в сельском хозяйстве — 58,9%

---

* Было вывезено (фактически разграблено) все, что имело хоть какую-то ценность, не только оборудование, которое якобы могло способствовать росту военной мощи кайзеровской Германии. Вывозилось все — начиная от культурных ценностей, не имевших ни малейшего военного значения (например, библиотека Политехнического института), до уникальных аппаратов Ильгюциемской пивоварни.

(конечно, и это очень высокий показатель — почти как в Италии, самой аграрной стране, Западной Европы — 56%). Сейчас же, в 1920 году, молодое государство было абсолютно аграрным — и в экономике, и по социальной структуре. Хаос царил и в финансовой системе. Молодому государству надо было решать огромные и тяжелейшие задачи в области экономики.

Аграрная политика государства

Для любой страны, сельское население которой составляло бы 60%, причем 60% из которых — безземельные или малоземельные крестьяне, как это было в Латвии в 1920 году, важнейшим был бы аграрный вопрос, однако в Латвии — как почти нигде — он осложнялся и многими другими проблемами. Конечно, вопрос этот носил экономический и социальный характер — это безусловно, но то в то же время и политический, и национальный, тут же существовала историческая и даже психологическая проблема, и от своевременного и быстрого решения всей совокупности проблем зависела судьба молодого государства. С точки зрения экономической было ясно, что огромные помещичьи владения — латифундии (около 50% сельскохозяйственных угодий) — полный анахронизм; еще до Первой мировой войны во многих районах Латвии: под Ригой, Крустпилсом, в меньшей мере под Вентспилсом, более явно под Добеле и Бауской латышские крестьянские хозяйства, в сотни раз меньшие, чем поместья, опережали их по хозяйственной эффективности — латышский крестьянин работал больше и качественнее. За годы войны разрушение и запустение имений (правда, не всегда по вине самих помещиков — многих балтийских немцев царское правительство выслало из Латвии, усмотрев в них «пятую колонну» Германии), зашло слишком далеко — к 1920 году около 50% имений было заброшено, многие помещики бежали вместе с Бермондтом, посвятив себя проигранному «белому делу». Однако именно неотложность политического аспекта оказала влияние на ход аграрной реформы, и гораздо большее, чем допустимо вообще влияние политики на экономику. Латвийским политикам с самого начала, еще до бермонтиады, было ясно, что землю надо распределить среди безземельных — огромное их количество грозило социальным взрывом, безземельные были почвой, на которой могли прорасти ростки коммунизма, ситуация была чревата аграрными бунтами, которые сотрясали, например, Италию после Первой мировой войны. Но бермонтиада фактически решила и другой вопрос: землю надо отдать бесплатно! Ненависть Бермондта и его сторонников к латышам была столь ужасающей, поистине расистской, что одна только мысль о том, что земля будет сохранена за помещиками и крестьянам придется ее выкупать — платить врагу, против которого они недавно вое-

вали буквально босиком, одержимые национальным патриотизмом, — была нереальной. И первыми это поняли социал-демократы. Уже в октябре 1919 года, в пылу боев с Бермондтом, они выдвинули очень популярный лозунг — землю бесплатно! Этот лозунг принес им успех на выборах в Учредительное собрание в апреле 1920 года и еще больший успех при избрании землеустроительных комитетов в 1921 году — тогда социал-демократы и их сторонники получили 80% голосов.

Сформированная Учредительным собранием в 1920 году комиссия по разработке аграрной реформы была самой многочисленной в парламенте — 40 депутатов. Это отражало судьбоносность аграрного вопроса, в решении которого ЛСДРП проявляла большую активность. В первый же день работы комиссии аграрный вопрос рассматривался не столько как категория экономическая, сколько как национально-политическая или даже исторически-мифологическая: семьсот лет назад черный рыцарь отнял у нас землю, теперь мы должны возратить ее, и историческая справедливость восторжествует. Наиболее ярким выражением царившей в парламенте атмосферы стала речь депутата ЛСДРП Николая Калныньша в 1922 году, которая длилась пять с половиной часов (!) — безусловно, самая длинная речь в истории латвийского парламентаризма. В своем выступлении он обосновал необходимость отчуждения помещичьих земель и обрисовал национально-романтическое будущее Латвии (фактически большую часть выступления написал Арвед Швабе, в то время социал-демократ). Умеренная позиция ЛКС и К. Улманиса, настаивавших на выкупе земли, — прагматичная позиция и капиталистический подход, — поддержки не получила, и 14 апреля 1924 года Сейм постановил отчуждать землю у помещиков (им оставлялось по 50 га) без компенсации и распределять ее между безземельными безвозмездно (формально плата существовала, но она была мизерной). Это было осознанное и объяснимое политическое желание удовлетворить, насколько возможно, самые широкие безземельные массы — всех, кто еще год назад приветствовал Стучку, и таким образом привлечь их на сторону независимой Латвии. Это была также серьезная победа так называемой исторической справедливости, которая создала и большие экономические проблемы — экономике чужды такие понятия, как «черный рыцарь», власть которого «свергнута на века», и «историческая справедливость», которая восторжествовала.

Три тяжелейших и сложнейших экономических проблемы возникли незамедлительно, и ни одна из них так и не была решена вплоть до 1940 года. Во-первых, соотношение между количеством земли и количеством желающих ее получить. Очень скоро выяснится, что желающих получить землю бесплатно гораздо больше, чем земли, имеющейся в наличии. Вто-

рая проблема — экономическая эффективность: чем больше желающих, тем меньше наделы им достанутся и тем сложнее хозяйствовать и получать прибыль, не говоря уже об использовании современной техники. И третья наиболее драматичная проблема, драматизм которой еще усугубится в 30-е годы и которая так и не найдет решения, — проблема рабочей силы: если все или почти все, кто получит землю, станут «господами», кто останется батраком? Распыление рабочей силы по мелким хозяйствам обострило вопрос: кто будет работать в эффективных хозяйствах, потребность которых в рабочей силе будет только возрастать?

Аграрная реформа длилась 17 лет — с 1920 по 1937 год и результаты ее — и экономические, и социальные — были впечатляющими, но зачастую и чрезвычайно противоречивыми. И хотя государственный земельный фонд, т.е. распределяемый земельный фонд, был огромным — включал в себя земли 1479 национализированных имений, земли 171 пастората и 294 фольварков, а также 1 149 913 га лесов, принадлежавших имениям и рыцарскому сословию, что составляло 40,5% государственного земельного фонда, — земельные площади таяли на глазах при росте желающих получить землю и при условии, что Латвийское государство с первых же дней своего существования заявило, что и ему должна принадлежать солидная собственность и что в национальном государстве хозяином должно быть государство. Это негибкое антилиберальное желание, которое государство с непреклонным упорством претворяло в жизнь все двадцать лет своего существования, переросло в желание сохранить в своей собственности абсолютную часть лесов (государству с конечным счете принадлежало 84% лесов, что позволило ему диктовать условия в таких важных отраслях, как лесное хозяйство, деревообработка и заготовка дров) и значительно уменьшило объемы раздаваемой бесплатно земли. И хотя было оговорено, что новые хозяйства должны иметь не менее 10 га (но не более 22), что само по себе очень немного, но даже и тут земли не хватило: начиная с 1934 года наделы уже стали меньше 10 га, но самая неблагоприятная ситуация сложилась в Латгалии, бедной и без того, — более 50% новых хозяйств имели менее 10 га, что, учитывая низкую плодородность местных земель, не позволяло развивать хозяйства на современной основе. И хотя трудолюбие и решимость новохозяев заслуживали всяческого восхищения, небольшие площади и хроническая нехватка средств сказывались на экономических результатах.

Экстенсивно, как и можно было ожидать при возникновении десятков тысяч новохозяйств, сельское хозяйство развивалось стремительно и успешно: уже в 1923 году посевные площади превысили довоенный уровень, и по росту пахотных земель Латвия занимала третье место в

Европе, вслед за Данией и Литвой (это, безусловно, не означало, что сельское хозяйство Латвии в целом, не говоря о Литве, было на уровне Дании). Быстро развивалось животноводство. Довоенного уровня — 1913 года — Латвия достигла уже в 1929 году; это был огромный успех, учитывая разруху, оставленную войной, однако по количеству произведенной на душу населения сельскохозяйственной продукции она далеко отставала от развитых европейских стран (хотя и опережала соседей — Литву и Польшу). Площади, занятые рожью и льном, не достигли довоенного уровня; всего 2% заболоченных земель было мелиорировано; основными поставщиками зерна по-прежнему оставались старые хозяйства, а новые хозяева больше закупали зерна, чем продавали. Тяжелым бременем давили налоги. В 1930 году, еще до того, как Латвию задел экономический кризис, крестьяне были должны финансовым учреждениям 277,3 миллиона латов — это была огромная сумма, и многие хозяйства пошли с молотка. Нехватка рабочей силы на селе ощущалась еще в первой половине 20-х годов, и в 1925 году К. Улманис предложил — на время, как думал он тогда, — ввезти сельскохозяйственных рабочих из Литвы; через пару лет оказалось, что и этого мало, — успешные хозяйства развивались стремительно, потребность в рабочей силе возрастала, сельскохозяйственные же рабочие были распылены по небольшим новым хозяйствам. В 1928 году начали прибывать сельскохозяйственные рабочие из Восточной Польши, и поток уже было не остановить. В конце 30-х годов иностранных сельскохозяйственных рабочих насчитывалось около 40 000, что стало причиной драматической ситуации: что случится, если поток иссякнет, кто будет работать? Выход Улманис начнет искать накануне оккупации, задумав вторую, крайне радикальную аграрную реформу, осуществить которую не успеет.

И хотя в ходе экономической реформы были достигнуты огромные успехи, не обошлось и без серьезных проблем (в 1935 году сельское население в Латвии составляло 62%, однако доля сельского хозяйства составляла всего 35% национального дохода — эффективность его была почти вдвое ниже, чем в промышленном и торговом секторе), однако политические и социальные успехи были налицо. Реформа разительно изменила социальный облик села — в 1920 году безземельные составляли 61,2% сельских жителей, в 1935–1937 годах, когда реформа завершилась, их было уже всего 18%. Как бы ни была трудна жизнь, 54 436 вновь созданных хозяйств (владевших в среднем 17 га земли) были гордостью Латвии, и новохозяева были патриотами своей страны; коммунисты в деревне почти исчезли, исключением были некоторые наиболее отсталые, глухие районы Латгалии. Аграрная реформа в Латвии по своей радикальности уступала в Европе лишь еще более радикальной в Эстонии. За

Латвией следовала Литва, которая вначале оставила владельцам по 80 га земли, впоследствии увеличив этот минимум до 150 га, и оказалось, что даже такие наделы, сравнительно небольшие, в социальном и политическом плане велики — число безземельных в Литве не только не снизилось, но, наоборот, возросло — в 1919 году их было 57 485, а в 1940 — уже 80 000. Вместе с огромным количеством малоземельных крестьян они образовали в стране очаг беспокойства, которое в 1935 году вылилось в открытые крестьянские бунты, в столкновения с полицией, были жертвы и раненые. В Латвии никогда ничего подобного не происходило, однако проблема нехватки рабочей силы вынудила Улманиса в 1939 году задуматься над еще более радикальным переустройством сельского хозяйства — столь радикальным, что он не осмелился сообщить об этом даже своему Кабинету министров. Он решил осуществить вторую аграрную реформу, в ходе которой была бы распределена уже не земля помещиков, а сильных крестьянских хозяйств: тех, которые постоянно испытывали нехватку в рабочей силе. В будущем должны были остаться только небольшие хозяйства, которые не нуждались бы в наемных рабочих. До подобного, — что означало сломать хребет сельскому хозяйству Латвии, — не додумались даже социал-демократы. От воплощения в жизнь этой авантюры, которая вызвала бы самое радикальное сопротивление зажиточных крестьян и айзсаргов (и могло бы стоить Улманису потери власти), его остановила только еще большая катастрофа — гибель государства в июне 1940 года.

Промышленность и финансы

В 1920 году только огромные пустые заводские корпуса напоминали о минувшей индустриальной славе Латвии. Более 550 промышленных предприятий было эвакуировано в глубь России в 1915–1916 годах; всего 10 процентов предприятий, причем самых мелких, вернулось обратно после заключения с Россией 11 августа 1920 года мирного договора. Крупнейшие из них — гордость не только Латвии, но и всей Европы — канули в лету на российских просторах. Казалось, невозможно будет восстановить то, чем Латвия гордилась до войны, — современную, высокопроизводительную инновационную промышленность (здесь был начат серийный выпуск первого российского автомобиля), в которой были заняты образованные и исполненные профессионального достоинства латышские рабочие. В 1913 году в Латвии насчитывалось 1032 предприятия, где трудилось более 100 000 рабочих, в 1920 году число предприятий увеличилось до 1430, однако занято на них было всего 21 000 человек, и то, что теперь называлось «предприятием», в 1913 году назвали бы мелкой мастерской:

пятеро рабочих без механического двигателя или один (*sic!*) рабочий с механическим двигателем — этого было достаточно, чтобы войти в разряд предприятий. Но сколь бы драматичным ни было начало возрождения латвийской промышленности, потерявшей крупные предприятия и обширный российский рынок сбыта, вынужденной довольствоваться скромными инвестициями местного капитала, именно промышленность в первые же годы независимости доказала способность возрождаться, развиваться и приспособливаться к новым рыночным условиям.

Радикально в течение первых десяти лет — до 1930 года — изменилась структура промышленности. Современное машиностроение уступило место деревообделочной промышленности, предприятия которой развивались успешней, чем остальные: на них было занято наибольшее количество рабочих; она поставляла 80% физического объема экспорта, однако лишь 12,3% его стоимости; это означало, что продукция — в основном, фанера и доски — имела очень низкую добавленную стоимость. На втором месте находилась пищевая промышленность, где была более высокая производительность труда и добавленная стоимость; эта отрасль давала 30% экспорта, и один рабочий производил самую большую добавленную стоимость. Пищевая промышленность отражала аграрный характер латвийской экономики. Успешно работали около 40 конфетных фабрик, в том числе — за пределами Латвии тоже — «Лайма», «В. Кюзе», «Стабурадзе» (в 1939 году, буквально накануне оккупации, конфеты из Латвии появились на рынке США, где имели успех); 11 табачных фабрик, среди них знаменитая «Майкапар». Третье место занимала химическая промышленность, особенно резиновых изделий (например, завод «Квадратс», известный еще до войны); здесь был самый внушительный иностранный капитал — более 85%.

Как и во всех отраслях экономики, в промышленности ощущалось сильное присутствие и даже давление государства, стремление приумножить собственный капитал, однако государственные предприятия, как отмечал это еще в 1928 году упомянутый А. Кливе, работали менее успешно, чем частные, многие из них — принадлежащие государству четыре типографии, сахарная и льнопрядильная фабрики, Югское электропредприятие — даже с убытками, хотя государство предоставляло им льготы (упрощенная процедура получения кредита, особенно краткосрочного, более низкие налоги, выгодные государственные и частные заказы, что ослабляло конкуренцию, особенно в годы экономического кризиса). Но были и несомненные успехи: Главные почтово-телеграфные мастерские (будущий легендарный завод «ВЭФ»), которые уже в 1919 году начали серийный выпуск радиоаппаратов, в 1925 — телефонных аппаратов,

в 1929 году — электролампочек; в 1930 году здесь работало около 1000 высококвалифицированных рабочих, мастеров, инженеров. Годами расцвета и успехов ВЭФа, как и многих других предприятий Латвии, были именно последние годы независимого государства, перед самой его гибелью.

20-е годы — годы развития капитализма в Латвии — выдвинули и своих выдающихся предпринимателей. Сын простого латышского мельника Роберт Хиршс был, безусловно, одним из самых талантливых среди них. В 1926 году он основал предприятие «Ригас аудумс», а в 1928-м открыл филиал предприятия в столице Литвы Каунасе (в 1939-м на нем работало 2500 человек — почти фантастическая цифра для маленькой Литвы). Роберт Хиршс внедрял в производство новые товары, приглашал на работу талантливых художников и дизайнеров (20 человек), установил связи с домами мод Парижа и Милана и сотрудничал с еврейскими фирмами оптовой торговли, постоянно заботился об улучшении условий жизни рабочих. Если бы не Вторая мировая война, филиал «Ригас аудумс» был бы открыт и в Норвегии, в Осло, что стало бы выходом на широкий европейский рынок. Хиршс был настоящим гением предпринимательства.

К концу первого десятилетия независимой Латвии — в 1930 году, буквально накануне разразившегося мирового экономического кризиса, — промышленность оправилась от военных потрясений, тем не менее один рабочий производил меньше продукции, чем до войны, преобладали мелкие предприятия со слабой технической базой; в промышленности было занято всего 13,5% трудоспособного населения, и проблема капиталовложений по-прежнему оставалась актуальной. Однако самое трудное было уже позади. Росла производительность труда; условия жизни рабочих улучшались; именно 1930 год можно назвать самым лучшим с точки зрения оплаты труда и условий жизни рабочих: зарплата и покупательная способность были высокими, стоимость жизни — самая низкая. Интересно сравнить уровень национального дохода в 1930 году в Латвии и в соседних странах. Самый низкий уровень (в пересчете на латвийскую валюту) был в Литве — 280 латов на одного жителя, за ней следовала Польша — всего 380 латов. В Латвии же национальный доход составлял 600, в Финляндии на 10 латов больше — 610 латов. О чем это говорит? Безусловно, и Латвия, и Финляндия были странами небогатыми, не надо забывать, что фунт стерлингов стоил 15,5 лата (национальный доход в Латвии был менее 40 фунтов в год), однако знаменательно, насколько была близка Латвия к Финляндии, которая, безусловно, не пострадала так в годы Первой мировой войны, как Латвия. Невозможно избавиться и от другого, но уже печального сравнения — как богата сегодня Финляндия и как дорого заплатила наша страна за 50 лет советской оккупации.

В годы экономического кризиса возросла интервенция государства в экономику, оно вклинилось уже не только в промышленность, но и в торговлю, плодя государственные монополии (лен, спирт, хлеб, даже торговля валютой), вытесняя частный сектор и ослабляя тем самым главную движущую силу экономики — независимых, готовых на риск и новации, готовых брать на себя ответственность предпринимателей. Нарастал протекционизм, безусловно, не только в Латвии. Однако кризис, как уже говорилось, Латвия преодолела без особых потрясений, и в 1934 году начался выход из него, который совпал с установлением авторитарного режима К. Улманиса. Режим радикально усилил вмешательство государства в экономику, проводя даже широкую национализацию (правда, не конфискацию), средством для которой был избран основанный государством в 1935 году Латвийский кредитный банк: он имел право национализировать любое частное предприятие. В начале 1939 года на базе национализированных частных предприятий были созданы 38 крупных государственных предприятий, но ни одно из них не стало столь же эффективным, как частные.

Крайним проявлением вмешательства государства в экономику стала разработка в 1938 году шестилетнего плана управления экономикой, но, к счастью, план не был принят, возможно, и из-за протестов предпринимателей. Тем не менее, государственная поддержка промышленным предприятиям, которые выпускали самую современную продукцию (государственная поддержка инноваций) оказалась успешной и себя оправдала. И снова надо вспомнить ВЭФ — в 1938 году на предприятии приступили к выпуску чуда, созданного инженером Вальтером Цаппом, — самого маленького в мире фотоаппарата «Минокс», который стал эталоном возможностей латвийской промышленности для всего мира. Столь же технически совершенны и красивы были радиоаппараты (дизайн Адолфа Ирбите, ему же принадлежит фирменный знак ВЭФа), телефонные аппараты, велосипеды. Государство было готово начать выпуск автомобилей на акционерном предприятии «Вайрогс» и сумело построить шесть легких самолетов. Нет смысла сравнивать уровень 1939-го и 1913 годов, хотя в 1939 году промышленность работала почти так же, как и до войны, и производила столько же. Но сравнение это искусственное и не отражает тех огромных успехов, которых добилась промышленность свободной страны за годы независимости, ибо они были достигнуты совсем в иных условиях — маленький местный рынок, отсутствие огромного российского рынка, — благодаря государству, местным предпринимателям и рабочим (и иностранному капиталу, самым значительным вкладом которого было строительство Кегумской ГЭС, сданной в эксплуатацию в 1939 году; финан-

сирование строительства осуществлял шведский капитал, и впервые в истории Латвии электричество стало доступно и жителям села), их трудолюбию и таланту. Не надо быть провидцем, чтобы предугадать дальнейшие успехи Латвии в любой из сфер индустрии, если бы не роковые дни — 23 августа 1939-го и 17 июня 1940 года.

Финансы

Страшный хаос в финансовой сфере царил в Латвии в 1919–1922 годах, что способствовало спекуляциям, созданию нечестно нажитого богатства и росту недовольства среди населения. И хотя 18 марта 1920 года правительство постановило, что единственным платежным средством в Латвии является латвийский рубль, население не соблюдало этого — рубль был слабым, эмиссия его чудовищной (например, 100 миллионов рублей отпечатано в ноябре 1919 года, 200 миллионов рублей в марте 1920-го, 500 миллионов — в июне, 2520 миллионов рублей до марта 1921 года), инфляция — просто галопирующая. Наряду с рублем в обращении была и более весомая валюта — не только фунты стерлингов и доллар, но и царские золотые рубли. Нужно было действовать решительно, чтобы быстро и эффективно ввести дееспособную и стабильную национальную валюту, в которую население поверило бы. И тут надо отдать должное двум государственным деятелям. Один из них — известный профессор статистики и экономики Карлис Балодис, который в годы Первой мировой войны сделал точные расчеты для введения продовольственных карточек в Германии. Вернувшись в Латвию, он не преуспел в политике, однако сохранил трезвый взгляд на экономику и развитие народного хозяйства. Он рекомендовал решительный и простой шаг: остановить бессмысленную эмиссию рубля и изъять его из оборота; существенно уменьшить государственные расходы; способствовать со стороны государства экспорту, особенно леса, льна, пиломатериалов, на которые в Европе был большой спрос, а вырученную валюту использовать для обеспечения новых латвийских денег. Однако для того чтобы выполнить эти простые требования, нужна была сильная политическая воля (редко какое правительство добровольно идет на снижение расходов), и с этим справилось первое правительство З. А. Мейеровица (июнь 1921–январь 1923 года), а именно, его колоритный министр финансов Ринголд Калнингс, которого можно назвать отцом новых денег Латвии — лата. Калнингс был известным латышским предпринимателем и анекдотически скупым человеком, который умел копить не только собственные, но и государственные деньги. Он со знанием дела сбалансировал бюджет за счет уменьшения количества министерств и учреждений;

большое внимание было уделено поддержке экспорта, ограничению импорта и строгому сбору налогов. Эмиссионная машина была остановлена. 3 января 1922 года было решено, что новые деньги будут называться латом, все прочие названия были отвергнуты (франк, грош). Лат был пущен в обращение 3 августа 1922 года, курс по отношению к фунту стерлингов составлял 15, 5 лата за один фунт.

Новые деньги выглядели очень красиво (по наброскам выдающегося графика Рихарда Зариньша), были стабильными. Самая высокая покупательская способность лата была в 1924–1928 годах, когда народное хозяйство Латвии было на подъеме. Новую валюту любили и гордились ею.

При Р. Калнингсе был создан и Государственный банк (1923 год), которого отличали несколько особенностей. В противовес тому, как работал первый классический Государственный банк в мире — в Англии, который занимался только эмиссией денег и обеспечением стабильности валюты (основанный в 1696 году, он получил за стабильность название «скала Гибралтара»), Латвийский Государственный банк обратился не к самым лучшим банковским традициям царской России и опыту недавно созданного (1919 год) Эстонского Государственного банка: не только эмитировать, но и самому заниматься бизнесом (Эстонский Государственный банк занялся спекулятивными сделками, большинство которых приносило ущерб всему народному хозяйству). Таким образом, Латвийский Государственный банк был в немалой степени коммерческим банком, наделенным правом эмиссии, которым пользовался вяло, считая, что стоимость лата надо поддерживать любой ценой. Стабильная валюта, конечно, большая ценность, но гибкости недоставало именно в годы мирового кризиса (1930–1933), когда, поддерживая стоимость лата, государство вызвало подорожание латвийского экспорта тем самым затруднило выход из кризиса, что, наоборот, облегчила бы умеренная девальвация лата; она наступила лишь в 1936 году, зато очень внушительная, когда фунт стерлингов стоил уже не 15,5, а 25 латов. Однако зависимый от политиков, Государственный Банк активно включился в коммерческую деятельность, щедро раздавая кредиты лоббируемым ими предприятиям и банкам, например, поддерживаемому ЛКС Земельному банку, деятельность которого оказалась неудачной, банк был объявлен банкротом, и государство потеряло 500 000 латов, которые были даны взаймы во имя политической дружбы. В 1928 году частные банки получили уже 34 миллиона латов, и мало кто вернул кредит. Надзор Государственного банка над частными банками (особенно за банками нацменьшинств, которые считались конкурентами в процессе так называемого облагивания экономики) был недостаточным; нередко перед ними даже не ставилось требования держать непри-

косновенные 10% в качестве резервных накоплений на счете в Госбанке. Уже в 1928 году из 20 акционерных банков Латвии не выплачивали дивидендов десять, но Государственный банк не вмешивался, поскольку сам, занимаясь коммерцией, видел во многих из них конкурентов. Слабый надзор стал причиной банкротства многих частных банков в годы кризиса, пропали и накопления вкладчиков. В годы режима Улманиса вмешательство государства в банковские дела усилилось и почти все частные банки были национализированы; в 1940 году их осталось всего три (в 1933 году — 16); следует сказать, что все латышские частные банки также были национализированы. Несмотря на отмеченные недостатки, финансовая система Латвии в годы независимости работала успешно; у государства имелись значительные накопления в валюте и золоте (огромная часть которых была захвачена оккупантами после июня 1940 года); покупательная способность лата была высокой, уровень жизни населения в целом возрастал.

Внешняя торговля

В начале 20-х годов в Латвии серьезно думали над моделью развития государства. Первая, популярная и заманчивая, была так называемая модель моста — Латвия как посредник между Россией и Западом, который может предложить свои порты и железную дорогу; быстрая прибыль без особых усилий, главное — география. Модель кое-как работала всего несколько лет — не так прибыльно, как надеялись, и полностью изжила себя уже во второй половине 20-х годов, когда Россия начала строить «коммунизм в одной отдельно взятой стране». Вторая модель предполагала необходимость приложения гораздо больших собственных усилий — это была надежда на возрождение Латвии как промышленной страны и на экспорт промышленной продукции. Она тоже имела некоторый успех, и тоже меньший, чем рассчитывали — только в самом конце 30-х годов возникли предпосылки для стремительного развития современной промышленности, способной конкурировать на мировом рынке; советская оккупация все предпосылки уничтожила. В конце концов Латвия была вынуждена выбрать модель аграрного развития, и поэтому внешняя торговля играла огромную роль в жизни страны — аграрная продукция производилась в гораздо больших количествах, чем требовалось самой Латвии, где большинство составляло сельское население, а город не мог «проглотить» все, что производилось. Вывезти и продать свою продукцию — это для многих крестьян был чуть ли не вопрос жизни или смерти.

Внешняя торговля Латвии пережила три периода развития, продиктованных внешними условиями: все зависело от того, какие правила

торговли действовали в Европе, и от того, какое влияние на торговлю оказывала политика великих держав. Латвия условия игры диктовать не могла, диктовали ее великие державы. Первый период для Латвии — до конца 1931 и начало 1932 года, до ощутимого влияния мирового экономического кризиса на внешнюю торговлю, — оказался чрезвычайно выгодным. В мировом народном хозяйстве господствовал в это время так называемый неолиберализм; правда, не тот прекраснодушный либерализм, который погиб в окопах мировой войны — до 1914 года внешняя торговля почти не знала протекционизма и эгоистических тарифов (они начали расти только в Германской империи — так называемые тарифы Бюлова 1902 года, были они очень высокими и в царской России, а Великобритания их вообще не знала). В 20-е годы тарифы все еще были низкими и хотя Германия — один из двух самых главных торговых партнеров Латвии — их повысила, введя в 1925 году новую систему расчета, они не были непреодолимыми. Почти всюду торговые отношения строились по формуле товар — деньги (за товар расплачивались деньгами, а не так, как в 30-е годы, — товаром за товар).

Главным торговым партнером аграрной экономики Латвии была Великобритания; в 1923 году страны заключали выгодное торговое соглашение, опирающееся на принцип большего благоприятствования. В Англию Латвия в основном экспортировала — это и понятно, учитывая потребность возрождающейся послевоенной экономики в латвийской древесине, льне, масле и беконе. Этот поток вывозимых товаров создавали трудолюбие латышского крестьянина, государственная поддержка и предприимчивость латвийских — и очень активных еврейских — торговцев. Но Англия не была главным партнером Латвии по импорту — первое место тут занимала Германия. Ее промышленные товары, которые ввозила Латвия, были высокого качества — нередко выше, чем английские, и дешевые, так как в Германии и оплата труда, и расходы были ниже. Германия была ближе, и Латвию связывало с ней историческое прошлое — особенно активно велась торговля между немецкими и еврейскими фирмами и частными банками. 1923 год для Германии стал прорывом в Балтию — были заключены два временных торговых соглашения (полноправные договоры Германия заключать не имела права после Версальского мирного договора; запрет был снят только в 1925 году) с Латвией и Эстонией (но не с Литвой, отношения с которой из-за аннексии Литвой Клайпеды [Мемеля] в том же году обострились). Чрезвычайно выгодный треугольник Латвия–Англия–Германия действовал вплоть до конца 1931 года следующим образом: поскольку существовал свободный обмен валюты, Латвия больше товаров продавала Англии, а на очень ценные фунты при-

обретала товары в Германии, где курс фунта был очень высоким. Германия была не только основным партнером по импорту, но и вторым номером по экспорту, так что ее роль — особенно после июня 1926 года, когда был заключен полноправный договор между Латвией и Германией (первый полноправный договор Германии), — в развитии экономики Латвии была значительной и не меньшей, чем Великобритании. (Правда, уже в 1927–1928 годах на мировом рынке из-за перепроизводства начали падать цены на сельскохозяйственную продукцию, начали снижаться цены и на латвийский экспорт, однако пока что драматических перемен не было.)

Эта выгодная всем сторонам модель торговли рухнула в годы мирового экономического кризиса, что стало началом второго этапа в сфере внешней торговли, и первый удар нанесла Англия, родина экономического либерализма. В ноябре 1931 года она отказалась от почти столетней свободной торговли и предпочла протекционизм в целях защиты своего рынка: установила таможенные пошлины и принцип товар–товар (бартер, или клиринг). Это была так называемая ноябрьская революция, которая оставила разрушительные следы на всей экономике Европы и тяжело сказалась на латвийском экспорте. Годом позже, в 1932 году свободную торговлю заменила бартером и Германия, а Гитлер, придя к власти, стал использовать клиринг агрессивно и в политических целях рейха: экономический шантаж, угрозы, санкции, нарушение договоров стали внешнеполитическим оружием нацистов. Начался третий этап. Германия больше покупала у того, кто — в представлении Берлина, — вел себя «хорошо», и наказывала тех, кто Берлину возражал или вызывал раздражение (Латвии в июне 1933 года была объявлена «масляная война» — за протесты против преследования евреев в Германии, чрезвычайно сурово была наказана Литва в 1934–1935 годах). В 1935 году Латвия подписала с Германией новый торговый договор, на принципе клиринга: Германия покупала у Латвии только в том случае, если Латвия покупала товары в Германии, при этом обычно Германия диктовала, что Латвия должна продать, что — нет, что купить, что — нет. Это были печально известные так называемые контингентные списки, которые надо было согласовывать ежегодно: что Германия будет покупать, что продавать. Часто Германия навязывала Латвии свои товары, которые последней были не нужны (например, в огромных объемах немецкие детские игрушки); очень часто Германия нарушала свои обещания и не продавала или не поставляла то, за что Латвия уже заплатила поставками масла или бекона. К 1939 году Германия была должна Латвии товаров на 20 миллионов латов! (Латвия фактически кредитовала Германию, что ничего не давало Латвии.)

Англия тоже переключилась на бартерные сделки, но не столь

агрессивно, как Германия, — новый торговый договор между Латвией и Англией, подписанный в 1934 году, лишь частично, хотя и в большом объеме, основывался на клиринге. Однако постепенно Англия начала отпускать Латвию под экономическое влияние Германии, и в 1939 году, впервые в истории независимой Латвии, Германия стала абсолютным торговым партнером Латвии — первым номером как в экспорте, так и в импорте — со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями.

Как бы ни был невыгоден клиринг, с ним все же можно было мириться, особенно в сравнении с теми бедами, которые постигли внешнюю торговлю Латвии после сентября 1939 года, с началом Второй мировой войны. Германия заблокировала торговые пути через Балтийское море и, несмотря на все усилия Латвии, торговля с Англией начала замирать. В стране стал ощущаться недостаток заграничных товаров и сырья. Только нацистская Германия и коммунистическая Россия оставались серьезными торговыми партнерами. И теперь в Германию пришлось поставлять все, что она требовала. Короткую передышку предоставил торговый договор с СССР, подписанный в октябре 1939 года как следствие договора о размещении баз, но в планы Москвы входила оккупация Латвии, а не долгосрочная торговля с нею. Однако какие бы трудности ни ожидали страну в связи со Второй мировой войной, Латвия справилась бы с ними, если бы не советская оккупация. Никуда бы не исчезли не только прямые инвестиции в экономику, но и долгосрочные — в образование, культуру, в каждого человека — они бы дали новое образованное поколение граждан Латвии, которое бы способствовало расцвету страны. Никуда не исчез бы труд независимой Латвии по сглаживанию социальных противоречий и созданию возможностей для малоимущих слоев: Латвия обязательно бы продолжала проводить политику, цель которой заключалась в устранении социального неравенства (что существенно сдерживало появление новых талантов в предпринимательстве, бизнесе, культуре) и передаче эстафеты следующему поколению. Все планы перечеркнуло 17 июня 1940 года.

3. 8. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА

Суть и основные направления национальной политики

Национальные меньшинства в Латвии (русские, евреи, балтийские немцы, поляки, белорусы, литовцы и др.) составляли примерно четверть всего населения страны. В такой ситуации особое значение приобретала

уравновешенная, толерантная, основанная на принципах либерализма и демократии национальная политика. Она преследовала главные цели: обеспечение независимости государства и внутренней консолидации; уважение прав и специфических интересов всех народов; укрепление политических позиций и политической ответственности латышской нации как основной нации государства; защиту языка и культуры всех живущих в Латвии народов. Суть национальной политики определялась естественным желанием латышского народа объединить в единое целое этническое и политическое сообщество и создать стабильное национальное государство. На национальные отношения в Латвии отрицательно повлияло тяжелое историческое наследие, опыт взаимоотношений групп местного населения, низкий удельный вес латышей в социальной прослойке буржуазии, нежелание ранее привилегированной элиты балтийских немцев (частично и русской) смириться с изменившейся ситуацией после Первой мировой войны и сдержанное, нередко отрицательное, а то и враждебное отношение к молодому Латвийскому государству со стороны многих представителей нацменьшинств. Многие из них в своих устремлениях ощущали широкую поддержку за пределами Латвии: балтийским немцам помогали различные созданные в Германии организации, полякам — Польша, интересы местных евреев защищали еврейские общины, проживающие в крупных государствах.

Национальной политике в Латвии, в принципе нацеленной на достижение взаимопонимания между живущими в ней народами, были присущи многообразие форм и переменчивость. На этапе парламентаризма доминировал толерантный подход к решению национального вопроса. Уже 23 августа 1919 года был принят демократический и либеральный закон о гражданстве, который предоставлял латвийское гражданство всем лицам без различия национальности и вероисповедания, которые официально и постоянно проживали в Латвии до Первой мировой войны. Право на латвийское гражданство присваивалось также за особые заслуги перед государством. Не сразу все представители национальных меньшинств приняли новый закон безоговорочно. В местной немецкой и русской прессе прозвучали даже упреки в насильственной попытке навязать латвийское подданство. Однако отношение быстро изменилось, и очень скоро желание получить латвийское гражданство стало всеобщим. Согласно данным переписи 1925 года, 96,47% населения Латвии были полноправными гражданами страны. В тех условиях это был очень высокий, даже, можно сказать, редчайший показатель.

Большую роль в этом сыграли принятые Народным советом 8 декабря 1919 года законы «Об учебных заведениях Латвии» и «О создании школ

национальных меньшинств в Латвии» — финансирование школ национальных меньшинств брало на себя государство и самоуправление и образование в Латвии строилось в рамках культурных автономий. Меньшинства получили право создавать свои школьные управы (им воспользовались балтийские немцы, русские, евреи, поляки и белорусы), которые предполагалось объединить в отдельный департамент национальных меньшинств Министерства просвещения. Каждый руководитель системы национального образования получал возможность представлять свое нацменьшинство при решении всех вопросов в сфере культуры. Он принимал участие в заседаниях Кабинета министров с правом совещательного голоса. Таким образом, национальные меньшинства обрели широкие юридические предпосылки для создания не только школьной, но и в целом культурной автономии. Им была гарантирована такая же национально-культурная инфраструктура, как и основной нации, — свои школы, общества, организации, культурные учреждения, пресса на родном языке и т. д. По сравнению с другими странами для нацменьшинств Латвии (и Эстонии) были созданы ощутимо более благоприятные условия — им даны были большие права, чем того требовали международные правовые нормы. Упомянутые законы, гарантировавшие образование на родном языке, стали одним из наиболее значительных актов защиты прав меньшинств в Европе после Первой мировой войны. Среди европейских стран только Латвия и Эстония финансировали образование национальных меньшинств на родном языке из государственных средств. Модели культурно-национальной автономии, сформированные в странах Балтии, были уникальными и не копировали друг друга. Так, в Латвии проблемами культурной автономии, в частности образования, занимались школьные управы, подчинявшиеся Министерству просвещения как государственному учреждению, а в Эстонии, на основании закона о культурной автономии, принятого в феврале 1925 года, эту функцию исполняли органы самоуправления национальных меньшинств. Например, организацией всей культурной жизни немцев ведало созданное после вступления в силу закона управление немецкой культуры Эстонии.

В Латвии, с точки зрения интересов проживающих в ней меньшинств, важно было закрепить их права на конституционном уровне. Широкие гарантии в этом отношении предоставляла вторая часть Сатверсме Латвии, которая, как мы знаем, на состоявшемся 5 апреля 1922 года третьем чтении принята не была. Депутаты от меньшинств подали Сейму первого созыва несколько законопроектов, которые предполагали расширение автономии фактически за рамки культурной автономии. Большинство латышских политиков возражали, поскольку в противном случае возникли бы госу-

дарства в государстве. Кроме того, 7 июля 1923 года Латвия внесла на рассмотрение Лиги Наций декларацию о гарантиях прав национальных меньшинств. В связи с этим Лига Наций, проанализировав положение в Латвии, оценила его как очень хорошее.

Тем не менее в первой половине 20-х годов в Латвии были отмечены отдельные проявления недовольства со стороны национальных меньшинств и даже острые столкновения интересов. Депутаты от меньшинств пытались создать в рамках Учредительного собрания (а затем и Сейма) оппозиционно-политический блок и критиковали национальную концепцию государства. Община балтийских немцев поддержала борьбу дворянства против земельной реформы. Разногласия между латышами и балтийскими немцами усилились после объявления государственным праздником 22 июня — дня решающих боев под Цесисом. Балтийские немцы, русские, евреи часто протестовали против перехода на латышский государственный язык, что осуществлялось с первых же дней существования независимой Латвии, а юридически было оформлено 20 ноября 1921 года. Объективно это в определенной мере ограничивало использование немецкого и русского языков в публичной сфере и создавало неудобства для не владеющих государственным языком. Но с правовой точки зрения придание латышскому языку нового статуса было нормальным, соответствующим мировой практике явлением, направленным на развитие языка и более широкое его употребление. В частной сфере сохранялось право меньшинств пользоваться родным языком.

Стабильность в межэтнических отношениях, наметившаяся в середине и во второй половине 20-х годов, сменилась в годы мирового экономического кризиса обострением национального вопроса. В ухудшившейся экономической ситуации национально ориентированные круги Латвии потребовали от правительства снизить бюджетные расходы на содержание школ и школьных управ меньшинств, выделять кредиты в первую очередь латышским предпринимателям, ввести обязательное использование латышского языка в административно-хозяйственном делопроизводстве. Возглавляемое лидером Прогрессивного объединения М. Скуениексом правительство, сформированное в декабре 1931 года, избрало новый курс национальной политики, который нагляднее всего проявился в области образования. Начатая министром образования Атисом Кениньшем борьба за единую культуру в Латвии (балтийские немцы называли ее «Kulturkampf») на практике выразилась в попытках ограничения школьной автономии. Свои действия министр объяснял тем, что положение школ меньшинств лучше, чем латышских. Сейм эту политику не поддержал и 15 июня 1933 года А. Кениньш был вынужден подать в отставку.

Новая ситуация в сфере национальных отношений возникла после переворота 15 мая 1934 года. Не опасаясь обострения отношений с меньшинствами, авторитарное правительство К. Улманиса приступило к осуществлению политики «олатышживания» Латвии и избрало «более суровый» курс в отношении национальных меньшинств. Закон, изданный 12 июля 1934 года, предполагал ликвидацию Департамента школ и школьных управ национальных меньшинств, ограничил их школьную автономию. Закон о государственном языке (5 января 1935 года), который, надо признать, не содержал ни одной несправедливой нормы, провозгласил более строгую языковую политику, что положительно оценили латыши и раскритиковали представители меньшинств. Многие коснувшиеся народного хозяйства преобразования, направленные на сужение частного сектора, задевали экономические интересы немецкой, русской и еврейской буржуазии. Местным немцам в «Латвии 15 мая» было достаточно сложно приобрести новую недвижимость, особенно в сельской местности.

Русские

Самым крупным национальным меньшинством в Латвии были русские. В 1935 году в стране проживало 206 400 русских, или 10,5% от общего числа жителей. Около 75% русских жили в Латгале, в экономически наименее развитой части Латвии, 14% — в Риге. 80% русских занимались сельским хозяйством. В промышленности было занято 7%, в торговле — 4%. Для живших в Видземе, Курземе и Земгале русских источником дохода часто было ремесленничество. В целом латвийские русские не принадлежали к экономически и социально наиболее удачливым национальным группам. Средний годовой доход их был почти в четыре раза меньше, чем у евреев. Материальное состояние и положение русских прежде всего определялось родом их занятий. У занятых в промышленности не было стабильных доходов. На селе русские в большинстве своем были мелкими крестьянами, хозяйства их были экономически слабыми. Более зажиточными были ремесленники и торговцы, а также работавшие в частных и общественных учреждениях. Из-за незнания латышского языка (в 1930 году государственным языком владели лишь 18,9% русских) удельный вес занятых на государственной службе и в самоуправлениях был невелик.

Политическая жизнь русских в Латвии не отличалась особой активностью. В начале 20-х годов возникло несколько партий: Русский национальный союз в Латвии, Русский трудовой союз и Национально-демократическая партия. Как национальное меньшинство русские были представлены в Учредительном собрании Латвии, а также во всех Сеймах.

Однако по сравнению с удельным весом русского населения страны депутатов было немного (в Сейме четвертого созыва — шесть). За русские партии голосовало всего 2–6% избирателей Латвии. Многие поддерживали социал-демократов и с явным безразличием относились к политическому объединению на этнической основе. Большинство в силу их низкого образовательного уровня фактически мало интересовались политикой. К тому же для русского общества в Латвии были характерны острые внутренние противоречия. У русских не было явно выраженного политического лидера, который мог бы сплотить людей. Самой яркой фигурой был архиепископ Янис Поммерс, который отстаивал в Сейме интересы русского меньшинства. Можно назвать еще имена Мелетия Каллистратова, Леонтия Шполянского и Сергея Трофимова. Состав русских парламентариев часто менялся.

В русской общественной жизни большую роль играли различные национальные организации. В начале 20-х годов активно работал Национально-демократический союз русских граждан г. Риги, который в последние годы своего недолгого существования превратился в организацию вселатвийского масштаба. В середине 20-х годов возникли новые национальные организации, например, Русское национальное объединение, которое считало своей задачей защиту общественно-политических и культурных интересов русских, а также поддержание культурно-национальной автономии. Русская интеллигенция Латвии борьбу за более широкие права в рамках культурной автономии усиливала идеологией так называемого «демократического национализма», согласно чему привлекательным может быть только такой национализм, который органически объединяет верность народа национальной культуре и морально-правовые принципы. Многие русские усматривали в идеях «демократического национализма» серьезную возможность духовного единения в целях сохранения национального языка и культуры. В подходящей ситуации «демократический национализм» мог быть использован для откровенной защиты русской великодержавной идеи.

Русский национализм в «Латвии 15 мая» был подавлен, он не мог уже проявлять себя в полной мере. В годы авторитарного режима снизилась и политическая активность русских — они превратились в самую пассивную национальную группу в стране. Многие организации даже не пытались проявить хоть какую-то инициативу, что удивляло даже чиновников Латвийской политической полиции. Особенно не протестуя, русские смирились с ограничением прав школьной автономии, уменьшением числа обществ и печатных изданий. И хотя замена чиновников самоуправлений, не владеющих государственным языком, латышами была воспринята

отрицательно, в русском обществе так и не возникла серьезная оппозиция правительству К.Улманиса. Однако постепенно возрастало число недовольных вводимыми авторитарным правительством порядками, особенно среди молодежи с левыми или правыми убеждениями.

Большинство русского общества не сумело идентифицировать себя с судьбой Латвии. Некоторые воспринимали ее как временное прибежище на пути в демократическую Россию, другие долго скрывали нелояльное отношение, свои симпатии и антипатии. Истинный настрой русских дал о себе знать только после заключения пакта Молотова-Риббентропа и подписания навязанного Латвии договора о размещении баз. В местной русской прессе публиковались статьи и комментарии, в которых выражалось удовлетворение растущей мощью России в связи с аннексией Восточной Польши и агрессией СССР против Финляндии. Немалое число русских приветствовало и оккупацию Латвии, и насильственное включение страны в состав СССР летом 1940 года.

Балтийские немцы

С 1920 года, когда в Латвии латыши и немцы поменялись ролями, изменилось и положение элиты балтийских немцев. Возникновение Латвийского национального государства стало началом ослабления их политических и экономических позиций. Латыши, обретшие доминирующее положение, приступили к формированию политической и национальной жизни по собственному усмотрению. Латвийское государство предпринимало меры для устранения привилегий, которыми пользовались ранее балтийские немцы. Самым тяжелым ударом для них была аграрная реформа, лишившая немцев рычагов власти на селе, что в то же время было основой их серьезного политического влияния. У них оставалась единственная возможность — попытаться заявить о себе как о национальном меньшинстве. Подобный статус был для них непривычным и чуждым.

Балтийские немцы были третьим по величине и одним из самых богатых и национально наиболее сплоченных меньшинств Латвии. Они сумели сохранить прочные позиции в торговле и промышленности, а также продолжали оказывать ощутимое влияние на политическую жизнь страны. В годы парламентаризма они сумели, в отличие от других меньшинств, сформировать отличную систему политических организаций, что дало им возможность сплотить все политические силы и добиться солидного представительства во всех четырех созывах Сейма: по пять–шесть депутатов из ста. Учитывая их небольшой удельный вес среди населения Латвии (в 1925 году — 3,9%), это был на редкость высокий результат. И

это в то время, как другие национальные меньшинства не могли добиться даже пропорционального участия в Сейме. Столь высокие успехи балтийских немцев объясняются несколькими обстоятельствами. В большинстве своем это были горожане с самым высоким образовательным и культурным уровнем, что стимулировало их политическую активность. Они выступали единым списком, отличались высокой дисциплиной во время голосования. Балтийские немцы сумели использовать и принятую в Латвии выборную систему.

Содействие Латвийского государства позволило балтийским немцам достичь значительных успехов в укреплении национально-культурной автономии. Они получили возможность создать свою национальную инфраструктуру: школы, частное высшее учебное заведение — Институт Гердера, общества, общественные организации, культурные учреждения, печать и пр. В 1923 году была основана «Трудовая централь балтийских немцев в Латвии» («Zentrale deutschbaltischer Arbeit in Lettland»), которая в 1928 году была переименована в «Народный союз балтийских немцев в Латвии» («Deutschbaltische Volksgemeinschaft in Lettland», впоследствии «Народный союз»). Эта организация постепенно обрела большую свободу действий и стала главной национальной организацией немцев. Она пыталась согласовывать деятельность всех прочих немецких организаций (за исключением политических партий) и защищать интересы немцев в сфере культуры, экономики, в социальной сфере. Прибегнув к помощи «Народного союза», балтийские немцы добились некоторого самоуправления. После установления авторитарного режима в 1934 году эта организация в Латвии стала представлять местных немцев и в политике.

С Латвийским государством у балтийских немцев складывались сложные и не всегда ровные взаимоотношения. Вначале они занимали выжидательную, а временами и резко отрицательную позицию. Они не могли забыть о своем привилегированном прошлом и не верили в идею независимости Латвии. Они не хотели подчиняться порядку, установленному маленьким народом, не желали видеть, что латышское национальное государство стремится уравновесить, согласовать различные интересы всех его граждан. По их мнению, государство занималось только тем, что якобы нарушало их права или игнорировало их потребности. И все же такая — для обеих сторон невыгодная — ситуация продолжалась недолго. Постепенно балтийские немцы сумели переориентироваться и приспособились к новым политическим и общественным условиям. Поведение их становилось все более лояльным. Выдвигая на первый план прежде всего свои собственные интересы, они стали принимать и более активное участие в формировании жизни государства. Движению от конфронтации к

соглашению способствовала и государственная политика национальной толерантности, и позиция руководства балтийских немцев, его способность разработать реалистичную политическую стратегию. Самые большие заслуги в этом отношении принадлежат Паулу Шиману, самому влиятельному, самому видному немецкому политику в Латвии 20-х — начале 30-х годов. Он безоговорочно принял Латвийское государство и укреплял идею лояльности среди балтийских немцев.

После 1933 года наметился обратный процесс: балтийские немцы постепенно стали отдаляться от жизни Латвийского государства. Это было неразрывно связано с приходом к власти Гитлера, с завораживающим влиянием «нового» немецкого государства, где национал-социализм стал официальной идеологией и политикой, с проникновением в среду балтийских немцев идей нацизма и пропагандистской деятельностью местных нацистов, которые открыто требовали изменить отношение к Латвийскому государству. По их мнению, для балтийских немцев это должно стать «политическим делом», а не «криком души». На первом месте для них были интересы Германии, но отнюдь не Латвии. Они были готовы на все во имя Германии, в надежде, что со временем она подчинит себе Латвию и уничтожит ее независимость.

Ядром нацизма в Латвии среди балтийских немцев стала группа, возглавляемая адвокатом Эрхардом Крегером, назвавшая себя «Движение» («Bewegung»). Она начала свою нелегальную деятельность весной 1933 года и долгие годы действовала под маской «Немецкого просветительского общества в Латвии» («Deutscher Bildungsverein in Lettland») и «Туристско-спортивного общества балтийских немцев» («Deutschbaltischer Wander- und Sportverein»). Работая под прикрытием легальных обществ, руководители «Движения» постепенно создали четкую нелегальную структуру организации. Ядром ее был «Мужской союз» («Mannschaft») с отделениями в Риге, Лиепае, Кулдиге, Айзпуте, Скрунде и в других местах Латвии. В «Мужской союз» можно было вступить по достижении 19 лет. Членам союза вручалась золотая булавка.

«Движение» вело неустанную борьбу за укрепление своего влияния в основных организациях балтийских немцев и прежде всего в «Народном союзе». Решающего успеха оно добилось в конце 1938 года, когда на собрании делегатов «Народного союза», которое состоялось 28 ноября, президентом был избран поддержанный «Движением» Альфред Ительман. Э. Крегер стал членом президиума; члены «Движения» заняли ключевые посты еще в шести организациях. Недаром руководство «Движения» отмечало 26 ноября как «день захвата власти». Группа Э. Крегера могла теперь диктовать «Народному союзу» основные направления деятельности.

Рост влияния «Движения» среди балтийских немцев не без основания вызвал у латышей прилив недоверия к немецким согражданам, а последние, в свою очередь, огорчило многие предпринятые авторитарным правительством К. Улманиса меры (ограничение автономии немецких школ, трудности с приобретением земли в собственность и пр.), задевавшие их интересы. В результате латышам стало чрезвычайно трудно общаться с местными немцами. В конце 30-х годов правительство Улманиса пришло к выводу, что балтийские немцы настроены нелояльно по отношению к Латвийскому государству и поэтому невозможно разработать «платформу сотрудничества» с ними. Именно министру иностранных дел В. Мунтерсу принадлежат следующие слова: «Мы знаем, как ведущие немецкие круги смотрят на Латвию и латышей, мы знаем, что они нас ненавидят и смотрят за пределы Латвии, мы знаем, что они всевозможными путями направляют свои требования за границу, что они не допускают нормальных отношений между Германией и Латвией, что они надеются на приход немцев в нашу страну».

Осенью 1939 года началось переселение балтийских немцев из Латвии, что явилось неприкрытым доказательством и следствием преступной политики Германии и СССР. К весне 1940 года, в основном на немецких пароходах, Латвию покинули свыше 51 000 немцев. Они были размещены в западной части оккупированной Польши. Около 10 000 балтийских немцев остались на родине. После насильственного включения Латвии в состав СССР летом 1940 года большинство из них выразило желание выехать на этническую родину. Вторая волна переселения проходила с 10 января по 25 марта 1941 года. В Латвии осталось всего около 1500 балтийских немцев.

Евреи

Евреи оказались тем историческим меньшинством Латвии, которое численно больше всех пострадало во время Первой мировой войны; многих царское правительство выдворило из Курземе в 1915 году, обвинив — коллективно — в симпатиях к Германии; другие стали беженцами, как и латыши; третьи эмигрировали в страны Запада. Если в 1914 году на территории Латвии проживало по меньшей мере 170 000 евреев, то в 1920 году — в свободной Латвии — их число снизилось до 75 000 (4,9 % от общего числа жителей). Правда, впоследствии из России вернулось более 12 000 беженцев. Приют и прибежище в Латвии, а со временем и подданство получили тысячи беженцев из Советской России, которые до 1914 года не проживали в Латвии, — отношение здесь к беженцам было

благожелательным; так было и в 30-е годы, после прихода к власти Гитлера, оккупации им Австрии и Чехословакии, когда в Латвии нашли приют еще несколько сот беженцев — 550 из них по-прежнему оставались в Латвии на момент советской оккупации в июне 1940 года; для многих Латвия стала транзитным пунктом на их пути на Запад. Латвия была намного благожелательнее к беженцам, чем благополучные, богатые Соединенные Штаты. На 1940 год в Латвии насчитывалось свыше 90 000 евреев, из них более 46 000 — в Риге (свыше 11% жителей). Становление свободной Латвии предоставило возможность обозначить себя — впервые за много столетий — и евреям Латвии: постепенно разрушались жесткие региональные, культурные и языковые барьеры между имевшими здесь давние корни, зажиточными и говорящими в основном по-немецки курземскими евреями, с одной стороны, оказавшимися в Латгале позднее бедными, более религиозными, говорящими в основном по-русски или на идиш, с другой, и находящимися как бы между этими двумя группами очень разными рижскими евреями. И хотя 10–15% евреев считались бедняками (намного меньше, чем в Польше и даже в Литве), в целом это было зажиточное меньшинство (как и балтийские немцы) с самым низким показателем детской смертности в Латвии. Постепенно евреи все больше интегрировались в латышское общество и овладевали латышским языком: в 1930 году им владели 62%; а в 1940 году — 70%. И хотя в Латвии — как и в любой другой стране — существовал антисемитизм, он однозначно был не столь явно выражен, как в соседней Литве, не говоря уже о Польше; в Латвии никогда не был принят ни один антисемитский закон, не было *pinkeris clausus* в высших школах, который уже в 1920 году приняла Венгрия; никогда в свободной Латвии не было погромов. В общем, 1920–1940-е годы были наиболее благоприятными для развития нации, можно сказать, это был золотой период всей долгой истории евреев в Латвии.

И хотя евреи, как и балтийские немцы, стремились — правда, безуспешно — обрести экстерриториальную автономию в Латвии, какой пользовались евреи в первой половине 20-х годов в Литве, а с 1925 по 1940 год евреи и немцы в Эстонии («государство в государстве», с избираемым меньшинствами «парламентом» — Национальным советом в Литве и Культурным советом в Эстонии), все права евреев, как отдельной личности, так и нации в целом, были гарантированы Сатверсме (Конституцией) и до самой гибели Латвийского государства еврейская культура развивалась и процветала. Учитывая, что в Латвии не было значительных еврейских религиозных центров, как в соседних Польше и Литве, не было здесь и выдающихся литераторов, главным направлением их деятельности, в которой евреи продемонстрировали огромные исторические достижения, была сфера

образования (школы), особенно на языке восточноевропейского еврейства идиш, хотя успехи в изучении древнееврейского языка тоже были впечатляющими. Ничто так не способствовало сохранению идентичности и языка в годы последовавшей советской оккупации и антисемитизма, как то, что было приобретено в еврейских школах свободной Латвии; неудивительно, что именно рижские евреи и евреи довоенной Латвии были пионерами антисоветских и сионистских инициатив в Советском Союзе в 50–80-х годах (к примеру, Буби Цейтлин). Религиозная жизнь евреев развивалась беспрепятственно и даже при государственной поддержке: 17 синагог и молельных домов насчитывалось в Риге в 1920 году, 37 — в 1937 году; так же обстояли дела и в других местностях, где проживали евреи.

Чрезвычайно активной была и политическая жизнь еврейского меньшинства — по количеству партий (9 в 1928 году) они уступали только латышам и балтийским немцам, и все 20-е годы направляли своих представителей в парламент пропорционально процентному соотношению к населению Латвии (5%), что не удавалось ни одной общине в Восточной Европе и уже не удалось им и во время выборов в Сейм Латвии в 1931 году, когда активность избирателей общины заметно снизилась. Три политических течения следует упомянуть особо из-за их исторической роли. Первое было представлено партией «Agudat Isroel» («Лагерь Израиля»), объединявшей ортодоксальных и политически консервативных евреев, которая сотрудничала с латышскими буржуазными партиями, особенно с Латышским Крестьянским союзом, и выдвинула из своих рядов одного из самых выдающихся в Европе «Shtadlan» — защитников еврейских интересов — Мордхая Дубина, депутата Народного совета, Учредительного собрания и всех четырех Сеймов, который неустанно заботился о каждом своем соотечественнике, многое сделал для восстановления народного хозяйства Латвии и, используя личные хорошие отношения в Карлисом Улманисом, успешно отстаивал интересы евреев и после 15 мая. «Агудат-Израэль» не была сионистской организацией, то есть она отрицала возникновение независимого Израиля до прихода посланника Божьего Мессии, однако и не проявляла враждебности к сионизму. Патриота Латвийского государства М. Дубина советские оккупационные учреждения арестовали в начале 1941 года, и он погиб в ГУЛАГе в 1956 году, духовно несломленный.

В сионистском крыле, которое в Латвии действовало очень активно, следует назвать два направления. Религиозных сионистов — партия «Mizrahi» («Рассвет»), — которые мечтали о независимом еврейском государстве в Палестине, но считали, что оно должно быть религиозным, представлял известный парламентарий раввин Мордхай Нурок, один из лидеров международного сионистского движения. «Мизрахи» в основном

придерживалась левоцентристского направления и многое сделала для развития еврейской культуры. Нурок также был депортирован после оккупации Латвии в 1940 году, но благодаря личному вмешательству президента США Ф. Д. Рузвельта был освобожден, выехал в Палестину, где стал одним из основателей независимого Израиля в 1948 году. Однако и «Агудат», и «Мизрахи» возникли не в Латвии: первая партия была создана в Польше, вторая в Литве, однако именно в Латвии родилось наиболее динамичное течение сионизма — молодежное движение «Бетар», представлявшее правое крыло сионистов-ревизионистов, возглавляемых В. (З.) Жаботинским, которые считали, что независимый Израиль надо завоевать с оружием в руках, преодолевая сопротивление британцев и арабов. Организация была создана в Риге в 1923 году, когда Жаботинский, разочаровавшись, решил уйти из политики, однако его верность идеалам сионизма и горячая убежденность молодых рижских евреев вернули его в политическую жизнь. До 1930 года Рига была международным центром «Бетара», способствуя распространению сионизма, отъезду евреев в Палестину, воспитывая лояльность еврейской молодежи к Латвии. Многие члены общества «Бетар» активно участвовали в войне за независимость Израиля в 1945–1948 годах.

3. 9. ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА

Государственная политика в сфере культуры и образования

«Уже в те дни, когда зарождалась мечта о Латвийском государстве, вызревали и мысли о развитии и поддержке нашей национальной культуры». (Карлис Скалбе)

Самое пристальное внимание к вопросам культуры было характерно для Латвийского государства с первых же дней его существования. 18 ноября 1920 года, во вторую годовщину провозглашения независимости, правительство К. Улманиса приняло одно из важнейших решений: был создан Фонд культуры — независимая организация, которая должна была способствовать развитию духовной культуры народа. С 1921 года ее возглавлял председатель парламента и до 1940 года она оказывала неопеченную поддержку всем культурным начинаниям, уделяя особое внимание созданию сельских и школьных библиотек, сельских культурных центров, строительству домов культуры, материально помогая видным ученым и деятелям культуры, особенно поощряя их работу в зарубежных научных и

культурных центрах. Среди самых значительных проектов фонда — создание Ботанического сада Латвийского университета, основание Института истории в 1936 году, издание фундаментального Словаря латышского языка Яниса Эндзелинса и Карлиса Мюленбаха. Государственная поддержка помогала Латвии развиваться как культурной стране, однако после 15 мая 1934 года стало явно ощущаться давление государства, которое стремилось регулировать и управлять всеми проявлениями культурной жизни страны.

Мало чему в Латвии уделяли столько внимания, сколько уделяли образованию, — красивые современные школы появлялись по всей стране — от Риги (где в районе Чиекуркална в начале 30-х годов по проекту архитектора Алфреда Гринбергса было построено школьное здание в стиле функционализма — образец мирового масштаба) до Зилупе в Латгале; редко кто в Европе так стремился к знаниям, как латышская молодежь. Согласно Закону об образовании 1919 года, основное образование — с 8 до 14 лет, шесть классов — было обязательным и бесплатным. Следующей ступенью были низшие профессиональные школы — в самый канун гибели государства их насчитывалось 126. Далее следовала средняя школа: гимназии (70), техникумы, коммерческие училища, учительские институты (4) — всего в 1939 году насчитывалось 111 учебных заведений такого типа. По количеству школ Латвия опережала многие старые европейские страны: одна школа приходилась на 26 100 человек, в то время как в Германии — на 42 500, во Франции — на 43 000. Но ни в чем так не проявила себя долго сдерживаемая жажда знаний, как в желании учиться в высшей школе: — среди европейских стран именно в Латвии насчитывалось больше всего студентов: в 1932 году 45 студентов на 10 000 жителей (20 в Германии и 9 в Великобритании); но это стало также причиной серьезной социальной проблемы — перепроизводства людей с высшим образованием и нового явления — «интеллигентные безработные».

28 сентября 1919 года двери открыл Латвийский университет — без него немислимо было национальное государство: «Этот осенний день говорит с нами на языке весны. Мы дышим весенними надеждами... Мы стоим на земле, которая несет Латвию и ее высшую школу», — говорил министр образования К. Каспарсонс. Университет стал видным центром научной деятельности: значительными достижениями обогатилась балтийская филология («Латышская грамматика» Я. Эндзелинса [1922] и «Словарь латышского языка» Эндзелинса и Мюленбаха [1–4 тт., 1923–1932]; «Введение в балтийскую филологию» П. Шмитса [1921, 1936]); физическая химия (исследования работавшего в Латвии до 1930 года М. Центнершверса о свойствах различных жидкостей вблизи критической точки);

аналитическая химия (В. Фишерс) и органическая химия (О. Луцс, Г. Ванас). В 1929 году А. Петрикалнс одним из первых в мире получил спектры комбинационного рассеяния. Ю. Аушкапс занимался исследованиями в области спектроскопии красящих веществ.

В 1919 году открылись еще два высших учебных заведения — Академия художеств и Консерватория. Ректором Академии стал выдающийся живописец Вилхелмс Пурвитис; здесь было семь мастерских, учебный процесс основывался на старых, унаследованных от царской Петербургской академии традициях; этим были недовольны многие талантливые молодые художники, которые нашли себя в Рижской Народной высшей школе (основанной в 1920 году социал-демократами) и даже пытались в 1929 году дабыться закрытия академии; к счастью, этого не произошло. С 1923 года по 15 мая 1934 года, когда Народная школа была закрыта, здесь работали студия рисования и живописи, где мастерству обучали художники-новаторы, склонные к модернизму, Лудолф Либертс, Сигисмунд Видбергс, Конрад Убанс, Роман Сута. Латвийскую консерваторию возглавил Язеп Витолс, не только выдающийся композитор, но и удивительно душевный человек, ректор, снискавший огромную любовь студентов. Накануне гибели государства, в 1939 году, в Елгаве открылся Сельскохозяйственный университет.

Весь цикл образования — от начальной школы до разностороннего академического — впервые в истории латышского народа был доступен и в Латвии на латышском языке. Это было историческое завоевание.

Искусство

Изобразительное искусство. Три крупнейших исторических события — бои латышских стрелков, трагические судьбы беженцев и освободительная борьба в Латвии произвели, наряду с растущим влиянием современного, авангардистского европейского искусства, настоящую революцию в изобразительном искусстве Латвии. Оказавшись в качестве беженцев в России, молодые латышские художники в 1915–1917 годах познакомились в Москве, в галереях Щукина, Морозова, с современным французским искусством — кубизмом, которое произвело на них неизгладимое впечатление. Один из самых талантливых художников, только что перешагнувший рубеж своего двадцатилетия, Екаб Казакс писал: «Мы верили, что пройдя через жестокие испытания, латышский народ будет жить, и в живописи мы заговорим несслыханным языком». И они заговорили: в 1919 году в Риге возникла группа экспрессионистов, которая в 1920 году получила название Рижской группы художников; в то время их радикальный для Латвии модернизм полнее всего выражал ту свободу творчества, которая

царила тогда в молодой республике 20-х годов. Ранний экспрессионизм латышского модернизма получил яркое выражение в портретах и жанровых картинах безвременного ушедшего из жизни Е. Казакса (1895–1920) и в цикле Александра Древиньша (1899–1938) «Беженки», написанном им в 1915–1917 годах; молодым ушел из жизни высокообразованный Язеп Гросвалдс (1891–1920), серьезно изучавший творчество французских фовистов и кубистов. Третий наиболее влиятельный и самый радикальный модернист, проявивший себя чрезвычайно разносторонне, Роман Сута (1896–1944), вообще отрицал реализм и отстаивал отображение в живописи только внутренней сущности художника: живопись ради живописи. Находясь под влиянием французских кубистов и русских конструктивистов, он писал абстрактные геометрические картины, работал в графике, занимался росписью по фарфору в созданной им студии авангардистов «Балтарс» (его роспись по фарфору получила самую высокую оценку на Парижской выставке в 1925 году). В это же время работали и другие модернисты — Ото Скулме, Эраст Швейцс, Никлав Струнке, и в первой половине 20-х годов Ригу можно было поставить в один ряд с крупнейшими центрами авангардного европейского искусства — Парижем и Берлином. Именно в 1923 году на Берлинской выставке Европа познакомилась с творчеством латышских художников — скульптурами Карлиса Зале (1888–1942), который в это время был увлечен конструктивизмом, с графикой и живописью Н. Струнке, С. Видбергса, Александры Бельцовой.

Во второй половине 20-х годов модернизм пошел на убыль — потребности общества изменились. Профессиональных художников в Латвии было много — в конце 20-х годов около 300 (в 1914 году всего 50–60); нужно было как-то выживать, вкусы национально ориентированного общества и покупателей отличались консервативностью. К. Зале, покинув Берлин и его модернизм, обратился к тому, что в Латвии имело спрос, даже политический, — к созданию монументальных скульптурных ансамблей Братского кладбища (1924–1936) и памятника Свободы (1931–1935) в Риге, в которых сумел объединить патриотические и мифологические символы и вполне консервативный стиль неоклассицизма, который напоминал немецкое монументальное искусство начала века; именно поэтому на конкурсе эскизов памятника Свободы победил его проект, а не проект выдающегося латышского скульптора Теодора Залькалнса — более современный и высокохудожественный, но менее традиционный. В годы улманисовского режима многие бывшие модернисты забыли увлечения юных лет, стали реалистами, пейзажистами и писали даже портреты Вождя и соответствующие идеологии авторитаризма фигурные композиции (Волдемар Тоне, О. Скулме, Л. Либерте). Эта продукция была источником заработка и подтверждением лояльности режиму.

Двух художников, родившихся в Латвии, можно назвать гениями, — они покинули Латвию и работали в мировых художественных центрах и, может быть, стали гениями именно потому, что покинули Латвию, где им было бы тесно.

Густав Клуцис (1895–1944) родился в Руиене и в 20-е годы в Советской России, которая в то время — очень недолго — действительно была выдающимся центром мирового экспериментального искусства, обрел славу модерниста мировой величины. В отличие от большинства латышских модернистов, которых можно было назвать художниками левого направления или салон-социалистами (но не коммунистами), Клуцис искренне верил в коммунистическую утопию и со всем пылом души служил ей, пока ГУЛАГ не уничтожил его самого. Будучи художником, графиком, скульптором, Клуцис не устал пропагандировать конструктивизм и использовать его в советской агитации — начиная с первомайских декораций 1918 года в Москве. Почти все, что сегодня имеется в арсенале изобразительного искусства, — коллаж, эксперименты с деревом и бумагой, инсталляции, внушительные плакаты, фотомонтаж, — все это в свое время уже использовал Клуцис, один из наиболее видных представителей искусства XX столетия, каким был и А. Древиньш, расстрелянный в Москве 26 февраля 1938 года.

Другой художник мирового масштаба — Марк Ротко (наст. фамилия — Маркус Роткович), родился в 1903 году в Даугавпилсе, умер в 1970 году в Нью-Йорке. В 1913 году его семья в поисках лучшей жизни, а главное — более спокойной, без антисемитских нападок, выехала из Даугавпилса, в то время города Двинска царской империи, в США, в Нью-Йорк, куда с 1940 года переместился центр современного искусства — после того как он был уничтожен в коммунистической России и нацистской Германии и от рук нацистов пала его последняя цитадель в Европе — Париж. В многообразном мире модернизма Ротко заявил о себе как абстрактный экспрессионист, чьи полотна с изображением размытых прямоугольных цветовых полей принадлежат теперь к классике XX столетия (сам он тем не менее отрицал свою принадлежность к абстракционизму и подчеркивал, что его искусство рассказывает «...о самых главных человеческих переживаниях — о трагедии, экстазе, о судьбе»). Клуцис сознательно посвятил свое творчество пропаганде тоталитаризма, а абстрактные цветовые поля Ротко, вызывающие у зрителя такой огромный эмоциональный отклик, чрезвычайно далеки от нее: абстракция не подвластна пропаганде.

Литература. Жизнь и творчество Яниса Райниса (1865–1929) самым неразрывным образом связаны с политическим созревaniem латышской

нации и борьбой за независимое государство. Осенью 1919 года, когда Латвии угрожали немецкие и русские черносотенные банды под командованием Бермондта, отдельным изданием вышла драматическая баллада Райниса «Даугава»; защитники Латвии брали книжку с собой на фронт. В «Даугаве» вновь зазвучало то, что отличало его поэзию в 1905 году, — краткие, зовущие на борьбу строки:

*«Нет, мы не хотим в угнетении жить,
Ни западу, ни востоку служить!»*

Перевод Л. Азаровой

Патриотическая роль «Даугавы» была огромной; не зря же на нее обрушились бывший в то время на службе у Стучки писатель Андрей Упит и латышские коммунисты. Именно в 1919 году, еще находясь в ссылке в Швейцарии, Райнис написал два выдающихся произведения — трагедию «Иосиф и его братья» и пьесу — «народную песню» — «Играл я, плясал». День, когда после долгих лет изгнания Райнис и Аспазия вернулись в Латвию из швейцарской ссылки — 10 апреля 1920 года, — стал в Латвии праздником; два самых красивых бульвара Риги были названы их именами. Оба тотчас же активно включились в политическую жизнь в рядах социал-демократической партии. Однако последующие девять лет не были самыми счастливыми годами в жизни Райниса; и хотя написано было много, особенно для детей, все же не достигало уровня его прежних произведений, став отражением неизбежных приливов и отливов, так характерных для гения. Как многие великие личности, Райнис чутко воспринимал окружающее, жил насыщенной драматическими переживаниями жизнью. Три вещи омрачили его последние годы. Первая — личная драма: осложнившиеся отношения с женой, выдающейся латышской поэтессой Аспазией, и поздняя любовь к Олге Клигер, которой он посвятил поэтический сборник «Дочь Луны» (1925). Вторая — желание получить Нобелевскую премию; эта мысль преследовала поэта с 1919 года: «Я должен получить Нобелевскую премию», — записывает он в своем дневнике 10 июля 1919 года, еще в Швейцарии. По многим причинам — среди них и интриги консервативных буржуазных партий против социал-демократов, и зависть писателей — он не был даже выдвинут на премию, что болезненно огорчило поэта, не менее чем третья причина. Райнис питал слабость к политическим должностям, это соответствовало его представлениям о том, что «новому государству нужен политик-поэт, который прежде создал государство духовно...» Он очень хотел стать президентом страны; этого не произошло и потому, что у него не было данных политического

деятеля, и потому, что он был активным социал-демократом и не мог быть избран из-за расклада политических сил; эту неудачу он тоже тяжело переживал. Умер Райнис в 1929 году, неудовлетворенным и одиноким. Он был и остается высочайшей вершиной латышской литературы, поэтом, оказавшим историческое влияние на формирование современной латышской нации.

Другое течение — в искусстве и в политике — представлял консервативный Эдварт (Эдвард) Вирза (1883–1940), один из выдающихся латышских поэтов и прозаиков; написанная им в 1933 году поэма в прозе «Страумены» — гимн латышскому патриархальному крестьянству — стала вершиной его прозаического творчества; по изысканности и красоте языка поэма не знает себе равных в латышской литературе, а по стилю может сравниться с удивительно поэтической прозой его старшего современника великого русского писателя Ивана Бунина. В противовес ориентированному «влево» Райнису Вирза — активный член Латышского Крестьянского союза — воспевал авторитаризм, в котором видел не столько узкополитические, сколько эстетические и моральные, неоромантические и эстетизированные ценности латышского патриархального хутора (единоначалие). Мастер изысканного литературного стиля был одним из самых активных и убежденных творцов культа личности Улманиса после 15 мая.

Новый, динамичный, урбанистический мир никто не воспевал так ярко и неистово, как удивительно одаренный и популярный в 20–30-е годы поэт Александр Чакас (1901–1950), который прославлял не великие и далекие символы, как нередко Райнис, или ностальгию по патриархальному хутору, как Вирза, а бесшабашную, веселую и грустную, полную любви и развлечений жизнь города, его центр и его окраины, его кабачки или веселых девушек. Его поэтические книжки «Я и это время» и «Сердце на тротуаре» (оба в 1928 году) стали гимном уличным мальчишкам, героям двадцатых годов, — веселых двадцатых, как позже станут их называть. Поэзия Чака — порой сентиментальная, грустная, порой — задорная, порой — тривиальная; но ее хотелось знать наизусть, цитировать, писать на нее музыку и петь.

*«В окна плачет туман. Что скрывать
от себя —
Ты одна, ты одна мной любима.
Что за сок непонятный на губах у тебя
Алой дрожью горит нестерпимо?»*

Перевод В. Невского

Городские мотивы нашли также отражение в поэзии Яниса Гротса, Яниса Судрабкалнса и Яниса Зиемельниекса.

Бурно развивался в независимой Латвии и театр. В 1919 году открылся первый драматический театр — Национальный театр, постепенно преодолевший пути реализма и натурализма; его актеры Лилия Эрика, Мирдза Шмитхене, Анта Клинтс, Янис Германис вписали блестящие страницы в историю театра, однако в динамичную, современную эпоху тон задавало иное направление. В 1920 году отовсюду в Латвию стали возвращаться беженцы и ссыльные, принося с собой новые идеи и веяния. Актер и режиссер Эдуард Смильгис вернулся из России, где был свидетелем поисков экспериментального театра Вахтангова и Мейерхольда; домой возвратился Райнис; оба они мечтали о новом, не натуралистическом или реалистическом скучном театре, а о таком, где главным был бы актер, идеи и символы. Как назвать такой театр? «Художественный» — предложил известный книгоиздатель Ансис Гулбис. В ноябре 1920 года театр принял первых зрителей и буквально очаровал их новаторской постановкой, талантливыми актерами (Арвед Михелсонс, Артур Филипсонс, Лилита Берзиня, Эмилия Виестуре, Элвира Брамберга), вызывающе современными декорациями, автор которых Янис Мунцис в 1925 году был удостоен Большого приза на Парижской художественной выставке, удивительно мелодичной музыкой Бурхарда Сосарса (песня «Безумный год кавалеров» из спектакля «Геста Берлинг» стала хитом) и актерской пластикой (Фелицита Эртнере). «Огонь и ночь», «Индулис и Ария», «Играл я, плясал» Райниса обрели вторую жизнь на сцене, как и новаторские постановки Шекспира и Ибсена.

Дух созидания, царивший в новом Латвийском государстве, воплотился и в многообразии возникших театров — они были чуть ли не в каждом провинциальном городе — в Даугавпилсе, Вентспилсе, Елгаве, Лиепае; небольшие, мобильные, бродячие театры (Крестьянский театр, 1930–1940), временные труппы (например, Интимный театр, 1924–1925 годы); популярные в Европе левые идеологические течения царили в социал-демократическом Рабочем театре (1926–1934), чрезмерно увлекавшемся постановками пьес советских авторов, но знаменитом декорациями Н. Струнке. Почти у каждого национального меньшинства был свой театр — в 1921 году возобновила постановки Русская драма, где гастролировали великие русские актеры — Василий Качалов и Михаил Чехов, режиссером был Юрий Юровский; спектакли шли на сценах Немецкой драмы, Литовского, Польского театров, но самым посещаемым был театр еврейского меньшинства: в сезоне 1936/37 года он дал 289 спектаклей, которые посмотрело более 103 000 зрителей. В конце 30-х годов в Латвии работало

16 драматических коллективов (при Лиепайском драматическом театре была и оперная труппа).

Пожалуй, редко какое еще учреждение искусства открывалось в столь судьбоносный момент, как Национальная опера. В октябре 1919 года, когда банды Бермондта напали на Ригу, был обстрелян и пострадал Новый Рижский театр, в котором предполагалось открыть Национальную оперу; 11 ноября — символично — когда войска Латвии начали контратаковать части Бермондта, в театре состоялась первая репетиция, а 2 декабря уже премьера оперы Р. Вагнера «Тангейзер». На первом же спектакле зрителей заворожили три великие личности, влияние которых театр испытывал все последующие годы — дирижер Теодор Рейтерс, большой ценитель Вагнера, опытный драматический тенор Рудольф Берзиньш, гастролировавший в знаменитых театрах Германии, и молодая, обладавшая удивительно широким диапазоном голоса Милда Брехмане-Штенгеле. Они, как и выдающийся баритон Адольф Кактыньш, обладали и драматическим талантом, без которого постановки многих опер, особенно Верди и Пуччини, были бы просто невозможны. А оперы Вагнера впоследствии стали излюбленными в театре, подтвердив высокий уровень Латвийской оперы. Уже в следующем сезоне одной из самых популярных постановок стал «Лоэнгрин» — до 1939 года опера звучала 99 раз. В 1934 году приглашенный в Ригу великий Михаил Чехов поставил мистического «Парсифаля», который стал одним из самых посещаемых спектаклей — в среднем 970 зрителей на каждой постановке. Но не всегда опере сопутствовал успех. Вершины творчества Вагнера не покорились дирижерам, певцам и зрителям — в 1921 году была поставлена его опера-шедевр «Тристан и Изольда», но после третьего же спектакля снята с репертуара; такая же судьба позднее постигла и «Валькирию» — всего четыре спектакля. Однако остальные постановки шедевров мировой оперной классики сопровождал успех — «Дон Жуан» Моцарта, «Фиделио» Бетховена, «Отелло» Верди, «Борис Годунов» Мусоргского, «Пиковая дама» Чайковского, «Саломея» Р. Штрауса. Стремительный расцвет оперного искусства объяснялся еще и тем, что Рига с готовностью приглашала выдающихся режиссеров и дирижеров; большевистская революция в России — катастрофа для всего мира — вынуждала многих деятелей искусства искать применение своим силам за рубежом, а Рига была, можно сказать, рядом. Двое из них оставили особенно заметный след в истории латышского театра. Один из них — режиссер Петр Мельников, работавший в Москве в Большом театре, — приехал в Ригу осенью 1922 года. Несмотря на некоторую авторитарность и догматизм, он был режиссером большого масштаба, обладавший тонким вкусом и высокой культурой. Через несколько лет в Ригу приехал дирижер Эмиль

Купер, притягательная личность, незаменимый наставник певцов, который великолепно ориентировался в основных принципах вокального искусства. Плодотворное сотрудничество Мельникова и Купера способствовало расцвету Латвийской оперы, первый взлет которой пришелся на 1925–1928 годы, затем последовали менее удачные годы. Начались, как и в любом театре, интриги, изменился вкус публики (неизбежная демократизация зрителя, а значит и потребность в менее сложных спектаклях легкого жанра и оперетте), интриги некоторых печатных изданий, обвинивших театр в «прорусскости»; все это вынудило сменить руководство театра и репертуар, началось чрезмерное увлечение опереттой. Новое возрождение началось в 1934–1935 году, когда в театр пришли молодой талантливый режиссер Янис Зариньш, дирижер Янис Калныньш, декоратор Петерис Рожлапа.

Одновременно с рождением оперного театра родилась и латышская опера: в 20–30-е годы было написано 12 и поставлено 11 латышских опер. Но опера очень непростой жанр; лишь одна, самая первая — «Банюта» Алфреда Калныньша (1920) оказалась не только высокохудожественной и отвечающей представлениям автора об опере, но и безоговорочно была принята зрителем. «Музыкальная драма мне кажется высочайшим воплощением оперы, и только там, где драма и музыка сливаются в единое целое, может идти речь об ее идеальном сценическом воплощении», — писал Алфред Калныньш. Менее успешной была судьба трех опер, написанных его сыном Янисом Калныньшем, учеником Язепа Витолса, — «Волшебная птица Лолиты» (1934), «Гамлет» (1936) и «В огне» (1937). Они, особенно «Гамлет», оказались чересчур авангардистскими и модернистскими для консервативной Латвии тех лет. (Опера «Гамлет» была возобновлена летом 2004 года и была воспринята зрителями с большим интересом.)

Своего зенита опера достигла именно тогда, когда независимость Латвии начали окутывать сумерки. Нацистский Берлин был вынужден покинуть Лео Блех, отдавший немецкой опере тридцать пять лет жизни и добившийся вершин ансамблевого звучания; теперь он превратился в «неарийца», в «нежелательный элемент». Латвия не только дала ему приют — его, приехавшего в Ригу 13 января 1938 года, тотчас назначили главным дирижером оперы. И уже 27 января состоялась премьера «Аиды», и он стоял за дирижерским пультом; 25 марта премьера «Манон Леско» Пуччини; в конце года «Реквием» Верди. Поставленные Блехом спектакли в сотрудничестве с Я. Зариньшем и П. Рожлапой стали вершиной оперного искусства 30-х годов. Брехмане-Штенгеле в своих воспоминаниях пишет: «...оперные спектакли становились настоящим праздником, когда за дирижерский пульт вставал Лео Блех. Какая точность, выразительность,

богатство нюансов, эмоциональность!.. Он до мельчайших подробностей знал партитуру каждой оперы и умел вдохновить и остальных... маэстро обворожил меня одной фразой: «Du kannst das dir erlauben!» («Ты можешь себе это позволить!»)). Ни один спектакль Блеха не пропустил молодой латышский дирижер Леонид Вигнерс; в послевоенные годы он сам будет поддерживать оперу на достойном уровне. 15 февраля 1940 года Латвийская Национальная опера пережила свой, возможно, величайший и — трагически — последний триумф в независимой Латвии: под руководством Блеха (художественный руководитель) и Зариньша (режиссура) под сводами зала зазвучала самая таинственная опера Моцарта «Волшебная флейта», сложнейшую партию Царицы Ночи в которой исполняла новая звезда — колоратурное сопрано Элфрида Пакуль. Следующее представление состоялось уже в оккупированной Латвии, деятели оккупационного режима и красноармейцы 20 декабря 1940 года заполнили театр, чтобы послушать «Тихий Дон» далеко не выдающегося композитора И. Держинского, фаворита Сталина. Это был уже совсем другой мир; это было насильственное унижение Латвийской оперы и ее поклонников.

Широкое международное признание получило латышское хоровое пение, особенно просуществовавший двадцать четыре года (1920–1944) хор Теодора Рейтерса, подлинно национальный и в то же время отвечающий высочайшим мировым музыкальным стандартам. В сфере классической музыки ясно наметилась смена поколений. Язеп Витолс и Эмилис Мелнгайлис продолжали и развивали главным образом традиции русской классической музыки. Молодое поколение обратилось к новаторству. Янис Медыньш — один из наиболее плодотворных симфонистов, Адолф Абеле, Янис Калныньш и Вольфганг Дарзиньш находились под влиянием музыки Р.Штрауса и французских импрессионистов.

Музыка, особенно классическая, как впрочем любая другая, была тем жанром искусства, на который огромное влияние оказало новое изобретение — **радио**. Прежде музыка была ограничена пространством (концертный зал) и расстоянием (способностью слышать), теперь же эти два препятствия были преодолены и жизнь, благодаря радио, стала немыслима без музыки. Впервые слова «Говорит Рига!» прозвучали в эфире 1 ноября 1925 года — в день рождения Латвийского радио. Вначале передачи продолжались всего два часа в день — с 20 до 22, но уже в ближайшие годы трансляция длилась по семь часов, а по воскресеньям и девять. В 1928 году Я. Медыньш стал руководителем симфонического оркестра радио, при нем на Латвийском радио была собрана богатая фонотека классической музыки. Однако количество радиоаппаратов в стране было невелико и существенно возросло только в самом конце 30-х годов (более 100 000

по всей Латвии), благодаря выпускавшимся ВЭФом высокотехническим и выдающимся с точки зрения дизайна радиоаппаратам; радио постепенно превращалось в средство массовой информации. Первым государственным деятелем, который стал широко им пользоваться в своих политических и идеологических целях, был К. Улманис. Его речь транслировалась по радио, когда он 10 февраля 1940 года неожиданно произнес, что Латвия «стоит перед нелегким выбором» (война?). Это был первый случай, когда радио стало причиной чрезвычайной тревоги в стране.

Балет тоже развивался, опираясь на плодотворное влияние извне. Не менее важными были и открытость самой Латвии, и талант латышских актеров. Как и в изобразительном искусстве, здесь тоже многое было почерпнуто в годы беженства в России. Уже в 1919 году небольшая группа энтузиастов — всего 10 человек — под руководством балетмейстера Волдемара Комисарса организовала первый Рижский ансамбль, еще самодеятельный, который не мог пока ставить балеты, однако участвовал в оперных постановках, исполняя отдельные номера. Это было начало, из которого выросло желание показать самостоятельную балетную постановку. Осуществил ее, по крайней мере частично, приглашенный из Петрограда выдающийся балетмейстер Мариинского театра Николай Сергеев. Однако балеты были еще редкостью, хореография большей частью примитивная; не было солистов. Перелом произошел, когда в Латвийскую оперу в 1925 году была приглашена из Петербурга Александра Федорова. Ее вклад в развитие латышского балета можно назвать историческим: она не была оригинальным балетмейстером, ставила многоактные классические балеты и начала с постановки пользовавшегося огромной популярностью «Лебединого озера». Воспроизводя хореографию великих Петипа и Фокина (в 1929 году Фокин сам поставил в Риге два одноактных балета, но оплачивать его труд Латвийской опере было не под силу), она сумела увлечь актеров самим балетным жанром, обучить их технике танца и создать постоянную балетную студию, из которой уже через несколько лет в латышский балет пришли выдающиеся солисты. Балетные постановки стали регулярными — дважды в неделю; за восемь лет — до 1932 года — свет рампы увидели 18 поставленных Федоровой балетов. Но в начале 30-х годов у зрителей появилось желание — хоть и запоздалое — увидеть и современную хореографию, к которой обратился в 1932 году балетмейстер Александр Визлак, сменивший Федорову, — премьер знаменитой парижской труппы Сергея Дягилева. Он поставил семь одноактных балетов, в том числе «Петрушку» Игоря Стравинского («Жар-птицу» Стравинского первой поставила еще в 1928 году Федорова), однако они не стали событием в балетной жизни, и среди зрителей зрело недовольство; пресса

писала о кризисе в балете; националистические издания упрекали театр в «обрусении» и требовали «латышского» балетмейстера.

Выход из кризиса пришлось искать Освалду Леманису, известному танцовщику, который в 1934 году стал балетмейстером и после Федоровой был вторым выдающимся художественным руководителем балетной труппы в 20–30-е годы. Он обновил классические балеты, среди них «Дон Кихота» и «Лебединое озеро», создал и новые постановки. А в стране, под влиянием духа авторитаризма, росла потребность в «национальном балете»: было написано семь оригинальных латышских балетов, четыре из них были поставлены, первым балет «Победа любви» Я. Медыньша в 1935 году. Однако событием они не стали и недолго задержались в репертуаре.

Огромную роль в становлении балета сыграли сценографы. По крайней мере трое из них создали подлинные шедевры, получившие мировое признание. Л. Либертс, главный художник Оперы с 1924-го по 1938 год, создавал декорации, которые и критика, и зрители называли «сказочно красивыми», на международных выставках в Барселоне (1931) и Париже (1937) они получили высокое признание. Не столь фантастически красивыми, но не менее впечатляющими были декорации Р. Суты и Н. Струнке. Влияние кубизма ощущалось еще в декорациях 1931 года к балету «Пулчинелла» на музыку Стравинского — это было искусство европейского уровня, ничуть не ниже парижского; четкие линии и завораживающие красочные пространства поражали в декорациях Струнке к балету «Скарамуш». Но что такое балет без выдающихся танцовщиков? Федорова сама была блестящей прима-балериной, в 1927 году у нее появилась не менее сильная соперница — Хелена Тангиева-Бирзниене, которая в течение десяти лет не знала себе равных в латышском балете. По ее стопам пошли и выпестованные уже в самой Латвии молодые артисты балета — Эдите Пфейфере, Мирдза Грике, Анна Приеде, замечательные танцовщики Арвид Озолиньш, выступавший с известными американскими и западноевропейскими балетными труппами, Харий Плуцис, Александр Лембергс. Тангиева-Бирзниене и Александр Лембергс поддерживали высокий уровень латвийского балета и в годы советской оккупации, после войны, когда оба оставались главными балетмейстерами Театра оперы и балета.

Интерес к **кино** — главному жанру искусства XX столетия — в Латвии был не менее велик, чем во всем мире. В 1930 году в Латвии насчитывалось 85 кинотеатров; не только в Риге (31), но и в каждом даже самом небольшом городке был кинотеатр, а в Тукумсе и в Лудзе было по два кинотеатра; накануне гибели государства работало уже 103 кинотеатра, и в год их посещало 6,3 миллиона зрителей. В 1920 году был снят первый после Первой мировой войны латышский актерский фильм — «Уходя на

войну» («В вихре времени»), имевший большой коммерческий успех, что подтолкнуло на создание первого общества латышских деятелей кино «Latvju filma» («Латвийский фильм»). Однако, несмотря на то, что в течение 20–30-х годов интерес к кино рос неудержимо и его развитие ни на минуту не прекращалось даже в годы экономического кризиса, успехи самого латышского кино не были стабильными. «Latvju filma» объявил о банкротстве уже в 1923 году, не сумев составить конкуренции вершинам немого кино — немецким и русским фильмам — и растущей экспансии Голливуда. Именно в Германии и России пышным цветом расцвели модернистские течения и экспериментаторство. Выдающейся личностью был родившийся в Риге Сергей Эйзенштейн, который покинул Латвию в 1915 году как беженец. Латвия для него, безусловно, была бы тесна — он был не столько потерянный Латвией гений, сколько стал гением потому, что покинул Латвию. Снятый им в 1925 году фильм «Броненосец Потемкин» принадлежит к золотому фонду мировой кинематографии; кадры расстрела толпы на лестнице в Одессе считаются одними из шести самых впечатляющих минут в истории кино.

В последующие годы несколько актерских фильмов, имевших псевдонародную направленность снял режиссер А. Рустейкис — «Даугава», «Родина», «Плотина»; на фоне современного европейского кино 30-х годов, в эпоху звукового кино, когда центром киноискусства стала Франция, они выглядели провинциальными. Более высоким качеством отмечены документальные фильмы К. Линде и Э. Крайса — во всем мире документальное кино преодолевало узкие рамки левого авангардизма и обретало жанровое признание. Незадолго до падения независимой Латвии огромный интерес зрителей вызвал первый полноценный латышский актерский фильм режиссера Вилиса Лапеникса «Сын рыбака». В январе 1940 года премьера фильма в прекрасном рижском кинотеатре «Сплendid Палас» привлекла такое количество народа, что под натиском толпы сломалась доска перед кассовым окошком. Фильм действительно мог нравиться: Вилис Лацис успешно переработал свой популистский, антикапиталистический роман под нужды кино, в соответствии с указаниями Министерства общественных дел улманисовского режима (эта была только первая переработка, вторая последовала в годы советской власти): «злой» процентщик и торговец (в фильме снимался колоритный Рудольф Берзиньш, оставивший карьеру певца) стал еще омерзительнее, «хороший» рыбак Оскар — еще лучше; в фильме было все, без чего кино не может существовать: занимательно написанная любовная история и хорошие актеры. 22 января 1940 года фильм посмотрел сам Улманис и заявил: «Нам фильм очень понравился» — и фильм объявили шедевром, каковым он, конечно, не был.

Пресса и издательства

Еще продолжалась немецкая оккупация, а Латвию уже затопило половодьем независимой прессы. 12 ноября 1918 года, на следующий день после перемирия, первым вышел листок латышских левых эсеров «Вперед», который был скорее курьезом, но уже 15 ноября стали выходить «Jaunākās Ziņas» («Последние новости») А. Беньяминьша — самая популярная газета в истории латышской журналистики; 21 ноября вышла газета ЛСДРП «Sociāldemokrāts», которая до 15 мая 1934 года была одним из самых серьезных печатных изданий Латвии. Выход новых изданий не прекращался вплоть до улманисовского переворота. Способствовал этому и либеральный Закон о печати 1924 года — цензуры не существовало, запрету подлежали только издания, причисленные к антигосударственным и порнографическим (список запрещенных изданий публиковался в «Правительственном Вестнике» — то есть запреты не замалчивались), и оборотистость издателей и читательский спрос, опирающийся на образованность и давние традиции — до 1914 года выходило более 60 латышских газет как в самой Латвии, так и в Западной Европе и США. Около 2000 газет, журналов, бюллетеней выходило в Латвии в 20–30-е годы на 10 языках, в том числе на немецком, русском, польском, идиш — именно для прессы на идиш период свободной Латвии был наиболее плодотворным: до 1914 не было ни одного регулярно выходившего издания; теперь их было более 10. После 15 мая пресса пострадала больше всех: в годы режима осталось всего два периодических издания, остальные, и, конечно же, явно прокоммунистические, были закрыты. В 20-е годы росли и тиражи — занимавшая первое место «Jaunākās Ziņas» выходила тиражом в десятки тысяч, за ней следовала русская газета «Сегодня». Поразительно было многообразие изданий — наряду с политическими и изданиями национальных меньшинств появлялись и отраслевые. Еще стремительнее возникали журналы: до 1914 года их было несколько, сейчас — десятки: женские, спортивные, политические («Domas» — «Мысли»), кино-, театральные, литературные («Daugava», «Burtnieks») с огромным количеством иллюстраций; иллюстрированные журналы в то время были популярны только в США (the picture magazine), Великобритании и Франции. В Латвии это был прежде всего издаваемый «Jaunākās Ziņas», журнал «Atpūta» («Досуг»), очень демократичный, публиковавший с продолжениями увлекательные, хотя и не всегда высокого качества романы и повести (последней публиковалась «Разбитая чашка» Алфреда Дзилумса), лубочную литературу, любовные и приключенческие романы, что говорило об уровне культуры массового читателя.

Наибольшая удача улыбалась тем, кто понимал принципы капиталистического предпринимательства, основанного на инновациях; «Сегодня» (1919–1940) — вторая старейшая русская зарубежная ежедневная газета — была в этом отношении безусловным лидером. Еще 1 декабря 1924 года, чтобы заполнить пустующую нишу, она первая стала выпускать вечернюю газету «Сегодня вечером»; с декабря 1926 года в ней появились цветные фотографии — в этом отношении она опередила многие зарубежные издания на десятилетия; газета первой создала широкую и разветвленную сеть корреспондентов и, наконец, раньше других предприняла успешную попытку «американизировать» газетное дело в Латвии: «Сегодня» стала первым концерном, издающим несколько газет, со своей современной типографией и издательством; газету читали во всей Европе и иногда называли даже «лучшим экспортным товаром Латвии». В 1930 году в маленькой Латвии издавалось 12 ежедневных газет; к сожалению, диктатура Улманиса и принятый в 1938 году антидемократический закон о печати стали причиной сокращения их наполовину — в 1937 году их осталось всего 6 (было закрыто более 100 периодических изданий и запрещено более 300 книг).

Издательское дело, издавна характерное для Латвии (в 1910 году число издательств достигло 79; ежедневно выпускались три книги на латышском языке, в 1913 году 1,5 экземпляра на каждого латыша), переживало не менее бурный расцвет. В среднем за годы независимой Латвии выходило от 700 до 1800 названий в год, в 30-е годы общий ежегодный тираж достигал порой 4 миллионов! Для издательского дела были характерны многие новации: 1) впервые вышли фундаментальные энциклопедические издания («Латышский толковый словарь»; «Словарь латышского языка»); 2) расцвело полиграфическое искусство, иллюстрировать книги приглашали виднейших художников и графиков (Р. Суту, С. Видбергса, У. Скулме, Александра Юнкерса, Яниса Плеписа); 3) росла конкуренция и появилась специализация. «Валтерс и Рапа», «Zemnieku Domas» («Крестьянская мысль») издавали разнопрофильную литературу, небольшое издательство Микелиса Гопера специализировалось на иллюстрированных изданиях, но наиболее удачным примером успешной предпринимательской деятельности было издательство не боявшегося рисковать Хелмара Рудзитиса «Grāmatu Draugs» («Друг книги»). «Каждый третий латыш лелеял в душе громадные планы», — писал Рудзитис, характеризуя настроение 20-х годов. Сам он, безусловно, их осуществил — независимая Латвия предоставляла огромные возможности тем, кто был готов их использовать: в сентябре 1926 года, в возрасте 23 лет, он основал издательство, которое публиковало развлекательную литературу, предлагало дешевую (1 лат!)

продукцию, смешную рекламу, премировало постоянных покупателей. Он шел на риск, без которого не бывает успеха, издавая большие тиражи; печатный цех работал на современных машинах, состав работников — мобильный и качественный. До 1940 года им было издано 890 названий; «Grāmatu Draugs» вышел и за пределы латвийского рынка, предлагая популярную литературу — оригинальную и переводную — на русском языке; Рудзитис был настоящим гением предпринимательства.

И несколько слов в заключение. Как писал известный английский историк Эрик Хобсбаум, XX век был веком простых людей, в котором преобладали культура и искусство для них и ими же созданное. Ярче всего это проявилось в прессе, радио, кино, популярной музыке (в Латвии это были братья Лайвиниеки, Янис Винтерс, душещипательные танго Оскара Строка, записанные на грампластинки фабрики «Bellacord» в Риге, в исполнении Петра Лещенко, популярные во всей Европе) и грампластинках, которые, в отличие от довоенной поры, могли приобрести теперь многие. Демократизация общества повлекла за собой и расширение городского строительства; хотя численность городских жителей в связи с Первой мировой войной уменьшилось, нередко даже драматично (в Риге), спрос на дешевые квартиры, а не на излишества югендстиля, постоянно рос и никогда не был полностью удовлетворен. Во второй половине 20-х годов главный архитектор Риги Павил Дрейманис предложил в качестве решения строительство двухэтажных рядных домов, издавна популярных в Англии; первые такие дома в 1926 году были построены на улице Лиспаяс, затем на улице Ропажу; в них соединились элементы современного стиля *Art Deco* и народного этнографического, однако из-за небольшой вместимости домов это не решило проблемы с жильем. Чуть позднее стали строить более вместительные дома-блоки, а во второй половине 30-х годов — в том числе и в провинции — и частные особняки; строительство прекратилось с гибелью Латвии.

Ничто так не отражает демократизацию общества и развитие массовой культуры, как спорт. В 1920 году, когда в Латвии состоялся Первый всеобщий спортивный праздник, «всеобщим» он был лишь в воображении: существовали всего два спортивных общества — Рижский гарнизонный спортивный клуб и Рижское общество велогонщиков — и приняли в нем участие всего 100 спортсменов. Однако спортивные занятия становились все популярнее: в 1924 году спортсмены Латвии уже участвовали в Парижской олимпиаде; в 1928 году, когда Латвия отмечала десятилетие своей независимости, 65 спортивных обществ, объединивших более 20 000 спортсменов, уже могли претендовать на массовость. Крупнейших спортивных успехов Латвия добилась в 30-е годы, когда появились первые

спортивные звезды, если можно называть их так в дотелевизионную эпоху. Стайер Янис Далиньш, завоевавший на X Олимпийских играх 1932 года 2-е место в ходьбе на дистанции 50 км, удостоился и первой в Европе 1934 года посвященной ему песни «Вот бы мне ноги Далиньша»; в Латвии действительно появилась первая спортивная звезда. Э. Биетагс стал одним из лучших в мире в классической борьбе; старший лейтенант Карлис Клява в 1937 году в Хельсинки стал победителем чемпионата мира по стрельбе из пистолета, Золотую медаль вручил ему маршал Финляндии Карл Густав Маннергейм. Самый большой успех — и жаркие страсти — сопровождал один из новейших в Латвии видов спорта — баскетбол. В 1935 году на 21-м чемпионате Европы в Швейцарии латыши стали чемпионами! Поражение Латвии в мае 1939 года на чемпионате Европы в Каунасе в матче с Литвой с разницей в одно очко — в глазах латышей, безусловно, несправедливое — всколыхнуло нешуточные антилитовские страсти, какими, пожалуй, могли бы «гордиться» даже западноевропейские или южноамериканские футбольные болельщики во второй половине XX столетия.

Рекомендуемая литература

1. Aizsilnieks A. Latvijas saimniecības vēsture, 1914–1945. — Stokholma: Daugava, 1968. — 983 lpp.: diagr. + rādītāji 23, [1] lpp. — Bibliogr.: 969.–980. lpp.
2. Andersons E. Latvijas vēsture, 1920 - 1940: Ārpolitika. — Stokholma, 1982. - I. - 703, [1] lpp.: il. — Bibliogr.: 688.–693.lpp. — Kopsav. angļu val.: History of Latvia, 1920–1940. Volume I: 1920–1938.
3. Andersons E. Latvijas vēsture, 1920 - 1940: Ārpolitika. — Stokholma, 1984. - II. - 697, [1] lpp.: il. — Bibliogr.: 564.–628. lpp. — Kopsav. angļu val.: History of Latvia, 1920–1940. Foreign affairs. Volume II: 1938–1940.
4. 20. gadsimta Latvijas vēsture / LU. Latvijas Vēstures inst.; R. Apine, L. Balevica, A. Beika ... [u. c.]; atb. red. V. Bērziņš. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2003. — II: Neatkarīgā valsts, 1918–1940. — 1022 lpp.: il. — Bibliogr.: [825.]–898. lpp. — Kopsav. angļu val.: The 20th century history of Latvia. II: The independent state, 1918–1940.
5. Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve: ceļinieks, politiķis, diktators, mocekļis / pēcv. aut. I. Ronis. — Rīga: Zinātne; Lana, 1992. - 459, [1] lpp., 24 lp. il. — Bibliogr.: 416. - [423.] lpp. un nod. beigās.
6. Feldmanis I., Stranga A., Virsis M. Latvijas ārpolitika un starptautiskais stāvoklis: (30. gadu otrā puse). — Rīga: Latvijas Ārpolitikas inst., 1993. — 435 lpp. — Bibliogr. nod. beigās. — Kopsav. angļu val.

7. Stranga A. LSDSP un 1934. gada 15. maija apvērsums: demokrātijas likteņi Latvijā. — Rīga: A. Stranga, 1998. - 287 lpp.: il. — Bibliogr. nod. beigās.
8. Šilde Ā. Latvijas vēsture 1914–1940: valsts tapšana un suverēnā valsts. — Stokholma: Daugava, 1976. — 781, [1] lpp., 26 lp. il. — Bibliogr.: 721. –742. lpp.
Faksimilizd.: Rīga: Zinātne, 1992.

4. ОККУПАЦИЯ ЛАТВИИ И ВКЛЮЧЕНИЕ ЕЕ В СОСТАВ СССР (1940–1941)

4. 1. ГИБЕЛЬ ГОСУДАРСТВА

17 июня 1940 года в 5 часов утра войска СССР нарушили сухопутную границу Латвии и уже через три часа, в 8 утра, советская армия пересекла ее границу со всех трех сторон по меньшей мере в пятнадцати местах (на севере — через Валку, на юге — через Йонишки в Литве и Бауску, на востоке, в Латгалии, — в 10 местах), чтобы быстро захватить Ригу, Елгаву, Даугавпилс, Резекне и Крустпилс. Таким образом, Советский Союз — официальный союзник Германии — совершил неспровоцированную военную агрессию по отношению к Латвии и оккупировал ее.

Этим Москва нарушила ею же самой подписанные соглашения, главными из которых были Латвийско–Российский договор 1920 года и Договор о ненападении между Латвией и Советским Союзом от 1932 года. Авторитарное решение Улманиса — не оказывать военного сопротивления агрессору — с военной точки зрения понять можно: он думал, прежде всего, о выживании нации и любой ценой хотел избежать больших жертв при превосходящей силе советских войск. Но его решение не выразить даже дипломатического протеста против оккупации было, безусловно, ошибочным и заслуживает резкой критики. И все же даже это единоличное решение не затеняет самого главного: поведение жертвы, каким бы ни было оно в момент совершения преступления, не оправдывает убийцу, — а Советский Союз и явился убийцей независимости и существования Балтийских стран. Действия Улманиса ничего бы не изменили в ходе оккупации и аннексии Латвии — это доказал пример Литвы: президент страны Антанас Сметона бежал, не подписав ни одного продиктованного оккупантами распоряжения, но это, по существу, ничего не изменило ни в ходе, ни в сути оккупации.

Ход оккупации координировали посольство СССР в Риге и оперативная группа НКВД, которая прибыла в Латвию еще в мае (один из членов этой

группы — Сергей Русаков впоследствии, претендуя на персональную пенсию республиканского значения в Советской Латвии, писал: «В мае 1940 года я в составе оперативной группы был направлен в Латвию для нелегальной разведывательной деятельности, чтобы установить в Латвии советскую власть», в спецгруппу вошли также Алфред Пумпанс, Дмитрий Белов и другие). 18 июня в оккупированную Латвию прибыл человек, от чьей воли в дальнейшем зависело все, — эмиссар Сталина Андрей Вышинский, прокурор времен жуткой сталинской «чистки» второй половины 30-х годов. Он пробыл в Латвии больше месяца (с небольшими перерывами, совершая консультативные поездки в Москву или Таллинн, где в той же роли выступал член Политбюро ЦК ВКП(б) Андрей Жданов, политически самая вышестоящая фигура в оккупированной Балтии), пока не был завершён этап, последовавший за оккупацией, — подготовка аннексии Латвии. Главные направления и итоги деятельности Вышинского были следующие.

Во-первых, 20 июня было сформировано марионеточное правительство оккупированной Латвии под руководством профессора Аугуста Кирхенштейна, состав которого внешне как будто не давал никакого представления о его возможной дальнейшей ориентации, во всяком случае ничто как будто не свидетельствовало — и в этом заключался замысел Вышинского — о его прокоммунистической направленности (что на важный пост министра внутренних дел был назначен популярный писатель Вилис Лацис, который поддерживал связи и с нелегальной компартией, и с советским посольством в Латвии, что новый начальник Политической полиции Викентий Латковскис — советский агент с 1920 года, никто, конечно, не знал. Не знали также, что вновь назначенный командир Латвийской (народной) армии генерал Роберт Клявиньш установил связи с советской разведкой еще в 1939 году).

Во-вторых, контролируемое Москвой «правительство» Кирхенштейна уже в конце июня приступило к массовой и тотальной ликвидации всех общественных и политических организаций; исключение составили только некоторые явно коммунистические или находившиеся под влиянием коммунистов организации. В процессе ликвидации возникла широкая возможность сведения личных счетов. (Так, средний писатель Арвид Григулис, до 15 мая 1934 года второсортный активист социал-демократии, был назначен ликвидатором Общества деятелей печати, объединявшим писателей и журналистов. «Пятно» в биографии — принадлежность к социал-демократам — заставляло изо всех сил выслуживаться перед оккупационной властью: абсолютное большинство членов общества — 156 человек — были исключены; около половины из них были впоследствии репрессиро-

ваны, а в «чистое» общество, из которого спустя некоторое время вырастет Союз писателей Латвии — пропагандист коммунистической идеологии, будет принят секретарь ЦК КП Латвии Жанис Спуре, выделявшийся даже среди необразованных коммунистов своим невежеством; за заслуги перед советской властью в 1976 году Григулису было присвоено звание Народного писателя Латвийской ССР, и таким образом звание это достигло пика своей одиозности).

В-третьих, постепенно, но бесповоротно возрастала роль КП Латвии. Хотя ее деятельность полностью контролировало посольство СССР в Латвии и команда А.Вышинского (например, некие «товарищи Владимиров и Сергеев» — эмиссары Москвы, проходившие под вымышленными фамилиями, — участвовали в заседаниях ЦК КП Латвии и определяли курс местных коммунистов; Виктор Вербовскис — под конспиративной кличкой Виктор Вирза — был направлен в Политическую полицию, «... чтобы содействовать выборам [в Сейм]...») и постоянно приезжающие «кадры», среди них и многие коммунисты-латыши из СССР (им надлежало компенсировать и численную нехватку — всего около 500 коммунистов на начало оккупации, — и идейную и профессиональную слабость КПЛ, в которой, как считал Сталин, еще недавно было полно троцкистов).

Но главной задачей Вышинского было — придать аннексии видимость легальности: тут-то и понадобилась инсценировка с избранием «народного парламента». Решение о его проведении Москва приняла 4 июля; выборы должны были состояться уже через десять дней — 14 и 15 июля. Столь сжатая предвыборная компания нарушила Закон Сейма о выборах, а проведение выборов в июле противоречило Сатверсме Латвии, которая формально еще не была отменена, — статья 11 конституции гласила, что выборы должны проводиться в первое воскресенье октября и в субботу накануне. Сделано это было сознательно, чтобы обеспечить победу созданного оккупантами «Блока трудового народа». Но самое главное заключалось в том, что на выборы не был допущен ни один другой список (созданный 6 июля так называемый Демократический блок, объединивший многих популярных буржуазных политиков — А. Кениньша, Я. Брейкшса, В. Замуэlsa, Х. Целминьша, общественных и культурных деятелей — К. Скалбе, Минтауга и К. Чаксте, пытавшийся сохранить хотя бы остатки независимости Латвии и не без основания рассчитывавший на поддержку населения, был запрещен, а многие его члены репрессированы). В ходе предвыборной кампании важно было не то, что обещал сделать «Блок Трудового народа», а что он обещал *не делать* после выборов. Во-первых, был наложен запрет на лозунги, провозглашавшие уничтожение независимости Латвии и присоединение ее к СССР. Сам Вышинский 5 июля публично и

угрожающе одернул тех коммунистов, которые увлеклись «различными безумными фантазиями». Во-вторых, ничего не говорилось о предстоящем провозглашении советской власти. В-третьих, население успокаивали, что никакого драматического отчуждения частной собственности не произойдет. (В платформе «Блока Трудового народа» речь шла даже о «неприкосновенности личности и собственности» всех граждан). В-четвертых, ни слова не говорилось о предстоящей грозящей катастрофе в аграрной политике. В ходе выборов широко фальсифицировались результаты голосования; население подвергалось моральному давлению — выборы проходили при организационном участии и в присутствии советских войск. Их результаты — в соответствии с укоренившейся в Советском Союзе практикой — были близки к 100% за единственный список (в Кулдиге ровно 100%!). Так был сделан решающий шаг к аннексии Латвии.

До 21 июля 1940 года — до первого заседания так называемого Народного Сейма — более 70 граждан Латвии было арестовано и даже депортировано в Россию. Это было нечто беспрецедентное — арест органами госбезопасности другой страны граждан формально все еще независимой Латвии и депортация их в другую страну; вот еще одно — и очень наглядное — доказательство оккупации Латвии. Были депортированы руководители всех трех стран Балтии: первым, 16 июля, бывший премьер и недолгое время исполнявший обязанности президента Литвы Антанас Меркис, 22 июля — Карлис Улманис, чуть позднее, 30 июля, президент Эстонии Константин Пятс. Самые масштабные аресты проводились в Латвии 19–20 июля, когда, выполняя приказ начальника Политической полиции Викентия Латковскиса, были арестованы главным образом многие так называемые «белые русские» — бывшие офицеры монархических анти-советских отрядов в 1917–1920 годах (например, живший под Резекне генерал-майор армии Юденича Михаил Афанасьев, который вскоре был расстрелян; бывшие депутаты Латвийского Сейма Мелетий Каллистратов и Григорий Елисеев и др.).

4. 2. АННЕКСИЯ

На первом же заседании Сейма 21 июля вся ложь предвыборной кампании была отброшена как ненужная. Жанис Спуре предложил провозгласить в Латвии советскую власть; Вилис Лацис — вступить в Советский Союз. Этим еще раз была нарушена Сатверсме Латвии, статья 77 которой гласила, что изменение государственного строя и вопросы независимости

страны должны решаться только путем всенародного голосования. 30 июля в Москву отправилась делегация из 20 депутатов — с просьбой принять Латвийскую Советскую Социалистическую Республику в состав Советского Союза. 5 августа в Москве был сыгран последний, заключительный акт аннексии. На спектакле в Верховном Совете СССР — жалком в глазах Сталина, но трагичном для Латвии — делегация «Народного Сейма» выступила с просьбой принять Латвию в «братскую семью народов». Женщинам — членам делегации — было приказано явиться в латышских народных костюмах — насмешка и унижение для латышей; делегатка Ольга Аугусте, необразованная коммунистка-подпольщица, категорически отказалась надеть «эти лохмотья» — даже столь формальное и театрализованное подтверждение национальной принадлежности оказалось неприемлемым для коммунистки-интернационастки, ненавидевшей все национальное. Просьба «Народного Сейма» была удовлетворена: Латвия была принята в состав Советского Союза; то есть Латвия была, наконец, не только оккупирована, но и аннексирована.

Тотчас же были отброшены всяческие остатки театральности — оккупационный режим стал явью. Репрессии, в том числе и против этнических меньшинств, которым только что было обещана свобода от «Улманисовского шовинизма», стали набирать обороты — именно 5 августа начались аресты и депортация еврейских политических деятелей — от руководителей правой, лояльной к независимой Латвии сионистской организации «Трумпельдор» до левых бундовцев. 7 августа были национализированы все издательства, что окончательно ликвидировало даже остатки свободы слова. Все издательства были объединены в единственное Государственное издательство, руководителями которого были назначены вернувшиеся из СССР латышские коммунисты. Ускоренными темпами во всех учебных заведениях начали изучать «Сталинскую конституцию».

25 августа во всех трех Балтийских республиках произошли перестановки в высших коллаборационистских рядах: предыдущие президенты министров были формально повышены — стали председателями местных Верховных советов; эта должность не имела никакой власти. В Латвии ее занял Аугуст Кирхенштейн. Бывший министр внутренних дел Вилис Лацис стал премьер-министром, на его место в Министерство внутренних дел (позже Народный комиссариат внутренних дел — НКВД) пришел Алфонс Новикс, бывший подпольщик, который не позднее 1926 года был завербован советскими органами безопасности. В то же время в МВД все более заметную роль стали играть присланные из Москвы чекисты, особенно Семен Шустин, который сменил Викентия Латковскиса и стал заместителем Новикса по работе с органами Государственной безопасности

(начальник Управления государственной безопасности — УГБ). Политический террор нарастал: до ноября 1940 года, когда в оккупированной Латвии официально начал действовать Уголовный кодекс России, по меньшей мере 1500 человек были арестованы по политическим мотивам. Ударными темпами в сентябре–октябре 1940 года была построена подземная тюрьма в подвалах Комиссариата внутренних дел в Риге, по улице Бривибас 37/39 — на пятьдесят лет оккупации это здание стало «угловым домом», — как в народе называли чека, — местом, где мучили латышских патриотов (первым начальником тюрьмы в 1940–1941 годах был чекист еврейского происхождения сержант госбезопасности В. Г. Зевин). Число сотрудников репрессивных органов росло — в НКВД работало 4933 человека, в УГБ — 270.

4. 3. РЕЖИМ ОККУПАЦИИ

Террор «страшного года» коснулся прежде всего частной собственности населения Латвии: все, что было накоплено поколениями, было обречено на уничтожение, разграбление и захват коллаборационистами и оккупантами. Уже 22 июля только что «избранный» Народный Сейм, нарушив предвыборные обещания, национализировал всю землю и конфисковал, т. е. отобрал без компенсации, все излишки земли свыше 30 гектаров. Хребет латвийской деревни — сильные крестьянские хозяйства — был переломан. За этим последовала национализация и конфискация банков, кредитных учреждений, крупных и средних торговых, промышленных и транспортных предприятий; на 3 августа (т.е. всего через две недели) были захвачены 804 предприятия — все, где было занято более десяти рабочих или служащих.

9 августа у населения были конфискованы ценные бумаги, а в течение последующих месяцев было изъято все, что еще оставалось; 28 октября были национализированы и частные дома, многие жители были изгнаны из своих жилищ, и в них поселились функционеры оккупационного режима, появились коммунальные квартиры, неизвестные в Латвии. В феврале 1941 года были национализированы и конфискованы и мелкие предприятия, где было всего пять рабочих. За неполные полгода почти все частное имущество в городах и на большей части сельской территории было захвачено; оставшееся забрали 17 мая 1941 года, полностью уничтожив частную торговлю.

Но и это было не все; катастрофические последствия оккупационного режима сказались и на финансовой политике. Гордость независимой Лат-

вии — стабильная валюта и денежная система — стала рушиться сразу же после прихода оккупантов. Население принялось лихорадочно скупать все подряд, готовясь к самому худшему; покупательная способность денег падала. Товарный голод стал ощущаться уже в июле и драматически усилился с приходом огромной армии оккупантов, членов их семей и советских бюрократов с их возможностью менять огромную рублевую массу на латы, не устававших покупать (особенно трагикомично это выглядело осенью 1939 года, когда покупателями были офицеры советских баз и члены их семей) и отправлять посылки в Россию — эта практика, начавшаяся летом 1940 года, будет продолжаться вплоть до 1991 года. Уже 23 июля — в мирное время, а не в условиях войны! — была введена нормированная продажа товаров, сначала — на одежду, стремительно перекинувшись затем почти на все (например, мыло — не больше 125 граммов в месяц). неизбежными стали штрафы, налагавшиеся на торговцев и покупателей, не соблюдавших ограничений: милиция получила право проверять запасы товаров прямо в домах, и тотчас расцвело доноительство — неизбежная человеческая слабость в условиях оккупации (и — не только): жители стали сообщать о «подозрительных действиях» в магазинах, берущие магазины «штурмом» превращались во «врагов народа». В такую опасную для жизни категорию могли записать любого.

Положение стало еще тяжелее, когда 25 ноября 1940 года советский, не имевший никакой ценности рубль официально, наряду с латом, был объявлен платежным средством, при этом был установлен совершенно произвольный курс: один лат — один рубль, хотя еще совсем недавно, в независимой Латвии, один лат стоил десять рублей (то же самое произошло в оккупированной Эстонии, где одна крона была приравнена к 1,25 рубля, при прежнем курсе 1 к 10–15, и в Литве, где один лит стоил 3–5 рублей, а теперь он был приравнен к 0,9 рубля). Разница в ценах, по-прежнему существовавшая между Латвией и так называемыми старыми республиками (например, в ноябре масло в Латвии стоило 7 рублей, говядина — 3 рубля за килограмм, а в Москве соответственно 28 и 12 рублей) буквально «вынуждала» отправлять посылки в Москву. 25 марта 1941 года лат был вообще изъят из оборота и остался только советский рубль. Незадолго до начала немецкого вторжения в июне 1941 года оккупированную Латвию постигла та же участь, от которой давно уже страдали в СССР: принудительная подписка на облигации внутреннего займа — своего рода экспроприация, которая достигнет своего пика в годы второй оккупации Латвии, начиная с 1945 года.

С первых же дней оккупации началось безудержное печатание денег, чтобы удовлетворить нужды оккупационного режима. На 15 июля 1940 года,

за неполный месяц с начала оккупации, было отпечатано 9,2 миллиона латов. Огромные суммы предназначались для новых оккупационных учреждений, политической полиции (будущему УГБ), а также для оккупационной армии (только 19 августа 1940 года на обеспечение советских офицеров квартирами и мебелью было выделено 37 тысяч латов). Опасаясь окончательно потерять все, население принялось «штурмовать» кредитные учреждения, изымая свои накопления, однако с 1 августа были введены строжайшие ограничения: в дальнейшем можно было снимать со счета только 100 латов в неделю. Но и этому 25 марта 1941 года — одновременно с уничтожением лата — пришел конец: на личных счетах оставили всего 1000 рублей; остальное конфисковали. Цены росли стремительно и неуклонно, больше всего на промышленные изделия, особенно на одежду, обувь (в августе 1940 года хорошее осеннее или зимнее пальто можно было купить за 68 латов, в декабре оно стоило уже 500 рублей) — промышленные товары за один год советской оккупации подорожали в шесть раз, не отставали и цены на продукты — они выросли втрое. Появились неотъемлемые составные части советской системы, оказавшие влияние на культуру быта нескольких поколений, — очереди в магазинах, блат, черный рынок, спецобслуживание партийной и советской номенклатуры. 15 мая 1941 года было введено нормирование продуктов питания — масла, молока, колбасы — немыслимое в независимой Латвии и ставшее обыденным явлением советского режима на долгие годы.

Вся экономика Латвии постепенно, но бесповоротно была «перекроена» по модели коммунистического Советского Союза. Быстрее всего это происходило в промышленности. В первый же год советского режима появились характерные для оккупационной политики особенности, которые после войны были доведены до абсурда. Во-первых, крупнейшие предприятия были объявлены всесоюзными предприятиями (ВЭФ, «Вайрогс», «Тосмаре», «Сарканайс металургс»); в дальнейшем они все больше утрачивали связь с экономикой Латвии, искусственно расширялись и «интегрировались» в общую систему СССР — то есть выпускали продукцию в основном для всего Советского Союза и зависели от поставок из внутренней России; зависимость эта намеренно поддерживалась, чтобы искоренить даже остатки экономической самостоятельности оккупированной Латвии.

Во-вторых, на всех предприятиях — союзного и местного значения — были внедрены сталинские трудовые нормы и производственные отношения; это был полный разгром производственной культуры. Рабочие были вынуждены участвовать в так называемом социалистическом соревновании (особенно в стахановском движении), которое фактически являлось

скрытой формой эксплуатации. Было принято трудовое законодательство СССР 1938 года: никто не имел права уволиться с работы или поменять ее без разрешения — за это грозило тюремное наказание; менее суровые наказания полагались за опоздание и несоблюдение «трудовой дисциплины», что проще простого было квалифицировать как сознательный подрыв экономики советской власти. На предприятиях появилось нечто невероятное — так называемые «спецотделы», легальные филиалы чека, которые занимались слежкой за людьми; зачастую в них работали приехавшие так называемые российские латыши — самые убежденные сталинисты. Бюрократия на предприятиях росла невиданными темпами, достигнув аномальных цифр, которые, однако, таковыми не считались: на рижской текстильной фабрике «Сарканайс ритс» в 1941 году чиновников, которые ничего не производили, было в 2,2 раза больше, чем рабочих.

В-третьих, уже в 1940–1941 году началась колонизация Латвии; одним из наиболее эффективных средств была русификация. И хотя наплыв русских по сравнению с послевоенными годами был численно еще не велик, это уже ощущалось и происходило главным образом за счет роста управленческого аппарата «всесоюзных предприятий», подчинявшихся министерствам, трестам и промкомбинатам. В первый год оккупации в Латвии еще не был отмечен такой поток неквалифицированных рабочих из СССР, как после войны: в мае 1941 года в промышленности насчитывалось 27 000 чиновников и конторских служащих, среди которых большое число составляли приезжие.

Самая же трагическая судьба ожидала село Латвии, где проживало более 60% населения, в основном этнические латыши. И хотя оккупационный режим обещал не вводить колхозы: «Ничего подобного не произойдет, так как новая власть прекрасно понимает латышское крестьянство и знает его психологию», — утверждал народный министр земледелия Я. Ванас, однако все говорило о том, что массовая принудительная коллективизация могла начаться в Латвии уже во второй половине 1941 года, если бы не агрессия Германии. С конца июля 1940 года в спешном порядке было начато проведение «советской аграрной реформы» — до 25 сентября 1940 года необходимо было наделить землей безземельных и имеющих наделы менее 10 гектаров. В результате изъятия «излишков» земли (свыше 30 га) и земли у «врагов народа и земельных спекулянтов» (а им мог стать любой «нежелательный элемент») было создано 51 762 новых хозяйства, имевших по 10 га, и дополнительно во владение была передана земля 23 321 хозяйству, имевшему менее 10 гектаров. Экономической мотивации при создании абсолютно нерентабельных хозяйств не было никакой — они были обречены на нищету. И хотя реформа проходила под лозунгом

социальной справедливости, целью ее было окончательное уничтожение крупных хозяйств и разжигание противоречий на селе. Нельзя отрицать, что многие мелкие крестьяне — особенно в Латгалии — стали приверженцами советской власти, зачастую даже не понимая, что сами себе готовят петлю, которой воспользуется следующий оккупант — немецкий. Других же ожидало горькое разочарование в послевоенные годы, когда даже эти нищенские наделы были отобраны и владельцы согнаны в колхозы; нередко именно новохозяева 1940 года больше всех будут огорчены коллективизацией конца 1940-х годов, которая лишит их последней надежды на «свой уголок земли».

25 сентября 1940 года в оккупированной Балтии был создан первый колхоз — в Эстонии. Тогда это еще было исключением, и, очевидно, решение о массовой коллективизации в Москве еще не было принято. Однако на ход событий повлияла комиссия, возглавляемая секретарем ЦК ВКП(б) Андреем Андреевым, которая явилась в Балтию в декабре 1940 года с инспекцией процесса советизации. Возвратившись в Москву, Андреев порекомендовал Сталину приступить к строительству колхозов и совхозов и начать массовые репрессии против кулаков, бывших партийных руководителей, фабрикантов, торговцев и священников: их необходимо депортировать — «следует очистить Литву, Латвию и Эстонию от этой враждебной сволочи». Вскоре после его поездки — в январе 1941 года — в Литве, в Акменяй, был создан первый колхоз с небольшими земельными площадями — всего 250 га, названный именем Ленина. Похоже, именно такие небольшие колхозы и предполагалось создавать, если бы настал момент массовой коллективизации. В ее подготовке важную роль сыграло постановление Совета Народных комиссаров (СНК) СССР и ЦК ВКП(б) от 19 февраля 1941 года, подписанное Сталиным и Молотовым, предписывавшее начало строительства поселков — это четко указывало на намерение начать коллективизацию и ограничить хуторскую систему. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 3 марта окончательно проясняло, что ждет латвийское село: все советские граждане обязаны были оказывать содействие добровольным (*sic!*) устремлениям трудового крестьянства создавать простые коллективные хозяйства — сельскохозяйственные кооперативы, базой которых должны были стать национализированные и конфискованные крепкие крестьянские хозяйства.

В дальнейшем, весной и в начале лета 1941 года, события стали развиваться стремительно, не оставляя сомнений в их конечной цели. 12 марта ЦК ВКП(б) принял постановление о создании машинно-коннопрокатных пунктов (МКПП), национализировав для этой цели в каждой волости одно крупное крестьянское хозяйство со всем инвентарем. Число волостей в

Латвии превышало 500 — таким образом предполагалось захватить значительное количество образцовых хозяйств. Тут открывались широкие возможности для сведения личных счетов: местный уездный комитет партии или исполнительный комитет указывали, кто должен быть причислен к «крупным хозяйствам», — зачастую это были наиболее активные айзсарги, отчуждение имущества которых стало своего рода формой политического террора. В то же время резко возросло давление на крестьянство. Выражалось это двояко: во-первых, с 31 марта были введены обязательные сельскохозяйственные налоги — чем больше площадь, тем выше налог. Фактически это была экспроприация продукции в форме налога — крестьянам, которым принадлежало 30 га земли, государственные поставки постоянно увеличивали, вплоть до 50%, а оплата за произведенную продукцию была в шесть раз ниже ее себестоимости. Во-вторых, 13 мая был введен новый сельскохозяйственный налог, который — более явно, чем налоги в городе, — исходил из классового подхода (с одной и той же суммы дохода рабочие и советские чиновники платили 8%, мелкие собственники — 30,5%); развалу так называемых крупных хозяйств — если использовалась наемная рабочая сила — должны были способствовать налоги до 50% от дохода; если же доход превышал 10 000 рублей в год, налог составлял более 55% (в Латвии, в отличие от СССР, накануне коллективизации не был введен один из самых одиозных налогов, действовавших в старых республиках, — налог на лошадиную силу, который вынуждал крестьян отдавать лошадь и вступать в колхоз). Наметилась четкая тенденция добиться разорения крестьян налогами и заставить их «добровольно» создавать колхозы или совхозы.

14 мая 1941 года было принято постановление ЦК КП(б)Л и советского правительства о создании 18 совхозов за счет ликвидации многочисленных крестьянских хозяйств (отчуждению подверглись не менее 134 хозяйств, но завершить выполнение постановления помешала немецкая оккупация). Прокурор ЛССР, присланный из советской России Эрнест Солдникс, был откровенен: «Кулаков агитировать бесполезно. К кулакам необходимо применять репрессии». В прессе широко пропагандировались преимущества коллективного хозяйства, и в июне сообщалось, что более 1000 (*sic!*) кооперативов, члены которых в будущем будут жить в поселках, ждут своей очереди зарегистрироваться. Однако до начала немецкой оккупации был создан всего один колхоз. На следующий день после дня большого террора — 14 июня — (вряд ли случайно) — в Абренском уезде был зарегистрирован колхоз «Сталинская артель», которому принадлежало, как и упомянутому колхозу в Литве, всего 250 га земли (небольшим послаблением в 1941 году — но не после войны — был тот факт, что не

была полностью повторена экстремальная аграрная политика советской Латвии 1919 года, по которой отчуждалось абсолютно все, принадлежавшее крестьянам, включая даже кур). Был принят колхозный устав СССР 1935 года, который разрешал иметь небольшой участок приусадебной земли и несколько голов скота: у крестьян «Сталинской артели» было по 0,5 га приусадебной земли, 2 коровы, 2 свиньи и 10 овец. И вот эти крохотные участки и неутомимый крестьянский труд поставляли на рынок в условиях коллективизации немалую часть продукции (по сравнению с мизерными земельными участками). Не было никаких сомнений, что за первой волной депортации в ближайшее время последует вторая, а за ней — массовая коллективизация. И только нападение другого оккупанта — недавнего друга и союзника СССР — предотвратило это: на начало советско-германской войны в Литве было создано 12, в Эстонии — 9 колхозов, в Латвии — один колхоз и по меньшей мере 15 совхозов.

Самая активная роль в воплощении разработанных Москвой планов и создании широчайшей системы террора на территории оккупированной Латвии принадлежала Коммунистической партии (большевиков) Латвии и репрессивным учреждениям: Народному комиссариату внутренних дел Латвийской ССР, Комиссариату государственной безопасности (с февраля 1941 года), Военному трибуналу Прибалтийского Особого военного округа и особым отделам; прокуратуре и судам. В условиях оккупации резко возросло количество членов партии, особенно за счет приехавших из СССР, резко возрос и удельный вес членов партии русской национальности. В декабре 1940 года, во время 9-го съезда КП(б)Л, в ее рядах насчитывалось уже 1600 членов и 1200 кандидатов — по крайней мере в три раза больше, чем на 17 июня 1940 года, когда было не более 500 коммунистов. И хотя уже начался наплыв российских латышей и этнических русских и шло назначение их на ответственные посты, тенденция эта не приняла еще столь масштабных размеров, как после войны — особенно после массовых чисток 1959 года. Первым секретарем ЦК КП(б)Л был Янис Калнберзиньш, которого отчасти можно считать «русским латышом» — до 1936 года он жил в Москве, откуда был направлен на нелегальную работу в Латвию, чтобы очистить партию от «троцкистов» и «провокаторов». В июле 1939 года его арестовала Политическая полиция Латвии, и июньскую «социалистическую революцию» он встретил в тюрьме вместе с другим руководителем нелегальной компартии Ж. Спуре, человеком со схожей судьбой — с 1923 года жил в России и в 1936 году был направлен в Латвию с тем же заданием, что и Калнберзиньш; арестован весной 1940 года. До декабря 1940 года Ж. Спуре — второй секретарь ЦК КП(б)Л, затем его заменил Роберт

Нейландсом, возможно, из-за явного алкоголизма Спуре. Как видим, в 1940–1941 годах еще не существовала практика обязательного назначения вторым секретарем человека, присланного из России надзирать за первым, «национальным», чтобы не допустить ни малейшего проявления «национального коммунизма» (в 1940–1941 годах местные коммунисты контролировали и компартии оккупированных Литвы и Эстонии. Пример Литвы был своего рода уникален — первый секретарь компартии Антанас Снечкус не только руководил партией четыре года, с 1936-го, будучи в подполье, но и продолжал возглавлять ее в годы оккупации без перерыва вплоть до 1974 года. Вторым же секретарем Литовской компартии в первый год оккупации был местный еврей Ицик Мескупас-Адомас, что свидетельствовало о большей роли евреев в компартии Литвы. В Эстонии компартию возглавил местный коммунист Карл Сааре).

Партия играла решающую роль в навязывании коммунистической идеологии. Ее монополия на информацию строжайше охранялась. В три приема — в ноябре 1940-го, феврале и марте 1941 года — было проведено радикальное изъятие из библиотек с последующим уничтожением, вплоть до сожжения, запрещенных книг и брошюр, всего около 4000 (сходство с сжиганием книг в нацистской Германии в 1933 году разительное). Писатели Александр Гринс и Леонид Брейкшс были приговорены к смертной казни, Вилис Велдре доведен до самоубийства, Атис Кениньш — депортирован. Навязанную оккупированной Латвии коммунистическую идеологию характеризовал безраздельный культ личности Сталина, разглашательства о «дружбе народов» и при этом особо подчеркивалась бескорыстная и решающая роль русского народа в истории Латвии с доисторических времен. Началась русификация истории Латвии (тогда еще не созрела мысль преподнести июнь 1940 года как совершенную населением Латвии «социалистическую революцию»; она была названа «братской помощью» русского народа — ти СССР в свержении «фашистской клики» Улманиса); щедро звучали обещания о близящемся коммунистическом изобилии. Большевицкая идеология, как и нацистская, в корне изменила язык: в нем стала доминировать милитаристская, близкая к армейскому языку терминология. Началось воинственное наступление на религию. Жизнь превратилась в борьбу — от борьбы за производительность труда до гораздо более грозной борьбы с «врагами народа»; одновременно населению внушались параноические идеи о присутствии «скрытого врага» везде и всюду. Все, что писалось или говорилось о деятельности партии и правительства в советской Латвии, высказывалось в превосходной, патетической форме. Однако коммунисты ведали не только идеологией, многие из них, даже не имевшие никакого отношения к системе безопасности,

принимали тем не менее участие в репрессиях против жителей Латвии, составляя списки «спекулянтов», «кулаков» или «врагов народа», сообщая об этом репрессивным органам (одним из самых ярых разоблачителей «антисоветских элементов» был секретарь Пролетарского райкома партии Риги Эдуард Берклавс, который направлял информацию об этих «элементах» в органы безопасности), активно участвовали в составлении списков лиц, подлежащих депортации 14 июня 1941 года.

Комиссариаты внутренних дел и безопасности, прокуратура и Верховный суд гораздо раньше, чем было русифицировано руководство КП(б)Л, назначали на руководящие должности вновь прибывших русских, иногда евреев или российских латышей, зачастую оказываясь более ортодоксальными русификаторами, чем сами русские. Комиссар внутренних дел Латвийской ССР Алфонс Новикс сохранил свое кресло вплоть до смерти Сталина в 1953 году, что свидетельствовало о полном доверии к нему со стороны Москвы и убежденности в его «несгибаемой воле к борьбе с «врагами народа»», однако в гораздо более важном Комиссариате государственной безопасности все руководство состояло из приезжих — комиссаром был назначен уже упомянутый Семен Шустин, и это было самое страшное, что мог сделать Сталин, — назначение еврея руководить кровавой службой во время большого террора могло только способствовать формированию представления о «жидах-чекистах», совершающих преступления против латышского народа. Прокуратуру возглавил присланный из СССР Эрнест Солдникс, который с 1925 года работал на Украине; весной 1941 года в прокуратуре проводилась большая «чистка» — должности уволенных местных работников занимали назначенцы из СССР. Верховный суд Латвийской ССР возглавили российские латыши — Фрицис Домбровскис (председатель) и Эмилия Вейнберга (заместитель). В целом для работников репрессивных органов характерен был низкий уровень образования, который заменяли им политическая благонадежность или ускоренное, поверхностное образование — например, в январе 1941 года были организованы трехмесячные юридические курсы.

Официальное введение на территории оккупированной Латвии в ноябре 1940 года Уголовного кодекса СССР подстегнуло террор; кодекс стал применяться задним числом, людей обвиняли в преступлениях, которые они при всем желании не могли совершить в независимой Латвии в 20–30-е годы, когда никакие российские кодексы здесь не действовали. Самой одиозной была статья 58-1а, назначавшая самое суровое наказание за «измену Родине». И хотя ни один арестованный не предавал свою Родину, т. е. Латвию, они осуждались за «измену» России, которую «предали» в 20–30-е годы, не будучи ее гражданами. Полностью были легали-

зованы конфискация имущества и административная ссылка, что достаточно широко применялось и до введения кодекса.

Путь большому террору открыло постановление Совета Народных Комиссаров от 14 мая 1941 года «О высылке из Прибалтийских республик, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии социально чуждых элементов». Осуществлением и подготовкой его занимался Комиссариат государственной безопасности СССР и подчинявшиеся ему республиканские комиссариаты (в Латвии руководимый Шустиным). Решение о депортациях принималось в Москве, и учреждения оккупированной Латвии не несут ответственность за его принятие, однако ответственность за особенно жестокое исполнение лежит именно на них. В составлении списков депортируемых активное участие принимали не только репрессивные органы, но и партийно-советские активисты. В ночь с 14 на 15 июня из Латвии были депортированы 15 424 человека, среди них почти сто детей до одного года и более 3000 детей до 16 лет (пропорционально больше всего пострадали евреи — 11% репрессированных из 5% населения страны). Среди депортированных был цвет нации — крестьяне, предприниматели, политики, интеллигенция (среди них всего 1345 крестьян, 616 торговцев, 71 учитель); многие умерли по дороге в Сибирь от голода и особенно от жажды и невыносимой жары. Террор в таких масштабах Латвия за всю свою историю никогда не переживала; население пребывало в шоке и в ужасе, которые усиливались распространившимися с невероятной быстротой слухами о надвигающейся второй волне депортации. И на сей раз не без основания: действительно готовилась вторая депортация, и она коснулась бы крестьянства («кулаков»), что должно было подготовить почву для массовой коллективизации, по рекомендации А. Андреева; новые списки на высылку уже готовились, и снова в этой работе активно участвовали уездные партийные комитеты КП (б)Л. (Позднее, в 1948 году, Прокуратура Латвийской ССР признала, что только немецкое наступление не позволило «окончательно ликвидировать остатки контрреволюционных элементов в Латвийской ССР».) «Страшный год», особенно депортация 14 июня, вызвал такую ненависть среди населения к советскому террору и такой страх перед ним, что мгновенно изменилось складывавшееся веками представление о том, что главный враг латышей — немцы («черные рыцари»), теперь их место заняли коммунисты, Россия. Именно это изменившееся представление и стало причиной, что буквально через неделю захватившую Латвию немецкую армию зачастую встречали как освободительницу от коммунистической тирании, хотя освободительницей она, безусловно, не была.

Советский террор приобрел зверские формы сразу же после вторжения

немцев. Вместо того, чтобы организовать сопротивление, силы были брошены на осуществление второй волны убийств. Не менее 349 политзаключенных были расстреляны в тюрьмах, кровавые расправы были учинены в Рижской центральной тюрьме и на озере Балтэзерс; остальные (всего заключенных было 3592, из которых 3458 — 96, 73% — политические) были «эвакуированы» в глубь России, где большая часть их была уничтожена. Аресты продолжались, и на начало июля 1941 года, когда немцы уже полностью оккупировали Латвию, количество арестованных в течение «страшного года» «политических» составило не менее 7292 человек. И хотя в проведение террора было вовлечено большое количество чекистов и работников советской милиции, активистов компартии и комсомола, главных убийц было четверо: Семен Шустин, по чьему приказу было депортировано 6636 человек и не менее нескольких десятков расстреляно; Зиновий Кривицкий, начальник 1-го спецотдела Народного Комиссариата безопасности, на котором лежит вина в депортации 1915 человек; Александр Брезгин — виновен в депортации 1138 человек (эти три высших должностных лица были евреи по национальности, что породило в оккупированной Латвии устойчивое представление о «жидах-чекистах»); заместитель народного комиссара внутренних дел Янис Цинис — на его совести депортация 2479 человек.

Несмотря на царивший террор именно в том «страшном году» началось и движение сопротивления; идеалистически и патриотически настроенная молодежь — самая большая ценность независимой Латвии — болезненно восприняла гибель государства, и уже в августе 1940 года стали зарождаться первые антисоветские кружки: 24 августа 1940 года цесисские скауты Илмар Грундис, Арвид Фрейбергс, Замуэл Кушакс и Харалд Урбанс заложили основы нелегального движения. В октябре 1940 года возникло Цесисское национальное объединение школьников (CSNA) — тайная организация по свержению власти оккупантов; у них появились последователи в Айзупской школе лесничества, в 1-й Елгавской средней школе и в Елгавском государственном техникуме, в Даугавпилсской 1-й средней школе. (Первого организатора национальной борьбы аглонских школьников Г. Францкайтиса Военный трибунал Прибалтийского Особого военного округа 21 мая 1941 года приговорил к смертной казни; его останки найдены в могилах у озера Балтэзерс). За молодежью в подпольную борьбу включились и взрослые, было создано несколько групп — «Tēvijas Sargi» («Стражи Отечества»), «Jaunlatvieši» («Младолатьши»), Латвийский Национальный легион и другие. Эдгар Ружа, Янис Таманис, Лаймонис Сала самоотверженно возглавили сопротивление. 13 мая 1941 года прошла крупнейшая антисоветская акция — было распространено около

5000 антисоветских листовок и воззваний. И хотя чека в конце весны удалось раскрыть и парализовать движение сопротивления, дух сопротивления не был сломлен и с новой силой проявился сразу же после начала советско-германской войны 22 июня 1941 года, когда примерно в 129 волостях — почти в каждой четвертой волости Латвии — началось движение национальных партизан, направленное против оккупантов. Целью его было восстановление независимой Латвии.

Рекомендуемая литература

1. Aizsilnieks A. Latvijas saimniecības vēsture, 1914–1945. — Stokholma: Daugava, 1968. — 983 lpp.: diagr.+ rādītāji 23,[1] lpp. — Bibliogr.: 969.–980. lpp.
2. Bleiere D. Tiesas un prokuratūras sistēma un tās darbinieki 1940.–1941. un 1944.–1953. gadā. — Bibliogr.: 394.–398. lpp. — Kopsav. angļu val.: The legal system (the corps of judges and public prosecutors) in 1940–1941 and 1944–1953 // Okupācijas režīmi Latvijā 1940.–1956. gadā = Occupation regimes in Latvia in 1940–1956: Latvijas Vēsturnieku komisijas 2001. g. pētījumi = research of the Commission of the historians of Latvia (2001) / Latvijas Vēsturnieku komisija, Latvijas Valsts arhīvs, LU. Latvijas Vēstures inst., LU. Vēstures un filozofijas fak.; atb. red. A. Caune; sast. I. Šneidere. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2002. — (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti; 7. sēj.). — 368.–404. lpp.: tab.
3. Ciganovs J. Lielā nolīdzināšana: pirmā padomju agrārā reforma // Lauku Avīze. — Nr. 89 (2000, 29. jūl.), 7. lpp.: il.
4. Indrikovs Z. Ieskats Iekšlietu tautas komisariāta darbībā 1940. gadā. — Kopsav. vācu val.: Einsicht in die Tätigkeit des Volksinnenkommissariats im Jahre 1940 // Latvijas Arhīvi. — Nr. 1 (1997), 63.–64. lpp.
5. Jēkabsons Ē. Latvija un Krievu Ziemeļu korpuss (Judenīča Ziemeļrietumu armija) 1818–1920. — Bibliogr. parindēs: 117 nos. — Kopsav. angļu val.: Latvia and the Russian Northern corps (Judenjich's Northwestern army) 1918–1920 // Latvijas Kara muzeja gadagrāmata / Latvijas Kara muzejs; sast. J. Ciganovs. — Rīga: LU žurn. "Latvijas Vēsture" fonds, 2001. — II, 54.–84. lpp.
6. Kreituse I. Kolaboracionisms Latvijas okupācijas un aneksijas laikā 1940. gada jūnijā–augustā. Problēmas nostādne. — Bibliogr. 54.–55. lpp. — Kopsav. angļu val.: Collaborationism in Latvia during the first months of the Soviet occupation and annexation (June–August 1940): a proposition // Okupācijas režīmi Latvijā 1940.–1956. gadā = Occupation regimes in Latvia in 1940–1956: Latvijas Vēsturnieku komisijas 2001. g. pētījumi = research of the Commission of the historians of Latvia (2001) / Latvijas Vēsturnieku komisija, Latvijas Valsts arhīvs, LU. Latvijas Vēstures inst., LU. Vēstures un filozofijas fak.; atb. red. A. Caune; sast. I. Šneidere. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2002. — (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti; 7. sēj.). — 35.–56. lpp.: tab.
7. Misiunas R. J., Taagepera R. The Baltic States: years of dependence, 1940–1990. —

- [2.], expanded a. updated ed. — Berkeley (Mich.); Los Angeles (Cal.): Univ. of California Press, 1993. — XVI, 400 p., 8 l. ill.: diagr., m. — Bibliogr.: p. 371–382.
8. Niedre O. Deportācijas — notikušās un plānotās // Lauku Avīze. — Nr. 68 (2001, 14. jūn.), 7. lpp.
  9. Ozola L. LK(b)P dokumenti par padomju okupācijas režīma represīvo darbību (1940. gada jūnijs–1941. gada jūnijs). — Bibliogr. 75.–78. lpp. — Kopsav. angļu val.: Materials and documents of the LC(b)P on repressive activities of the Soviet occupation regime (June 1940–June 1941) // Okupācijas režīmi Latvijā 1940.–1956. gadā = Occupation regimes in Latvia in 1940–1956: Latvijas Vēsturnieku komisijas 2001. g. pētījumi = research of the Commission of the historians of Latvia (2001) / Latvijas Vēsturnieku komisija, Latvijas Valsts arhīvs, LU. Latvijas Vēstures inst., LU. Vēstures un filozofijas fak.; atb. red. A. Caune; sast. I. Šneidere. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2002. — (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti; 7. sēj.). — [57.]–79. lpp.: tab.
  10. Strods H. Latvijas cietumos pirms 60 gadiem // Lauku Avīze. — Nr. 83 (2001, 19. jūl.), 27. lpp.: tab.
  11. Strods H. Sarkanarmijas haotiskā atkāpšanās no Latvijas (1941. gada 22. jūnijs–5. jūlijs). — Bibliogr. parindēs: 301 nos. — Kopsav. angļu val.: The disorganised retreat of the Red Army from Latvia in 1941 // Latvijas Okupācijas muzeja gadagrāmata, 2001 = Yearbook of the Occupation Museum of Latvia, 2001 / Latvijas 50 gadu okupācijas muzejs; sast., zin. red. H. Strods. — Rīga: Latvijas 50 gadu okupācijas muzeja fonds, 2002. — 3: Nācija gūstā = Captive nation, 31.–93. lpp.: il., kartes, tab.
  12. Vilciņš T. Skolu jaunatne nacionālajā cīņā, 1940–1941. — Bibliogr.: 78.–79. lpp. (57 nos.). — Kopsav. angļu val.: School-age participants of the national resistance movement against communism in Latvia, 1940–1941 // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A daļa, Humanitārās zinātnes. — Nr. 3/4 (1995), 66.–79. lpp.: il.
  13. Viļums J. Pretošanās okupācijai Latvijā 1940. un 1941. gadā. — Bibliogr. parindēs: 164 nos. — Kopsav. angļu val.: Resistance against occupation in Latvia, 1940–41 // Latvijas Okupācijas muzeja gadagrāmata, 2002 = Yearbook of the Occupation Museum of Latvia, 2002 / Latvijas 50 gadu okupācijas muzejs; sast., zin. red. H. Strods. — Rīga: Latvijas 50 gadu okupācijas muzeja fonds, 2003. — 4: Varas patvaļa = Power unleashed, 127.–160. lpp.: il., karte.
  14. Zālīte I., Bergmanis A. Kā čeka spiegoja Latvijā // Lauku Avīze. — Nr. 61 (1998, 26. maijs), 28. lpp.: il. — Sākums: Nr. 58 (1998, 19. maijs). Nobeigums: Nr. 65 (1998, 4. jūn.).
  15. Балтийский архив: русская культура в Прибалтике / Латв. о-во рус. культуры; сост. Ю. Абызов. — Рига: Даугава, 2000. — VI: Материалы к истории. Материалы к общественной жизни. Литература и искусство. Библиография. — 402, [1] с.: ил. — Рез. на англ. яз.

5. ЛАТВИЯ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941–1945)

5. 1. ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ ГЕРМАНИИ И ЕГО ПЛАНЫ В ЛАТВИИ

Начало оккупации. 22 июня 1941 года немецкая военная авиация в 4 часа утра совершила налеты на Вентспилс и Лиепаяу. Бомбардировке подверглись аэродромы советских воздушных сил, штабы, места концентрации отдельных войсковых соединений. В Латвию вторглась группа армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Вильгельма фон Лееба, предпринявшая удар в четырех направлениях: на Лиепаяу, Даугавпилс, Крустпилс и Ригу. Внезапное нападение немецких войск застало врасплох части Красной армии, и они стремительно и хаотично стали отступать, не оказывая существенного сопротивления. Самые серьезные бои велись в Лиепаяе, где 23 июня в окружение попали подразделения 67-й стрелковой дивизии генерала Николая Дедаева и части военно-морского флота. В оборонительных боях за Лиепаяу на стороне советских войск сражались и группы комсомольского актива под руководством Микелиса Буки и Яниса Зарса.

Бои за Лиепаяу продолжались с 23 по 29 июня. Фактически это была не защита города, а отчаянная попытка красноармейцев и военных моряков вырваться из окружения 291-й немецкой пехотной дивизии. 27 июня отдельные советские войсковые группы с большими потерями вырвались из города и двинулись в сторону Риги и Шкёде. В Яунлиепаяу немецкие войска вошли 28 июня, а под полный их контроль город попал днем позже. Секретарь Лиепайской комсомольской организации и руководитель боевой группы Имант Судмалис в сообщении Центральному Комитету Компартии Латвии в 1942 году критично оценил действия частей Красной армии во время Лиепайских боев. Он отметил, что красноармейцы и моряки не защищали город от немецких захватчиков, а пытались в основном выйти из окружения. По приказу командира флота в порту были взорваны шесть подводных лодок. На военном аэродроме в Гробиня немцы захватили готовые к вылету самолеты.

На других направлениях немецкие войска встретили еще менее серьезное сопротивление и быстро продвигались вперед. 23 июня были заняты Крустпилс, 26 июня — Даугавпилс, 27 июня — Тукумс, 28 июня — Ливаны, а на десятый день войны (1 июля) немцы без серьезных боев заняли Ригу. Город фактически защищали только 5-й полк внутренних войск СССР и так называемые отряды рабочей гвардии.

Советское правительство Латвии покинуло Ригу 27 июня и перебралось в Валку, но и тут задержалось ненадолго, поскольку немецкие войска быстро продвинулись на восток. В ночь с 4 на 5 июля правительство покинуло Валку и перебазировалось в Новгород. 8 июля 1941 года немецкая армия оккупировала всю территорию Латвии.

Во многих местах немцев встречали как освободителей от советской тирании. У многих живы еще были воспоминания о трагических событиях 1940–1941 годов. Особенно враждебное отношение к советской власти вызвала депортация жителей Латвии 14 июня 1941 года. Без суда и следствия, без предъявления обвинений, незаконно коммунистический режим депортировал в Сибирь более 15 000 жителей Латвии. Ненависть к советской власти в Латвии была вызвана и изъятием собственности, всеобщей советизацией, репрессиями и преследованиями, осуществляемыми коммунистическим оккупационным режимом.

Национальные партизаны и комендатуры самообороны. Еще до вторжения немцев в Латвию во многих местах стали возникать вооруженные группы, называвшие себя национальными партизанами. Особенно активно они стали действовать с началом войны. Решив воспользоваться сложившейся ситуацией, партизаны хотели как можно быстрее ликвидировать коммунистический режим и восстановить государственность Латвии. В движение включились и гражданское население, те, кому удалось избежать депортации и арестов, айзсарги, военнослужащие Латвийской армии, дезертиры из сформированного СССР Латышского 24-го территориального корпуса. Уже 22 июня национальные партизаны в Приекуле попытались занять здание почты и телеграфа. Нападения на отступающие советские войска зафиксированы в Риге, Валмиере, Смилтене, Алуksне, Гулбене, Лимбажи, Мадоне, во многих волостях и поселках. Летом 1941 года в Латвии действовало 129 партизанских групп: в Видземе — 83, в Земгале — 24, в Курземе — 21. Об эффективности действий национальных партизан свидетельствовали и донесения командиров Красной армии, сообщавших о частых нападениях «пятой колонны». Все это сдерживало организованное отступление Красной армии, дезорганизовало эвакуацию, создавало панику и хаос. После оккупации Латвии немцами группы национальных партизан были расформированы. Некоторые участники были

направлены в немецкую военную комендатуру, в распоряжение сил полиции, а также в формирующиеся латышские структуры самообороны.

С первых же дней немецкой оккупации по предложению нового режима и при его поддержке повсюду в Латвии начали создаваться комендатуры самообороны. Фактически они формировались на основе распоряжений немецких военных властей. Начальник латышских сил самообороны полковник Александр Пленснерс 8 июля 1941 года в своем призыве к латышским солдатам, айзсаргам и полицейским сформулировал задачу: укрепление порядка на местах в тесном сотрудничестве с немецкими военными частями и учреждениями. Отряды самообороны охраняли учреждения, мосты, автомобильные дороги, тюрьмы, хозяйственные объекты, старались защитить жителей от мародеров и отступающих красноармейцев. Участникам отрядов самообороны разрешалось иметь при себе только винтовки и пистолеты. Причем лишь 2% населения волостей и городов имели право вооружаться и участвовать в силах самообороны. Немецкие власти подчеркивали, что силы самообороны не имеют никакого отношения к государственности Латвии или восстановлению армии, что они формируются как вспомогательная полиция для поддержки немецких войск. Силы самообороны подчинялись командирам дислоцированных в данной местности частей немецкой армии. Отряды самообороны насчитывали примерно 7000 человек.

В первые недели немецкой оккупации было создано около 700 комендатур самообороны. Создавались они по территориальному принципу. Существовали уездные, городские и волостные комендатуры. Знаком отличия участника отрядов самообороны была красно-бело-красная нарукавная повязка (цвета Латвийского флага). Комендатуры были ликвидированы в августе 1941 года, когда завершилась первая фаза укрепления немецкого оккупационного режима и они выполнили свою задачу. Впоследствии из сил самообороны была сформирована латышская вспомогательная полиция.

В первые же дни немецкой оккупации некоторые бывшие государственные деятели Латвии, лидеры политических партий и офицеры делали попытки сформировать новое Латвийское правительство и национальные вооруженные силы. Против этого на первом этапе особенно категорично возражал начальник немецкой полиции безопасности и сил безопасности (Sicherheitsdienst-SD) в Остланде бригадефюрер Вальтер Шталеккер. Он считал, что и национальных партизан, и силы самообороны следует использовать прежде всего для уничтожения евреев и укрепления немецкого оккупационного режима, и был категорически против любых проявлений национальной активности. По приказу В. Шталеккера были расформированы

латышские отряды самообороны, их обязали сдать оружие, запретили носить военную униформу.

Некоторые историки отстаивают точку зрения, согласно которой в конце июня — начале июля 1941 года, когда советские войска отступали и в Латвию входили немецкие войска, довольно долго (несколько дней или даже недель) существовал так называемый вакуум власти (*interregnum*) и за это время латышские националисты расправились с активистами советского режима и евреями. Новейшие исследования опровергают эти утверждения. Документальные источники свидетельствуют, что немецкие сельские и городские комендатуры строго контролировали ситуацию на своих территориях, и ничто в Латвии не происходило без их ведома. Латышские силы самообороны на местах действовали в соответствии с распоряжениями немецких учреждений. Немецкие коменданты решали хозяйственные вопросы, проблемы обеспечения населения, вопросы безопасности, назначали должностных лиц в самоуправлениях находящихся в их подчинении волостей, словом, давали ясно понять, что в этой стране хозяева теперь они. Немецкие власти издали распоряжение о начале регистрации евреев. Период вакуума власти в отдельных городах и волостях продолжался не дольше одного-двух дней.

В период смены власти репрессии против жителей Латвии продолжали осуществлять и представители рухнувшего советского режима. Шли расстрелы ранее арестованных «врагов народа», аресты, продолжалась конфискация имущества, грабежи, реквизиции, случаи самоуправства со стороны сотрудников учреждений внутренних дел и рабочей гвардии. Так, в Латгалии (Латгале) с 23 по 25 июня документально зафиксировано 104 ареста гражданских лиц.

Планы национальных сил. После «страшного года» сталинского режима многие латыши надеялись, что с приходом немцев очень скоро будет восстановлено Латвийское государство. По инициативе некоторых бывших министров Латвийской республики, офицеров и политиков, собравшихся в начале июля 1941 года в Риге в Доме Рижского латышского общества, был создан центр латышских организаций, который решил предпринять активные шаги в этом направлении. К работе центра подключились бывший министр финансов Алфред Валдманис, министр сообщений Бернхард Эйнберге, полковник Эрнест Крейшманис, Вилис Олавс и другие. Б.Эйнберге взял на себя руководство центром, который, как он считал, станет основой нового будущего национального правительства. Центр пытался наладить контакты с немецкими учреждениями, перенять на местах власть, издавать газету «Tēviņa» («Отчизна»). Однако все их усилия оказались безрезультатными.

Решать дальнейшую судьбу Латвии после ухода коммунистов пытались и те латыши, которые в свое время репатриировались или бежали в Германию. Вместе с немецкой армией они возвратились в Латвию и начали действовать. Наиболее заметными из них были связанные с абвером полковник-лейтенант Виктор Деглавс, полковник Александр Пленснерс и др. Еще будучи в Германии, они создали группу из более чем 200 человек, которая согласилась помогать немецким войскам в боях за Латвию. После оккупации Пленснерс рассчитывал включиться в процесс организации органов управления и в создание сил самообороны Латвии. Но немцы о своих обещаниях забыли. 18 июля 1941 года более национально настроенный В.Деглавс был застрелен в Риге неизвестным. Бывшие руководители «Перконкрустса» Густав Целминыш и Эвалд Андерсонс также стремились сотрудничать с немцами.

Однако активность латышских национальных сил не вписывалась в планы нацистского режима. Немецкие власти поспешили заявить, что никакого национального правительства Латвии не будет и что статус Латвии будет решаться после войны в рамках так называемой новой Европы. Надежды латышей самим управлять своим государством окончательно рухнули. Комендант Риги полковник вермахта Л. Петерсен 9 июля 1941 года издал распоряжение, в котором говорилось: «В последнее время отдельные лица самовольно занимают различные должности, самовольно восстанавливают центральные учреждения, существовавшие до большевиков. Подобные действия недопустимы и наказуемы».

Оккупационный режим. В соответствии с истинными целями нацистов в Латвии был установлен соответствующий оккупационный режим. В первое время вся власть была сосредоточена в руках главного военного командования, однако с продвижением армии на восток его заменили немецким гражданским управлением. Было создано специальное Министерство оккупированных Восточных областей (*Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete*), возглавляемое Альфредом Розенбергом. Ему в свою очередь подчинялся Рейхскомиссариат Восточных земель (*Ostland*) во главе с Хинрихом Лозе. Распоряжение А. Гитлера о создании рейхскомиссариата и гражданского управления Остланда в оккупированных восточных округах было издано 17 июля 1941 года. Латвийский генеральный округ вместе с Литвой, Эстонией и Белоруссией был включен в Остланд. Возглавил Латвийский генеральный округ генеральный комиссар Отто Хейнрих Дрекслер.

Латвийский генеральный округ был поделен на пять окружных комиссариатов: Лиепайский, Елгавский, Валмиерский, Даугавпилсский и Рижский сельский округ. Город Рига был выделен в особую единицу управления.

Рижским главой (обербургомистром) стал Хуго Витрок. В каждый округ был назначен комиссар — гебитскомиссар. Комиссаром Рижского сельского округа стал полковник СА Иоахим Фуст, Лиепайского — земский советник д-р Вальтер Алнор, Елгавского — полковник СА Вальтер Эберхард фон Медем, Валмиерского — Герман Ханзен, Даугавпилсского — Рикен (позже Швунг). Округа Латвии были поделены на уезды, а те в свою очередь на волости. Численность уездов и волостей осталась такой же, как до немецкой оккупации, — 19 уездов и 516 волостей. Городские самоуправления возглавляли городские старосты, волостные — волостные старосты. В больших городах старосты назначались генеральным комиссаром, в волостях — уездным старостой с одобрения комиссара округа. *...*

Хотя и было издано распоряжение о создании гражданского управления, в июле–августе 1941 года в Латвии сохранялось также и военное управление. Немецкие войска на первом этапе оккупации подчинялись генералу Францу фон Рокку, а с 25 августа верховным командующим вооруженных сил Остланда был назначен генерал-лейтенант кавалерии Вальтер Брёмер. Он напрямую подчинялся высшему командованию вермахта в Берлине. В распоряжении Брёмера была широко разветвленная управленческая и разведывательная служба, сеть комендатур, а также военные части, дислоцированные в Остланде. В задачу Брёмера входило обеспечение стабильного функционирования оккупационного режима.

Большое влияние в оккупированных областях имели и силы полиции, подчинявшиеся напрямую рейхсфюреру СС Гиммлеру. Осенью 1941 года высшим руководителем СС и полиции в Остланде был назначен генерал Фридрих Еккельн, а возглавил СС и полицию в Латвийском генеральном округе оберфюрер СС Вальтер Шредер. Оперативные группы А (Einsatzgruppe A) Главного управления государственной безопасности Германии возглавлял бригадфюрер СС Вальтер Шталеккер. Оберштурмбанфюрер СС Рудольф Ланге командовал Полицией безопасности Латвии и СД. Существовала также немецкая Полиция порядка, которую возглавлял В. Шредер, а непосредственно командиром был полковник Макс Кнехт.

Оккупационные власти создали в Латвии чрезвычайно разветвленную структуру управления: чиновники гражданских управлений, полиция, гестапо, жандармерия, учреждения вермахта. Количество немецких чиновников было огромным, и этому было несколько причин. Во-первых, в связи с предстоящей колонизацией Балтийских стран разворачивали свою деятельность многие немецкие учреждения. Во-вторых, сами немцы стремились в Латвию, так как уровень жизни здесь был выше, чем в Германии. Многие поступали на работу в гражданские управы и потому, что так можно было избежать призыва в армию.

Большинство немецких оккупационных учреждений размещалось в Риге. Здесь находился рейхскомиссариат Остланда (900 немецких чиновников) и Латвийский генеральный комиссариат (280 немецких чиновников). В Риге же работали такие учреждения оккупационного режима, как управление пропаганды, представительство экономического штаба «Ост», хозяйственная команда «Рига», центральные органы нацистской партии в Остланде и др. Раздутый бюрократический аппарат был характерен не только для советской власти, но и для нацистского оккупационного режима.

Своя роль в системе оккупационного режима была отведена и юридическим органам: немецким суду и прокуратуре, которые были созданы в Остланде 6 октября 1941 года по распоряжению Лозе. Судебная система состояла из двух ступеней: низшей — так называемого немецкого суда, находившегося в подчинении генерального комиссара, и высшей — Немецкого верховного суда, который в этой системе выполнял функции апелляционного суда и рассматривал жалобы на решение суда низшей ступени. В немецком суде дела рассматривал один судья, в Немецком верховном суде — трое судей. В целях дальнейшего укрепления оккупационного режима 12 января 1942 года министр Восточных оккупированных территорий А. Розенберг издал указ о создании чрезвычайных судов наряду с уже существующими. Надо сказать, что сами немцы не попадали под юрисдикцию этого суда. Чрезвычайный суд обычно созывал генеральный комиссар. Суд состоял из трех человек — офицера полиции или руководителя СС в качестве председателя и двух его подчиненных (сходство со знаменитым «особым совещанием» или так называемой «тройкой» при сталинском режиме в СССР). Приговоры этого суда не обжаловались и не рассматривались повторно.

У нацистского режима существовали свои планы в отношении оккупированных им восточных областей. Эти вопросы находились в основном в ведении рейхсминистра А. Розенберга. Латвии и Эстонии надлежало стать жизненным пространством для немцев. Предполагалась колонизация этих земель, а также онемечивание, исключалась даже сама мысль о восстановлении государственной самостоятельности. А. Розенберг считал, что около 50% населения Балтийских стран по расовому признаку могут быть онемечены, прочие должны быть переселены в оккупированные области России и Белоруссии. Определенное представление о глобальных целях оккупации дают некоторые варианты плана «Ост»: в течение 20–30 лет полностью осуществить онемечивание земли и колонизацию Балтии.

Спустя некоторое время после окончательного установления оккупационного режима в Остланде некоторые его руководители пришли к заключению, что успешное достижение поставленной цели возможно

лишь при участии местного населения. Так возникла идея о создании местного самоуправления. Возглавлять латышское самоуправление немцы доверили бывшему командиру Курземской дивизии генералу Оскару Данкерсу. Самоуправление латышских земель стало называться генерал-дирекцией. В конце 1941 года генерал-дирекция приступила к исполнению своих функций.

Высшее руководство нацистской Германии было убеждено в том, что местные самоуправления смогут решать многие вопросы успешнее. Считалось, что такой шаг поможет сократить количество немецких чиновников и полицейских (в Остланде примерно на 120 000), что было необходимо для нормального функционирования режима. Создание системы самоуправления не было достижением местных латышских политиков, скорее это было необходимостью, вызванной режимом оккупации. Это не было правительство Латвии. Способствовала созданию системы самоуправления также ситуация на фронте, в частности неудачи немцев в боях под Москвой.

Новый этап в деятельности самоуправлений был связан с директивой А. Розенберга от 7 марта 1942 года, которая конкретизировала функции управлений генеральных округов Латвии, Литвы и Эстонии и указывала, что непосредственная работа должна вестись силами сформированных из местных жителей учреждений. Немецкое руководство, говорилось в распоряжении Розенберга, «в этих трех генеральных округах будет осуществлять надзорные функции». В документе подчеркивалось, что высшая политическая власть и контролирующие функции по-прежнему сохраняются за немецкими учреждениями. Оговаривалось также, что количество генеральных директоров самоуправлений и объем работы, находящейся в их компетенции, будут определять нацистские власти. Самоуправление возглавит первый генерал-директор, назначаемый генеральным комиссаром. Земельному самоуправлению частично подчинялись и созданные ранее уездные, городские и волостные учреждения. О сколько-нибудь серьезной самостоятельности и независимости земельных самоуправлений не было и речи. Их задача — выполнять указания нацистов. Бывший чиновник немецкого оккупационного режима Г. Марниц в изданных в послевоенные годы воспоминаниях назвал генеральных директоров латышского самоуправления «людьми, которым не позавидуешь, от них требовалось все, а полномочий для выполнения сложных задач предоставлено не было».

9 мая 1942 года с одобрения рейхскомиссара Остланда Х. Лозе генеральный комиссар в Латвии О. Дрекслер назначил генеральными директорами самоуправлений: О. Данкерса — генеральным директором внут-

ренных дел, Волдемара Загарса — хозяйственным генеральным директором, Яниса Скуевицса — финансовым генеральным директором, Алфреда Валдманиса — генеральным директором юстиции, ректора Латвийского университета профессора Мартыныша Приманиса — генеральным директором по вопросам образования и культуры, Оскара Лейманиса — генеральным директором техники и сообщений, Петериса Ванагса — заведующим отделом контроля самоуправлений, Волдемара Вейсса — генеральным директором внутренней безопасности. Для простоты управления дирекции торговли, промышленности и сельского хозяйства были присоединены к хозяйственной дирекции. В отдельные единицы были выделены главная дирекция лесов и лесного хозяйства, департамент торговли и промышленности. Главным директором сельскохозяйственного департамента был утвержден агроном Я. Андерсонс.

Местное самоуправление было вспомогательным элементом немецкого оккупационного гражданского управления. Важнейшие вопросы политического и экономического характера — нормы продовольствия, оплата труда, налоги и обязательные материальные поставки — решались в немецких учреждениях. Права самоуправления ограничивали не только рейхскомиссар и генеральный комиссар, но и руководство немецкой полиции и СС, которые были абсолютно независимы. Беспомощность самоуправления усиливали еще и несогласованность, а зачастую и противоречивость действий немецких учреждений. Бессилие местной власти проявлялось и в регламентации работы судов. Особым распоряжением генерального комиссара О. Дрекслера местным судам якобы разрешалось рассматривать гражданские и уголовные дела. Однако оговаривалось, что возможность эта предоставляется только в том случае, если обвиняемые не немцы и преступление не затрагивает интересы Германии. Подчеркивалось также, что местных судей, прокуроров, начальников мест заключения, адвокатов, нотариусов и адвокатов, занимающихся частной практикой, назначает генеральный директор юстиции, но его полномочия вступают в силу только после утверждения их генеральным комиссаром.

Главное руководство латышского самоуправления размещалось в Риге. Здесь оно находилось до сентября 1944 года и с приближением советских войск было переведено в Лиепаю. На заключительном этапе войны, в Курземской крепости (Курземском котле), работа генеральной дирекции латышского самоуправления еще более осложнилась.

Идеи автономии. Для активизации поддержки оккупационного режима со стороны латышей и эстонцев германские власти с 1941 года обсуждали варианты автономии Балтийских государств. Это было вызвано необходимостью более эффективного решения военных и экономических проблем

рейха в оккупированных областях. Однако среди лидеров нацистского режима единодушия в этом вопросе не было. Обозначились как будто две линии: либеральная, представленная министром Восточных оккупированных областей А. Розенбергом, и жесткая, которую условно воплощал рейхскомиссар Х. Лозе, последовательно выступавший против предоставления Балтии любой политической самостоятельности. Розенберг, напротив, еще летом 1941 года высказывался в том духе, что после победы над большевиками Германия будет поддерживать свободолюбивые устремления малых народов. Новые государства смогли бы стать буферной зоной, препятствующей давлению на Германию с Востока. Розенберг разработал предложение о создании наместничества фюрера в Латвии, Литве и Эстонии. Подобный проект превратил бы балтийцев, по его мнению, в верных союзников Германии. Совершенно противоположного мнения в этом вопросе придерживались Гиммлер, Геринг и Борман. По инициативе Розенберга в 1942 году в Министерстве по делам оккупированных Восточных территорий обсуждалась идея дифференцированного подхода к будущему стран Балтии. 3 февраля в секретном сообщении подчеркивалось, что и в дальнейшем балтийские народы должны быть тесно связаны с рейхом, однако процесс сближения будет долгим, для этого потребуется не год и не десятки лет, а жизнь нескольких поколений. Очередное обсуждение идеи автономии должно было способствовать еще более тесному вовлечению народов Балтии в осуществление нацистских целей. 7 июля 1942 года О. Данкерс на заседании земельного самоуправления сообщил, что генерал Ф. Еккельн дал обещание латышским фронтовым офицерам, что Латвия и Эстония в будущем получат культурную и экономическую самостоятельность — у них будет своя валюта, войска, свой представитель в Генеральном штабе Германии. Официально же эти высказывания Еккельна трактовались как его личная точка зрения.

В ноябре 1942 года А. Валдманис в меморандуме на имя О. Дрекслера писал, что Германия могла бы разрешить Латвии создать независимое государство по образцу Словакии, получив взамен поддержку в виде мобилизации латышей в легион. А. Валдманис обещал поставить вооруженным силам Германии 100 000 человек. Дрекслер поддержал это предложение, но Лозе в очередной раз все отверг. Розенберг же распорядился, чтобы сотрудники «восточного» министерства подготовили предложения Гитлеру, которые бы содержали мысль о предоставлении в будущем Латвии и Эстонии политической самостоятельности под непосредственным контролем рейха и при подчинении ему. В свою очередь Гиммлер подготовил проект, предполагавший нечто среднее между протекторатами Богемии и Моравии и государством Словакия.

16–17 февраля 1943 года Гитлер во время совещания с Розенбергом, Борманом, Гиммлером, Лозе и др. признал, что в нынешнее трудное время не стоит начинать серьезных перемен в Балтии, но вопрос о предоставлении автономии забывать не следует. После этого совещания Розенберг понял, что решение вопроса об автономии откладывается до конца войны. Он считал, что фюрер вернется к этой проблеме, оценив поведение латышских и эстонских солдат на Восточном фронте. С ухудшением ситуации на восточном фронте и Гиммлер летом 1943 года в беседе с офицерами Латышского легиона уже допускал возможность автономии Латвии. Все это делалось с единственной целью — пополнить ряды немецкой армии.

Однако, хотя ситуация изменилась, Лозе и в 1943 году продолжал сопротивляться идее автономии Балтийских стран. Он подчеркивал, что это отдалит Остланд от Германии. Лозе сомневался также в политической благонадежности местных жителей. Он надеялся укрепить боеспособность легиона и без предоставления автономии странам Балтии. И. Риббентроп, как и другие приверженцы жесткой линии, в декабре 1943 года говорил, что следует прекратить любые политические дискуссии о государственно-правовом положении генеральных округов Латвия и Эстония. Планы об автономии были заблокированы.

В феврале 1944 года Розенберг посетил Ригу, где в беседах с руководителями самоуправлений вновь был поднят вопрос об автономии. Возвратившись в Германию, он убедился в остроте проблемы и необходимости принятия решения по ней. 30 ноября 1944 года Розенберг подписал документ о целесообразности создания Латвийского национального комитета. Для поднятия боевого духа латышских солдат с благословения Гиммлера 20 февраля 1945 года в Потсдаме был образован Латвийский Национальный Совет. На нем был избран Латвийский Национальный комитет (ЛНК) во главе с президентом — генералом Р. Бангерским. Членами комитета были утверждены старший полковник легиона Артур Силгайлис, агроном Я. Андерсонс, полковник- лейтенант Р. Коциньш, Я. Миезис и др. ЛНК был задуман как замена латышскому самоуправлению. Создание ЛНК не решало вопроса автономии Латвии, это был пропагандистский маневр нацистского режима. Германия не собиралась признавать ни независимое Латвийское государство, ни его правительство. Немецкая пресса писала, что ЛНК следует квалифицировать как организацию беженцев. То есть даже в столь критические для Германии дни ее лидеры по существу не изменили своих позиций по отношению к Латвии.

В начале марта 1945 года ЛНК во главе с президентом Р. Бангерским перебрался в Лиенаю. Здесь он попытался перенять функции отдельных гражданских учреждений. Немецкое командование бойкотировало ЛНК. В

это же время в Лиепе проходили переговоры между немецким генералом Германом Берендтом (полномочным представителем Гимmlера в Курземе) и ЛНК. Генерал Берендт заявил, что о восстановлении Латвийского государства не может быть и речи, ЛНК может исполнять только функции самоуправления. В начале апреля Бангерскис и Миезис выехали в Германию якобы для того, чтобы заявить протест по поводу действий генерала Берендта. Вскоре Бангерскис сдался в плен западным союзникам.

В самом конце войны в Курземе циркулировали слухи о том, что немцы капитулируют только на Западном фронте, на Восточном же фронте бои будут продолжаться. В этой ситуации 3 мая 1945 года ЛНК приняло решение о самоликвидации, и в Лиепе было создано новое правительство, возглавляемое командиром полка Легиона полковником Робертом Осисом. В своей деятельности оно решило ориентироваться на возможное сепаратное перемирие Германии с англичанами и американцами и продолжение военных действий против Советского Союза. Р. Осис пытался установить контакты с командиром группировки «Курлянд» генералом Карлом Хилпертом, чтобы убедить его продолжать сопротивление в Курземе до прихода помощи со стороны англичан и американцев. Однако все попытки Р. Осиса оказались бесполезными, их просто никто всерьез не воспринимал. Незадолго до капитуляции немецких войск Р. Осис бежал в Германию и сдался в плен англичанам.

5. 2. РЕПРЕССИВНАЯ СИСТЕМА. ХОЛОКОСТ

С первых же дней оккупации нацисты в Латвии приступили к созданию широко разветвленной репрессивной системы, считая ее важнейшей частью укрепления и сохранения режима. Наиболее существенными элементами этой системы были: полиция и службы безопасности, суды, прокуратура, концентрационные лагеря, тюрьмы. В эту репрессивную систему нацисты вовлекли и латышские силы, используя их и в полиции, и в службе безопасности.

Немецкая Полиция безопасности и служба безопасности. В создании репрессивной системы и осуществлении репрессий на начальном этапе оккупации Латвии заметная роль принадлежит начальнику немецкой Полиции безопасности и СД в Остланде, бригадефюреру СС и генерал-майору полиции В. Шталеккеру. Он руководил немецкими эйнзатцгруппами А, привлекая и латышей к участию в акциях по уничтожению евреев и коммунистов. Шталеккер создал многочисленные вспомогательные отряды Полиции безопасности и СД по примеру латышской вспомога-

ной Полиции порядка. Так называемые зондеркоманды находились именно в его непосредственном подчинении. В распоряжении СД имелась широкая сеть агентов, которые вели слежку за населением. Главную роль в деятельности СД в Латвии играли Ф. Еккельн, В. Шталеккер (погиб в военной операции под Ленинградом) и Р. Ланге.

Решающая роль в организации преступлений и зверств против гражданского населения принадлежала Ф. Еккельну, который находился в Латвии с ноября 1941 по 1945 год. Именно Ф. Еккельн спланировал и организовал ликвидацию Рижского гетто в Румбуле. С его именем связаны и другие массовые акции уничтожения мирного населения. В мае 1945 года он был взят в плен советскими войсками. Суд приговорил Еккельна к смертной казни через повешение, приговор был приведен в исполнение в Риге 3 февраля 1946 года.

Основой созданной нацистами в Латвии репрессивной системы была немецкая Полиция безопасности и СД (Sicherheitsdienst — служба безопасности). Ее центральный аппарат находился в Берлине, она входила в состав Главного управления безопасности рейха (RSHA). В Латвии СД являлась передовым отрядом сил оккупационного режима, обладавшим широчайшими полномочиями. И хотя между вермахтом и гражданским управлением, с одной стороны, и СД существовали противоречия, последняя была всесильной и всегда навязывала свои условия. Шталеккер считал Полицию безопасности единственным стабильным немецким учреждением. Служившие в СД носили черную форму, знаком отличия был череп на фуражке. В СД существовали те же звания, что и в СС. Эйнзатцгруппа А была одним из мобильных карательных подразделений, в задачу которых входило уничтожение коммунистов, чекистов, евреев и цыган. СД обеспечивала также безопасность в тылу. В распоряжении СД, когда она появилась в Латвии, уже имелась информация об учреждениях чека, местонахождении структурных отделений милиции, имелись списки представителей властных структур коммунистического режима. 22 июня 1941 года вместе с силами вермахта в Латвию вошла и эйнзатцгруппа А в составе 900 человек. Это были профессионалы и фанатики, готовые исполнять самые чудовищные приказы нацистского режима.

В Латвию прибыли три команды эйнзатцгруппы А. Одна из них (50–60 человек) была направлена в Лиепаю, вторая в Даугавпилс и Резекне, главные же силы под командованием Шталеккера были сосредоточены в Риге. В эйнзатцкоманду входили представители Waffen SS, немецкой полиции порядка, технический персонал (шоферы, телеграфисты, шифровальщики и т. п.). После оккупации Латвии некоторые отряды эйнзатцкоманды были переведены в Эстонию и Северную Россию. 3 декабря 1941

года руководство силами СД в Латвии принял Р.Ланге. Он же считался и так называемым вторым командиром эйнзатцгруппы.

1 июля 1941 года, сразу же по прибытии в Ригу, Шталеккер приступил к формированию центра Полиции безопасности и СД. Разместился он на улице Реймерса, 1. В Полиции безопасности и СД было пять управлений: личного состава, административное, разведывательное, государственной тайной полиции и криминальной полиции. Четвертое управление (государственная тайная полиция) обслуживалось всеми прочими. Оно, в свою очередь, состояло из нескольких отделов: IVa — занимался коммунистами, IVb — еврейским вопросом, IVn — шпионами и агентами. Этому управлению подчинялась и команда В. Арайса, и латышская политическая полиция под командованием Херберта Тейдеманиса. Несомненно, именно Четвертое управление несло ответственность за все масштабные репрессии против мирного населения, за уничтожение евреев. В подчинении этого управления находились все концентрационные лагеря и гетто. Возглавлял его Р. Ланге. Для скорейшего достижения целей оккупационного режима по инициативе Шталеккера при СД было начато формирование латышских соединений СД, которые стали составной частью репрессивной системы нацистов. Самые рьяные их сподвижники вступили в команду В. Арайса в Риге, во вспомогательный отряд М. Вагуланса в Елгаве, в группу Х. Тейдеманиса в Валмиере. Вагуланс приказом Шталеккера был назначен командиром первого организованного в Латвии отряда СД в Елгаве. Примерно за полтора месяца он создал разветвленную сеть групп СД в Земгале: в Елгаве, Бауске, Тукумсе, в Екабпилском уезде. В них главным образом вошли бывшие айзсарги и полицейские. В команде Вагуланса было примерно 300 человек, около 100 из них — в Елгаве. Вагуланс издавал газету «Nacionālā Zemgale», имевшую явно выраженную антисемитскую направленность. 16 августа 1941 года отряд Вагуланса был расформирован и на его основе создана латышская вспомогательная полиция. Начальником ее был утвержден Валдис Юрсонс. Вторым крупным соединением в составе СД, сформированным из местных жителей в начале оккупации — в середине июля 1941 года, — была группа Х. Тейдеманиса в Валмиере. Она считывала примерно 100 человек. Самую многочисленную зондеркоманду из местных сил возглавлял В. Арайс. К формированию ее приступили после изданного Шталеккером в начале июля распоряжения, привлекая студентов, офицеров, полицейских и т.п. По распоряжению Шталеккера 4 июля при участии зондеркоманды Арайса была сожжена хоральная синагога в Риге на улице Гоголя. Такая же судьба постигла синагогу на улице Стабу и молельный дом в Латгальском предместье. 8 июля был сожжена молельня и на еврейском кладбище в Шмерли.

В городах Латвии — в Бауске, Талсы, Кулдиге, Вентспилсе, Екабпилсе, Валмиере, Виляны, Резекне — и в других населенных пунктах к акциям уничтожения советско-партийного актива и евреев была привлечена местная полиция и СД. Обычно силы самообороны и СД обеспечивали охрану, а команда Арайса расстреливала. Со временем — и по своим функциям, и по структуре — команда Арайса уже ничем не отличалась от немецких эйнзатцкоманд. Осенью 1941 года в ней насчитывалось 300 человек, а в 1943 году около 1200. Изменились и ее главные задачи. Когда евреи в Латвии были уничтожены, с конца 1941 года команду Арайса все чаще использовали в борьбе с партизанами на оккупированной территории России и Белоруссии. В это время первые латышские команды СД были отправлены в Ленинградскую и Минскую области. Рота Конрада Калейса, входившая в команду Арайса, некоторое время действовала и в районе Нарвы. Арайс прошел ускоренное обучение в школе СД в Фюрстенберге, после чего ему было присвоено звание майора СС.

В 1943 году в составе латышских сил СД насчитывалось пять рот. Главные силы были расквартированы в Риге (около 340 человек), две роты охраняли Саласпилский лагерь, часть была отправлена на Восточный фронт. Отдельные отряды использовались на охране объектов СД: центрального штаба, тюрем, лагеря в Юмправмуйже. В это же время была сформирована и латгальская зондеркоманда. В рамках акции «Зимнее волшебство» («Winterzauber») ее использовали в борьбе с партизанами на границе Латвии и Белоруссии. Существовали отряды и в Лиепае, Даугавпилсе, Валмиере, Елгаве. В конце 1943 года из местных сил СД было сформировано два батальона: 3-й под командованием Арайса и 4-й под командованием Карлиса Озолса.

В 1944 году в местных силах СД осталось всего 847 человек. С приближением Красной армии они были переведены в Курземе. Вскоре они были расформированы. Рота Арайса была переведена в Германию и вошла в 15-ю дивизию Латышского легиона, где Арайс недолго командовал батальоном. Отряды майора Озолса вошли в состав 19-й дивизии легиона и участвовали в боях в Курземе. Отдельные подразделения местных СД под командованием Еккельна в конце 1944 года сражались с национальными партизанами и отрядами Курелиса. Арайс в конце войны попал в плен к англичанам. За участие в убийствах мирных жителей Гамбургский земельный суд в 1979 году приговорил его к пожизненному заключению.

Гетто, концентрационные лагеря, тюрьмы. Для обеспечения стабильности и безопасности нацистского режима немецкие оккупационные власти в Латвии создавали систему гетто, концлагерей и тюрем. Как сообщал Шталекерр, уже 15 октября 1941 в тюрьмах Латвии содержалось 7046

заключенных, из них только 308 уголовных преступников. В 1942 году в различных местах заключения находилось уже 20872 заключенных. 15 созданных в Латвии тюрем были переполнены. Так, в Центральной тюрьме число заключенных вдвое превышало расчетное. В конце 1941 года оккупанты приступили к созданию концентрационных лагерей.

В годы немецкой оккупации в Латвии действовали четыре гетто, 17 тюрем и концентрационный лагерь в Межапарке с многочисленными филиалами. Гетто создавались с целью концентрации евреев и использования их в качестве рабочей силы. Идея создания в Остланде гетто в конце июля 1941 года исходила от только что назначенного рейхскомиссара Х. Лозе. Поскольку его намерения якобы противоречили планам нацистов о тотальном уничтожении евреев, Лозе вступил в конфликт с СД. Против него выступил Шталеккер. 27 июля 1941 года Лозе издал приказ о строжайшей регистрации всех евреев. В нем содержались и дискриминирующие меры. Евреи должны были носить шестиугольную звезду, не имели права менять место жительства, пользоваться общественным транспортом, посещать театры, музеи, школы и пр. Предписывалось создание гетто и использование евреев в качестве рабочей силы. Евреев надлежало концентрировать в определенных районах города, которые им запрещалось покидать. В гетто выдавалась минимальная норма продовольствия. На принудительные работы за пределами гетто людей вывозили.

По приказу Лозе крупнейшие гетто были созданы в Риге, Даугавпилсе и Лиенае. Самым большим было Рижское гетто — оно занимало 12 кварталов в Латгальском предместье, огороженных забором из колючей проволоки. Перемещение евреев в гетто с отчуждением имущества проводилось в несколько этапов и было завершено 25 октября 1941 года. Население гетто достигло 29 602 человек. Охраняли его немецкая полиция и СД, однако практически охранные функции выполняли отряды латышской полиции и СД. После кровавой расправы в Румбуле в Рижское гетто были временно депортированы евреи из Европы. В феврале 1942 года здесь насчитывалось до 11 000 вывезенных из Германии евреев, которых разместили в четырех кварталах. Лозе протестовал против депортации немецких евреев в Латвию. Согласно приказу Гимmlера о ликвидации всех гетто, Рижское гетто должно было быть ликвидировано летом 1943 года, практически же это случилось в конце года.

В Даугавпилсе гетто было создано в конце июля 1941 года — в Гривской крепости. Сюда было согнано около 14 000 человек, их разделили по половому признаку: женщины и дети до 14 лет были размещены в одном конце, мужчины — в другом. Последняя кровавая акция уничтожения была проведена в мае 1942 года по приказу Ланге.

Лиепайское гетто было создано в мае 1942 года — на восемь месяцев позже чем в Риге и Даугавпилсе. Под него отвели 11 домов на четырех улицах, куда были согнаны 814 человек. Лепайское гетто было ликвидировано в октябре 1943 года; оставшихся в живых отправили в Ригу.

В октябре 1941 года было начато строительство концентрационного лагеря в Саласпилсе. По распоряжению Ланге, здесь должны были разместиться вывезенные из рейха евреи. Лагерь официально назывался Расширенная полицейская тюрьма и воспитательно-трудовой лагерь. Строительные работы на площади 30,2 га были завершены в середине 1943-го. В каждом из построенных здесь 15 бараков для заключенных размещалось по 100–150 человек, так что одновременно в лагере находилось около 2000 человек. Это были политзаключенные разных категорий: участники движения сопротивления, евреи, дезертиры, прогульщики, цыгане и пр. Саласпилс функционировал как транзитный лагерь. Условия жизни здесь были чудовищными: холод, голод, физические наказания, угроза расстрела. Подчинялся лагерь командиру Полиции безопасности Латвии штандартен-фюреру Р. Ланге. Первым комендантом лагеря был Зигфид Никель, позже его сменил Курт Краузе. Охранял лагерь латышский отряд СД старшего лейтенанта Конрада Калейса.

Одним из крупнейших концентрационных лагерей в Латвии был лагерь в Межапарке (Riga-Kaiserwald). Он имел несколько филиалов: в Вецмилгрависе, Спилве, Страздумуйже, Дундаге, на фабрике «Лента», на Саркандаугаве и т.д. Это был регистрационно-распределительный центр, откуда заключенных отправляли на работу в другие лагеря. В самом концлагере, который подчинялся СД, в июле 1943 года находилось около 5000 евреев. Здесь были также евреи из Литвы, Чехословакии и Венгрии. В августе 1944 года заключенных морем вывезли в Германию.

В годы немецкой оккупации недалеко от станции Шкиротава, в Юмправмуйже, также был создан лагерь для депортированных из Европы нескольких тысяч евреев. Комендантом лагеря был Рудольф Зекс. Условия содержания людей были нечеловеческими, и в 1943 году в живых здесь осталось всего 450 человек.

В Страздумуйже находилось примерно 2000 человек. В 1944 году накануне закрытия лагеря было уничтожено 1300 человек. В 1943 году в окрестностях Дундаги были созданы два филиала Межапаркского концлагеря. Всего в них содержалось около 6000 евреев. Заключенных использовали в качестве рабочей силы — для строительства в трех волостях Дундагского уезда (Дундагской, Арлавской и Лубэзерской) так называемых имений рыцарей СС. Этот проект входил в планы рейхсфюрера Гимлера: создать в странах оккупированной Европы сельскохозяйственные

районы, в которых хозяйничали бы только СС. Заключенные строили дороги, возводили здания, заготавливали лес и т. д. В 1944 году, с приближением Красной армии, нацисты от этого проекта отказались.

Силы латышской полиции. Высшее нацистское руководство понимало, что управлять завоеванными территориями на Востоке, опираясь только на силы СС и СД, будет непросто. По инициативе Гиммлера немцы начали создавать полицейские формирования из лояльных немцам местных жителей. 20 июля 1941 года В. Шталекер издал приказ о создании вспомогательной полиции в Риге и ее окрестностях. Самый крупный отряд полиции — 1500 человек — был расквартирован в Риге. Он был разделен на 13 участков. Начальником полиции порядка был назначен лейтенант-полковник Валдемар Вейсс, его заместителем — Роберт Осис.

На первом этапе силы Латышской полиции формировались по принципу добровольности. Структура ее была чрезвычайно разветвленной — она охватывала Ригу, крупные и небольшие города, сельскую местность, существовали и батальоны службы порядка, которые сражались на Восточном фронте против партизан. По приказу Гиммлера от 6 ноября 1941 года вспомогательная полиция в оккупированных восточных районах была переименована в Охранную службу полиции порядка. В нее входили отдельные и закрытые отряды. Отдельные отряды исполняли обычные полицейские функции, закрытые части использовались для охраны важных объектов в Латвии и за ее пределами, а также на фронтах. То есть, латышская полиция выполняла как бы две функции: полицейскую и военную. Полиция порядка вела слежку за людьми, укрепляя оккупационный режим на местах. Закрытые отряды полиции выполняли задания на фронтах и на оккупированных территориях: вели борьбу с партизанами, осуществляли охрану гетто и пр. Латышская полиция полностью подчинялась немецкому командованию. Лейтенант-полковник Р. Осис, отвечавший за формирование отрядов латышской полиции, выразился, что это были «военные наемники, труд которых оплачивался».

Полиция порядка подразделялась на три категории: А, В и С. В категорию А входили активно действующие полицейские, получавшие жалованье. Полицейские отряды категории В выполняли специальные задания: охраняли мосты, склады, дороги и пр. объекты. Категорию С составлял так называемый пассивный резерв, к помощи которого прибегали в особых случаях. Количество участковых и сельских полицейских было относительно постоянным, а численность состоящих в закрытых отрядах после 1942 года резко возросла.

Холокост. Реализованное нацистским режимом тотальное уничтожение евреев — Холокост — в годы Второй мировой войны тяжело отозва-

лось и в Латвии. С июня 1941-го до 1945 года здесь погибло до 70 000 латвийских евреев. Около 20 000 было депортировано в Латвию из Германии, Австрии, Венгрии, Литвы, и все они погибли. Главными организаторами этих преступлений были ответственные лица СД Ф. Еккельн, В. Шталеккер, Р. Ланге и др. Исполнителями были в основном немецкая эйнзатцгруппа А, а также местные отряды СД. Первые шаги по дискриминации и уничтожению евреев сделали вермахт и морские силы, чьи комендатуры издали соответствующие приказы. Первый расстрел евреев в Латвии произошел уже 23 июня 1941 года в Гробиня, где эйнзатцгруппа уничтожила шесть человек. 3 июля расстрелы евреев проводились в Лиепе, Приекуле, Дурбе, Риге, т. е. почти во всех населенных пунктах, где дислоцировались немцы. К концу августа погибло большинство евреев в небольших городах Латвии. В Ауце все евреи были уничтожены еще 11 июля.

Акции по ликвидации евреев на территории Латвии нацисты проводили в два этапа. На первом этапе (так называемая фаза Шталеккера), продолжавшемся до октября 1941 года, в основном были уничтожены евреи в провинции. Убийства в это время происходили и в больших городах (Рига, Елгава, Лиепая, Даугавпилс), но акции не были столь тотальными, как в провинции, — в Прейли, Вараклянах, Гостыни было уничтожено почти все местное еврейское население. Чем меньше была еврейская община, тем трагичнее была ее судьба — уничтожали всех поголовно. Если же считали, что для проведения акции людей недостаточно, их отправляли в более крупные города, где проще было организовать масштабную акцию.

Из 28 000 проживавших в Латгальском крае евреев убито было около 20 000. Большинство в Даугавпилском уезде — примерно 13 000. Еще 7000 человек были уничтожены в Лудзе, Резекне, Ливанах, Вараклянах и др. городках. Акции здесь проводила эйнзатцгруппа А совместно с латышскими частями СД. В Даугавпилсе были проведены три акции, руководили которыми оберштурмбанфюрер Эрих Элингер, Иоахим Хаман и Гюнтер Таберт.

В Курземском крае крупнейшие акции были проведены в Лиепе и ее окрестностях. В Лиепайском уезде проживало около 7600 евреев, уничтожено было более 5700. Главные места расправ в Лиепе — парк Райниса в центре города, рыбный порт, район военного порта, окрестности стадиона. Но еще более кровавое преступление было совершено в Шкеле — в дюнах у моря на территории бывшего полигона Латвийской армии: здесь расстреляли также коммунистов и цыган. Наряду с немецкой эйнзатцгруппой в убийстве участвовал и взвод латвийских сил СД под командованием лейтенанта Петериса Галиньша.

Наглядным примером участия местных сил СД в массовых убийствах евреев в это время является деятельность отряда под командованием

М. Вагуланса в Земгале. Он создал разветвленную сеть групп СД и настаивал на уничтожении всех евреев до одного. Издаваемая М. Вагулансом газета «Nacionālā Zemgale» («Национальная Земгале») проповедовала неприкрытый антисемитизм, обвиняя евреев во всех смертных грехах, и требовала поголовной их ликвидации, подготавливая население к предстоящим убийствам. Под командованием Вагуланса было расстреляно около 2000 земгальских евреев: К октябрю 1941 года в латвийской провинции было истреблено до 24 000 евреев.

Создание в крупных городах гетто на некоторое время приостановило уничтожение евреев. В Риге в это время самые многочисленные расстрелы происходили в Бикерниекском лесу, где погибло более 5000 евреев. Координаторами акции были штурмбанфюрер СС Хорст Барт и Арно Бесекков. Высшее начальство в Берлине не устраивали медленные темпы уничтожения евреев — хотя в Латвии к октябрю 1941 года под руководством Штаleckера было истреблено 30 000 человек, темпы эти считались медленными. Рейхскомиссар Остланда, начальник немецкого гражданского управления Лозе считал, что евреев целесообразнее использовать как рабочую силу для удовлетворения нужд фронта. Лозе поддерживал создание еврейских гетто, реквизицию имущества. Иначе считал рейхсфюрер СС Гиммлер. Для ускорения решения еврейского вопроса в Ригу был направлен Ф. Еккельн, который, участвуя в акциях по уничтожению евреев на Украине, разработал собственную систему.

5 ноября 1941 года с командой из 50 человек Еккельн прибыл в Ригу. Начался второй этап уничтожения евреев. 23 ноября в Берлине Еккельн, в противоположность планам Лозе, получил от Гиммлера приказ уничтожить евреев Рижского гетто. Вернувшись в Ригу, Еккельн разъяснил Лозе суть приказа: евреи создают проблемы с точки зрения безопасности, использование их в качестве рабочей силы способствует саботажу. Больше Лозе не возражал. Первую карательную акцию Еккельн готовил в течение двух недель. Местом убийства была выбрана Румбула, в 10 километрах от гетто. 30 ноября 1941 года началась первая акция уничтожения евреев Рижского гетто. В Румбульском лесу русские военнопленные вырыли шесть рвов. В них должно было поместиться 25 000 трупов. В каждой колонне, выходящей из гетто, было по 1000 человек. По дороге в Румбулу было убито более тысячи заключенных. Расстрелы выполняла команда охранников Еккельна в составе 10–12 человек. В Румбульской акции принимали участие также силы Полиции порядка майора Карла Хейзе и жандармерия под командованием Рихарда Ребергса. 300 солдат команды Арайса выгоняли людей из гетто и следили за порядком на месте расстрела, патрулировали колонны по дороге на Румбулу. В акции участво-

вали и подчиненные СД отряды латышской полиции из Риги и Елгавы, сопровождавшие колонны из Риги до Румбулы. За экзекуцией наблюдали Еккельн, Лозе, Шталеккер и другие высшие офицеры СС, СД и полиции.

8 декабря была проведена вторая акция истребления. Всего в обеих акциях погибло 25 000 человек. После расстрела в Румбуле в живых осталось всего около 6000 латвийских евреев. В это время в Ригу стали поступать составы с депортированными евреями из Германии и других стран Европы. Часть была сразу же расстреляна недалеко от Шкиротавы, большинство чуть позже в Бикерниекском лесу в Риге. Евреи из других стран депортировались в Латвию до конца 1942 года. В 1944 году, с приближением частей Красной армии, оставшиеся в живых были перемещены в немецкие концентрационные лагеря.

Нацистский режим уничтожил в Латвии от 80 до 100 тысяч гражданского населения, в том числе евреев. Убиты были примерно 2000 цыган и 2271 психически больной.

5. 3. ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА. ЛАТЫШСКИЙ ДОБРОВОЛЬНЫЙ ЛЕГИОН СС

Латышские полицейские батальоны. Нацистская военная политика в Остланде предполагала широкое использование местных жителей не только для поддержания порядка на оккупированных территориях, но со временем и на Восточном фронте. В Латвии закрытые отряды полиции входили в охранную службу порядка — в народе их называли шутцманскими батальонами (на немецкий лад, от Schutzmannschafts-bataillone). 4 сентября 1941 года на принципе абсолютной добровольности приступили к формированию 1-го Рижского отдельного батальона службы порядка. К концу сентября было сформировано еще два батальона, а к концу года их насчитывалось уже пять. Во второй половине октября 1-й Рижский отдельный батальон был отправлен на Восточный фронт. После неудачи под Москвой в конце 1941 года немецкий режим все больше нуждался в дополнительных силах для укрепления Восточного фронта. И в Латвии приступили к формированию новых батальонов полиции.

В декабре 1941 года были сформированы 19-й и 17-й батальоны наряду с созданными ранее 16-м, 18-м и 20-м. Они состояли только из добровольцев. Часто без учебной подготовки эти части отправлялись на Восток. За время немецкой оккупации в Латвии было сформировано 42 латышских и 7 русских (в Латгале) полицейских батальона. В середине

1943 года эти воинские соединения насчитывали 9700, а в июле 1944 — 14 884 человек. В 1943 году шесть латышских батальонов были включены в Латышский легион.

Когда поток добровольцев стал иссякать, 11 февраля 1942 года Еккельн обратился к латышам с призывом вступать в ряды полицейских батальонов. К вербовке привлекли и земельное самоуправление. При нем был создан специальный главный комитет латышской добровольческой организации во главе с Густавом Целминьшем. Акцию вербовки поддержали радио и пресса. К июню 1942 года немецким властям удалось сформировать 13 полицейских батальонов. В дальнейшем к методу вербовки перестали прибегать, а забирали людей из резерва (полицейские категории А и В), а также айзсаргов (категория С) или просто мобилизовали. Использовались и завуалированные средства пополнения полицейских рядов: договор заключали якобы на полгода, но после истечения срока людей не освобождали, а заставляли подписывать новый договор — до конца войны. Впрочем, некоторые общественные круги Латвии считали создание полицейских батальонов шагом на пути создания Латвийской национальной армии.

С 11 июня 1942 года полицейские батальоны были переименованы в батальоны службы обороны, а с 24 мая 1943 года приказом рейхсфюрера Гимmlера — в Латышские полицейские батальоны. Названо было и количество бойцов в каждом батальоне — 501 человек. Со временем отдельные полицейские батальоны вошли в состав Латышского легиона. Гимmlер считал, что под латышским легионом надо понимать все те соединения, которые были сформированы в составе войск СС и полиции. Однако в реальной жизни существовала некоторая разница между полицейскими батальонами и легионом. Первые формировались на добровольных началах, а легион в основном состоял из призванных по мобилизации. Полицейские батальоны поддерживали безопасность в тылу, воевали с партизанами, охраняли концлагеря и гетто, а легион был фронтовой единицей. Закрытые полицейские батальоны охраны порядка выполняли как бы две функции: поддерживали безопасность в тылу и воевали на Восточном фронте. Латышские полицейские батальоны участвовали также в проведении репрессивных акций и за пределами Латвии. Типична в этом отношении история отдельных полицейских батальонов. Так, 18-й полицейский батальон в мае 1942 года был направлен в Белоруссию. В окрестностях городов Столбцы и Слоним батальон вел бои с партизанами, охранял гетто. 22-й и 272-й полицейские батальоны в июле-октябре 1942 года были отправлены в Варшаву, где осуществляли внешнюю охрану гетто. В августе-декабре 1943 года 22-й батальон принимал участие в боях с партизанами в районе Луцка, в Западной Украине. 313-й и 316-й баталь-

оны в августе–октябре участвовали в борьбе с партизанами под Вильнюсом, а четыре батальона Рижского полицейского полка воевали с партизанами в районе Браслава, в Западной Белоруссии. Латышские полицейские батальоны, находившиеся в подчинении немецких военных структур, в 1942–1945 годах участвовали в различных операциях на довоенной территории Польши: охраняли Варшавское и Слонимское гетто, составы с евреями, отправляемые в концлагерь Трешлинка, участвовали в боях с советскими партизанами, Красной армией, с ее союзницей — Польской народной армией.

Формирование Латышского добровольного легиона СС. С ухудшением ситуации на Восточном фронте у немцев возросла потребность в новых латышских военных формированиях. 23 января 1943 года Гитлер одновременно и разрешил и приказал Гиммлеру сформировать Латышский добровольный легион СС. Письменный приказ фюрера появился только 10 февраля. Гиммлер на основании этого распоряжения уже 24 января объединил четыре латышских батальона службы обороны, воевавших в составе 2-й бригады СС, создав воинское подразделение, названное «Латышский добровольный легион СС». С этого началось его формирование. 26 мая Гиммлер издал новое распоряжение, предписывавшее впредь называть все латышские соединения в составе войск СС и полиции Латышским легионом. Этим приказом Гиммлера отдельные латышские полицейские батальоны становились частью легиона.

Чтобы обеспечить вовлечение латышей в вооруженные силы Германии, проводилась регистрация (*Musterung*) населения, что соответствовало мобилизации. На территории Латвии призыв продолжался с марта 1943-го по август 1944 года. В Курземе мобилизация проводилась и в сентябре и октябре 1944 года. Первая мобилизационная акция состоялась в марте–августе 1943 года. Регистрации и мобилизации подлежали родившиеся в 1919–1925 годах, основанием для чего служил порядок, введенный оккупационными властями 19 декабря 1941 года, об обязательной трудовой повинности в оккупированных восточных областях. За уклонение следовало наказание по законам военного времени.

Для осуществления призыва при социально-трудовом управлении генерального комиссариата был создан штаб руководства. Мобилизационные списки составляла полиция. Немецкие оккупационные учреждения называли необходимое количество подлежащих мобилизации: в легион СС — 15 500, в вермахт — 22 000, на гражданскую службу — 15 600 мужчин. Согласно директиве о мобилизации, подлежащий обязательной трудовой повинности был вправе добровольно выбрать один из трех предлагаемых видов службы. На деле же никакой свободы выбора не было.

Распоряжение Гимmlера от 24 марта 1943 года гласило: в латышский легион СС можно призывать мужчин ростом не ниже 164–168 см, в возрасте 17–45 лет, призывник должен быть арийцем, не иметь наказаний, быть физически пригодным для несения службы в войсках СС.

Земельное самоуправление также было привлечено к процессу мобилизации. 9 марта 1943 года было обнародовано воззвание генерала О. Данкерса, призывавшее латышей вступать в легион. Земельное самоуправление выдвинуло условия, на которых оно могло бы поддержать формирование легиона. Одно из требований гласило: командиром легиона должен быть генерал Рудольф Бангерскис и обучение латышских солдат должно длиться не менее шести месяцев. Самоуправление требовало также обеспечить латышских солдат всем необходимым, предоставить им те же права, что и немецким солдатам, использовать латышские соединения в северном секторе Восточного фронта, ближе к границам Латвии.

Но немецкие оккупационные власти и не собирались всерьез принимать требования латышского самоуправления. Вначале, правда, нацистское руководство обещало, что Бангерскис возглавит 15-ю латышскую дивизию СС, однако командирами и 15-й, и 19-й дивизий легиона были немцы. Р. Бангерскис же был назначен генерал-инспектором легиона. Права его были ограничены и неопределенны, реальных возможностей вмешиваться в командование латышскими воинскими соединениями он не имел. Ему было присвоено звание группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС.

Во время первого призыва в Латышский легион СС был мобилизован 17 971 человек (53% от общего числа призывников), в вермахт — 12 979 (36,4%), в прочие службы — 4769 (13,3%). Второй призыв проходил с октября–ноябре 1943 года. На сей раз мобилизации вновь подлежали родившиеся в 1919–1924 годах, был также полностью осуществлен призыв лиц 1923–1925 года рождения. Третий призыв состоялся в декабре 1943–январе 1944 года. Мобилизации подлежали родившиеся в 1917–1918 годах, а также мужчины 1922 и 1924 годов рождения. В июле уже призвали мужчин 1926 года рождения. Регистрацию проводила вспомогательная команда СС (SS-Ersatzkommando Lettland). В результате в Латышский легион было призвано 12 000 мужчин. В начале 1944 года немецкое командование издало распоряжение, согласно которому за уклонение от призыва грозила смертная казнь. С 14 февраля 1944 года распоряжения о призыве на военную службу подписывали или О. Данкерс, или Р. Бангерскис. Это должно было создать иллюзию, что все проводится в соответствии с прежним законодательством Латвийской Республики.

В первой половине 1944 года призыву подлежали более 42 000 муж-

чин разных возрастов. В июле оккупационные учреждения объявили тотальную мобилизацию, проверке подвергались все, начиная с 1910 года рождения, все ранее освобожденные и так называемые «незаменимые». В это же время начался призыв юношей 1927–1928 годов рождения во вспомогательные части Воздушных сил. К сентябрю 1944 года было мобилизовано около 19 000 человек.

Сражения Латышского легиона СС на фронтах. В годы Второй мировой войны в составе Латышского легиона были две дивизии — 15-я и 19-я. Сначала была сформирована 15-я латышская добровольная дивизия СС, впоследствии получившая название 15-й гренадерской дивизии войск СС. Командовал ею фон Пюклер-Бургхауз. В конце 1943 года дивизия насчитывала 15 192 человека, а летом 1944-го — 18 413. 15-я дивизия Латышского легиона вела оборонительные бои в основном на Восточном фронте, на территории России. И хотя латышские солдаты не были достаточно обучены и вооружены, в ноябре 1943 года дивизия заняла оборонительный участок под Новосokolьниками. После тяжелых отступательных боев в начале 1944 года 15-я дивизия была переведена на участок вдоль реки Редья, примерно в 45 километрах от Старой Руссы. Здесь тоже велись тяжелые бои, в которых большие потери понесли 32-й и 36-й полки дивизии. В феврале 1944 года командиром дивизии был назначен оберфюрер СС Николаус Хейльман. Он был офицером полиции со слабыми военными знаниями и командирскими навыками. 18 февраля 1944 года дивизия получила приказ отойти на оборонительные позиции (так называемые позиции Пантеры) на берегу реки Великой. С марта по апрель дивизия вела бои в районах Острова, Пскова и Опочки.

В июне 1944 года Красная армия начала наступление, и латышские соединения вместе с немецкими войсками вели бои в секторе Бардово-Кудерево. В этих боях (так называемых Янюкалнских) отличился 32-й полк дивизии под командованием полковника Арвида Крипенса. В середине июля дивизия с боями отступила на территорию Латвии. В бою у Мозулей, во время переправы через Зилупе, почти полностью была уничтожена боевая группа 32-го и 33-го полков под командованием лейтенанта-полковника Карлиса Аператса. Посмертно К. Аператс был награжден Железным рыцарским крестом.

После тяжелых потерь лета 1944 года остатки 15-й дивизии в июле приказом немецкого командования были отправлены в Германию на переформирование. Во второй половине августа дивизия уже прибыла в Восточную Пруссию, получив пополнение из молодых призывников Латвии, которые заранее были отправлены в Германию. В конце года дивизия находилась в боевой готовности, а в начале 1945-го уже вела тяжелые бои

на территории Восточной Пруссии, у Данцига, в Померании, под Мекленбургом. В начале мая остатки дивизии под командованием полковника В. Янумса сдались в плен союзническим войскам.

В начале 1944 года высшее руководство СС решило переформировать 2-ю латышскую добровольческую бригаду СС в дивизию. 7 января Гимлер издал приказ о создании 19-й латышской добровольческой дивизии СС, в состав которой вошли три гренадерских полка. Формирование ее завершилось в середине марта, когда вместе с частями 15-й дивизии она заняла оборонительные позиции на реке Великой. Командовал дивизией оберфюрер СС Хинрих Шулт, позже его сменил штандартенфюрер СС Бок. Последним командиром этой части был бригадфюрер СС Бруно Штрекенбах, пехотой дивизии командовал полковник Волдемар Вейсс. В июне 1944 года в дивизии насчитывалось 10 592 человека, к осени состав ее увеличился до 12 507.

С марта по июль 1944 года 19-я дивизия вместе с 15-й участвовала в тяжелых отступательных боях на территории России. 17 июля части ее пересекли латвийскую границу в районе Карсавы. Затем были бои у озера Лубанас. В августе дивизия отошла к Айвиексте. В сентябре, после нового наступления Красной армии, бойцы дивизии и VI корпус СС вели совместные бои у Море. Командующий 18-й немецкой армией Карл Хилперт выразил благодарность солдатам 19-й дивизии за смелость в боях у Море, что дало возможность задержать наступление Красной армии и вывести немецкие войска из Эстонии. Бои у Море были последними для дивизии на территории Видземе.

В октябре 1944 года 19-я латышская дивизия совместно с частями 16-й и 18-й немецких армий отступила в Курземе — западную часть Латвии, где в окружении находилась крупная немецкая группировка войск. Возникла так называемая Курземская крепость (Курляндский котел) — Талсинский, Вентспилсский, часть Кулдигского, Айзпутский, Тукумский и Лиепайский уезды, всего 13 городов и 76 волостей. В Курземской крепости насчитывалось примерно 230 тысяч местных жителей, 150 тысяч беженцев из других районов Латвии, а также около 35 тысяч беженцев из СССР.

В Курземской крепости оборонялись примерно 32 немецкие дивизии, а также 19-я латышская дивизия. На начальном этапе боев группировкой командовал генерал-полковник Фердинанд Шернер. Протяженность фронта составляла около 170 километров. На сравнительно небольшой территории сосредоточился достаточно большой военный потенциал и гражданское население.

15 октября 1944 года советские войска начали первое массированное

наступление в Курземе. Основное направление удара — от Добеле к Джуксте. За восемь дней боев Красная армия не добила существенных успехов и лишь оттеснила немецкие силы примерно на два километра. Второе наступление началось 27 октября в секторе Приекуле–Вайнёде и Ауце. 28 октября немцы оставили Ауце, непрерывные атаки в течение 12 дней не принесли ощутимых результатов. 21 декабря началось третье массированное наступление Красной армии в Курземе, целью которого было: занять Салдус и прервать железнодорожное сообщение с Лиепайей. Тяжелейшие бои велись в секторе 19-й дивизии, в районе Румбини–Пиенава и Римейки. Здесь отважно сражалась боевая группа старшего лейтенанта Роберта Анцанса. 19-я дивизия несла огромные потери в живой силе. В 42-м гренадерском полку Николая Галдыньша из 1200 бойцов осталось всего 300. 23 января 1945 года началось четвертое массированное наступление Красной армии. Одиннадцать советских дивизий вели атаки в направлении Лиепайи. 19-я дивизия обороняла участок Лестене–озеро Зебрус. Пятое наступление в Курземе продолжалось с 12 февраля по 14 марта. Образцово проявил себя батальон под командованием Эрнеста Лауманиса. В ходе этого наступления советскими войсками были заняты станции Берзупе, Йосты и Блидене, под угрозой были Броцены и Салдус. Тем не менее при превосходящих силах противника немецким войскам удалось удержать фронт. 17 марта, во время шестого наступления советских войск в Курземе, в тяжелейших боях большие потери понесли 42-й и 43-й гренадерские полки 19-й дивизии. Семеро латышских бойцов за смелость в боях за Курземе были удостоены высшей немецкой военной награды — Железного рыцарского креста. 8 мая 1945 года немецкая группировка войск в Курземе капитулировала. В плен сдались около 146 тысяч солдат, в том числе 14 тысяч латышей.

Другие латышские формирования в составе немецких войск.

Кроме полицейских батальонов и 15-й и 19-й дивизии СС, в немецких вооруженных силах действовали и другие латышские соединения. По приказу начальника Полиции порядка в Латвии штандартенфюрера СС М. Кнехта от 1 августа 1943 года четыре полицейских батальона — 276-й, 277-й, 278-й и 321-й, охранявших латвийско-российскую границу, были объединены в Латышский добровольный полицейский полк под командованием Р. Осиса. Полк участвовал в боях с партизанами в России, в боях с Красной армией на Восточном фронте и в Латвии. В октябре 1944 года полк был передислоцирован в Германию, где поступил в распоряжение 15-й латышской дивизии и был направлен на строительство укреплений.

В феврале 1944 года на базе 22-го, 25-го, 313-го и 316-го батальонов было начато формирование Лиепайского латышского полицейского полка

под командованием полковника-лейтенанта Яниса Гросбергса. Лиепайский полк участвовал в боях с партизанами в Белоруссии, а также в боевых действиях на фронте и был расформирован в августе 1944 года после больших потерь в боях на территории Латвии.

В середине февраля 1944 года был создан 3-й Цесисский полицейский полк, а в сентябре — Курземский латышский добровольческий полк.

После того как в начале 1944 года была прорвана линия фронта в направлении Ленинград–Волхов и Красная армия начала стремительно продвигаться на Запад, по инициативе генерала Ф. Еккельна началось формирование шести латышских пограничных полков. В поддержку решения Еккельна латышское самоуправление объявило призыв в армию мужчин 1906–1914 годов рождения. Мобилизации подлежало около 20 000 человек. Три полка были сформированы в Риге, по одному в Тукумсе, Айзпуре и Кулдиге. Призывники были плохо обеспечены и мало обучены. В связи с критической ситуацией на фронте полки использовались не для охраны границ Латвии, а в качестве пополнения 15-й и 19-й дивизий. В июне 1944 года Гиммлер издал приказ, по которому пограничные полки влились в состав фронтовых дивизий.

Летом 1944 года Р.Бангерскис предложил создать два батальона из тех граждан Латвии, которые за незначительные нарушения были отправлены в Саласпилсский лагерь. Еккельн инициативу поддержал. К сентябрю было сформировано 7 строительных батальонов. Их отправили на фронт в качестве вспомогательных сил для немецких саперных войск. Весной 1943 года был сформирован 672-й латышский саперный батальон; он выполнял свои непосредственные функции на Восточном фронте и участвовал в боях.

В августе 1944 года для повышения боевой подготовки призывников были созданы три учебных батальона, по 500 человек в каждом. В конце войны они были переведены в Германию и влились в 15-ю дивизию. В условиях тотальной мобилизации в немецкие военные формирования начали призывать и непригодных для военной службы, в основном рядовыми для несения вспомогательной службы в немецких воздушных частях. Всего таким образом было мобилизовано 5000 человек. Некоторые проходили службу в 3-й немецкой парашютно-десантной дивизии, другие в зенитной артиллерии, на аэродромах.

В феврале началась агитация за вступление в немецкий военный и гражданский флот. Это мотивировалось необходимостью охранять не только сухопутные, но и морские границы Латвии. В итоге в немецкий военный флот записалось около 900 латышей.

В немецких воздушных войсках у латышей были свои авиационные

отряды — создавать подобные соединения предложил бывший командир воздушного полка Латвийской Республики Рудолф Кандис. В сентябре 1943 года в Гробиня была открыта Лиепайско-Гробиньская школа пилотов. Гробиньский аэродром был местом обучения латышских летчиков и местом формирования боевых единиц. С 1 января 1944 года школа получила название Группы пополнения ночного боя в Остланде. Командовал ею майор немецких воздушных сил Вальтер Эндрес. В марте была сформирована 1-я латышская эскадрилья ночного боя, которая совершала вылеты в районы Пскова, Острова, Опочки. 22 июня 1944 года была создана 2-я латышская эскадрилья ночного боя, насчитывавшая 18 машин, в июле 3-я (всего восемь самолетов). 10 августа приказом немецкого главнокомандования был создан авиационный легион «Латвия», командиром которого был назначен полковник-лейтенант Янис Рупелис. В октябре легион был направлен в Германию, боевые машины поступили в распоряжение немецких соединений и легион прекратил свое существование.

Нехватка в живой силе привела к тому, что весной 1944 года в немецкую армию — во вспомогательные части воздушных войск — стали призывать несовершеннолетних. Было издано распоряжение мобилизовать 7000 человек. 12 июля О. Данкерс обратился к молодежи с призывом вступить добровольцами во вспомогательные части вермахта. Откликнулись немногие, и 26 июля был издан приказ о призыве 1927–1928 годов рождения. Когда на территорию Латвии вошли части Красной армии, вспомогательные части воздушных войск были переведены в Германию. В конце войны они попали в плен к союзническим войскам. В вооруженных силах Германии существовали и отдельные соединения — охранный батальон «Рига», батальон тревоги капитана Иванова, батальоны особого назначения из штрафников и т. п.

В годы немецкой оккупации в различные военные формирования было мобилизовано около 110 000 человек. В 15-й и 19-й латышских добровольческих дивизиях СС служило примерно 52 000 человек. Из них лишь небольшое число были добровольцы — подавляющее большинство в немецкую армию было призвано принудительно. Это подтверждается в секретном документе Народного комиссара государственной безопасности СССР В. Меркулова от 24 июля 1943 года. Он отмечал: формально было объявлено, что легион создается на добровольных началах, фактически же его формирование производилось в порядке принудительной мобилизации. Немецкие военные учреждения пользовались термином «добровольный», чтобы скрыть нарушения международного законодательства (Гаагская конвенция), запрещавшего мобилизовать местное население в вооруженные силы другого государства. Латышский легион СС не был в этом

отношении исключением. В годы Второй мировой войны число дивизий СС и численность их состава постоянно возрастали. Нацистское руководство отказалось от расистских критериев при комплектации отрядов СС и привлекало в них и негерманские народы. В войсках СС были французские, украинские, русские, итальянские, белорусские, сербские, эстонские, латышские и пр. дивизии и более мелкие военные соединения. В конце 1944 года в войсках СС насчитывалось 38 дивизий — более 910 000 человек. Принадлежность латышских военных формирований к СС была формальной — это не был выбор самих латышей. Нацистскому режиму не удалось бы создать латышский легион, если бы в 1940 году Латвия не была оккупирована СССР, если бы оккупация не сопровождалась репрессиями против мирного населения.

5. 4. СОПРОТИВЛЕНИЕ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Особенности движения сопротивления. Утвердившись в июле 1941 года на территории Латвии, нацистская Германия не планировала восстановление Латвийского государства, т. е. один оккупационный режим сменился другим. Третий рейх считал Латвию составной частью СССР и распоряжался здесь как на оккупированной территории. Латвия стала Генеральным округом и вместе с Эстонией, Литвой и частью Белоруссии была включена в созданный нацистами рейхскомиссариат «Остланд». В Латвии у многих это вызвало разочарование, так как противоречило тому, что говорил Гитлер в своем объявлении войны Советскому Союзу: он не признает аннексии стран Балтии со стороны СССР. В первые дни вторжения немецких войск в Латвии еще царила убежденность в возрождении суверенитета государства.

3 июля 1941 года делегация Латышского организационного центра (ЛОЦ) во главе с бывшим министром сообщений Бернхардом Эйнбергсом явилась к генералу В. Шталеккеру обсудить вопрос о восстановлении Латвийского правительства. Представителей латышской общественности ожидало глубочайшее разочарование — Шталеккер не выразил никакой поддержки их устремлениям. Наоборот, генерал подчеркнул, что создание Латвийского правительства запрещено, что статус Латвии будет определен после окончания войны.

11 июля ЛОЦ решил направить Алфреда Валдманиса с делегацией в Берлин, чтобы там попытаться получить более конкретное представление о судьбе Латвии. Однако немецкие военные учреждения не выдали раз-

решения на поездку, и все активности центра закончились безрезультатно. Уже в начале июля 1941 года все свидетельствовало о том, что Латвия считается не освобожденным, а вновь оккупированным государством. Были переименованы улицы, Национальный театр, Национальная опера и Латвийский университет. Слово «Латвия» отовсюду старались вычеркивать, не допускать его употребления. А позиция возглавляемого А. Розенбергом Министерства оккупированных Восточных областей развеяла последние иллюзии. Латвийское общество, таким образом, было поставлено перед выбором: либо смириться с оккупационным режимом и сотрудничать с ним, либо оказать сопротивление. Большая часть населения смирилась с навязанным нацистами режимом, сопротивление оказывали только самые решительные, патриотично настроенные. Движение сопротивления не носило массового характера. В основе своей это была не вооруженная борьба, скорее тайная политическая деятельность, целью которой было раскрытие истинной сущности оккупационного режима.

Сопротивление новому порядку в годы Второй мировой войны не было и сплоченным, носило разнородный характер. Латышское национальное движение выступало за скорейшее восстановление суверенитета страны. Поддерживаемое Советским Союзом коммунистическое сопротивление ставило перед собой целью ослабление Германии и восстановление незаконного советского оккупационного режима. Таким образом, юридически, исходя из государственных интересов Латвийской Республики, это было не сопротивление, а деятельность диверсантов, партизан, подпольщиков, инспирированная Москвой в ее собственных интересах. Граждан Латвии, которые по разным причинам сотрудничали с советским подпольем или партизанами, скорее следует причислить к коллаборационистам, а не к участникам сопротивления. Национальное движение сопротивления и партизанское движение, поддерживаемое коммунистами, преследовали диаметрально противоположные цели, сотрудничество между ними было исключено.

Ситуация, когда одна оккупация сменила другую, оставила свой след и на характере движения сопротивления. В отличие от оккупированных стран Западной Европы, у которых был один враг — нацизм, латышское национальное сопротивление вынуждено было сражаться на два фронта — с нацистами и со сторонниками советского режима. Движение сопротивления в Западной Европе финансово и политически поддерживали союзнические державы, у латышей же внешней поддержки не было. Национальное сопротивление в Латвии было и нелегальным, и легальным, но это были отдельные группы, организации, отдельные люди. Это была борьба за выживание народа, сохранение экономического потенциала и культур-

ных ценностей и восстановление суверенитета страны. Сопrotивление было направлено против вербовки латышей в легион СС, против экономической и культурной политики нацистов, отправки рабочей силы в Германию, против установленного порядка, идеологии и пр. Это было и активное, и пассивное сопротивление различным формам оккупационной политики с целью ослабления режима. Движение в основе своей не носило силового характера. Не создавались организации для вооруженной борьбы — не хватало ресурсов, могли также последовать тяжелые репрессии со стороны немецкого режима, что потребовало бы ненужных жертв. Руководители сопротивления считали также, что вооруженные акции только ослабят нацистскую Германию, а значит будут способствовать скорейшему возвращению советского режима. В движении национального сопротивления участвовала интеллигенция, бывшие парламентарии, министры, офицеры, студенты, академические круги, молодежь, жители села и пр.

Создание нелегальных групп, выпуск газет, прокламаций, листовок. Уже осенью 1941 года в Латвии стало ощущаться недовольство оккупационным режимом. Надежды, лелеемые населением, растаяли буквально через несколько месяцев. Появились первые латышские нелегальные газеты, листовки, прокламации, начали возникать подпольные организации. Они пытались разъяснить сущность и цели нацистской политики, возрождали идею восстановления независимости Латвии. Студенческую молодежь возмутил запрет на преподавание истории Латвии, закрытие Института истории. В обществе стали циркулировать слухи о том, что Балтийские страны станут немецкими окраинами и войдут в состав Великой Германии, что латышей вышлют в Россию. В ноябре 1941 года возобновил свою деятельность «Союз латышских националистов» (СЛН), возникший еще в первый год советской оккупации (1940–1941). Организация издавала листовки, собирала информацию и оружие. Руководила организацией центральная группа, лидером которой был А. Чаупала. Были созданы отдел внешней информации, секретный отдел, две вооруженные группы. Тесные связи были налажены с сотрудниками Рижской полиции, особенно 6-го и 12-го участков. Группы СЛН действовали в Рижской городской детской больнице, в школе медсестер Красного Креста, в акционерном обществе «Вайрогс», на филологическом факультете Рижского университета, в Государственном техникуме, на машиностроительном заводе «Металистс» и т.д. С февраля 1942 года организация издавала свою газету «Tautas Balss» («Голос Народа»), которую распространяли в Цесисе, Валмиере, Добеле, Лиенае, Даугавпилсе, Мадоне. Редакционной группой руководил А. Каминскис. Вышло девять номеров газеты. Организация призывала латышей не вступать в полицейские батальоны, не исполнять распоряжения оккупаци-

онных властей, которые противоречили интересам народа. СЛН выступал за восстановление Латвийской Республики демократическим путем, считал, что необходимо бороться с обеими оккупационными властями — советской и немецкой. Издание газеты прекратилось в ноябре 1942 года, когда немецкие службы безопасности арестовали более ста членов организации.

18 ноября 1941 года в Латвии появилась нелегальная газета «Латвия». Издателем ее была «Организация патриотов», тираж колебался в пределах 1600–6500 экземпляров. Численно организация была невелика и объединяла студентов, представителей интеллигенции, национально настроенных людей. Чтобы способствовать успешной борьбе Германии с коммунизмом, они допускали даже минимальную его поддержку, но восстановление независимости Латвии возможно только в случае победы американцев и англичан. Генеральный комиссар Латвии О. Дрекслер, давая оценку деятельности участников движения национального сопротивления, отмечал, что они не являются сторонниками большевиков, что люди эти — англофилы, которые пытаются повернуть колесо истории вспять. В разрешенной оккупационными властями газете «Tēvija» («Отечество») Дрекслер назвал этих людей пустозвонами и подстрекателями, которые пытаются посеять сомнение в политике проводимого Германией режима. Немецкие службы безопасности считали, что издатели газеты «Латвия» придерживаются проанглийской ориентации и усматривают в нацистской политике опасность для дальнейшего существования латышского народа.

Весной 1943 года руководитель организации «Перконкрустс» Густав Целминьш приступил к изданию газеты «Brīvā Latvija. Latvju Raksti» («Свободная Латвия. Латышские статьи»). До весны 1944 года вышло 14 номеров, тираж колебался в пределах 700 экземпляров. Информация в газете делилась на три раздела: внешняя политика, внутренняя политика и практические вопросы. «Свободная Латвия» распространялась в Риге и сельских районах. Г. Целминьш и группировавшиеся вокруг издаваемой им газеты призывали к восстановлению государственной независимости, отказу от слепого исполнения всех распоряжений немецких учреждений. Деятельность Г. Целминьша и причастность его к движению сопротивления свидетельствует о том, насколько сложной была ситуация в латышском обществе в годы немецкой оккупации. На начальном этапе оккупации Г. Целминьш, А. Валдманис и другие общественные и политические деятели активно сотрудничали с немецким режимом, однако спустя некоторое время в нем разочаровались и включились в движение сопротивления. То есть, человек в Латвии мог быть одновременно и коллаборационистом, и

активным участником движения сопротивления. В этом заключалась особенность местной ситуации, причиной которой в большой степени стала первая советская оккупация в 1940–1941 годах. Так, Г. Целминьш из большого друга нацистов очень скоро превратился в противника этого режима и в 1944 году был арестован и заключен в концлагерь Флоссенбург в Германии.

В период с июля 1942 по май 1943 года действовала организация сопротивления «Daugavas Vanagi» («Ястребы Даугавы»), которая издавала газету под таким же названием. Всего вышло три номера газеты, главными темами статей были национальное самосознание и латышский облик. Членами организации были молодые люди в возрасте 20 лет. Организация попала в поле зрения полиции и руководимого Р. Ланге СД и была разгромлена. В начале 1942 года возникла организация сопротивления «Jaunpulki» («Молодые бойцы»). Ее руководитель Мартыньш Янсонс сумел объединить около 50 человек в возрасте 15–18 лет. Организация издавала листовки, направленные против существующего режима, пыталась подчеркнуть, что независимость Латвии возможна лишь после полного разгрома Германии. «Jaunpulki» призывали не верить обещаниям нацистов и не сотрудничать с ними. В июне 1942 года СД разгромила и эту организацию. В Департаменте леса в Риге в 1942 году действовала нелегальная группа, недолгое время издававшая газету «Tālavas Taurētājs» («Трубач Талавы»). Она распространялась в Риге и ее окрестностях. Немецкие власти квалифицировали группу как англофильскую.

В 1942–1943 годах группа работников завода ВЭФ издавала нелегальный бюллетень «Latviešu Ceļš» («Латышский Путь»), имевший четко выраженную радикально-национальную направленность. Оккупационные власти расценили ее как имевшую явно антинемецкий характер. Бюллетень издавали работники электромонтажного цеха П. Клибикис, К. Лоренцс, Д. Грундулис и др. Ядро студенческой организации сопротивления «Brīvā Latvija» («Свободная Латвия»), возникшей в Рижском университете, составили 20 человек. Лидерами ее были В. Гросбартс, В. Нейманис, Я. Аболиньш, Я. Платайс и др. Руководители организации надеялись на повторение ситуации 1918 года и восстановление независимости Латвии после разгрома Германии. Латышский легион СС считался ядром будущей Латышской армии. Чуть меньше года в Елгаве издавалась подпольная газета «Brīvais Vanags» («Свободный Ястреб»). Вокруг нее группировалось 20–30 человек. Наиболее активные — А. Вейсбергс, Я. Чермакс, А. Лиела, Э. Берзиньш. Газета резко выступала против призыва молодежи на военную трудовую службу, пыталась разоблачить конечные цели немецкого режима в Латвии. В 1944 году появился целый ряд других подпольных

газет: «Lācplēsis», «Dzimtā Zeme» («Родная Земля»), «Par Latviju» («За Латвию») и др. Многие группы сопротивления в Латвии носили громкие названия, которые не отражали их реальные возможности. Они издавали листовки, информационные бюллетени, газеты, стремились поддерживать в обществе чувство национального самосознания, дух сопротивления и идею независимости Латвии. Нелегальные издания сыграли определенную роль в разъяснении политики нацистского режима в Латвии. В целом же движение национального сопротивления было слабо скоординировано, не имело единого политического руководства.

Латвийский Центральный Совет (ЛЦС). До лета 1943 года национальное движение сопротивления в Латвии носило децентрализованный характер. Единым центром движения сопротивления пыталась стать самая многочисленная и влиятельная организация движения — Латвийский Центральный Совет (ЛЦС). Эта подпольная организация была создана представителями четырех парламентских партий последнего созыва — Латышской социал-демократической рабочей партии, Латышского Крестьянского союза, Демократического центра и Латгальской христианско-католической крестьянской партии. Учредительное заседание состоялось 13 августа 1943 года в Риге. Представители этих партий на последних выборах в Сейм получили 49 мандатов из 100, поэтому считали себя правомочными говорить от имени большинства народа.

Председателем ЛЦС был избран профессор университета юрист Константин Чаксте. В организации активное участие принимал и председатель последнего Сейма Паул Калныньш, один из лидеров социал-демократов Бруно Калныньш, бывший министр иностранных дел Феликс Циеленс, лидер Демократического центра Янис Брейкшс, епископ Язеп Ранцанс, лидер Крестьянского союза Адолф Кливе, генерал Вернер Тепферс и др. Определенную роль в создании Центра сыграл и бывший посол Латвии в Швеции Волдемар Салнайс. Главной целью организации было восстановление демократической Латвийской Республики. ЛЦС взял на себя обязанности координатора движения сопротивления нацистскому режиму на уровне всего государства, способствовал сотрудничеству с национальными движениями в других странах Балтии, собирал информацию о последствиях нацистской политики в Латвии, снабжал ею демократические страны Запада. ЛЦС пытался опровергнуть точку зрения, согласно которой латыши шли на добровольное сотрудничество с нацистским режимом и поддерживали его цели.

Для достижения поставленных задач были созданы семь комиссий: иностранных дел, военная, информации, юридическая, экономическая, сбора средств и налаживания связей. В феврале 1944 года ЛЦС определил

свою политическую платформу, важнейшим пунктом которой была борьба против обеих оккупационных властей — нацистской и советской. Совет не поддерживал мобилизацию латышей в немецкие военные формирования, призывал сохранить экономический и культурный потенциал. Конечной целью борьбы было восстановление независимой демократической Латвийской Республики на основе принятой в 1922 году Сатверсме (Конституции). ЛЦС подчеркивал также верность принципам Атлантической хартии и заявил, что надеется на победу войне демократических стран Запада.

Тем не менее ЛЦС не являлся общелатвийской организацией. Наиболее активную работу вне Риги его отделения вели только в Вентспилсе и Елгаве. Совет не организовывал военные операции против нацистского режима, активность его выражалась лишь в политической деятельности. Существенную роль играл сбор и анализ информации о ситуации в Латвии и передача ее западным странам. В марте 1944 года ЛЦС разработал политический меморандум, который подписали 190 известных в обществе людей: бывшие министры, депутаты парламента, священники, юристы и т. д. В Меморандуме содержалось требование незамедлительного восстановления государственности Латвии, защиты страны от угрозы вторжения Советского Союза, установления дипломатических связей с иностранными государствами.

С 1944 года одним из важнейших направлений деятельности ЛЦС было оказание помощи беженцам, которые направлялись в Швецию. Была организована так называемая «лодочная акция», что помогло 5000 человек избежать советской оккупации. Активно работала военная комиссия под началом генерала Яниса Курелиса и капитана Кристапа Упелниека.

Весной 1944 года немецкие силы безопасности развернули репрессии против ЛЦС. В апреле был арестован и заточен в Рижскую центральную тюрьму К. Чаксте, откуда он был отправлен в концлагерь Штутхоф, где и погиб 22 февраля 1945 года. Недолго ЛЦС возглавлял Бруно Калныньш, затем генерал В. Тепферс. После взятия Риги в октябре 1944 года ЛЦС действовал в Курземе, впоследствии в Швеции. В послевоенный период ЛЦС безуспешно пытался восстановить свою деятельность в оккупированной СССР Латвии.

Латвийскому Центральному Совету не удалось объединить силы разрозненных организаций движения национального сопротивления. Совет заявил о себе прежде всего как политический и идеологический центр, который твердо отстаивал необходимость борьбы против двух оккупационных властей.

Курелевцы. Чтобы задержать вступление советских войск в Латвию,

нацистский оккупационный режим дал разрешение на формирование Рижского полка айзсаргов. Командиром его был назначен генерал Я. Курелис, почему и называли впоследствии бойцов этого соединения «курелевцами». Немецкий режим планировал использовать их на фронте в сражениях с советской армией, а также в качестве диверсантов в тылу врага. В группе Я. Курелиса активно действовал капитан К. Упелниекс. ЛЦС поддерживал с курелевцами тесную связь.

Вначале курелевцы дислоцировались в Скриверской волости Рижского уезда, но с приближением советских войск передислоцировались в имение Стразды Талсинского уезда, позже в Пузскую волость Вентспилсского уезда. В Курземе курелевцы поддерживали радиосвязь с руководством ЛЦС в Швеции. Одним из наиболее организованных и боеспособных был батальон лейтенанта Роберта Рубениса. В Курземе численность отряда Курелиса возросла до 1000 человек. К курелевцам присоединились дезертиры из легиона, айзсарги, полицейские, все, кто с оружием в руках готов был сражаться за суверенную Латвию. Осенью 1944 года между немецким командованием и курелевцами, которые противились исполнению приказов, возникли серьезные разногласия. К. Упелниекс и другие лидеры группировки считали, что возглавляемые ими силы могли бы стать фундаментом будущей Латвийской армии и в конце войны самостоятельно защищать Курземе, а при поддержке западных стран восстановить независимость Латвии. 8 октября 1944 года штаб Я. Курелиса принял решение оказывать сопротивление обоим оккупационным режимам. Такой поворот дела не устроил нацистов, и в тот же день немецкие силы безопасности под руководством генерала Еккельна окружили штаб курелевцев, арестовали его, а затем разоружили весь отряд. Батальон лейтенанта Рубениса отказался сдаться и оказал вооруженное сопротивление. 18 ноября 1944 года восемь самых активных офицеров-курелевцев немецким судом СС и полиции были приговорены к смертной казни. Были расстреляны: капитан Кристап Упелниекс, полковник Петерис Лиепиньш, капитан Юлий Муцелниекс, старший лейтенант Янис Грегорс и др. Я. Курелис был отправлен в Германию. Были арестованы и отправлены в немецкие концлагеря более 1300 солдат и офицеров. Разгром курелевцев нанес ощутимый удар по национальному освободительному движению. До конца войны серьезных выступлений против нацистского режима больше не было.

Коммунистическое подполье и партизаны. Определенное сопротивление немецкому оккупационному режиму оказывали также коммунистическое подполье и советские партизаны. Их поддерживал Советский Союз — таким образом Москва надеялась не только ослабить Германию, но и подготовить почву для новой оккупации Латвии. До 1942 года в

Латвии не было сколько-нибудь заметного советского подполья и партизанского движения. В латвийском обществе жива еще была память о первом годе советской оккупации и репрессиях, предпринятых этим режимом. И тогда Советский Союз начал усиленную идеологическую обработку сознания населения Латвии, настраивая его против немецкого режима. В Латвию стали поступать печатаемые в СССР газеты, листовки, другие пропагандистские материалы. Московское радио вело передачи на латышском языке.

В 1943 году по указанию ЦК ВКП (б) и Комитета государственной безопасности при Компартии Латвии в Москве был создан Латвийский штаб партизанского движения. Возглавил его полковник Артур Спрогис. Этим же летом в Латвию из Советского Союза был заслан полномочный представитель оперативной группы Компартии Латвии Имант Судмалис. На месте он сформировал группу, задачей которой была координация коммунистического подполья в Риге и других крупных городах Латвии. В Латвию стали засылать хорошо обученные и вооруженные отряды, которым надлежало активизировать партизанское движение в Латвии. В 1943 году по распоряжению Центрального штаба в Латвию стали перебазироваться группы красных партизан, действовавшие ранее в приграничных областях. В частности, сюда были направлены отряды Вилиса Самсонса, Петериса Ратыньша и Оттомара Ошкалнса. Это были профессиональные партизанские группы, получавшие помощь от Советского Союза. Согласно новейшим российским архивным материалам, партизан в начале 1944 года в Латвии было немного: в 11 партизанских отрядах состояло 812 бойцов. Наиболее серьезные подпольные группы действовали в Риге, Даугавпилсе, Лиенае, Резекне. Летом 1944 года в Латвии действовали три партизанские бригады. Кроме Латгалии (Латгале), красные партизаны в Латвии не имели серьезной поддержки населения.

Партизаны совместно с советским подпольем осуществляли акции саботажа и диверсии, взрывали железные дороги, разрушали мосты, шоссе, селенные дороги, уничтожали военных и чиновников, скрывали военнопленных, вели пропаганду среди местного населения. Партизаны и советское подполье представляли из себя силу, которая должна была ослабить немецкий режим и способствовать возвращению советского оккупационного режима в Латвию. С коммунистами активно боролись немецкие учреждения безопасности, но от этого страдало и мирное население. В целях устрашения населения в январе 1942 года за укрытие и поддержку красноармейцев было расстреляно 200 жителей деревни Аудрини Резекненского уезда. Схожая судьба постигла в 1944 году и многих хуторян Злекской волости Вентспилского уезда.

5. 5. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Общие положения. Наиболее характерные черты экономической политики нацистского режима в оккупированных странах Балтии — это стремление выжать из этих стран как можно больше ресурсов для ведения войны. Решением экономических вопросов на территории оккупированной Латвии занимались многочисленные правительственные учреждения Германии, и каждое из них выдвигало свои приоритеты. Руководитель так называемого плана четырехлетнего развития Германии рейхсмаршал Г. Геринг считал, что оккупированные страны надо нещадно эксплуатировать. 8 ноября 1941 года он дал указание действовать в оккупированных восточных областях, как в колониях. Следуя этим указаниям, немцы создали крупные монопольные объединения по вывозу из оккупированных стран продовольствия и сырья. Так называемое Министерство восточных земель А. Розенберга в свою очередь считало, что оккупированные области нельзя просто грабить, необходимо как можно эффективнее использовать их потенциал. Розенберг был убежден, что промышленность Остланда, поскольку область находится близко к фронту, сможет быстрее снабжать немецкую армию, чем предприятия Германии. Он призывал развивать на местах рациональное производство. На хозяйственную политику оккупированной Латвии оказывали влияние и различные немецкие военные учреждения, занимавшиеся прямыми армейскими поставками.

В экономической политике немецких оккупационных учреждений в Латвии наблюдались две тенденции. Первая была связана с планами дальнейшей колонизации страны и предполагала максимальное использование ее ресурсов. Вторая предусматривала сохранение местного экономического потенциала на будущее и эффективное использование его для нужд фронта.

Рейхскомиссар Остланда Х. Лозе, поясняя сущность немецкой экономической политики, подчеркивал, что большевики, в 1940 году, заняв Латвию, национализировали всю собственность: дома, банки, фабрики, торговые предприятия, сельские дома, движимое и недвижимое имущество. Все было объявлено собственностью Советского Союза. После того, как большевики были изгнаны из Латвии, вся собственность перешла в распоряжение третьего рейха. Это высказывание Лозе стало идеологическим обоснованием всей дальнейшей хозяйственной политики немецкого режима. Уже на начальном этапе оккупации немецкие учреждения не только оставили в силе результаты советской национализации, но и расширили ее рамки.

Чтобы обследовать, взять на учет и приступить к использованию захваченной собственности, немецкие учреждения отправляли на места различные хозкоманды. Одной из первых к работе приступила «Хозяйственная команда Рига». В конце июля она рапортовала в Берлин, что ею обследовано около 60–65% предприятий Риги и примерно 50% Елгавы. Начата работа в Лиепае и Даугавпилсе. В своем отчете команда указывала, что получено сырья и готовой продукции: 7200 т хлопка, 2400 т льна, 14 000 т соевых бобов, 700 т льняного масла, 600 т свинца, 174 000 штук кож и большие запасы лесоматериалов. В малонаселенных пунктах и в сельской местности подобная проверка в это время еще не начиналась.

Параллельно с учетом началась и отправка ценностей в Германию. В августе 1941 года морем было отправлено: 8000 т соевых бобов, 280 т масла, 1700 т фанеры, 16 500 кубометров баланса, 1700 т зерна и другие товары. Железной дорогой за это же время было отправлено 80 вагонов с сахаром, 95 т масла, цемент и бензин. Одновременно немало товаров ушло на непосредственные нужды армии: 6000 т ржи и 21 000 т пшеницы, в большом количестве мясо и мясные консервы. Чтобы обеспечить необходимые товарные объемы, немецкие учреждения ввели ограничения для местных жителей на некоторые виды продуктов. Скоро оккупационные власти начали вывозить из Латвии не только продукты, но и производственное оборудование.

Для налаживания управления изъятой собственностью Х. Лозе 24 октября 1941 года издал распоряжение о создании Фидуциарного управления (основанного на доверии). 1 декабря управлению было передано награбленное у евреев имущество. Некоторые латвийские промышленные предприятия были сданы во временную аренду немецким фирмам — не более чем на пять лет. Если война заканчивалась раньше, договор мог быть продлен не более чем на год. Фабрика резиновых изделий «Квадратс» была сдана в аренду гамбургскому предприятию «Phoenix», Милгравский судостроительный завод и лиепайский завод «Тосмаре» достались фирме «F. Schichau», завод ВЭФ — концерну АЕГ. Кегумская электростанция тоже оказалась в руках немецкой фирмы. Чтобы ускорить продвижение немецких фирм в оккупированные страны Балтии, рейхскомиссар распоряжением от 26 января 1942 года разрешил немцам создавать предприятия, исходя из действующего в Германии законодательства. Это способствовало ускоренному переходу государственного имущества Латвии в руки немецких фирм. Наблюдалась тенденция объединения предприятий одной отрасли — это, по мнению оккупационных властей, должно было в условиях войны способствовать более эффективному использованию ресурсов. Были объединены торфяные, кирпичные, мыловаренные, кожевенные и

полиграфические предприятия. Отдельные предприятия работали в границах только одного генерального округа, другие охватывали весь Остланд. Для надзора за захваченными предприятиями и вновь образованными объединениями и согласования их деятельности Лозе дополнительно создал в Остланде Хозяйственную главную камеру, которой подчинялись камеры каждого генерального округа.

Система управления хозяйством в Латвии, созданная немецкими учреждениями, была чрезвычайно сложной и бюрократичной. Она не была эффективной и подвергалась критике даже со стороны Министерства финансов Германии: указывалось на наличие слишком большого количества чиновников, неповоротливый управленческий аппарат и даже на известные противоречия в нем.

Реприватизация. Вопреки обещанию нацистской Германия — еще до нападения на Советский Союз — вернуть бывшим владельцам национализированные предприятия, практических действий во второй половине 1941 года не последовало. В планы оккупационного режима и не входила всеобщая реприватизация. Зато этот вопрос очень волновал общественность Латвии и — наряду с восстановлением независимости — стал центральным. Промедление немецких властей вызвало в обществе разочарование и недовольство. И хотя рейхскомиссар Остланда Х. Лозе возражал против реприватизации, реальная ситуация потребовала от немцев пересмотреть свою политику. Со временем стало ясно, что национализированные предприятия работают чрезвычайно неэффективно, не приносят прибыли и попросту стали обузой для оккупационных властей. Поэтому чтобы активизировать хозяйственную деятельность и улучшить отношение населения к режиму, немцы постепенно стали возвращать собственность ее хозяевам. 17 октября 1941 года Х. Лозе издал «Распоряжение о вновь создаваемых предприятиях ремесленничества, мелкой промышленности и розничной торговли», допускавшее передачу мелких предприятий в частные руки. Реприватизировать разрешалось только те, которые были необходимы для функционирования режима. Мелкими считались предприятия, число работающих на которых не превышало 20 человек. Допуская приватизацию мелких предприятий, немцы, однако, не возвращали владельцам их недвижимость (землю, дома), ее приходилось арендовать у немецких учреждений. До конца 1942 года были приватизированы 153 мелких промышленных и 636 ремесленных предприятий.

16 декабря 1941 года вступили в силу правила рейхскомиссариата Остланд о розничной торговле. К таковой были отнесены пункты продажи товаров, рестораны, кафе, столовые и пр. Заявку на возвращение своего предприятия владелец должен был подать не позднее 31 марта 1942 года.

Реприватизация предполагала выкуп имеющегося на предприятии оборудования и товаров. Фактически владельцы национализированных предприятий должны были откупить свою собственность. До конца 1942 года было реприватизировано 238 предприятий розничной торговли.

Несмотря на ограничения, население активно выкупало свою собственность. Поскольку заявок было много, были назначены специальные уполномоченные, отвечающие за реприватизацию мелких предприятий промышленности, ремесленничества и торговли. Стали создаваться оценочные комиссии, которые в каждом конкретном случае устанавливали стоимость предприятия, но не его юридический статус. Решающее слово принадлежало немецким властным учреждениям, местные чиновники исполняли роль советников. Решение оценочной комиссии можно было оспорить в главной хозяйственной части генерального комиссариата. В приватизации отказывали неплатежеспособным просителям. Важным условием была и лояльность просителя, что подтверждалось справкой из полиции. Немецкие власти требовали также от будущего владельца профессиональной пригодности в качестве руководителя предприятия. Приватизация запрещалась лицам, не исполняющим распоряжений оккупационных властей.

18 февраля 1943 года рейхсминистр А. Розенберг издал правила, согласно которым в генеральных округах Латвия, Литва и Эстония восстанавливалась частная собственность. Решение носило политический характер, поскольку после разгрома под Сталинградом немцы испытывали на Восточном фронте нехватку в живой силе. Широкой поддержки политики немецкого режима было решено добиться путем возвращения собственности. Бывшими владельцами стали возвращать национализированные застроенные и незастроенные земельные участки. Подчеркивалось, что прежде всего собственность надо возвращать лояльным режиму лицам. Собственность же, необходимую для поддержания функционирования воинских частей, по-прежнему приватизировать запрещалось.

2 марта 1943 года Х. Лозе объявил, что при возвращении сельскохозяйственной собственности предпочтение будет отдаваться лицам, которые сами или чьи родственники добровольно воевали с большевиками. Подчеркивалось, что преимущество будут иметь также лица, которые своим положительным примером укрепляли режим, вовремя выполняли поставки, успешно перестроили производство, сообразуясь с нуждами военного времени. Выдачу документов на приобретение частной собственности немцы в Латвии преподносили как великое событие, однако общество было недовольно тем, что процесс чересчур бюрократизирован и медленно осуществляется. В результате реприватизации в 1944 году в

городах было возвращено около 90% домовладений, в сельском хозяйстве — около 24% крестьянской собственности. Приватизация коснулась 1306 ремесленных предприятий и 542 магазинов.

Налоги. Перенимая контроль над Латвией, немецкие оккупационные учреждения заявили, что предприятия, организации и частные лица обязаны платить все налоги советского времени: с прибыли, с оборота, земельный налог и пр. 18 октября 1941 года был издан первое распоряжение рейхскомиссара Остланда о налогах, которое с течением времени неоднократно дополнялось и менялось. Существенный доход немецкий режим получил от введения монополий. 16 января 1942 года была введена монополия на торговлю солью и сладкой продукцией. Позднее появилась монополия на спирт и табак, что и приносило самый большой доход немецкому гражданскому управлению. Для контроля за монополиями в Остланде было создано специальное управление с отделами в каждом генеральном округе. Для увеличения доходов от налогов немецкое гражданское управление 30 марта 1943 года издало распоряжение об изъятии сверхприбыли. Распоряжение предписывало генеральному комиссару осуществлять проверку балансов всех предприятий, чтобы установить, какую часть прибыли необходимо отдавать государству. Этим дополнительным налогом обложили все предприятия, которые находились на территории Остланда, в том числе и немецкие.

Все местные жители обязаны были платить подоходный налог, от которого освобождались только сельские рабочие и те, чей доход не превышал 50 рейхсмарок (RM) в месяц. Налог был прогрессивным: с дохода в 50 RM в месяц следовало платить 2,9%, со 100 RM — 5,5%, 300 RM — 10,1%, 500 RM — 16,8%. Налог на холостяков и состоящих в разводе возрастал на 50%.

По распоряжению рейхскомиссара от 30 апреля 1943 года налогом, кроме зарплаты, облагались также другие доходы: с капитала, с постоянного места работы, с предприятий. Не облагались налогом доходы от сельского и лесного хозяйства, а также пенсии и пособия. Частные общества и предприятия должны были отдавать в пользу государства 50% прибыли, кооперативы — 30%. Существовал и налог на недвижимое имущество в городах. Не взимали налог только с полностью разрушенных зданий. Если брутто-доход с недвижимого имущества в городе был от 101 до 500 RM, то налог составлял 10%. 26 июня 1942 года в Латвии был введен и дополнительный налог на торговлю и производство.

Сельские жители платили подушный налог, но были освобождены от подоходного налога. От уплаты налогов освобождались также лица моложе 18 лет, мужчины старше 60 лет и женщины старше 50 лет, а также

замужние женщины. Подушный налог колебался в пределах 8–15 RM и поступал в бюджет самоуправления.

Чтобы улучшить систему взимания многочисленных налогов, генеральный комиссар в Латвии О. Дрекслер создал Главную финансовую кассу с 27 отделениями на местах. В обществе царило убеждение: если чего-то и было много в годы немецкой оккупации, то именно налогов. Население вынуждено было расставаться с большей частью своих доходов. Во время войны жители исполняли также барщинную и гужевую повинность. Касалась она преимущественно сельских жителей. Барщинную повинность обязаны были исполнять как физические, так и юридические лица.

Сельское хозяйство. Немецкий оккупационный режим был заинтересован в том, чтобы выжать из сельского населения Латвии как можно больше продовольствия и необходимого для промышленности сырья. Сельское хозяйство считалось важной отраслью для удовлетворения военных нужд. 13 сентября 1941 года рейхскомиссар Х. Лозе отменил сельскохозяйственную реформу, реализованную советской властью, возвратив крупным хозяйствам урезанные ранее площади. Немецкие учреждения очень строго контролировали деятельность села. В каждом уезде была учреждена специальная должность ответственного за сельское хозяйство (Kreislandwirt).

От занятых в сельском хозяйстве немецкие власти неукоснительно требовали увеличения площадей обрабатываемой земли и объема продукции. Так, в 1942 году площади под сахарной свеклой удалось увеличить, по сравнению с предыдущим годом, на 6 тысяч га, посевы льна — на 21 тысячу га. Было издано распоряжение увеличить посевные площади под озимыми и яровыми. На крестьян были возложены поставки лесоматериалов. В 1942/1943 году было заготовлено 2780 тыс. кубометров дров, 328 тыс. кубометров баланса, 37 тыс. кубометров многослойной фанеры и пр.

В годы войны проблемой в сельской местности Латвии была нехватка тягловой силы и техники — лошадей и тракторов. Часть лошадей реквизировала отступающая советская армия, часть — немецкая армия. Для решения проблемы 19 февраля 1943 года Х. Лозе издал распоряжение, разрешавшее изымать лошадей в тех хозяйствах, где их было много, и передавать тем, кому не хватало. Количество тракторов во время войны в Латвии было незначительным. В 1941 году насчитывалось примерно 1885 единиц. Эксплуатация их была затруднена — не хватало горючего, запасных частей. Поставляемая из Германии техника: культиваторы, сеялки, плуги, косилки и пр. — не удовлетворяла потребности в ней.

Не хватало на селе и рабочих рук, так как мужчины были мобилизованы в полицейские батальоны и в легион. В 1942 году оккупационные власти издали распоряжение: учащиеся старше 14 лет были обязаны проработать на сельскохозяйственных работах все три летних месяца. 22 сентября 1942 года Земельное самоуправление издало свое распоряжение, обязавшее всех неработающих горожанок от 17 до 45 лет принять участие в уборке урожая. 18 мая 1943 года появилось очередное распоряжение, согласно которому все сотрудники учреждений обязаны были отработать на селе шесть недель, включая отпуск. От сельской повинности были освобождены только занятые в военной промышленности.

Права самостоятельно воспользоваться произведенной продукцией сельское население тоже не имело, поскольку распоряжением рейхскомиссара от 10 апреля 1943 года вся сельскохозяйственная продукция считалась заложенной. Выращенный урожай крестьянин имел право реализовать только по указанию немецких учреждений. Для семьи можно было оставлять строго определенное количество продукции. Жесткая регламентация существовала и в молочном хозяйстве. Все молоко, кроме необходимого в собственном хозяйстве, следовало сдавать на молокозавод. С 1942 года крестьяне в обязательном порядке должны были сдавать по 70 кг масла в год в расчете на каждую дойную корову. Но даже и эти драконовские методы не позволили в 1943 году выполнить поставки по маслу. Норма составляла 27 000 т, крестьяне же сдали всего 20 613 тонн. Чтобы увеличить вес, было позволено даже повысить содержание воды в продукте с 18% до 20%. Весь урожай сахарной свеклы также в обязательном порядке необходимо было сдавать на сахарные фабрики. Категорически запрещалось варить из сахарной свеклы сироп. Такие же ограничения существовали и в отношении льна, льняного семени, зерновых, мяса и пр.

Система обязательных поставок, тем не менее, не принесла оккупационному режиму ожидаемых результатов, выполнить заданные объемы удавалось редко. Одной из главных причин были очень низкие закупочные цены, установленные немецкими учреждениями. Не способствовала этому также введенная норма — возможность за определенное количество сданной сельхозпродукции приобретать определенное количество промышленных товаров, соотношение было неадекватным. Например, за 1 тонну раннего картофеля можно было купить 80 папирос и 1,5 литра водки. В целом политика оккупационных властей не способствовала развитию отрасли, поскольку главное для них было — получить как можно больше продукции.

Промышленность. Не способствовала политика нацистского режима и развитию промышленности. Она главным образом была нацелена на

удовлетворение нужд фронта, чтобы таким образом разгрузить промышленность Германии. В декабре 1941 года уже 14 латвийских предприятий выполняли военные заказы. Среди них — фабрика резиновых изделий «Квадратс», ВЭФ, фабрика военного снаряжения «Вайрогс», велосипедный завод «Эренпрейс», Милгравский судостроительный завод, Лиепайская пороховая фабрика и др. В начале 1942 года насчитывалось 174 таких предприятия. В это же время Германия начала переводить некоторые предприятия по ремонту военной техники ближе к Восточному фронту. В Риге заработал танковый завод.

Серьезной проблемой, не позволявшей латвийской промышленности развернуть производство и выполнять более крупные заказы, была нехватка сырья и энергоресурсов. Особенно остро ощущалась нехватка каменного угля. 30 июня 1942 года Х. Лозе сообщал в Берлин, что Латвии в месяц необходимо около 32 550 т угля, а выделено было всего 22 500 тонн. Из-за недостатка угля прекратила работу Рижская цементная фабрика. Проблемы топлива немецкие власти пытались решать, увеличивая добычу торфа. На заводах не хватало оборудования, инструментов, поставки из Германии были недостаточны.

С 1942 года на предприятиях Латвии стала ощущаться и нехватка рабочей силы. Проблема обострилась после неоднократной вербовки и отправки населения в Германию, на принудительные работы. Рейхскомиссар в своих отчетах в Берлин, указывал, что из-за недостатка рабочих рук грозит остановиться производство в резиновой и на отдельных предприятиях металлообрабатывающей промышленности. Главным потребителем рабочей силы было Управление трудоресурсами земель рейха. Мобилизация в легион, полицию и другие военные формирования еще более обострили проблему. В мае 1942 года Латвия в течение трех месяцев должна была отправить в Германию 24 тысячи рабочих. После протестов генерального комиссара О. Дрекслера квоту снизили до 8 тысяч. Поскольку вербовка на добровольных началах оказалась безуспешной, в 1943 году немецкие власти решили провести трудовую мобилизацию лиц определенного года рождения. К началу 1944 года из Латвии в Германию на принудительные работы было отправлено около 16 800 рабочих.

В 1943 году к выполнению военных заказов в Латвии были привлечены 183 предприятия. Они произвели продукции — в основном деревообделочной, текстильной, металлообрабатывающей и пищевой промышленности — примерно на 19 миллионов RM. Латвийские предприятия выполняли также заказы гражданских учреждений. В Германию отправлялись мебель, обувь, текстильные товары, лесоматериалы и пр. Однако большая часть произведенной в Латвии продукции уходила на удовле-

творение нужд военного хозяйства, меньшая часть оставалась для местного населения.

Многие предприятия во время войны вообще прекратили работу — отсутствовало сырье, оборудование и рабочая сила. С приближением советской армии в 1944 году немецкий режим приступил к реализации в Латвии так называемого метода «выжженной земли», что предполагало тотальную отправку в Германию или уничтожение на месте сельскохозяйственной продукции, заводского оборудования, машин, сырья, готовой продукции. В мае 1944 года Х. Лозе издал распоряжение об эвакуации рижских заводов. Были взорваны Кегумская электростанция, многие заводы, набережная Даугавы в районе порта, мосты и другие объекты. Согласно некоторым расчетам, ущерб, причиненный оккупационными властями народному хозяйству Латвии в годы войны приближается — в ценах тех лет — к 660 миллионам долларов.

5. 6. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Главные направления культурной политики. Установив в Латвии оккупационный режим, Германия ставила перед собой не только экономические цели. Не менее важной была пропаганда нацистской идеологии и культуры. В Латвии была осуществлена определенная переориентация в области образования, культуры, искусства, театра, литературы и т. д. Везде подчеркивалось значение и превосходство немецкой культуры, принижались и уменьшались достижения культуры латышской. Рейхсминистр А. Розенберг, который родился и получил образование в странах Балтии, старался подчеркнуть, что у народов Остланда нет самостоятельной культуры, это лишь подражание немецкой и русской культурам. Нацистский режим с большим подозрением относился к латышской интеллигенции, предполагая в конце войны высылку ее в Россию. В меморандуме от 5 июня 1941 года, подготовленном в Берлине, отмечалось, что высылке необходимо подвергнуть примерно 30–40 тысяч человек. По мнению властей, латышская интеллигенция придерживается шовинистических, англофильских взглядов, она главный проповедник идеи национальной независимости, а следовательно, представляет опасность для оккупационного режима.

Уже в распоряжении от 18 августа 1941 года рейхскомиссар Остланда Х. Лозе указал, что официальным служебным языком в государственных учреждениях является немецкий язык. Специальное сообщение Восточного министерства предписывало: сотрудникам немецких оккупационных

учреждений не нужно изучать языки балтийских народов, поскольку вскоре все жители этих территорий будут говорить по-немецки. 7 марта 1942 года появилось указание, что переписка между немецкими и латышскими учреждениями должна вестись только на немецком языке. Только в личном общении в латышских учреждениях можно было пользоваться как немецким, так и латышским языком, т. е. латышский язык был разрешен, но ему отводились второстепенные функции.

В начале августа было начато переименование центральных улиц Риги. Улица Бривибас стала называться Адольфа Гитлера, улица Элизабетес — аллеей Вальтера фон Плеттенберга. Бульвар Падомью был переименован в аллею Рыцарского ордена, улица Меркеля — в улицу Отто Бисмарка, бульвар Аспазии — в аллею фон дер Гольца, бульвар Райниса — в улицу Альфреда Розенберга, ул. Кришьяниса Валдемарса — в улицу Германа Геринга и т.д. Переименование улиц происходило по инициативе балтийских немцев, работавших в гражданском управлении.

В первые дни августа 1941 года было издано распоряжение о ликвидации Института истории Латвии. На его базе было создано хранилище истории латышей, занимавшееся разысканием источников и научной работой. По таким же принципам было образовано и хранилище латышского языка.

В 1941 году Германия еще придерживалась стратегии молниеносной войны на Востоке, и поэтому вопросы культурной политики на оккупированных территориях не стояли пока в повестке дня — их предполагалось решить после победы над большевиками. Однако после провала идеи молниеносной войны немцы стали больше внимания уделять и стратегии проводимой ими культурной политики. Главные направления определялись руководимым А. Розенбергом Восточным министерством и Министерством пропаганды Й. Геббельса в Берлине. К принятию конкретных решений привлекался и рейхскомиссар Остланда, и генеральный комиссар генерального округа Латвия, и земельное самоуправление, и другие учреждения. Непосредственное отношение к решению вопросов культуры и образования имел первый начальник отдела культуры генерального комиссара в Латвии Карл фон Стрицки, которого впоследствии сменил Курт Дильфер.

Характерной чертой культурной политики немецкого режима был строгий контроль за деятельностью культурно-образовательных учреждений. В отчете референта по вопросам культуры и литературы генерального комиссара Ф. Натхера за 1943 год указывалось, что проверено 637 литературных произведений и 14 программ мероприятий, подвергнуто цензуре 19 газет. Проверено и разрешено к исполнению 320 концертных программ,

издан список 800 подвергнутых цензуре текстов песен. На радио проверены 203 радиопьесы, 84 рассказа, 1070 стихотворений. Особое внимание уделялось изучению немецкого языка и истории. Из сознания народа пытались вытравить идеи государственной независимости Латвии, запрещая упоминать в прессе такое понятие, как «Латвийская Республика». Вместо него немцы рекомендовали употреблять обозначение «Балтийские страны». Не обошлось и без разграбления культурных ценностей, чем занимался так называемый штаб А. Розенберга.

С ухудшением ситуации на Восточном фронте начали меняться акценты в культурной политике немцев. Она становится менее агрессивной. Объяснялось это все более возрастающими потребностями режима в материальных и человеческих ресурсах завоеванных областей. За участие в войне и за вклад в победу немцы должны были что-то пообещать местным народам. Из Берлина поступило распоряжение более толерантно и тактично относиться к местной культуре, не акцентировать идею онемечивания. Земельному управлению рекомендовалось шире заниматься культурными проблемами, предоставить латышам возможность заниматься народной культурой. В 1944 году нацистский режим в Латвии обратил внимание и на русскую культуру. Цель такой политики заключалась в стремлении успокоить эвакуированное в Латвию русское население, в создании более благоприятной атмосферы для вербовки в Русскую освободительную армию Власова.

И хотя отношение нацистского режима к латышской культуре было явно негативным, он не достиг за годы оккупации поставленных целей. Латышский народ не подвергся онемечиванию, он сохранил и свою культуру, и свою идентичность. По инициативе Земельного самоуправления в 1943 году возобновил работу Культурный фонд, который материально поддерживал литераторов, художников, выплачивал пособия, премии, пенсии работникам культуры. С 1944 года стали присуждаться премии Культурного фонда по литературе и другим видам искусства.

Политика в сфере образования. В начальный период оккупации существенные изменения коснулись и системы образования. В инструкции рейхскомиссара Остланда Х. Лозе от 21 июля 1941 года предписывалось, что необходимо отвергнуть все попытки эстонцев, латышей, литовцев и белорусов создавать свои университеты и высшие школы, однако не следует препятствовать открытию ремесленных и технических учебных заведений. Необходимо также начать работу по превращению в ближайшее время Высшей технической школы в Риге в немецкое высшее учебное заведение. Было издано распоряжение о пересмотре учебных планов по географии и истории. Переработке подлежали и программы по

латышскому языку и литературе, естествознанию, по другим предметам. Была начата интенсивная подготовка новых учебников в соответствии с требованиями нового режима. Латвийский университет был переименован в Рижский университет и серьезно изменена его программа. В августе 1941 года начальник политического отдела рейхскомиссариата Остланда Фридрих Трампедах даже выступил против открытия университета. Он считал, что отдельным прошедшим проверку и заслужившим доверие студентам можно позволить учиться в рейхе. 21 августа 1942 года Восточное министерство А. Розенберга направило рейхскомиссару Х. Лозе распоряжение — прекратить подготовку латышских, литовских и эстонских студентов к научной работе. Этим же распоряжением был наложен запрет на распределение научных тем среди преподавателей гуманитарных факультетов.

Из школ и вузов были уволены неугодные режиму учителя и преподаватели. Прежде всего были уволены профессора и преподаватели еврейской национальности и те, кто проявил активность в 1940–1941 годах во время советской оккупации. Преподаватели должны были подписаться, что на протяжении четырех поколений в его родне и в родне жены не было лиц иудаистского вероисповедания. За участие в движении сопротивления — создание Латвийского Центрального Совета и руководство им — из университета был уволен и заключен в концлагерь профессор Константин Чаксте. Такая же судьба постигла и социал-демократа Бруно Калныньша.

Преподавание истории в университете подвергалось контролю со стороны властей. Было издано распоряжение, что за качество преподавания истории отвечает немецкий преподавательский состав.

С разрешения немецких властей с ноября 1941 года занятия в университете стали постепенно восстанавливаться. Вначале на медицинском и ветеринарном факультетах, позднее заработали технические факультеты и оба теологических. Ректором университета был назначен профессор Мартыньш Приманис.

В ходе учебного процесса большое внимание уделялось изучению расовой теории и пропаганде идей национал-социализма, как и вообще в системе просвещения. В 1942 году рейхскомиссариат, разрабатывая главные направления школьного преподавания, указал на задачи школ для «туземцев» — готовить молодежь для новой Европы, возглавляемой Великой Германией.

Во время войны серьезно пострадала учебная база системы образования. Часть школьных зданий использовалась под армейские нужды — под лазареты и казармы. Школам недоставало необходимых учебных пособий, топлива. Распространенным явлением стали занятия в две смены. Во

время войны уменьшилось и количество учеников. В 1940/41 учебном году в школах училось 238 526 учеников, в 1942/43 году только 207 744. Число учащихся в гимназиях за год снизилось с 23 092 до 16 812 учащихся. Часть учеников была привлечена к строительству укреплений, некоторые отбывали трудовую повинность или были мобилизованы в немецкую армию.

Кроме немецких гражданских учреждений к решению вопросов образования была привлечена и генеральная дирекция образования и культуры Земельного самоуправления. В первое время возглавлял ее Янис Целмс, позже профессор Мартыньш Приманис. Конкретная работа велась двумя департаментами. В ведении департамента научных учреждений и общих дел находились высшие учебные заведения, библиотеки, музеи, архивы, Хранилище латышского языка и пр. Департаменту школ подчинялись народные школы, средние и профессиональные школы, а также дирекции белорусских и русских школ. Генеральная дирекция самоуправления являлась как бы посредником между школами и немецкими учреждениями и пыталась отстаивать интересы латышей. Безусловно, все это делалось в приемлемой для немецких властей форме. В марте 1942 года Я. Целмс сообщал немецким властям, что из школьных программ изъяты все введенные большевиками политические предметы. Был составлен также список запрещенных книг, и они были изъяты. В этот список попали работы классиков марксизма-ленинизма, советская, английская, американская, еврейская литература и пр. В центральной университетской библиотеке к литературе коммунистического содержания были причислены 30 000 книг.

Литература и театр. В годы немецкой оккупации в Латвии было опубликовано довольно много прозаических и поэтических книг. Число романов превысило два десятка. Писатели в своих книгах не выражали отношения к происходящему, а в основном обращались к проблематике Латвии 20–30-х годов. Были созданы произведения психологического и бытового жанра. Внимания удостоился роман Аншлава Эглитиса «Номо повус». В нем в мажорных, светлых тонах описана художественная среда Латвийской Республики. Автор заставляет читателя вспомнить и оценить прошлое, выжить и сохранить себя для будущего. В эти же годы увидел свет роман Эрика Адамсонса «Идущий своей дорогой». Главный герой романа — юноша, который в драматическую эпоху остается верным самому себе. Психологический роман «Печать любви» написал Кнут Лесиньш. Автор подчеркивал, что человека надо любить, даже если ему присуще всего лишь одно хорошее свойство характера. Ощущение принадлежности к своему народу акцентировала в своем романе «Наследница

оборотней» Илона Леймане. Она подчеркивала, что светлое, благородное и этически чистое чувство принадлежности к своей нации — большая ценность, и его не должны уничтожить никакие войны и никакая власть. Внимание общественности привлекла и книга Зенты Маурини «В поезде жизни». Ее герои постоянно сталкиваются с трагической стороной жизни, удары судьбы следуют один за другим; роман насыщен грустью, болью, безысходностью. Совсем другого характера произведение опубликовала Элина Залите. Ее роман «Ранняя ржавчина», написанный в виде исповеди молодой женщины, рассказывает о простой женщине, страсти которой всем понятны. Роман политической направленности пишет в это время Янис Сартс; в нем дан анализ процессов, происходивших в латвийской деревне во время первой советской оккупации в 1940–1941 годах. Я. Сартс обрушился на сторонников советской власти и коллаборационистов; евреев он считал источником зла. Антисемитизмом были проникнуты и страницы книги Теодора Зелтыньша «Сокол бури». Главный герой романа Валдис Варпа воспринимает нападение нацистов на Советский Союз как большой праздник. В годы войны были опубликованы также романы Яниса Веселиса, Аиды Ниедры, Хилды Вики и др. писателей.

За время оккупации вышло более 30 книг латышских поэтов. Среди них книги классиков Яниса Акуратерса, Яниса Порукса, Карлиса Скалбе, Фрициса Барды и других. Были опубликованы произведения депортированных в советский период и умерших писателей. В 1942 и 1943 годах вышла книга Леонида Брейкшса «Песни земле и небу», избранное Атиса Кениньша «Дороги и судьбы» и др. Особого внимания удостоилась составленная Вероникой Стрелерте поэтическая антология, в которую были включены произведения более 50 латышских поэтов. В начале оккупации в поэтической среде по отношению к немецкому режиму царил эйфория, которая питалась надеждой, что Латвия вновь обретет независимость. Но очень скоро новая реальность дала о себе знать, и стало ясно, что немецкая оккупация — еще одна трагическая страница в жизни народа, в развитии его культуры.

С 1943 года немецкий режим дал разрешение на публикацию национально-патриотической лирики, чтобы поднять дух сражающихся на Восточном фронте латышских солдат. Среди опубликованных в период оккупации произведений значительное место занимают произведения латышских авторов, но публикуется и переводная, главным образом немецкая литература. Увидели свет переводы Вилиса Цедриньша из В. Гете. Фрицис Дзиезма переводит на латышский язык стихи Райнера-Марии Рильке, Янис Яунсудрабиньш обращается к творчеству Конрада Фердинанда Мейера. Издаются переводы произведений писателей из балтийских нем-

цев — Оскара Гросберга, Манфреда Кюбнера. Рудольф Эгле выпустил сборник «Мастера немецкой новеллы». И хотя в годы немецкой оккупации приходилось сталкиваться с трудностями, с усиленным вниманием со стороны властей к популяризации немецкой литературы, латышским литераторам удалось избежать проявлений откровенного низкопоклонства.

29 июля 1941 года открыл сезон театр Дайлес, который возглавлял выдающийся режиссер Эдуард Смильгис. В декабре 1941 года двери открыл Народный театр. Помещения Национального театра на некоторое время оккупировал немецкий театр «Soldaten Theater». В январе 1942 года, когда помещения были освобождены, работу здесь начал Рижский драматический театр, созданный на базе труппы Национального театра. Директором его был Янис Зариныш.

Театры были переполнены. На каждом спектакле театра Дайлес присутствовало около 700 зрителей. Репертуар был интересным. В основном ставилась латышская и мировая классика. В театре Дайлес в сезоне 1941/1942 годов чаще всего шли пьесы латышских драматургов: «Майя и Пайя» А. Бригадере, «Грехи Тринь» Р. Блауманиса, «Женитьба Мюнхгаузена» М. Зивертса, «Любовь сильнее смерти» Я. Райниса и др.

В обществе в это время ощущалась потребность в новых пьесах. К жанру комедии обратились Аншлав Эглитис, Тия Банга, Янис Яунсудрабиньш, Янис Норвилис и другие. В пьесах преимущественно шла речь о любовных перипетиях, высмеивались слабости человеческого характера. Ирония и смех помогали легче переносить повседневность оккупации. Латышская драматургия никогда открыто не прославляла нацистский режим и его идеологию, прекрасно понимая его отношение к латышскому народу.

Немецкие власти в жизнь латышских театров внешне как будто вмешивались минимально. Не существовало обязательного требования ставить в рижских и провинциальных театрах пьесы немецких авторов. Однако выбор репертуара был ограниченным, так как немецкая цензура не давала разрешения на постановку пьес, в которых усматривала хоть что-то, не отвечающее идеологии третьего рейха. Так, в 1943 году Э. Смильгису не разрешили ставить «Огонь и ночь» Я. Райниса: немецким властям показалась неприемлемой трактовка в пьесе образа Черного рыцаря.

Латышское самоуправление учредило премию за лучшую постановку. В 1943 году она была вручена театру Дайлес за постановку «Марии Стюарт» В. Шиллера, в 1944-м — Национальному театру за «Блудного сына» Р. Блауманиса.

Особое внимание новые власти уделяли оперным театрам — Рижскому

и Лиепайскому. Цензура не только строго следила за репертуаром, но и требовала, чтобы примерно половина спектаклей исполнялась на немецком языке. Оперный жанр пользовался у немцев большой популярностью. Они требовали ставить оперы немецких композиторов, особенно Рихарда Вагнера. Во время войны в опере выступали выдающиеся певцы — Милда Брехман-Штенгеле и Марис Ветра. Отдельные спектакли шли под руководством дирижеров и режиссеров из Германии. Директором Рижской оперы был Екаб Порукс. До 1943 года опера находилась под надзором рейхскомиссара Остланда, затем перешла в ведомство генерального комиссара О. Дрекслера. Так как в Рижской опере было всего 1700 мест, достать билеты было проблемой — спрос на них со стороны немецких гражданских и военных учреждений был очень велик.

В Елгаве, Лиепае, Валмиере и Даугавпилсе работали провинциальные театры. Елгавский театр среди них занимал первое место; здесь активно работали режиссер и актер Освальд Глазникс, а также Янис Клява.

Изобразительное искусство. В годы немецкой оккупации латышское изобразительное искусство продолжало развивать старые традиции. Наряду со старыми мастерами — Я. Кугой, Л. Либертсом, Н. Струнке, С. Видбергсом — продолжали творить и художники среднего поколения — Ф. Милтс, Ю. Егерс, Э. Гейстуте и др. Успешно работал кооператив изобразительного искусства, который в 1941 году объединил примерно 500 художников. Председателем его был Е. Бине. Кооператив помогал доставать необходимые для работы материалы, какое-то время ему удавалось помогать художникам избежать мобилизации на военную службу.

... Одним из главных центров изобразительного искусства была Академия художеств, которая во время войны не прерывала работу. Ректором ее был Я. Куга. 25 ноября 1941 года было объявлено о начале занятий. Затрудняло учебный процесс распоряжение об обязательном привлечении студентов к сельским работам. Из Академии были изгнаны студенты еврейской национальности. Репрессии коснулись и преподавательского состава. За сотрудничество с советским режимом в 1940–1941 годах был вынужден уйти Лео Свемпс. Такая же участь постигла профессора Гедерта Элиаса: директор управления культуры и искусства Э. Пуксис потребовал изгнать его из Академии за написанную в коммунистическом духе вступительную статью к книге «Академии художеств Латвийской ССР, — 20 лет». И хотя студенты и директор самоуправления Я. Целмс активно протестовали, в декабре 1941 года Г. Элиас был освобожден от занимаемой должности.

Важным показателем активной художественной жизни являлись выставки. Проходили они в художественных галереях и салонах. В салоне

кооператива Изобразительных искусств выставки открывались каждый месяц. Это были и персональные выставки — Е. Бине. Э. Друи, Я. Ябловскиса, Ф. Милтса и др. — и совместные тематические выставки. В 1944 году состоялась выставка портрета, в которой участвовали 44 художника. Активно действовал художественный салон З. Миеркалне «Зинта». Салон открылся в 1941 году и вскоре организовал крупную — около 150 работ — ретроспективную выставку латышских художников. В салоне проводились персональные выставки работ И. Зебериньша, Э. Витолса, Р. Зариньша и других художников. В салоне часто устраивались выставки работ молодых художников. За время существования в «Зинте» прошло около 30 выставок.

В 1942 году в Риге открылся салон живописи и архитектуры Э. Хермановскиса. Это было семейное предприятие, предлагавшее живопись и предметы декоративного искусства, а также выполнение строительных работ. Паула Хермановска выставяла фарфор, глину, кожаные изделия, братья Хермановскисы — картины и рисунки. Открывались салоны и в других городах — в Елгаве, Валмиере, Екабпилсе, Талсы, Лиепае, Цесисе и пр.

Организация выставок в годы оккупации была делом непростым — приходилось оформлять многочисленные разрешения, последнее слово было за отделом пропаганды генерального округа. Обязательным условием было предоставление на выставку двух билетов для немецкой полиции безопасности.

Трудности в работе испытывали и Государственный художественный музей, и Рижский городской, на базе которого был создан Немецкий музей. Из латышских хранилищ были изъяты работы немецких художников, чтобы можно было в Немецком музее наглядно и наиболее полно продемонстрировать роль немецкой культуры в Балтийских странах. До 1 сентября 1942 года в Государственном музее необходимо было освободить 17 помещений, в том числе и зал для экспозиций, и передать их в распоряжение немецких властей.

Наиболее плодотворными для изобразительного искусства были 1942–1943 годы, когда состоялись две масштабные выставки латышского искусства — были представлены живопись, графика, скульптурные работы. Значительным событием была выставка в Рижском городском музее, посвященная семидесятилетию В. Пурвитиса, где было представлено около 300 работ. Художника поздравил рейхсминистр А. Розенберг. 1 мая 1943 года открылась Вторая всеобщая выставка латышских художников, на которой были представлены работы 193 авторов.

Наперекор войне и проводимой немецким оккупационным режимом политике латышское изобразительное искусство продолжало

поступательное движение вперед. Формировалось новое поколение художников. Способствовал этому и Культурный фонд. Однако нельзя отрицать, что проявление любых активностей происходило в рамках проводимой немцами культурной политики.

Рекомендуемая литература

1. Ezergailis A. Holokausts vācu okupētajā Latvijā, 1941–1944. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 1999. — 591 lpp.: il., tab. — Bibliogr.: [533.]–561. lpp.
Ezergailis A. The holocaust in Latvia, 1941–1944: the missing center. — Rīga: Hist. Inst. of Latvia; Washington: US Holocaust Memorial Museum, 1996. — XXI, 465 p.: ill., m. — Bibliogr.: p. [419]–440.
2. Ērglis Dz. Latvijas Centrālās Padomes vēstures nezināmās lappuses / LU Latvijas Vēstures inst. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2003. — 231 lpp.: il. — Kopsav. angļu val.: The unknown pages of the history of the Central Council of Latvia.
3. Kangeris K. Latviešu policijas slēgtās vienības — Lettische Schutzmannschafts-Bataillone: pētniecības problēmas un bataljona formēšanas priekšvēsture. — Bibliogr.: 215.–221. lpp. — Kopsav. vācu val.: Lettische Schutzmannschafts-Bataillone: Stand und Aufgaben der Forschung // Holokausta izpētes problēmas Latvijā = The issues of the holocaust research in Latvia: starptautiskās konferences referāti un pētījumi par holokaustu Latvijā, 2000. g. 16.–17. okt., Rīga = reports of an International conference and holocaust studies in Latvia, 16-17 Oct. 2000, Rīga / LU Latvijas Vēstures inst., LU Jūdaikas studiju centrs, Muzejs un dokum. centrs “Ebreji Latvijā” ... [u. c.]; atb.red. A. Caune; sast. Dz. Ērglis. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2001. — (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti; 2. sēj.). — [195.]–224. lpp.
4. Latviešu leģions: varoņi, nacisti vai upuri?: no ASV Nacionālā arhīva kara noziegumu izmeklēšanas materiāliem, 1945–1950 / sast. A. Ezergailis. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 1998. — 123, [4] lpp.
5. Latvijas suverenitātes ideja likteņgriežos: vācu okupācijas laika dokumenti, 1941–1945 / LZA; sast. V. Samsons. — Rīga: Zinātne, 1990. — 198, [1] lpp.: tab.
6. Latvijas vēstures apcerējumi: no 1940.g. līdz mūsdienām / red. M. Virsis. — Rīga: Zvaigzne. — 1990. — III broš.: Mācību līdzeklis vidusskolām. — 126, [2] lpp.
7. Misiunas R. J., Taagepera R. The Baltic States: years of dependence, 1940–1990. — [2.], expanded a. updated ed. — Berkeley (Mich.); Los Angeles (Cal.): Univ. of California Press, 1993. — XVI, 400 p., 8 l. ill.: diagr., m. — Bibliogr.: p. 371–382.
8. Neiburgs U., Ērglis Dz. Nacionālā un padomju pretošanās kustība: kopīgais un atšķirīgais (1941–1945). — Bibliogr.: 315.–328. lpp. — Kopsav. angļu, val.: National and Soviet resistance movement – the common and the different (1941–1945) // Totalitārie režīmi un to represijas Latvijā 1940.–1956. gadā = Totalitarian regimes and their repressions carried out in Latvia in 1940–1956: Latvijas Vēsturnieku komisijas 2000. g. pētījumi = research of the Commission of the historians of Latvia (2000) / Latvijas Vēsturnieku komisija, LU Latvijas Vēstures inst., LU Vēstures un filozofijas fak.; atb.

- red. A. Caune; sast. I. Šneidere. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2001. — (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti; 3. sēj.). — 267.–329. lpp.
9. Silgailis A. *Latvian Legion*. — San Jose (Cal.): R. J. Bender, 1986. — 256 p.: ill., m.
10. Strods H. *Zem melnbrūnā zobena: Vācijas politika Latvijā, 1939–1945*. — Rīga: Zvaigzne, 1994. — 152, [2] lpp.: tab., faks., kartes. — Bibliogr.: 138.–[153.] lpp.
11. Unāms Ž. *Zem Barbarosas šķēpa: kara gadu pieredze, vērojumi, atmiņas*. — Grandheivena: Aka; Īstlansinga: Gauja, 1975. — 478 lpp.
12. Vārpa I. *Latviešu karavīrs zem kāškrusta karoga: latviešu leģions --- nācijas triumfs vai traģēdija?*. — Rīga: Nordik, 2003. — 623, [1] lpp.: il. — Bibliogr.: 616.–[620.] lpp.

6. ЛАТВИЯ В СОСТАВЕ СССР (1945–1990)

6. 1. ПОВТОРНАЯ ОККУПАЦИЯ И СОВЕТИЗАЦИЯ ЛАТВИИ

Советская система, которая внедрялась в Латвии в 1940 году, существенно отличалась от той, которая вместе с советскими войсками вошла в 1944–1945 годах. Советский Союз после Второй мировой войны стал державой мировой величины, установил контроль над Восточной Европой, к тому же внутриполитически в СССР был установлен контроль над всеми сферами жизни. Общее направление развития в послевоенные годы было четко определено — вплоть до смерти Сталина советский режим развивался в сторону нарастающей централизации. В результате предвоенных репрессий в Советском Союзе почти полностью сменился бюрократический аппарат. И в послевоенные годы продолжалась шлифовка системы бюрократического управления. Степень централизации напрямую была связана с идеологией, которая все более и более опиралась на великорусский национализм.

Однако общее направление не дает ответа на вопрос, почему и каким образом принимались те или иные решения. Это касается и статуса Балтийских республик в Советском Союзе, и темпов их советизации, и конкретных форм. Одна — и довольно распространенная точка зрения — заключается в том, что еще в ноябре–декабре 1943 года на Тегеранской конференции Сталину удалось добиться фактического признания Ф. Д. Рузвельтом и У. Черчиллем инкорпорации Балтийских стран и затем закрепить это на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, т. е. фактически было осуществлено то, что заранее планировалось. Однако более детальное изучение политики руководства СССР в первый послевоенный год — и внутренней, и в международном аспекте — заставляет считать подобный подход слишком упрощенным. Очевидно, Сталин сразу после войны допускал, что Запад вновь может затронуть Балтийский вопрос, который так и не был до конца решен. Недаром «министры иностранных

дел» Балтийских республик были включены в состав делегации СССР на Парижской мирной конференции 1946 года, где были разработаны мирные договоры между странами антигитлеровской коалиции и бывшими союзниками Германии — Болгарией, Италией, Румынией, Финляндией и Венгрией. Стоит отметить и неудавшуюся попытку Сталина добиться права голоса для всех советских республик в Организации Объединенных Наций — именно потому и было принято решение о создании в республиках министерств иностранных дел и обороны (фактически были созданы только министерства иностранных дел).

Существенным отличием между Балтийскими и другими республиками СССР было существование в Балтии частного сектора в торговле, в сфере услуг и особенно в сельском хозяйстве. Если проследить за политическими изменениями по этому вопросу, то наметятся известные параллели между возникновением «холодной войны», укреплением позиций СССР в Восточной Европе и событиями в Балтийских республиках, где в 1947–1948 годах наметился резкий поворот в экономической политике. Именно в это время завершалась работа над созданием советской атомной бомбы и Сталину уже не приходилось опасаться превосходства США в этой сфере. Логичным шагом советского лидера было решение подчинить полному контролю страны Восточной Европы и ликвидировать потенциальную «пятую колонну» в западных республиках СССР. Очевидно во второй половине 1948 года и было принято решение провести тотальную коллективизацию в Балтийских республиках и депортации, что должно было ликвидировать и сопротивление крестьянства коллективизации, и партизанское движение.

Однако развитие политических событий диктовала не только логика развития внешнеполитической и внутренней политической системы. В Советском Союзе власть сконцентрировалась в руках одного человека — Сталина, который по своему усмотрению делегировал ее узкому кругу ближайших соратников. Попавшие в распоряжение историков в 90-е годы материалы из архивов Политбюро ЦК КПСС дают более ясное представление о борьбе в высших эшелонах власти в СССР и ее политических последствиях. Возможно, наступивший сразу же после войны краткий период либерализации был вызван тем обстоятельством, что у Сталина в то время был инсульт и он находился под наблюдением врачей вплоть до декабря 1945 года. В 1947 году Сталин перенес еще один инсульт. В результате перенесенных заболеваний усилилась подозрительность вождя, чем пользовались его ближайшие соратники, чтобы начать борьбу за власть. Отголоски этой борьбы в республиках, и в Латвии в том числе, до сих пор не изучались.

Под влиянием всех перечисленных факторов — международных, внутриполитических, личных — и сформировалась политика, которая проводилась в Советском Союзе в целом, в том числе и в отношении Балтийских республик. До смерти Сталина в административной и экономической сферах во всех главных аспектах было достигнуто полное включение Латвии в экономическую и политическую систему СССР. Более длительное время понадобилось для того, чтобы латыши смирились с этими переменами и одобрили сложившуюся ситуацию, чтобы советизация произошла не только в материальной сфере жизни, но и в духовной и идеологической областях. Некоторые успехи были достигнуты только после 1956 года, когда, с одной стороны, советская интервенция в Венгрии и начало мирной политики сосуществования продемонстрировали, что надо полностью отбросить надежду на вмешательство Запада, с другой стороны — экономическая и политическая либерализация сделали режим терпимее, особенно для молодого поколения, мировоззрение которого формировалось в послевоенные годы. Однако полной переплавки латышей, как и других наций, в единый «советский народ» добиться не удалось, об этом свидетельствовал факт стремительного духовного освобождения от стереотипов советской идеологии во второй половине 80-х годов.

Реокупация Латвии

В июне и июле 1944 года войска 1-го Прибалтийского фронта начали наступление в направлении Каунаса и Даугавпилса. Главный удар был направлен на территорию Литвы, однако в середине июля юго-восточнее Краславы советские войска вошли и на территорию Латвии. До начала августа 1944 года советские войска заняли всю Латгале (Латгалию), а в середине сентября закрепились на линии, которая тянулась от границы с Эстонией вдоль Гауи к ее верхнему течению, затем поворачивала на запад к Цесвайне и Мадоне, около Плявиняс пересекала Даугаву и шла дальше к Бауске, вдоль Лиелупе — к Елгаве, затем чуть севернее Добеле и мимо Ауце — к литовской границе.

Вермахт не собирался сдаваться, и против немцев были сконцентрированы силы, превышающие численность их группировки и в живой силе, и в технике (танки, пушки, самолеты). 14 сентября началось новое наступление советских войск — теперь уже с севера. Под контролем советской армии оказалась вся Северная Латвия. В октябре 1-й Прибалтийский фронт продвинулся до побережья Балтийского моря в направлении Клайпеды, занял Палангу и на территории Латвии — Руцаву. Таким образом, группа армий «Север» была отрезана от Восточной Пруссии. Понимая, что Ригу и

территорию к востоку от нее удержать не удастся, немецкое командование стало оттягивать свои части в Курземе. Серьезных боев за Ригу не было, и советские войска вошли в город 13 октября.

Группа армий «Норд» в Курземе оказалась в окружении. В январе 1945 года она была переименована в группу армий «Курлянд». Латышские советские историки в своих работах называли это «Курземским котлом», их противники – «Курземской крепостью». В октябре 1944 года у немцев в Курземе еще были надежды установить связь с Восточной Пруссией, однако советским войскам удалось увеличить прорыв. В декабре командование «Курлянд» отказалось от попыток прорваться в южном направлении; снабжение группировки велось морским путем. Этот плацдарм не имел стратегического значения, однако Гитлер приказал удерживать фронт любой ценой — в надежде таким образом оттянуть от главных направлений крупные советские силы. Большинство латышей, сражавшихся в 19-й дивизии на стороне немцев, считали, что они таким образом смогут воспрепятствовать окончательному подчинению территории Латвии коммунистам, а также сохранять плацдарм для борьбы за независимость Латвии в будущей войне, которая, по их мнению, обязательно должна была начаться между Сталиным и его западными союзниками.

И хотя бои в Курземе носили локальный характер, они были ожесточенными. В них участвовали и понесли большие потери и латыши, причем — по обе стороны фронта. Следует отметить, что мобилизация в Красную армию в восточной части Латвии началась 27 июля 1944 года, а в Риге — 3 ноября. В целом она была воспринята негативно. По советским источникам, было мобилизовано 57 470 жителей, из них 50 тысяч — в пехотные части. Они были направлены не только в 130-й латышский стрелковый корпус (он был сформирован в июне–июле 1944 года на базе 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизии и 308-й Латышской стрелковой дивизии), но и в другие воинские части, которые сражались и в Курземе, и на других фронтах.

Говоря об участии латышей и жителей Латвии в войне на стороне Советского Союза, обычно упоминают тех, кто отправился в тыл СССР в 1941 году, забывая, что большую часть как раз составили мобилизованные в 1944/45 годах. Всего во время войны в Красной Армии воевало 70–75 тысяч жителей Латвии и латышей из других республик.

Группировка немецких армий в Курземе сдалась в плен только после капитуляции Германии — в 24.00 в ночь на 9 мая 1945 года. В момент капитуляции здесь находилось 203 тысячи солдат.

Освобождена ли была Латвия, как утверждали советские идеологи и историки, или вторично оккупирована, как считали на Западе и как считает

сегодня большинство латышских историков? Бесспорно, Латвия была освобождена от нацистского оккупационного режима, но ей вторично был навязан советский режим. Здесь нет необходимости повторять аргументы, подтверждающие, что инкорпорация Латвии и других Балтийских республик в состав СССР не была добровольной и не опиралась на свободное волеизъявление и конституционно выраженное желание. Но важно и то, как «освобождение» в 1944/45 году было воспринято жителями Латвии, советскими войсками и руководством СССР.

Большинство населения Латвии испытывало противоречивые чувства. Нацистская оккупационная власть не вызывала симпатий, кроме того люди устали от ужасов войны и хотели одного — чтобы как можно скорее наступила хоть сколько-нибудь нормальная жизнь. Однако в то же время люди не меньше боялись возвращения власти коммунистов. Нацисты в своей пропаганде довольно удачно воспользовались депортацией 14 июня 1941 года и зверствами советского режима, но и без того у людей были все основания опасаться (и опасения оправдались) новых репрессий. Не все были согласны, что надо сражаться на стороне немцев, чтобы спасти Латвию от коммунистов, но нет никаких сомнений, что большинство желало, чтобы Латвия была спасена и от когтей Третьего рейха и от когтей Советского Союза. Хорошо понимая, что своими силами не удастся отвоевать независимость, надежды возлагались на то, что после разгрома Германии неизбежно возникнет конфликт между Сталиным и западными союзниками — это для Балтийских стран был шанс вновь появиться на мировой арене, как произошло после Первой мировой войны. Поэтому позицию большинства жителей Латвии в конце войны и вскоре после ее окончания можно назвать выжидательной. Советский режим и его эмиссары воспринимались как представители чужой власти, с присутствием которой приходилось мириться, но эта власть была незваной и нежеланной. Многие просто хотели отгородиться от советского режима. Настроение большинства крестьян высказал крестьянин Аглонской волости: «Я от советской власти ничего не хочу, и от нас пусть ничего не требуют». Кстати, свою долю надежды на то, что Запад освободит Латвию от коммунистов и «русской» власти, внесла и советская пропаганда, в 40-х годах постоянно подогревавшая напряжение, утверждавшая, что империализм угрожает социализму и готовится к третьей мировой войне.

Сказанное не означает, что часть населения не хотела активно сотрудничать с советским режимом (понимая под этим занятие должностей, которые были связаны с непосредственным проведением политики этого режима — в партийных и советских структурах, в милиции, в органах безопасности, в комсомоле, системе судопроизводства и т. п.), но вначале

это было явное меньшинство. Готовых сотрудничать можно разделить на три группы. Первая — сотрудничество по чисто идейным соображениям, идейный выбор. Нацизм не сумел идеологически привлечь латышей. Идея коммунизма была более универсальной, в будущем обещалось счастье и благополучие всем представителям неимущих классов независимо от их этнического происхождения. Депортация 14 июня 1941 года затронула главным образом экономическую и политическую элиту, а также интеллигенцию. Многие представители низших слоев населения, возможно, считали это неизбежным наказанием за ту социальную несправедливость, которая одних вынесла на поверхность, другим не дала ничего. Репрессии во время немецкой оккупации против активистов 1940/1941 годов, против безземельных, наделенных землею в результате советской аграрной реформы, и других лиц, считавшихся нелояльными, эту социальную пропасть углубили, во многих же случаях социальное противостояние носило характер личной мести, немаловажным фактором была и жажда политического и социального реванша.

Ко второй группе можно отнести людей, которые в советском режиме в первую очередь видели возможность резко изменить свой социальный статус, сделать успешную карьеру, что в условиях Первой республики для многих было невозможно в силу их низкого социального положения и вытекающего отсюда низкого образовательного уровня. Действия худших представителей этой группы особенно наглядно проявилось в последние месяцы войны и в первое время после ее окончания, когда в различные властные структуры, в партийные и советские органы, в милицию, органы безопасности, в истребительные батальоны и пр. рекрутировалось довольно много люмпенизированных, порой просто откровенно криминальных элементов, которые воспользовались открывшимися возможностями, чтобы терроризировать население и наживаться за его счет. И все же нельзя всех соотносить с уголовными и полууголовными элементами. Среди них было немало и таких, кто сумел воспользоваться возможностями, предоставляемыми советским режимом, сделал более или менее удачную карьеру, кто рассчитывал получить образование и, по крайней мере, обеспечить неплохие стартовые условия для своих детей.

Третью группу составляли «реалисты» — те, кто не питал никаких иллюзий в отношении коммунистического режима, но в то же время считал, что этот режим утвердился надолго, поэтому надо искать и находить место под советским солнцем. Зачастую это были представители интеллигенции, приобретшие профессию и устойчивое социальное положение в годы независимой Латвии. Но тут следует добавить: если в начале советской реоккупации функционеры советского режима искали возможность

сотрудничества именно с «реалистами», то уже несколько лет спустя многие из них стали объектами нападков и жертвами «чисток».

Отношение советского режима и его функционеров к Латвии и латышам было более чем амбивалентно. С одной стороны, официальная пропаганда твердила, что Латвийская ССР, оккупированная нацистами и теперь освобожденная, является советской территорией. Однако фактически и армия, и органы безопасности, и многие партийные и советские функционеры воспринимали Латвию как оккупированную враждебную территорию, к жителям которой и надо относиться соответствующим образом. Это выражалось прежде всего во взглядах и поведении военных, а взаимоотношения с армией было для жителей первым показателем того, что ждет их в будущем.

Отношение военных к местным жителям проявилось в высказывании некоего лейтенанта Советской армии, инвалида войны, зафиксированное работницей ЦК КПЛ в марте 1945 года: «Жаль, что я сейчас инвалид Отечественной войны, я летчик... Если бы я сейчас летал на самолете, я бы... бомбил бы каждый хутор, каждый дом в Латвии, так как в каждом доме здесь сидят айзсарги; латыши спелись с немцами, они предатели. Вот смотрите, в Псковской области все деревни сожжены, а здесь — хутора целы, скот цел — да в каждом дворе по 5–7 коров. Почему? Потому, что все латыши поддерживали немцев и немцы их не трогали».

Не только память людей, но и архивные материалы компартии подтверждают, что когда советские войска вошли в Латвию, очень часто имели место грабежи, акты насилия, убийства мирных жителей. Более всего инцидентов происходило там, где дислоцировались штрафные батальоны, сформированные из лиц, осужденных за уголовные преступления. Командиры этих частей зачастую не хотели или не могли этому противостоять. К тому же некоторые офицеры сами были причастны к незаконным действиям. Особенно много жалоб поступало на служивших в отрядах контрразведки «СМЕРШ». Фактическое положение характеризует жалоба лейтенанта Красной армии члена партии первому секретарю ЦК КП(б)Л Я. Калиберзиньшу в 1945 году, в которой он сообщал, что начальство его воинской части грабит и вывозит из Латвии имущество. Лейтенант с неподдельным возмущением писал, что здесь ведь советская республика, а не Германия, где можно делать все, что заблагорассудится.

Уголовные преступления со стороны военных продолжались и после войны. Это приняло настолько широкий размах, что руководство республики неоднократно обращалось в Москву и к командованию Прибалтийского военного округа с просьбой навести порядок. Еще в начале 1947 года министр внутренних дел Латвии А. Эглит признал, что несмотря на то, что

по сравнению с 1945 годом количество дислоцированных в Латвии частей уменьшилось и командование Прибалтийского военного округа предпринимало меры, тенденция роста уголовных преступлений со стороны военных продолжает нарастать. Наибольшую опасность представляли вооруженные грабежи, нередко с использованием военного транспорта, а также злостное хулиганство, что в немалой степени было вызвано именно чувством безнаказанности. На деле же только с 1947 года было достигнуто реальное улучшение ситуации. И независимо от того, происходили подобные эксцессы потому, что высшее командование не могло или не в силах было их предотвратить, фактически это помогало подчинить местных жителей, которые зачастую чувствовали себя совершенно незащищенными, мало надеялись на местную власть, милицию и гебистов, которые нередко вели себя еще хуже.

За армией следовали части НКВД СССР и армейской контрразведки «СМЕРШ», которые занимались проверкой населения, поисками тех, кто сотрудничал с фашистами, выявляя возможных диверсантов и пр. Особенно масштабные акции проводились после капитуляции Курземской группировки.

В Курземе находилось не только значительное количество военных, но и масса беженцев. Тех, кто вызывал подозрение, отправляли в фильтрационные лагеря и подвергали аресту. Разумеется, не все, оказавшиеся в поле зрения служб безопасности, были в той или иной степени связаны с нацистским оккупационным режимом или повинны в военных преступлениях. Филтрации подвергались и те жители Латвии, которые служили в вооруженных силах Германии. В 1946 году те, кто не был осужден и остался в живых, были отпущены по домам. Однако бывшие солдаты немецкой армии и служившие в противовоздушной обороне лица призывного возраста были отправлены на строительство секретного комбината по обогащению урана в Силамяэ (Эстония), а также на другие объекты. Их зачисляли в строительные батальоны, и они вынуждены были провести в них еще от трех до пяти лет. В фильтрационных лагерях многие, особенно бывшие legionеры, не выжили, поскольку в лагерях и на стройках, которые вело Министерство внутренних дел СССР, условия были очень тяжелые, не хватало еды. Фактически фильтрационные лагеря мало чем отличались от мест заключения.

Отношение к Латвии как к оккупированной территории выражалось и в кадровой политике. В первое время местным жителям, которые во время войны находились на оккупированной немцами территории, не разрешали работать в партийных, советских и судебных структурах, за исключением случаев, когда они действовали в составе советских партизанских отрядов

или как-то иначе поддерживали советскую власть. Наиболее негативное отношение было к латышам, к русским и белорусам — чуть терпимее, но именно чуть-чуть. В самые важные сферы были привлечены местные жители, которые в начале войны эвакуировались в советский тыл, латыши и нелатыши из России и других республик СССР. Впрочем, наглядно проявлялось недоверие к латышам вообще, даже к тем, кто сотрудничал с советской властью по идейным соображениям.

Латвийская ССР формально продолжала существовать в советском тылу, и уже с весны 1944 года велась предварительная работа по ее предстоящему восстановлению после того, как немецкие войска будут изгнаны с территории Латвии. Это выражалось в формировании так называемых оперативных групп: руководящего состава уездных и волостных партийных комитетов, исполкомов, народных комиссариатов, управлений и других важнейших учреждений, а также промышленных предприятий, которые могли бы сразу же после освобождения взять власть в свои руки. Сначала выявляли тех людей, которые работали в соответствующих учреждениях в 1940–1941 году и эвакуировались в тыл СССР. Но многие погибли или по каким-то причинам не были включены в эти группы. Поэтому в их составе высок был удельный вес людей, которые до войны не работали в Латвии; это были и российские латыши, и люди других национальностей. Хотя оперативные группы полностью укомплектовать не удалось, они составили ядро, которое могло взять бразды правления в той или другой отрасли или на территории. Оперативные группы следовали за воинскими частями, они были прикомандированы к отдельным армиям 1-го, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. В июле 1944 года ЦК КПЛ, Совет народных комиссаров республики, народные комиссариаты и другие организации переместились на территорию Латвии — в Лудзу, позже — в Даугавпилс. Уже 13 октября в Ригу прибыли первые представители правительственных учреждений Латвийской ССР. И хотя оперативным группам дали возможность перенять гражданскую власть, однако реальная их власть была достаточно ограниченной. Фактическая власть до конца войны была в руках военных, которые не очень-то считались с гражданскими учреждениями.

Административно-территориальные изменения

Эстония и Латвия в 1944–1945 году понесли довольно ощутимые территориальные потери в пользу РСФСР. 22 августа 1944 года Президиум Верховного Совета (ВС) Латвийской ССР, находившийся тогда в Москве, «обратился с просьбой» к Верховному Совету СССР отделить от Латвии

часть Абренского уезда, в котором в основном жили русские. Надо сказать, что никакого заседания не было, вопрос был решен путем сбора подписей членов Президиума в опросном порядке. О том, что решение было чистой формальностью, говорит и то, что вначале конкретно не была обозначена даже передаваемая территория. Уже на следующий день — 23 августа — Президиум Верховного Совета СССР издал декрет «Об образовании Псковской области в составе РСФСР». 3-я сессия ВС Латвийской ССР, состоявшаяся 5–6 октября, когда Латвийское правительство находилось еще в Даугавпилсе, утвердила соответствующий декрет Президиума. Реальное присоединение произошло, очевидно, еще 1 октября — до сессии ВС, но в течение года урезанный уезд, центр которого переместили в Виляку, по-прежнему носил название Абренского, и только в октябре 1945 года его переименовали в Вилякский уезд. Надо сказать, что решение о передаче РСФСР города Абрене и еще шести волостей было принято без учета Конституции Латвийской ССР: в сессии ВС участвовали всего 52 из 100 депутатов, к тому же никто не выяснял действительной воли жителей этих волостей путем плебисцита.

В 1953 году к РСФСР и Эстонской ССР была присоединена еще небольшая часть территории Латвии. Надо отметить, что присоединенные к РСФСР территории подверглись тем же процедурам советизации: здесь также происходила депортация кулаков, только несколько позже — в 1950 году. Присоединенная к России территория до войны была беднейшей окраиной Латвии, но теперь условия жизни населения ухудшились еще больше, поскольку она стала окраиной Псковской области, одной из беднейших в РСФСР. Молодежь переезжала в основном в Латвию, люди старшего поколения оставались дома. Безусловно, граница между Латвийской ССР и РСФСР была чисто административной, условной, а в некоторых местах вообще не обозначена, что в 90-е годы, естественно, создало трудности при демаркации границ между Латвией и Россией.

Изменились не только внешние, но и внутренние границы Латвии. В послевоенный период неоднократно проводились масштабные административные переделы. В течение десяти лет — с 1945 по 1955/56 годы — территориальная структура кардинально менялась десять раз. Фактически административные изменения были начаты еще в 1940/41 году; наиболее существенным было введение статуса города республиканского значения, а также деление Риги на шесть районов.

После войны самым крупным мероприятием было создание сельских советов в 1945–1946 годах. 510 волостей Латвии были разделены на 1362 единицы — сельсоветы при сохранении деления на волости. Новая единица управления была создана, во-первых, чтобы приблизить территориальное

управление к существовавшей в СССР системе, и, во-вторых, чтобы надзор за селом стал более эффективным — с учетом взимания продуктовых и денежных налогов, а также контроля за лесозаготовками, в которых должны были участвовать крестьяне. Сельские советы волостям не подчинялись, фактически существовали две параллельно действующие местные управленческие структуры. Уже в 1946 году приступили и к подготовке районирования Латвии — ликвидации уездов и введению административных районов, аналогично существовавшему в СССР делению. Первым шагом было создание новых уездов путем деления существующих.

В ноябре 1948 года бюро ЦК КП(б)Л приняло решение о предстоящем в 1949 году районировании территории Латвии. Очевидно, это было связано с намечавшейся коллективизацией. Территории колхозов должны были совпасть с территориями сельских советов (хотя вначале, когда колхозы создавались более или менее добровольно, этого принципа не придерживались, часто это были небольшие колхозы, не совпадающие с территорией сельсовета). 24 декабря 1949 года было принято решение ЦК ВКП(б) «О создании 58 районов Латвийской ССР», а 31 декабря ВС Латвийской ССР принял соответствующий декрет. Таким образом были ликвидированы и волости.

Самой мелкой административной единицей стал сельский совет, следующей — район. Районы были небольшими, что давало возможность строгого надзора над всеми территориями.

Вскоре была проведена еще одна реформа — в апреле 1952 года территория Латвийской ССР была поделена на три области — Рижскую, Даугавпилскую и Лиепайскую, по образцу России и других советских республик. Однако деление небольшой территории Латвийской ССР на области оказалось неудобным, и уже через год — в апреле 1953 года — было отменено.

В июне 1950 года Совет Министров СССР принял постановление об объединении небольших колхозов. Реформа касалась всех республик, осуществлена она была и в Латвии. В 1950 году здесь насчитывалось 4118 колхозов, в результате укрупнения их стало 1794. Укрупнение колхозов продолжалось и в дальнейшем — в 50-е годы количество колхозов уменьшалось примерно на 50 единиц в год. В результате этого процесса были пересмотрены и границы сельских советов, и количество их также уменьшилось. Как уже говорилось, было достигнуто соответствие территорий сельских советов и колхозов (совхозов). Территории сельсоветов по своим размерам приблизились к территориям довоенных волостей, однако реальные границы во многих случаях существенно изменились. В июне 1940 года в Латвии насчитывалось 516 волостей, в 1991 году — 471 волость (после

переименования в волости сельсоветов). В 1955–1956 годах произошло объединение районов, в итоге их стало 45. Но этим дело не кончилось. В 1962 году количество районов уменьшилось до 32, в 1963 году — до 21, но в 1965 снова возросло до 26, и цифра эта сохранилась до 90-х годов.

Надо сказать, что в послевоенные годы неоднократно менялось районирование Риги и границы города. В 1946 году к Риге присоединили Юрмальский район, получивший в 1959 году статус города республиканского значения — Юрмалы, так как к нему были присоединены города Кемери и Слока. Несколько раз и центральная территория Риги делилась между разными районами, а в 1969 году на два района была поделена территория на левом берегу Даугавы. В 70–80-е годы административно-территориальное деление стабилизировалось, хотя и происходили изменения, связанные с расширением территорий городов.

Роль Компартии Латвии в системе государственного управления и формировании политической элиты

Главная роль в советизации Латвии отводилась Центральному Комитету Латвийской Коммунистической партии и ее местным (уездным/районным и городским) комитетам. В их задачу входило доведение до партийных и управленческих органов низшего звена указаний Москвы. Однако не надо забывать, что КПЛ не могла играть какой-то самостоятельной политической роли. Послевоенный Советский Союз был сугубо централизованным государством, с руководством республик считались минимально, за исключением крупных, таких, как Россия и Украина. Реально все сколько-нибудь важные решения принимал один человек — Сталин, после консультаций с очень узким кругом лиц из Политбюро, Оргбюро, и Секретариата ЦК, а после 19-го съезда КПСС в 1952 году — с членами Президиума ЦК, министрами ведущих отраслей производства. Главную роль играл еще более узкий круг людей — несколько (5–9) членов Политбюро. Эти люди могли повлиять на принятие решений, задача остальных заключалась в их выполнении. Истинная власть принадлежала не избранному местным партийным органам, а партийным чиновникам, так называемой номенклатуре, которая контролировала исполнение выдвинутых высшим партийным руководством задач в учреждениях, на предприятиях, в общественных организациях. В начальный период Компартия Латвии довольно пассивно выполняла задачи советизации — как из-за малочисленности актива коммунистов, так и в силу его неопытности, к тому же Москва не особенно доверяла латышским коммунистам. Укрепление КПЛ происходило двояко. Во-первых, в 1944–1947 годах действовали

специальные бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии, Латвии, Литве. В первое время Латвийское бюро возглавлял Николай Шаталин (одновременно и Эстонское бюро), затем его сменил Василий Рязанов. О работе бюро сведений довольно мало, но ясно, что реально его руководитель был влиятельнее, чем первый секретарь ЦК КПЛ Я. Калиберзиньш. После ликвидации бюро роль «ока» Москвы исполнял второй секретарь ЦК КПЛ. Хотя руководителями республиканских партийных организаций избирались абсолютно лояльные «центру» люди, опыт показывал, что их забота о благополучии своей республики зачастую входила в противоречие с интересами Москвы. Именно поэтому обязанностью второго секретаря республиканской парторганизации был надзор за первым секретарем и прочим республиканским руководством. Как правило, эту должность занимали русские, присланные из Москвы (за небольшим исключением — в 1953–1956 гг. и в 1958–1960 гг. вторым секретарем был Вилис Круминьш).

Вторым способом укрепления аппарата ЦК Компартии Латвии было привлечение верных кадров из «старых» республик СССР. На самые важные должности — секретарями ЦК, заведующими отделов ЦК, секретарями уездных/районных комитетов — старались назначать лиц латышского происхождения, в основном российских латышей, преимущество которых заключалось в том, что они более или менее владели латышским языком и хорошо знали существовавший в Советском Союзе стиль руководства. Очень часто вначале они не имели никакого представления о том, что происходило в Латвии, и чувствовали себя потерянно в незнакомых условиях. Поскольку практически все латыши, занимавшие в 20–30-е годы в Советском Союзе руководящие должности, были расстреляны или находились в лагерях, присланные из других республик функционеры латышской национальности или занимали до этого должности ниже рангом — в основном на уровне районных партийных и исполнительных комитетов, политчастей МТС и т. п., к тому же в основном в провинции, — или это были молодые люди, начавшие свою карьеру в качестве комсомольских функционеров или в армии. Однако привлечение российских латышей не решило кадровый вопрос и на деле большинство сотрудников партийного аппарата были лицами других национальностей.

В конце войны и в послевоенное время Компартия Латвии (как и ВКП(б) в целом) вообще была партией чиновников, функционеров. В конце 1944 года из 217 первичных организаций Компартии Латвии на предприятиях действовало всего 20, остальные — в различных учреждениях Риги. В июне 1945 года только 5,3% от общего количества коммунистов составляли рабочие, занятые непосредственно на производстве. Партийный билет почти всегда был пропуском на вершину карьерной

лестницы. Чтобы уменьшить чувство неловкости, оттого что «авангард рабочего класса» состоит в основном из чиновничества и бюрократов, статистика указывала также социальное происхождение членов партии, т. е. социальное положение их родителей или их самих до вступления в партию. Например, в Кулдигском районе в 1951 году 68,3% членов партии были служащими, по социальному же положению 34,5% были зарегистрированы как рабочие, 17,4% — крестьяне и 48,1% — служащие. В апреле 1953 года в партийной организации Абренского района по социальному положению 19,4% членов партии были рабочими, 21,2% — крестьянами, 59,4% — служащими. Эти данные говорят о том, что пролетарской партия не была ни по происхождению, ни по роду занятий своих членов. То же самое можно сказать и о ВКП(б) в целом — в начале 1946 года 47,6% ее членов были служащими.

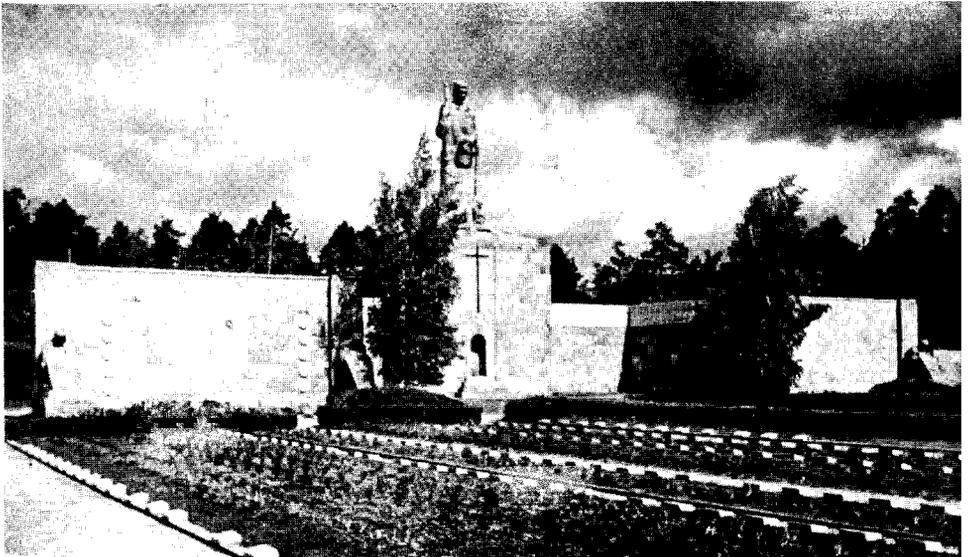
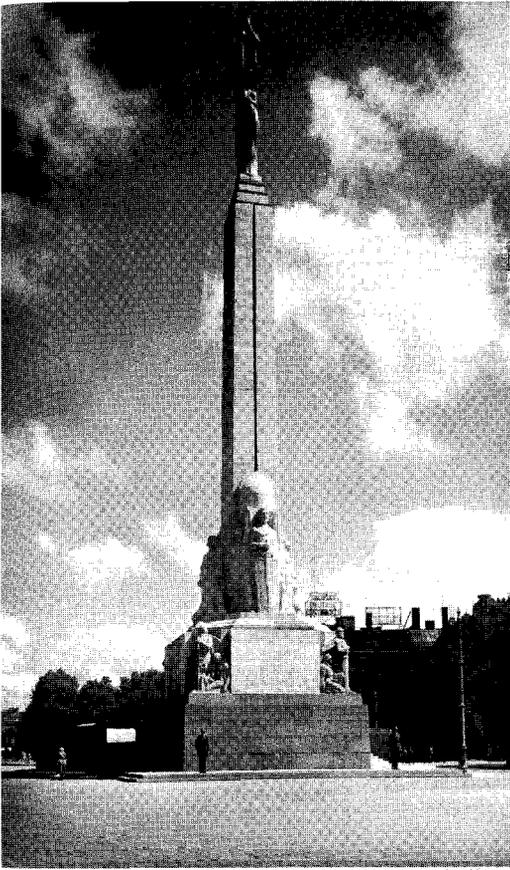
В 1946 году было принято постановление снизить процент приема в партию служащих, но в 40–50-е годы это не повлияло на ситуацию, так как для крестьянина или рабочего, вступившего в партию, открывалась карьерная перспектива, и они автоматически становились служащими. Члены партии в основном концентрировались в городах. В деревне до 50-х годов коммунистов было очень мало.

В Компартии Латвии в период с 1944 до 1990 года латыши составляли явное меньшинство, особенно в первые послевоенные годы, когда не только в крупных городах, но даже в сельских районах с преобладанием латышского населения удельный вес латышей среди членов партии был намного ниже, чем среди населения в целом. Так, в преимущественно латышском по национальному составу Кулдигском районе в 1951 году латыши составляли 54,4% членов партии, русские — 35,3%, представители других национальностей — 10,3%. В апреле 1953 года в партийной организации Абренского района латыши составляли только 11,6%, хотя это было основное население района. В Риге латышей среди членов партии и номенклатурных работников было еще меньше. Причин тому было несколько. Во-первых, непопулярность режима среди населения: партийность грозила остракизмом, особенно в деревне, в послевоенные годы нередко была связана и с опасностью для жизни. Нужно было быть или идейно ангажированным, или яростным карьеристом, чтобы взвалить на себя такой груз. Безусловно, в городах было проще, особенно в крупных, где люди меньше зависели от непосредственного окружения. Поэтому в городах латыши вступали в партию активнее, но и тут процесс не был интенсивным. Во-вторых, тот, кто хотел вступить в партию и кто уже вступил, подвергались непрерывным проверкам. Сразу же после войны отношение было более лояльным — при приеме в партию руководствовались скорее убеждениями

и делами самого кандидата, а в 1949–1952 годах началась уже настоящая «охота на ведьм», во время которой причиной отчисления из партийных рядов могло стать былое участие не только в правых, но и в социал-демократических и даже в детских организациях — в отрядах мазпулков или скаутов, не говоря уже о службе в немецкой армии, социальном происхождении, родственниках, которые эмигрировали и т. д. Наиболее исчерпывающую картину национального состава партийных кадров дал Я. Калнберзиньш на пленуме ЦК КПЛ 22–23 июня 1953 года. В это время в республиканской партийной организации латышей было 29,2%, в том числе в Риге — 20,4%, в Елгаве — 21%. Среди ответственных работников ЦК латышей было 42%, секретарей городских и районных партийных комитетов — 47%, секретарей первичных партийных организаций — 31%. Среди заведующих отделами Рижского городского партийного комитета не было ни одного латыша, из 31 инструктора латышей было двое. Секретарями первичных партийных организаций Риги было 17% латышей, а среди номенклатурных работников города число латышей за последние два года уменьшилось на 5%. Среди заведующих отделами Елгавского городского партийного комитета не было ни одного латыша, только один инструктор, среди секретарей 56 первичных партийных организаций латышей было всего 18.

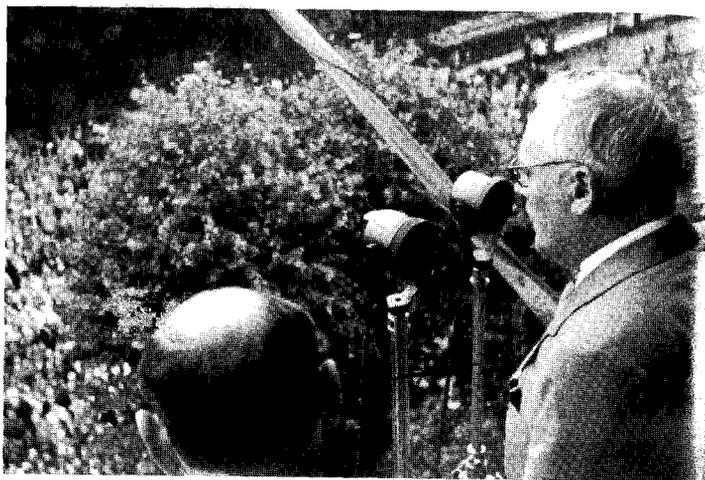
Нельзя сказать, что отрицательное отношение большинства латышей к компартии не беспокоило руководство КПЛ — оно прекрасно сознавало: легитимизация советского режима нуждается в более тесной поддержке со стороны коренного населения. Поскольку для занятия хоть сколько-то значимой должности необходим был партийный билет, относительно низкий удельный вес латышей в партии означал и их относительно слабые позиции не только в партийном аппарате, но и во всей системе управления республикой. Проблема была и в том, что большинство работников партийного аппарата не владело латышским языком или владела им на таком низком уровне, что не могла успешно работать в латышской среде не только в деревне, но и на предприятиях. Во второй половине 50-х годов национал-коммунисты попытались добиться более широкой легитимизации режима среди латышского населения, призывая латышей вступать в компартию. Эдуард Берклавс в феврале 1959 года в газетах «Padomju Lauņatne» и «Rīgas Balss» опубликовал статью «Разговор по душам», в которой убеждал латышей вступать в партию. Статья сразу же была подвергнута осуждению и со стороны местных ортодоксов, и со стороны Москвы — еще до разгрома национал-коммунистов. Очевидно, главной причиной столь острой реакции было то, что статьей этой, хотя и в завуалированной форма, фактически было сказано: в КПЛ мало латышей. Надо отметить,

Памятник Свободы (1936)

Братское кладбище (1937)

Заместитель
председателя
Совета Народных
комиссаров СССР
Андрей Вышинский
5 июля 1940 года
обращается к
участникам
демонстрации

Председатель
народного
правительства
Аугуст Кирхенштейн
30 июля 1940 года
обращается к
делегации
уполномоченных
«Народного Сейма»
на 7-й сессии
Верховного Совета
СССР

Народный комиссар
внутренних дел
Латвийской ССР
Алфонс Новикс в
рабочем кабинете
(1940)

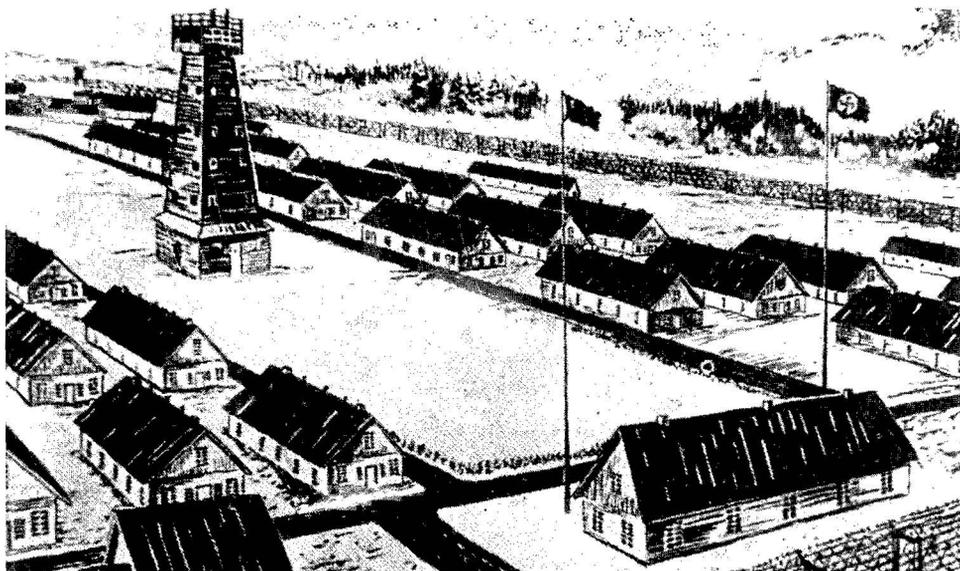

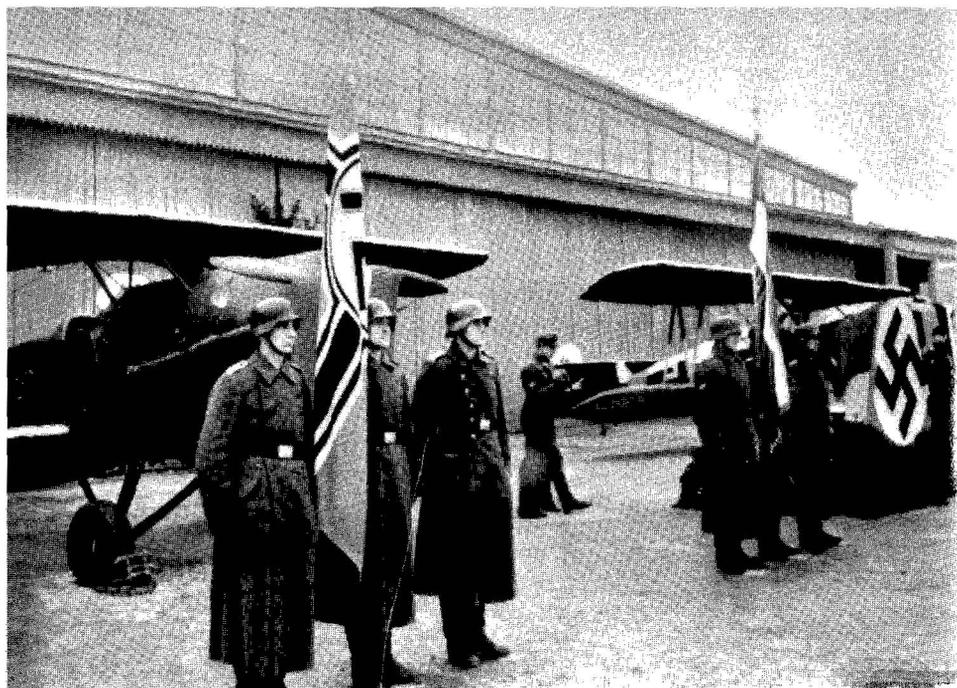
Группа немецких солдат у Памятника Свободы (1941-1943)

Генерал, генеральный директор внутренних дел немецкой оккупационной власти в Латвии Оскар Данкерс в Лиепае 1 июня 1942 года принимает парад полиции

Саласпилсская расширенная полицейская тюрьма и воспитательно-трудовой лагерь (репродукция рисунка бывшего политзаключенного К. Буша)

Аэродром Лиепая-Гробиня: летчики латышской авиационной группы 1-й немецкой дивизии воздушных сил дают присягу (1944)

Слева: второй — генеральный инспектор Латышского легиона генерал Рудольф Бангерскис, третий — военный журналист Улдис Германис (1944-1945)

Немецкие солдаты, взятые в плен в Курземе (май 1945 года)

Гвардейская часть Рижского гарнизона во время парада, посвященного 28-летию Великой Октябрьской Социалистической революции в Риге, на Площади победы, 7 ноября 1945 года

Жители Риги во время субботника разбирают руины у церкви Св. Петра (1945-1946)

Колонна рижской молодежи во время парада, посвященного 28-летию Великой Октябрьской Социалистической революции 7 ноября 1945 года

Секретарь ЦК ЛКП Я. Калнберзиньш получает удостоверение депутата ВС СССР; справа: председатель СМ ЛССР Вилис Лацис, председатель Рижского горисполкома Арнолд Деглавс (1946)

Министр сельского хозяйства ЛССР Александр Никонов (конец 1950-х годов)

Собрание Союза писателей Латвийской ССР, посвященное выдвижению кандидатуры писательницы Анны Саксе в члены областной избирательной комиссии на выборы Верховного Совета СССР (1950)

что и до этого, и после данные о национальном составе партии тщательно скрывались.

С 60-х годов политика рекрутирования в ряды КПСС в целом изменилась. Больше внимания уделялось привлечению в партию рабочих и крестьян — чтобы сделать компартию массовой, а не номенклатурной организацией. Рабочие и крестьяне имели преимущество и при вступлении в партию, неофициально был ограничен прием в партию служащих. Эта политика КПЛ привела к тому, что ее ряды пополнились очень быстро. Если в начале 1946 года членов партии было около 11 тысяч, в начале 1953-го — почти 35 тысяч, то в 1967 году число членов партии превысило 101 тысячу, а в 1988 году достигло 180 тысяч членов и кандидатов партии. Партийный билет еще больше, чем раньше, стал необходим для успешной карьеры, но он уже не был ее гарантом. Принадлежность к компартии больше не была столь тесно связана с идеологической ангажированностью. Это несколько изменило в общем сдержанное отношение латышского общества к членам компартии. В среде интеллигенции достаточно популярной стала точка зрения, что латыши должны вступать в партию, чтобы окончательно не утратить влияния на жизнь республики. И латыши стали активнее вступать в партию, их удельный вес увеличился — в 1988 году латыши составляли 39,9% от общего числа членов КПЛ. Удельный вес латышей был выше в сельских партийных организациях, возрос он и в номенклатурной среде, особенно по сравнению с послевоенной ситуацией. В то же время латыши в 70–80-е годы интенсивно «выдавливались» или скорее не допускались в ряды партийной номенклатуры в Риге и в других крупных городах — за исключением сфер, связанных с культурой и образованием.

Довольно распространенной является точка зрения, что советский режим предоставил возможность низшим слоям латышского общества реализовать себя и что представители этих слоев в основном формировали политическую элиту Советской Латвии и вообще элиту. Нельзя отрицать, что для низших слоев общества действительно открылись невиданные ранее карьерные перспективы, особенно в 1940–1941 годах и вскоре после войны, когда старая политическая и в немалой степени и хозяйственная, научная и культурная элита подвергалась дискриминации и была отстранена от активной деятельности. И позже в новой элите стало больше заводского и сельского пролетариата и их потомков: возросли возможности получить образование, закрепиться среди элиты. Однако в общем и целом латышская новая элита формировалась из тех же слоев, из каких она формировалась ранее — в основном из крестьянства. В отличие от русских и других больших народов, у латышей, как у маленького народа,

степень консолидации была выше. Поэтому не ощущалось серьезного социального антагонизма, хотя потомкам прежних зажиточных слоев и интеллектуальной элиты приходилось преодолевать определенные трудности.

В то же время новым явлением стала возросшая степень региональной интеграции, так как в новую элиту огромным потоком влились латгалыцы.

Критерии при отборе членов партии, действовавшие в первые послевоенные годы, сказались и на качественном составе КПЛ и партийного аппарата. В партию призывались в основном люди из низших социальных слоев, и уровень образования большинства номенклатурных работников был низким. Не только высшее, но и среднее образование было редкостью — большинство имело основное образование (6 классов), но нередко не было и его. Культурно-образовательный уровень советских и партийных функционеров порой был просто шокирующим. Например, в январе 1946 года, выступая на предвыборном собрании интеллигенции города Резекне, председатель уездного исполнительного комитета Панасенков сказал, что «в Англии никакой культуры нет, да и театр-то один на всю Англию, в который ходят только лорды и серы и изверги рабочего класса». Неудивительно, что сотрудники волостных и сельских советов зачастую были полуграмотными и никаким авторитетом у местных жителей не пользовались.

Это была проблема не только Латвии, но и всего Советского Союза, поскольку после репрессий 30-х годов партийный и управленческий аппарат кардинально поменялся и качество его драматически снизилось — даже по сравнению в 20-ми годами. После окончания войны у 67,2% коммунистов СССР не было среднего образования. В августе 1946 года было принято постановление ЦК ВКП (б) о подготовке и повышении квалификации партийно-советских работников, обязывавшее партийных функционеров получать образование. Была усовершенствована система партийного образования, предельным уровнем которой были Высшая партийная школа, Академия общественных наук и восстановленная Военно-политическая академия. Для продвижения по карьерной лестнице партийные кадры должны были пройти определенные этапы партийного обучения — от партшколы для функционеров низшего звена до республиканских партийных школ и Академии общественных наук в Москве.

В деревне в первые послевоенные годы в установлении советского режима на местном уровне определяющую роль играли парторги волости; официальное название должности — партийные организаторы ЦК КП(б)Л. Они отвечали за назначение и работу местной исполнительной власти — председателей сельских и волостных советов, организовывали колхозы, но

главной их обязанностью было обеспечение планов лесозаготовок и сдачи сельскохозяйственной продукции, а также подписка на облигации государственного займа. Должность парторга была опасной, часто они становились жертвой партизан, поэтому найти подходящую кандидатуру было нелегко. В 1946 году многие парторги признавались, что у них нет опыта политической работы, а кроме того, многие были из города, не разбирались в сельском хозяйстве. Парторгам приходилось сталкиваться с непониманием и открытой враждебностью со стороны населения. Но и среди них были люди, сумевшие завоевать авторитет местных жителей. Таким был парторг Лиелвардской волости Эдгар Каулиньш, возглавивший позднее колхоз «Лачплесис» и остававшийся на этой должности долгие годы. Каулиньш был сильной личностью, обладавшей определенной харизмой, и в то же время он прекрасно знал сельскую жизнь и сельские работы. Он был одним из редких людей, которые умели действовать самостоятельно и принимать нестандартные решения, например, принимать в колхоз «кулаков» и добиться того, чтобы из Лиелвардской волости в 1949 году не был выслан ни один человек. Но такие люди были редкостью. Чаще встречались иные — кто более или менее удачливо умел маневрировать между настроениями жителей и директивами партии, нередко впадая в состояние безнадежности и прибегая к помощи «зеленого змия», или люди, считавшие крестьян врагами, от которых добиваться выполнения поставок и уплаты налогов можно было даже методами физического воздействия. О реальной ситуации с кадрами в деревне свидетельствует тот факт, что в начале парторги были не во всех волостях, хотя в 1947 году уже в 421 волости парторги были. В конце 1948 года партийные волостные комитеты были организованы в 400 волостях (комитеты можно было организовать там, где было по крайней мере 10 коммунистов), но в 30 волостях по-прежнему имелись только парторги. Нехватку коммунистов на местном уровне пытались компенсировать при помощи партийных кадров машинно-тракторных станций (МТС), поскольку заместителям директоров по политической работе вменялся в обязанность политический надзор за селом. Массовая коллективизация повысила партийный контроль на местах, так как председателями колхозов старались ставить членов партии. Была проведена и массовая кампания назначения председателями колхозов членов партии, присланных из города, усилена роль политотделов МТС. Однако ни то, ни другое не принесло ожидаемых результатов.

Недостаток подходящих кадров на селе в послевоенные годы компенсировал так называемый институт уполномоченных. Это были ответственные работники учреждений республиканского (ЦК КПЛ, Совета Министров, министерств) или уездного/районного уровня, которых направляли в

деревню для проведения посевных, уборочных, заготовительных компаний. Институт уполномоченных был ликвидирован после смерти Сталина. В воспоминаниях современников и в литературе уполномоченные остались как некомпетентные горожане, которые криками и угрозами только мешали крестьянам нормально работать. Особенно негативно воспринимались уполномоченные в первые годы существования колхозов. И для этого были серьезные основания. Они действительно очень часто были людьми некомпетентными (но не все), озабоченными только тем, как побыстрее справиться с возложенными на них обязанностями и вернуться домой, в город.

Число коммунистов начало существенно возрастать во второй половине 50-х годов. Тогда в колхозы и совхозы пришли специалисты сельского хозяйства с высшим образованием, повысился уровень и занятых в других отраслях, в связи с чем не только увеличилось количество членов партии, но и повысился их качественный состав и престиж в обществе.

Груз советизации, особенно в деревне, в первые послевоенные годы ложился прежде всего на советы — в деревне на сельские и волостные, так как в отличие от партийных структур, они охватывали все административные территории. Следует отметить, что с 1941 года вплоть до января 1948 года, когда состоялись первые выборы в местные советы, местные уездные/районные, городские, волостные и поселковые советы не существовали, были лишь исполнительные комитеты, после согласования с партийными комитетами назначаемые Советом Министров Латвийской ССР. После выборов 1948 года местные советы и их исполнительные органы — исполкомы советов народных депутатов — стали легитимными структурами, в соответствии с советской конституцией. Фактически же советы, как и Верховный Совет Латвийской ССР, не имели никакой власти, они лишь утверждали подготовленные парткоммами (номинально совместно с исполкоммами) решения.

Особенностью советского режима было и то, что функции партийных учреждений и государственных структур не были четко разграничены: партийные структуры вмешивались в решение не только политических, но и хозяйственных вопросов, причем им принадлежало решающее слово. В то же время ни советы, ни партийные учреждения не управляли всеми находившимися в их подчинении территориями. То же можно сказать о структурах всех уровней — от ЦК КПЛ, Совета Министров Латвийской ССР до уездных/районных партийных комитетов и исполкомов местных советов. Во-первых, вне их контроля находились военные объекты и все, что с ними было связано. Чтобы обеспечить необходимую координацию действий, представители армейского руководства входили в состав местных партийных и советских органов, начиная с высших органов власти.

Самым высоким уровнем взаимодействия было бюро ЦК КПЛ, членом которого всегда состоял командующий Прибалтийским военным округом. Партийные и хозяйственные учреждения республиканского уровня, а также местные партийно-хозяйственные органы не могли также влиять на работу структур, которые находились в подчинении союзных министерств. В сталинские времена степень централизации экономики и управления страной была чрезвычайно высокой, к тому же преобразование народных комиссариатов в министерства в 1946 году еще более усилило принцип единоначалия. Все промышленные предприятия, за исключением предприятий местной промышленности и отдельных предприятий других отраслей, были переданы в подчинение союзных министерств. Структуры внутренних дел и безопасности также в первую очередь подчинялись Москве, хотя существовали соответствующие республиканские министерства. После смерти Сталина начался процесс частичной децентрализации, однако главные отрасли и крупные промышленные предприятия по-прежнему оставались в подчинении всесоюзных структур. И хотя были выработаны определенные схемы согласования, механизмы вертикальной подчиненности всегда работали более эффективно, чем горизонтальные связи.

Советские вооруженные силы в Латвии

В конце войны на территории Латвии был сконцентрирован большой контингент Советской армии, который численно значительно превосходил зажатую в Курземе группировку немецких войск. После окончания войны некоторые части были передислоцированы в другие регионы, и уже в июле 1945 года был образован Прибалтийский военный округ. В это время в него входили территории Эстонии, Латвии, Литвы и Калининграда (бывшей Восточной Пруссии). Наиболее мощные группировки советских войск были сосредоточены вдоль южных и западных границ, к ним относился ПрибВО. Большинство боеспособных частей располагались на территории Калининградской области и в Литве. В Латвии разместились штаб Прибалтийского военного округа. На территории республики находились в основном базы снабжения, обеспечивавшие войска оружием, горючим, ремонтные базы и пр. Латвия была и учебным центром ПрибВО с тремя военными училищами. Кроме ПрибВО, в Латвии дислоцировались и другие военные ведомства — разведка и контрразведка, соединения Балтийского флота, пограничники, стратегическая авиация, ракетные базы и т.д. После вывода советских войск в 1994 году на территории Латвии были взяты на учет 850 военных объектов.

В конце 50-х — в начале 60-х годов СССР стремился преодолеть

отставание от Запада по стратегическим вооружениям, и было решено разместить на территории Прибалтийского военного округа баллистические ракеты, нацеленные главным образом на столицы европейских государств. И хотя местные жители знали о существовании ракетных баз, то, какие именно ракеты размещены на них, стало известно только в 1987 году, когда США и СССР подписали договор о ликвидации ракет средней дальности СССР и США в Европе. В приложении к договору подтверждалось, что предполагается демонтаж пускового ракетного оборудования в Прибалтийских республиках, в том числе и в Латвии — в окрестностях Алуksне и Елгавы. В окрестностях Алуksне были размещены ракеты среднего радиуса действия R-12, которые на Западе были известны как SS-4, в окрестностях Елгавы — SS-c-4. На некоторых объектах было размещено и оружие других типов — баллистические ракеты R-14, радиус действия которых достигал 3600 км, а также крылатые ракеты. Поскольку бывшие Прибалтийские республики являлись и западной границей Советского Союза, они считались плацдармом для возможного нападения на Запад или первым оборонительным барьером в случае нападения Запада на Советский Союз. Военный конфликт между Востоком и Западом в любом случае мог оказаться роковым для всего региона.

Военные играли большую роль в политической жизни Латвии, например, в увольнении Эдуарда Берклавса и других латвийских национал-коммунистов в 1959 году. Неоспоримо, что военные были одним из основных слоев советского общества, которые ратовали за сохранение «территориальной целостности» Советского Союза, и потому стремление Балтийских республик к независимости высшее военное руководство восприняло однозначно отрицательно. После того, как 4 мая 1990 года Верховный Совет Латвийской Республики принял Декларацию о независимости, руководство ПриБВО активно поддерживало ее противников.

После восстановления независимости Балтийских республик президент Российской Федерации Борис Ельцин 5 декабря 1991 года издал декрет о реформировании ПриБВО в Северо-Западную группу войск, которая в августе 1994 года, после вывода российских войск, перестала существовать.

6. 2. РЕПРЕССИИ

Масштабы политических репрессий. До конца 80-х годов широкой общественности не были известны подлинные масштабы сталинских политических репрессий в Латвии, хотя партийные функционеры знали об

этом со времени пленума ЦК КПЛ 22–23 июня 1953 года из сообщения первого секретаря ЦК Я. Калнберзиньша. Он признал, что с 1945 по 1953 год было репрессировано 119 000 человек, в том числе арестовано — 72 850, выслано за пределы республики — 43 702, убито — 2321 человек. Если к этим цифрам добавить еще около 20 тысяч репрессированных в 1940–1941 годах, а также 1849 человек, высланных в индивидуальном порядке в 1944–1953 годах, то общее число приблизится к 140 тысячам.

В опубликованной в 2004 году книге российского демографа Вадима Эрлихмана приводятся сведения о потерях населения Латвии в XX столетии. По обобщенным им данным, опирающимся на опубликованные Николаем Земсковым и другими российскими исследователями архивные документы, в 1940/41 годах было арестовано 5625, выслано 9546 человек (из них погибли 2000), кроме того 2000 — приговорены к смерти и расстреляны. В 1944–1953 годах приговорены к смерти 2000 человек, арестованы и заключены в лагерь 88 тысяч человек, 8000 из которых погибли (очевидно, в эти данные включены и лица, содержавшиеся в фильтрационных лагерях), высланы 41 393 человека, из них погибли 5000. Таким образом, общее количество составляет 148 000 человек. Называемые другими, в том числе латышскими исследователями цифры также колеблются в пределах 140 000–190 000 политически репрессированных, хотя встречаются и другие — до 216 000–240 000 жертв политических репрессий коммунистического режима.

Сегодняшнее состояние исследования этого вопроса не позволяет назвать точные цифры, и, возможно, они вообще никогда не будут выяснены. Надо учесть, что в нашем распоряжении нет точных данных о репрессированных во время войны в советском тылу, а также о тех, кто был расстрелян органами безопасности без суда и следствия в самом начале войны, в конце войны и после ее окончания. К тому же один и тот же человек мог подвергаться репрессиям не один раз. Надо считаться и с неточными данными в отчетах советских органов безопасности и в их картотеках. И все же исследования латышских историков за последние десять лет дают основание уточнить приблизительное количество репрессированных.

Уточненные работниками Латвийского государственного архива списки депортированных в 1941 и 1949 годах указывают, что всего в 1941 году было депортировано 15 424 человек, из них 5263 арестовано. В связи с депортацией 25 марта 1949 года в административной ссылке на короткий или длительный срок находилось 44 191 человек. Сюда входят и те, кто был депортирован 25–29 марта 1949 года, отправленные или добровольно уехавшие к семьям, а также родившиеся в ссылке дети. По официальным

данным, в фильтрационных лагерях более или менее длительный срок (до 5 лет) находилось 91 034 человека.

Опубликованные данные картотеки бывшего КГБ Латвийской ССР о людях, арестованных и/или осужденных за «политические» преступления, свидетельствуют, что в 1940–1986 годах всего было арестовано 47 218 лиц, при этом наибольшее количество — 38 473 человек в 1944–1945 годах (из них 14 702 — в 1945-м). В 1940–1941 годах было арестовано 7292 человека. С 1954 года количество арестованных резко уменьшается — в среднем не больше десяти человек в год. Следует учесть, что после массовых депортаций 1945–1949 годов последовало и несколько менее масштабных депортаций в спецпоселения. Так, из Риги были высланы жители немецкой национальности и люди без подданства (675 человек), 584 члена семьи осужденных, так называемых предателей родины, в 1951 году из Латвии выслали также 40 свидетелей Иеговы. На спецпоселение отправляли и сочувствующих партизанам и других неблагонадежных. Число отправленных на спецпоселение, кроме депортированных в 1949 году, по одним подсчетам составило 1732 человека, по другим — 1849. Но эта цифра может быть и больше, так как из составленной в декабре 1962 года Комитетом госбезопасности Латвийской ССР справки следует, что всего в 1941, 1945 и 1949 годах из Латвии было выслано 60 469 человек.

Трудно подсчитать количество арестованных и расстрелянных без суда в начале войны, осужденных во время войны в советском тылу, расстрелянных после войны национальных партизан и их сторонников. Можно допустить, что упомянутая в сообщении Я. Калберзиньша цифра — на территории республики в 1945–1952 годах был расстрелян 2321 человек — близка к истинной, хотя назывались и другие цифры, например 2420. Очевидно, можно считать, что погибло около 2500 человек, в также около 2000 могли стать жертвами в 1941–1944 годах (по очень приблизительным подсчетам). С учетом и этих данных, при советском режиме пострадало около 198 800 человек. Поскольку один и тот же человек мог быть репрессирован не один раз, можно считать, что политическим репрессиям было подвергнуто 180 000–190 000 человек.

Основные группы осужденных в 1944–1953 годах составили сотрудничавшие с немецкими оккупационными властями, активные участники движения антисоветского сопротивления и их сторонники и те, кто был осужден за антисоветскую агитацию, — это было обычное обвинение, если не могли найти иной причины. В репрессивной политике первых послевоенных лет наблюдается несколько этапов, когда в центр внимания ставились те или иные проблемы или группы населения. Например, борьба с космополитизмом, когда репрессиям были подвергнуты лица,

прославлявшие культуру и ценности Запада. В этой связи одним из наиболее известных было так называемое «французское дело» — в 1950 году была арестована и в начале 1951 года осуждена группа интеллектуалов — Майя Силмале, Иева Ласе, Курт Фридрихсонс, Милда Гринфелде и др., которые в 1946–1947 годах собирались вместе для того, чтобы читать и обсуждать произведения французских литераторов и философов. В конце 40-х — начале 50-х годов усилились также репрессии против бывших социал-демократов, в том числе и левых, которые в годы диктатуры Карлиса Улманиса сотрудничали с коммунистами. Были осуждены почти все оставшиеся в Латвии известные социал-демократы — Фрицис Мендерс, Кристап Элиас, Клавс Лоренцс, Роберт Билманис, Карлис Бумейстерс, Валдис Гревиньш и др. С 1948 года — года возникновения государства Израиль — усилилось преследование интеллектуалов евреев, а в начале 1953-го, в связи с так называемым «делом врачей» в Москве, в Латвии началась настоящая «охота на ведьм». Ускоренным темпами были подготовлены по крайней мере три процесса — против «врачей-отравителей», против евреев — деятелей культуры, но главным должен был стать процесс против выдуманного антисоветского националистического центра, в руководители которого органы безопасности выбрали юриста, литературоведа и активного участника левого движения профессора Макса Шац-Анина.

Бесспорно, что среди осужденных было немало лиц, принимавших участие в уничтожении евреев и цыган или совершивших военные преступления, но и они, и большинство остальных были осуждены за сам факт сотрудничества с нацистами, без предъявления конкретных доказательств совершенных ими преступлений. Служба в нацистских военных и полицейских структурах сама по себе была достаточным поводом для осуждения, и одинаковое наказание мог получить человек, который действительно совершал преступления, и человек, руки которого не были запятнаны кровью. То же касалось и лиц, которые работали в немецких гражданских учреждениях. Не предъявлялось никаких конкретных доказательств совершения ими преступлений и людям, осужденным в качестве национальных партизан. Большинство осужденных нередко вообще не совершали никаких наказуемых проступков, даже с точки зрения советской власти; причиной ареста могла быть профессиональная деятельность в годы независимой Латвии или в годы оккупации, например, учителя, врача, железнодорожника и пр., а также социальное положение, политические взгляды, рассказанный анекдот или «откровения» под влиянием алкоголя. В случаях, когда осужденного приговаривали к смертной казни, высылке подлежала вся его семья и ближайшие родственники.

Следственный и судебный процессы не укладывались ни в какие цивилизованные юридические нормы. Во время следствия людей пытали и запугивали. И только в отдельных случаях в сталинские времена суд констатировал, что следственные материалы сфальсифицированы, и фальсификаторы наказывались — хотя это была общепринятая практика. А после 1953 года при рассмотрении реабилитационных дел осужденных подобные случаи фальсификации были констатированы повсеместно. Обвиняемые даже формально не имели права на справедливый суд, арест автоматически означал приговор. Только в редких случаях политические дела рассматривались Верховным судом Латвийской ССР — преимущественно это были дела «об антисоветской агитации» и другие относительно малозначимые нарушения. Большинство арестованных представляли перед военным трибуналом ПрибВО или войск НКВД/МВД, а в случаях, когда результаты следствия были неубедительными даже для этих учреждений, дела направлялись в Москву — в Особое совещание, которое существовало при Министерстве государственной безопасности СССР (в 1943–1953 годах МГБ действовало как самостоятельная структура) и рассматривало дело в отсутствие обвиняемого. Надо отметить, что при рассмотрении политических дел к нему не допускались адвокаты, и приговор обычно заранее был предreshен. Прокуратура Латвийской ССР не имела права надзирать за делами, возбуждаемыми органами госбезопасности. Надзор поручался военной прокуратуре, однако он был формальным, учреждения безопасности почти всегда получали санкции на обыск и арест.

Следует сказать, что в сталинские времена органы внутренних дел и безопасности представляли собой как бы «государство в государстве» и подчинялись в основном указаниям своего начальства и высшего руководства страны. Поэтому их работники (нередко в своекорыстных интересах) превышали свои официальные полномочия. Борьба с национальными партизанами использовалась в качестве оправдательного аргумента при самоуправстве на местах работников учреждений безопасности. Например, проведенная военной прокуратурой войск НКВД Латвийской ССР в ноябре 1945 года проверка свидетельствовала, что оперативный уполномоченный отдела Ругайской волости Вилякского уезда И. Мурмилов, начальник отдела Ругайской волости И. Миносян и начальник отдела Тилжской волости А. Микелсонс избивали жителей, отбирали у них ценные вещи, скот, продукты. Работники отдела Вилякского уезда «систематически учиняли над задержанными бандитами и их пособниками самосуд, их расстреливали без суда и следствия. В течение июля-сентября, а также в начале октября 1945 года в уезде было расстреляно около 27 человек». Подобные факты констатированы и в других уездах. Попытки

партийных органов и органов безопасности республики ограничить самоуправство на местах были непоследовательными и зачастую лицемерными, так как в случаях, когда террор применялся против «кулаков» или лиц, считавшихся нелояльными к советскому режиму, виновные в самоуправстве нередко избегали наказания.

Наряду с судебным преследованием в сталинские времена широко практиковались административные ссылки — поселение в отдаленных регионах СССР под надзор органов безопасности, так называемые спецпоселения. Ссылка могла быть дополнительным видом наказания после отбывания тюремного или лагерного срока, ссылка могла быть и самостоятельной карательной мерой; ее часто использовали в том случае, если человек был арестован, но для суда не было никаких оснований.

Особой формой ссылки были массовые депортации — латыши обычно называли это высылкой. Самые масштабные депортации были проведены в Латвии 14 июня 1941 года и 25 марта 1949 года. Последняя депортация коснулась в основном сельских жителей Латвии — тех, кого включили в списки «кулаков» или кого считали пособниками партизан. Целью этой акции было сломить сопротивление населения коллективизации и окончательно подавить вооруженное сопротивление. Сегодня нет ясности, когда руководство СССР начало рассматривать вопрос о необходимости подобной акции. И хотя отдельные документы как будто свидетельствуют, что инициатива исходила из республики, фактически инициатива была спущена «сверху» и должна рассматриваться в общем контексте советизации Балтийских республик и международной ситуации того времени.

В принятом 29 января 1949 года секретном постановлении Совета министров СССР за № 390-138 были определены категории высылаемых из Латвии, Литвы и Эстонии лиц: 1) «кулаки» и члены их семей; 2) члены семей находящихся на нелегальном положении «бандитов» и националистов, а также члены семей расстрелянных и осужденных «бандитов»; 3) легализовавшиеся «бандиты» и члены их семей, продолжающие заниматься антисоветской деятельностью; 4) члены семей пособников «бандитов». В постановлении указывалось, что несовершеннолетние и нетрудоспособные члены семей высылке не подлежат, но могут добровольно последовать за высылаемыми. На практике было иначе — высылались вся семья и все, кто в этот момент находился дома.

В списки высылаемых, которые 13–15 марта 1949 года были утверждены председателями уездных исполкомов, было включено 11 000 семей — приблизительно 38 000 человек. 17 марта 1949 года Совет Министров ЛССР принял секретное постановление за № 282 «О выселении из пределов Латвийской ССР кулацких семей», в котором говорилось, что надлежит

выслать 10 000 семей, в нем были утверждены и списки, составленные уездными исполнительными комитетами. Высылка была поручена Министерству государственной безопасности Латвийской ССР. Следует учесть, что не все, попавшие в списки «кулаков», были высланы, часто в списки высылаемых включали семьи, в списках не значившиеся, а случалось, что и семьи, известные своей поддержкой советской власти. Из 9422 «кулацких» хозяйств, которым этот статус был присвоен официально на 1 апреля 1949 года, людей выслали из 4001 хозяйства — меньше, чем из половины. Объясняется это тем, что фактически решение о высылке, еще до утверждения списков, готовили не местные партийные и гражданские учреждения, а органы госбезопасности. Они принимали во внимание существовавшие на тот период списки «кулаков» лишь частично, опираясь в основном на сведения Государственного исторического архива Латвийской ССР о состоянии крестьянских хозяйств в период Латвийской Республики, в основном на данные переписи хозяйств за 1939 год. Изменения, происшедшие за период после 1939 года, не учитывались. Что касается «националистов», то списки целиком и полностью готовило МГБ, причем постановление Особого совещания о высылке было официально оформлено лишь через 5–6 месяцев после фактической депортации.

Всего 25–29 марта 1949 года было выслано 9147 семей, которые были квалифицированы как «кулацкие», в общей сложности 29 252 человека, из них 28 107 латышей, 482 русских и 663 представителя других национальностей. Была выслана также 3841 семья «националистов» — всего 12 881 человек, из них 12 158 латышей, 293 русских и 430 человек другой национальности. И хотя большинство высланных были сельскими жителями, репрессии коснулись и горожан. Из Риги выслали 1280 человек, среди которых фигурировали как «кулаки» — 161, как «националисты» — 1119. По роду занятий рижане в основном были рабочими (759), школьниками и студентами (256). Крестьян среди них было всего 6, представителей служащих и интеллигенции — 141.

Фактически людей, прошедших ссылку, было больше, чем высланных 25 марта, так как впоследствии к ним присоединились члены их семей, которые поехали в ссылку добровольно или были отправлены принудительно, а также лица, отправленные к семьям после отбытия срока заключения. В 1949–1954 годах из ссылки были освобождены 405 человек, которые даже по критериям тех лет считались высланными без основания. Всего 25 марта подвергся административной ссылке на разные сроки, как уже было сказано, 44 191 человек, включая детей, родившихся в ссылке. Людей из Латвии отправляли в Амурскую, Томскую и Омскую области. На месте ссылки прибывшим сообщали, что сосланы они навечно, они

были обязаны регулярно регистрироваться в комендатурах, без разрешения не имели права покидать место жительства, к которому были приписаны.

Судьба сосланных в 1949 году сложилась менее драматично, чем депортированных в 1941 году, большинство которых было из «рядов интеллигенции»: они не привыкли к тяжелому физическому труду, к тому же положение их усугублялось войной и тем, что взрослые мужчины были разлучены с семьями и отправлены в лагерь. В 1949 году семьи не разлучали, ссыльные в большинстве были крестьяне и рабочие, привычные к тяжелому труду, спустя время некоторые из них даже становились бригадирами, передовиками труда. Но, разумеется, положение большинства высланных было незавидным, и выжить удалось не всем.

Сообщения партийных комитетов о настроении населения на следующий день после высылки 25 марта 1949 года свидетельствует о широко распространившейся точке зрения, что «всех латышей сошлют в Сибирь»; к тому же депортация, по аналогии с происходившей в 1941 году, считалась предвестником войны. Еще долгое время люди ждали новых депортаций. И хотя большинство высланных были сельскими жителями, эта акция деморализовала не только сельское, но и городское население.

Высылка готовилась в абсолютной секретности; местные активисты, которым надлежало указывать чекистам дорогу к домам внесенных в список и затем произвести учет оставленного имущества, получили инструкции лишь за несколько часов до начала акции. Как свидетельствуют источники, утечка информации все же произошла, и было немало людей, которые знали о предстоящем или чувствовали, что что-то готовится. Источники информации были разные — сведения часто исходили от военных и сотрудников Министерства госбезопасности, нередко и от местных активистов или должностных лиц, и многие, включенные в списки или предполагавшие, что могли быть включены, успели спрятаться. В Рижском уезде сумели укрыться более 30% из намеченных к высылке работоспособных мужчин. В Лудзе сбежало 20 семей и много молодежи. Однако в целом акция не встретила серьезного сопротивления ни со стороны высылаемых, ни со стороны партизан. Главной причиной был огромный перевес сил, вовлеченных в акцию. В ней участвовало 8313 военнослужащих внутренних войск МГБ СССР*, 3300 сотрудников МГБ СССР и Латвийской ССР, 9800 бойцов истребительных батальонов МГБ (из

---

* До момента проведения высылки на территории Латвии было размещено 2400 военнослужащих 5-й дивизии Внутренних войск МГБ СССР; дополнительно было перебросено еще 4500 военнослужащих.

них 1742 контрактника) — всего 33 413 человек, причем к этой цифре надо добавить и сотрудников Министерства внутренних дел СССР и Латвийской ССР, число которых неизвестно.

Высылаемым позволили взять с собой 1500 килограммов вещей и запасов продуктов на каждого члена семьи. Все остальное имущество было конфисковано (во многих случаях попросту разграблено). После того, как высланным разрешили в конце 50-х годов вернуться, конфискованное имущество им возвращено не было и никакой компенсации они не получили. Благодарением со стороны председателя колхоза можно было считать разрешение выкупить собственный дом, но многие не имели и такой возможности, как и права поселиться в своем же доме.

Вопрос о возможности возвращения ссыльных домой возник вскоре после смерти Сталина. Хотя ни руководство СССР, ни руководство республик не было заинтересовано в том, чтобы высланные массовым порядком возвращались домой. Москва боялась, что Сибирь и Дальний Восток лишатся огромного количества рабочих рук. Республиканское руководство, очевидно, боялось озлобленности и боли, накопившихся у высланных, и того, что это каким-то образом может сказаться на настроении общества. Этот вопрос обсуждался на заседании бюро ЦК КПЛ 7 марта 1955 года. Я. Калнберзиньш подвел итоги заседания следующими словами: «Я считаю, что не будем спешить с возвращением. Есть часть людей, которых лучше сейчас не возвращать. Кроме того там они уже устроились, там они работают, а здесь он приедет и у него ничего нет. Он тогда только больше озлобится. Там, где явная ошибка, надо вернуть, но таких сотни, а не десятки тысяч».

Однако в 1957 году руководство СССР все же приняло решение об освобождении из мест спецпоселений административно сосланных. Руководство же республики всячески пыталось ограничить возвращающихся. Особенно активен в этом был Комитет государственной безопасности Латвийской ССР и его председатель Янис Веверс. В январе 1958 года он выразил неудовлетворение представителями местных властей, которые старались помочь бывшим высланным: «Отдельные работники советских органов и руководители колхозов, идя на поводу и порой считая таких лиц незаслуженно обиженными советской властью, удовлетворяют их часто незаконные требования, возвращают обратно им свои дома, выдают скот и оказывают другую помощь за счет колхозов, ущемляя интересы колхозников». Следует сказать, что высланные на спецпоселение в 1941 и 1949 годах не были реабилитированы или амнистированы, правда, они как бы считались высланными незаконно, но это не мешало впоследствии подвергать их дискриминации.

В 1954 году начался пересмотр дел осужденных за контрреволюционные преступления, в первое время довольно умеренный. 17 сентября 1955 года был издан декрет Президиума Верховного Совета СССР об амнистии тем, кто сотрудничал с немецкими оккупантами, а после XX съезда началась массовая реабилитация осужденных.

Отношение руководства республики в возвращению амнистированных и реабилитированных было скорее негативным. Указ Президиума ВС СССР от 1958 года «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпереселенцев» предусматривал возможность возвращения многих категорий высланных на прежнее место жительства, причем на основании разрешения республиканского Совета министров, которое, однако, не всегда выдавалось. Многих возвратившихся заставили позже покинуть республику. О настроении руководства республики свидетельствует и такой факт: еще в 1961 году ЦК КПЛ указал на необходимость выслать из Латвии «наиболее активных националистов и другие враждебные элементы», вернувшихся из заключения.

Бывшие репрессированные сталкивались с ограничениями при поступлении на учебу, в продвижении по служебной лестнице — это чувствовали на себе и их дети. Проведенный в 1994–1995 году опрос бывших репрессированных свидетельствовал о том, что после возвращения на родину 68,5% из них ощутили на себе проявление дискриминации при поступлении на работу, при выборе профессии или конкретной работы; 43,3% испытали трудности с жильем (не имели права получить квартиру); 42,3% — трудности с получением образования; 41,8% столкнулись с запретом выезда за границу; примерно треть постоянно сталкивалась с оскорблениями чести и достоинства, около четверти — с вызовами в КГБ, а 18,9% — с ограничениями прав их детей.

Перемены в судебно-репрессивной политике СССР были связаны с принципиальными переменами в идеологии. До 1953 года репрессивная политика опиралась на тезис Сталина о том, что с укреплением социализма растет сопротивление и его врагов. И хотя руководству СССР было трудно отказаться от такого подхода, после смерти Сталина была разработана новая доктрина, согласно которой полная победа социализма означает его победу в умах людей и утрату его врагами социальной базы; врагами могут быть только отдельные индивиды, попавшие под влияние буржуазной пропаганды или в каком-то смысле социально ущербные личности: психически нестабильные, с криминальным уклоном и пр. Акцент начали ставить на «профилактике», то есть усилении контроля за различными общественными группами, особенно за имевшими связи с иностранцами или возможность бежать за границу (например, моряки торгового и

рыболовного флотов), за бывшими репрессированными и пр.; судебное преследование зачастую заменяли собеседованием с подозреваемой личностью, как и тюремное заключение — принудительным лечением в психиатрической лечебнице. Широко использовались также опосредованные репрессивные методы по отношению к утратившим доверие лицам — ограничения занимать ту или иную должность, выезжать за границу, людям творческих профессий запрещали печататься, выступать, устраивать выставки.

К заключению в лагере приговаривали редко — этот вид наказания применялся лишь против лиц, которые не реагировали на неоднократные предупреждения прекратить «антигосударственную» деятельность или высказывания, или в случаях, когда считалось, что совершено действительно серьезное преступление. Это, конечно, не означало, что осужденные действительно были в чем-то виновны — причиной чаще всего служили не поступки, а высказывания. Наиболее известные политзаключенные 60–80-х годов — Гунар Астра, Виктор Калныньш, Гунар Фрейманис, Юрис Зиемелис, Гунар Роде и другие — по существу были осуждены не за реальные действия, направленные против государства, а за то, что открыто выражали взгляды, считавшиеся антигосударственными. Изложение собственной точки зрения не только публично, но и в частных беседах, в кругу знакомых квалифицировалось как антисоветская агитация. Очень часто обвинение основывалось на хранении и распространении «антисоветской литературы», хотя нередко это были принадлежащие обвиняемому книги или газеты, изданные в годы независимой Латвии, во время немецкой оккупации или за границей, и этот человек давал их кому-то читать, а иной раз в вину ставили и то, что их кто-нибудь когда-нибудь сможет прочесть.

В 50-е годы была проведена реорганизация и в учреждениях безопасности. Сразу же после смерти Сталина было ликвидировано Министерство госбезопасности путем объединения его с Министерством внутренних дел. Чуть позже из МВД выделили службу безопасности — Комитет государственной безопасности, который напрямую подчинялся председателю Совета министров СССР, а республиканский КГБ подчинялся председателю Совета министров республики. Усилилась зависимость органов безопасности от ЦК Компартии республики: они обязаны были постоянно консультироваться с партийными органами, запрещено было также вести наблюдение за партийными функционерами, прослушивать их телефонные разговоры, проводить другие оперативные мероприятия, а также вербовать их в качестве тайных информаторов. В 50-е годы существенно сократились и штаты органов безопасности.

Заметные изменения произошли и в юридической практике. И хотя смертная казнь была сохранена, максимальный срок лишения свободы сократился с 25 до 15 лет. Подростков к уголовной ответственности можно было привлекать только с 16 лет вместо прежних 14. Прокурорский надзор за делами, расследуемыми Комитетом госбезопасности усилился. 25 декабря 1958 года был принят закон об основах уголовного и уголовного процессуального законодательства СССР и союзных республик. Это был переходный этап от Уголовного кодекса РСФСР 1926 года, который действовал в Латвии с 6 ноября 1940 года, к разработке республиканского Уголовного и уголовно-процессуального кодекса. 1 июня 1961 года в силу вступил Уголовный кодекс Латвийской ССР. На смену массовым репрессиям пришли репрессии против отдельных людей, хотя кампанейский их характер сохранился.

«Неполитические репрессии». Кроме политических репрессий в годы сталинизма широко применялись «неполитические репрессии», то есть формально не связанные с обвинениями политического характера. Наказывали за невыполнение поставок и неуплату налогов, за кражу социалистической собственности и т. п. Неполитическими их можно назвать условно, так как проводились они в первую очередь для достижения политических целей советского режима, например, чтобы добиться полного политического и экономического контроля за крестьянством, способствовать ускорению коллективизации. И те, кто осуществлял репрессии, этого не скрывали. Грань между политическими и неполитическими репрессиями была размыта и часто против преступлений экономического характера применялась «политическая» 58 статья Уголовного кодекса РСФСР, при этом срок наказания зависел от политической или экономической кампании, актуальной именно для этого периода. Так, в Латвии в 1945–1946 годах упор делался на наказание тех, кто не выполнял норм лесоразработок, в 1947–1948 годах меч советской Фемиды обрушился на «кулаков», которые не справились с планом поставок сельхозпродуктов, в 1949–1950 годах — на индивидуальные крестьянские хозяйства, позже — на колхозников, нарушивших колхозный устав.

В июне 1947 года был принят декрет Президиума Верховного Совета СССР об усилении мер борьбы с расхитителями социалистической собственности; этот декрет даже за небольшие нарушения предусматривал суровое наказание — тюремное заключение от пяти лет и выше. В первое время в Латвии этот вид наказания применяли к рабочим и служащим, с 1950 года — и к колхозникам. При назначении срока наказания учитывалось социальное положение, происхождение или прошлая деятельность обвиняемого, а также включение в списки «кулаков».

В соответствии с декретом 1947 года наказания были очень суровыми. Так, колхозник Г. из Гулбенского района за кражу 15 кг сахарной свеклы был осужден на 5 лет тюремного заключения. В 1950 году С. Ц. из колхоза «Звезда» Алуксненского района за кражу 4 кг зерна был осужден также на 5 лет, и Верховный суд оставил приговор в силе. Оставил Верховный суд приговор в силе и А. Р. за кражу в колхозе «Циня» 6 кг зерна.

Документы подтверждают, что применение репрессий строго контролировалось «сверху». Министр юстиции Эмилия Вейнберга 30 августа 1952 года, рассматривая нарушения устава сельскохозяйственной артели, подчеркнула: «Сроки [на рассмотрение дел в суде отводилось 10 дней — Д.Б.] портят нашу работу. Имеют еще место мягкие приговоры. Народные судьи не мыслят политически, когда рассматривают эти дела, нужно искать причины, почему человек совершил преступление. Ведь в колхоз полезли наши враги, которые занимались вредительством. Нет дел, не связанных с политикой».

В целом практика наказания в Латвии не отличалась от применяемой повсеместно в СССР, и во многих случаях, как, например, в ходе кампании по соблюдению колхозного устава, была лишь частью общесоюзной кампании. В то же время в некоторых случаях в Латвии, как и в других Балтийских республиках, существовали и частные отличия в применении некоторых законодательных актов. Например, сразу же после войны в республиках Балтии не применялся декрет от 26 июня 1940 года об уголовной ответственности в случае, если рабочие и служащие меняют место работы без разрешения руководства, а также за опоздания и неявку на работу. Надо сказать, что прокурор республики Александр Мишутин в первые послевоенные годы неоднократно обращался в ЦК КПЛ и в Совет министров Латвийской ССР с предложением ввести декрет, поскольку многие руководители предприятий и учреждений настаивали на этом, но ему отвечали, что Москва считает это нецелесообразным. И все же с 1948 года декрет стал применяться в отношении предприятий военной промышленности, на железной дороге, речном и морском транспорте, а после 14 июля 1951 года, когда были смягчены статьи декрета от 26 июня 1940 года, он фактически стал применяться и на прочих предприятиях и в учреждениях. Со второго полугодия 1948 года по первое полугодие 1956 года за самовольную смену места работы осуждены были 4926 человек, а за опоздания — 4921 человек, хотя реальным лишением свободы поплатилась относительно небольшая часть (в 1949–1955 годах — более тысячи осужденных). В 1956 году уголовная ответственность за самовольную смену места работы и опоздания была отменена.

В середине 50-х годов произошли изменения в применении «неполи-

тических» репрессий. Наиболее одиозные декреты и законы были отменены, суды и прокуратура получили указание соблюдать «социалистическую законность». Однако в отдельных случаях «неполитические» статьи закона все же применялись, когда к людям, имевшим нежелательные политические взгляды или политическую деятельность, применялись статьи за спекуляцию, тунеядство, за незаконные валютные операции (случалось, за несколько долларов, найденных в доме) и т. д.

Происшедшие после смерти Сталина перемены в репрессивной политике положили конец массовым политическим репрессиям, а также кардинально уменьшили применение «неполитических» и опосредованных наказаний, однако полного отказа ни от того, ни от другого не произошло. Как и раньше жертвой репрессий мог стать каждый. Органы государственной безопасности стремились контролировать всех, по их мнению, потенциально идеологически неустойчивых, кого они причисляли к «антигосударственным элементам». Судебная же власть находилась в полной зависимости от органов государственной власти или партийных функционеров, точка зрения которых на целесообразность применения наказания к тому или другому лицу всегда оказывалась решающей. Страх, ввевшийся в души еще во времена сталинизма, поддерживался без особых усилий и минимальным объемом прямых репрессий, и советскому режиму не угрожала сколько-нибудь серьезная оппозиция.

6. 3. СОПРОТИВЛЕНИЕ СОВЕТСКОМУ РЕЖИМУ

Социальная и политическая база советского режима была достаточно ограниченной, в то же время антисоветские настроения имели широкое распространение. Однако чтобы участвовать в активном сопротивлении, одной антипатии было мало. Психологически существует так называемый «порог риска», то есть, человек соизмеряет свои действия с возможными последствиями и только в случае, если посчитает «порог риска» для себя приемлемым, готов начать действовать. В условиях крайне репрессивного режима возможные последствия сопротивления могли быть сугубо негативными (хотя большинство, пока не соприкоснувшиеся с учреждениями безопасности, не осознавало подлинную степень риска), поэтому только чрезвычайные обстоятельства или глубокая убежденность могли подтолкнуть человека к сопротивлению.

Наиболее активная часть любого общества — молодежь, она легче подключается к акциям протеста, «порог риска» у нее самый низкий —

нет ответственности за семью, молодые люди зачастую не вполне осознают последствия своей деятельности. Поэтому не стоит удивляться, что большинство вовлеченных в сопротивление были молодыми людьми. Однако не надо забывать, что именно молодежь составляла ту часть общества, которую война задела глубже всех, — многие погибли, другие находились в лагерях для военнопленных. Это в немалой степени повлияло на масштабы и интенсивность активного сопротивления.

Советская пропаганда и в послевоенные годы, и позже утверждала, что в движении сопротивления участвовали либо «класс эксплуататоров», либо люди, поддавшиеся его пропаганде. Однако архивные материалы и основанные на них исследования свидетельствуют, что большинство из тех, кто оказывал сопротивление в том или ином виде, были простыми людьми, преимущественно из так называемых крестьян-середняков и интеллигенции. Так, из 135 человек, осужденных Верховным судом Латвийской ССР и окружными судами в период с 1951 по 1953 год за контрреволюционную агитацию, хранение антисоветской литературы, участие в религиозных сектах и т.п., 44 происходили из крестьян-середняков, 42 — из рабочих, 12 — из служащих. Исследования о социальном составе партизан северной Латвии показали, что большинство были не из «кулаков», а из так называемых «середняков». Особенно много противников советского режима было среди так называемых новохозяев, то есть тех, кто получил землю в результате аграрной реформы в независимой Латвии.

Другой излюбленный миф советской пропаганды — партизанское движение организовали нацистские разведывательные службы для проведения диверсий в советском тылу. Действительно, в 1944 году нацисты приступили к формированию диверсионных групп и некоторые из них впоследствии стали ядром, вокруг которого возникли партизанские группы. Но следует учесть, что большинство тех, кто вошел в партизанские группы, не идентифицировали себя с нацистской идеологией и целями войны. Они лишь воспользовались возможностью, чтобы овладеть военными навыками и амуницией — это, считали они, поможет сражаться с советами до тех пор, пока не придет помощь с Запада. Например, диверсионная группа Петериса Супе, которая была десантирована в 1944 году в Абренский уезд, даже не собиралась совершать диверсий и каких-либо других действий, которые бы отвечали целям германской армии, а сразу приступила к организации партизанской борьбы, считая своей главной задачей противостояние репрессивным структурам и сторонникам советской власти, а также пропагандистскую работу.

Большинство же партизанских групп возникало стихийно. В восточ-

ных районах Латвии они стали появляться летом 1944 года. В немалой степени это было связано с мобилизацией в ряды Красной армии. Многие мобилизованные не являлись на призывные пункты, другие дезертировали по дороге в воинские части или из фронтовых подразделений. Так, например, с августа 1944 года по январь 1945-го дезертировали 2214 человек. Многие из них и раньше скрывались или сбежали после мобилизации в немецкую армию. Конечно, не все из них испытывали желание включиться в активную антисоветскую борьбу. Летом и осенью 1945-го проводилась кампания по легализации, в результате которой из лесов вышло немало дезертиров. Однако идейные соображения, вооруженная борьба против них, репрессии против близких вынуждали людей создавать партизанские группы или вступать в них. В партизанское движение включились и многие легионеры (по некоторым сведениям, на нелегальное положение перешло около 4000 легионеров), которые отказались признать капитуляцию 8 мая 1945 года. Существенным мотивом было также убеждение, что после поражения Германии неизбежно произойдет столкновение Советского Союза с США и Англией. Репрессии также были немаловажным стимулом возникновения партизанского движения — ряды нелегалов и партизан пополняли и люди, которым грозил арест или которые считали, что они могут быть репрессированы.

Вначале в отдельных регионах Латвии возникали крупные партизанские соединения. В руководимом П. Супе отряде, действовавшем в окрестностях Балви и Виляки в начале 1945 года, насчитывалось 350–400 человек, в том числе 40–50 женщин, детей, стариков. В других местах также создавались партизанские группы, насчитывавшие до 100 человек. Отряды создавались по образцу воинских частей, с воинскими званиями, регламентом и пр. Однако вскоре большие соединения удалось посредством «прочесывания лесов» войсками МГБ и регулярной армии, через деятельность провокаторов и обещаниями амнистии довольно быстро рассеять и ликвидировать. Многочисленные отряды проще было обнаружить зимой, сложнее было обеспечить продовольствием, поэтому более жизнеспособными оказались небольшие мобильные партизанские группы в 5–10 человек. Если сразу после войны снабжение оружием и амуницией не доставляло хлопот, то через пару лет это стало серьезной проблемой, особенно с муницией. Это было еще одно обстоятельство, ограничивавшее боеспособность партизанских отрядов.

Возникло несколько партизанских организаций, которые старались объединить отдельные отряды и координировать их действия — Объединение национальных партизан Латвии (ОНПЛ) в Видземе и Латгалии, Северокурземская партизанская организация, Организация национальных

партизан Латвии в Курземе, Латвийское объединение Стражей Отечества (партизан) в Латгалии, «Tēvijas Vanagi» в южной Курземе. Некоторые организации, например, ОНПЛ, действовали вплоть до 1953 года. В пределах своих возможностей они вели пропагандистскую работу, издавали газеты, листовки. Были и попытки скоординировать движение сопротивления на территории Латвии, но они не увенчались успехом.

Наиболее активное сопротивление развернулось в 1944–1946 годах, когда партизаны были в состоянии не только защищаться, но и активно нападать на советские учреждения и активистов, иногда и на воинские части, а также успешно отражать атаки на места своей дислокации. В некоторых районах партизаны пользовались таким влиянием, что органы власти вынуждены были проявлять определенную гибкость. В сентябре 1945 года беспрецедентным случаем стало так называемое Алсвикское перемирие, которое заключил отдел НКВД Валкского уезда с партизанами на 10 дней и которое соблюдалось. О влиянии партизан на «самочувствие» местных властей во многих местах говорит и высказывание первого секретаря Приекульского райкома партии о положении в некоторых областях в конце 1952 — начале 1953 года: «хорошо уже то, что сейчас в эти колхозы поехать можно, раньше туда нельзя было показаться» (имелась в виду активность партизан).

В последующие годы — и из-за репрессий, и из-за проведения компаний по легализации — количество партизан уменьшилось, как и их активность. Они уже не могли осуществлять широкомасштабные акции, стратегия нападения уступила место стратегии выживания. Понимая, что надежды на помощь извне напрасны, кто-то искал возможность легализоваться, кто-то мстил советским активистам за ту жестокость, какую проявляли силы безопасности в борьбе с партизанами. Всплеск активности со стороны партизан наблюдался после депортаций 1949 года. Однако депортации сказались на численности их сторонников, а оставшиеся не в состоянии были оказывать регулярную помощь продуктами, одеждой и т.д. Возросли и возможности служб безопасности контролировать ситуацию на селе. Количество партизан резко уменьшилось. И тем не менее в октябре 1953 года в справке, составленной МВД по требованию ЦК КПЛ указывалось, что на данный момент партизаны действуют в 16 районах (более четверти всех районов республики). Были известны 10 партизанских групп, насчитывавших 30 человек, а также 71 партизан-одиночка, были и те, кто просто прятался, не проявляя себя ничем.

После опубликования 17 сентября 1955 года декрета «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945» добровольно сдались 284 человека,

находившихся на нелегальном положении, однако в другом сообщении речь шла о том, что с момента опубликования декрета и до 31 декабря 1956 года легализовались 348 человек, причем большинство из них скрывались от пяти до девяти лет. Фактически партизанская война продолжалась вплоть до 1956 года, однако были партизанские группы, легализовавшиеся и позже.

Составленная в октябре 1953 года по требованию ЦК КПЛ Министерством внутренних дел справка свидетельствовала, что с 1944 года на нелегальное положение перешло 20 079 человек, к которым присоединились 114 избежавших депортации 1949 года. С 1944 по октябрь 1953 года было ликвидировано около 900 отрядов национальных партизан, насчитывавших 9764 человека, легализовались 10 268 партизан, 2422 человека погибло. За этот период партизаны осуществили 2659 нападений. Вполне возможно, что эти цифры не совсем точны (некоторые партизаны жили легально или полуплегално, участвуя в акциях, некоторым удалось легализоваться, не привлекая к себе внимания органов безопасности), но они достаточно наглядно показывают масштабы партизанского движения. Следует учитывать, что число сторонников партизан было еще больше.

Несмотря на то, что партизаны действовали в очень неблагоприятных условиях, им удалось нанести существенный урон своим противникам. С 1944 по 1953 год на территории Латвии ими было уничтожено 1070 гражданских лиц (в основном это были представители местной власти — парторги, работники исполнительных комитетов, местные активисты и т. д.), 259 военнослужащих войск МВД, 111 сотрудников органов МВД, 199 боевиков истребительных батальонов — всего 1639 человек, ранено было 568 человек. Вполне возможно, что и эти цифры неточны (в другом документе говорится, что за этот период в борьбе с «бандитами» убито 569 и ранено 377 чекистов), но они указывают на существенное обстоятельство — жертвами партизанской войны с советской стороны становились в основном представители местной власти и местные активисты. Причина может заключаться в том, что ненависть к коллаборационистам была намного сильнее, чем к офицерам и солдатам внутренних войск. О том, как вели себя они, тоже было хорошо известно, но следует учитывать, что уполномоченные НКВД, которых было немало на местах, были хорошо вооружены, базировались преимущественно в районных/уездных центрах, а следовательно, менее уязвимы. В уездных городах дислоцировались также отряды внутренних войск, которые привлекались к масштабным операциям против партизан («прочесывание» лесов, ликвидация отдельных отрядов и пр.) — в 1945–1950 годах было проведено более 1500 таких операций.

Основной вооруженной единицей в борьбе с партизанами считались

батальоны истребителей — воензированные формирования, которые существовали в 1944–1953 годах. Батальоны создавались в уездах, в волостях действовали взводы. Подчинялись они уездному отделению милиции. Вначале истребительные батальоны формировались на мобилизационной основе, из местных жителей непризывного возраста. Однако лояльность истребителей вызвала сомнение, нередко они сотрудничали с партизанами или при первой возможности дезертировали. Чрезвычайно низкой была дисциплина, истребители часто уклонялись от участия в вооруженных столкновениях с партизанами. Поэтому начиная с 1945 года батальоны истребителей стали укомплектовывать на добровольных началах во главе с командиром, назначаемым уездным отделом НКВД. Истребители получали жалованье, и чаще всего были не из местных жителей. И хотя среди местного населения истребители пользовались плохой репутацией, боеспособность их повысилась. На батальоны были возложены вспомогательные функции: охранять помещения исполкомов и других объектов, быть проводниками для чекистов и армейских частей и т. д.

Наиболее эффективным способом борьбы с партизанами была вербовка тайных осведомителей и/или их проникновение в партизанские отряды или в среду сочувствующих, а также создание фальшивых партизанских отрядов. Проблемой для милиции и чекистов было знание латышского языка — еще в 1955 году в районных отделах КГБ работало всего 29,4% латышей, — что серьезно затрудняло работу с агентурой. Угрозами и физическим воздействием удавалось заставить стать тайными агентами многих членов семей партизан или сочувствующих, однако многие впоследствии уклонялись от сотрудничества с органами безопасности и даже перешли на нелегальное положение. Действительно эффективных тайных осведомителей удалось найти не в каждой волости. Органы безопасности в борьбе с партизанами широко использовали методы физического насилия и запугивания. Взятые в плен партизаны зачастую подвергались жестоким пыткам, чтобы получить таким образом сведения о соратниках. Избиение, превентивные аресты, запугивание применялись и к родственникам партизан. Практиковался и публичный показ трупов партизан в волостных центрах.

Существовало также немало групп сопротивления, не участвовавших в боевых акциях — они издавали подпольные газеты, распространяли воззвания, осуществляли другие пропагандистские акции. Зачастую они были связаны с партизанами. Это было и опасно и трудно, и пойманных ждали пытки и тяжкое наказание.

«Оттепель» 50-х годов и ее влияние на движение сопротивления. Диссидентство

В середине 50-х годов стало ясно, что советская власть в Балтии удержится и что на помощь Запада рассчитывать нет смысла. После периода сталинских репрессий наступившая «оттепель» принесла послабление, улучшилась и материальная сторона жизни. Поэтому большая часть населения предпочла приспособиться, не выступать открыто против советской власти, тем более что КГБ работал эффективно и возникавшие оппозиционные группы удавалось быстро разгромить. Сознательно оппозиционировала существующей власти сравнительно небольшая часть населения.

Следует отметить, что во второй половине 50-х годов произошли определенные изменения и в организации и идеологии сопротивления. Хотя были попытки создать подпольные организации, их обычно быстро раскрывали и ликвидировали. Фактически оппозиционная деятельность носила индивидуальный характер или это были немногочисленные группы единомышленников, причем сопротивление все более явно принимало формы диссидентства — звучали требования выполнения обязательств, которые СССР принял на себя, подписывая международные соглашения, а также соблюдения принципов, сформулированных в советской конституции и законах (свобода слова и печати, свобода собраний). В отличие от России, где диссиденты своей главной задачей считали борьбу за права человека (особенно после подписания в 1975 году Заключительного акта Европейской конференции по безопасности и сотрудничеству — Хельсинкское совещание), главной целью латышских диссидентов оставалась борьба за право латышской нации на самоопределение и восстановление независимости Латвии на принципах Устава ООН и Декларации прав человека, что практически означало призыв к проведению референдума о нахождении Латвийской ССР в составе СССР.

Различиями в понимании основных целей обусловлен и тот факт, что в Латвии, в отличие от Эстонии и Литвы, в 70-е годы не возникла группа по защите прав человека, так называемая Хельсинкская группа. Это произошло только в 1986 году, когда в Лиепае трое рабочих создали группу «Хельсинки-86».

Проявлялось стремление объединиться с оппозиционерами других Балтийских республик, увенчавшееся определенными успехами, в основном потому, что многие участники сопротивления, находясь в советских лагерях, установили контакты с диссидентами из других республик (не только из Балтии, но и с русскими, украинцами и др.). Противодействие со стороны КГБ не позволило установить длительное сотрудничество, однако

отдельные акции все же были проведены — например, 20 августа 1970 года многие диссиденты Балтии подписали резолюцию о создании Верховного комитета национальных движений Эстонии, Латвии и Литвы. КГБ арестовало одного из авторов резолюции — литовского борца за восстановление независимости Виктора Петкуса, были арестованы, а затем освобождены и латышские, литовские и эстонские бывшие политзаключенные, прошли обыски.

В этих условиях очень важно было информировать о своей деятельности широкую общественность, вести пропаганду в обществе, поддерживать дух сопротивления. Наиболее эффективным средством информации были «зарубежные голоса», которые, несмотря на интенсивные помехи, получившие в народе название «глушилок», с 50-х годов стали одним из важнейших источников сведений о внешнем мире, о жизни латышской эмиграции и, в пределах возможного, о событиях в Латвии. Властям труднее было подавлять диссидентскую деятельность, если о ней знали за границей. Однако у латышских диссидентов были очень ограниченные возможности контактов с представителями зарубежья, так как органы безопасности жестко контролировали всех приезжавших из-за границы, особенно представителей латышской эмиграции. Тем не менее иногда латышским диссидентам все же удавалось донести до внешнего мира свои требования. Большой резонанс на Западе вызвало написанное Эдуардом Берклавсом и подписанное его единомышленниками «Письмо 17 латышских коммунистов», которое попало за границу в начале 1972 года. Оно так всполошило властные структуры, что те приложили максимум усилий, пытаясь доказать, что письмо это — фальшивка.

Параллельно политическому не менее существенным было и так называемое религиозное диссидентство — отстаивание своих религиозных взглядов, не признававшихся советской властью: свидетели Иеговы, а также баптисты, которые не хотели подчиняться своему руководству, контролируемому советскими учреждениями.

Безусловно, среди всех Балтийских республик в Латвии условия для развития диссидентского движения были наиболее неблагоприятными, поскольку руководство КПЛ и КГБ достаточно эффективно боролось с любым проявлением инакомыслия, насаждая агентов служб безопасности в «сомнительные» круги общества и применяя открытые репрессии. Последние крупные аресты произошли в 1983 году, когда были осуждены Гунар Астра, Инт Цалитис, Лидия Доронина-Ласмане и др. Гунар Астра в своей речи перед оглашением приговора выразил чувства тех людей, которые не хотели мириться в советском режиме.

Следует учесть, что грань между активной политической деятель-

ностью и пассивным протестом была размытой. Существовали различные формы скрытого протеста, связанные с проявлением национализма и/или антикоммунизма, которые могли существовать и в открытой форме и которые трудно было пресечь, так как в них были вовлечены огромные массы народа и происходило все это неорганизованно: например, борьба с запретом отмечать Лиго и несоблюдение этого запрета, массовое зажигание свеч на Братском кладбище в день поминовения усопших и на могилах первого президента Латвии Яниса Чаксте и других государственных деятелей независимой Латвийской Республики на Лесном кладбище, деятельность фольклорных ансамблей, приведение в порядок мест боев и захоронений латышских воинов, создание исторических кружков, движение защитников природы, изготовление и распространение «самиздата» и т. д.

Оппозиция советскому режиму существовала не только среди латышей, в нее были вовлечены и русские, и представители других национальностей. Идеологическая амплитуда интересов нелатышских групп и отдельных диссидентов была достаточно широкой — от приверженцев «правильного» коммунизма и социализма до монархизма, а порой и фашизма, но, судя по всему, преобладали в основном левые взгляды. Например, в 1957–1959 годах действовала группа офицеров Балтийского флота, которая считала, что власть в СССР захватила «советская буржуазия», то есть номенклатура, а в СССР существует государственный капитализм.

Волну протеста вызвала интервенция стран Варшавского договора в Чехословакию. Среди протестовавших было немало членов партии. За публичное выражение недовольства политикой СССР из партии были исключены многие ее члены. Наиболее драматичной акцией протеста против событий в Чехословакии была попытка саможжения студента Ильи Рипса у памятника Свободы в Риге в 1969 году. Одновременно распространялись листовки, многие писали письма протеста, как, например, учитель из Резекне Янис Яхимович.

Наряду с политическими протестами имели место и экономические — забастовки. Случаи эти тщательно скрывались, так как обычно они проходили на крупных промышленных предприятиях и в них участвовали рабочие, которые по определению должны были быть лояльными советскому режиму. Однако забастовки, тем не менее, были, особенно часто в первой половине 60-х годов, когда ухудшилось экономическое положение и повысились цены на мясо в связи с неудачными экспериментами Н. Хрущева в сельском хозяйстве. Но главной причиной забастовок обычно было повышение норм выработки, а также низкий уровень оплаты труда, иногда и отношение к рабочим администрации предприятия.

Людам, оказавшимся в сфере внимания органов безопасности, зачастую

приходилось расплачиваться за то, что они осмеливались протестовать. Условия в местах заключения были невыносимыми, люди были подавлены как физически, так и морально. Информация о них в советской прессе была только очернительной, факты искажались до неузнаваемости. Однако уже одно то, что наперекор репрессиям сопротивление не удалось задушить, свидетельствовало: надежды идеологов советской Латвии на то, что народ когда-нибудь поддержит существующее положение, были напрасными.

6. 4. РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Последствия войны и интеграция в народное хозяйство СССР.

Вторая мировая война нанесла существенный ущерб экономике Латвии. Общий объем потерь подсчитать невозможно, хотя с августа 1944-го по июль 1945 года в Латвийской ССР работала Чрезвычайная комиссия, занимавшаяся подсчетом причиненного ущерба, который оценила в 20 миллиардов рублей в ценах 1941 года. Надо сказать, что цифра эта вызывает сомнения, так как и пострадавшие, и органы власти были заинтересованы в том, чтобы назвать как можно более серьезные цифры в расчете на большую компенсацию. Кроме того, комиссия все потери отнесла на счет немецкой оккупации, не учитывая ущерба, причиненного действиями Красной армии, либо приписав его к ущербу, нанесенному нацистами.

Во время войны сильно пострадали многие города — Елгава, Даугавпилс, Резекне, Балви, Валмиера. Однако Рига — столица Латвии и крупнейший промышленный центр — пострадала сравнительно мало (исключение — выгоревший в июле 1941 года исторический центр). В городах наибольшему разрушению подверглись культурно-исторические центры, и эти потери были невосстановимы. Разрушения в промышленном секторе были ликвидированы сравнительно легко. Наибольшие потери понес транспорт. Рижский порт был почти полностью уничтожен, меньше пострадали Вентспилсский и Лиепайский порты. Почти полностью был уничтожен или реквизирован для нужд воюющих армий парк автомашин, локомотивов и железнодорожных вагонов, торговые и рыболовные суда, уменьшилась протяженность железнодорожных путей, многие мосты были взорваны или повреждены. Быстрее всего шло восстановление транспорта; на эти цели в годы первой пятилетки было отпущено более 27% капиталовложений в народное хозяйство. Сильно пострадала энергетическая база, так как при отступлении немецкая армия прежде всего взрывала электростанции и электрооборудование предприятий. В сель-

ском хозяйстве наибольшие потери пришлось на долю живого инвентаря — скот. Однако ущерб, причиненный экономике Латвии, хоть и был значительным, но не таким, чтобы его последствия нельзя было ликвидировать за относительно короткий срок. В некоторых отраслях, например, в сельском хозяйстве, довоенного уровня не удалось достичь даже в 60-е годы, но не потому что это было технически невозможно, а в силу политики советского режима.

Одновременно с ликвидацией последствий войны происходил перевод народного хозяйства на «советские рельсы». В период советизации Латвии огосударствлению экономики уделялось самое пристальное внимание, ибо, согласно сталинской коммунистической доктрине, индустриализация и коллективизация были двумя из трех краеугольных камней строительства социализма (третий — культурная революция). Руководство СССР стремилось достичь как можно более тесной и глубокой интеграции Латвии и других Балтийских республик в советскую государственную экономическую систему. Централизация управления экономикой и подчинение латвийской экономики интересам «центра» происходило быстро и целенаправленно. Но в то время сохранялись и некоторые отличия. Наиболее существенное из них — существование индивидуальных крестьянских хозяйств и частного предпринимательства в сфере торговли, услуг и мелкой промышленности. Коллективизация оказалась сложной проблемой, а искоренение частной собственности в несельскохозяйственной сфере было произведено сравнительно быстро.

Некоторые экономисты и историки считают, что первые послевоенные годы, когда существовал ограниченный частный сектор, напоминают период «новой экономической политики» (НЭП) в Советском Союзе 20-х годов. Однако сходство это весьма приблизительное. Во-первых, роль частного сектора в промышленном производстве была ничтожной, на его долю приходилось не более 1% объема производства. Существеннее его доля была в торговле и сфере услуг — до 10%. Но частный сектор существовал до тех пор, пока существовала нормированная (по карточкам) система распределения. Сначала предполагалось отменить ее в 1946 году; это не удалось, так как на юге европейской части СССР была страшная засуха, результатом которой стал голод. Но уже в 1946 году закрылось большинство частных магазинов, поскольку они были обложены непомерными налогами. Власти в своих отчетах не скрывали, что цель налоговой политики — уничтожение частного сектора в промышленности и торговле, и в основном цели своей добились уже к лету 1947 года. Мелкие ремесленные мастерские были вынуждены объединиться в артели. Следствием огосударствления и советизации экономики стала неизбежная

нехватка услуг и товаров и снижение их качества. Поэтому частный сектор полностью ликвидировать так никогда и не удалось, однако те, кто предоставлял частные услуги, редко работали официально — имея соответствующее разрешение и платя налоги. В основном это было нелегальное или полунелегальное индивидуальное предпринимательство.

Промышленность и транспорт. После войны подчинение народного хозяйства интересам «центра» происходило быстро и последовательно. Функцию эту выполнял уполномоченный Госплана СССР по Латвийской ССР. Эта должность и подчиненный ей штат сотрудников существовали до 1949 года. Аппарат уполномоченного Госплана СССР в определенной степени дублировал Госплан ЛССР, но полномочия его были гораздо шире и не ограничивались только планированием — фактически он контролировал и процесс восстановления народного хозяйства, и дальнейшее его развитие, устанавливал приоритеты. Госплан ЛССР мог заниматься только планированием развития отраслей, находившихся в подчинении республиканского Совета министров, а уполномоченный Госплана СССР контролировал развитие народного хозяйства республики в целом. Деятельность уполномоченного была направлена на повышение объемов выпуска продукции, невзирая на ограниченность финансовых, энергетических и рабочих ресурсов.

Следует отметить, что роль Совета министров Латвийской ССР (до марта 1946 года — Совет народных комиссаров Латвийской ССР) в руководстве промышленностью была ограничена, фактически уже в 1945–1946 годах вся машиностроительная промышленность республики была передана в подчинение союзных министерств, как и все предприятия, выпускавшие продукцию «стратегического значения» — химическая промышленность, фармацевтические заводы, сахарные заводы, льнообрабатывающие предприятия и пр. Возражение руководства Латвии, к примеру, против передачи целлюлозно-бумажной промышленности в союзное подчинение не были приняты во внимание.

Целый ряд отраслей одновременно находились в республиканском и союзном подчинении — существовали так называемые межреспубликанские министерства пищевой, легкой, промышленности строительных материалов, то есть предприятия подчинялись и республиканскому министерству (например, Министерству рыбной промышленности), и союзному. Полностью в республиканском подчинении находились только предприятия так называемой местной промышленности — производство кирпича, небольшие металлообрабатывающие предприятия и др., а также коммунальное хозяйство. Характерной чертой в управлении экономикой в этот период была чрезвычайная раздробленность управленческих структур,

огромное количество министерств, каждое из которых отвечало за узкую отрасль производства. Эта тенденция сохранилась вплоть до развала СССР, хотя неоднократно проводилась реорганизация управления.

У руководства Латвии были свои планы и представления о том, как должно развиваться народное хозяйство, но Москву это мало интересовало. Иллюзии по поводу того, что интересы республики будут приниматься во внимание, очень быстро развеялись. Это стало ясно уже в годы первой послевоенной пятилетки (1946–1950). Сразу же после войны стали создаваться новые предприятия, главным образом машиностроительные и металлообрабатывающие. Советская пропаганда твердила, что Балтийские республики идут по пути индустриализации, строятся новые заводы, капитально реконструируются старые. На деле же пытались обойтись минимальными средствами, используя промышленный потенциал (здания, промышленное оборудование, специалистов, производственную культуру, железнодорожную сеть), который сформировался еще до 1940 года. Промышленность в Латвии развивалась в основном в Риге, где сохранились построенные еще во времена царской России и независимой Латвии заводские здания, которые надо было только приспособить под конкретные нужды, чтобы как можно быстрее начать выпуск продукции. Союзные министерства не интересовали вопросы сбалансированности развития регионов Латвии и наличия резервов рабочей силы, поскольку рабочую силу в неограниченном количестве можно было ввозить из-за пределов республики, поэтому они стремились открывать новые производства в Риге с развитой коммунальной и социальной инфраструктурой, где можно было обойтись меньшими капиталовложениями. Охране природы и труда в этот период уделялось самое минимальное внимание. Рабочие вербовались за пределами Латвии. Фактически, планируя строительство новых или расширение старых предприятий, уполномоченный Госплана СССР понимал, что понадобится привлекать рабочих из других регионов СССР.

Иногда пытаются утверждать, что иммиграция была спасением для Латвии, поскольку здесь не хватало квалифицированных специалистов в промышленности и в других важных отраслях и что приезжие в основном были хорошими специалистами. В большой мере эта точка зрения основана на советской пропаганде, которая утверждала, что Латвия до Второй мировой войны была отсталой аграрной страной и только помощь «братских республик» предоставила ей возможность модернизировать промышленность и стать развитой индустриальной республикой. Но нехваткой специалистов Латвия была обязана самой советской власти, ибо многие были репрессированы, другие вынуждены были отправиться в эмиграцию, а большинству местной технической интеллигенции просто не давали

возможности полноценно работать по специальности. Все руководящие кадры промышленности и транспорта проходили проверку в органах безопасности. На транспорте, в тот период полувоенной отрасли, проверялась политическая благонадежность всех работников. Латыши почти повсеместно были вытеснены из торгового флота и во многих случаях с железной дороги. Кроме того, форсированная индустриальная политика и нерациональное использование технических и человеческих ресурсов вызывали постоянную нехватку рабочей силы. Если считать, что высокий уровень миграции был вызван отсутствием местных кадров, то не находит объяснения тот факт, почему предпринятые в 50-е годы попытки национал-коммунистов развивать промышленность в соответствии с имеющимися в республике резервами рабочей силы и выдвигать на руководящие должности местных специалистов были квалифицированы как «буржуазный национализм» и отвергнуты. Следует учитывать также, что на предприятия, которые входили в состав военно-промышленного комплекса, местных специалистов — особенно на более или менее ответственные должности — брали неохотно: причины были и в анкетных данных, и в том, что латышам вообще не доверяли.

Большинство приезжих, особенно в 40–50-е годы, отнюдь не были квалифицированными специалистами. Это в основном были бежавшие от колхозной нищеты и готовые выполнять любую неквалифицированную работу в строительстве, на текстильных фабриках, в совхозах, на железной дороге и пр. Архивные документы послевоенных лет зачастую рисуют рвущую сердце картину, в каких условиях — в бараках и в общежитиях — жили эти люди. Часть из них, освоив квалификацию, постепенно устраивались на более приличную работу, но многие всю жизнь продолжали заниматься малоквалифицированной работой. И только перед их детьми и внуками открылись возможности получения образования и карьерного роста.

Миграция происходила как организованно, так и стихийно. С одной стороны, существовал организованный набор рабочих, чиновники же партийно-управленческого аппарата, а также технические работники приезжали в Латвию по направлению. Нередко крупные промышленные и строительные предприятия занимались вербовкой самостоятельно, не согласуя свои действия с учреждениями, ответственными за размещение рабочей силы. Но существовал и стихийный наплыв.

После войны в высшем руководстве СССР имелись разногласия по поводу того, какими должны быть пропорции между тяжелой промышленностью, в частности, производством средств производства и вооружений, и производством товаров широкого потребления. Сталин выступил на

стороне тех, кто считал, что необходимо сохранить приоритет тяжелой промышленности. Однако в Балтийских республиках большую часть производимой продукции составляли товары широкого потребления. Это было обусловлено структурой производственных отраслей и специализацией, сложившейся в межвоенный период. Еще в 1960 году более половины промышленной продукции производили предприятия, выпускающие товары широкого потребления, однако постепенно удельный вес средств производства в общем объеме выпускаемой продукции возрос, хотя объемы выпуска товаров широкого потребления по-прежнему оставались выше, чем в других республиках, при том качество продукции оставалось относительно высоким. Многие товары пользовались огромной популярностью во всем Советском Союзе, например, радиоаппараты «Спидола» и «ВЭФ».

Сравнительно высокий удельный вес легкой и пищевой промышленности давал Балтийским республикам некоторые преимущества. Магазины здесь лучше снабжались одеждой, обувью, бытовой электротехникой и другими товарами, и качество их было выше, чем продукции, выпускавшейся в других республиках. Но преимущества эти были, конечно, относительными. Товаров не хватало, и качество их не удовлетворяло.

Главным критерием, по которому оценивалась работа предприятия (и его руководства) в 40–50-е годы было выполнение производственного плана. Качество было вторичным показателем. Распределением произведенной продукции по Союзу занимался Госплан, так что у потребителей выбора не было. Приходилось мириться с продукцией того качества, какая поставлялась. Существовала хроническая «штурмовщина» в конце месяца, так как план надо было выполнить любой ценой. Предприятия не были заинтересованы в перевыполнении плана, поскольку его тотчас повышали. Выполнение плана оценивали по многим показателям, но главным был общий объем выпущенной продукции в денежном выражении. Поэтому предприятия были заинтересованы в выпуске более дорогих видов продукции, требовавших меньше усилий, старались уклониться от новшеств, от сложных изделий. Стандарты качества удавалось сохранять только на тех предприятиях, которые выпускали продукцию для военных нужд или потребителями которой были номенклатурные работники. Это в определенной степени способствовало сохранению стандартов качества на ведущих латвийских предприятиях, поскольку их продукцию (радиоаппаратура, некоторые пищевые продукты) быстро оценила советская правящая элита.

«Организация труда» по-советски вызвала настоящий шок у довоенных рабочих, технологов, инженеров, которые привыкли производить товар для рынка, а значит, строго соблюдать стандарты качества, сроки производства, привыкли также к ответственному отношению поставщиков.

«Консервативный» подход латышей «помогла» сломать смена руководящих кадров на ведущих промышленных предприятиях. Директорами и главными инженерами ведущих заводов были назначены присланные из «старых» республик СССР специалисты. Немаловажную роль играл и контроль со стороны партийных органов, так что открытое сопротивление советскому стилю организации производства удалось переломить довольно быстро, но труднее было бороться с тайной ностальгией по довоенным производственным традициям. Стоит отметить, что технические традиции латвийских предприятий вызвали восхищение приезжих специалистов. Поэтому вполне понятно, что недовольство системой народного хозяйства и уровнем развития уже в начале 50-х годов получило широкое распространение, хотя публичной критике подвергалось очень осторожно.

В 1954–1957 годах произошла определенная децентрализация экономики. В республиканское подчинение было передано 15 тысяч промышленных предприятий. В Латвии это были вся целлюлозно-бумажная промышленность, предприятия лесной промышленности, ряд предприятий других отраслей. В 1957 году была начата радикальная децентрализация промышленности, ликвидированы отраслевые министерства и созданы административно-экономические районы — Советы народного хозяйства (совнархозы — СНХ). Совнархоз Латвийской ССР находился в подчинении Совета министров республики. В распоряжение совнархоза было передано большинство промышленных предприятий. До создания СНХ в республиканском подчинении числилось всего 22% промышленных предприятий, после создания количество их возросло до 54%, а объем выпускаемой ими продукции составил 73% от общего объема продукции. С учетом того, что часть предприятий непосредственно подчинялась Совету министров республики (не СНХ), Совет министров Латвийской ССР в целом получил под свой контроль предприятия, выпускавшие 97% всей промышленной продукции.

Создание совнархозов в Латвии дало положительные результаты. И проявились они очень быстро. Так, в 1957 году более чем в 10 раз снизилось число предприятий, не выполнивших план. Но сразу же возникли и проблемы, и главная из них — ослабление межрайонных связей. Латвийские предприятия были вынуждены производить комплектующие детали на местах, так как в некоторых случаях их вообще невозможно было получить.

Однако возросли и надежды, что будут приняты во внимание интересы республики, начнут более рационально решаться вопросы развития промышленности и использования рабочей силы. Больше внимания стало уделяться охране окружающей среды. Впервые после войны серьезно

стали задумываться над тем, как приостановить стихийную концентрацию промышленности только в Риге и некоторых других крупных городах. В разработке плана развития народного хозяйства важную роль сыграл Паул Дзерве. С 1953 по 1958 год он был заместителем директора Института экономики Академии Наук Латвийской ССР по научной работе, а с 1958 по 1960 — директором института. Составленная под его руководством «Программа изучения перспектив народного хозяйства в Латвийской ССР» предполагала переориентацию народного хозяйства Латвии на местные нужды, рост удельного веса товаров народного потребления по сравнению с тяжелой промышленностью, поддержку наукоемких отраслей производства, в частности радиотехнической промышленности. Программа предусматривала развитие тех отраслей промышленности, которые Латвия могла обеспечить собственными квалифицированными кадрами и для которых имелась соответствующая сырьевая база.

Но эти идеи были отвергнуты в 1959 году на июльском пленуме ЦК КПЛ, когда были разгромлены латышские национал-коммунисты, занимавшие ведущие должности в КПЛ и руководящих управленческих структурах. П. Дзерве был подвергнут особо жесткому преследованию, очевидно, потому, что был одним из наиболее образованных партийных деятелей своего поколения и считался идеологом национал-коммунистов. Его не только сняли с должности и направили простым экономистом в цех завода «Автоэлектроприбор», но и лишили звания члена-корреспондента АН ЛССР. Разгром П. Дзерве и других национал-коммунистов исключил любую возможность возражения против строительства новых крупных промышленных объектов. Было заявлено, что расчеты экономистов о нехватке рабочих рук в Латвии необоснованны, к тому же потребность в рабочей силе уменьшится за счет интенсификации производства, да и на селе имеются большие резервы рабочей силы. В соответствии с провозглашенным Н. Хрущевым курсом на развитие химической промышленности, в 1963–1964 годах в эксплуатацию был сдан Даугавпилсский комбинат химического волокна, в 1963 году — Валмиерский завод стекловолокна, в 1963 году — Олайнский завод химреактивов, в 1965 году — Олайнский завод по переработке пластмасс. В 1961 году было начато строительство Плявиньской ГЭС, хотя общественность возражала против этого. Были расширены или реконструированы существующие предприятия. Многие крупные заводы основали филиалы в небольших городах, например, Рижский радиозавод им. А. Попова открыл филиал в Кандаве, ВЭФ — в Алуksне, в Малте, Скрунде и Стучке (ныне Айзкраукле). Во многих случаях открытие филиалов было связано с размещением воинских частей в соответствующих районах, а значит, и с наличием свободной

рабочей силы (члены семей военных, демобилизованные). Однако в целом строительство крупных заводов доказало, что расчеты разгромленных экономистов были верны. В Латвии резервы рабочих рук были все же невелики, и вскоре пришлось искать рабочую силу за пределами республики. Уже в конце 60-х годов стало ясно, что источники экстенсивного развития промышленности исчерпаны. Тем не менее строительство новых и расширение старых заводов продолжалось. Например, в Елгаве был построен завод микроавтобусов РАФ, в Огре — трикотажный комбинат, в Лиепae — предприятие «Лаума» и многие другие. И хотя в 60–80-е годы многие предприятия строились за пределами Риги, большая часть промышленности по-прежнему была сконцентрирована в Риге и ее окрестностях. Рига производила около половины промышленной продукции республики.

Строительству новых промышленных объектов способствовало и то, что в 60-е годы произошел скачок в увеличении энергетической базы. Вплоть до конца 50-х годов нехватка электроэнергии была немаловажным сдерживающим фактором. В 1962 году было завершено строительство магистрали для перекачки дашавского газа, что позволило перевести на газовое топливо Рижскую ТЭЦ. В 1961 году Прибалтийская государственная районная электростанция (ГРЭС — в Эстонии, в окрестностях Нарвы), Латвийская и Литовская ГРЭС были объединены в единую энергосистему. С завершением строительства Игналинской атомной электростанции был ликвидирован дефицит электроэнергии. Создание каскада электростанций на Даугаве — реконструкция Кегумской и строительство Плявиньской ГЭС и Рижской ГЭС — существенно повысило объемы производимой в Латвии электроэнергии (с 2695 киловатт-часов в 1970 году до 5937 киловатт-часов в 1987 году), однако поставляемый из других республик объем электроэнергии возрастал еще стремительнее — с 2914 киловатт-часов до 8175 киловатт-часов за тот же период. Расход энергии увеличивался не только за счет развивающейся промышленности, но и за счет потребления электроэнергии в сельском хозяйстве и быту, за счет внедрения энергоемкого производственного оборудования и огромных потерь электроэнергии. Доступность и дешевизна энергоресурсов в СССР и непреодолимые тенденции экономики к экстенсивному развитию не способствовали производству энергосберегающего оборудования. Наиболее развитые капиталистические страны в результате энергетического кризиса 70-х годов уже спустя десятилетие достигли новой ступени научно-технической революции, в Советском же Союзе реальных стимулов для этого не было.

Несмотря на призывы к внедрению комплексной механизации и автоматизации, а с начала 80-х годов и к роботизации производства, процесс

развивался медленно, поскольку промышленность СССР не в состоянии была произвести необходимое количество оборудования соответствующего качества, а на закупки его за границей существовали ограничения — финансовые и политические. Несмотря на строительство новых и реконструкцию старых промышленных объектов, основные производственные фонды в 80-е годы стремительно устаревали. Износ основных фондов в промышленности в целом в 1987 году уже достиг 47,4%, а в некоторых отраслях — в топливной промышленности, в металлургическом комплексе, в химической, лесной промышленности, целлюлозно-бумажной, в деревообработке, промышленности стройматериалов превысил 50%. Наряду с «флагманами промышленности», обладавшими относительно современным оборудованием, существовало множество мелких и не столь мелких предприятий, на которых производственное оборудование действовало еще с времен независимой Латвии и даже царской России.

Проблему неэффективности производства в основном пытались решать за счет поиска новых форм управления экономикой и стимулирования. В 1965 году совнархозы были ликвидированы и восстановлены прежние структуры республиканских и союзных министерств, что объяснялось ослаблением межрегиональных связей. Однако никто не хотел во всеуслышание признать, что главной проблемой была административно-командная система управления промышленностью, одинаково неэффективная и при жесткой централизации, и в условиях децентрализованного управления промышленностью. Тем не менее многие экономисты полагали, что реальной эффективности экономики можно достичь путем внедрения некоторых элементов рыночной экономики. В 1965 году был внедрен так называемый хозяйственный расчет.

Предприятиям была предоставлена определенная автономия. Снизилось число показателей, по которым оценивалась их работа. Показатель брутто-продукции сохранился, однако чтобы способствовать производству продукции, пользующейся спросом, работу предприятия оценивали по стоимости реализованной продукции, к тому же были введены такие показатели, как общий фонд заработной платы, общий объем централизованных капиталовложений. Часть доходов предприятия оставалась в его распоряжении. Предприятия получили право заключать прямые договоры с предприятиями своего профиля на поставку комплектующих деталей и материалов и в рамках общего плана регулировать производство отдельных видов продукции. Изменилась и система материального стимулирования. Эта реформа была гораздо скромнее по сравнению с реформами, осуществлявшимися в это время во многих странах социализма, отсюда и эффект от нее оказался намного ниже, чем предполагалось. Чтобы стиму-

лирование роста качества продукции, в 1967 году в Советском Союзе была внедрена единая система аттестации качества продукции, но проблема качества так и не была решена. В 1985 году Знак качества был присвоен 58% продукции, выпускавшейся в Латвии, но только десятая часть изделий, аттестованных Знаком качества, соответствовала мировым стандартам.

Противодействие партийно-управленческого аппарата фактически постепенно ликвидировало все плюсы внедрявшейся реформы. Главная ее цель — повышение производительности труда — так и не была достигнута, хотя в первые годы в Латвии и наметился определенный прорыв. В 1966–1970 годах темпы роста производительности труда были выше, чем в предыдущие пять лет, однако от пятилетки к пятилетке они постепенно снижались. Упали темпы прироста промышленного производства, касалось это как промышленности, так и сельского хозяйства, других отраслей. В 70-е годы считалось, что кризис может быть преодолен, однако в 80-е годы стало ясно, что техническое отставание промышленности СССР и Латвии очевидно и разрыв увеличивается с каждым годом. Техническая и экономическая элита в Латвии понимала всю серьезность проблемы, но решить ее в рамках республики не могла, так как у нее не было таких прав, а партийная номенклатура СССР вплоть до середины 80-х годов пресекала любые попытки существенно реформировать экономику.

Латвия как территория, через которую ведут важнейшие торговые пути, в течение столетий была мостом, связывающим Запад и Восток. После Второй мировой войны ситуация кардинально изменилась. Страна была резко развернута в восточном направлении. Не существовало более прямого пассажирского сообщения со странами Запада — ни воздушного, ни железнодорожного, ни морского, и такая ситуация сохранялась вплоть до конца 80-х годов. Торговый флот в конце 40-х — начале 50-х годов обслуживал внутренние перевозки в бассейне Балтийского моря; объем торговли с Западом был невелик. Лиепайский порт был передан в распоряжение военно-морского флота, как и некоторые другие порты. В 60-е годы в экономике СССР большую роль стала играть торговля с Западом, а также экономические связи с Кубой, и это оказало существенное влияние на развитие латвийских портов и торгового флота. В 70-е годы Вентспилс стал основным портом СССР по экспорту калийных удобрений и вторым портом по перевалке нефти; нефть поступала по трубопроводу Полоцк–Вентспилс, а также по железной дороге. Рига же специализировалась на обработке сухих грузов. В 1946 году в Рижском порту было обработано 397 тысяч тонн грузов, в 1970 году — 4,3 миллиона, а в 1985 году — 8,4 миллиона тонн грузов. В 60-е годы торговый флот стал специализироваться на транспортировке южных фруктов, жидкого газа, нефти и

нефтепродуктов, а в 80-е годы и на контейнерных перевозках. В 1980 году доля Латвийского морского пароходства составляла 7,7% от общего объема морских перевозок СССР. В 1971 году стал действовать новый вид международного транспорта — латвийские автоперевозчики включились в систему международных грузоперевозок. В отличие от морского транспорта, воздушные и железнодорожные перевозки осуществлялись в основном с другими регионами Советского Союза.

При оценке развития промышленности и транспорта в послевоенной Латвии невольно напрашиваются достаточно противоречивые выводы. С одной стороны, была создана внушительная индустрия, отдельные отрасли и предприятия с точки зрения качества продукции считались ведущими в СССР, некоторые виды продукции или виды услуг (например, морские перевозки) были конкурентоспособными на мировом рынке. Но индустрия Латвии со второй половины 40-х годов была тесно связана с народнохозяйственным комплексом СССР, и все проблемы, характерные для него, — низкая производительность труда, низкие темпы обновления основных фондов усиливались и дополнялись новыми — диспропорцией в развитии регионов, социальными (жилищный вопрос, несоответствие уровня услуг потребностям населения) и этническими проблемами.

Индустриализация в советском стиле нанесла серьезный урон окружающей среде. При решении технических проблем производственного процесса в первую очередь думали о дешевизне и простоте. Разработки, которые могли бы снизить ущерб, удорожали производственный процесс, замедляли темпы производства, поэтому предприятия любыми мерами старались их избежать. На развитие коммунальной инфраструктуры выделялись ничтожные средства, и коммунальное хозяйство по темпам развития отставало от темпов урбанизации. Снизилось качество питьевой воды, во многих городах вообще не было очистных сооружений или действовали они некачественно. Кроме того, предприятия союзного подчинения, части Советской армии и другие непосредственно подчиненные «центру» учреждения игнорировали решения республиканского правительства и местных органов власти. Местным органам власти редко удавалось добиться наказания виновных в загрязнении сточных вод или в ином ущербе, наносимом природе.

Сельское хозяйство. Процесс коллективизации стал для латвийского села самым большим потрясением в XX столетии. Коллективизация изменила не только форму собственности и способ производства, но и принесла с собой огромные социальные, демографические и нравственные перемены.

Подготовка к коллективизации после войны началась с момента занятия Советской армией территории Латвии. Уже 7 сентября 1944 года в

Даугавпилсе был издан указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР «Об изменении и дополнении Закона о земле от 29 июля 1940 года». Этот указ восстановил право на землю за теми, кто получил ее по закону от 29 июля 1940 года. Новые хозяйства создавались площадью от 10 до 15 га (в 1940–1941 гг. — 10 га). Указ предполагал конфискацию земли и включение ее в государственный земельный фонд в гораздо больших объемах, чем в 1940–1941 годах, поскольку земельные комиссии получили право регулировать размер выделяемых площадей в пределах 20–30 га «в зависимости от местных условий». Указом предусматривалось «лицам, оказывавшим активную помощь немецким оккупантам, оставлять земли в пределах 5–8 га». Все эти хозяйства были приравнены к «кулацким хозяйствам» и обложены повышенными налогами. Например, в Вентспилсском уезде у 24% всех хозяйств, как у «крупных кулаков, активных пособников немцев, врагов народа» была полностью или частично изъята земля. Аграрная реформа кардинально изменила структуру крестьянских хозяйств. Всего было создано или укрупнено 53 193 хозяйства, которым было выделено 523 тысячи гектаров.

Аграрная реформа была, без сомнения, несправедливой и целью ее было отнюдь не создание сильных крестьянских хозяйств. Однако она была популярной. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт, что почти все известные нам программы национальных партизан предполагали сохранить результаты советской аграрной реформы и после восстановления независимости Латвии. Тем не менее надежды советских функционеров на то, что небольшие крестьянские хозяйства станут основой будущей коллективной формы хозяйствования и новохозяева захотят объединиться в колхозы, не оправдались. Новые владельцы земли упорно держались за свои наделы. Относительные льготы по налогообложению и помощь государства иногда давали им возможность продержаться гораздо дольше, чем многим средним и бывшим зажиточным хозяевам.

Вопрос о том, кого считать «кулаком», для руководства республики представлял несомненные трудности. В результате аграрной реформы в Латвии почти не осталось крупных хозяйств. Прежние крупные хозяева были репрессированы или эмигрировали и лишь немногие еще пытались обрабатывать свои 25–30 га и исправно платить налоги. Во многих когда-то зажиточных хозяйствах остались одни старики или женщины с детьми, которые не справлялись с возложенным на них налоговым бременем.

Нормы поставок сельхозпродукции и налоги стали одним из основных средств, при помощи которых советская власть пыталась заставить людей идти в колхозы. Другим средством воздействия была пропаганда, в том числе и создание образцовых коллективных хозяйств. В 1946 году

было издано распоряжение, которым предполагалось организовать в 1947 году 25–30 образцовых хозяйств. В каждой волости следовало создать инициативные группы из беднейших хозяйств. Планировалось снабдить их современными сельскохозяйственными машинами (но не тракторами — колхозы считались вторичной формой собственности, им не могли принадлежать такие средства производства, как трактора, автомашины и комбайны, владеть ими имели право только принадлежавшие государству машинно-тракторные станции (МТС), которые оказывали колхозам соответствующие услуги). Только в колхозах предполагалась электрификация и телефонизация. Колхозам и колхозникам спускались заниженные нормы государственных поставок. Но и это мероприятие не дало ожидаемых результатов. Численность колхозов росла, но медленно. На 1 января 1949 года было создано 890 небольших колхозов, объединивших 23,9 тысячи крестьянских хозяйств — 10,2% от общего числа.

Антирекламу колхозам, особенно в восточных районах, создавали также «мешочники» из Псковской области и соседних районов Белоруссии и России.

В конце 1948 — начале 1949 года съезды компартий Прибалтийских республик, Украины, Белоруссии и Молдавии заявили, что созданы предпосылки для всеобщей коллективизации. В Латвии съезд прошел 24–27 января 1949 года. Следует отметить, что вопрос о коллективизации был высказан в формулировке, которая не свидетельствовала о том, что ожидаются столь резкие перемены, какие произошли в действительности, не говоря уже о массовых депортациях. Все это казалось обычной риторикой.

Травма, нанесенная депортацией 25 марта 1949 года, оказалась огромной не только для тех, кто был вывезен, но и для тех, кому посчастливилось остаться на родине. Критерии, по которым составлялись списки депортируемых, были неизвестны ни тем, кого высылали, ни тем, кто оставался. Целью депортации была ускоренная всеобщая коллективизация, и она была достигнута. 24 марта 1949 года в Латвии насчитывалось 1443 колхоза и около 500 инициативных групп по их созданию. С 27 марта по 6 апреля, то есть в течение 11 дней, было образовано 1740 новых колхозов. До 1 мая 1949 года в колхозы было объединено уже 71,6% крестьянских хозяйств.

Против тех, кто по-прежнему тянул с вступлением в колхозы, применялись репрессии, как скрытые, так и явные. В 1949–1952 годах несколько раз увеличивались налоги на индивидуальные хозяйства. Если земля индивидуальных хозяев находилась между колхозными полями, ее отнимали и нарезали наделы в других местах, зачастую в неудобьях или далеко от дома. Вследствие давления к 1953 году большинство индивидуальных

хозяев вступило в колхозы. Остальные бросали землю, уходили в город в поисках места на государственной службе. Землю их отчуждали колхозы. На 1 июля 1952 года 98,4% хозяйств Латвии были объединены в колхозы.

Всеобщая коллективизация повлекла за собой самые непредвиденные социально-экономические последствия. Одно из основных — небывалый спад производительности сельского хозяйства. На пленуме ЦК КПЛ, состоявшемся 22–23 июня 1953 года, Я. Калнберзиньш признал, что в важнейших отраслях сельского хозяйства не был достигнут довоенный уровень производства, а площади, занятые сельскохозяйственными культурами, составили лишь 80% от довоенного уровня. В 1953 году по сравнению с 1949 годом снизилось поголовье коров и лошадей. В 1950–1953 годах в колхозах снизилась урожайность всех сельскохозяйственных культур, а также объем собранных зерновых и картофеля. В производстве продукции животноводства существенного спада не наблюдалось (во всяком случае, судя по официальной статистике) только благодаря производительности приусадебных хозяйств.

Несмотря на то, что согласно уставу, колхозы являлись «добровольным объединением крестьян», высшим органом власти которого являлось собрание колхозников, они находились под полным контролем партийного аппарата. Председателя колхоза фактически назначали «сверху». Во время создания колхозов из-за отсутствия кадров председателями правления зачастую становились местные крестьяне, которых избирали сами колхозники. Однако вскоре большинство их утратило свои должности или добровольно отказалось от них. Руководить колхозом оказалось намного сложнее, чем хозяйничать в собственном хозяйстве. И многие хорошие земледельцы не справлялись со своими обязанностями. Но многие были вынуждены оставить свои должности и потому, что в колхозах постоянно велись поиски «классового врага». Все руководящие колхозные кадры, в том числе и бригадиры, проходили проверку в органах безопасности. Однако попытки назначить председателями колхозов номенклатурных работников-партийцев не принесли ожидаемых результатов. Большинство из них не разбирались в сельском хозяйстве или не имели навыков организаторской работы. Случаи, когда организаторские способности и компетентность сочетались с подходящей биографией, были чрезвычайно редкими. И такие люди становились прекрасными руководителями многочисленных передовых колхозов. Колхозная система, как и все государство, была авторитарной. Личность председателя колхоза, как свидетельствуют многочисленные примеры, играла решающую роль для успешного развития хозяйства.

Одной из главных причин трудностей в первые годы становления

колхозов была государственная политика, направленная на неограниченную эксплуатацию колхозов. Установленные в Советском Союзе в 1928–1929 годах закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию существовали вплоть до 1953 года, хотя розничные цены на продукты и вообще все розничные цены возросли в несколько раз. В 1947–1949 годах установление поставки колхозов составляли 50% обычного объема, однако в 1950 году они были повышены до общепринятого уровня. После выполнения обязательных поставок определенное количество продукции необходимо было сдавать сверх плана, якобы добровольно, по государственным закупочным ценам, которые были чуть выше обычных заготовительных цен. Так, например, за рожь по обязательным поставкам в 1951–1952 годах платили 8,60–11,10 руб./ц, а государственная закупочная цена составляла 14,90 руб./ц, молоко соответственно 0,30 и 0,45 руб./кг, свинина — 0,61–0,95 и 2,66–4,59 руб./кг. Для колхозов обязательная закупочная цена была значительно ниже, чем для совхозов, а индивидуальные поставщики получали еще меньше, чем колхозы. За 1 центнер говядины в живом весе колхозы получали 34 руб., совхозы — 184 руб., индивидуальные хозяева — 32 руб. Тяжким бременем для колхозов была оплата услуг МТС. Стоимость услуг МТС рассчитывалась из расчета так называемого биологического урожая, т. е. урожаем определялся на корню, фактически же собранный урожай нередко оказывался чуть ли не вдвое меньше. Большинство колхозов выполняло нормы, но были и такие, кто оставался должником государства, и долги были достаточно внушительными.

В конце 40-х — начале 50-х годов колхозы должны были также исполнять трудовую повинность — содержать в порядке дороги, нести гужевою повинность. Но самой трудной повинностью была поставка лесоматериалов государству, которая существовала до конца 50-х годов, правда, в меньших объемах, чем до 1953 года. Лесозаготовки отвлекали колхозников от очередных сельскохозяйственных работ, кроме того, это был тяжелый труд, изматывавший и людей, и лошадей.

Колхозы обязаны были также платить высокий подоходный налог, погашать платежи по обязательному страхованию. Приходилось брать и кредиты у государства для крупных капиталовложений (закупка скота, мелиорация, электрификация, строительство, приобретение техники и пр.). Многие колхозы были должниками государства.

До массовой коллективизации труд колхозников, из-за различные налоговых льгот для колхозов, оплачивался довольно хорошо. И в 1949 году с доходами еще можно было мириться. Но в 1950–1953 годах они резко сократились, к тому же колхозы часто не в состоянии были своевременно оплачивать труд колхозников.

Тяжелым бременем для колхозников были обязательные поставки с приусадебных участков. С каждого двора необходимо было сдать 40 кг мяса в живом весе и 50 яиц. Те, у кого были коровы, обязаны были сдать 300 л молока, а если были овцы, то с каждой овцы — 0,2 кг шерсти. Сдавать надо было и картофель — 12 центнеров с гектара, шкуры домашних животных, а если на приусадебном участке выращивали зерновые, то и зерно. В колхозах, где почти не платили по трудовням и где приусадебный участок был единственным источником существования, нормы эти выполнить было очень трудно. Кроме того, колхозники должны были платить налоги. До 1949 года колхозники имели льготы по налогам, но уже с 1950 года налоги начали расти. И если в 1949 году в среднем налог на одно хозяйство колхозника составлял 52,10 руб., то в 1953 году — 2094 руб. Колхозники, как и все население, обязаны были подписываться на государственный заем, который по существу являлся ежегодным чрезвычайным налогом, и он год от года возрастал.

Все это, безусловно, вызывало у людей недовольство. И нередко они высказывали свое недовольство вслух, хотя прекрасно понимали, чем грозят им «антисоветские выпады». Но чаще всего недовольство выражалось в уходе крестьян из колхозов. В течение 1950–1953 годов число колхозников уменьшилось примерно на 40 тысяч.

После смерти Сталина было осуществлено несколько реформ, которые в некоторой степени улучшили положение колхозников. В конце 1953 года все долги колхозов перед государством были погашены. После сентябрьского пленума ЦК КПСС, на котором обсуждались проблемы сельского хозяйства, были снижены объемы обязательных поставок, кроме того нормы поставок рассчитывались, исходя из количества пахотной земли, а не общих сельхозугодий, как раньше. Поднялись и закупочные цены. Были снижены, а затем и отменены обязательные поставки сельскохозяйственной продукции индивидуальными хозяйствами, а также подписка на облигации государственного займа. Все это позволило улучшить положение колхозников. Государство стало выдавать колхозам крупные субсидии, расширило их права. В Латвии, где колхозы существовали всего несколько лет и крестьяне еще полностью не утратили инициативу и умение трудиться, это принесло неплохие результаты.

Но хрущевские времена стали для колхозов новым испытанием. С одной стороны, Хрущев выдвинул теорию о том, что социализм в Советском Союзе построен и теперь начнется строительство коммунизма, так что пора отказаться от таких «пережитков прошлого», как приусадебные хозяйства колхозников: они могут купить необходимую продукцию в колхозах. Были установлены ограничения, касающиеся приусадебных хозяйств.

С другой стороны, Хрущеву нравились эксперименты. Одним из них было повсеместное внедрение кукурузы, которая должна была восполнить дефицит кормов. Кукурузу начали внедрять в административном порядке и в регионах, где для нее не было подходящих условий. И в Латвии стали сеять кукурузу, отказавшись от традиционных кормовых культур.

Наряду с колхозами, которые считались общей собственностью колхозников, существовали государственные хозяйства — так называемые советские хозяйства, или совхозы. Государственные хозяйства существовали и в независимой Латвии, и на их базе были созданы первые совхозы. В 1941 году насчитывалось 14 совхозов. После войны число их быстро увеличивалось, к концу 1945 года существовал уже 41 совхоз. Особенно стремительно количество совхозов увеличилось в конце 50-х годов, когда в них преобразовывались подсобные хозяйства предприятий и учреждений, созданные на базе бесхозных или конфискованных после войны в пользу государства крестьянских хозяйств (в 1948 году насчитывалось 150 таких хозяйств, число которых неуклонно росло), а также МТС, которые создавались в бывших центрах имений или в хозяйствах репрессированных крестьян или брошенных владельцами. Кроме того, многие слабые колхозы преобразовывались в совхозы или присоединялись к уже существующим. И в последующие годы практиковалось преобразование доведенных до банкротства колхозов в совхозы, так что к концу 1960 года их насчитывалось уже 162, а в 1980 году — 243 совхоза. Вначале большинство совхозов создавалось в Земгале и Курземе, где земли были более плодородными, в последующие годы они распространились по всей Латвии равномерно.

Работники совхозов принадлежали к категориям рабочих и служащих, пользовались соответствующими льготами, получали твердую зарплату, которая в 40–60-е годы была, правда, меньше, чем в других отраслях производства. Совхозы, по сравнению с колхозами, имели преимущества — в их собственности находились автомашины и тракторы, капиталовложения делало государство, их электрифицировали в первую очередь. Советская историческая наука утверждала, что «крестьяне, видя, как идут дела в разбросанных по территории всей республики совхозах, убедились в том, что в крупных хозяйствах технику можно использовать намного эффективнее, чем в мелких, раздробленных», однако в эти годы совхозы в большинстве своем являли пример неэффективности коллективного хозяйствования, поскольку низкий уровень оплаты труда, плохие условия жизни не могли привлечь в совхозы квалифицированную рабочую силу, для совхозов была характерна большая текучесть кадров, низкая дисциплина труда. В основном в совхозах были заняты приезжие. В мае 1950 года удельный

вес латышей составлял всего 25,5% от всех занятых в совхозах рабочих. Руководящие кадры назначались по принципу политического доверия, зачастую это были люди, некомпетентные в сельском хозяйстве. В 50-е годы и в последующее десятилетие ситуация начала стабилизироваться, поскольку рост капиталовложений укрепил положение совхозов, развернулось строительство жилого фонда, развивалась инфраструктура, что послужило стимулом для привлечения в совхозы квалифицированных кадров.

В 60-е годы дискриминация колхозников, по сравнению с другими группами населения, уменьшилась, так как в 1964 году им было предоставлено право на государственную пенсию, хотя уйти на пенсию они могли на пять лет позже, чем прочие группы населения. Однако в 70-е годы возраст выхода на пенсию колхозников был уравнен с прочими категориями рабочих и служащих. И другие социальные гарантии в равной степени были распространены на колхозников. Резко возросла оплата труда колхозников и работников совхозов. В 1960 году средняя заработная плата рабочих и служащих в промышленности была 86 рублей, в совхозах и на других сельскохозяйственных предприятиях — 51,3 рубля, у колхозников — 31,7 рубля, а в 1984 году у всех трех групп почти одинаковой — 205,6; 207,2 и 205,2 рубля соответственно. У сельского населения был и другой источник доходов — приусадебное хозяйство. В 70–80-е годы отношение к нему в СССР стало терпимее, так как, например, в Латвии оно давало треть общевое объема закупок молока и мяса, хотя занимало ничтожную долю сельскохозяйственных угодий.

В целом начиная с 60-х годов сельское хозяйство в республиках Балтии развивалось успешнее, чем в других регионах СССР. Уровень агротехники, уровень образования специалистов сельского хозяйства был выше. Более целесообразно использовались государственные субсидии. Сельское хозяйство было одной из отраслей народного хозяйства, находившейся в компетенции правительства республики. Очень многое зависело от заинтересованности и компетентности колхозного и совхозного руководства каждой республики, от умения воспользоваться всем, что предоставляла советская система хозяйствования, например, от умения направить централизованные субсидии на строительство новых объектов и жилого фонда, развитие вспомогательных отраслей (консервные цеха, производство строительных материалов, керамических изделий, сувениров и пр.), что приносило доход и компенсировало потери от основного вида деятельности. И хотя руководство республики смотрело на вспомогательные отрасли более подозрительно, чем руководство Эстонии и Литвы, многие колхозы и совхозы умело пользовались этими возможностями, например,

«Адажи», «Лачплесис» и др. Поскольку одному колхозу сложно было под-
нять вспомогательные отрасли, в конце 50-х годов стали возникать меж-
колхозные производственные объединения, фактически – самостоятель-
ные предприятия. Следует отметить, что в начале 70-х годов в колхозах,
совхозах и межколхозных объединениях производилось 7,5% произведен-
ного в республике пива и 32% вина.

Улучшение материального положения и условий жизни снизило тен-
денцию оттока крестьянства в города, а в 80-е годы наблюдалась обратное —
многие горожане перебирались на село, так как там можно было легче
получить квартиру и хорошо заработать. Однако картина относительного
благополучия на селе таила в себе целый ряд серьезных проблем. Главная —
неэффективность коллективного хозяйствования. И хотя в 60–80-е годы
урожайность основных сельскохозяйственных культур, по сравнению с
первыми годами существования колхозов, увеличилась, урожайность кар-
тофеля так и не достигла довоенного уровня, урожайность зерновых до-
стигла довоенного уровня только в 80-е годы, производство молока — в
70-е годы. Только производство мяса к 1960 году превысило довоенный
уровень. Урожайность колхозных и совхозных полей возросла, но одно-
временно снизились посевные площади. В 1987 году по сравнению с 1940
годом общая площадь под зерновыми в хозяйствах всех категорий сни-
зилась почти вдвое, а площади, занятые техническими культурами, — еще
больше (с 75 тыс. га до 33 тыс. га). И хотя в 60–80-е годы стали созда-
ваться крупные животноводческие фермы, личное подсобное хозяйство в
1985 году по-прежнему давало более 27% мяса и молока, хотя в 80-е годы
площади, отведенные под личное хозяйство, составляли всего 5,5% от
сельскохозяйственных угодий, а поголовье крупного рогатого скота —
всего пятую часть от общего поголовья. Индивидуальные хозяйства про-
изводили также значительную часть овощей, ягод и фруктов. И только
производство яиц удалось перевести на промышленные рельсы — были
созданы птицефабрики, которые сумели обеспечить интенсивное произ-
водство при относительно небольших затратах.

В 70-е и особенно в 80-е годы проявилась еще одна тенденция —
Латвия, которая в период между войнами была «сельскохозяйственной
державой» Балтии, уступила свои позиции Литве и даже Эстонии, где
природные условия и почвы для выращивания зерновых менее благопри-
ятны. Это проявилось и в урожайности основных сельскохозяйственных
культур, и в развитии мелиорации и ирригации, развитии перерабатыва-
ющей промышленности, но особенно наглядно — в магазинах. До сере-
дины 70-х годов обеспеченность городов Латвии молочными и мясными
продуктами находилась на более или менее приемлемом уровне (по

сравнению с другими регионами СССР), позже начались проблемы. Жители Латвии имели возможность убедиться, что магазины Литвы и Эстонии снабжаются лучше. Люди считали, что дефицит продуктов возник потому, что руководство республики более старательно выполняет требования Москвы об увеличении поставок молока и мяса во всесоюзные фонды, а также потому, что продукты раскупают приезжие, так как «закупочный» туризм в 70–80-е годы приобрел широкий размах. Однако поставки Литвы (но не Эстонии) во всесоюзные фонды нарастали более стремительными темпами, а «закупочный» туризм оставался общей проблемой для всех Прибалтийских республик.

Оценивая развитие народного хозяйства в целом, следует согласиться с теми учеными, которые подчеркивают, что социалистическая модернизация в странах Восточной Европы была неэффективной потому, что создавала существенные диспропорции в развитии и не столько сдерживала развитие, сколько уводила его в неверном направлении. Доступность всеобщего и специального образования привела к тому, что в народном хозяйстве были заняты высококвалифицированные администраторы, инженеры, рабочие, и в 70-х годах, по крайней мере в этом отношении, не было большой разницы между городом и деревней. Однако этот потенциал использовался неэффективно, поскольку политизированная централизованная экономика имела прочный иммунитет к попыткам ее интенсификации. Модель отраслевой и экономической специализации, навязанная в ходе социалистической индустриализации, не соответствовала наличию в Латвии ресурсов и потребностям населения и создавала проблемы в сфере экологии и трудовых ресурсов. Решения, которые казались выгодными в первые послевоенные годы, например, использование полученного из Германии в счет репараций оборудования, в долгосрочной перспективе оказались тормозящими развитие так как не способствовали модернизации народного хозяйства. Внедрение наукоемких и энергосберегающих технологий происходило с большими трудностями, поскольку энергия была дешевой, а рынок сбыта продукции огромен — весь Советский Союз, при этом он был надежно защищен, проблема конкурентоспособности продукции не имела решающего значения. Экономические процессы 90-х годов доказали, что наиболее успешно структурные и политические перемены использовали те отрасли и производства, которые и ранее были вовлечены в глобальные экономические процессы (например, транзит, морские перевозки) или имели высокий технический уровень развития.

6. 5. НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМ В ЛАТВИИ

Национал-коммунизмом в исторической литературе называют течение, представители которого считали, что в ходе строительства социализма следует учитывать особенности каждой страны, в случае Советского Союза — каждой республики.

Признаки национал-коммунизма в Латвии появились сразу же после второй советской оккупации. Большинство коммунистов прекрасно сознавало, что круг приверженцев советского режима узок, поэтому среди местных коммунистов была широко распространена точка зрения, что прежде всего необходимо завоевать доверие народа и только тогда можно начать серьезные социалистические преобразования. Но попытки учитывать местные условия потерпели крах уже во второй половине 1946-го — в начале 1947 года, когда была проведена масштабная замена кадров, начиная с секретаря ЦК КП(б)Л по вопросам сельского хозяйства Яниса Юргенса до примерно 45% председателей исполкомов; заменены были также многие волостные парторги.

После смерти Сталина прорвалось долго сдерживаемое недовольство коммунистов и положением в республике, и отведенной им ролию.

Очевидно, последствия, которые могли быть вызваны узкой этнической базой республиканских компартий, частично сознавали и в Москве. Весной 1953 года, когда после смерти Сталина большую активность стал проявлять Л. Берия, Президиум ЦК КПСС по его инициативе принял несколько решений о привлечении национальных кадров в партийно-государственный аппарат республик, о том, что руководящие работники, не владеющие местным языком, по возможности должны быть отозваны из республик. Подобное постановление, касающееся Латвии, было принято 12 июня 1953 года. За этим 22–23 июня последовал Пленум ЦК КПЛ, на котором были обнародованы многочисленные факты дискриминации функционеров латышской национальности и латышского языка. Берия был арестован три дня спустя — 26 июня, и намеченные пленумом меры не были осуществлены, но попытка забыта не была.

В сущности следует говорить о конфликте, который назрел в политической элите Латвии, и конфликт этот имел несколько составляющих. Первая заключалась в вопросе о том, что является первичным — интересы республики или Союза; вторая составляющая — культурная и этническая: выдавливание латышей с руководящих позиций в их собственной стране и уничижительное отношение к латышскому языку и культуре; третья — конфликт между сталинской моделью социализма и призывом вернуться к

«подлинному» марксизму-ленинизму; четвертая составляющая касалась карьеристских соображений — страх старшего поколения быть отодвинутым молодыми, более образованными функционерами. Старшее поколение в основном состояло из присланных или приехавших из других республик СССР — как латышей, так и нелатышей, среди молодых удельный вес латышей был выше. Таким образом, различные мотивы и соображения часто вступали между собой в конфликт. Имело место и разочарование, которое испытали многие латышские и вообще местные коммунисты, которые верили в идеалы равенства и справедливости.

Следует подчеркнуть, что национал-коммунисты не выступали ни против того, что республика входит в состав СССР, ни против советской модели социализма. Национал-коммунисты Латвии возражали только против того, что интересы «центра» ставятся выше интересов республики (имея в виду широкий круг вопросов — от экономики до культуры и образования), а также против того, что особенности республики и конкретная ситуация не принимаются во внимание при разработке темпов и методов социалистических преобразований. Однако острота национального вопроса объяснялась еще и низким удельным весом латышей в компартии и администрации республики (по сравнению с другими республиками СССР). Местные коммунисты считали, что диспропорции в развитии народного хозяйства объясняются некомпетентностью приезжих или присланных функционеров и их нежеланием понять местные условия, что прежде всего выражалось в отказе освоить латышский язык, а также в отсутствии всякого интереса к латышской культуре.

Деятельность национал-коммунистов по-настоящему могла проявиться только после начавшейся в феврале 1956 года (после XX съезда партии), частичной десталинизации и реформ. В Латвии убеждение в необходимости уменьшить диспропорцию развития существовало на самом высоком уровне. В декабре 1956 года Н. Хрущев принял трех высших должностных лиц Латвийской ССР — Я. Калнберзиньша, В. Лациса, председателя Президиума Верховного Совета Латвийской ССР К. Озолиньша. В. Лацис изложил общую точку зрения на перспективы развития республики: необходимо ограничить миграцию, а также связанное с ней строительство крупных промышленных объектов, выдвигать на ведущие должности местные кадры, добиться, чтобы люди, занимающие руководящие должности, знали латышский язык. Хрущев признал беспокойство руководства Латвии обоснованным.

Однако деятельность национал-коммунистов была связана не столько с Я. Калнберзиньшем и В. Лацисом, сколько с номенклатурой младшего поколения. Именно в это время в Латвии высокого положения в руковод-

стве республики добилось то поколение коммунистов, которое накануне оккупации Латвии в 1940 году с основным действовало в комсомольском подполье. По-настоящему их партийная карьера началась в 1940–1941 годах, затем они воевали, после войны работали в ЦК комсомола Латвии, а в начале 50-х годов многие из них заняли руководящие должности — Эдуард Берклавс, Паул Дзерве, Индрикис Пинкис, Вилис Круминьш, Павел Пизанс и др. Следует учесть, что среди национал-коммунистов были не только латыши, это и русский Александр Никонов, еврей Файвиш Фридман, белорус Павел Черковский, среди национал-коммунистов было немало российских латышей, особенно представителей младшего поколения, которые начали свою карьеру фактически в послевоенной Латвии, например, заведующий отделом народного образования города Риги Янис Гибиетис, директор 49-й рижской средней школы Милда Вернере и другие. И еще одно обстоятельство существенно повлияло на настроение реально мыслящих коммунистов — антикоммунистическое движение и волнения в Восточной Европе, особенно революция 1956 года в Венгрии.

В Латвии национал-коммунисты не представляли собой некую группу, имеющую четко разработанную программу. Скорее надо говорить о владевшем всеми настроении, направлении, которое поддерживали и которому симпатизировали широкие круги комсомольской и партийной номенклатуры, часть интеллигенции. О том, что либеральные настроения были сильны и среди партийных функционеров, нагляднее всего свидетельствовал состоявшийся в январе 1958 года XV съезд КПЛ, на котором против повторного избрания второго секретаря ЦК КПСС («око Москвы») Федора Кашникова и секретаря по вопросам идеологии А. Пельше проголосовало около ста пятидесяти делегатов. Это, конечно, не было большинство, и оба были избраны, однако на состоявшемся сразу же после съезда пленуме ЦК КПЛ кандидатура Ф. Кашникова была провалена, и Москве пришлось смириться с этим. Вторым секретарем ЦК КПЛ повторно был избран В. Круминьш. Сам по себе факт провала утвержденной «сверху» кандидатуры был беспрецедентным случаем и свидетельствовал о раскладе сил в тогдашней КПЛ. Сторонники реформы не имели большинства среди номенклатурных работников в целом, однако в руководящих органах партии их было немало (хотя о большинстве, за исключением бюро ЦК КПЛ, вряд ли можно говорить), и они могли влиять на принятие решений. Тем не менее провал на выборах Ф. Кашникова был началом конца национал-коммунистов, поскольку курирующие Латвию чиновники из ЦК КПСС не могли простить провала утвержденной ими кандидатуры. Жалобы Ф. Кашникова и других недовольных, считавших себя жертвами антирусских настроений, нашли благодатную почву.

Установки и практическая деятельность. Идеологом национал-коммунистов многие считают экономиста П. Дзерве, так как под его руководством были сформулированы идеи, опирающиеся на точку зрения, что экономика республики в первую очередь должна работать в интересах ее населения. Эти взгляды поддерживали многие, в том числе Э. Берклавс, министр сельского хозяйства Александр Никонов, заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КПЛ Антон Луриньш и другие. Поддерживали их и многие функционеры более низкого ранга.

Обоснования экономистов дали толчок мероприятиям, направленным на ограничение иммиграции, которые были связаны в основном с деятельностью Э. Берклавса. Будучи заместителем председателя Совета министров ЛССР в 1956–1957 и 1958–1959 годах и первым секретарем Рижского горкома партии в 1957–1958 годах, Э. Берклавс стремился активно сдерживать прирост населения Риги, а также добиться того, чтобы руководители производств и работающие в контакте с населением овладевали латышским языком. Чтобы решить первую проблему, пытались добиться для Риги такого же статуса, какой имели Москва, Киев и Ленинград, где существовали ограничения по прописке. Вопрос был согласован на уровне Совета министров СССР. Однако на практике политика эта вызвала бурю возмущения, особенно среди действующих и уволенных в запас офицеров Советской армии, поскольку в 1957 году было начато масштабное сокращение вооруженных сил и в Риге демобилизовалось или прибыло сюда вновь большое число офицеров запаса. Недовольство сокращением армии на фоне сложившейся ситуации привело к тому, что жалобы потоком потекли в Москву (в воспоминаниях современников одним из главных выразителей недовольства назван начальник политуправления ПрибВО генерал-майор Никита Демин), и рано или поздно они должны были вызвать негативный резонанс в ЦК КПСС.

В области языковой политики бюро ЦК КПЛ 6 декабря 1956 года приняло постановление об изучении латышского и русского языков, в котором признавалось, что указания КПСС о том, что при работе с массами необходимо принимать во внимание национальные особенности, республиканские партийные, советские и хозяйственные органы исполняют слабо; было признано, что на многих предприятиях, в колхозах и совхозах, особенно в восточных районах, массово-политические, культурные и образовательные мероприятия проводятся на русском языке, что делопроизводство ведется на русском языке, без учета национального состава работающих. Были перечислены также и другие нарушения равноправия языков. В постановлении указывалось, что подобная ситуация предоставляет буржу-

азным националистам почву для разжигания национальной розни между латышским и русским населением.

Бюро ЦК КПЛ своим постановлением обязало городские и районные партийные комитеты, руководителей учреждений, организаций и предприятий, совхозов и МТС организовать изучение русского и латышского языков для тех партийных, советских и хозяйственных руководителей, которые не владеют одним из языков, и потребовать от них овладения языком в течение двух лет. Несколько ранее — в ноябре 1956 года — Рижский горком партии принял постановление о том, что люди, обслуживающие широкие круги населения (торговля, коммунальные услуги, медицинские учреждения, милиция и пр.), в течение двух лет должны овладеть обоими языками — русским и латышским хотя бы на уровне разговорного. В 1957 и 1958 годах в Риге были приняты и другие постановления, касающиеся владения латышским языком.

Как и требование об ограничении прописки, эти решения вызвали волну недовольства. Работники, уволенные в силу своей некомпетентности, могли утверждать, что стали жертвами «латышского национализма». Следует подчеркнуть, что ни теоретически, ни практически не происходило выдавливания нелатышей из номенклатуры. «Ахиллесовой пятой» попыток добиться нормального функционирования латышского языка в деловой и идеологической сферах был низкий удельный вес латышей в КПЛ, а вместе с тем и в номенклатуре, поскольку на руководящие должности назначались, как правило, только члены партии, а коммунистов, владеющих латышским языком, которых можно было бы назначить на эти должности, было слишком мало.

Очень существенной стороной деятельности национал-коммунистов была ревизия политики в области культурно-исторического наследия и культуры, попытка освободиться от навязываемого в послевоенные годы вульгарно-марксистского взгляда, согласно которому вся непролетарская латышская культура, не испытывавшая (обязательно) положительного влияния русской культуры, объявлялась буржуазной и реакционной. Следует отметить, что именно в это время приступили к строительству Саласпилского мемориала жертвам фашизма (открыт в 1967 году) и начали приводить в порядок места гибели жертв Холокоста.

В ракурсе как экономики, так и культуры следует рассмотреть и дискуссию, которая развернулась в 1958 году в связи со строительством Плявиньской ГЭС. Это был первый случай после войны, когда проявилась исходившая снизу активность общественности, хотя вследствие деятельности Комитета государственной безопасности она не достигла масштаба протестов против строительства Даугавпилсской ГЭС в 1986–1987 годах.

Протесты руководству республики подавали и известные ученые, и трудовые коллективы, и учебные заведения. Не осталась в стороне и пресса. Протест был вызван тем, что по проекту предстояло затопить самую красивую и ценную в культурно-историческом аспекте часть долины Даугавы — развалины Кокнесского замка, водопад на реке Персе, Стабурагс — места, где происходит действие эпоса А. Пумпурса «Лачплесис» и которые по существу стали частью национальной идентичности латышей. Стоит сказать, что на происходившем в Риге в 1946 году процессе над немецкими военными преступниками частичное разрушение Стабурагса в результате взрыва было квалифицировано как военное преступление. В ходе обсуждения проекта выяснилось также, что строительство гидростанции чревато отрицательными экологическими последствиями, в том числе регулярными наводнениями в районе Екабпилса. Обсуждался также вариант строительства ГЭС, при котором затопления можно было избежать и последствия которого не были бы столь экологически опасны. В Совете министров ЛССР состоялось совещание, в котором приняли участие все заинтересованные стороны, однако согласие достигнуто не было. С проблемой ознакомили Н. Хрущева, который находился в Латвии 12 июня 1959 года; он признал, что ввиду столь серьезных разногласий строительство ГЭС нежелательно. Однако утром следующего дня он изменил свою точку зрения на происходившее в Латвии, — об этом мы еще будем говорить, — и строительству ГЭС был дан зеленый свет, причем более радикальному варианту.

Во второй половине 50-х годов в культурной политике больше внимания стали уделять Латгалии, делались попытки пробудить культурную жизнь в регионе. Самым крупным мероприятием было проведение недели культуры Латгалии в Риге в декабре 1958 года. Однако эти попытки натолкнулись на полное равнодушие со стороны Даугавпилсского горкома партии, где царил негативное отношение к латышскому языку и культуре. Это стало причиной довольно серьезного конфликта между руководством Даугавпилса и бюро ЦК КПЛ в 1958 году, что несколько месяцев спустя послужило поводом для усиления нападков на национал-коммунистов.

Новые веяния во второй половине 50-х годов наблюдались и в сфере образования. Министерство образования разработало новые программы, в которых акцент ставился на эстетическом и трудовом воспитании и преподавании предметов, связанных с Латвией и ее культурой, и эти разработки активно и успешно отстаивались в Москве. Однако по вопросу принятия закона об образовании в Латвийской ССР в марте 1959 года возник конфликт с Москвой, который продемонстрировал реальные границы самостоятельности республик. Латвия считала, что в республике необхо-

димо продлить время учебы на год по сравнению с РСФСР, поскольку учащимся приходится дополнительно изучать еще один язык (латышский+русский+иностраннй), кроме того работники образования были против якобы либерального правила, согласно которому родители имели право выбирать — будет или нет их ребенок учить латышский или русский язык. Эти и некоторые другие отличия от всесоюзного закона были закреплены в законе об образовании Латвийской ССР. Выяснилось, что целью обмена мнениями было в очередной раз утвердить предложения Москвы и уже в мае–августе 1959 года Латвийской ССР пришлось изменить свой закон и отказаться при этом от всех положений, которые не совпадали слово в слово с всесоюзным законом.

Уже в 1957–1958 годах наметились разногласия в бюро ЦК КПЛ. Ядро одной группы составили К. Озолиньш, Э. Берклавс и главный редактор органа ЦК КПЛ газеты «Стя» («Борьба») П. Пизанс. Противоположной точки зрения придерживались командующий Прибалтийским военным округом в 1954–1958 годах А. Горбатов, главный редактор газеты «Советская Латвия» Н. Салеев и А. Пельше. Надо отметить, что А. Пельше открыто не выступал против национал-коммунистов, во многих вопросах, например, по закону об образовании, его высказывания совпадали с мнением национал-коммунистов. Вокруг этих центров группировались сторонники и противники реформ. Как уже было сказано, у второй группы была поддержка в аппарате ЦК КПЛ. Определенное равновесие сохранялось благодаря поддержке национал-коммунистов со стороны Я. Калнберзиньша и В. Лациса, однако Калнберзиньш колебался — в зависимости от позиции Москвы. Весной 1959 года ситуация накалилась до такой степени, что в апреле в Латвию была прислана бригада ЦК КПСС для проверки работы республиканского руководства. Выводы бригады оказались, очевидно, не очень благоприятными для руководства ЦК КПЛ, однако они не стали бы причиной столь кардинальных перемен, если бы противникам национал-коммунистов не удалось привлечь на свою сторону Хрущева. В июне 1959 года Латвию посетила делегация Германской Демократической Республики во главе с В. Ульбрихтом. Сопровождал делегацию Н. Хрущев. После отъезда немцев 12 июня он встретился с руководством Латвии, обсуждались многие вопросы, например, объявление праздника Лиго выходным днем, закупки в Швеции подходящей для условий Прибалтики сельскохозяйственной техники, замораживание строительства Плявиньской ГЭС. Отношение Хрущева к состоянию дел в республике было положительным. 13 июня Хрущев уезжал. Однако за ночь его отношение кардинально изменилось. В. Калпиньш пишет: «Хрущев, не выбирая выражений, как обычно, когда сердился, напал на членов бюро ЦК КПЛ,

у которых под носом якобы свили гнездо буржуазные националисты. Они собираются выжить из республики людей другой национальности, в первую очередь русских. Больше всего досталось Калиберзиньшу как старому большевику и первому секретарю ЦК. Потом последовала фраза: «Есть среди вас один самый непорочный. Это Пельше. Он здесь?»».

Как выяснилось, после совещания с Хрущевым встречался генерал-майор Н. Демин и бывший заместитель председателя Совета министров ЛССР Н. Пономарев, уволенный с должности в силу некомпетентности. Очевидно, их аргументы и интерпретация политики руководства Латвии оказались столь действенными, что резко изменили настроение эмоционального Хрущева. В тот же день секретариат ЦК КПСС принял решение отправить выводы бригады в Латвию «для принятия мер».

20–21 июня на заседании бюро ЦК КПЛ, на котором присутствовал секретарь ЦК КПСС Н. Мухитдинов, обсуждались выводы московской бригады. Республиканское руководство обвинялось во всех «смертных грехах». Главный пункт обвинения: в республике освобождаются от работы или дискриминируются руководящие работники нелатышской национальности или российские латыши; далее осуждались высказывания Э. Берклавса о необходимости развивать в республике легкую и пищевую промышленность для удовлетворения нужд населения республики, отказе от развития в республике тяжелого машиностроения, поскольку оно базируется на привозном сырье и привозной рабочей силе, при этом его точка зрения поддержана и другими работниками; введенные Рижским горисполкомом правила прописки офицеров и членов их семей, а также присланных в Латвию специалистов; назначение руководящих кадров якобы по национальному принципу, с предоставлением преимуществ латышам. Следует сказать, что доклад был чрезвычайно тенденциозным. Многие примеры национализма интерпретировались односторонне или вообще были надуманы. Видимо, у сторонников А. Пельше, несмотря на поддержку Москвы, по-прежнему не было полной уверенности в победе. Однако, хотя Э. Берклавс и другие члены бюро пытались опровергнуть обвинения, а также указать на необоснованность многих, это не помогло, и среди национал-коммунистов появились признаки раскола. Я. Калиберзиньш сразу признал все упреки, другие члены бюро ЦК КПЛ, за исключением Э. Берклавса, тоже более или менее быстро сдали свои позиции, возможно еще и потому, что Э. Берклавс был «назначен» виновным во всем. Остальные же надеялись, что, подчинившись давлению Москвы, они сумеют сохранить *status quo*.

На состоявшемся 7–8 июля чрезвычайном пленуме ЦК КПЛ тезисы бригады работников ЦК КПСС фактически легли в основу доклада

Я. Калнберзиньша. И хотя некоторые участники пленума пытались опровергнуть многие обвинения, фактически все было решено заранее. На пленуме обсуждался также вопрос об ответственности единственного «непорочного» А. Пельше, ибо как член бюро ЦК КПЛ он нес ответственность за проводимый курс и не возражал против него. Стоит заметить, что мастерство, с которым А. Пельше вышел из этой ситуации, свидетельствовало о том, что его репутация редкостного интригана и «иезуита» была заслуженной.

На самом пленуме был снят с должности один человек — Э. Берклавс, его сослали во Владимирскую область, назначив начальником управления кинофикации. Однако на пленуме был обозначен круг функционеров, которых увольняли с работы постепенно, в течение последующих месяцев — редактор «Сīņa» П. Пизанс, редактор «Rīgas Balss» О. Дарбиньш, редактор иллюстрированного журнала «Zvaigzne» Р. Блумс и другие, к тому же сделано это было прежним составом бюро (без Берклавса). На пленуме ЦК КПЛ 25 ноября 1959 года подали в отставку Я. Калнберзиньш и В. Лацис. Первым секретарем ЦК КПЛ стал А. Пельше. Его позиции окончательно укрепились на XVII съезде КПЛ, состоявшемся в феврале 1960 года, когда сменился состав ЦК КПЛ и бюро. После съезда чистки пошли полным ходом. С работы были сняты многие руководящие партийные работники. Проходили широчайшие чистки в партийном, комсомольском, хозяйственном аппаратах, в средствах массовой информации, которые продолжались вплоть до 1962 года. Правящая элита республики почти полностью была заменена. Лишились своих должностей и многие министры (министр сельского хозяйства А. Никонов был вынужден уехать в Россию, где впоследствии стал президентом Академии сельскохозяйственных наук СССР), руководители отделов ЦК, ответственные работники Рижского горкома и горисполкома, почти все редакторы средств массовой информации и т. д. Очевидно, у Пельше не было мандата Москвы на проведение масштабных чисток, поэтому замена кадров проводилась постепенно. Довольно часто практиковался перевод подвергшегося наказанию человека на менее ответственную должность, за которым следовал полный запрет на номенклатурные должности. В результате общественность не сумела оценить истинные масштабы чистки.

Похоже, предполагалось даже начать уголовное преследование в отношении Э. Берклавса и П. Дзерве, но на это не было получено согласия Хрущева. Э. Берклавса не исключили из партии, хотя во второй половине 1961 года вновь появились требования партийных организаций окончательно расправиться с ним и другими национал-коммунистами. До конца срока Э. Берклавс оставался и депутатом Верховного Совета СССР.

При обсуждении решений июльского пленума 1959 года в партийных организациях многие коммунисты отважились заявить о своем несогласии с происходящим, направляли письма протеста в ЦК КПСС, в ведущие газеты. Безусловно, не без помощи Комитета государственной безопасности недовольных заставили замолчать.

Некоторые авторы и современники называют различные цифры уволенных во время преследования национал-коммунистов — от 100 человек до 2000. Если же говорить о непосредственных жертвах преследования, о тех, кому были предъявлены обвинения в «националистическом уклоне», или о которых доподлинно известно, что они были уволены именно в рамках этой кампании, действительная цифра может колебаться в пределах 200 человек. Однако фактическое число пострадавших было гораздо больше, поскольку многие были уволены с ничего не значащей формулировкой, а фактически за сочувствие политике национал-коммунистов или отрицательную оценку итогов пленума 1959 года и последующей политики А. Пельше. Кроме того, немало людей во время этой «охоты на ведьм» стало жертвой конкурентов или недоброжелателей.

За сравнительно недолгий срок пребывания на руководящей должности в Латвии А. Пельше (в 1963 году он стал членом политбюро ЦК КПСС, в Латвии его сменил другой российский латыш, Август Восс) делал все возможное, чтобы направить развитие республики по курсу, прямо противоположному тому, который наметили национал-коммунисты. Фактически любые темы, затрагивавшие духовную культуру, наследие прошлого, национальные отношения, были под запретом. Этот курс оказал влияние и на отношение к проблемам экологии, охране памятников культуры, строительству крупных промышленных предприятий и т. п. Среди латышей распространилось мнение, что руководство Латвии менее, чем руководство других Прибалтийских республик, заботится о благополучии своей республики и старательней всего исполняет указания Москвы. Возможно, это не было верно в каждом конкретном случае, но в немалой степени отражало различия между тремя республиками и очевидный факт, что именно с середины 60-х Латвия начала утрачивать лидерские позиции в Балтии.

Разгром национал-коммунизма имел существенные последствия с точки зрения легитимизации советской власти и идей коммунизма. В самом зародыше он убил веру в «социализм с человеческим лицом» — еще за десять лет до «Пражской весны». В Латвии не сформировалось сильное поколение шестидесятников, как это случилось, например, в России, где вера в реформированный социализм была существенным идеологическим фактором интеллектуальной жизни. В 70–80-е годы наблюдался

рост удельного веса латышей среди номенклатурных работников компартии, однако это преимущественно были технократы, которые партийную карьеру воспринимали как прагматики — перед ними открывались более широкие возможности решать научные и административные проблемы, для них это не было идеологическим выбором.

В 1988 году была создана комиссия ЦК КПЛ для пересмотра решений июльского пленума 1959 года, однако расклад сил в компартии Латвии был таков, что предложение об отмене решения не получило поддержки в апреле 1990 года ни на XXV съезде КПЛ, ни в бюро ЦК КПЛ. Национал-коммунисты очень быстро теряли способность влиять на процессы Атмоды (Пробуждения) как потому, что были в партии в меньшинстве, так и потому, что коммунистические идеи большинство латышей воспринимало только как идеологическое обоснование имперских амбиций России.

6. 6. КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, РЕЛИГИЯ

Особая роль культуры. Горький опыт 1940–1941 годов заставил большую часть латышской интеллигенции эмигрировать. Считается, что эмигрировали три четверти архитекторов, большинство писателей, художников, театральных деятелей, в целом примерно половина творческой интеллигенции страны. Многие из оставшихся в Латвии были репрессированы и полностью или на время вычеркнуты из культурной жизни. Так что можно утверждать, что латышская творческая и интеллектуальная элита формировалась заново. Она, безусловно, опиралась на культурное наследие, но обстоятельства изменились, и культуре пришлось столкнуться с абсолютно новыми требованиями времени.

Главным было то, что культура и интеллектуалы стали играть до того неслыханно большую роль (более значимую даже, чем во время национального пробуждения в XIX веке). Во-первых, культура была выражением коллективного сопротивления маленькой нации попыткам растворить ее идентичность в «советской» нации и культуре. Во-вторых, сопротивление было также конфронтацией творческих личностей и деятелей культуры с властью, что выражалось в противостоянии нонконформистов власти и элите, которая существует при любом политическом режиме, и в неприятии деятелями культуры попыток превратить их в послушных слуг коммунистической идеологии, и, безусловно, было протестом против национального угнетения. Тоталитарный режим любую мало-мальски творческую мысль или независимый поступок воспринимал как политическую оппозицию,

таким образом превратив в политическое явление диссидентство, которое при любом другом политическом режиме воспринималось бы как оригинальничание или выражение творческого нонконформизма. Это вызывало различного рода негативные последствия, в том числе и репрессии. В то же время творческая элита имела возможность, безусловно, с некоторыми ограничениями, вести дискуссии или по крайней мере назвать волнующие общество проблемы, в немалой степени взяв на себя роль философов, социологов, историков, социоантропологов и пр. Культурная элита, особенно поэты, нередко становились культовыми фигурами.

Период 1944–1953 годов был наиболее трудным этапом, когда латышская культура не столько развивалась, сколько боролась за выживание. Лишь небольшая часть культурного наследия оказалась приемлемой для режима. В системе сталинизма существовала жесткая иерархическая табель о рангах — не только для мертвых, но и для «живых классиков». Второе определение употреблялось отнюдь не в ироническом смысле. Например, в литературе в первую категорию был включен Янис Райнис, по вторую — Андрей Упит, Вилис Лацис, Анна Саксе, Янис Судрабкалнс, Валдис Лукс и Арвид Григулис. Влияние западной культуры в Балтии принижалось, благодатное влияние русской культуры всячески подчеркивалось.

Конец войны и краткий послевоенный период можно охарактеризовать как период некоторого либерализма, когда имели место попытки власти перетянуть интеллигенцию, в том числе и творческую, на свою сторону. Однако либерализм довольно скоро — весной и летом 1946 года — сменился подготовкой к существенному ужесточению идеологических канонов и более надежной привязке деятелей культуры к власти. Первым серьезным шагом на этом пути было постановление ЦК ВКП (б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». За ним последовал целый ряд решений и кампаний. Все эти кампании имели резонанс в республиках, в том числе и в Латвии. Критике были подвергнуты такие писатели, как Александр Чак, Цецилия Динере, Мирдза Кемпе и другие. Промедление с выражением осуждения Д. Шостаковича и С. Прокофьева в связи с постановлением ЦК от 10 февраля 1948 года о музыке стало причиной увольнения ректора консерватории Алфреда Калныньша. «Перевоспитанию» подвергались художники, представители других творческих профессий. Многие представители интеллигенции были репрессированы. В конце 40-х — начале 50-х годов были полностью прерваны связи с деятелями культуры и науки, оказавшимися в изгнании.

В то же время советский режим пытался использовать и интегрировать отдельные элементы национальной культуры, например, традиции

хорового пения, народного танца, народные костюмы, вкладывая в них советское содержание. Советскому режиму в некоторой степени приходилось считаться с мнением и традициями латышского общества. Возможно, ярче всего это проявилось в организации Праздников песни. Для власти это был способ предоставить народу возможность ощутить национальное единство, но под контролем органов власти и с минимальными политическими потерями. Праздники песни подвергались интенсивной советизации: их приурочивали к годовщинам Советской Латвии, проявлялось это в оформлении, в подборе репертуара, большую часть которого составляли идеологически ангажированные песни или песни и танцы русского и других советских народов, нередко латышские песни составляли меньшую часть репертуара. В то же время для латышей это было напоминанием о том, что Латвия еще существует — пусть лишь на уровне идеи, и для них Праздник песни становился выражением идентичности и солидарности.

Накопленные в досоветский период культурные и профессиональные возможности еще не были исчерпаны; так, например, высокую оценку получили в Москве гастроли Художественного («Дайлес») театра (1947 год), Театра драмы (1949 год), выступления других исполнительских коллективов. В Латвии в первую очередь были сформированы и укреплены союзы творческой интеллигенции, что позволяло осуществлять абсолютный административный контроль над «инженерами человеческих душ», ибо любая творческая деятельность за рамками официальных структур или без их ведома могла быть квалифицирована как нелегальная, а значит автоматически и как субверсивная деятельность.

Середина 50-х — конец 60-х годов были периодом определенной политической и культурной либерализации, причем отделить одну от другой невозможно. В культурный оборот были возвращены некоторые произведения досоветского периода, произведения писателей, оказавшихся в изгнании, наиболее ценные произведения культурного наследия. Хотя осторожно, но можно было касаться многих тем, до этого находившихся под запретом. Допускалось, правда, не без возражений, существование различных форм и жанров искусства, которые не имели непосредственного общественного звучания (интимная лирика в поэзии, пейзажи и натюрморты в изобразительном искусстве и т. п.). В середине 50-х годов в литературу вошло поколение, которое в последующие десятилетия определяло развитие латышской литературы, — Визма Белшевица, Ояр Вацис, Имант Зиедонис, Ария Элксне, Янис Петерс, Марис Чаклайс, Имант Аузиньш, Миервалдис Бирзе, Висвалдис Ламс, Гунар Приеде и другие. Первым от диктата попыталось освободиться изобразительное искусство. В 1956 году состоялась первая выставка молодых художников, которую,

преодолев многочисленные препятствия, организовали Улдис Земзарис, Зигурд Зузе, Юрис Мауриньш и другие. Молодое искусство отвоевало право на существование.

Огромное значение приобрела поэзия, ибо она в афористичной форме позволяла выразить мироощущение людей. Поэзия стала наиболее популярным литературным жанром. Ежегодные дни поэзии в Латвии, которые впервые прошли в 1965 году, стали одним из наиболее востребованных культурных мероприятий. Поэтические книги издавались большими тиражами (тираж достигал 20–30 тысяч экземпляров), но и тогда они были дефицитом. Прозу легче было подвергнуть цензуре, поэтому в Латвии, где диктат был более жестким, она развивалась с большими трудностями, чем, например, в Эстонии. И все-таки были прозаики, которые сумели создать высококачественную прозу, например, Регина Эзера.

Конфликт между властью и культурой в большой степени воспринимался как конфликт между последователями курса сталинизма и демократическими силами. После XX съезда КПСС возникла иллюзия возможности сосуществования свободы творчества и коммунистического режима, что выразилось и в деятельности так называемых национал-коммунистов, и в работах многих творческих личностей. Однако борьба со сталинизмом, за социализм с «человеческим лицом» последовательно привела к полной конфронтации с властью (Ояр Вацietис, Визма Белшевица). Во многих случаях творческая интеллигенция в этот период высказывалась намного откровеннее и жестче, чем в 70-е и в первой половине 80-х годов, поскольку границы возможного не были строго намечены. Они четко определились арестом и тюремным заключением (Кнут Скуениекс), запретами на публикацию и участие в выставках и другими санкциями. Возможно, наиболее важным было то, что за уклонение от линии партии в большинстве случаев не грозили физические репрессии, а публичная расправа еще не означала для подвергшихся остракизму исключения из культурного процесса. В основном применялись «экономические» санкции — запрет на публикации, лишение привилегий и т.п. Так, например, написанная В. Белшевиц поэма «Замечания Генриха Латвийского на полях Ливонской хроники» вызвала запрет на публикацию примерно на десятилетие, сборник стихов О.Вацietиса не издавался шесть лет — с 1960 до 1966 года, столько же существовал запрет на публикацию прозы В. Ламса (за то что осмелился затронуть запретную тему легионеров).

В 70-е годы и до середины 80-х годов завоеванное в предыдущий период культурное пространство осваивалось, расширялось, но происходило это не столько через открытую конфронтацию, сколько через попытки доказать его допустимость и безвредность для идеологических требова-

ний власти. Каноны социалистического реализма были расширены до такой степени, что в них входили уже и такие направления, которые не имели ничего общего ни с социализмом, ни с реализмом. Одновременно делались попытки политически адаптировать различные движения, направления, проявления массовой культуры — рок-музыку, дискотеки, экологическое движение и пр. под патронажем комсомола или других властных структур. С отходом советской системы на оборонительные позиции усилилась тенденция «осваивать» в идеологических целях и те формы проявления культуры, которые раньше запрещались. Культура была своего рода витриной, которую можно было демонстрировать за рубежом, чтобы показать, что латышский народ в советской Латвии процветает.

В то же время все те направления, которые не были адаптированы или представители которых не хотели сотрудничать, подвергались критике. Например, в 1970 году в Риге были арестованы около 600 хиппи, которые прибыли со всех концов Союза на концерт группы «Natural Products». Концерт не был санкционирован, милиция изъяла инструменты и обвинила музыкантов в антисоветской пропаганде.

Спротивление выражалось и через официальные структуры — творческие союзы (Союз писателей, например, с 1965 года превратился в «крепость» неконформистов) и газету «Literatūra un Māksla» («Литература и искусство»), используя предоставленные государством возможности и расширяя свою деятельность в пределах системы (не столько в сфере создания культуры, сколько в сфере ее потребления).

Откровенная политическая оппозиция, диссидентство в культурной элите было достаточно редким явлением. Следует учесть и то, что открытая конфронтация культуры маленького народа с властью и последующие репрессии могли стать для нее фатальными. То, что удалось довольно быстро компенсировать потери, нанесенные эмиграцией и репрессиями, свидетельствовало о жизнеспособности латышской культуры, однако резервы ее не были бесконечными, и это проявлялось в инстинктивном отказе от радикализма. Таким образом, культура как форма коллективного сопротивления нации нередко оказывалась в конфронтации с диссидентством и неконформизмом, как проявлениями противостояния творческой личности и власти.

В 70–80-е годы в жизнь вступило новое поколение, которое лично не пережило ни репрессии, ни интеллектуальный террор и знало об этом не очень много. Страх уже не был так силен. Молодое поколение было более образованным и лучше информированным. Это поколение было и менее идеологизированным. В изобразительном искусстве появились такие направления, как сюрреализм, концептуализм, гиперреализм. И хотя контакты с внешним миром были ограничены, интеллектуалы имели

достаточно информации о тенденциях в мировой культуре; хотя нередко с определенным сдвигом во времени. В отдельных областях творческая свобода была шире, чем в Москве и Ленинграде, например, в изобразительном искусстве могли официально выставляться произведения, которые в России никогда не были бы разрешены. Но все это сопровождалось большими трудностями, часто приходилось идти на компромисс и в конце концов наиболее смелые попытки запрещались, например, в 1984 году раньше намеченного срока была закрыта выставка «Природа. Среда. Человек».

Довольно парадоксальная ситуация сложилась в сфере русской культуры и культуры национальных меньшинств. Согласно советской культурной политике, в республиках более или менее полноценно могла развиваться только культура титульной нации и русская культура. И хотя в Латвии проживало немало эстонцев, литовцев, белорусов, украинцев, представителей других народов, официально никакие культурные инициативы в их среде не были возможны. Русская культура поддерживалась, стимулировалась, тем не менее определенные преимущества предоставлялись культуре титульной нации. И с точки зрения Москвы культура, развивавшаяся в республиках, носила провинциальный характер. Русскому интеллектуалу, чтобы получить известность в Союзе, нужно было жить в одной из столиц. Однако созданные в Латвии ценности русской культуры получили широкий резонанс не только в Латвии. Это были, например, театральные постановки Адольфа Шапиро и Аркадия Каца в Театре юного зрителя и Рижском театре русской драмы. В 1977 году стал выходить журнал «Даугава», в котором публиковались многие русские литераторы, среди них Марина Костенецкая, Людмила Азарова, Роальд Добровенский, Вольдемар Бааль, публиковались произведения латышских авторов в переводах Юрия Абызова, Фриды Дорошенко, Нины Бать, Виктора Андреева, Лидии Ждановой и других.

Образование. Ряды интеллигенции так сократились за годы войны и в результате репрессий, что после войны с трудом начали работу Латвийский государственный университет и Сельскохозяйственная академия. В первые послевоенные годы учителя и преподаватели вузов испытали на себе, пожалуй, самое сильное давление со стороны власти, что выразилось и в репрессиях, и в требованиях перестраивать учебные планы, активно включаться в идеологические кампании. В этот период корпус работников образования был постепенно заменен. Вакансии репрессированных и уволенных преподавателей заняли приехавшие из других республик Союза или представители молодого поколения, получившие образование в республике.

Еще в первый год советской оккупации в Латвии работали националь-

ные школы — еврейские, польские, белорусские, эстонские, литовские. Некоторые продолжали работать и после войны. Однако уже через несколько лет все школы нацменьшинств были закрыты. После их ликвидации осталось только два языка, на которых велось преподавание. В 1945 году на латышском языке обучалось 78–79% всех учащихся, а в 1963 году количество учащихся в латышских школах снизилось до 55%, то есть удельный вес учеников, обучающихся на латышском языке, был ниже удельного веса латышей в составе всего населения. И хотя в последующие годы удельный вес латышских учеников несколько возрос, после 1976 года он снова снизился, в 1988 году достигнув минимума — 52%.

Образованию в СССР уделялось очень большое внимание, и безусловным достоинством его была доступность для абсолютного большинства населения — вплоть до высшего образования, а также, что основное образование, а с 70-х годов и среднее стало обязательным, особенно после придания большинству профессионально-технических училищ статуса средних учебных заведений (в 1982 году 56,3% выпускников восьмых классов продолжили образование в 9-м классе средней школы, 26,4% — в профтехучилищах). Обязательное семилетнее образование было введено в сентябре 1944 года. В конце 40-х годов уже более 98% детей соответствующего возраста посещало школы. В 1959 году начался переход к обязательному восьмилетнему образованию, который завершился в 1961/62 учебном году. С 60-х годов началось строительство новых школ; строили главным образом школы, рассчитанные более чем на 1000 учащихся. Резко сократилось число основных и неполных средних школ и возросло число средних учебных заведений. Одновременно увеличилось и число высших учебных заведений. После войны открылись четыре вуза, существовавшие и до Второй мировой войны, — Латвийский государственный университет, Сельскохозяйственная академия, Академия художеств и Консерватория, а также основанный в 1940 году Государственный педагогический институт языка и литературы (после многочисленных реорганизаций присоединенный к Университету). Однако число высших учебных заведений очень быстро увеличилось. В 1960 году уже насчитывалось 10 вузов, эта цифра сохранялась и в дальнейшем. Наиболее существенным достижением было создание Рижского политехнического института (теперь Рижский технический университет) и Рижского медицинского института (теперь Рижский университет им. П. Страдыня), который был создан на базе Латвийского государственного университета, открытие Даугавпилсского и Лиепайского педагогических институтов на базе средних педагогических учебных заведений, а также Рижского института инженеров гражданской авиации, где готовили специалистов для всей

системы гражданской авиации СССР и где учеба велась только на русском языке. В остальных вузах были латышские и русские потоки.

Русификация. Русский язык и культура с середины 30-х годов стали главным средством, при помощи которого делались попытки сблизить и интегрировать народы Советского Союза. В конце 40-х — начале 50-х годов это выразилось в безудержной кампании прославления русского языка и культуры; хотя утверждалось, что русский и местные языки равноправны, для русского языка создавались преимущества. Уделялось повышенное внимание изучению русского языка и в латышских школах. В русских же школах латышский язык зачастую вообще не преподавался или преподавался на очень низком уровне. Был снижен возраст, с которого в латышских школах начинали учить русский язык, после этого его начали учить в детских садах, звучали даже предложения как можно больше предметов в вузах преподавать на русском языке.

Однако советская национальная политика, которая конституционно гарантировала преимущества национального языка, не позволяла использовать явно дискриминирующие методы. Уровень национального самосознания латышей был достаточно высок, не очень популярной была и идея делать карьеру за пределами республики, поэтому большинство латышей считало, что их дети должны получать образование на родном языке. В целом уровень владения русским языком вырос, особенно в 70–80-е годы. Вскоре после войны количество владеющим русским языком среди латышей не превышало половины населения, однако в 1989 году таких было уже 82%. И хотя главный акцент при изучении русского языка ставился на школу, существенное значение имело постоянное расширение бытового и информационного пространства, где нельзя было обойтись без знания русского языка: служба в советской армии, средства массовой информации, особенно телевидение, программы которого на русском языке были чрезвычайно популярны, анимационные и художественные фильмы все чаще не дублировались и не титровались, сказывалась также ситуация на работе, в магазинах, на улицах. Снижение удельного веса коренных жителей, особенно в больших городах, привело к тому, что без русского языка было не обойтись. Латышский язык был вытеснен из многих профессий, поскольку специальная литература и технические описания во многих профессиях были доступны только на русском языке.

В Советском Союзе делалось все возможное, чтобы как можно больше нивелировать национальные языки и своеобразие национальных культур. Всячески поддерживалась ассимиляция малых народов и национальных групп основной нацией соответствующей республики. Так, например, в Латвии ливам не разрешалось указывать свою национальность в паспорте,

а пропаганда ливского языка и культуры настораживала органы безопасности. В 40-е и 50-е годы еще печатались книги и издавались газеты на латгальском письменном языке, в 60-е годы это было уже невозможно.

Наука. Существенные перемены произошли и в науке. Так же как в других отраслях, после войны в науке ощущался определенный либерализм. В начале 1945 года было создано восемь научно-исследовательских институтов, а в ноябре было опубликовано постановление СНК СССР об основании Академии наук. Первый состав АН, президентом которой стал профессор Паул Леиньш, был утвержден ЦК КПЛ (как и последующие составы), однако в нем было много выдающихся ученых, например, языковед Янис Эндзелин, химик древесины Арвид Калныньш, медик Паул Страдыньш, архитектор Эрнест Шталбергс и др., правда, одновременно их «разбавили» идеологически надежными, но далекими от науки советскими функционерами. Однако относительно терпимое отношение к науке очень быстро сменилось кампаниями преследования, которые начались осенью 1946 года и продолжались вплоть до 1953 года. Гонения коснулись и основателей АН, и многих других, таким образом, уже в 50-е годы произошла серьезная советизация Академии наук.

Как и по всей территории СССР, в Латвии было четко обозначено разделение труда между вузами и научными институтами. Научная работа в основном концентрировалась в институтах АН, на которые были возложены и координационные функции в соответствующей отрасли. И хотя при вузах сформировались отдельные мощные научные центры, например, Институт физики твердого тела при ЛГУ, сильные ученые работали также в других вузах, тем не менее АН считалась главным исследовательским центром. В определенной мере это способствовало тому, что в вузах обстановка, особенно в 70-80-е годы, была более либеральной. Полуофициально в них развивались направления исследований, которые не могли бы развиваться в институтах АН, с лекциями выступали известные философы, историки, литературоведы из Москвы. Именно в сфере гуманитарных и социальных наук в университете была более свободная атмосфера, чем в институтах Академии наук. В системе АН в свою очередь предпочтением пользовались и успешнее развивались фундаментальные, особенно технические науки. Исследования в таких областях, как магнитогидродинамика, вычислительная техника, органическая химия давали практические результаты, получившие высокую оценку во всем мире.

Резюмируя, следует сказать, что существовало выраженное стремление развивать те отрасли, которые «интернационализировали» науку Латвии и в которых нуждалась наука и техника СССР (в том числе на военные нужды и освоение космоса). В то же время исследования о Латвии, особенно касающиеся истории и других связанных с национальной идентичностью

проблем, отодвигались на второй план, а содержание и направление исследований строго контролировались.

Религиозная жизнь. В 1940–1941 годах у советского режима просто не хватило времени, чтобы взять под контроль религиозные конфессии. Наиболее существенными мероприятиями были национализация церковной собственности и начало официальной пропаганды атеизма — создание обществ безбожников. Последовательное подчинение религиозной жизни государственному контролю началось только после Второй мировой войны. Во время войны в СССР кардинально изменилось отношение к церкви. Она была признана полезным инструментом для пробуждения советского патриотизма в обществе. Это проявилось и в конце войны, и после нее в Латвии. Следует учесть, что все конфессии понесли большие человеческие и материальные потери. Тяжелее всего, безусловно, пострадали иудаисты — были уничтожены не только верующие и их духовные наставники, но и все синагоги (до войны, например, только в Риге их было более 30). Из католической церкви принудительно были увезены в Германию три епископа, 35 священников эмигрировали. Эмигрировало практически все руководство Латвийской евангелическо-лютеранской и Латвийской православной церквей. Многие культовые здания пострадали в результате военных действий, некоторые были разрушены до основания.

В самом начале реокупации была создана структура, обязанная обеспечить контроль над религиозными конфессиями и общинами — уполномоченный по делам религий по Латвийской ССР, при СНК ЛССР был подчинен аппарату уполномоченного по делам религий в СССР. Следует отметить, что в его ведении были все конфессии, за исключением русской православной церкви, которая имела своего уполномоченного. Уполномоченный по делам религий и его аппарат проводили контролируруемую Москвой политику, которая в первые послевоенные годы сосредоточилась на следующих целях: 1) обеспечить лояльность духовенства и использовать его для претворения в жизнь целей компартии; 2) учитывая влияние религии на большинство населения, добиться полного контроля над духовенством и деятельностью конфессий. На руководство религиозных конфессий оказывалось давление — церковь должна была продемонстрировать лояльность советской власти. В обмен власти обещали церкви содействие. Все религиозные общины были перерегистрированы. Чтобы зарегистрировать общину, необходимо было заявление не менее 20 верующих. Эти люди, так называемая «двадцатка», должны были гарантировать, что вся религиозная деятельность будет проводиться в рамках определенных предписаний. Было создано единое руководство конфессиями, которые раньше его не имели, например, баптисты. В Латвии официально

признанными конфессиями были православные, староверы, лютеране, католики, баптисты, адвентисты седьмого дня, иудаисты. Немалые усилия были потрачены на то, чтобы заставить конфессии, центры которых находились за рубежом, отказаться от контактов с ними. Это касалось в особенности римско-католической церкви, контакты которой с Ватиканом были полностью прерваны в первые послевоенные годы. Тех, кто отказывался подчиняться, репрессировали, как и членов эзотерических сект, свидетелей Иеговы и пр.

После смерти Сталина наступила некоторая «оттепель» в отношениях между церковью и государством, хотя в большой степени это было связано с переходом к политике мирного сосуществования. Визиты иерархов церкви и их зарубежные контакты: участие в конгрессах мира, возобновление контактов с коллегами из религиозных общин в изгнании и т. д. были необходимы СССР, чтобы показать, что его политику поддерживают такие влиятельные негосударственные организации, как религиозные конфессии. И все же полного доверия между церковью и государством не было. Политика советского государства все последовательнее выдавливала церковь из общественной жизни, поскольку, согласно идеологии, религия — это пережиток прошлого, и ей не место в коммунистическом будущем. У религиозных конфессий еще интенсивнее, чем раньше, стали отбирать церкви (например, православный собор в Риге в начале 60-х годов был превращен в планетарий, лютеран лишили Домского собора), новые храмы строить не разрешали. Религиозные традиции — крестины, причастие, свадьба и т. д. довольно успешно заменили советскими традициями. Следует подчеркнуть, что религиозные общины полностью зависели от благожелательности местных и государственных инстанций, когда приходил черед ремонтировать храмы, поскольку практически все строительные материалы можно было получить только с их разрешения.

Но это не значит, что интерес людей к религии уменьшился. Именно в 70–80-е годы, как и во всем мире, в Латвии наблюдался рост интереса не только к христианским, но и к нехристианским мировым религиям — индуизму, буддизму, их сектам, различным эзотерическим учениям. Возросло также влияние некоторых прежде менее распространенных ответвлений протестантизма, особенно среди нелатышей. Недовольство конформизмом руководства традиционных конфессий проявлялось среди духовенства молодого поколения; группа священников лютеранской церкви (Модрис Плате, Юрис Рубенис, Янис Ванагс и др.) основала христианское движение «Возрождение и обновление», которое официально о своем существовании заявило в 1987 году. Подобные тенденции существовали и в других конфессиях, и в условиях «гласности» и «перестройки» они могли заявить о себе открыто.

6. 7. МИГРАЦИЯ; ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Миграция и ее влияние на этнический состав населения. После Второй мировой войны существенно изменился этнический состав Латвии. Репатриация немцев накануне войны и геноцид евреев во время войны почти полностью уничтожили две этнические группы, игравшие важную роль в экономике и культуре Латвии. Война, репрессии и эмиграция стали также причиной снижения численности населения латышской национальности. Последняя перепись населения в годы Латвийской республики состоялась в 1935 году, а первая в советское время — в 1959 году; это в большой мере затрудняет подсчет подлинных потерь населения в результате военных действий, репрессий и эмиграции. Новейшие данные демографов П. Эглите и И. Межса свидетельствуют, что потери в 1940–1959 годах могли составить 267 тысяч лиц латышской национальности и 325 тысяч всего населения в целом, т. е. примерно 17% довоенного населения. Более ранние расчеты демографов и историков называли 600–700 тысяч потерь, т. е. примерно треть населения довоенной Латвии, однако в эти цифры были включены и мобилизованные в советскую и немецкую армии, беженцы на восток в 1941 году и на запад в 1944–1945 годах, а также репрессированные. К 1959 году, когда состоялась первая послевоенная перепись населения, беженцы, кто хотел, вернулись домой, возвратилось и большинство оставшихся в живых репрессированных, так что перепись, в сущности, помогла скрыть, по крайней мере отчасти, подлинные размеры репрессий и те огромные демографические потрясения, которые пережило население Латвии во время войны и в послевоенные годы.

Перепись одновременно показала, что численность населения Латвии, по сравнению с довоенным периодом, выросла. Причина заключалась в резком притоке населения из других районов, в основном из России и Белоруссии. В 1945–1959 годах прибыло примерно 400 000 человек (включая и родившихся в Латвии детей). В последующие 40 лет показатель прироста за счет миграции был меньше, чем сразу после войны, — за этот период в Латвию переселилось 708 000 человек. Прирост населения за счет рождаемости в Латвии был самым низким среди всех советских республик, но одновременно за счет миграции и самым большим. Ситуация в Латвии была в этом отношении уникальной даже в масштабах Европы, поскольку трудно назвать другое государство, в котором за относительно короткий срок наблюдался бы столь мощный наплыв иммигрантов.

Из-за миграции существенно изменился этнический состав населения. Стремительно вырос удельный вес представителей славянских наро-

дов. В 1989 представители славянских народов (без поляков) составляли 42% населения Латвии. В то же время удельный вес латышей снизился с 80% в довоенный период до 52% в 1989 году.

Почему миграция именно в Латвию была столь высокой? Очевидно, определялось это несколькими факторами. Во-первых, такова была целенаправленная политика советской власти — как можно глубже интегрировать Латвию в Советский Союз, учитывая, что Балтийские республики были как бы форпостом по отношению к Западу. Лояльность латышей ставилась под сомнение, а приезжие из «старых» республик СССР считались опорой режима. Во-вторых, «насосом» миграции служила социалистическая индустриализация. Бесспорно, в первые послевоенные годы рабочей силы на месте не хватало, однако форсированное развитие промышленности создало и искусственный дефицит рабочей силы, который особенно возрос в 60-е годы, когда началось масштабное строительство крупных производств. В-третьих, бои в Курземе, а также размещение большого числа военных учреждений в Риге привлекло в Латвию и воинские части, и военнослужащих, которые после демобилизации оставались в Латвии. В-четвертых, миграции способствовало также то обстоятельство, что с ней граничит Нечерноземье России, особенно Псковская область, а также Белоруссия. Балтийские республики «втягивали» «лишнюю» рабочую силу из этих регионов, таким образом, были в какой-то мере сняты экономические и социальные проблемы соседних регионов, вернее, они просто не решались благодаря миграции. Следует также сказать, что в Латвии иммигрантам прижиться было проще, чем в других Балтийских республиках, так как до войны удельный вес коренного населения (даже после репатриации немцев) был здесь самым низким (после Польши) среди стран региона Балтийского моря, поэтому традиции этнической толерантности, сосуществования были более развиты.

Мотивация для переезда в Латвию у большинства жителей других республик была чисто экономической — создать лучшие условия жизни для себя и своих детей. Это было связано с перспективами получения квартиры, хорошей зарплаты, профессионального роста. Безусловно, не всем и не всегда это удавалось, поэтому число тех, кто оставался на постоянное местожительство в Латвии, было намного меньше, чем общее количество приезжих. По расчетам демографа Б. Межгайлеса, всего в послевоенные годы в Латвию прибыло 4 миллиона человек. В то же время те, кто прижился в Латвии, и их потомки не собирались покидать Латвию, о чем свидетельствует факт, что после восстановления независимости в 90-х годах из Латвии эмигрировало всего лишь около 15% населения.

Послевоенная иммиграция была устремлена прежде всего в большие

города, особенно в Ригу. Уже в 60-е годы латыши составляли меньше половины населения Риги, а в 1989 году латыши были в меньшинстве во всех крупных городах республики. В небольших городах в 40–50-х годах обычно не было крупных промышленных предприятий, на которых могло быть занято большое количество рабочих. Здесь приезжие были в основном партийные работники, сотрудники управленческих и репрессивных учреждений, и численность их была относительно невелика.

Однако были отдельные сельские местности, которые привлекали приезжих, например, Броценский цементный завод, торфодобывающие предприятия, где работали приезжие (например, поселки городского типа Седа и Зилайсканс были построены при торфоперерабатывающих предприятиях. Удельный вес латышей в них был ничтожным).

В Земгале, где было много совхозов, созданных на конфискованных в 1941 году землях репрессированных или эмигрировавших хозяев, сразу же после войны работали в основном прибывшие из России. «Этнический облик» Земгале стремительно изменился, она стала в большой мере «русскоговорящей» областью (об этом говорит и такой факт, что в 90-е годы наибольший удельный вес неграждан отмечен именно в Земгале — в Бауском, Добельском и Елгавском районах). В 40-50-е годы приезжие редко селились в восточных районах Латвии, поскольку работы там не хватало и местным жителям, и они тоже мигрировали в центральную и западную Латвию.

В 60–70-е годы резко возрос удельный вес лиц других национальностей на ранее ярко выраженной латышской территории. Специфическая среда сформировалась в военных городках, которые существенно изменили этнический состав соответствующих районов, например, в Алуksне, Добеле, Лиелварде, Вайнеде, Скрунде и других местах. В конце 80-х годов латыши составляли только 44% городского населения, но и в сельских районах их удельный вес ощутимо снизился — он составлял всего 77%.

Бесспорно, часть приезжих успешно интегрировалась в Латвию, в основном там, где они были в меньшинстве и не жили компактно. В 40–50-е годы, если речь идет о селе и маленьких городках, можно даже говорить об ассимиляции. Однако формирование компактных территорий, на которых проживали нелатыши, а также высокая мобильность мигрантов не способствовали их интеграции в жизнь страны. К тому же, не убежденные в том, что они свяжут свою жизнь с Латвией навсегда, многие не испытывали необходимости тратить время и энергию на изучение латышского языка, тем более потому что официальная политика это никоим образом не поддерживала, как раз наоборот, латышский язык постепенно вытеснялся из самых важных сфер экономической жизни. Смешанные

браки, а также ликвидация латышских школ во многих районах Латгалии также способствовали тому, что, хотя и медленно, возрастал удельный вес латышей, которые считали родным языком русский, причем выше он был в младших группах населения.

Усиленная миграция подпитывала нарастающее напряжение в обществе, так как усугубляла жилищную проблему, уменьшая возможности коренного населения стать обладателями самого большого «дефицита» советского общества — собственной квартиры; это, в свою очередь, влияло на возможность завести семью, определяло ее размеры.

Перепись населения 1989 года свидетельствовала, что 79% семей, где все члены семьи приехали из других республик (и 68% семей, которые жили в республике менее пяти лет), уже проживали в отдельных квартирах, тогда как среди латышских семей и одиночек квартиры имели только 57%. Среди латышей было, правда, больше живших в собственных домах (24,3% семей), однако это означало, что дома были построены или куплены на личные средства, кроме того, в Риге на строительство односемейных домов был наложен запрет.

Недовольство латышей выплеснулось наружу в начале «гласности» и «перестройки», когда уже можно было эти проблемы обсуждать открыто, что и стало одной из главных тем в прессе и на публичных дискуссиях, однако только в 1989 году руководство республики осмелилось принять постановление «О прекращении необоснованного механического прироста населения и регулировании миграции».

Демографические изменения. Война и репрессии были главной причиной снижения естественного прироста среди латышей в послевоенные годы. После Первой мировой войны ощутимо снизился и процент мужчин, особенно в репродуктивном возрасте — многие погибли на войне, умерли от болезней и не вернулись в Латвию, будучи беженцами. Число женщин в репродуктивном возрасте намного превышало число мужчин. В условиях мирного времени эта деформация постепенно выровнялась, однако в 1935 году Латвия по числу женщин на тысячу человек населения занимала первое место в Европе. Эти обстоятельства стали причиной низкой рождаемости и увеличения удельного веса в обществе лиц пожилого возраста. Во всех областях Латвии, за исключением Латгалии, в 30-е годы естественный прирост приближался к порогу депопуляции.

Вторая мировая война, а также послевоенные репрессии не только усилили отрицательные демографические тенденции — возникшую ситуацию можно назвать демографической катастрофой. Война унесла жизни мужчин 1915–1924 годов рождения, что отрицательно сказалось на приросте рождаемости в послевоенные годы, а затем откликнулось низкими пока-

зателями рождаемости в 70-е годы. Это привело к тому, что численность латышей стала сокращаться, так как число умерших было выше, чем число новорожденных. По абсолютному приросту в 1959–1988 годах латыши занимали последнее место среди основных национальностей республик бывшего СССР. В 80-е годы наблюдалось некоторое улучшение положения, связанное, во-первых, с осознанием латышами, особенно интеллигенцией, ситуации, грозящей нации вымиранием, во-вторых, с принятыми в масштабах всего СССР мерами по увеличению рождаемости (ежемесячные пособия, частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком), общим улучшением условий жизни. Надо отметить, что государственная политика менялась в первую очередь под влиянием экономических причин. Экстенсивно развивающаяся промышленность продолжала нуждаться в притоке рабочей силы, однако прежние источники — нечерноземные районы России и Белоруссия — были исчерпаны. Единственными регионами СССР, где сохранилась высокая рождаемость и избыток рабочих рук, были Средняя Азия и, в меньшей мере, Кавказ. Однако параллельно с середины 70-х годов одним из приоритетов государственной политики стало освоение Сибири и Дальнего Востока; здесь также требовались рабочие руки; кроме того, в самой России нарастала тревога в связи с низкой рождаемостью среди лиц русской национальности. Под влиянием этих обстоятельств руководство Латвийской ССР также серьезно задумалось о том, как повысить рождаемость в республике и снизить зависимость от миграции.

После Второй мировой войны, безусловно, снизилось число мужчин репродуктивного возраста и других национальностей. Однако интенсивная миграция и то, что в Латвию приезжали люди в основном репродуктивного возраста, поддерживало естественный прирост населения среди представителей других национальностей на сравнительно высоком уровне, хотя в целом рождаемость и среди приезжих была невысокой или даже более низкой, чем в латышских семьях. Но прежнее положительное влияние иммигрантов на уровень рождаемости в 90-е годы сменилось более высоким уровнем старения населения и вытекающим отсюда снижением естественного прироста населения. Численность его в Латвии в 90-е годы резко уменьшилась.

Последствия двух мировых войн сказались не только на естественном приросте населения, но гораздо глубже проявились в демографической и социальной сферах. Возросло число неполных семей (в начале 80-х годов примерно 1/7 часть всех семей), снизилась стабильность браков. Демографические исследования как в довоенной Латвии, так и в 80-е годы свидетельствовали, что латыши в массе своей очень сдержанно относятся к

смешанным бракам, однако существовала тенденция их роста, поскольку диспропорция полов оказывалась сильнее предрассудков. Среди представителей других народов браки между представителями различных этнических групп заключались гораздо чаще.

Существенные изменения произошли и в распределении населения между городом и деревней, с одной стороны, и между отдельными областями Латвии и в их границах, с другой. До Второй мировой войны большинство населения Латвии жило в сельской местности — почти 64% в 1935 году. В начале 1991 года около 71% жило в городах и поселках городского типа, менее трети — на селе. Городское население росло в основном за счет механического прироста, а также за счет образования новых городов или расширения административных границ существующих.

Бесспорно, характерные для послевоенной Латвии отрицательные тенденции изменения демографического состава, миграция и рассредоточение населения были свойственны и развитым европейским странам, прежде всего это касается снижения рождаемости, старения населения, депопуляции сельского населения, роста миграции. Однако советский режим многие из этих факторов сознательно поддерживал в своих экономических и политических интересах. Не только война и репрессии сказались на способности выживания латышского народа; как сословие было уничтожено крестьянство — коллективизация способствовала не только депопуляции сельского населения, но и формированию чувства безответственности у определенной части населения и его социальной деградации. Свой след оставила и интенсивная иммиграция, которая оказала влияние не только на жилищные условия коренного населения, но и на социальную среду в целом.

6. 8. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

В апреле 1985 года чрезвычайный пленум ЦК КПСС избрал генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Горбачева, который приступил к либерализации режима, получившей название «гласности» и «перестройки». Высшее руководство Советского Союза в целом понимало, что государство переживает экономический и политический кризис, что назрела потребность в реформах. М. Горбачев был убежден: социализм настолько укоренился в советском обществе, что реформы и открытость государства внешним влияниям не смогут нанести вреда социалистическому строю.

Балтию Горбачев считал «лабораторией перестройки». Экономические реформы нашли здесь более глубокий отклик как со стороны партийного, так и со стороны хозяйственного руководства. Однако Горбачев просчитался — в республиках Балтии возможность открыто высказывать свои взгляды очень быстро привела не только к требованиям большей самостоятельности в рамках СССР, но и к борьбе за полную национальную независимость. Происходившие в Балтийских республиках процессы оказали существенное влияние на процессы демократизации во всем Советском Союзе. Нередко утверждают, что именно республики Балтии «виноваты» в развале Советского Союза. Если же посмотреть с объективной точки зрения, республики Балтии слишком малы, а влияние их на законодательные органы СССР было и того меньше, чтобы они одни сумели повлиять на происходившее во всем Союзе. Судьбу Советского Союза решила в первую очередь позиция политической элиты крупнейшей республики — России. Существенную роль сыграла и Украина. Но Балтия стала своего рода катализатором, и занятая ею позиция была огромной моральной поддержкой демократическим, реформистским силам в России и в других республиках СССР.

Новые веяния стали ощутимы в октябре 1986 года, когда состоялась встреча представителей общественности США и СССР — конференция «Чатоква–Юрмала». В атмосфере новой политики СССР получило разрешение участвовать в ней и представительное число местных жителей (безусловно, проверенных и лояльных), работа конференции широко освещалась по Латвийскому ТВ. Шок на конференции вызвало выступление старшего советника президента США по вопросам Советского Союза Джека Мэтлока, который на чистом латышском языке заявил, что США по-прежнему не признают инкорпорацию Латвии в Советский Союз. Месяцем позже еженедельник творческих союзов «Literatūra un Māksla» опубликовал статью Дайниса Иванса и Артура Снипса, в которой они выразили протест против строительства Даугавпилсской ГЭС. Статья вызвала широкий резонанс в прессе и на телевидении. К проведению экологической и других экспертиз подключились ученые, и общественности удалось добиться отмены строительства гидроэлектростанции.

Переломным между либерализацией «сверху» и массовым движением стал 1987 год. 14 июня — в день годовщины депортации 1941 года — созданная за год до этого группа «Хельсинки-86» организовала возложение цветов к памятнику Свободы в Риге. Это стало началом так называемых «календарных беспорядков» — массовых публичных выступлений, которые были приурочены к знаменательным дням памяти в Балтийских республиках. 23 августа — в годовщину подписания пакта Молотова-Риббента

тропа у памятника Свободы состоялся митинг. На сей раз участников было много. Милиция попыталась их разогнать, многие были арестованы. Силами кордонов милиции и сотрудников КГБ, а также назначенных из учреждений «дружинников» удалось не допустить массовых демонстраций во время следующей знаменательной даты — 18 ноября, однако руководство КПЛ понимало, что невозможно объяснить «календарные беспорядки» только лишь инспирированными «радиоголосами» происками «американского империализма» и «буржуазной эмиграции». В политической элите наметился раскол по вопросу о том, какую тактику избрать — конфронтацию или диалог.

В ЦК КПЛ вначале возобладало мнение, что необходимо вводить настроения и выступления масс в русло перестройки. 25 марта творческим союзам было дано разрешение возложить цветы на Братском кладбище, официально было разрешено праздновать Лиго, на Латвийском телевидении появилась передача «Labvakar» («Добрый вечер»). 27 апреля состоялась первая массовая демонстрация, которой милиция не препятствовала (хотя официально мероприятие не было разрешено), — против строительства в Риге метро, собравшая около 10 тысяч человек.

Весной и летом 1988 года события стали развиваться стремительно. Балтийские республики действовали солидарно. В апреле 1988 года в Эстонии образовался Народный фронт, за ним последовал литовский «Саюдис». В соседних республиках раньше, чем в Латвии, начались дискуссии о восстановлении национальной символики — флага, гимна, других национальных символов. Под влиянием соседних республик и в Латвии удалось преодолеть сопротивление и недовольство консервативных сил в ЦК КПЛ.

Перестройка и в Латвии, и в соседних республиках по-прежнему развивалась в русле «управляемой перестройки», но ее течение забурлило после расширенного пленума правления Союза писателей Латвии 1–2 июня 1988 года, в котором участвовали представители и других творческих союзов и эксперты. Впервые во всеуслышание на нем говорилось о наболевших проблемах — о демографической ситуации, межреспубликанской миграции, о положении латышского языка. Одно то, что все это произносилось на официальном собрании, где присутствовал и первый секретарь ЦК КПЛ Б.Пуго, было огромным достижением, но эффект разорвавшейся бомбы произвело выступление известного политического комментатора, активного участника событий 1940 года Маврика Вульфсона, заявившего, что в 1940 году в Латвии никакой социалистической революции не было. Это послужило толчком к пересмотру истории и дальнейшим исследованиям. 14 июня состоялся первый официально

разрешенный митинг памяти жертв депортаций, в котором приняли участие десятки тысяч человек. Начала возрождаться национальная символика. Следуя примеру Литвы и Эстонии, и в Латвии приступили к созданию Народного фронта. События приняли оборот, которого консервативные силы в руководстве КПЛ обоснованно испугались, — партии грозила утрата контроля за происходящим. Пленум ЦК КПЛ 18 июня принял постановление «О политической ситуации в республике», в котором было сказано, что на расширенном заседании правления Союза писателей «...не были учтены интересы всех социальных групп и национальностей республики», а «...субъективная трактовка исторических событий, которую безответственно подхватили некоторые средства массовой информации, дезориентирует общественную мысль и служит платформой для консолидации националистически настроенных элементов». Однако попытка остановить процесс демократизации не удалась, более того, она еще больше настроила общественную мысль против руководства республики и усилила в обществе процессы раскола. М. Горбачеву и реформистским силам, консолидировавшимся вокруг него, нужна была поддержка демократических сил республик Балтии.

Это отчетливо проявилось во время XIX партийной конференции, которая проходила с 28 июня по 1 июля 1988 года, и на съезде народных депутатов СССР в 1989–1990 годах. В то же время реформисты в Кремле даже на минимальные требования Балтийских республик — расширить рамки их самостоятельности — согласились частично и после долгих проволочек. Когда это, наконец, произошло, настроение в республиках успело заметно радикализироваться, и то, что Москве казалось большой уступкой, в Балтии даже умеренно реформистские круги считали неуклюжей попыткой сохранить *status quo*.

Летом 1988 года и в Москве активизировались антиреформистские силы, которые делали попытки перенять методы оппозиции и организовать антиреформистские силы в Балтийских республиках «снизу». В июле 1988 года в Таллинне — в основном на базе крупных промышленных предприятий — начал создаваться Интернациональный фронт трудящихся, более известный как Интерфронт. В Латвии первый съезд Интерфронта состоялся 8 января 1989 года. Очевидно, решающую роль в его создании играл второй секретарь ЦК КПЛ В. Соболев. Базой Интерфронта стала партийная номенклатура, крупные промышленные предприятия, активно поддерживало его и командование Прибалтийского военного округа, разветвленные и многочисленные военные структуры.

Безусловно, абсолютное большинство сторонников Интерфронта были нелатыши, однако претензии его руководства на политическое пред-

ставительство в нем абсолютно всех нелатышей были надуманными, что доказали и Форум народов Латвии 10–11 декабря 1988 года, и выборы народных депутатов СССР в марте 1989 года, на которых большинство получили кандидаты, поддерживаемые Народным фронтом. Особенно наглядно это выразилось во время выборов в Верховный Совет Латвийской ССР 18 марта 1990 года, когда фактически был решен вопрос о суверенитете Латвии. Надо сказать, что и сторонники Интерфронта не представляли собой однородную массу. С одной стороны, там были откровенные сталинисты — противники любых реформ, с другой стороны, немалую часть составляли представители технической интеллигенции и экономисты, которые поддерживали экономические реформы, но в то же время выступали против любых попыток республик добиться автономии, не говоря уже о выходе из СССР.

Следует сказать, что формирование Народного фронта летом 1988 года происходило с немалыми трудностями. В это же время активно формировалась и радикальная оппозиция — 10 июля состоялось учредительное собрание Движения за национальную независимость Латвии (ДННЛ). Это движение не имело ничего общего с реформаторским коммунизмом и идеей более широкой автономии в рамках СССР. Объединить радикалов и сторонников реформ удалось лишь, когда роль координатора Народного фронта взяли на себя творческие союзы. Координационным центром руководил Янис Петерс, активно сотрудничали в нем Янис Шкапарс, Сандра Калниете и др.

Вообще период до восстановления окончательной независимости стал кульминацией политической роли интеллигенции. Творческие союзы были центром, вокруг которых сплотилась оппозиция советскому режиму. Культурная элита играла решающую роль в экологическом движении (борьба против строительства Даугавпилсской ГЭС и метро), в создании Народного фронта Латвии, реабилитации латышского языка и культурного наследия (дискуссия о восстановлении национального гимна, флага и символики), в установлении связей между Латвией и сообществом в эмиграции (изгнании), в политической эмансипации латышского общества в целом. Творческие союзы были едва ли не единственными легальными организациями, имевшими высокий престиж среди населения, они были своего рода центрами, вокруг которых сплачивалась наиболее активная часть общества. В то же время у руководства союзов был известный опыт сотрудничества с органами власти, которые не без основания считали творческие союзы своего рода приводным ремнем, организациями, которые способны донести царившие в обществе настроения до руководства ЦК КПЛ. Нельзя забывать, что равновесие между властью и оппозицией в

1988 году было довольно относительным. Свобода слова и собраний не были гарантированы законом, по-прежнему действовала статья конституции о руководящей роли Коммунистической партии. Доминирующее влияние радикалов в оппозиционном движении могло активизировать попытки Москвы подавить его силой, что в принципе было нетрудно, учитывая присутствие в Латвии огромного контингента военных и других силовых структур.

Безусловно, КПЛ пыталась добиться, чтобы Народный фронт копировал народные фронты стран народной демократии — представлял собой некое аполитичное формирование, объединявшее разнородные общественные организации и действующее в рамках существующего политического строя. Однако фактически уже на стадии формирования НФЛ превратился в объединение, шагнувшее далеко за официальные рамки. Быстро начали возникать группы поддержки. Накануне Учредительного съезда НФЛ, который прошел 8–9 октября 1988 года, группы поддержки объединяли уже 110 000 человек. Важное значение имело и то, что ЦК КПЛ дал разрешение на издание газеты (бюллетеня) НФЛ «Atmoda» («Пробуждение»), которая вскоре стала в Латвии одним из наиболее популярных печатных изданий.

На первом съезде НФЛ руководителем движения был избран Дайнис Иванс. В Правлении и Думе НФЛ сильную позицию занимали коммунисты-реформисты, и первая программа организации включала в себя пункт о достижении суверенитета Латвии в составе СССР.

НФЛ, объединив самые разные слои общества и политические группировки — от национал-коммунистов до последовательных антикоммунистов и националистов, — стал влиятельной политической силой в республике. Полагают, что эту организацию поддерживало около 65% населения республики. Давление НФЛ на властные структуры позволило принять целый ряд важных решений, например, закон о присвоении латышскому языку статуса государственного, постановление об ограничении миграции, о восстановлении национальной символики. Существенную роль сыграло и сотрудничество и координация деятельности народных фронтов Балтийских республик. В мае 1989 года была достигнута договоренность о регулярных встречах представителей дум всех трех народных фронтов — Балтийской ассамблеи, а также встреч руководителей трех организаций — Балтийском совете. Пример Балтийских республик дал толчок возникновению подобных народных движений и в других республиках. Высокую репутацию Балтийских республик поддерживал и тот факт, что здесь не было кровавых межнациональных столкновений и другого рода беспорядков.

Эрнест Рудзуорога, один из организаторов забастовки 1955 года в лагере принудительных работ в Воркуте, Коми АССР (1956)

Председатель Совета Министров СССР Никита Хрущев обращается к колхозникам колхоза «Сарканайс октобрис» (июнь 1959 года)

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев во время визита в Ригу встречается с работниками производственного объединения ВЭФ (февраль 1987 года)

Председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин обращается к депутатам Верховного Совета Латвийской Республики 2 августа 1990 года

Народная манифестация на набережной после принятия декларации «О восстановлении независимости Латвии» 4 мая 1990 года

Улица Дзирнаву в Риге в дни баррикад 14 января 1991 года

Участников праздничного шествия XX Праздника песни и танца 9 июля 1990 года приветствуют: в первом ряду третий слева — дирижер Имант Кокарс, во втором ряду слева: председатель ВС Эстонии Арнольд Рюйгель, председатель ВС Латвии Анатолий Горбунов, председатель ВС Литвы Витаутас Ландсбергис, заместитель председателя ВС Латвии Дайнис Иванс

Президент Латвии Гунтис Улманис дает торжественную клятву 8 июля 1993 года

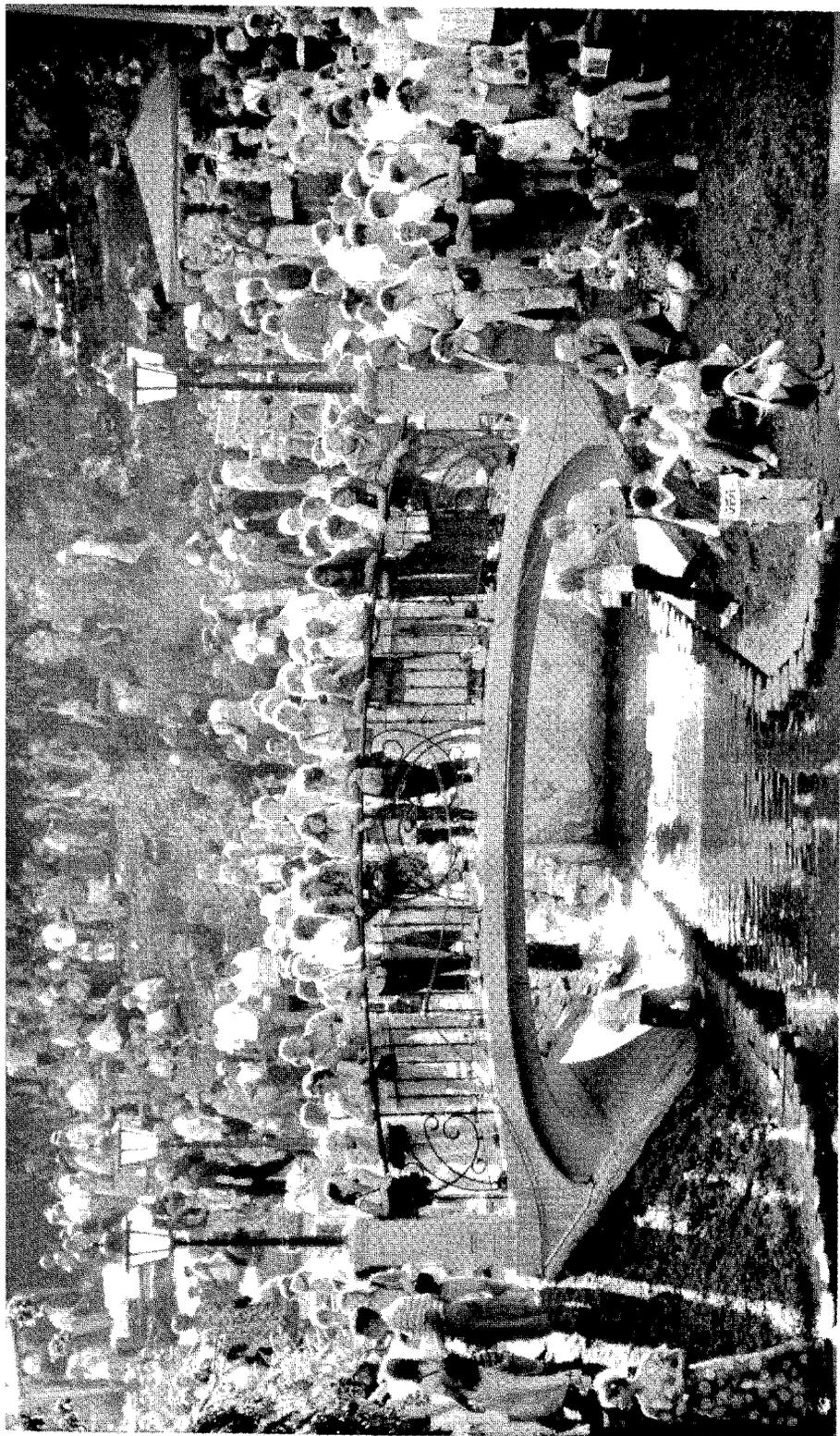
Визит президента США Билла Клинтона в Ригу 6 июля 1994 года; слева: президент Б. Клинтон с женой Хиллари у Памятника Свободы приветствует рижан, рядом с ним президенты Балтийских государств: Эстонии — Леннарт Мэри, Латвии — Гунтис Улманис, Литвы — Альгирдас Бразаускас

Встреча руководителей Балтийских государств во Дворце президента в Риге, 22 января 1998 года

Президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга в день принесения присяги 8 июля 1999 года

Торжества в честь 800-летия Риги на Бастийной горке 18 августа 2001 года

Делегация Латвии на саммите НАТО в Праге (ноябрь 2002 года)

Встреча руководителей стран-членов и кандидатов в члены Евросоюза в Копенгагене. Фото группы после приглашения к участию в Евросоюзе (декабрь 2002 года)

Появление НФЛ на политической сцене вынудило Москву попытаться повысить авторитет ЦК КПЛ, укрепив позиции национал-коммунистов. Первым секретарем ЦК в октябре 1988 года был назначен Янис Вагрис. Следует сказать, что большинство латышских коммунистов хотели видеть на этой должности Анатолия Горбунова, но он занял пост председателя Президиума Верховного Совета. Председателем Совета министров стал реформистски настроенный Вилнис Эдвин Бресис. И на другие важные должности были назначены коммунисты-реформаторы, однако в то же время сохранил свою должность второй секретарь ЦК КПЛ, ставленник Москвы В.Соболев, которому вменялось в обязанность поддерживать «порядок» в республике. Довольно быстро радикализировались сельские парторганизации, в которых преобладали латыши. В КПЛ происходил, с одной стороны, процесс дезинтеграции, так как все больше коммунистов не видели смысла в своем дальнейшем пребывании в рядах организации, с другой стороны, шла политическая поляризация между ортодоксами и национал-коммунистами. Кульминации она достигла в апреле 1990 года, когда на XXV съезде произошел раскол в рядах КПЛ. Большинство членов компартии Латвии осталось в составе КПСС, избрав своим первым секретарем Алфреда Рубикса. Национал-коммунисты во главе с Иваром Кезберсом образовали Независимую коммунистическую партию Латвии.

Летом и осенью 1988 года стали возникать некоммунистические политические партии. Крупнейшей из них было Движение за национальную независимость Латвии. Движение сформировалось во влиятельную партию, которая выступала за восстановление независимости Латвии, но возник целый ряд еще более радикальных организаций — «Хельсинки-86», Радикальное объединение НФЛ и др., которые критически воспринимали деятельность Правления и Думы НФЛ. В марте 1989 года эти организации, а после некоторых колебаний и ДННЛ, приступили к формированию гражданских комитетов и к регистрации граждан Латвийской Республики и их потомков. Гражданские комитеты считали, что Верховный совет не правомочен решать вопрос о национальной независимости Латвии, поскольку является институтом оккупационной власти. Решить этот вопрос, по их мнению, может только Конгресс граждан, который и будет созван после регистрации граждан Латвийской Республики (на 17 июня 1940 года) и их потомков. Руководство НФЛ выступило против регистрации и не выдвинуло свои кандидатуры на выборы в Конгресс граждан. Позиция НФЛ была понятной, поскольку против гражданских комитетов резко выступили структуры КПЛ, особенно Рижский горком партии, фактически ставший центром, вокруг которого группировались противники нацио-

нального движения. В то же время конфронтация с радикальным крылом национального движения грозила НФЛ развалом.

Принципы программы НФЛ уже не отвечали ситуации и настроениям большинства, поэтому Правление НФЛ под влиянием ДННЛ 31 мая 1989 года обратилось к своим сторонникам с призывом начать обсуждение вопроса «О полной политической и экономической независимости Латвии».

На втором съезде НФЛ 7 октября 1989 года проявилась резкая поляризация взглядов между умеренным и радикальным крылом НФЛ, главным образом по вопросу об отношении к ДННЛ и гражданским комитетам; существовали даже опасения раскола Народного Фронта. Разногласий по вопросу государственной независимости среди сторонников НФЛ не было. Политика Москвы в отношении предоставления более широких полномочий республикам, а также все усиливавшееся давление на народное движение, особенно 1989 году, ослабили аргументацию сторонников конфедерации. Самые жаркие дискуссии на съезде развернулись по вопросу о том, какой путь избрать для достижения независимости. На съезде ДННЛ существенно усилило свое влияние в Думе — равное число членов было избрано от НФЛ и ДННЛ. И хотя прежнее руководство сохранило свои позиции в Правлении, результаты выборов свидетельствовали, что влияние радикального крыла нарастает. В то же время было ясно, что предлагаемый гражданскими комитетами путь восстановления независимости, так называемый «международно-правовой», предполагавший восстановление *status quo* 17 июня 1940 года, реализовать практически невозможно, так как напрасно было ожидать, что СССР добровольно признает за Латвией статус оккупированного государства, выведет войска и ликвидирует другие последствия оккупации, а также вывезет тех, кто въехал в Латвию после 1940 года, и их потомков. Несмотря на симпатии международного сообщества стремлению Балтийских республик к независимости, и с их стороны ожидать поддержки подобному сценарию было наивно. В Литве и Эстонии такой путь восстановления независимости тоже не считали реальным. В то же время нажим со стороны более радикально настроенных членов НФЛ вынуждал умеренное крыло эволюционировать в сторону радикализма и более четкой постановки задач. Положение усложнялось еще и тем, что Съезд народных депутатов СССР принял предложенный Горбачевым закон о выходе из СССР; порядок выхода, определенный законом, делал эту процедуру практически невозможной.

Новая программа НФЛ в качестве главной задачи выдвинула достижение независимости парламентарным путем. Для этого нужно было добиться большинства на выборах в местные советы и Верховный совет. Выход из СССР не был выдвинут в качестве непосредственной цели, однако велась

разговоры о переходном периоде до полного обретения независимости, во время которого надо было добиться для Латвии особого экономического и политического статуса. Фактически речь шла о постепенном демонтаже советских структур и переходе к демократии западного типа, следуя духу Латвийской Республики, но не ставя своей целью восстановление ее на основе Конституции 1922 года.

26 марта 1989 года на выборах в Верховный совет СССР депутаты от Народного фронта получили большинство (80%) из выделенных Латвийской ССР мандатов. Кандидаты НФЛ одержали убедительную победу и на выборах в местные советы в декабре 1989 года, хотя в некоторых местных советах, например, в Ленинградском (теперь Курземском) районе города Риги и в Даугавпилсе, НФЛ потерпел поражение. Следующим и самым важным шагом были выборы в Верховный Совет республики. В соответствии с советской конституцией, Верховный Совет имел легитимное право определять правовой статус Латвийского государства. Поскольку в выборах участвовали все зарегистрированные на его территории жители (в том числе и офицеры Вооруженных сил СССР), этот путь мог быть легитимным и с точки зрения руководства и законодательства СССР. Однако гражданские комитеты считали, что основанное таким путем независимое Латвийское государство узаконит и результаты 50 лет оккупации, не восстановит Латвийскую Республику 1922 года, а создаст новую, так называемую Вторую республику.

Конфронтация между сторонниками двух путей восстановления независимости в конце 1989-го — начале 1990-го годов реально угрожала достижению независимости. Если бы гражданские комитеты объявили бойкот выборам, кандидаты от НФЛ могли не досчитаться поданных за них голосов. Следует учесть, что своих кандидатов выдвинула и так называемая «третья сила», а Демократический блок призывал не поддерживать кандидатов-коммунистов. В свою очередь, у гражданских комитетов не было достаточного влияния и инструментов власти, чтобы реально взять власть в свои руки и осуществить «международно-правовой путь» обретения независимости. Однако в начале 1990 года удалось найти компромисс. Радикальное крыло обязалось объединить силы с НФЛ, чтобы победить на выборах, в свою очередь, НФЛ ясно сформулировал свою цель — восстановление независимости.

На выборах 18 марта 1990 года Народный фронт и поддерживаемые им делегаты в первом же туре получили 116 мандатов из 170. После второго тура количество мандатов НФЛ возросло до 122 из 201, причем во фракцию НФЛ вступили еще 9 вновь избранных депутатов, так что у сторонников НФЛ в Верховном совете республики был 131 голос.

Накануне первой сессии вновь избранного Верховного Совета развернулась дискуссия о том, какую декларацию независимости принять. К этому времени Литва уже провозгласила полную независимость (11 марта), Эстония — переходный период к независимости (30 марта). Предлагались разные варианты. «Минималисты» предлагали заявить о том, что встают на путь восстановления независимости, «максималисты» требовали сиюминутного ее провозглашения. В результате дискуссий был принят вариант «максималистов», однако смягченный, предполагавший переходный период. Была восстановлена Сатверсме (Конституция) 1922 года, но тут же приостановлена, за исключением статей, определявших конституционно-правовую основу государственности, которые могли быть изменены только путем референдума. В переходный период было решено руководствоваться Конституцией Латвийской ССР и другими законами, не противоречащими статьям 1-й, 2-й, 3-й и 6-й Сатверсме (Конституции) 1922 года. Высшей властью в государстве в переходный период признавался Верховный Совет.

3 мая 1990 года–21 августа 1991 года. 3 мая 1990 года Верховный совет собрался на свою первую сессию. Председателем Верховного совета был избран Анатолий Горбунов. Сформировались две фракции — НФЛ (131 депутат) и связанное с Интерфронтом «Равноправие» (57 депутатов). На следующий день — 4 мая — состоялось голосование по вопросу о Декларации независимости. Перед голосованием фракция «Равноправие» покинула зал. За Декларацию проголосовало 138 депутатов и один воздержался. С этого момента Латвийская ССР стала Латвийской Республикой. 7 мая ВС назначил председателем Совета министров Ивара Годманиса. Формирование руководства создало немало проблем, поскольку НФЛ все усилия потратил на достижение победы на выборах в парламент, кроме того, не хватало опыта в организации реального процесса управления. До мая 1990 года политический процесс и все массовые мероприятия НФЛ, вообще вся организационная работа были связаны в меньшей или большей степени с символическими акциями — борьба за национальную символику, восстановление дней памяти, проведение массовых митингов и тому подобное. Сейчас же надо было брать власть. Проблемы возникли еще и потому, что существующие политические партии (за исключением компартии) фактически находились или в стадии формирования, или не имели никакого опыта работы в «позиции». В результате правительство И. Годманиса было составлено из «профессионалов», т. е. из функционеров высшего ранга предыдущей власти, проявивших лояльность по отношению к новому государству.

Декларацию независимости большинство латышей восприняло с восторгом. Какова была реакция жителей других национальностей? Есть

основание считать, что и большинство латышей — около 60% — поддержало политику НФЛ, на что указывали и результаты выборов. Позиция НФЛ по национальному вопросу, принятая на втором съезде, фактически была наиболее приемлемой для большинства населения. Интерфронт и поддерживавшие его просоветские и шовинистические силы могли предложить лишь конфронтацию с большинством латышского народа. Представителей других национальностей не привлекал и вариант, предложенный гражданскими комитетами.

Противодействие КПЛ, Интерфронта и военных идее независимости Латвии реально проявилось на следующий же день после того, как 14 мая М. Горбачев подписал декрет о несоответствии деклараций, провозгласивших независимость Литвы, Эстонии и Латвии, Конституции СССР и закону от 3 апреля 1990 года «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», т. е. не признал их имеющими силу. 15 мая был создан комитет защиты Конституций СССР и Латвийской ССР и прав граждан — организация, прикрывающая противников независимости Латвии и объединившая Интерфронт, Прибалтийский военный округ, фракцию ВС ЛР «Равноправие», межрегиональную группу депутатов «Союз» и пр. Председателем организации стал первый секретарь ЦК КПЛ А. Рубикс. 14–15 мая сторонники Интерфронта — в основном переодетые в гражданские костюмы слушатели высших военных учебных заведений — попытались прорваться в задние Верховного Совета. Милиции и ОМОН с трудом удалось предотвратить эту попытку. Острым был и вопрос о лояльности милиции правительству ЛР. В конце концов милиция в целом приняла кандидатуру нового министра внутренних дел Алоиза Вазниса, однако лояльность многих сотрудников милиции была под сомнением, а некоторые вскоре полностью перешли на сторону противников. Наиболее серьезной силой был Рижский ОМОН. Раскол произошел и в Прокуратуре Латвийской ССР. Большинство сотрудников проявило лояльность по отношению к ЛР, однако меньшая ее часть заявила, что подчиняется только Прокуратуре и законам СССР. Парадоксально, но позиция КГБ Латвийской ССР оказалась более лояльной, тем не менее гарантий не было никаких, поэтому это самое ненавидимое обществом учреждение — опора советского режима — продолжало действовать и председатель КГБ был введен в состав правительства.

Начался период, для которого были характерны, в частности, резкая конфронтация и рост экстремизма со стороны противников независимости. И хотя Москва официально не признавала, что поддерживает акции экстремистов, напряжение в республике нарастало синхронно с очередным противостоянием между Кремлем и правительством ЛР.

Правительство Латвии направляло свои усилия в основном на то, чтобы добиться начала реальных переговоров об условиях выхода Латвии из состава СССР. Большое значение на этом этапе имела поддержка стремлениям Балтийских республик к обретению независимости со стороны председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина.

Латышская эмиграция на Западе восприняла декларацию 4 мая 1990 года с определенным недоверием и двойственными чувствами. Многие считали, что ВС, действующий в соответствии с законами СССР, является органом оккупационной власти и не правомочен решать вопрос о независимости Латвии. Они опасались также, что переходный период приведет к компромиссам, и это отдалит восстановление независимости. С большим недоверием отнеслись в зарубежье и к тому, что среди депутатов ВС и руководства НФЛ было значительное число бывших коммунистов. Потому в эмиграции отдавали предпочтение Конгрессу граждан и другим организациям, которые выступали за международно-правовой путь восстановления независимости. Лишь с известным опозданием латышские зарубежные организации пришли к выводу, что гражданские комитеты не сумеют перенять власть и следует считаться с политическими реалиями, сформировавшимися за годы оккупации. В то же время в Латвии на «западных» латышей возлагались огромные надежды, так как считалось, что накопленный ими опыт работы в условиях демократической системы и рыночной экономики будет для Латвии чрезвычайно полезен. Один за другим проходили различные съезды и собрания, которые дали возможность познакомиться и сплотиться представителям зарубежных и местных латышей из различных сфер деятельности. Многие зарубежные латыши предложили свои знания и умение Латвийскому государству.

Реальная независимость была невозможной без международного признания Латвийской Республики. Однако позиция и Москвы, и Запада разочаровала латышей. Начатая М. Горбачевым перестройка не означала еще пересмотра советской официальной точки зрения в отношении республик Балтии. Советский Союз считал, что вопрос Балтии решен и нет необходимости его пересматривать. С большим трудом в декабре 1989 года 2-й Съезд народных депутатов СССР признал существование тайных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа и осудил их. Однако факта оккупации Балтийских стран ВС не признал. Москва всячески оттягивала переговоры с Балтийскими республиками, а когда они, наконец, начались, то практически не дали никаких результатов. Москва все больше надежд связывала с заключением нового союзного договора. 26 ноября 1990 года был опубликован его проект, который в республиках Балтии вызвал настоящую бурю протеста. В Латвии против него было собрано более

миллиона подписей. Однако Москва, тем не менее, не теряла надежды не только заключить новый союзный договор с остальными республиками, но и добиться присоединения к нему Балтийских республик.

Не радовало и отношение Запада. После того, как народные движения в Балтийских республиках провозгласили своей конечной целью восстановление независимости, отношение западных стран к стремлению Эстонии, Литвы и Латвии восстановить независимость утратило однозначность. Запад хотел поддержать Горбачева и взятый им курс на демократизацию. Запад считал, что надо решать прежде всего «главные» вопросы — сокращение ядерных вооружений, создание международной системы безопасности, а вопрос о независимости стран Балтии «вторичен» и поэтому может подождать. Запад беспокоило также, что восстановление независимости стран Балтии вызовет усиление в СССР процесса дезинтеграции, а это чревато насилием и гражданской войной во многих регионах распадающейся империи. В то же время ненасильственный путь восстановления независимости вызывал у Запада симпатии. Все это, безусловно, сдерживало попытки Кремля силой остановить начавшийся процесс отделения Балтии от СССР, а также вынуждало западных политиков не отталкивать от себя Балтийские государства, оказывать им если не материальную и реальную помощь, то, по крайней мере, моральную поддержку.

В период с момента принятия декларации 4 мая 1990 года по август 1991 года противники независимости все свои усилия направляли на то, чтобы получить согласие Горбачева на разгром ЛР, особенно после того, как в сентябре 1990 года Горбачев был наделен полномочиями вводить президентское правление. Неудивительно поэтому, что сразу же после этого ОМОН взял под свой контроль Дом печати в Риге — с целью сохранить имущество компартии. С приближением зимы участились случаи различных инцидентов — взрывы (без жертв), осквернение памятников. Давление нарастало на все три Балтийские республики, но в отношении Литвы и Латвии оно проявлялось активнее. 6 декабря Вселатвийский комитет общественного спасения открыто призвал Горбачева ввести в Латвии президентское правление.

В то же время Верховный Совет республики проводил важную работу по преобразованию Латвии в демократическое, основанное на принципах рыночной экономики государство. Были приняты законы и постановления, в корне изменившие экономическую ситуацию, например, закон о земельной реформе, об акционерных обществах, о свободной продаже и покупке валюты на территории республики, об отмене ограничений для иностранцев перемещаться по территории республики и др. Были сделаны первые шаги по созданию таможни.

Конфронтация с противниками перестройки достигла кульминации в январе 1991 года. 12 января во время захвата советскими вооруженными силами Вильнюсского телевидения погибли 14 и было ранены 110 гражданских лиц. Как только в Риге была получена информация о нападении, председатель Народного Фронта Латвии Дайнис Иванс пришел на радио и в 4.45 утра призвал жителей города организовать охрану стратегически важных учреждений. 13 января около 500 000 человек вышли на улицы Риги с протестом против насилия, имевшего место в Литве. Дороги, ведущие к наиболее важным зданиям, и мосты были заблокированы сельскохозяйственной техникой и грузовиками, прибывшими в основном из сельских районов. Со всей Латвии люди шли на баррикады. Добровольцы снабжали пищей тех, кто стоял на посту на баррикадах в Риге до 27 января.

В Латвии Коммунистическая партия при поддержке командования Советской армии действительно готовилась сместить правительство. Центральный Комитет партии на своем пленарном заседании 13 января потребовал роспуска Верховного Совета, отставки правительства и передачи всей власти Вселатвийскому комитету общественного спасения. Боевики ОМОН несколько раз атаковали защитников баррикад, погиб один человек. 20 января во время нападения ОМОНа на Министерство внутренних дел погибли пять человек. В прекращении кровопролития в странах Балтии большую роль сыграла позиция председателя Верховного Совета Российской Федерации Бориса Ельцина. 13 января он прибыл в Таллинн, чтобы подписать двухсторонние договоры с Латвией, Литвой и Эстонией.

Конечно, ни баррикады, ни грузовики не представляли собой скольконибудь серьезного препятствия для советских танков, однако они имели важное значение в двух аспектах. Во-первых, показали руководству Советского Союза и особенно людям во всем мире, что население Латвии, Литвы и Эстонии организовано и готово во имя независимости пожертвовать жизнью. Свержение избранного парламента и правительства не могло произойти без кровопролития. Во-вторых, оно ясно показало, что противники независимости к таким жертвам не готовы.

Рекомендуемая литература

1. Aizvestie, 1941. gada 14. jūnijs / sast. A. Bambals, A. Kalnciema, D. Kļaviņa ... [u. c.]; zin. red. E. Pelkaus. — Rīga: Latvijas Valsts arhīvs; Rīga: Nordik, 2001. — 804 lpp., 2 lp. kartes: il. — Kopsav. angļu val.: Deportation in Latvia on 14 June 1941 / J. Riekstiņš. Archive files of the deported on 14 June 1941 / A. Bambals; kr. val.: Депортация 14 июня 1941 года в Латвии / Я. Риекстиньш. Архивные дела жителей Латвии, высланных 14 июня 1941 года / А. Бамбалс.
2. Kalniete S. Es lauzu, tu lauzi, mēs lauzām, viņi lūza. — Rīga: Jumava, 2000. — 479 lpp.: il. — Bibliogr.: 466.–467. lpp.
3. Komunistiskā totalitārisma un genocīda prakse Latvijā: zinātniskās konferences materiāli, 1991. g. 13. jūn. / LZA Latvijas Vēstures inst., zin. asoc. “Latvija un latvieši pasaulē”, Rīgas politiski represēto klubs; sast. I. Šneidere. — Rīga: Zinātne, 1992. — 177, [2] lpp.
4. Latvija padomju režīma varā, 1945–1986: dokumentu krājums / LU Latvijas Vēstures inst.; atb. red. I. Šneidere; sast. D. Bleiere, Dz. Ērglis, E. Pelkaus ... [u. c.]. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2001. — 463 lpp. — Teksts arī kr. val.
5. Lieven A. The Baltic revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the path to independence. — New Haven; London: Yale Univ. Press, 1993. — XXV, 454 p.: ill., m. — Notes: p. 385–420.
6. Misiunas R. J., Taagepera R. The Baltic States: years of dependence, 1940–1990. — [2.], expanded a. updated ed. — Berkeley (Mich.); Los Angeles (Cal.): Univ. of California Press, 1993. — XVI, 400 p., 8 l. ill.: diagr., m. — Bibliogr.: p. 371–382.
7. No NKVD līdz KGB: politiskās prāvas Latvijā, 1940–1986: noziegumos pret padomju valsti apsūdzēto Latvijas iedzīvotāju rādītājs / LU Latvijas Vēstures inst.; sast. Dz. Ērglis, R. Vīksne, A. Žvinklis; red. R. Vīksne, K. Kangeris. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 1999. — 975 lpp.: tab. — Kopsav. angļu val.: From NKVD to KGB: political trials in Latvia, 1940–1986.
8. Okupācijas režīmi Latvijā 1940.–1956. gadā = Occupation regimes in Latvia in 1940–1956: Latvijas Vēsturnieku komisijas 2001. g. pētījumi = research of the Commission of the historians of Latvia (2001) / Latvijas Vēsturnieku komisija, Latvijas Valsts arhīvs, LU Latvijas Vēstures inst., LU Vēstures un filozofijas fak; atb. red. A. Caune; sast. Irēne Šneidere. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2002. — 494, [1] lpp.: tab. — (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti; 7. sēj.). — Bibliogr. rakstu beigās. — Rakstu kopsav. angļu, vācu val.
9. Okupācijas režīmi Latvijā 1940.–1959. gadā = Occupation regimes in Latvia in 1940–1959: Latvijas Vēsturnieku komisijas 2002. g. pētījumi = research of the Commission of the historians of Latvia (2002) / Latvijas Vēsturnieku komisija, LU Latvijas Vēstures inst., LU Vēstures un filozofijas fak.; atb. red. A. Caune; sast. Dz. Ērglis. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2004. — 605, [2] lpp. — (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti; 10. sēj.). — Bibliogr. rakstu beigās. — Rakstu kopsav. angļu, vācu val.

10. Okupācijas varu politika Latvijā, 1939–1991: dokumentu krājums / Latvijas Valsts arhīvs. — Rīga: Nordik, 1999. — 589, [1] lpp. — Dokum. norādes: 576.– [585.] lpp.
11. Represēto saraksts / Latvijas valsts arhīvs; red. J. Riekstiņš. — Rīga: LR Valsts arhīvu ģenerāldirekcija, 1995. — I: Abrenes apriņķis–Rēzeknes apriņķis: 1941. — 128 lpp.
12. Represēto saraksts / red. J. Riekstiņš. — Rīga: LR Valsts arhīvu ģenerāldirekcija, 1995. — II: 1941–1953. — 160 lpp.
13. Represēto saraksts, 1949: žurn. “Latvijas Arhīvi” pielikums / red. J. Riekstiņš. — Rīga: LR Valsts arhīvu ģenerāldirekcija, 1995.
  - 1: Aizputes apriņķis — Ilūkstes apriņķis. — 144 lpp.: il.
  - 2: Ilūkstes apriņķis — Limbažu apriņķis. — 144 lpp.: il.
  - 3: Limbažu apriņķis — Tukuma apriņķis. — 160 lpp.
  - 4: Tukuma apriņķis — Viļānu apriņķis. — 144 lpp.: il.
14. Represijas Latvijas laukos, 1944–1949: dokumenti un materiāli / red. kol. D. Kļaviņa, A. Kalnciema, J. Riekstiņš ... [u. c.]; sast. J. Riekstiņš. — Rīga: Latvijas Valsts arhīvs, 2000. — 243 lpp.: tab. — List of documents: p. 225–237; Summary: p. 241–243.
15. Stradiņš J. Latvijas Zinātņu akadēmija: izcelsme, vēsture, pārvērtības / LZA, LU. Latvijas Vēstures inst. — Rīga: Zinātne, 1998. — 710, [1] lpp.: il. — Bibliogr. nod. beigās. — Kopsav. angļu, vācu un kr. val.: Latvian Academy of Sciences — origin, history, transformation; Akademie der Wissenschaften Lettlands: Entstehung, Geschichte, Wandlungen; Латвийская академия наук – становление, история, преобразование.
16. Strods H. Latvijas Nacionālo partizānu karš, 1944–1956. — Rīga: Preses nams, 1996. — 573, [1] lpp.: il., tab.
17. Strods H. Latvijas Nacionālo partizānu karš, 1944–1956. — Rīga: Preses nams, 1999. — II: Dokumenti un materiāli. — 654, [2] lpp.: il. + piel. 31, [1] lpp. — Kopsav. angļu val.: Latvian national guerrilla warfare, 1944–1956.
18. Strods H. Latvijas Nacionālo partizānu karš, 1944–1956. — Rīga: LU žurn. “Latvijas Vēsture” fonds, 2003. — III: Dokumenti, apcerējumi un atmiņas / sast., koment. H. Strods. — 387 lpp.: il., tab. — Bibliogr.: 355. lpp.: il., tab. — Kopsav. angļu val.: The list of published documents; Documents, essays and memoirs (1944–1956).
19. Totalitārie režīmi un to represijas Latvijā 1940.–1956. gadā = Totalitarian regimes and their repressions carried out in Latvia in 1940–1956: Latvijas Vēsturnieku komisijas 2000. g. pētījumi = research of the Commission of the historians of Latvia (2000) / Latvijas Vēsturnieku komisija, LU. Latvijas Vēstures inst., LU. Vēstures un filozofijas fak.; atb. red. Andris Caune; sast. I. Šneidere. — Rīga: Latvijas Vēstures inst., 2001. — 743 lpp.: tab. — (Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti; 3. sēj.). — Bibliogr. nod. beigās. — Rakstu kopsav. angļu, vācu val.
20. Trūps-Trops H. Latvijas Romas katoļu baznīca komunisma gados, 1940–1990. — Rīga: Rīgas Romas katoļu metropolijas kūrija, 1992. — 171 lpp.

7. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И УКРЕПЛЕНИЕ ЕЕ НЕЗАВИСИМОСТИ (1991–2004)

7. 1. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ЛАТВИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ. ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Восстановление независимости. После баррикад ситуация по-прежнему оставалась неясной. 17 марта 1991 года был объявлен Всесоюзный референдум о сохранении СССР. Правительства Балтийских республик в референдуме участвовать отказались. В Латвии его организатором выступил ЦК КПЛ, поддержанный Прибалтийским военным округом, свои голоса на референдуме отдали 501 280 человек, 95% из которых высказались за сохранение СССР (в СССР в целом в опросе участвовало 80% населения, проголосовало «за» 76%). Балтийские республики провели альтернативный референдум. В Латвии такой референдум — Вселатвийский опрос по вопросу о независимости Латвии — состоялся 3 марта. В опросе приняли участие 87,5% имеющих право голоса и 73,8% из них проголосовали за независимость Латвии. М. Горбачев был вынужден начать переговоры с Балтийскими республиками — с Латвией, в частности, они начались 11 апреля. Переговоры проходили трудно, особенно в июле, когда одновременно готовился новый всесоюзный договор. Несмотря на то, что Балтийские республики ясно заявили, что отказываются участвовать в новом Союзе, Москва, очевидно, считала, что такая возможность все еще реальна. Параллельно все время осуществлялось военное давление, как официальное — угрозы санкциями, если не будет обеспечен призыв в Вооруженные силы СССР, так и неофициальное — нападение отрядов ОМОН на таможенные посты (самое кровавое произошло 31 июля

в Литве в Медининкяй, где были убиты семь человек и один тяжело ранен), инспирированные протесты общественных организаций, пропаганда на радиостанции «Содружество» и т. п. Однако несмотря на попытки дестабилизации, было ясно, что рано или поздно Москве придется признать независимость Балтийских республик, но процесс отделения будет долгим и болезненным. Прогнозы относительно того, сколько времени он потребует, были разными, однако мало кто в июле 1991 года мог представить себе, что все так кардинально изменится уже через несколько недель.

Попытка государственного переворота 19 августа, целью которого было любым способом не допустить подписание нового договора и сохранить существующий Советский Союз, стала смертельным ударом по нему и подтвердила, что Союз фактически рухнул. В Латвии первый секретарь ЦК КПЛ А. Рубикс сообщил о поддержке переворота. Командующий Прибалтийским военным округом Ф. Кузьмин проинформировал председателя Совета министров И. Годманиса о том, что назначен ответственным за чрезвычайное положение в Латвии. Армейские соединения и ОМОН к вечеру 20 августа заняли радио, телевизионный центр, телефонную станцию и другие объекты. Латвия почти полностью была отрезана от внешнего мира. Главные события происходили в Москве, где твердая позиция Председателя Верховного совета России Бориса Ельцина предотвратила разрастание путча. Однако и латвийским парламентариям пришлось определиться со своей позицией. 21 августа в 13.10, когда омовцы на четырех бронетранспортерах попытались разрушить баррикады на Домской площади и прорваться в здание парламента, Верховный Совет принял Конституционный закон о государственном статусе Латвийской Республики. Закон отменил переходный период и провозгласил восстановление Латвийской Республики *de facto*. Через час бронетранспортеры неожиданно покинули Домскую площадь. Позднее выяснилось, что причиной столь поспешного ухода был провал переворота в Москве.

На следующий же день начался процесс признания независимости Балтийских государств. 22 августа независимость Латвии признали Литва и Эстония.

На Западе первой признала Латвию (а также Эстонию и Литву) Исландия. Днем позже это сделали Дания и Финляндия, а также Российская Федерация. Позиция Б. Ельцина существенно способствовала лавинообразному процессу международного признания. 16 августа о своем признании стран Балтии объявили страны Европейского Сообщества, 2 сентября — Соединенные Штаты Америки. 6 сентября это сделал и Государственный совет СССР — в то время высший орган государственной власти СССР.

17 сентября Латвия была принята в Организацию Объединенных Наций. К 18 сентября независимую Латвийскую Республику признали 79 стран.

Проблема конституционного правопреемства. Безусловно, за период, прошедший с 4 мая 1990 года, сделано было немало для того, чтобы заложить основы независимого государства. Однако многого сделать было невозможно, так как этому препятствовали структуры СССР, многое не было сделано потому, что не хватало опыта, или полагали, что сделать это можно будет позже, поскольку рассчитывали на длительный переходный период.

Одним из вопросов во время острейших дискуссий в начале 90-х годов был вопрос о том, является ли Латвийская Республика непосредственным продолжением довоенного государства или это, по существу, новое государство, подчеркивающее свою связь с Первой республикой, существование которой было насильственно прервано. Этот вопрос имел и международно-правовой, и внутривнутриполитический аспект. Большинство некоммунистических государств мира все послевоенные годы не признавали включение Балтийских стран в состав СССР. И теперь они восстановили дипломатические отношения со странами Балтии, признав их правопреемство. Однако так поступили не все. Албания, Китай, Куба, Россия (правопреемница СССР) и некоторые другие государства не признали восстановленную Латвийскую Республику правопреемницей довоенной Латвии. (Это касалось всех Балтийских стран). Румыния возобновила дипломатические отношения, сославшись на дружественные отношения, существовавшие между обоими государствами до Второй мировой войны. Точно так же поступила и Польша. Швеция, признавшая факт, что страны Балтии перестали существовать, признала Латвию как вновь возникшее государство. Таким образом, форму, в какой был признан суверенитет и возобновлены дипломатические отношения, определяло в первую очередь прежнее отношение государств к факту инкорпорации стран Балтии в СССР. Позиции многих международных организаций также были противоречивыми. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций, хотя и признал, что страны Балтии восстановили независимость, однако плату за участие в ООН рассчитал пропорционально прежним взносам СССР в эту организацию. В Международную Организацию Труда также пришлось вступать заново, хотя Латвия была одной из стран-основательниц этой организации в 1921 году. В то же время Совет Европы признал правопреемство стран Балтии.

То, что ведущие страны Запада признали международное правопреемство стран Балтии, позволило решить целый ряд вопросов, актуальных для всех трех Балтийских государств. Один из них — возврат зданий

дипломатических представительств, принадлежавших им до войны, или, если это было невозможно, выплата компенсации. Вторым был так называемый «вопрос о золоте Балтии», т.е. о золотом запасе и вкладах в иностранной валюте Эстонии, Латвии и Литвы, которые в 1940 году находились в зарубежных банках. Золотые и валютные резервы Латвии хранились в банках США, Франции и Великобритании. Надо сказать, что еще в конце 50-х — начале 60-х годов СССР достиг соглашения с Данией, Голландией, Норвегией и другими странами, выдвинувшими претензии в связи с ущербом, причиненным им советской национализацией в странах Балтии. В 1967 году, когда председатель Совета министров СССР А. Косыгин заключил соответствующее соглашение с министром иностранных дел Великобритании Гарольдом Вильсоном, было решено, что часть хранящегося в банках Англии золотовалютного запаса стран Балтии будет использована в качестве компенсации за национализированную собственность англичан в этих странах и погашение долговых обязательств СССР перед акционерами. США и Швейцария отказались передать СССР вклады Балтийских государств. Теперь они были возвращены законным правительствам.

Правовое обоснование международного признания суверенитета Латвии было непосредственно связано с вопросом об имеющих силу заключенных Латвийской Республикой до 1940 года мирных договорах, в частности — Тартуского, Рижского и Московского мирных договоров, которыми были определены границы Латвийской Республики, особенно с учетом того, что граница между Латвией и Россией была изменена в 1944 году. Россия выдвинула тезис, согласно которому Балтийские страны не были оккупированы, а вошли в СССР добровольно, поэтому мирный договор между Латвией и Россией от 1920 года имеет лишь историческое значение. Латвия же считала, что принцип государственного правопреемства означает, что договор по-прежнему остается в силе; тем не менее это не означает, что не могут состояться переговоры о пересмотре границ. Российские дипломаты со своей стороны выдвинули аргумент, что в 1940 году международное право не осудило применение силы. Однако многие специалисты международного права указали на неправомерность подобных заявлений; кроме того, в имевших в то время силу двусторонних договорах между Латвией и СССР говорилось об обязательствах сторон «воздерживаться от всяких насильственных действий, направленных против целостности и неприкосновенности территории или против политической независимости...». Россия последовательно отказывалась обсуждать вопрос о мирном договоре 1920 года. Попытки Латвии актуализировать этот вопрос нашли отражение в принятом 22 января 1992 года Верховным Советом постановлении о непризнании аннексии города Абрене и шести

волостей Абренского уезда, а также в Декларации Сейма от 28 августа 1996 года об оккупации Латвии, в которой подчеркивалось значение договора 1920 года для демаркации восточных границ. Эти попытки Латвии вызвали в России чрезвычайно негативную реакцию и были квалифицированы как «территориальные претензии» Латвии к Российской Федерации. Следует сказать, что позиция западных стран и международных организаций в этом вопросе была достаточно сдержанной.

Латвии пришлось отказаться от намерения добиться обсуждения вопроса на межгосударственных переговорах после того, как эстонское правительство объявило, что готово прийти к соглашению относительно восточных границ без ссылки на существующий между Эстонией и Советской Россией договор. Латвия последовала примеру Эстонии и отказалась ставить вопрос о возвращении аннексированных территорий. Это, безусловно, была дипломатическая победа России. В то же время это была болезненная уступка со стороны правительств Эстонии и Латвии; большая часть общества оценила подобный шаг отрицательно, и правительство подверглось серьезной критике. Вначале эта уступка вызвала некоторое оживление в межгосударственных переговорах, дала возможность провести временную демаркацию границ, а также подготовить договор о границе. Однако несмотря на то, что договор был готов к подписанию еще в 1997 году, он до сих пор не подписан из-за нежелания России. Весной 1998 года подписание договора было отложено, что объяснялось кризисом между двумя странами в связи с Законом о гражданстве, принятом в Латвии, позже — отношением к русскоговорящим жителям Латвии. Не был подписан договор о границе и с Эстонией. Возможно, на первом этапе проволочки с подписанием договора о границе можно объяснить и надеждами элиты российской власти затормозить прием стран Балтии в НАТО. Однако не было сделано это и после того, как стало ясно, что для НАТО (а также Европейского Союза) отсутствие договора о границе не является препятствием для членства в этих организациях.

Вопрос о государственном правопреemptстве имел и внутривнутриполитический аспект; прежде всего, это был вопрос о легитимности существующей законодательной власти — Верховного Совета, а также вопрос о гражданстве и праве собственности. Надо отметить, что Латвия наиболее последовательно из всех стран Балтии придерживалась принципа правопреemptства в том плане, что восстановила действие Сатверсме (Конституции) 1922 года. Эстония в 1992 году приняла новую конституцию. Литва вначале восстановила Конституцию 1938 года (отменив отдельные статьи, касающиеся сути авторитарного режима), а в 1992 году приняла новую конституцию. Обе страны в своих конституциях продекларировали

принцип правопреемства (Литва ссылалась на исторические корни государственности вплоть до Великого Литовского княжества).

Латвия избрала другой путь. В полном объеме Сатверсме формально была восстановлена 21 августа 1991 года, однако фактически это произошло лишь после того, как в июле 1993 года к работе приступил избранный 5–6 июня V Сейм, так как до избрания Сейма функции высшей власти продолжал исполнять избранный в 1990 году Верховный Совет. В нем, правда, произошли изменения, поскольку мандаты депутатов утратили военнослужащие СССР/России, а также депутаты, активно выступавшие против независимости Латвии. После выборов в Сейм была восстановлена структура власти, определенная Сатверсме 1922 года. Надо сказать, что вплоть до осени 1992 года проходили дискуссии по поводу принятия новой конституции. Рабочая группа по выработке новой редакции конституции была создана еще 31 июля 1990 года. Ей было поручено также разработать новую концепцию гражданства. Проект конституции переходного периода был готов уже летом 1991 года и, вполне возможно, он был бы принят, если бы не августовский путч. Был разработан также проект Закона о гражданстве, однако его не рассматривали, поскольку большинство фракции НФЛ постановило: Закон о гражданстве правомочен принимать только восстановленный Сейм.

Вопрос о гражданстве. Ситуация, которая сложилась после 21 августа, показала, что существенно изменился расклад политических сил и внутри самой фракции НФЛ. Прежде всего, политический центр тяжести с Думы и Правления НФЛ после 4 мая 1990 года переместился на Верховный Совет. Все члены Правления (за исключением Сандры Калниете) были избраны депутатами, и законодательная работа или работа в правительстве отвлекли их от работы в НФЛ. В Думе и Правлении НФЛ сменился состав, и большинство составили радикально настроенные депутаты. Происходила и радикализация взглядов депутатов фракции НФЛ в Верховном Совете. Однако вплоть до августа это не бросалось в глаза, поскольку давление со стороны СССР, необходимость искать компромиссы обусловили влияние либерального крыла, представленного в НФЛ Д. Ивансом и И. Годманисом. Однако после 21 августа эти ограничения отпали, и уже в сентябре стало ясно, что выдвинутые во 2-й программе НФЛ принципы автоматического присвоения гражданства всем постоянным жителям Латвии, прожившим здесь более десяти лет, осуществить будет невозможно. 12 сентября 1991 года произошел раскол в парламентской фракции НФЛ. Была создана фракция «Сатверсме», выступившая за восстановление Латвийского государства на основе Конституции 1922 года, а это означало, что вопрос о гражданстве должен решать не Верховный совет,

а Сейм, однако для его избрания необходима легитимная сообщество граждан.

15 октября 1991 года было принято постановление ВС «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации». Согласно постановлению, гражданами Латвии становились лица, имевшие гражданство на 17 июня 1940 и их потомки, на момент принятия постановления живущие в Латвии и зарегистрировавшиеся до 1 июля 1992 года. Впоследствии, правда, закон был отнесен и к гражданам и их потомкам, проживающим за границей, а также был продлен срок перерегистрации. При этом латыши Запада получили право на двойное гражданство.

И хотя большинство лиц, получивших гражданство на основе этого постановления, были латыши (примерно 78%), оно не имело признаков этнической дискриминации. Гражданство получили нелатыши, родители и деды которых до 1940 года были гражданами Латвии — независимо от национальности и владения латышским языком. В свою очередь, гражданство не получили около 40 000 российских латышей, которые прибыли в Латвию после 1940 года.

Постановление вызвало отрицательную реакцию у той части потенциальных неграждан, которые активно поддерживали Народный Фронт и выступили за независимость Латвии и теперь чувствовали себя отвергнутыми. В сочетании с другими процессами — развалом крупных промышленных предприятий, колхозов и совхозов, возникшей безработицей, снижением статуса большей части интеллигенции, уменьшением роли русского языка и другими факторами — возросло отчуждение нелатышей от государства; этому способствовали и неясные перспективы будущего, так как закон о гражданстве был принят только три года спустя — 22 июля 1994 года. Вокруг принятия закона развернулась чрезвычайно острая борьба. Вначале закон был принят 21 июня 1994 года, однако включенная в него норма о натурализационных квотах — 0,1% от имеющегося числа граждан ежегодно, вызвала серьезную критику со стороны ОБСЕ и России. Президент Г. Улманис отказался провозгласить закон и отправил его на повторное рассмотрение. В новом варианте закона квоты были отменены, однако теперь в него была включена система так называемых «натурализационных окон», т. е. просьбу о натурализации ежегодно могли подавать только лица определенного возраста, причем первыми такое право получили лица самого старшего возраста. Однако в целом закон был признан соответствующим требованиям ОБСЕ и других европейских организаций.

В соответствии с этим законом (с дополнениями, принятыми в 1995 году), гражданами Латвии признавались: лица, имевшие гражданство

до периода оккупации, и их потомки; натурализовавшиеся граждане и некоторые другие категории. Остальным постоянным жителям Латвии, зарегистрировавшимся в Регистре жителей Латвии, право получения гражданства предоставлялось путем натурализации. Закон давал возможность натурализоваться лицам, прожившим в Латвии не менее пяти лет, имеющим легальные источники дохода, владеющим латышским языком, знающим Конституцию и принесшим клятву на верность Латвийской Республике.

Натурализация началась 1 февраля 1995 года. В процессе натурализации было создано Управление натурализации. Принятый 28 апреля 1995 года закон о бывших гражданах СССР, не имеющих подданства другой страны, признавал их постоянными жителями Латвии, имеющими право на проживание. Начиная свою работу, Управление натурализации рассчитывало, что до конца столетия гражданами Латвии станут около 200 000 неграждан, однако фактические темпы оказались намного медленнее. Правом натурализоваться не воспользовались многие из имевших его, в том числе почти половина российских латышей. В начале 1998 года из 150 000 лиц, имевших право на натурализацию, воспользовались им только 11 000. И хотя международные институты критиковали Латвию за некоторые необоснованные ограничения прав неграждан (в частности, за запрет работать адвокатами, фармацевтами и пр., а также за ограничение права собственности на землю), которые после критики были постепенно были отменены, статус негражданина не очень сказывался на повседневной жизни большинства и не ставил человека перед выбором — натурализоваться или нет. Кроме того, исследования показали, что препятствием было и недостаточное знание латышского языка, политическая пассивность, а у молодежи — и нежелание служить в армии. У многих возникло необоснованное впечатление, что получение гражданства — слишком сложная процедура.

На медленные темпы натурализации указывали Латвии и ОБСЕ, и Европейский Союз. В 1997–1998 годах и в самой Латвии велись активные дискуссии о том, что необходимо изменить Закон о гражданстве. В Сейме фракции партий «Латвияс цельш» («Латвийский путь»), Партии народного согласия и Демократической партии «Саймниекс» («Хозяин») поддержали поправки, «Тевземей ун Бривибай» (ТБ, «Отечеству и Свободе»),/ДННЛ категорически возражали. Надо сказать, что правящие коалиционные партии договорились не менять закон до истечения полномочий VI Сейма, так что дискуссии осложнялись еще и тем, что изменения в законе могли стать причиной распада правительственной коалиции (премьер-министром был в то время представитель ТБ/ДННЛ Гунтар Крастс). Президент Г. Улманис

стоял на точке зрения отмены «натурализационных окон» и предоставления права автоматического получения гражданства родившимся в Латвии детям неграждан. Опрос показал, что присвоение статуса гражданина детям неграждан поддерживает большинство граждан Латвии.

22 июня 1998 года был принят новый Закон о гражданстве, отменивший систему «окон» и наделивший правом гражданства родившихся в Латвии после августа 1991 года детей неграждан. Против поправок возражали депутаты ТБ/ДННЛ, которые добились проведения референдума по этому вопросу. Однако участники референдума (53% избирателей) поддержали новую редакцию Закона о гражданстве. Темпы натурализации возросли — в 1998 году натурализовалось 4439 человек, в 1999 году — уже 12 427, в 2000 году — 14 900 человек. Тем не менее в последующие годы темпы натурализации снова упали. Всего с 1996-го по 31 марта 2004 года, согласно данным Управления натурализации, гражданство путем натурализации получили 70 879 человек (в том числе родившиеся в Латвии дети), однако на начало 2004 года число неграждан все еще было высоким — 481 352 человека. Наряду с вышеупомянутыми причинами, не способствовавшими натурализации, возможно, сказывалось и влияние движений, позиционировавших себя в качестве защитников неграждан и выдвигавших требование признания русского языка в качестве второго государственного и принятия так называемого «нулевого» варианта гражданства; такие же высказывания звучали и из уст московских политиков. У части неграждан это вызвало необоснованные надежды на автоматическое получение гражданства. Весной 2004 года в ходе акций протеста против нового Закона об образовании, предполагающего частичный переход на латышский как язык обучения в школах национальных меньшинств, противники реформы четко сформулировали свою главную цель — добиться присвоения русскому языку статуса второго государственного языка, а также «нулевого варианта» гражданства. Но в то же время в апреле 2004 года, накануне вступления Латвии в Европейский Союз (1 мая), число желающих натурализоваться значительно возросло.

Постановление Верховного Совета от 15 октября 1991 года имело решающее значение в том отношении, что давало возможность провести выборы в V Сейм, так как достаточно четко обозначило круг лиц, имеющих право голоса. Это не противоречило принципу государственного правопреимства, что лишило аргументации обе оппозиции — и парламентскую, и внепарламентскую, которая подвергала сомнению право ВС проводить подобные выборы, так как считала, что они могут пройти только после вывода российских войск, международного признания оккупации Латвии и ликвидации ее последствий. В обстановке, когда Эстония и

Литва решила проблему легитимности власти, промедление Латвии сказывалось на внешнеполитической стабильности, на процессе перехода к демократии и рыночной экономике. О том, что это решение было правильным, свидетельствовал и тот факт, что часть внепарламентской оппозиции, в которую входили главным образом наиболее радикальные активисты гражданского движения, решила отказаться от обструкции власти и принять участие в выборах в V Сейм (впоследствии они стали ядром партии «Отечеству и Свободе»).

Широко была распространена точка зрения, что переворот К. Улманиса в 1934 году в немалой степени был спровоцирован несовершенством парламентской системы, особенно тем, что не существовало процентного барьера при подаче списков кандидатов в парламент, а также весьма демократичным порядком составления и регистрации этих списков. Принятый 20 октября 1992 года Закон о выборах в V Сейм по существу был несколько трансформированным и дополненным законом о выборах в Сейм 1922 года. Наиболее существенные поправки заключались в том, что Верховный Совет ввел четырехпроцентный барьер, необходимый для получения соответствующим списком депутатских мандатов. Во время выборов в VI Сейм в октябре 1995 года планка была поднята еще выше — предстояло преодолеть пятипроцентный барьер.

Выборы в V Сейм Латвийской Республики состоялись 5 и 6 июня 1993 года, в них приняли участие 1 118 316 избирателей, или 89,9% граждан Латвии, имеющих право голоса. Избиркомом были приняты 23 списка, депутатские мандаты получили восемь. Большинство мандатов — 36 — получил центристский Союз «Латвияс целш», в который вошли многие известные латвийские политики, активно работали в нем и известные политические деятели латышской эмиграции. В дальнейшем ни на одних парламентских выборах ни одной партии не удавалось получить такого числа мандатов. Мандаты депутатов Сейма получили и представители правого крыла — Движение за национальную независимость Латвии (ДННЛ), предвыборное объединение «Тевземей ун Бривибай» (ТБ), Союза христианских демократов и восстановленного Латышского Крестьянского союза (ЛКС), а также левоцентристские партии — Партия Демократического центра и «Согласие Латвии — возрождение народному хозяйству». Семь мандатов получила и политическая организация Равноправие — крайне левая политическая сила в Сейме. Председателем V Сейма был избран Анатолий Горбунов.

Полное восстановление Конституции. 6 июля 1993 года V Сейм собрался на свое первое заседание и полностью восстановил Конституцию (Сатверсме) Латвийской Республики. Конституция 1998 года была

дополнена новым разделом — о гарантии гражданских свобод, кроме того, латышскому языку был придан статус государственного. Новый раздел опирался на принятый в декабре 1991 года конституционный закон ЛР «Права и обязанности человека и гражданина». В нем были подтверждены личные свободы — право на жизнь, свободу, неприкосновенность личности, честь и достоинство, право на неограниченное передвижение, политические свободы — свобода совести, убеждений и вероисповедания, право на свободу слова и собраний, а также социальные права — право на собственность, оплату труда, социальное обеспечение, медицинскую помощь, образование.

Совет министров сложил свои полномочия. Формирование кабинета министров было поручено Валдису Биркавсу («Латвияс целиш»). Совет министров, руководимый И. Годманисом, работал с 7 мая 1990 года (19 ноября 1991 года он был реорганизован). К сожалению, последующие правительства не могли похвастаться такой стабильностью. 7 июля Президентом страны Сейм избрал Гунтиса Улманиса (внучатого племянника К. Улманиса). Он исполнял свои обязанности два срока — до июня 1999 года. Во время президентства Г. Улманиса были решены многие сложные проблемы — достигнута договоренность о выводе российских войск, принят Закон о гражданстве, на этот период пришелся и политический кризис весны 1998 года, вызванный как необходимостью внесения поправок в Закон о гражданстве, так и обострением отношений между Латвией и Россией, а также оценкой истории Латвии в период Второй мировой войны.

В июне 1999 года Сейм избрал Президентом страны Вайру Вике-Фрейбергу, эмигрировавшего профессора психологии Монреальского университета, которая внесла большой вклад и в изучение латышских народных песен (дайн). Она завоевала всеобщее признание своим умением представлять страну как за рубежом, так и внутри страны. Первые два президента восстановленной Латвийской Республики доказали, что институция президентства играет важную роль в сохранении политической стабильности в стране и формировании образа страны на международной арене. Несмотря на раздававшиеся призывы изменить Конституцию и избрание президента парламентом заменить всенародным избранием, они не получили всеобщей поддержки.

Президент Латвии исполняет главным образом представительские функции, которые не налагают на него политической ответственности. Однако президент наделен правами, которые делают его центральной фигурой во время политических кризисов, связанных с принятием спорных политических законов и постановлений. Одной из важнейших функций президента является выбор кандидата на пост премьер-министра,

которому поручается составить правительство. Вторая важнейшая функция — провозглашение законов. Президент имеет право вернуть закон на повторное рассмотрение. Этим правом президенты Латвии пользовались неоднократно, например, во время принятия Закона о гражданстве.

Выборы в VI Сейм состоялись 30 сентября и 1 октября 1995 года. В них приняли участие 71,9% граждан Латвии, имеющих право голоса. Из 19 принятых списков мандаты получили девять. Союз «Латвияс цельш» — 17 мандатов, Демократическая партия «Саймникс» — 18, народное движение Латвии — 16, объединение «Отечеству и Свободе» — 14, по 8 мандатов получили Латышский Крестьянский союз, объединенный список Латвийской партии христианских демократов и Латгальской Демократической партии, Латвийская партия единства, а также единый список Латвийской национально-консервативной партии ДННЛ и Зеленой партии, 6 мандатов получила Партия народного согласия, 5 — Латвийская социалистическая партия. Вначале председателем Сейма была Илга Крейтусе, 26 сентября 1996 года им стал Алфред Чепанис.

Накануне выборов в VII Сейм были внесены поправки в Конституцию, которые впервые в истории Латвии предполагали провести выборы за один день — 3 октября 1998 года. В выборах участвовали 71,9% всех имеющих право голоса граждан Латвии. В избирательную комиссию был подан 21 список. Наибольшее число мандатов получила Народная партия — 24, за ней следовал Союз «Латвияс цельш» — 21, объединение ТБ/ДННЛ — 17, Партия народного согласия — 16, Латвийское объединение социал-демократов — 14 мандатов и Новая партия, представленная 8-ю депутатами. Председатель Сейма Янис Страуме.

Выборы в VIII Сейм состоялись 5 октября 2002 года, в них приняли участие 71,51% избирателей. Из 20 представленных списков пятипроцентный барьер преодолели и получили мандаты 6 партий и объединений. Партия «Яунайс лайкс» («Новое время») получила 26 мест, объединение «За права человека в единой Латвии» — 25, Народная партия — 20, Союз зеленых и крестьян — 12, Латвийская Первая партия — 10, объединение ТБ/ДННЛ — 7 мест. Председателем Сейма была избрана Ингрида Удре.

Результаты выборов в VI, VII и VIII Сеймы показали более низкую активность граждан, чем на выборах в V Сейм, тем не менее она достаточно высока и стабильна. В то же время видно, что большинство партий и политических объединений не сумели надолго сохранить симпатии избирателей. Согласно опросам общественного мнения, в период борьбы за признание независимости Латвии рейтинг парламента и правительства в обществе был высоким, после восстановления независимости он резко упал и сохраняется на относительно низком уровне, например, по сравнению

с институцией Президента страны, Конституционным судом. В какой-то мере это отражает трудности формирования политики в парламентарной республике, где составление правительства нередко превращается в долгий и утомительный процесс, а дееспособность правительства ограничена интересами и программами партий правящей коалиции.

Восстановление Конституции позволило кардинально решить одну из важнейших проблем государственного управления, существовавшую при советской системе, — осуществить разделение функций законодательной и исполнительной власти, а также сформировать независимую судебную власть.

Функции правительства исполняет президент министров и составленный им кабинет. Правительство должно получить доверие Сейма и несет перед ним ответственность за свою деятельность. И хотя результаты выборов в Сейм свидетельствуют об известной популярности среди избирателей левоориентированных сил и левого популизма, правительственную коалицию, начиная с 1993 года, составляют в основном правые политические партии. Несмотря на короткую жизнь некоторых избранных в Сейм партий и объединений, на существование так называемых правительств меньшинства, на неспособность представленных в Сейме партий объединиться при их формировании (в 1996 году правительство удалось сформировать только третьему, независимому кандидату — Андрису Шкеле), определенная политическая стабильность и преемственность сохраняется. С 1993-го по 2002 год во всех правительственных коалициях принимал участие союз «Латвияс цельш», представители которого на протяжении этих лет возглавляли Министерство иностранных дел. С 1993 года у власти побывали 9 правительств, в том числе — утвержденное 9 марта 2004 года коалиционное правительство Индулиса Эмсиса, состоящее из представителей Союза зеленых и крестьян (СЗК), Народной партии (НП) и Латвийской Первой партии (ЛПП).

Формирование Сатверсме и высших государственных управленческих учреждений не разрешило всех связанных с конституционным правопреемством проблем. Одной из наиболее существенных была проблема соответствия существующих законов и юридических институтов Сатверсме. После восстановления независимости — до разработки кодексов Латвийской Республики или других законодательных актов — продолжали действовать Уголовный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс, Гражданский кодекс, Кодекс законов о труде и все прочие кодексы и законы Латвийской ССР. Безусловно, законодательство Латвийской ССР, разработанное в расчете на совершенно иной политический и социальный уклад, даже с поправками было сложно применять в новых обстоятельствах.

Однако вопрос о том, соответствует ли довоенное законодательство современным условиям или все кодексы и законы надо писать заново, послужил поводом для новых дискуссий, особенно это касалось возобновления действия Гражданского закона 1937 года — победила точка зрения тех, кто считал, что Гражданский закон (с поправками) пригоден для сегодняшней ситуации. В то же время не все нужные сегодня законы существовали в довоенной Латвии, некоторые прежние не соответствуют сегодняшней ситуации. Большинство законов и кодексов создавалось заново, и это вызвало множество проблем ввиду несогласованности законов или просто их отсутствия; порой и сами законодатели не знали, какие законы следует принять в первую очередь.

В наследство от советской системы достался прокурорский надзор за исполнением законности в судах; это противоречило принципу независимости судебной власти и норма была отменена. Одновременно была создана институция присяжных адвокатов, после чего адвокаты стали полноправными участниками судебного процесса. Судебная система пополнилась апелляционными судами. Была создана трехуровневая судебная система — районные (городские) суды, окружные суды и Верховный суд. Был принят Закон о земельных книгах и Закон о нотариате.

В создании демократической системы государственной власти важная роль принадлежит Конституционному суду, который был учрежден в 1996 году, в соответствии со второй частью 6-й статьи Декларации о восстановлении независимости Латвийской Республики от 4 мая 1990 года. Но реально вопрос стал решаться только в 1993 году, хотя принятый 15 декабря 1992 года Закон о суде наделил функциями конституционного контроля Верховный суд Латвийской Республики. Идея о создании Конституционного суда натолкнулась на серьезное политическое сопротивление, что свидетельствовало о том, что общество не понимало или не верило в возможность существования независимой судебной власти. Только 5 июня 1996 года Сейм внес поправки в 85-ю статью Сатверсме (Конституции) Латвийской Республики, которые гласили, что Конституционный суд в пределах определяемой законом компетенции рассматривает дела о соответствии законов Сатверсме, а также другие переданные законом в его компетенцию дела. Конституционный суд вправе признать не имеющими силу законы или другие правовые акты или их части. Одновременно был принят Закон о Конституционном суде, вступивший в силу 28 июня 1996 года. 11 декабря 1996 года Конституционный суд собрался на свое первое заседание. 11 сентября 1997 года были внесены поправки в Закон о Конституционном суде, которые расширили перечень субъектов, имеющих право обращаться в Конституционный суд, однако среди них не было

обычных судов и граждан. Эти права были предоставлены только поправками, вступившими в силу 1 января 2001 года. Конституционный суд рассматривает дела о: соответствии законов Сатверсме; соответствии Сатверсме подписанных или заключенных Латвией международных договоров (и до утверждения их Сеймом); соответствии Сатверсме и другим законам постановлений Сейма; соответствии других нормативных актов или их частей высшим правовым нормам (актам); соответствии закону других нормативных актов Сейма, Кабинета министров, Президента страны, председателя Сейма и премьер-министра, за исключением административных актов; соответствии закону распоряжения министра, которым уполномоченный на это законом министр отменил решение, принятое думой (советом) самоуправления; соответствии национальных правовых норм Латвии тем заключенным Латвией международным договорам, которые не противоречат Конституции.

7. 2. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Реформы административного и территориального управления начались еще до полного восстановления независимости, их целью была демократизация и децентрализация системы управления. Принятый Верховным Советом ЛР 6 июня 1991 года закон «об образовании административных территорий Латвийской Республики и определении статуса населенных пунктов» в соответствии с Конституцией гласил, что Латвийская Республика состоит из Видземе, Латгале, Курземе и Земгале; они, в свою очередь, делятся на административные территории: районы и города республиканского значения. Районы подразделяются на городские районы, районы в городах с сельской территорией и волостях. Город Рига делится на городские районы. Населенные пункты были разделены на две категории: городские и сельские, а сельские населенные пункты в свою очередь — на поселки и хутора.

Деление на четыре области не является административным делением, на практике оно используется только во время выборов в Сейм, когда Латвия делится на пять округов — Рижский, Видземский, Латгальский, Курземский и Земгальский. Существовавшее до оккупации административное деление не было восстановлено. После восстановления независимости изменились, расширились функции и ответственность самоуправлений, но неизменным осталось административное деление советского периода — 26 районов и 7 городов республиканского значения (1-й уровень) и более 550 местных самоуправлений (2-й уровень). Самоуправления

второго уровня состоят из волостей (бывшие сельские советы) и городов. В 90-е годы прежним поселкам городского типа был присвоен статус города с сельской территорией.

С 1992 года ведется работа над проектом нового административно-территориального деления, предусматривающего объединение самоуправлений. 28 сентября 1993 года Кабинет министров утвердил концепцию реформы самоуправлений, которая была основана на провозглашенных Европейской Хартией принципах местного самоуправления. Принятый Сеймом 19 мая 1994 года Закон о самоуправлениях назвал три их формы — городские, районные, волостные, уточнив их компетенцию и распределение функций между ними, а также между самоуправлениями и центральным правительством. В результате реформы отделена собственность самоуправлений с закреплением ее законодательным путем, разработан независимый порядок формирования бюджета самоуправлений, а также система выравнивания бюджетов самоуправлений, по которой наиболее богатые часть своих доходов отчисляют нуждающимся самоуправлениям для обеспечения их деятельности.

В 1998 году был принят (провозглашен 30 октября) Закон об административно-территориальной реформе. Закон предполагал создание самоуправлений двух уровней: 1) местные самоуправления — в округах, городах и волостях и 2) региональные самоуправления — в уездах. Однако создание уездов должен был регулировать специальный закон, закон же 1998 года подробно регламентировал только административно-территориальную реформу самоуправлений первого уровня.

По закону реформа должна была быть завершена 30 ноября 2004 года и пройти в два этапа. На первом этапе она должна была проходить по инициативе местных самоуправлений, которые добровольно должны объединиться в более крупные административные единицы — округа — до 31 декабря 2003 года, а потом, согласно разработанным Министерством среды и регионального развития проектам, с 1 января 2004 года. В законе были сформулированы следующие критерии необходимости проведения реформы: долгосрочное развитие территорий самоуправлений; база финансовых доходов; необходимая для осуществления функций самоуправлений инфраструктура; численность населения; экономическое, географическое и историческое единство самоуправлений; доступность услуг самоуправлений; другие предпосылки по предложению районного совета. Вначале идея объединения самоуправлений не вызвала большой поддержки. С 1998 года было создано 15 округов.

В 2001 году было подготовлено три проекта, предлагавшие соответственно деление территории страны на 33, 77 и 102 местных самоуправ-

ления (округа). Однако правительство и партия «Латвияс цельш» поддержали модель деления на 102 округа, и многие самоуправления увидели положительные стороны именно в этом проекте. Итоговая информация Министерства по делам самоуправлений на июль 2003 года свидетельствовала о том, что 154 самоуправления поддержали модель из 102 округов, 237 поддержали другие модели, 137 высказались за сохранение существующих границ. Летом 2003 года правительство Эйнара Репше выдвинуло как наиболее рациональную модель деления на 33 округа, однако из-за протестов со стороны самоуправлений вынуждено было от нее отказаться, как и от нормы закона, предусматривавшей принудительное объединение волостей. Широко дискутировался и вопрос о необходимости самоуправлений 2-го уровня, об их оптимальных размерах, а также о том, должно ли правление волостей избираться или назначаться. Но и этот вопрос еще ждет своего решения.

Политические и общественные организации. Надежды на то, что введение процентного барьера будет способствовать возникновению сильных политических партий и более стабильной работе правительства, оправдались только частично. Хотя число избранных в VI, VII и VIII Сеймы списков было меньшим, чем в первые четыре сейма, и ядро политических сил, которые в течение десяти лет сохраняли влияние, осталось относительно стабильным («Латвияс цельш», объединениеТБ/ДННЛ, Латышский Крестьянский союз, Латвийская социал-демократическая рабочая партия, Партия народного согласия, «Равноправие», Народная партия), однако перед очередными выборами в сейм создавались новые партии и объединения, а электорат существующих партий был недостаточно представителен и стабилен, чтобы обеспечить им такое же число мест в парламенте, которое гарантировало бы достаточно долговечную работу правительственных коалиций.

В начале 90-х годов были попытки создания политических партий на базе существовавших в довоенной Латвийской Республике. Однако удалось восстановить только две — Латвийскую Социал-демократическую рабочую партию (ЛСДРП) и Латышский Крестьянский союз (ЛКС). В случае с ЛСДРП роль сыграло то, что она существовала все годы оккупации в изгнании (в Швеции) и сохранила престиж в мировом социалистическом движении — председатель партии Бруно Калныньш был почетным председателем Социалистического Интернационала. Латышский Крестьянский союз создавался заново, но ему помогла возродиться популярность Карлиса Улманиса. Однако ни та, ни другая партия не стала столь же влиятельной, какой была до 1934 года.

В отличие от многих посткоммунистических стран в Латвии не

удалось сохранить свое влияние и национал-коммунистической части реформированной Коммунистической партии Латвии — Независимая КП преобразовалась в Латвийскую Демократическую трудовую партию (впоследствии Латвийская социал-демократическая партия). Однако промосковская часть КПЛ сумела выжить в новых условиях, став базой Социалистической партии Латвии.

После восстановления независимости Народный Фронт Латвии утратил поддержку общества. Это был естественный процесс, так как НФЛ скорее был организацией-«зонтиком», объединяющей под своим крылом разнородные направления и группировки. НФЛ фактически стал организацией, давшей импульс развитию многопартийной системы. Часть НФЛ преобразовалась в политическую партию, которая потерпела тяжелое поражение в 1993 году на выборах в V Сейм, после чего была переименована в Христианскую народную партию, члены которой впоследствии вошли в состав других политических организаций. Вторая крупнейшая оппозиционная сила — Движение за национальную независимость Латвии — одержала внушительную победу на выборах в V Сейм, но в 1997 году раскололась.

На первом этапе формирования партий идеологические отличия существовали не столько в подходах к экономическим вопросам, сколько к другим вопросам, в частности, к вопросу о гражданстве. В первой половине 90-х годов в экономических взглядах преобладала идеология неоліберализма. Однако колебания в экономическом развитии и социальная цена этих колебаний были столь велики, что с середины 90-х годов нарастает влияние популизма, и ярче всего это выразилось во время выборов в VI Сейм, в котором 16 мандатов получило руководимое Йоахимом Зигеристом Народное движение Латвии, серьезных успехов добились Латвийская партия единства и Демократическая партия «Саймникс», в программах которых также присутствовали элементы популизма. Однако неспособность этих организаций предложить конкретное решение назревших проблем вынудило их очень скоро сойти с политической сцены. Тем не менее политический потенциал популизма сохранился и проявился на выборах и в VII, и в VIII Сейм — например, победу на выборах в последний сейм одержала возглавляемая Эйнарсом Репше партия «Яунайс лайкс», обещавшая бороться с коррупцией, упорядочить системы здравоохранения, социального обеспечения и образования.

Существенное влияние на политический процесс оказывали и социал-демократы, которые во второй половине 90-х годов активно выступали против приватизации крупных предприятий, требовали введения прогрессивной ставки подоходного налога и создания регулирующих рынков институций.

Под влиянием популистских настроений старые и вновь созданные правые партии стали больше внимания уделять социальным вопросам. Так, «Латвияс цельш» внес изменения в партийную программу, смягчив неолиберальную ориентацию и больше внимания уделив социально ориентированной рыночной экономике. Более последовательным сторонником неолиберализма осталась в 1998 году Народная партия. Достаточно активно поддерживало это направление и национал-консервативное объединение ТБ/ДННЛ, в программе которого просматривались явные противоречия между неолиберализмом в экономике и национализмом в политике. Эти противоречия присутствуют и в постулатах партии «Яунайс лайкс».

Наряду с партиями, в экономической программе которых доминирует неолиберальный подход, свою позицию четко выразили партии, отстаивавшие регулируемую роль государства в экономике и социальной жизни, поддерживающие крупные государственные предприятия, регулируемые государством банковскую деятельность, сохранение системы широких социальных гарантий. Наиболее последовательно отстаивала свои позиции Социалистическая партия Латвии (СПЛ), которую возглавил бывший лидер КПЛ А. Рубикс. Политика Социалистической партии, как и Равноправия, была направлена на укрепление связей с Россией и странами Содружества Независимых Государств. И хотя Социалистическая партия возникла на основе Равноправия, однако их позиции по отдельным вопросам не совпадали: СПЛ последовательно выступала против участия Латвии в НАТО и достаточно скептически отнеслась к вступлению Латвии в ЕС. Отношение к ЕС со стороны Равноправия не было столь скептическим — оно убеждено, что членство в ЕС предоставит возможность более эффективно бороться за права неграждан. Сходство экономических программ, ориентация на Россию и отношение к проблемам неграждан — вот три позиции, которые заставили наиболее либеральную в отношении этих проблем Партию народного согласия (ПНС) в 1998 году, накануне выборов в VII Сейм, создать с этими партиями политическое объединение «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ). В феврале 2003 года ПНС вышла из объединения. Следует отметить, что в отличие от Латвийской Республики 20–30-х годов, в национальном масштабе региональные партии сколько-нибудь серьезного влияния не добились, возможно, потому, что в результате проводимой советской властью политики региональные отличия были не столь явными. Единственной партией, которая сумела добиться признания в национальном масштабе, была «Латгалес Гайсма» («Свет Латгалии»), но и ей не удалось пройти в Сейм. Однако на выборах в местные самоуправления региональные или местные партии и объединения в целом добиваются лучших результатов, чем парламентские. В

какой-то мере это связано с тем, что большинство «крупных» партий в 90-е годы не уделяли достаточного внимания развитию местных отделений партии, привлечению новых членов в провинции. Партии, возникшие в конце 90-х — начале 2000-х годов, например, Народная партия и «Яунайс лайкс», уже гораздо активнее ищут поддержки в регионах. Это и обеспечило Народной партии хорошие результаты на выборах в местные самоуправления в 2001 году.

После бурных событий конца 80-х — начала 90-х годов многим казалось, что общество в 90-е годы стало апатичнее, поскольку уже не столь активно участвовало в различных гражданских инициативах. Действительно, количество общественных организаций сократилось и основным подтверждением активности общества стало участие в местных и парламентских выборах. С момента принятия 4 мая 1990 года Декларации о восстановлении независимости Латвийской Республики прошли выборы в четыре сейма, трижды — в местные органы власти, состоялось два референдума. Активность избирателей на выборах в парламент выше (более 70%), чем на выборах в местные органы управления (57–62%), но сравнительно низкая во время референдумов. Успешнее проходили референдумы, проводившиеся в одно время с выборами в парламент или в самоуправления. Совсем небольшое количество населения было готово участвовать в пикетах, митингах, публичных акциях, еще меньше — в работе различных негосударственных организаций. Согласно данным «Baltijas Datu nams» (Балтийский Дом данных), в 1994 году только 19% населения Латвии состояли в какой-либо общественной организации, однако в последующие годы участие населения в общественных организациях стало возрастать. Это вполне объяснимо, поскольку изменившаяся социально-экономическая ситуация начала 90-х вынуждала большинство думать прежде всего о личных проблемах. Кроме того, у людей не хватало опыта участия в общественных организациях, привычки брать инициативу на себя, не хватало и знаний. Исследования говорят о том, что жители Латвии достаточно низко оценивают уровень своей политической компетенции. Довольно низок и уровень доверия к политической элите, нет у людей уверенности и в том, что они могут повлиять на принятие того или иного политического решения. Выросшие в тоталитарном государстве, каким был Советский Союз, люди не получили навыков участия в политической жизни, обстановка рождала, с одной стороны, чувство собственного бессилия, с другой — циничное отношение к власти, убежденность, что ей нельзя доверять.

В то же время относительно низкий уровень активности населения нельзя оценивать как абсолютно отрицательное явление. В условиях, когда страна переживала нелегкий период, когда трансформировались все

экономические процессы, при смешанном этническом составе, а также при отсутствии политического единодушия, невысокая социальная активность населения давала политической элите возможность осуществлять важные реформы, не встречая непреодолимого сопротивления. Только в середине и во второй половине 90-х годов отдельные социальные группы — пенсионеры, медики, учителя, крестьяне — стали проводить массовые акции, чтобы оказать давление на правительство и таким образом добиться улучшения своего социального положения. Летом 2000-го года крестьяне блокировали дороги у пограничных пунктов, заставив правительство считаться с их интересами и разработать механизмы сотрудничества с крестьянскими организациями.

И тем не менее политическое участие не обязательно означает конфронтацию с государственной властью, скорее — умение сформулировать свои интересы и добиться их проведения в жизнь, не только оказывая давление на власть, но и используя имеющиеся ресурсы. Например, организуя различные группы по интересам, ссудо-сберегательные общества, курсы, кружки для освоения новых навыков или для начала новой деятельности. В этом отношении с конца 90-х годов наблюдается рост активности населения, причем именно на селе и в маленьких городах. Этому способствует и благожелательное отношение к такой деятельности со стороны местных органов управления, помощь зарубежных организаций, фондов, благотворительных обществ, поддерживающих отдельные негосударственные организации и группы по интересам, определенные проекты (начало предпринимательской деятельности, клубы по интересам, охрана среды т. п.). Успешная деятельность в небольших группах и организациях, а также успешные спонтанные акции протеста повышают самосознание, пробуждают желание довести дело до конца. Постепенно меняется представление об общественной активности и формах ее проявления. Существенное значение имеет и тот факт, что все больше людей, особенно молодых, получают знания о том, как действует гражданское общество в развитых странах Запада, каковы формы его конфронтации или сотрудничества с властью.

В 1995 году было зарегистрировано 1676 негосударственных организаций, из них 984 — общественные и религиозные; в 1999 году число их возросло до 3922, из них 2408 — общественные и религиозные организации. Тенденция роста очевидна.

Взаимоотношения с национальными меньшинствами и интеграция общества. 19 марта 1991 года Верховный совет принял Закон о свободном развитии национальных и этнических групп Латвии и праве на культурную автономию. Этот закон гарантировал всем жителям равные

права, а национальным меньшинствам — право на сохранение своих национальных традиций, создание национальных обществ. Государство взяло на себя обязательство поддерживать их. Принятие закона активизировало возникновение национальных культурных обществ и создание школ национальных меньшинств в Латвии. После восстановления независимости было создано шесть польских и две еврейских школы, а также украинская, белорусская, литовская, эстонская и др. школы и классы, цыганские классы в Вентспилсе и Сабиле. Школы с русским языком обучения сохранились, хотя число их в 90-е годы уменьшилось; это было связано и со снижением количества учащихся из-за вывода российской армии, и с усилившейся миграцией, и с тем, что многие латыши стали учиться в школах национальных меньшинств и в латышских школах. Но следует признать, что в первой половине 90-х годов отношениям между этносами не уделялось должного внимания, институциональная база этнополитически не была упорядочена, хотя в Верховном Совете и позже в сеймах всех трех созывов работала Комиссия по правам человека и делам общественности, а также Комиссия по исполнению закона о гражданстве, а при Кабинете министров, впоследствии при Министерстве юстиции, существовал Департамент по делам национальностей. Главная проблема заключалась в том, что не доставало стратегического подхода, этнополитика не имела долгосрочного характера, развивалась как ответ на внутреннее (недовольство неграждан, требования общественных организаций) или внешнее (требования ОБСЕ, Совета Европы) давление.

Отношение стало меняться в середине 90-х годов. В немалой степени это было связано с дискуссиями о принятии Закона о гражданстве и с беспокойством относительно влияния большого числа неграждан на межэтнические отношения, а также с позицией «Латвияс цельш», поскольку партия проводила выражено центристскую политику — ориентированную на интеграцию национальных меньшинств, а не на добровольную их репатриацию (национал-консервативные партии) или создание двухобщинного государства (Равноправие).

В 1995 году было создано Управление натурализации для решения связанных с Законом о гражданстве вопросов. В августе 1996 года при Президенте страны был создан Консультативный совет национальных меньшинств. Однако только весной 1998 года началась работа над «концепцией государственной программы интеграции общества в Латвии». В ходе обсуждения проекта четкие очертания обрела мысль: программа должна включать в себя не только этническую, но и социальную интеграцию, то есть преодоление политического отчуждения всех этнических групп, в том числе и латышей, снижение региональных различий, инте-

грацию в образование, язык, культуру и средства массовой информации в ходе этого процесса. Программа интеграции общества была утверждена Кабинетом министров 6 февраля 2001 года.

Проблема меньшинств и внутри страны, и за ее пределами трактуется так, словно в Латвии существуют всего две «этнические» группы — латыши и так называемые русскоговорящие. Такой подход игнорирует существование других этнических групп, имеющих свои специфические культурные потребности.

В то же время группа русских и русскоговорящих достаточно многочисленна и влиятельна и, безусловно, ее интеграция в Латвию (понимая под этим политическую интеграцию, а не ассимиляцию) — один из главных вопросов, имеющих явно выраженную политическую окраску. Различные этнические группы по-разному воспринимают прошлое Латвии, политический режим, происходящие после восстановления независимости процессы; основные различия существуют между латышами, с одной стороны, и русскими и так называемыми русскоговорящими — с другой.

Численность нелатышей и их социальный состав в 90-е годы претерпели значительные изменения. До 1990 года иммиграция стабильно опережала эмиграцию, с 1991 года произошли изменения в противоположном направлении. В 1991–1995 годах в среднем в страну въезжало 6,2 тысячи человек, выезжало 29,2 тысячи. После 1994 года количество выезжающих постоянно снижалось, но в то же время снизилось и количество въезжающих. Это вполне понятно, так как, судя по статистике, самый интенсивный обмен происходил со странами СНГ. И хотя в 90-е годы с Запада на родину вернулось немало латышей, многие жители Латвии в это же время выехали на Запад, однако этот поток миграции населения намного слабее, чем происходил и происходит в страны СНГ. Наибольший поток миграции был связан с выводом с территории Латвии российской армии, а также с процессом воссоединения семей. Но исследования в то же время подтверждают, что большинство нелатышей не хотят и не собираются уезжать на свою этническую родину.

Бесспорно, изменившаяся после восстановления независимости Латвии ситуация стала шоком для очень многих нелатышей, которые считали Латвию не страной, а регионом Советского Союза. Из большинства (в масштабе всего СССР) они превратились в меньшинство в маленьком государстве. Это была и личная драма, поскольку усложнились связи с этнической родиной, и драма идеологическая, ибо исчезло ощущение общности, в которую многие верили. Из граждан супердержавы они были вынуждены превратиться в жителей маленького государства и подчиняться

требованиям, которые многим казались унижительными. Чувство дискриминации нередко усиливалось под влиянием экономических и социальных трудностей. И хотя среди предпринимателей высок удельный вес русскоговорящих (по некоторым подсчетам, в середине 90-х годов чуть ли не 80%), у них была широко распространена точка зрения, что и они подвергаются дискриминации. Это ощущение в немалой степени помогало поддерживать и политические организации, которые борьбу против нарушения прав русскоговорящих выдвинули в качестве своей основной цели, как и возникновение двух не сообщающихся между собой информационных пространств: средства массовой информации на русском языке (каналы Российского телевидения, российские и местные радио и пресса) — с одной стороны, и на латышском — с другой.

Но и социальное самочувствие латышей не настолько улучшилось, как можно было ожидать, учитывая, что удельный вес латышей в составе населения республики в результате реэмиграции других народов увеличился. Латыши действительно составляют большинство по республике в целом, однако в больших городах они по-прежнему в меньшинстве, отсюда обоснованные или необоснованные подозрения об экономической дискриминации, а также сохранившаяся двуязычная (в лучшем случае) ситуация во многих местах. Безусловно, на социальное мироощущение латышей (как и нелатышей) повлияло и ухудшившееся материальное положение многих.

Один из главных вопросов в этом контексте — вопрос о языке. Требования наиболее радикальных русских политиков, которые находят отражение и в высказываниях некоторых политиков России, о введении второго государственного языка, что было бы ими воспринято как укрепление их меньшинственного статуса, неприемлемы для большинства латышей. Латыши хотят, чтобы сложилась такая ситуация, когда языком межнационального общения был бы латышский язык. Но многие русскоговорящие воспринимают это как попытку их ассимиляции.

Парадоксально, но эта непростая ситуация не привела к усилению межэтнических разногласий. Скорее можно говорить о том, что уровень этнической толерантности в 90-е годы был гораздо выше, чем в годы советского режима. Одно из объяснений, возможно, заключается в том, что теперь появилось больше возможностей отыскать свою «нишу», — это касается и трудового коллектива, и отдыха. Однако тут кроется опасность нарастания отчужденности, когда происходит незаметное формирование двухобщинного государства. Опровергает подобное допущение один факт — все предпринимавшиеся до сих пор попытки привлечь нелатышей в партию, построенную по этническому принципу, пока закан-

чивались неудачей (хотя общеизвестно, что большинство электората Равноправия и Социалистической партии составляют латыши). Межэтническое напряжение возросло летом 2004 года в связи с протестами против перевода процесса обучения в школах национальных меньшинств на латышский язык. В сложившейся ситуации многие винят структуры власти, которые плохо разъясняли требования закона, не вступали в диалог с говорящими на русском языке. В то же время эти протесты все более принимают политическую форму и перерастают в требования превращения Латвии в двухобщинное государство, что, скорее всего, объясняется стремлением левых политических сил к усилению своего влияния.

7. 3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ ЛАТВИИ

Одной из главных задач после восстановления независимости стала для Латвии разработка внешнеполитической стратегии, а также формирование совершенно новых государственных структур, обеспечивающих суверенитет страны: вооруженных сил, министерств обороны и иностранных дел, дипломатической службы. Министерство иностранных дел было создано уже в мае 1990 года и фактически тогда же были сделаны первые шаги по формированию дипломатической службы. Надо отметить, что дипломатические представительства независимого Латвийского государства за рубежом все эти годы продолжали существовать. В 1940 году большинство дипломатов, находившихся на Западе, отказались возвратиться в Латвию и передать дипломатические учреждения советским представителям, как того требовал СССР; они продолжали исполнять порученные им дипломатические обязанности. Наиболее благоприятным к дипломатам стран Балтии было отношение США, которые предоставили им все дипломатические привилегии и иммунитет. Латвийское посольство в Вашингтоне функционировало без перерыва, а в 1950 году Министерство финансов разрешило использовать на содержание посольства проценты с денежных вкладов Латвии, которые находились в американских банках. В Лондоне Латвийское посольство также продолжало работу до 1991 года, однако в 1942 году сотрудники посольства были исключены из списка дипломатов и считались частными лицами с дипломатическим статусом. В некоторых странах дипломатические представительства Латвии действовали в течение более короткого периода (в Аргентине и Швейцарии до 1946 года, в Бразилии — с 1946 по 1961 год, в Испании — с 1953 по

1959 год). Дипломатическую службу независимой Латвии за рубежом с 1940 по 1963 год возглавлял посол и генеральный консул в Соединенном Королевстве Карлис Зариньш, которому 17 мая 1940 года Латвийское правительство предоставило чрезвычайные полномочия. С 1963 по 1970 год эти функции исполнял Арнолд Спекке, посол Латвии в Вашингтоне, затем — Анатол Динбергс.

До 80-х годов страны Запада в качестве официальных представителей стран Балтии признавали только лиц, получивших дипломатический ранг до 1940 года. В случае их смерти заменить их могли лишь претенденты, имевшие дипломатический статус до периода советской оккупации. Это, безусловно, стало возрастающей проблемой, так как с годами число таких лиц сокращалось, но 25 октября 1980 года правительство США согласилось признать и тех балтийских дипломатов, которые в годы независимости не обладали дипломатическим статусом.

Хотя эмигрантские организации и дипломатические представители Латвии за рубежом оказывали значительную поддержку латвийской дипломатии в ее стремлении получить международное признание после восстановления Латвийской Республики 4 мая 1990 года, все же поначалу имели место известный скепсис и недоверие, вызванные сомнением в легитимности избранного способа восстановления государственной независимости. После 21 августа 1991 года отношение изменилось, и послом восстановленной Латвийской Республики в США в том же году был назначен А. Динбергс. После него эти обязанности исполнял Ояр Калниньш, который также работал в Латвийском посольстве в Вашингтоне до 1991 года. Надо заметить, что на дипломатической службе были задействованы и многие латыши зарубежья, которые до того не работали в сфере дипломатии. В то же время дипломатическая служба стала притягательной целью для молодых и талантливых людей в Латвии, которые достаточно быстро овладевали необходимыми навыками.

Восстановленная Латвийская Республика открывала первые представительства: в Эстонии, Литве и Великобритании уже в 1990 году, в Российской Федерации в 1991 году, в США в 1991 году. В МИД Латвии на 1 ноября 2003 года работали 560 человек, из них 238 за рубежом в 34 посольствах и представительствах при международных организациях и трех консульских учреждениях.

Министерство обороны начало создаваться осенью 1991 года, параллельно формировались и Вооруженные силы страны. Поскольку все создавалось практически с нуля, сравнительно легко был внедрен один из главных принципов демократического государства — демократический контроль над вооруженными силами. Никто не ставил под сомнение

принцип назначения министром обороны политика, а не военнослужащего, как было принято в социалистических государствах. Труднее было достичь понимания необходимости парламентского контроля, и того, что все функции в системе Министерства обороны, не связанные непосредственно с выполнением военных функций, как то: снабжение вооруженных сил, материальное обеспечение, финансы и др. — могут осуществлять гражданские чиновники, а не только военнослужащие. Хотя концепция обороны была утверждена в 1995 году, вплоть до 1999 года оборонная политика не была достаточно целенаправленной, в достаточном объеме не выделялись ресурсы, забота об укреплении обороноспособности часто носила декларативный характер. В 1999 году стало ясно, что в ближайшее время возможен прием Латвии в НАТО, однако слабая готовность Вооруженных сил может воспрепятствовать этому. Поэтому началась интенсивная реорганизация Министерства обороны и Вооруженных сил, важную роль в которой сыграл разработанный в 1999 году план действий на 2000 год по интеграции Латвии в НАТО. В конце 1999 года вступил в силу и Закон о национальных вооруженных силах; Кабинет министров утвердил Концепцию обороны, согласно которой оборона государства должна основываться на принципах тотальной территориальной обороны, кроме того, следует развивать совместимость НВС с силами стран НАТО. Существенным достижением стала принятая Сеймом 15 июня 1999 года «Декларация о работе Кабинета министров», в которой была зафиксирована готовность довести к 2003 году финансирование обороны до 2% от внутреннего валового продукта.

Хотя Национальные вооруженные силы Латвии существуют недолгое время, существенно изменилась их структура. Пограничная охрана, вначале входившая в состав Вооруженных сил, позднее была передана в ведение Министерства внутренних дел. В свою очередь, силы Земессардзе (общественное формирование самообороны из добровольцев) были интегрированы в состав НВС. В 2003 году Латвия пересмотрела Государственную концепцию обороны. В качестве основных принципов обороны выдвинуты: участие в коллективной обороне, создание профессиональных вооруженных сил, сотрудничество Вооруженных сил и общества и международное военное сотрудничество. Кроме того, разработана новая структура Национальных вооруженных сил, что необходимо для обеспечения полноценного членства Латвии в НАТО и участия военнослужащих в операциях НАТО, а также развития возможностей в качестве принимающей страны. Вызвано это и изменениями, происшедшими в международной ситуации; уменьшилась актуальность проблемы обороны территории страны и приоритетом стало участие в коллективной обороне. Кроме того, важно

эффективнее использовать средства, предусмотренные на оборону государства, создавая профессиональные формирования с современной экипировкой. На 1 марта 2004 года в составе Национальных вооруженных сил насчитывалось 1350 офицеров, 1900 инструкторов, 1200 солдат, 1000 проходящих обязательную военную службу, 11 650 земессаргов, 200 военных сотрудников (гражданские лица на военных должностях) и 400 гражданских сотрудников.

Основными приоритетами внешней политики и политики безопасности Балтийских стран в начале 1990-х годов было: обеспечение необратимости суверенитета и скорейшая интеграция в политические и экономические структуры Запада, однако представление о том, что путь к их реализации лежит через вступление в ЕС и НАТО, складывалось не сразу. Определенное влияние оказал пример посткоммунистических стран Центральной Европы, в которых интеграция в упомянутые организации стала приоритетом внешней политики несколько раньше. Существенное значение имели также взаимоотношения с Россией и ситуация в пространстве Содружества Независимых Государств (СНГ).

Приоритеты внешней политики впервые были официально сформулированы в подготовленном Министерством иностранных дел и в апреле 1995 года утвержденном Сеймом документе «Основные направления внешней политики Латвии до 2005 года» и в приложении к этому документу — «Концепция внешней политики Латвийской Республики», где главная задача внешней политики Латвии сформулирована как обеспечение государственной независимости и ее необратимости, что достигается путем интеграции в европейские структуры безопасности, политические и экономические структуры, а также активным включением в мировые политические процессы. В документе были определены следующие основные направления внешней политики Латвии: вступление в ЕС, НАТО, участие в международных и региональных организациях, углубление сотрудничества Балтийских стран, развитие двусторонних отношений с европейскими державами и Северными странами, поддержание добрососедских отношений с Россией, сотрудничество с США, углубление экономических аспектов, разработка программ «Латвия в мире» и «Латвийская диаспора» для того, чтобы создать и закрепить в мировом общественном сознании правдивое представление о Латвийском государстве, а также способствовать укреплению связей латвийской диаспоры с государством. В июне 1995 года парламент утвердил Концепцию национальной безопасности, а также подчеркнул, что актуальнейшим моментом для национальных интересов является полная интеграция в Европейский Союз и НАТО. При принятии этого документа исходили из понимания того, что внеш-

няя безопасность государства и внутривнутриполитическая стабильность тесно связаны.

29 марта 2004 года в Вашингтоне главы правительств стран-кандидатов, в том числе и Латвии, вручили свои документы о вступлении в НАТО, а 2 апреля флаги этих стран были подняты у штаб-квартиры НАТО в Брюсселе. 1 мая 2004 года Латвия была принята в Европейский Союз. И когда стало очевидным, что цели эти будут достигнуты, появилась необходимость заново сформулировать приоритеты внешней политики и политики безопасности, отвечающие как ситуации в мире, так и целям деятельности ЕС и НАТО.

Утвержденная в январе 2002 года Сеймом новая Концепция национальной безопасности подчеркивала, что «безопасность Латвии достигается путем обеспечения стабильной внутривнутриполитической, социальной и экономической ситуации, развития эффективных структур сил обороны, создания систем управления кризисами и гражданской обороны, формирования правовых государственных систем и структур, соблюдения международных обязательств и норм, а также путем включения страны в европейские и трансатлантические политические, экономические структуры, структуры безопасности и обороны». В 2003 году Министерство иностранных дел приступило к разработке новой концепции внешней политики, исходя из того, что в 2004 году, после приема Латвии в ЕС и НАТО, цели, выдвинутые предыдущей концепцией, будут достигнуты. Кроме того, произошли изменения в международной сфере. Обозначился ряд новых угроз, например, международный терроризм, угрозы, проистекающие из регионов, охваченных волнениями, а также стран, которые в силу своей политики, проводимой недемократическим режимом, могут представлять угрозу мировому порядку. Указывалось также на экономические и социальные реформы ЕС, необходимые для обеспечения конкурентоспособности ЕС в глобальной экономике и соответствующей роли в международной политике.

Вывод российских войск. После восстановления независимости важнейшей задачей было добиться вывода российских войск и полного суверенитета в отношениях с постсоветскими государствами. Это подразумевало эффективный контроль над сухопутными, морскими и воздушными границами, раздел собственности и тому подобные проблемы. Вопрос о статусе российских ставился еще в ноябре 1990 года в обращении Верховного совета ЛР к президенту СССР М. Горбачеву. 1 февраля 1992 года было достигнуто соглашение о том, что вывод российских войск начнется в марте 1992 года. В сентябре 1991 года в составе российского военного контингента в Латвии было 51348 военнослужащих, из них 21043 офицера

и прапорщика. Литве удалось добиться вывода российских войск на год раньше, чем Латвии и Эстонии, — он был завершён 31 августа 1993 года. Эстония и Латвия добились этого в длительной дипломатической борьбе. Вначале Россия не связывала вывод войск с положением русскоговорящих в Латвии, но 28 октября 1992 года президент России заявил, что вывод войск будет прекращён, поскольку необходимо обеспечить права русскоговорящего населения. Позиция России в большой мере определялась внутривнутриполитическими проблемами — нарастанием влияния коммунистической оппозиции, а также давлением военных кругов. Россия мотивировала задержку также тем, что выведенных военных негде разместить, поскольку одновременно происходил и вывод войск из Германии.

Большое значение для стран Балтии имела поддержка международных организаций и влиятельных стран Запада. 10 июля 1992 года в Хельсинки на встрече в верхах СБСЕ был разработан и подписан документ, который призвал Россию по возможности быстрее вывести войска и заключить двусторонние договоры со странами Балтии. Аналогичный призыв был включен в резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1992 года. Большое значение имели поддержка США, а также усилия премьер-министра Швеции того времени Карла Бильдта в роли посредника на переговорах с Россией. При этом западные страны оказывали странам Балтии в этом вопросе не только моральную, но и материальную поддержку — финансируя строительство жилых домов и других объектов для выведенных из Балтии войск.

Вывод российских войск начался в марте 1992 года, однако по срокам его завершения шла острая борьба. На переговорах, состоявшихся в Юрмале в мае 1993 года, Россия потребовала весьма продолжительного срока вывода (начиная только с 1999 года), а также сохранения Скрундской радиолокационной станции до 2003 года, сохранения Лиепайской военно-морской базы до 1999 года и Вентспилсской станции электронного прослушивания — до 1997 года.

В конце концов договор об условиях, сроках и порядке полного вывода российских вооруженных сил и правовом статусе во время вывода был подписан в Москве 30 апреля 1994 года. Российская сторона была вынуждена пойти на уступки и принять обязательство полностью вывести войска до 31 августа 1994 года. России пришлось также согласиться на прекращение с 31 августа 1998 года временного функционирования Скрундской радиолокационной станции и ее демонтаж не позднее 29 февраля 2000 года. В свою очередь, пришлось и Латвии пойти на ряд уступок: аренда скрундского объекта была продлена еще на четыре года; российские военнослужащие, демобилизованные до 28 января 1992 года, могли

продолжать жить в Латвии, сохраняя право на собственность, социальные гарантии и право на образование. Обе эти договоренности подверглись острой критике. 31 августа 1994 года завершился вывод российских войск — одновременно с Германией, а в 1995 году был взорван новый корпус радара в Скрунде. Сама станция прекратила работу в 1998 году, и ее полный демонтаж закончился в 1999 году. За выполнением договоров наблюдала миссия Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ, сейчас ОБСЕ) в Латвии.

На пути в ЕС и НАТО. Контакты и сотрудничество с обеими организациями начали складываться сразу после восстановления независимости Балтийских стран, однако вначале ни эти организации, ни сами страны не считали статус полноправных стран-участниц реальной целью сотрудничества. Европейское Сообщество в 1992 году включило страны Балтии в программу PHARE, а 11 мая был подписан договор между Латвией и ЕС о торговом, коммерческом и экономическом сотрудничестве, который обеспечивал режим наибольшего благоприятствования в торговле. В 1993 году Латвия, как и остальные страны Балтии, активизировала свою политику в отношении ЕС и в апреле 1993 года на Копенгагенской конференции по экономическому сотрудничеству в Центральной и Восточной Европе заявила о намерении вступить в ЕС. 18 июля 1994 года между Латвией и ЕС был подписан Договор о свободной торговле, который способствовал переориентации торговых связей с Востока на Запад, облегчив латвийским товарам выход на рынок ЕС. 12 июня 1995 года были подписаны ассоциативные договоры между ЕС и странами Балтии.

Совет ЕС на заседании в Копенгагене в июне 1993 года сформулировал критерии приема в ЕС посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы (дополненные в Эссене в декабре 1994 года). Так называемые копенгагенские критерии включали в себя ряд политических требований: стабильность институтов, гарантирующих демократию, власть законов, права человека, а также уважение к меньшинствам и их защиту; экономические требования: действующая рыночная экономика, способность устоять против существующего в Европейском Союзе давления конкуренции и рыночных сил. Третьим критерием была способность выполнять обязательства по членству в Союзе, соблюдение *acquis communautaire* (т.е., всего корпуса законодательных актов ЕС), а также верность целям создания политического, экономического и монетарного союза. Эти критерии стали направляющими в процессе интеграции Латвии в ЕС. В 1995 году Совет министров ЕС принял «Белую книгу» в целях согласования законодательства. В этом документе были уточнены требования, которые следовало выполнить для достижения приема в ЕС. В мае 1994 года Латвия

утвердила программу интеграции Латвии в ЕС, в которой были предусмотрены конкретные задачи, стоящие перед государственными институтами. Чтобы координировать работу учреждений в этом направлении, были образованы Бюро европейской интеграции, Совет европейской интеграции при Кабинете министров, а также комиссия Сейма по вопросам Европы. В 1996 году была принята Первая национальная программа интеграции в ЕС. Вторая и Третья программы были приняты в 1997 и 1998 годах. Эти программы на национальном уровне определяли политическую ответственность за ход интеграции. Еще до вступления в силу ассоциативного договора Латвия получила возможность участвовать в структурированном политическом диалоге, предусмотренном для стран-кандидатов, задачей которого было сблизить позиции ЕС и стран-кандидатов по различным международным вопросам, особенно по насущным для обеих сторон, а также ознакомить страны-кандидаты с общей внешней политикой и политикой безопасности ЕС, способствовать стабильности и безопасности в Европе.

Решение о расширении ЕС в восточном направлении было весьма сложным и смелым для этого объединения государств, поскольку впервые в истории расширения в союз желало вступить такое большое число экономически относительно слабо развитых стран. При этом большинство этих стран были недостаточно интегрированы экономически как между собой, так и с ЕС. Решение принималось в момент, когда стало ясно: не осуществились надежды, возлагавшиеся на Маастрихтский договор о создании Европейского Союза (вступил в силу в ноябре 1993 года), в достижении более динамичной экономики, большей сплоченности стран-участниц, быстрой взаимной интеграции и выравнивания уровней развития. С нарастанием глобальной конкуренции выявился экономический застой. Кроме того, расширение обострило нерешенные вопросы внутреннего развития ЕС — об административной реформе, общей внешней политике и политике безопасности, о создании европейского монетарного союза.

Хотя копенгагенские критерии предусматривали готовность каждой страны к вступлению в ЕС оценивать индивидуально, развернулись дискуссии о том, начинать ли переговоры со всеми странами-кандидатами одновременно, по группам или же найти еще какое-то решение. В июле 1997 года Европейская комиссия (ЕК) опубликовала заключение о готовности стран-кандидатов к участию в ЕС. Для начала переговоров ЕК рекомендовала Чехию, Эстонию, Польшу, Словению, Венгрию. По поводу Латвии отмечалось, что она выполняет политические критерии, однако у нее могут возникнуть трудности в долгосрочном противостоянии конкуренции в рамках Общего рынка ЕС. Эта оценка вызвала опасения, что вступление

Эстонии ранее остальных стран Балтии может породить проблемы как в области экономики, так и безопасности. Тем не менее вызванный этим отзывом шок помог активизировать подготовку Латвии к членству в Европейском Союзе.

Со стороны ЕС также были задействованы механизмы, способствующие интеграции стран-кандидатов. Один из них — ежегодные отчеты ЕК о прогрессе Латвии, которые готовились с 1998 по 2002 год. Другой — просмотр и сопоставление законодательства, начатое в 1999 году с целью более успешного согласования латвийского законодательства с законодательством ЕС. В октябре 1999 года ЕК утвердила «Партнерство по присоединению» — программу, которая предусматривала объединение всех существовавших до сих пор поддерживающих программ ЕС. Новая версия этой программы была утверждена в ноябре 2001 года.

В 1999 году Совет Европейского Союза принял решение начать переговоры о вступлении со всеми 10 странами-кандидатами Центральной и Восточной Европы. Переговоры с Латвией начались в феврале 2000 года и завершились в декабре 2002 года. В апреле 2003 года в Афинах на заседании Совета ЕС Латвия вместе с остальными странами-кандидатами подписала договор о присоединении к Европейскому Союзу. Договор следовало утвердить всенародным голосованием, однако прогнозы о возможных его результатах нередко были весьма пессимистичными, так как опросы свидетельствовали, что с момента начала переговоров о присоединении возросло число евроскептиков. Однако на референдуме в сентябре 2003 года 69% принявших участие в голосовании высказались за вступление в Евро-союз. Формальная процедура вступления состоялась после того, как парламенты всех стран-участниц ЕС ратифицировали договор о вступлении.

После окончания «холодной войны» НАТО образовал Совет североатлантического сотрудничества (ССАС) в качестве организации, задачей которой было способствовать связям новых государств с НАТО, осознанию его политики. Латвия была принята в него 20 декабря 1991 года. Посткоммунистические страны восприняли ССАС как возможность решать свои проблемы и сближаться с альянсом. Это соображение было весьма важным для Латвии, которая выделила его в основных направлениях своей внешней политики в 1992 году.

В 1993 году некоторые страны Центральной Европы открыто заговорили о возможном вступлении в НАТО. Первоначальная реакция стран НАТО была весьма сдержанной. Колебания завершились тем, что 11 января 1994 года НАТО с подачи США предложил заинтересованным странам инициативу «Партнерство ради мира» (РРМ). Латвия восприняла эту инициативу как первый шаг к полноправному участию в альянсе и уже

14 февраля заявила о присоединении к программе. В 1995 году было закончено исследование по проблеме расширения альянса, и НАТО объявил, что расширение состоится, но процесс этот будет постепенным и прозрачным. Одновременно перед потенциальными странами-участницами были выдвинуты определенные требования для приема в альянс. Некоторые из них совпадали с копенгагенскими критериями, однако были и специфические требования: географическое соприкосновение границ со странами НАТО, гражданский контроль над военными структурами, открытость политики безопасности и военного бюджета, а также добрососедские отношения, разрешение этнических и территориальных конфликтов. Реакция России на возможное расширение НАТО за счет приема стран Центральной Европы была в целом отрицательной, и можно было ожидать еще более негативной на прием в альянс стран Балтии. Поэтому вплоть до 1999 года царило мнение, что участие стран Балтии в НАТО — перспектива очень отдаленная; было на Западе и немало экспертов, считавших это совершенно невозможным.

В июле 1997 года страны-участницы НАТО приняли решение о приеме в альянс в 1999 году Чехии, Польши, Венгрии и об открытости организации для приема новых членов в будущем. Однако перспективы стран Балтии оставались неясными ввиду сопротивления России. На совещании 1999 года в Вашингтоне, где были приняты три новых страны, была утверждена новая стратегическая концепция НАТО, предусматривающая новый подход к организации безопасности Европы. Существенным элементом концепции было сотрудничество с ЕС и обеспечение миротворческих операций как одной из главных функций НАТО. И, что важно для Балтийских стран, — они были названы реальными кандидатами. Кроме того, сложилась ситуация, когда в связи с предпринятыми НАТО бомбардировками Югославии из-за Косово Россия фактически прервала консультации, предусмотренные подписанным в 1997 году НАТО и Россией основополагающим актом — механизмом консультаций между Россией и НАТО.

Обозначенная в стратегической концепции НАТО 1999 года трансформация из оборонного альянса в организацию коллективной безопасности, что подразумевает также участие в миротворческих операциях не только в Европе, но и вне ее, выкристаллизовалась после нападения террористов на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 года. На первый план выдвинулась угроза безопасности со стороны терроризма. Это повлияло и на отношение к приему стран Балтии в НАТО. Во время встречи глав государств и правительств стран альянса в Праге 21 ноября 2002 года Латвия и еще шесть стран получили приглашение к началу переговоров о вступлении в НАТО. В марте 2004 года процесс был успешно завершен. Следует отме-

тить, что Россия по-прежнему не отказалась от неприятия расширения НАТО, однако ее правительство сознает, что процесс остановить невозможно, и поэтому большее значение придает сотрудничеству России и НАТО в рамках Совместного постоянного совета Россия–НАТО, образованного в мае 2002 года.

Мотивация и цели участия Латвии в НАТО со временем стали многообразнее. И вначале, и теперь членство в альянсе рассматривается как наиболее эффективный способ гарантировать безопасность страны. Однако сейчас больше внимания уделяется таким аспектам, как участие в формировании политики европейской безопасности, обеспечивая долговременную стабильность в Балтийском регионе благодаря вступлению всех трех стран в НАТО, укрепление основ демократического государства, привлечение инвестиций, более эффективное использование ассигнованных на оборону средств и лучшие возможности для модернизации вооруженных сил. Эффект, полученный на настоящий момент от интеграции в НАТО, в целом оценивается положительно. Улучшились боеспособность, снабжение, организация вооруженных сил, повысился их престиж. Все это в большой степени было связано с подготовкой и участием в миротворческих операциях. На май 2004 года силы Латвии были задействованы в пяти международных миротворческих миссиях — в Афганистане (с февраля 2003 года), Боснии и Герцеговине (с апреля 1996 года), Ираке (с мая 2003 года), Грузии (с 2000 года), Косове (с 2000 года). В 1999 году в гуманитарной миссии в Албании участвовал отряд латвийских военных медиков, оказывая помощь косовским беженцам.

Двусторонние отношения с США и Россией. Решение проблем безопасности Латвия усматривала в первую очередь в многосторонних отношениях, однако в то же время существенное значение придавалось двусторонним отношениям с США. Влияние Соединенных Штатов Америки на мировую политику определило ту важную их роль в процессе признания независимости Балтийских стран, выводе российских войск, а также в интеграции в НАТО и в других политических процессах, которая вызвана заинтересованностью США в стабильности в регионе Балтийского моря.

В речи 6 июля 1994 года у памятника Свободе в Риге президент США Билл Клинтон сказал: «С вашим возвращением в европейскую семью мы будем рядом». Позиция США сыграла решающую роль на переговорах о выводе российской армии. США оказали также существенную помощь странам Балтии, выразившуюся как в поддержке в формировании военных структур, так и в привлечении инвестиций.

Цель США в Балтийском регионе — способствовать стабильности и вовлекать Россию в процессы региональной интеграции. США участвуют

в качестве наблюдателя в Совете государств Балтийского моря (СГБМ), они же выдвинули в 1997 году Североευропейскую инициативу, которая, по сути, помогла Балтийским странам стать признанными кандидатами для интеграции в европейские структуры; следует назвать также стимулирование отношений между Северной Европой и Северной Россией, укрепление многосторонних связей между США и Северной Европой.

Важным этапом в отношениях США со странами Балтии стало подписание Хартии о партнерстве между Соединенными Штатами Америки и Балтийскими странами 16 января 1998 года. Подготовка хартии началась в 1997 году, когда стало ясно, что страны Балтии не будут приняты в НАТО в первую очередь расширения альянса. Хартия подтвердила заинтересованность США в безопасности Балтийских стран и снизила неуверенность в этих странах, вызванную неясными перспективами на сотрудничество в альянсе. Хотя хартия не давала гарантий безопасности со стороны США, она формализовала уже существующую сеть сотрудничества и придала ей целенаправленно организованный характер, создав механизмы регулярных консультаций по укреплению экономики, демократии и безопасности.

Вывод российских войск не разрешил проблем во взаимоотношениях России и стран Балтии. Актуализация вопроса о правах человека вначале была дополнительным аргументом России на переговорах о выводе армии, однако после 1994 года стала частью политики, целью которой было не допустить интеграции стран Балтии в НАТО. В Концепции национальной политики, утвержденной Президентом России 15 июня 1996 года, подчеркнуто, что Россия будет поддерживать этнических русских в Балтии. Усилия России по интернационализации этой проблемы дали известный результат. Латвии пришлось принять миссию Организации безопасности и сотрудничества в Европе; она была открыта 19 ноября 1993 года. Верховный комиссар ОБСЕ по вопросам меньшинств Макс ван дер Стул и эксперты Совета Европы представили рекомендации по подготовке и исполнению Закона о гражданстве, а также по Закону о языке и поправкам к Кодексу законов о труде, которые касались ограничений в профессиях для неграждан. Интернационализация проблем двусторонних отношений, с одной стороны, возложила дополнительную нагрузку на ответственных должностных лиц Латвии, которым пришлось выслушивать критику и от международных организаций, и от собственных политиков, упрекавших латвийскую внешнеполитическую службу в недостаточно эффективном разъяснении за рубежом последствий оккупации и особой ситуации Латвии, однако, с другой стороны, выполнение рекомендаций ОБСЕ и Совета Европы способствовало освоению демократических стандартов Запада и снизило действенность российских упреков.

В феврале 1997 года Россия разработала долгосрочную стратегию по отношению к Балтийским странам. В сущности, она содержала подходы, которые уже сложились в предыдущие годы: стремление добиться нейтралитета Балтийских стран вне НАТО; использование экономических рычагов для достижения политических целей; требование предоставить гражданство всем жителям Латвии и привязка этого вопроса к заключению договора о границах. В утвержденной Президентом России в декабре 1997 года Концепции национальной безопасности расширение НАТО трактовалось как одна из главных угроз безопасности государства и появление новых линий раздела в Европе. Это противоречило пониманию расширения альянса странами Запада, в котором акцент ставился на том, чтобы такие линии не возникли.

Политические и экономические интересы и России, и Латвии были тесно связаны. С одной стороны, зависимость Латвии от российских энергоресурсов, сырья, рынков сбыта и поступлений от транзита нефти и других продуктов позволяло российским политикам рассчитывать на то, что они смогут влиять на политику Латвии в нужном им направлении. Регулярно звучали требования и угрозы ввести экономические санкции против Латвии, чтобы добиться желаемой политики в отношении русскоговорящих. Фактически, санкции не вводились, поскольку их совершенно определенно не одобрило бы мировое сообщество, кроме того, это противоречило бы и интересам самой России, так как экспорт нефтепродуктов и другого сырья является одним из главных источников доходов государственного бюджета. Разумеется, угрозы введения экономических санкций только укрепляли убежденность большинства латвийских политиков в необходимости по возможности быстрой интеграции в ЕС и НАТО. Усилия России превратить страны Балтии в буферную зону между НАТО и Россией не только вызывали ассоциации с неблагоприятной для стран Балтии ситуацией между двумя мировыми войнами и с трагическим исходом Второй мировой войны, но и порождали опасения в том, что, находясь в этой «серой» зоне, Латвия попадет в полную зависимость от геостратегических и экономических интересов России.

Одной из инициатив, выдвинутых Россией, чтобы воспрепятствовать расширению НАТО в направлении Балтии, были гарантии безопасности, предложенные Балтийским странам в октябре 1997 года. Предложение России содержало возможность придать соглашению многосторонний характер, с привлечением США, Германии, Франции и некоторых других западных стран. Балтийские страны отклонили эти гарантии как не соответствующие реальным нуждам взаимного и регионального сотрудничества и духу процесса европейской интеграции.

В марте 1998 года, после того, как полиции пришлось применить силу для рассеивания митинга возле Рижской думы, отношения между обоими государствами резко ухудшились. Инцидент был использован для того, чтобы оказать нажим на внутреннюю политику Латвии, особенно в вопросе гражданства, и достигнуть осуждения Латвии в международных организациях, например, в Совете Европы и ООН. Мэр Москвы Юрий Лужков сравнил Латвию с Камбоджей Пол Пота и призвал к введению экономических санкций. Хотя таковые официально и не были введены, в Москве и многих других городах отказывались от продажи латвийских товаров. После внесения поправок в Закон о гражданстве и утверждения их всенародным голосованием кампания утратила остроту, однако в межгосударственных отношениях заметного улучшения не наступило. Экономические связи резко сузились после финансового кризиса в России в августе 1998 года и, хотя постепенно возобновились, но уже не в прежнем объеме.

В то же время в конце 90-х годов в отношениях с Россией наблюдалась известная стабилизация, которая в большой мере была связана с возрастающей интеграцией Латвии в ЕС и НАТО. В российской политике во время президентства Владимира Путина произошло известное смещение акцентов. Больше внимания уделялось месту России в процессах глобализации, а отсюда — и процессу интеграции в ЕС и приданию защите экономических интересов России роли приоритета в национальных интересах. Однако надежды на то, что вступление Латвии в ЕС и НАТО поможет Латвии быстрее нормализовать отношения с Россией, не оправдались. Как раз накануне вступления Россия актуализировала вопрос о положении русскоговорящего населения в Латвии, особенно в связи с изменениями в Законе об образовании, которыми предусматривалось повышение удельного веса учебных предметов, преподаваемых на латышском языке в школах национальных меньшинств, и потребовала возобновить миссию ОБСЕ в Латвии.

Региональное сотрудничество. В начале 90-х годов сотрудничество стран Балтии некоторое время сохраняло инерцию, существовавшую в период их борьбы за независимость. На волне этой инерции были образованы институты сотрудничества Балтийских стран — Балтийская Ассамблея (сотрудничество парламентов, ноябрь 1991 года) и Совет Министров (1994 год; секретариат учрежден в 1995 году). Был заключен договор о свободной торговле (1993 год), обсуждался вопрос о создании таможенных союзов и оборонного союза (1992 год). Весьма популярной была мысль о сотрудничестве по образцу стран Бенилюкса. Однако вскоре выяснилось, что идеи создания более тесного политического, военного и экономического союза стран Балтии нереальны. Наибольший скептицизм

в этом вопросе проявила Эстония. Союз Балтийских стран, равно как и другие региональные объединения посткоммунистических государств, рассматривались некоторыми политиками как препятствие ускоренной интеграции в ЕС и НАТО. Стараясь достичь быстрой интеграции в Европу, каждая страна искала себе союзников. Эстония наибольшие надежды возлагала на сотрудничество с Финляндией и Швецией. Литовские политики в середине 90-х годов также все чаще начали подчеркивать, что сотрудничество Балтии может стать помехой на пути в ЕС и НАТО, и считали, что сотрудничество с Польшей и другими странами Центральной Европы могло бы помочь ускорить прием в эти организации. У Латвии не было столь явных региональных «локомотивов», хотя наибольшую экономическую и политическую поддержку она получала от Швеции и Дании. Географическое положение Латвии вынуждало ее стремиться к развитию сотрудничества между странами Балтии. Однако и Латвия существенной составляющей своей внешней политики считала развитие сотрудничества со Скандинавскими странами.

К концу 90-х годов все же выяснилось, что хотя готовность к членству в ЕС и НАТО оценивается индивидуально, однако фактически страны Балтии рассматриваются как группа стран, прием которых, исходя из политических и практических соображений, состоится либо одновременно, либо с очень небольшим временным интервалом. Поэтому сотрудничество не может быть отрицательным фактором. Напротив, политическая солидарность стран-кандидатов особо подчеркивалась на пути к приему в НАТО.

Надо отметить, что во время подготовки к вступлению в НАТО сотрудничество в рамках PfP, а также в миротворческих миссиях сделали военное сотрудничество самым успешным аспектом сотрудничества Балтийских стран. Наиболее существенные его направления — миротворческий батальон Балтийских стран (BALTBAT), который действовал с 1996 года по сентябрь 2003 года, единая система наблюдения и контроля за воздушным пространством (BALTNET), общая Балтийская морская эскадра (BALTRON) и оборонный колледж Балтийских стран (BALTDEFCOL) в Тарту.

В других областях сотрудничество развивалось труднее. У Латвии с соседними странами даже возникали конфликтные ситуации: с Литвой — по поводу морской границы, с Эстонией — по поводу рыболовства в Рижском морском заливе. Сложности были и с выполнением договора о свободной торговле. В то же время наблюдается все возрастающая степень экономической интеграции.

Одновременно складывались формы регионального сотрудничества, охватывающие более широкий круг государств. В марте 1992 года

образовался Совет государств Балтийского моря (СГБМ), членами которого стали все государства, расположенные вокруг Балтийского моря. Задача Совета — способствовать сотрудничеству стран региона как в решении вопросов безопасности, так и в области экономики, культуры и охраны среды.

В 1992 году по предложению глав некоторых правительств возобновилось сотрудничество «5+3», или сотрудничество Северных и Балтийских стран. Оно выражается в постоянных встречах премьер-министров, министров иностранных дел и отраслевых министров, а также чиновников. В 2000 году структура была переименована в «Восьмерку Северных и Балтийских стран». Характерной чертой регионального сотрудничества является развитие его на различных уровнях — на многостороннем, двухстороннем уровне, между самоуправлениями, предприятиями, учреждениями, негосударственными организациями.

7. 4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

В конце 80-х годов люди, выступавшие за независимость и отказ от коммунистической модели общества, в целом недостаточно реально оценивали трудности, которые предстояло преодолеть Латвии. Не было четкого представления о том, насколько глубоко интегрирована Латвия в плановую экономику и в какой степени социальная структура обусловлена социалистической огосударствленной экономикой. Считалось, что реформы удастся провести в сжатые сроки, а развитие частной инициативы будет способствовать быстрому образованию среднего класса.

Хотя в начале 90-х годов и в обществе, и среди латвийской политической элиты была весьма популярна скандинавская модель рыночной экономики, фактически Латвия, как и другие посткоммунистические страны Европы, предпочла неолиберальную модель развития — наличие бюджетной дисциплины, налоговой и денежной реформы, либерализация финансов и внешней торговли, приватизация государственных предприятий. Идеи неолиберализма были популярны даже среди социал-демократов, не говоря уже о партиях правого крыла и центра. Латвия избрала так называемую модель шоковой терапии, которая предусматривает одновременный и быстрый переход к рыночной экономике при параллельном формировании правовой и административной базы, — в отличие от постепенного перехода, когда проведению реформ предшествует создание необходимой законодательной и административной основы. При этом следует отметить,

что модель шоковой терапии не удалось реализовать последовательно и полностью.

Реформы были начаты уже в 1990 году. 3 января 1991 года было принято решение о повышении розничных цен, а осенью 1991 года начался «отпуск» цен, то есть отмена государственного регулирования цен, продолжавшаяся до 1992 года.

7 мая 1992 года была введена временная валюта — латвийский рубль, что ознаменовало первый этап монетарной реформы. 20 июля 1992 года советский рубль на территории Латвии перестал быть платежным средством. 5 марта 1993 года начался второй этап денежной реформы — был введен обращение лат (1 лат = 200 латвийских рублей). 18 октября 1993 года был изъят из обращения и латвийский рубль. Курс лата был привязан к валютной корзине SDR (Special Drawing Rights) — расчетной единице Международного Валютного Фонда. После вступления в ЕС Латвия готовится присоединиться к Экономическому и монетарному союзу.

Переход на национальную валюту позволил сравнительно быстро достичь макроэкономической стабильности — уменьшилась инфляция и валютный курс стабилизировался. Однако началось массовое банкротство банков, которые в расчете на длительный высокий уровень инфляции привлекали средства вкладчиков под высокие проценты. Самый тяжелый этап банковского кризиса пришелся на 1995 год, когда был закрыт банк «Балтия» и обанкротились либо прекратили деятельность еще несколько коммерческих банков. В это время происходило также массовое исчезновение фирм, созданных по так называемому «принципу пирамиды» для выманивания денег у населения. Банковский кризис середины 90-х годов стал тяжелым испытанием для сотен тысяч людей, ставших его жертвами. Однако он же дал импульс для наведения большего порядка в банковском деле.

В начале 90-х годов были быстро приватизированы предприятия торговли и услуг, часть небольших промышленных предприятий и особенно — сельскохозяйственные предприятия. Однако приватизация крупных государственных предприятий протекала очень медленно. Ее тормозили банковский кризис и дискуссии о том, какая модель приватизации — за деньги или за сертификаты — в каждом случае предпочтительнее. К 1999 году было приватизировано большинство крупных предприятий, однако оставались неприватизированными два крупнейших предприятия — Латвийское пароходство (выставлено на аукцион в 2002 году) и Латвэнерго.

С начала 90-х годов претерпела существенные изменения структура народного хозяйства. В 1990 году 36,5% валового внутреннего продукта (ВВП) приходилось на долю промышленности, 21,9% — сельского хозяйства, 9,7% — строительства и 31,9% — услуг, а в 2001 году доля услуг

составила уже 70% ВВП, промышленности — 19%, строительства — 6%, а сельского хозяйства (включая лесное хозяйство и рыболовство) — всего 5%. В сфере услуг прирост ВВП происходил главным образом за счет транзита нефти и других продуктов. Снижение роли промышленности связано с закрытием многих крупных предприятий, хотя часть традиционных отраслей — химическая промышленность, металлообработка и машиностроение, пищевая и текстильная промышленность — сумели выстоять. Однако уцелевшие или вновь созданные предприятия, как правило, относятся к разряду малых или средних.

Структурные изменения были вызваны тем, что переход на рыночную экономику обусловил стремительный рост цен на сырье и энергоресурсы, изменение рынков сырья и сбыта. Одновременно происходила и смена форм собственности. Доля валового внутреннего продукта на одного жителя сократилась с 1105,65 лата в 1990 году до 558,87 лата в 1994 году. Инфляция в 1991 году достигла 272,2% в год, в 1992 году — даже 1051,2%, в 1993 году — 209,2%, а в 1994 году — 119%. Темпы роста доходов населения не поспевали за ростом цен. Особенно тяжело это затронуло работающих в бюджетных учреждениях, пенсионеров и др., получавших фиксированный доход от государства. Денежные накопления населения съела инфляция. И все же строгая финансовая дисциплина помогла сравнительно быстро остановить инфляцию, которая в середине 90-х годов стала резко снижаться и в начале века составляла в среднем уже 3% в год. С 1996 года начался экономический рост, который только в 1999 году был временно приостановлен финансовым кризисом 1998 года в России. Начиная с 1996 года темпы прироста ВВП составляли до 6% в год; это был один из лучших показателей среди стран-кандидатов в ЕС. Доля валового внутреннего продукта на душу населения (в фактических ценах) возросла с 1142,5 лата в 1996 году до 2525,3 лата в 2003 году. Удалось достичь также приемлемого уровня бюджетного дефицита и внешнего долга. Наряду со стабильностью курса лата это свидетельствует о существенных успехах в макроэкономической стабилизации.

В то же время налицо были и проблемы, вызванные «шоковой терапией», которые имели место и в других странах. Одна из них — неспособность одновременно решать все связанные с процессами переходного периода вопросы, увязывать либерализацию экономики с введением соответствующих законодательных норм и институций. Несогласованность либо отсутствие законов, трудности с формированием необходимых учреждений, а также пересечение их компетенций создавали благодатную почву для коррупции. К этой проблеме с конца 90-х годов привлечено внимание как латвийской общественности, так и международных организаций. Вто-

рая проблема — социальная цена экономических реформ и социальная напряженность, которые они порождают. С учетом этнического состава населения Латвии и связанных с ним политических проблем, социальная напряженность может повлиять и на межэтнические отношения и стать причиной политических проблем, имеющих не только внутри-, но и внешнеполитическое звучание. Это отчетливо проявилось в марте 1998 года, когда состоялся несанкционированный митинг населения, по преимуществу русскоязычного, у Рижской думы; митинг был вызван повышением цен на отопление и на другие коммунальные услуги; но он привел к одному из серьезнейших кризисов в латвийско-российских отношениях и угрожал дестабилизировать и внутривнутриполитическую ситуацию.

Вначале рост безработицы, согласно официальным данным, был невысок, в значительной мере объяснялось это тем, что многие крупные предприятия все еще продолжали работать, хотя часто задерживали заработную плату рабочим. Однако уже с 1993 года уровень безработицы стал быстро расти. В 1996–2002 годах, по данным Латвийского комитета статистики, он колебался в пределах 7–9%, однако положение усугубляется тем, что, несмотря на сравнительно высокие темпы роста экономики, безработица не сокращается. Большую часть безработных составляют женщины, а среди возрастных структур преобладают люди в возрасте 30–49 лет, кроме того, растет удельный вес молодежи, не имеющей опыта работы. Существенное значение имело непропорциональное социально-экономическое развитие между Ригой и некоторыми другими центрами успешного развития, например, Вентспилсом, с одной стороны, и депрессивными сельскими районами, особенно в восточной части Латвии, с другой. Это проявляется в уровне безработицы; например, в Риге на 1 марта 2004 года он составлял 4,7%, а в Балвском, Даугавпилском, Краславском, Лудзенском, Прейльском, Резекненском районах — 20–29 %. Рост региональных различий обнаруживается и в существенно отличающемся уровне оплаты труда работающих в Риге и в сельских районах, особенно в Латгалии. С 1996 года возрастало и различие среднесемейных доходов на одного члена семьи в городах и на селе, а также в Рижском регионе и остальных регионах Латвии, особенно в Латгалии. Одновременно весьма существенные различия в доходах могут наблюдаться среди разных социальных групп и на разных территориях одного региона. По сравнению с советскими временами, когда различие в доходах между разными профессиями и социальными слоями было гораздо меньшим, к тому же они не проявлялись и не могли демонстрироваться открыто, сейчас различия стали намного значительнее и нагляднее. Существуют также группы социального риска, которым низкие доходы закрывают путь к образованию и другим воз-

возможностям улучшения своего статуса. Для снижения диспропорций экономического и социального развития в последние годы разрабатываются региональные планы развития.

Несмотря на наличие подобных диспропорций, общий уровень доходов с 1996 года возрос, увеличились пенсии и пособия. Об улучшении экономического положения свидетельствует снижение уровня преступности, смертности населения, некоторый прирост рождаемости, а также число браков, зарегистрированных в 2000–2003 годах.

Удельный вес рынка России и бывшего СССР в торговле сократился. Вследствие политических разногласий на Латвию не распространяется статус наибольшего благоприятствования в торговле с Россией, и в связи с этим применялись повышенные таможенные тарифы и другие налоги, которые снижали конкурентоспособность Латвии на рынке Содружества Независимых Государств (СНГ). Однако затруднения на рынке СНГ создавала и неупорядоченная система расчетов, а также конкуренция, порождаемая импортом из других государств. Тем не менее, Латвия в 90-е годы была очень важным транзитным коридором для экспорта российских нефтепродуктов и других материалов. Доходы от транзита составляли существенную часть доходной статьи бюджета Латвии. В начале XXI века ситуация в этом плане ухудшилась, так как Россия строит свои порты для экспорта нефти и других продуктов. Однако стратегически важное положение Латвии на перекрестке торговых путей между Востоком и Западом после вступления в Европейский Союз позволит сохранить значение транзита, хотя и в этом отношении придется столкнуться с конкуренцией со стороны Эстонии и Литвы.

Всем странам Балтии нанес чувствительный удар разразившийся в 1998 году кризис российских платежей. В Латвии сильнее всего пострадали предприятия пищевой промышленности, особенно рыбпереработки, многие из них обанкротились. В то же время кризис способствовал переориентации торговли на рынок ЕС. В 2001 году 61% латвийского экспорта и 53% импорта приходилось на страны ЕС.

Экономические и социальные проблемы, порожденные переходом с социалистической экономики на рыночную, были характерны для всех посткоммунистических государств. Различие было лишь в том, насколько остро стояла каждая из этих проблем и насколько успешно их решала каждая страна. Развитие Латвии было осложнено тем, что ей досталось более тяжелое наследие советского режима, чем другим странам Балтии. Однако в относительно короткий срок после восстановления независимости Латвии и ее обществу удалось сделать очень многое.

7. 5. ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА, СПОРТ

Образование и наука. Огромные перемены, произошедшие в Латвии, затронули все сферы жизни, в том числе образование и культуру. Существенно изменились престиж профессий и шкала ценностей. Одновременно повысился престиж образования и квалификации, заметно снизившийся в 70–80-е годы. Все больше молодежи устремлялось в вузы, особенно для овладения востребованными на рынке труда профессиями, хотя стипендии стали ничтожными, да и за обучение многим пришлось платить. С 2002 года для студентов стали доступны государственные кредиты, однако они не решают всех проблем, и типичным явлением стало то, что большинство студентов и учатся, и работают.

Наряду с государственными высшими учебными заведениями открылись и частные вузы. В 1990 году в Латвии было 12 высших школ, а в 2004 году — 35 высших школ и 15 колледжей, в том числе 19 частных вузов и 4 частных колледжа. Число студентов с 46 тысяч в 1990 году возросло до 101,3 тысячи в 2004 году. За это время существенно реформировалось содержание обучения, появились новые программы, специальности и учебные курсы. Многие студенты проходят полный или частичный курс обучения в зарубежных университетах и высших школах. С вступлением в Европейский Союз эти возможности заметно расширятся. Доступность обучения или стажировки за рубежом влияет и на требования, предъявляемые к преподавательскому составу. Проблемой стала диспропорция в выборе специальностей — большинство студентов стремится изучать экономику, юриспруденцию или политические науки и сравнительно мало выбирают точные и инженерные науки.

Постоянно растет спрос на квалифицированных рабочих и специалистов и в тех профессиях, где не обязательно иметь высшее образование, однако система профессионально-технического образования отстает от новых потребностей рынка труда. В Латвии больше, чем в Эстонии и Литве, и молодых людей, которые не продолжают учебу после основной школы, то есть — меньше молодежи, имеющей среднее образование.

В 2003/2004 учебном году в Латвии было 1044 общеобразовательных учебных заведений и специальных школ, в которых обучалось 327 358 учащихся. В большинстве школ преподавание ведется на латышском языке — 741, с русским языком обучения — 159 школ и 138 смешанных школ — с тем и другим языком обучения. Кроме того, работали четыре польские школы, одна украинская и одна белорусская. В школах с латышским языком обучения насчитывалось 230 212 учащихся, в школах с русским языком обучения — 95 841.

В начале 90-х годов существенным недостатком латвийской науки считалось то, что научные институты не были интегрированы в систему университетов, а сами университеты почти не занимались исследованиями. В результате реформ большинство научных институтов перешло в систему Латвийского университета. При университетах создавались и новые институты. Формировались и независимые исследовательские учреждения. Этот процесс дал толчок к развитию новых отраслей, особенно не требующих крупных капиталовложений или имеющих коммерческий спрос. С большими трудностями столкнулись фундаментальные и технические науки, поскольку государственное финансирование на науку в Латвии было недостаточным, а новые источники финансирования нашлись не сразу. Низкая оплата труда не способствует и привлечению в науку молодежи. Некоторые ученые, особенно молодые, уехали в страны, где научно-исследовательский труд оплачивается по достоинству, но еще интенсивнее происходила «внутренняя миграция» — из науки в профессии, которые гарантируют лучшую оплату.

Существенным для сохранения научного потенциала стало участие в различных международных программах и проектах. Большой вклад в подготовку академического персонала и студентов, а также в содействие исследовательской работе внесли Северные страны. В 1999–2002 годах ученые Латвии принимали участие в 5-й Рамочной программе исследовательского и технологического развития ЕС, а с 2002 года — в 6-й Рамочной программе. Латвийские ученые участвуют в программе «Эврика» — сотрудничестве стран Европы по разработке и внедрению инновационных гражданских технологий преимущественно на малых и средних предприятиях, в программах научного обмена с США; кроме того, Латвия также является страной-участницей программы научно-технического сотрудничества «Cost». В ноябре 2001 года Кабинет министров утвердил приоритетные направления науки для финансирования фундаментальных и прикладных исследований на 2002–2005 годы, это — информационные технологии, органический синтез и биомедицина, изучение материалов, наука о лесе и технология древесины, латтоника — латышский язык, культура и история.

В культуре стремительные перемены начались уже во времена Атмоды. Процесс освоения бывших недоступными до тех пор ценностей мировой и латышской культуры охватил все жанры.

Огромный интерес вызывали культура довоенной Латвии и эмиграции, произведения советских писателей и философов, которые до того были доступны лишь в «самиздате». На волне этого интереса появились новые культурфилософские и литературные журналы — «Avots» («Род-

ник»), «Grāmata» («Книга»), «Kentaurs XXI», новое дыхание обрели и существовавшие раньше издания, например, русский литературный журнал «Даугава», который, как и русское издание журнала «Родник», с большим интересом читали во всем Советском Союзе. В 1986 году впервые состоялись «Дни кино-86», которые позднее переросли в международный кинофорум «Арсенал». Он приоткрывает зрителю богатства мирового, особенно авангардного, киноискусства.

И что очень важно, началось воссоединение латышской культуры Латвии и зарубежья. Его символическим проявлением стал состоявшийся в 1990 году Праздник песни, в котором впервые приняли участие хоры и танцевальные группы латышей из-за рубежа. Этот процесс, как и вообще интеграция латышей Латвии и зарубежья, вначале протекал непросто, было немало предрассудков и взаимного непонимания, поскольку условия, в каких развивалась латышская культура по обе стороны «железного занавеса», были слишком несходными.

В целом в конце 80-х — начале 90-х годов все, что почти полвека было недоступным, лихорадочно опробовалось, переживалось, интегрировалось в социальный и профессиональный опыт интеллектуалов, сложившийся в условиях социализма.

Политическая и экономическая трансформация 90-х годов повлекла за собой не только приобретения, но и потери, были и свои трудности, в большей или меньшей степени повлиявшие на все области культуры. Культура получила известную автономию от политических процессов, однако вместе с тем и утратила свою социальную миссию — цель сохранения идентичности народа, которую она выпестовала при советском режиме. Различные увертки, поиски компромиссов, культура подтекста — то, что было необходимо для работы в советской системе, теперь стало излишним. В то же время умение говорить об интересующих общество проблемах на языке, отвечающем новым условиям, пришло не сразу. В первые годы независимости это вызвало известную растерянность, которая отразилась, например, в снижении посещаемости театров; в советское время популярность театра в большой мере зависела от его способности острее, чем в средствах массовой информации, откликаться на явления действительности.

Одновременно резко усилился напор массовой культуры. Социальная функция художественной литературы, особенно поэзии, существенно сузилась, к тому же литература оказалась под давлением конкуренции, поскольку на книжный рынок хлынули и заметные произведения новейшей иностранной литературы, и так называемое «чтиво» (детективы, «дамские» романы и т. п.). Аналогичные процессы происходили и на телевидении, и в театре,

киноискусстве, музыке, где нарастали как предложение, так и спрос на развлекательную продукцию; появились новые формы массовой культуры, например, «риэлити-шоу» на телевидении. Спротивляться этому напору было нелегко, тем более потому, что в условиях рыночной экономики финансирование следовало поставить на новую основу. В известной степени закономерно, что к новым условиям легче приспособились те связанные с культурой издания и учреждения, которые создавались заново или же были существенно реорганизованы, например, журналы «Rīgas Laiks» («Рижское время»), журнал изобразительного искусства «Студия», образованный в 1992 году Рижский Новый театр, спектакли которого, например, постановка «Ревизора» Гоголя (режиссер Алвис Херманис) получили международное признание. В 1995 году после реставрации был открыт дом Национальной оперы, где создано много спектаклей высокого качества: «Навуходоносор» Дж. Верди (постановка Гунтиса Гайлитиса, сценография Андриса Фрейбергса), «Аида» Дж. Верди (режиссер Мара Кимеле, сценограф Илмар Блумбергс) и др. Появилось много частных художественных галерей, которые устраивают выставки и успешно реализуют произведения художников.

Переход на рыночную экономику болезненнее всего отразился на тех жанрах искусства, которые требуют крупных капиталовложений; это особенно относится к киноискусству, где резкое сокращение государственного финансирования и непродуманный процесс приватизации в начале 90-х годов способствовали разрушению промышленной инфраструктуры. Прошло известное время, прежде чем новое поколение кинорежиссеров и продюсеров приобрело необходимое образование и опыт. Сотрудничество с зарубежными странами помогло в конце 90-х годов выпустить несколько фильмов, получивших признание как в Латвии, так и за рубежом, например, фильм «Добрые руки», совместное производство Латвии и Эстонии (2000, режиссер Пеэтер Симм), получил приз кинопрокатчиков на Берлинском международном кинофестивале, а картина Лайлы Пакалнини «Туфля» была показана на Каннском кинофестивале.

Большое значение для системы финансирования культуры имело учреждение Фонда культурного капитала. Задача фонда — привлекать, накапливать, управлять и распределять средства на реализацию культурных проектов и на пожизненные стипендии выдающимся деятелям культуры и искусства за вклад в развитие культуры и искусства. Государство также непосредственно финансирует театры, музеи и другие учреждения культуры, разного рода культурные мероприятия. Следует отметить, что не утратили своей роли творческие союзы, хотя их структура и функции в значительной мере изменились. В то же время появились и новые объединения творческой интеллигенции, например, «Ноасс».

Большое значение имела смена поколений, поскольку у поколения, пришедшего в различные жанры искусства и культуры в 90-е годы, было иное понимание своей социальной миссии и места культуры в обществе, чем у старших поколений. В этом отношении существенную роль сыграли постмодернистский взгляд на мир и вытекающие из него поиски нового языка искусства и новой образности. Это проявилось, например, в театре — в постановках режиссеров Дж. Дж. Джилинджера, А. Херманиса и др., в свою очередь, в поэзии, которая утверждала выраженную иерархию ценностей и взгляд на мир как на целостность (Имант Аузиньш, Марис Чаклайс, Кнут Скуениекс, Мара Залите, Имант Зиедонис), в 90-е годы появилось новое поколение, представляющее постмодернистские взгляды с новой системой ценностей и релятивизмом (Аманда Айзпуриете, Петерис Бруверис, Гунтар Годиньш, Анна Ранцане). В первой половине 90-х годов состоялось несколько выставок изобразительного искусства, которые стали ярким выражением профессионального мастерства и принципов художников среднего поколения (Иева Илтнере, Зане Илтнере, Вига Юрьяне, Сандра Крастиня, Илзе Нейланде, Айя Зариня, Янис Митревицс, Гирт Муйжниекс, Юрис Утанс, Эдгар Верпе и др.), — «Нежные колебания», «Пьяный корабль», «Корабль снова пьян».

Творческая интеллигенция включилась в мировой процесс, сотрудничая с зарубежными коллегами. Создавались разного рода структуры международного сотрудничества — Латвийское отделение Пен-клуба, «Ars Baltica» (с 1988 года) — сотрудничество стран региона Балтийского моря в области культуры и др. Наряду с традиционными видами и формами искусства развивались новые, например, мультимедийные выразительные формы в изобразительном искусстве. С 1993 года в Риге работает Центр современного искусства, который активно поддерживает поиски новых средств выражения в изобразительном искусстве. Латышское искусство получило признание в международном масштабе. Большое значение имело участие в международных бьеннале в Венеции. Успешно включились в европейский и мировой процесс музыканты и оперные певцы. Инесе Галанте и Эгил Силиньш выступали на многих известных оперных сценах. Успешно складывается и карьера таких исполнителей, как Сонора Вайце, Инга Кална, Элина Гаранча, Ингус Петерсонс, Николай Горшенин, Самсон Изюмов, и многих других. Очень много сделал выдающийся скрипач Гидон Кремер для ознакомления мира с музыкой латышских композиторов и латышскими музыкантами, что претворяет в жизнь созданный им оркестр «KREMERata Baltica».

Спорт. Латвия придает большое значение спорту как способу и средству заявить о себе. Об этом свидетельствует поддержка, оказываемая

Олимпийскому комитету, активное участие в зимних и летних олимпиадах, в разного рода спортивных играх и чемпионатах. В 50–80-е годы спортсмены Латвии демонстрировали выдающиеся достижения в баскетболе (рижская команда СКА была одной из ведущих европейских команд в мужском баскетболе в конце 50-х годов, в женском баскетболе лидировала команда рижского ТТТ; эта команда 21 раз побеждала на чемпионатах СССР, 18 раз — на европейских розыгрышах кубка чемпионов, четыре года провела без единого проигрыша на официальных играх), гребле, санном спорте и бобслее, легкой атлетике, хоккее. Этот потенциал сохранился.

Латвийские спортсмены в 90-е годы достигли значительных успехов на олимпийских играх, особенно в Сиднее, где Игорь Вихров завоевал золотую медаль в гимнастике, Айвар Фадеевс — серебряную в спортивной ходьбе, а Всеволод Зеленый — бронзовую в борьбе дзюдо а также в летних Олимпийских играх 2004 года, где латвийские спортсмены завоевали четыре серебрянные медали. В последние годы высоких результатов добились и латвийские хоккеисты, которые в 2004 году на мировом чемпионате в Праге заняли 7-е место. Значительным успехом было и участие сборной Латвии по футболу в чемпионате Европы в 2004 году. Надо отметить, что многие выдающиеся спортсмены-балтийцы работают и в зарубежных спортивных клубах, например, Артур Ирбе, Сандис Озолиньш и др. — в клубах НХЛ. Велогонщик Роман Вайнштейн завоевал титул чемпиона мира в шоссейных гонках.

Пусть достижения латвийских спортсменов могут показаться скромными на фоне «спортивных держав», однако с учетом численности населения страны они весомы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории Латвии XX век занимает особое место, ибо за эти сто лет был достигнут безусловный прогресс в развитии общества, произошли решающие изменения во многих сферах жизни и не однажды менялись политические условия существования латышского народа. В начале столетия, когда Латвия находилась в составе Российской империи, латыши как общность уже представляли собой этническую нацию, которую объединяли происхождение, родной язык, особенности культуры и национальное самосознание. Этот период в истории Латвии характеризовался высоким социальным напряжением, вызванным национальным угнетением, кульминацией которого стала революция 1905 года, доказавшая, что латышский народ из объекта истории становится ее субъектом. И хотя в революционных событиях доминировали левые антинациональные силы, народное движение приобрело характер национально-освободительной борьбы. В определенных латышских кругах возник интерес к вопросу о необходимости создания латвийской государственности, который в ходе дальнейшего развития событий получил продолжение. Однако только в результате Первой мировой войны возникли реальные предпосылки претворения в жизнь идеи национальной независимости Латвии. Провозглашенная 18 ноября 1918 года Латвийская Республика стала воплощением естественного стремления латышского народа слить воедино этническую и политическую общность. В Латвийском национальном государстве существовало мультикультурное общество.

За годы существования Латвийского государства были достигнуты большие успехи во многих областях жизни. Постепенно Латвия все больше входила в Европу и в целом стала соответствующим ее стандартам государством. Сравнительно быстро и успешно Латвия ликвидировала жесточайшие последствия Первой мировой войны и достигла расцвета в различных сферах социальной и экономической жизни. В 20–30-е годы наблюдается рост сельского хозяйства, промышленности и внешней торговли, что позволило Латвии стать государством среднего уровня развития. В Латвии достаточно хорошо были развиты финансы, а с введением системы больничных касс она довольно быстро достигла международного

уровня в сфере социального страхования. Латвия — яркий пример также того, что и страны Восточной Европы, где довольно высок процент национальных меньшинств, могут, хотя бы временно, найти *modus vivendi* в отношениях с меньшинствами. И наконец, в период между мировыми войнами Латвия развивалась как подлинно культурная страна, для которой одним из приоритетов была поддержка культуры и образования. Мало где еще в Европе молодежь так стремилась к образованию, как в Латвии. В стране достигла расцвета национальная литература и искусство, родились новые таланты, которые с честью представляли Латвию за рубежом. Культура и образование дали латышскому народу неоценимую духовную силу благодаря которой народ вынес долгие и трудные годы оккупации.

Черным днем в истории Латвии стало 17 июня 1940 года, когда страна была оккупирована советскими войсками; была разыграна комедия с марионеточным правительством А. Кирхенштейна, фальсифицированными результатами выборов и включением Латвии в состав Советского Союза. В истории Латвии начался третий период оккупации, который в общей сложности продолжался более пятидесяти лет и стал для народа Латвии и ее исторической судьбы трагическим и опасным поворотом. Осуществляемая и нацистской Германией, и Советским Союзом репрессивная политика (Холокост, сталинские депортации и пр.) углубили интеллектуальный вакуум в Латвии, который возник с репатриацией балтийских немцев. Советская оккупационная власть, хозяйничавшая в Латвии 47 лет, истощила ее природу, разрушила экономику, втянула население в социалистический эксперимент, разместила на ее территории непомерно большой контингент вооруженных сил, наводнила страну сотнями тысяч людей других национальностей, превратив латышей чуть ли в национальное меньшинство на своей собственной земле. Ситуацию усугубляла неуклонно проводимая политика русификации, недоступность объективной информации, а также запрет на свободное передвижение. Целых два поколения в Латвии утратили связи с западной культурой и возможность получить всестороннее образование. В первое время были затруднены контакты и связи латышей с соотечественниками, которые в конце Второй мировой войны эмигрировали и оказались по ту сторону «железного занавеса».

С международной точки зрения, аннексия и инкорпорация Латвии, Литвы и Эстонии летом 1940 года была незаконной. И хотя страны Балтии были недееспособны, в представлении более 50 стран мира они по-прежнему продолжали существовать в качестве субъектов международного права. Непризнание аннексии и инкорпорации было чрезвычайно важным фактором для балтийских народов, так как давало им возможность все время ссылаться на это и активизировать требование о прекращении

советской оккупации, помогло Латвии, Литве и Эстонии при восстановлении независимости в 1990–1991 годах, когда их в кратчайшее время признали многие страны мира. Это открыло широкие возможности для восстановления дипломатических отношений примерно со 140 государствами. Латвия является членом многих международных организаций. Уже 10 сентября 1991 года она стала членом Европейского Сопровожения по безопасности и сотрудничеству. Спустя неделю Латвия стала членом ООН, а 15 октября была принята в ЮНЕСКО.

После 21 августа 1991 года, когда Латвия восстановила независимость, главной внутриполитической проблемой стало формирование и укрепление демократических основ независимого государства, что было реализовано весной 1993 года, когда в полном объеме была восстановлена сформулированная Сатверсме (Конституцией) 1922 года политическая система и структура власти. Столь же важной задачей было создать заново институты, подтверждающие суверенитет страны (вооруженные силы, внешнеполитическое министерство), ввести в обращение национальную валюту, осуществить переход на рыночную экономику, а также добиться окончательного вывода с территории Латвии частей Российской армии. Этот процесс, продолжавшийся несколько месяцев, начался с подписания 30 апреля 1994 года договора между Россией и Латвией. Вывод российских воинских частей поставил точку на полувекковой оккупации и открыл Латвии дорогу к началу интеграции в евроатлантические структуры безопасности, в экономические и политические структуры. Символически он завершился весной 2004 года, когда Латвия вступила в ЕС и НАТО, подчеркнув тем самым свою принадлежность к западному миру.

Включение Латвии в евроатлантические структуры — чрезвычайно важная и незаменимая предпосылка укрепления внешней безопасности государства, стабильности и благополучия в будущем. Однако длительное пребывание Латвии в подчинении Востоку — России оставило весьма тяжелое наследие и немало трудноразрешимых проблем. Сейчас Латвия — одна из беднейших стран ЕС, средний уровень доходов на одного жителя примерно в 4–5 раз ниже, чем в благополучных странах Европы, при несовершенной системе социальной помощи. Редко когда в Латвии был столь сложным, острым и доведенным до крайности отдельными безответственными политиками национальный вопрос, как это наблюдается сегодня. В основе сложной ситуации нежелание крупнейшего в Латвии национального меньшинства — русских (29% населения страны) смириться с политической реальностью и потерей прежнего привилегированного положения. Часть русских считает, что они в политическом, культурном и языковом отношении дискриминированы. Им трудно свыкнуться с мыслью, что

живут они не в Советском Союзе, а в независимой Латвии. Стабилизацию положения затрудняет и Россия, превратившая в декоративный элемент своей внешней политики защиту местного русского населения. Однако в этом напрасно искать подлинную заботу о людях.

Международные эксперты неоднократно и однозначно заявляли, что в Латвии не нарушаются права национальных меньшинств и не задеваются их интересы. Латвийское государство пытается осуществить взвешенную, основанную на современных либерально-демократических нормах и ценностях этническую политику. Каждый негражданин имеет право натурализоваться и получить гражданство. Гражданство определяет принадлежность живущего в стране к политической нации, а также определяет взаимные права и обязанности гражданина и государства. Происходящие в последние годы процессы свидетельствуют, что в Латвии, хоть и медленно, но формируется политическая нация по типу традиционной западной нации.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абеле Адолф 222
Аболиньш Я. 282
Абызов Юрий 384
Адамсонс Эрик 299
Азарова Людмила 384
Айзпуриете Аманда 459
Акментыня Даце 100
Акуратерс Янис 60, 77, 300
Александр I 28, 109
Албагс Херманис 176
Алкснис Янис 102
Алнор Вальтер 254
Алунанс Юрис 31
Альберт, епископ 19
Андерсонс Эвалд 253
Андерсонс Янис 257
Андреев Андрей 240, 245
Андреев Виктор 384
Анна Иоанновна 25
Анцанс Роберт 275
Аператс Карлис 273
Арайс Виктор 262, 268
Арнольд Энгельберт 93
Асарс Янис 61
Аспазия (Элза Розенберга) 98, 217
Астра Гунар 336, 346
Аугусте Ольга 235
Аузанс Андрей 79
Аузиньш Имант 381 459
Аушкапс Юлий 214
Афанасьев Михаил 234
- Бааль Вольдемар 384
Балодис Карлис 94, 195
Балодис Янис 129, 163, 169
Бальфур Артур Джеймс 115
Банга Тия 100, 301
Бангерскис Рудольф 79, 259, 272, 276
Банкавс Янис 77, 109
Барда Фрицис 98, 300
- Баронс Кришьянис 31, 94
Барт Хорст 268
Багистини Матиа 106
Баторий Стефан 25
Бать Нина 384
Белов Дмитрий 232
Белшевица Визма 381
Бельцова Александра 215
Бенефелде Ада 106
Беньяминьш Антон 226
Бергс Арвед 57, 62, 75, 143, 144, 150,
155, 156, 158, 169
Берендт Герман 260
Берзиньш Алфред 158, 163, 171
Берзиньш Рудолф 220, 225
Берзиня Лилита 219
Берзиньш Э. 282
Берия Лаврентий 369
Беркис Кришьянис 160, 163, 169
Берклавс Эдуард 244, 320, 326, 346,
371, 372, 375, 376
Бермондт Павел 128-130, 132, 220
Берчи Макс 101
Бесеков Арно 268
Биетагс Эдвин 229
Билманис Алфред 179
Билманис Роберт 329
Бильдт Карл 440
Бине Е. 302, 303
Бирзе Миервалдис 381
Биркавс Валдис 421
Бирон Эрнест Иоганн 25
Бисениекс Петерис 57
Бланкс Эрнест 77, 171
Бланкс Янис 109
Блауманис Рудольф 99, 302
Блѣдниекс Адолф 159, 163
Блех Лео 221
Блумбергс Илмар 458
Блумс В.103

- Блумс Рафаэль 377
Бокслаф Вильгельм 102
Болс Пюрс 93
Борман Мартин 258, 259
Босенкет Вивьен 123
Бочс Кришьянис 65
Брамберга Элвира 219
Браун Георг 27
Бредрих Сильвио фон 74
Брезгин Александр 246
Брейкшс Леонид 156, 243, 300
Брейкшс Янис 233, 283
Брёмер Вальтер 254
Бресис Вилнис Эдвин 401
Брехман-Штенгеле Милда 220, 221,
302
Бриан Аристид 176
Бригадере Анна 99, 100, 301
Бриедис Фридрих 88
Бруверис Петерис 459
Бука Микелис 249
Бунин Иван 218
Бумейстерс Карлис 329
Бушевицс Ансис 57, 61, 65, 147, 152,
159
Бушевицс Жанис 57
Бюлов Бернхард 198
- Вагрис Янис 401
Вагуланс Мартиньш 262, 268
Вазнис Алоиз 405
Вайнштейн Роман 460
Вайце Сонора 459
Валдемарс Кришьянис 31
Валденс Паул 93
Валдманис Алфред 252, 257, 258, 278,
281
Валтерс Микелис 33, 57, 59, 66, 69,
70, 72, 82, 111, 116, 157
Валтерс Янис 104
Вальтер Бруно 106
Ванагс Александер 102
Ванагс Густав 214
- Ванагс Петерис 257
Ванагс Янис, священник 389
Ванагс Янис, министр земледелия
239
Вацietис Иоаким (Юокум) 79, 88
Вацietис Ояр 381
Веверс Янис 334
Вейнберг Фридрих 68, 111, 136
Вейнберга Эмилия 244, 338
Вейнбергс Фрицис 57
Вейсбергс А. 282
Вейсс Волдемар 257, 266, 274
Вейцс Рейнхолд 100
Велдре Вилис 243
Вербовскис Виктор 233
Вернере Милда 371
Верпе Эдгар 459
Верхарн Эмиль 81
Веселис Янис 300
Ветра Марис 302
Вигнере-Гринберга Малвине 106
Вигнерс Леонид 222
Видбергс Сигисмунд 214, 215, 227,
302
Вилзак Анатол 223
Виестуре Эмилия 219
Виестурс 19, 167
Вика Хилда 300
Вике-Фрейберга Вайра 421
Вильгельм II 115
Вильсон Вудро 176
Вильсон Гарольд 414
Винниг Август 118, 121, 125
Винтерс Янис 228
Вирза Эдварт 155, 156, 171, 218
Висвалдис 19
Витолс Эдуард 303
Витолс Язеп 105, 214, 221
Витрок Хуго 254
Вихров Игорь 460
Власов Андрей 297
Восс Август 378
Врангель Петр 133

- Вульфсон Маврик 397
Вышинский Андрей 232
- Гайлитис Гунтис 458
Галанте Инесе 459
Галдыньш Николай 275
Галиньш Петерис 267
Гаранча Элина 459
Геббельс Йозеф 296
Гейстуте Эрна 302
Гердер Иоганн Готфрид 27
Геринг Герман 258, 287
Германис Улдис 70
Германис Янис 219
Гибиетис Янис 371
Гиммлер Генрих 254, 258, 260, 265,
268, 270, 274, 276
Гитлер Адольф 149, 162, 165, 199,
208, 210, 253, 271, 278, 309
Глазникс Освалд 302
Глюк Эрнест 26
Говард Эсме 126
Годиньш Гунтар 459
Годманис Ивар 404, 412, 416, 421
Голдманис Янис 69, 71, 75, 76, 78, 84,
114
Гольц Рюдигер фон дер 124, 127
Гопер Микелис 227
Гопперс Карлис 79, 88, 160
Горбатов Александр 375
Горбачев Михаил 395, 398, 402, 405,
406, 411, 439
Горбунов Анатолий 401, 404, 420
Горшенин Николай 459
Гослер Альфред фон 73
Гревиньш Валдис 329
Грегорс Янис 285
Григулис Арвид 232, 380
Грике Мирдза 224
Гринбергс Алфред 213
Гринс Александр 243
Гринфелде Милда 329
Гросбартс В. 282
- Гросбергс Оскарс 301
Гросбергс Янис 276
Гросвалдс Язеп 105, 215
Гросвалдс Фридрих 63
Гротс Янис 219
Грундис Илмар 246
Грундулис Д. 282
Гугенбергер Альфред 74
Гулбис Ансис 97, 219
Гулбис Вилис 164
Густав Адольф 26
- Далиньш Янис 229
Данкерс Оскар 256, 258, 272, 277
Дарбиньш Освалдс 377
Дарзиньш Вольфган 222
Дарзиньш Эмиль 106
Деглавс Виктор 253
Дедаев Николай 249
Демин Никита 372, 376
Дзилюмс Алфред 226
Джиллинджер Дж. Дж. 459
Дзерве Паул 355, 371, 372, 377
Дзержинский Иван 222
Дзисесма Фрицис 300
Дильфер Курт 296
Динбергс Анатол 436
Динере Цецилия 380
Добровенский Роальд 384
Домбровскис Фрицис 244
Доронина-Ласмане Лидия 346
Дорошенко Фрида 384
Древиньш Александр 215
Дрекслер Отто Хейнрих 253, 256-258,
281, 292, 294, 302
Дрейманис Павил 228
Друи Элза 303
Дубин Мордхай 211
Дубурс Екаб 100
Дунсдорфс Эдгар 113, 159, 166
Дягилев Сергей 223
- Егерс Юлий 302

- Екатерина I 26
Еккельн Фридрих 254, 258, 263, 267-
270, 276, 285
Елисеев Григорий 234
Ельцин Борис 326, 406, 408, 412
Есенс Андреис 96, 97
- Жаботинский В. (З.) 212
Жданов Андрей 232
Жданова Лидия 384
- Загарс Волдемар 257
Зале Карлис 215
Залите Мара 459
Залите Элина 300
Залитис Янис 69, 75, 76, 84, 123
Залькалнс Теодор 105, 215
Замуэлс Валдемар 78, 114, 233
Зариньш Карлис 185, 436
Зариньш Рихард 104, 196, 303
Зариньш Янис 221, 301
Зариня Айя 459
Зарс Янис 249
Зебериньш Индрикис 303
Зевин В. Г. 236
Зекс Рудольф 265
Зект Хельмут фон 74
Зеленый Всеволод 460
Зелтыньш Теодор 300
Земгалс Густав 119, 121, 136, 149,
153, 156, 161
Земзарис Улдис 382
Земсков Николай 327
Зиверте Мартиныш 301
Зигерист Иоахим 428
Зиедонис Имант 381, 459
Зиемелис Юрис 336
Зиемельниекс Янис 219
Зузе Зигурд 382
- Иван Грозный 23
Иванов 277
Иванс Дайнис 396, 400, 408, 416
- Изюмов Самсон 459
Илтнере Зане 459
Илтнере Иева 459
Ирбе Артур 460
Ирбите Адолф 194
Игельман Алфред 208
- Казакс Екаб 105, 214, 215
Казанова Джакомо 25
Кактыньш Адолф 106, 220
Калейс Конрад 263, 265
Калеп Теодор 93
Калиостро Александро 25
Каллистратов Мелетий 205, 234
Кална Инга 459
Калинберзиньш Янис 242, 312, 318,
320, 327, 328, 334, 362, 370, 375,
377
Калинете Сандра 399, 416
Калнингс Ринголд 195, 196
Калниньш Ояр 436
Калныньш Алфред 105, 106, 221, 380
Калныньш Арвид 384
Калныньш Бруно 160, 283, 284, 298,
427
Калныньш Виктор 336
Калныньш Николай 188
Калныньш Паул 57, 111, 153, 160, 283
Калныньш Янис 79, 221, 222
Калныня Клара 57
Калпакс Оскар 124
Калпиньш Волдемар 375
Каминскис А. 280
Кандис Рудолф 277
Карл XII 26
Каспарсонс Карлис 213
Каулиньш Эдгар 323
Каупенс Ансис 147
Кац Аркадий 384
Качалов Василий 219
Кашников Федор 371
Квисесис Алберт 143, 149, 159, 161,
166, 167

Кезберс Ивар 401
Кемпе Мирдза 380
Кениньш Атис 135, 203, 233, 243, 300
Кения Анна 77
Керзон Джордж 131
Кимеле Мара 458
Кирхенштейн Аугустс 232, 235, 462
Кларк Чарльз 93
Клемансо Жорж 126
Клибикис П. 282
Кливе Адолф 113, 155, 156, 192, 283
Клигер Олга 217
Клинтон Билл 445
Клинтс Анта 219
Клуцис Густав 216
Клява Карлис 229
Клява Янис 302
Клявиньш Роберт 232
Кнехт Макс 254, 275
Колчак Александр 126, 140
Комисарс Волдемарс 223
Комиссаржевская Вера 100
Костенецкая Марина 384
Косыгин Алексей 414
Коциньш Фрицис 185, 259
Крастиньш Янис 103
Крастина Сандра 459
Кресткалнс Андрей 82, 111
Крестс Гунгарс 418
Краузе Курт 265
Крауце Э. 225
Крегер Эрхард 208
Крейтусе Илга 422
Крейцберг Янис 69, 114
Крейшманис Эрнест 252
Кремер Гидон 459
Кривицкий Зиновий 246
Крипенс Арвид 273
Кродерс Артур 171
Кронвалдс Атис 31
Круминьш Вилис 318, 371,
Куга Янис 101, 104, 302
Кузнецов Сергей 47
Кузьмин Федор 412
Купер Эмиль 221
Курелис Янис 263, 284, 285
Курземниекс Карлис 139
Куфальдт Георг 102
Кушакс Замуэл 246
Кьюбнерс Манфред 301
Лайценс Линард 77, 109
Ламекин 19
Ламс Висвалдис 381
Ланге Рудольф 254, 260, 264, 281
Лапениекс Вилис 225
Лапиньш Янис 171
Ласе Иева 329
Латковскис Викентий 232, 234, 235
Лаубе Эйжен 102
Лауманис Эрнест 275
Лацис Вилис 225, 232, 234, 370, 375,
377, 380
Лацис Теодор 100
Леоб Вильгельм фон 249
Лейньш Паул 387
Леймане Илона 300
Лейманис Оскар 257
Леманис Освалдс 224
Лембергс Александр 224
Ленин Владимир 85
Леопольд, принц Баварский 112
Лесиньш Кнут 299
Лещенко Петр 228
Либерте Лудолфс 214, 215, 224
Лиела А. 282
Лиепиньш Петерис 285
Линде Кристап 225
Литвинов М. 180
Ллойд Джордж Дэвид 134
Лозе Хинрих 253, 255, 258, 264, 268,
287, 289, 290, 292, 294, 297, 298
Лоренцс Карлис 282
Лоренцс Клавс 152, 329
Лужков Юрий 448
Лукс Валдис 380

- Луриньш Антон 372
Луце О. 214
Лютер Мартин 22
- Мадерниекс Юлий 104
Макдональд Жан Этьен 28
Максимилиан, принц Баденский 116
Манасеин Николай 29, 32
Маннергейм Карл Густав 229
Манцель Георг 25
Марджанов Константин 100
Марниц Харийс 256
Мартиус Георг 164
Масак Александр 154
Матвейс Волдемар 104
Мауриньш Юрис 382
Мауриня Зента 300
Медем Вальтер Эберхард фон 254
Медьньш Янис 106, 222
Межгайлис Бруно 391
Межс Илмар 390
Мейеровицс Зигфрид Анна 78, 82,
114, 125, 129, 130, 133, 134, 146,
152, 154, 173, 195
Мелнгайлис Эмилис 105, 222
Мельников Петр 220
Мендерс Фрицис 111, 143, 147, 152,
159, 329
Меркелис Гарлиб 27
Меркис Антанас 234
Меркулов Всеволод 277
Мескупас-Адомас Ицик 243
Миезис Янис 259
Миеркалне Зинта 303
Миерлаукс Алексис 101
Михелсонс Арвед 219
Милтс Фридрих 302
Мильеран Александр 134
Миносян Я. 330
Мисиньш Аугуст 79
Мисиньш Янис 94
Митревицс Янис 459
Михелсонс А. 330
- Мишутин Александр 338
Молотов Вячеслав 185, 240
Мосьщицкий Игнаций 93
Муйжниекс Гирт 459
Мунтерс Вилхелмс 163, 180, 182, 184,
209
Мунцис Янис 219
Мурын Соломон 147
Мурмилов И. 330
Муссоллини Бенито 157, 165
Муцениекс Юлий 285
Мухитдинов Нуриддин 376
Мэтлок Джек 396
Мюленбахс Карлис 94, 213
Мюллер Герман 128
- Намейс 19, 167
Натхер Ф. 296
Нейланде Илзе 459
Нейландс Роберт 243
Нейманис В. 282
Нейман Вильгельм 102
Ниедра Аида 300
Ниедра Андриевс 58, 125, 127, 128,
136, 138
Никель Зигфид 265
Николай II 53, 72, 78
Никонов Александр 371, 372, 377
Новикс Алфонс 235, 244
Нонаце Отто 82
Норвилс Янис 301
Нурок Мордхай 211
- Озолиньш Арвидс 224
Озолиньш Карлис 370, 375
Озолиньш Волдемар 160
Озолиньш Сандис 460
Озолс Вилис 160
Озолс Волдемар 83
Озолс Карлис 263
Озолс Янис 57, 61, 69
Олавс Вилис 57, 75, 252
Осис Роберт 260, 266, 275

- Оствальд Вильгельм 93
Ошкалис Оттомар 286
- Пакалниня Лайла 458
Пакуль Элфрида 222
Палцманис Янис 114
Панасенков 322
Паулюкс Карлис 114, 143
Пашков Михаил 53
Пекшенс Константин 102
Пельше Арвид 371, 375, 376
Перле Рудольф 104
Петерс Янис 381, 399
Петерсен Л. 253
Петерсонс Ингус 459
Петерсонс Карлис 87
Петкус Виктор 346
Петр I 26
Петрикалис Алфред 214
Пизанс Павел 371, 375, 377
Пилсудский Юзеф 145
Пильхау Адольф Пилар фон 118
Пинксис Индрикис 371
Платайс Я. 282
Плате Модрис 389
Платес Эрнст 95
Пленснерс Александр 251, 253
Плепис Янис 227
Плеттенберг Вальтер фон 23
Плудон(и)с Вилис 98
Плуцис Харий 224
Пол Пот 448
Поле Эрнест 103
Поммерс Янис 205
Пономарев Николай 376
Порукс Екаб 302
Порукс Янис 98, 99, 300
Приеде Анна 224
Приеде Гунар 381
Приедкалис Андрей 69, 82
Приманис Мартыньш 257, 298
Прокофьев Сергей 380
Пуго Борис 397
- Пуксис Э. 302
Пумпанс Алфред 232
Пумпурс Андрейс 374
Пурвитис Вилхелмс 104, 214, 303
Путин Владимир 448
Пфейфере Эдите 224
Пюклер-Бургхауз фон 125, 273
Пятс Константин 234
- Радзиньш Петерис 154
Райнис (Плиекшанс) Янис 32, 77, 98,
101, 142, 216-218, 301, 380
Ранцане Анна 459
Ранцанс Никодем 75
Ранцанс Язеп 283
Растрелли Бартоломео 25
Ратыньш Петерис 286
Ребергс Рихард 268
Рейнберг Август 102
Рейнгардт Макс 100
Рейтерс Теодор 220, 222
Репше Эйнар 427, 428
Риббентроп Иоахим фон 183, 259
Рикен 254
Рипс Илья 347
Роде Гунар 336
Роден Огюст 105
Рожлапа Петерис 221
Розенберг Альфред 253, 255, 258, 279,
287, 290, 295-298, 303
Розенталс Янис 104
Розенштейнс Хуго 163
Розиньш Фрицис 57, 59, 86
Рокк Франц фон 254
Ролавс Эрнест 57
Ротко Марк (Маркус Роткович) 216
Рубенис Роберт 285
Рубенис Юрис 389
Рубикс Алфред 401, 405, 412, 429
Рубулис Янис 114
Рудевицс Ансис 147
Рудзитис Хелмар 227
Рузвельт Франклин Делано 212, 306

- Рузский Николай 80
Русаков Сергей 232
Рустейкис Александр 225
Руцелис Янис 277
Руя Эдгар 246
Рязанов Василий 318
- Сааре Карл 243
Савинков Борис 88
Саксе Анна 380
Сакс Паул 106
Сала Лаймонис 246
Салеев Николай 375
Салнайс Волдемар 283
Самсонс Вилис 286
Сартс Янис 300
Саулиетис Аугуст 66
Свемпс Лео 302
Сельмаа (Сильямаа) Ю. 180
Сергеев Николай 223
Сескис Янис 125
Сигизмунд II Август 25
Силгайлис Артур 259
Силиньш Эгил 459
Силмале Майя 329
Симм Пеэтер 458
Скавронская Марта 26
Скалбе Карлис 77, 98, 111, 157, 212,
233, 300
Скаллаграмсон Эгилл 18
Скуевицс Янис 257
Скуениекс Кнут 382, 459
Скуениекс Маргер 69, 70, 111, 119,
143, 146, 167, 203
Скулме Ото 215
Скулме Уга 227
Сметона Антанас 185, 231
Смилъгис Эдуард 219, 301
Снечкус Антанас 243
Снипс Артур 396
Собинов Леонид 106
Соболев Виталий 398, 401
Солдниекс Эрнест 241, 244
- Сологуб Василий 66
Сосарс Бурхард 219
Спекке Арнолд 70, 436
Спрогис Артур 286
Спуре Жанис 233, 234, 242, 243
Сталин Иосиф 165, 183, 222, 233, 234,
240, 243, 306, 309, 310, 317, 334,
335, 339, 352, 369
Стендер Готхард Фридрих 25
Страдыньш Паул 387
Страуме Янис 422
Стрелерте Вероника 300
Стрипки Карл фон 296
Строк Оскар 228
Струнке Никлав 215, 219, 302
Стул Макс ван дер 446
Стучка Петерис 32, 57, 68, 87, 109,
123, 124, 127, 152, 188, 217
Судмалис Имант 249, 286
Судрабкалис Янис 219, 380
Судрабс-Лацис Мартынь 87
Супе Петерис 340
Сута Роман 214, 215, 227
- Таберт Гюнтер 267
Танров Александр 100
Таманис Янис 246
Тангиева-Бирзниене Хелена 224
Тейдеманис Херберт 262
Тепферс Вернер 283, 284
Тоне Волдемар 215
Трампедах Фридрих 298
Транзее-Розенек Астаф 53
Трасунс Францис 69, 82
Траубергс Эдуард 116
Трофимов Сергей 205
- Убанс Конрад 214
Удре Ингрида 422
Улманис Гунтис 417, 421
Улманис Карлис 12, 66, 82, 111, 118,
121, 124, 127, 130, 136, 140, 142,
144, 145, 147, 151, 154, 155, 157,

- 159, 161-164, 167-170, 172, 180,
184, 185, 188, 190, 191, 194, 197,
204, 206, 209, 211, 223, 225, 231,
234, 243, 329, 420, 421, 427
- Упелниекс Кристапс 284, 285
Упит Андрей 99, 217, 380
Упитис Карлис 109
Урбанс Харалд 246
Утанс Юрис 459
- Фадеевс Айвар 460
Федорова Александра 223
Фелькерзам Гамилькар фон 29
Фительберг Гжегож 106
Фишерс Валдемар 93, 214
Филипсонс Артур 219
Францис Густав 79
Францкайтис Г. 246
Фрейбергс Андрис 458
Фрейбергс Арвид 246
Фрейманис Гунар 336
Фридман Файвиш 371
Фридрихсонс Курт 329
Фридрихсонс Янис 160, 164
Фуст Иоахим 254
Фюрскер Кристофер 25
- Хаман Иоахим 267
Ханзен Герман 254
Хартманис Мартыньш 163
Хейзе Карл 268
Хейльман Николаус 273
Херманис Алвис 458
Хермановска Паула 303
Хермановскис Эгилс 303
Хилперт Карл 260, 274
Хиршс Роберт 193
Хобсбаум Эрик 228
Хрушев Никита 347, 355, 364, 370,
374, 375
- Цалитис Инт 346
Цандер Фридрих 93
- Цапш Вальтер 194
Цедриньш Вилис 300
Цейтлин Буби 211
Целминьш Густав 146, 156, 169, 253,
270, 281, 282
Целминьш Хуго 146, 151, 233
Целмс Янис 299, 302
Центнершвер Мечислав 93, 213
Циеленс Феликс 77, 143, 145, 147,
176, 283
Циммерманис Артур 101, 104
Цинис Янис 246
Цирквиз Рудольф 102
- Чаклайс Марис 381, 459
Чакс Александр 218, 380
Чаксте Константин 233, 283, 284, 298
Чаксте Минтаутс 233
Чаксте Янис 69, 75, 82, 84, 114, 119,
125, 137, 142, 145, 146, 149, 153,
155, 347
Чаупала А. 280
Чемберлен Остин 176
Чепанис Алфред 422
Черковский Павел 371
Чермакс Я. 282
Черчилль Уинстон 306
Чехов Михаил 219, 220
Чюрленис Константин 104
- Шаляпин Федор 106
Шапирос Адольф 384
Шаталин Николай 318
Шац-Анин Макс 329
Швабе Арвед 188
Швейцс Эраст 215
Швунг 254
Шеель Генрих 102
Шереметев Борис 26
Шернер Фердинанд 274
Шеффель Фридрих 102
Шиманс Паулс 208
Ширрен Карл 53

Шкапарс Янис 399
Шкеле Андрис 423
Шкилтерс Густав 105
Шлюпас Ионас 110
Шмелинг Рейнгольд 102
Шмитс Петерис 94, 213
Шмитхене Мирдза 219
Шнефогт Георг 106
Шостакович Дмитрий 380
Шполянский Леонтий 205
Шредер Вальтер 254
Шталбергс Эрнест 387
Шталеккер Вальтер 251, 254, 260,
262, 264, 266, 268, 278
Штреземан Густав 176
Штрекенбах Бруно 274
Шулт Хинрих 274
Шустин Семен 235, 244, 246

Эберт Фридрих 117, 118
Эберхардт Матиас 129
Эгле Рудольф 301
Эглит А. 312
Эглите Парсла 390
Эглитис Аншлав 299, 301
Эглитис Виктор 77, 109
Эзера Регина 382
Эйзенштейн Михаил 102

Эйзенштейн Сергей 225
Эйнбергс Бернхард 163, 252, 278
Элиас Гедерг 302
Элиас Кристап 329
Элингер Эрих 267
Элксне Ария 381
Эмсис Индулис 423
Эндзелин Янис 94, 213, 387
Эндрес Вальтер 277
Эрика Лилия 100, 219
Эрлихман Вадим 327
Эртнере Фелицита 219

Юнкерс Александр 227
Юргенс Янис 369
Юровский Юрий 219
Юрсонс Валдис 262
Юрьяне Вита 459

Ябловскис Янис 303
Ядловкер Герман 106
Якоб (Екабс), герцог 24
Янсонс Мартыньш 281
Янсонс-Браунс Яннис 33, 57, 65
Янумс Вилис 274
Яунсудрабиньш Янис 99, 300, 301
Яхимович Янис 347

Авторы фотоснимков: Юрис Бокумс, Андрис Эглитис,
Г. Григалис, Юрис Круминьш, Борис Колесников,
Мартиньш Лапиньш, Янис Лерхс, Янис Риекстс,
Вилис Ридзениекс, Аугустс Ростокс, Валдис Семенов

Книга «История Латвии: XX век» основана на обширном материале и представляет читателю объективную картину истории Латвии века минувшего. Особое внимание уделено развеиванию укоренившихся мифов. История страны, ее важнейшие факты и процессы рассматриваются во взаимосвязи с историей Европы и оцениваются с позиций Латвийского государства.

Перед нами современная книга о развитии государства в XX веке. Прделана важная работа, и теперь широкая общественность, академическая среда, студенты, школьники, все, кого интересует история, смогут получить реальное представление о событиях недавнего прошлого.

Вайра Вике-Фрейберга
Президент Латвии

ISBN 9984-05-866-2

WWW.LATVIJAS
GATAVI
LATVIJAS
GATAVI